thebigbook

ДЕБОРА ХАРКНЕСС

Тень ночи

ДЕБОРА ХАРКНЕСС

Тень ночи

Потрясающая история о магии, науке и запретной любви.

People

ДЕБОРА ХАРКНЕСС

Тень ночи

РОМАН

ВСЕМ, КОМУ ПОНРАВИЛИСЬ «СУМЕРКИ» СТЕФАНИ МАЙЕР И «ВАМПИРСКИЕ ХРОНИКИ» ЭНН РАЙС!

the book

ОТКРЫТИЕ ВЕДЬМ

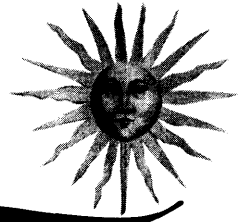
●

ТЕНЬ НОЧИ

●

КНИГА ЖИЗНИ

ДЕБОРА ХАРКНЕСС

ТЕНЬ НОЧИ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
Х 21

Deborah Harkness
SHADOW OF NIGHT
Copyright © Deborah Harkness, 2012
All rights reserved
This edition published by arrangement with **Viking**, an imprint
of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC.

Перевод с английского Игоря Иванова

Оформление обложки Виктории Манацковой

© И. Б. Иванов, перевод, 2018
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

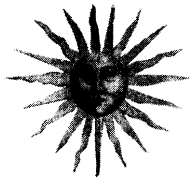
ISBN 978-5-389-13807-0

Посвящается Лейси Болдуину Смиту,
историку и непревзойденному рассказчику,
сказавшему однажды,
что мне стóит написать роман

Прошлое лечению не поддается.

Елизавета I, королева Англии

ЧАСТЬ I

ВУДСТОК. ОЛД-ЛОДЖ

Глава 1

Куча-мала из ведьмы и вампира — таким было наше прибытие. Мэтью оказался подо мной, неуклюже согнув свои необычайно длинные руки и ноги. Между нашими телами была зажата объемистая книга. Мы приземлились с такой силой, что мои пальцы, сжимавшие серебряную фигурку, разжались, и она пролетела над полом.

— А мы туда попали?

Мои глаза были плотно зажмурены на случай, если мы не перенеслись в английский Оксфордшир XVI века, так и оставшись в Сарином амбаре для хмеля и, стало быть, в штате Нью-Йорк XXI столетия. Однако незнакомые запахи подсказывали, что я уже не в амбаре и не в своем времени. Ноздри улавливали травянистый сладковатый запах, а вместе с ним — запах воска, напоминавший о лете. Затем я уловила аромат древесного дыма и услышала треск огня.

— Диана, открой глаза и убедись сама.

Холодные губы едва коснулись моей щеки. Мэтью усмехнулся. На меня смотрели глаза цвета бурного моря. Лицо, где они помещались, было настолько бледным, что могло принадлежать только вампиру.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Мэтью, погладив меня по шее, а потом по плечам.

После перемещения на несколько веков назад, в прошлое Мэтью, мое тело ощущалось невероятно хрупким. Казалось, ветерок подует — и оно распадется на кусочки. Прежде я немного баловалась перемещением во времени, но в теткином доме ощущения были другими.

— Превосходно, — ответила я. — А ты как?

Я старалась смотреть только на Мэтью, не решаясь оглянуться по сторонам.

— Приятно вернуться домой.

Голова Мэтью с негромким стуком вновь опустилась на половицы, а воздух опять наполнился летним запахом лаванды и камыша, разбросанными по полу. Даже в 1590 году Олд-Лодж был для Мэтью знакомым местом.

Мои глаза привыкли к тусклому свету. В поле зрения появилась внушительных размеров кровать, столик, узкие скамейки и единственный стул. Кровать была под балдахином. За его резными столбиками я разглядела дверь в другую комнату. Оттуда на покрывало и пол струился свет, образуя размытый золотистый прямоугольник. Стены были обтянуты все тем же тонким полотном, памятным мне по нескольким поездкам в дом Мэтью в современном Вудстоке. Запрокинув голову, я увидела потолок, покрытый густым слоем штукатурки. Он разделялся на квадраты, и в каждом была красно-белая тюдоровская роза, окруженная позолотой.

— Когда дом строился, розы были обязательным элементом, — сухо пояснил Мэтью. — Терпеть их не могу. При первой же возможности мы покрасим их в белый цвет.

Сквозняк всколыхнул золотисто-голубые огоньки свечей в канделябре, осветив часть красочной шпалеры и темные блестящие стежки на белесом покрывале. Стежки складывались в орнамент из цветов и фруктов. Современные нитки так не блестели.

Я улыбнулась, испытывая возбуждение:

— Надо же, я сумела переместиться во времени. Я ничего не перепутала, и нас не выбросило в другом месте вроде Монтичелло или...

— Нет. — Мэтью улыбнулся в ответ. — Ты действовала замечательно. Добро пожаловать в елизаветинскую Англию.

Первый раз в жизни моя ведьмина природа доставляла мне истинное наслаждение. Как историк, я изучала прошлое, а ведьмино наследие позволило отправиться туда. Мы переместились в 1590 год, где я смогу изучить утраченные разделы магического искусства. Но я чувствовала: знаний, которые я здесь получу, будет намного больше. Я наклонилась, собираясь наградить Мэтью благодарным поцелуем, но замерла, услышав звук открываемой двери.

Мэтью прижал палец к моим губам. Он слегка повернул голову и раздул ноздри. Его настороженность была недолгой. Он по-

нял, кто находится в соседней комнате, откуда доносился тихий шепот. Быстрым движением Мэтью подхватил книгу, поднял меня на ноги, а затем, взяв за руку, повел к двери.

В соседней комнате я увидела стол, заваленный письмами. Возле стола стоял молодой человек с всклокоченными каштановыми волосами. Среднего роста, пропорционально сложенный, в дорогой, безупречно сидящей на нем одежде. Он напевал песенку, мелодию которой я прежде не слышала, а слов, произносимых совсем тихо, не могла разобрать.

На лице Мэтью отразился шок, однако его губы тут же сложились в искреннюю улыбку.

— Где ж пропадаешь ты, мой сладкозвучный Мэтт?

Человек взял со стола письмо и поднес к свету. Глаза Мэтью сощурились, а благодушие мгновенно сменилось недовольством.

— Ты что-то ищешь, Кит?

Услышав слова Мэтью, молодой человек бросил лист на стол и стремительно повернулся. Его лицо озарилось радостью. Это лицо я уже видела... Мне вспомнилась книга в мягкой обложке с портретом автора: «Мальтийский еврей» Кристофера Марло.

— Мэтт! Пьер говорил, ты в Честере и вряд ли к сроку воротишься. Но я-то знал: ты не пропустишь нашей ежегодной встречи.

Слова были достаточно знакомыми, однако подчинялись непривычному ритму произнесения и имели такую же странную интонацию. Чтобы понять их, я вслушивалась в каждое слово. Английский язык Елизаветинской эпохи сильно отличался от современного мне английского. Напрасно я думала, что знание языка шекспировских пьес поможет понимать обиходную речь.

— Где же твоя борода? Никак ты болен был?

И тут Марло заметил мое присутствие. Его глаза вспыхнули и вопросительно уперлись в меня. Я безошибочно поняла: передо мной демон.

Усилием воли я подавила настойчивое желание броситься к одному из величайших английских драматургов, пожать ему обе руки, а потом забросать вопросами. Стоило мне увидеть его, как все крохи сведений о нем тут же выпорхнули из головы. Какие его пьесы ставились в 1590 году и ставились ли? Сколько ему лет? Он был моложе Мэтью и явно моложе меня. Похоже, ему еще и тридцати не исполнилось. Я тепло улыбнулась знаменитости.

— Где ты отыскал этот экземпляр? — с презрением спросил Марло.

Я обернулась, рассчитывая увидеть некое произведение искусства, вызвавшее недовольство драматурга. Но за моей спиной было пусто.

Значит, он имел в виду меня. Моя улыбка померкла.

— Полегче, Кит, — нахмурился Мэтью.

Марло пожал плечами, словно отмахиваясь от упрека:

— Мне-то что? Коли тебе потребно, насыться ею, пока нет наших. Кстати, здесь обосновался Джордж. Ест твою пищу и книги твои читает. Опять без мецената и за душой ни фартинга.

— Ты же знаешь, Кит: Джорджу разрешено пользоваться всем, что у меня есть.

Мэтью не сводил глаз с молодого человека. Сплетенные пальцы он держал возле рта, и потому я не видела, какое у него сейчас лицо.

— Диана, познакомься: мой дорогой друг Кристофер Марло.

Церемония представления позволила Марло присмотреться ко мне повнимательнее. Его дотошный взгляд обшарил меня с головы до пят. Лицо молодого человека нахмурилось, однако свою ревность он постарался скрыть. Марло был всерьез влюблен в моего мужа. Это я заподозрила еще в Мэдисоне, когда увидела старинное издание его «Доктора Фауста» с дарственной надписью, адресованной Мэтью.

— Вот уж не думал, что в Вудстоке есть публичный дом, где держат рослых женщин. Все шлюхи прежние твои по большей части миниатюрны и миловидны были. А эта — прямо амазонка какая-то, — презрительно изрек Кит. Обернувшись через плечо, он взглянул на стол, усеянный бумагами. — В последнем донесении Старый Лис писал, что твой отъезд на север был обусловлен делом, а не зовом похоти. Когда же сыскал ты время для ее утех?

— Удивительно, Кит, с какой легкостью ты расточаешь привязанность, — лениво произнес Мэтью, но в его тоне сквозило предостережение.

Марло, якобы вновь погрузившийся в изучение переписки, не распознал этого и презрительно фыркнул. Мэтью крепче стиснул мне пальцы.

— Диана — ее подлинное имя? Иль взять решила позвучнее, дабы свои повысить шансы у посетителей борделя? Я полагаю,

их она встречает с оголенной правой грудью? Или лук держа в руках? — предположил Марло, выуживая новый лист из бумажного развала. — Как же, помню Бесс из Блэкфрайерса. Та требовала Афродитой называть ее, перед тем как нам позволить...

— Диана — моя жена.

Я не успела заметить, как Мэтью отошел от меня. Теперь его рука сжимала не мои пальцы, а воротник Марло.

— Нет, — возразил потрясенный Кит.

— Да. Это означает, что здесь она хозяйка, что она носит мое имя и находится под моей защитой. Учитывая все это и, разумеется, нашу давнюю дружбу... впредь с твоих губ не должно срываться ни одного язвительного замечания по поводу ее добродетелей. Ни шепота.

Я пошевелила пальцами, восстанавливая их чувствительность. Разозленный колкостями Марло, Мэтью буквально вдавил кольцо в средний палец моей левой руки, оставив красноватый след. Невзирая на отсутствие граней, бриллиант в кольце наполнился мягким теплым светом очага. Кольцо было неожиданным подарком Изабо — матери Мэтью. Это было несколько часов назад? А может, несколько веков назад? Или за несколько веков до времени, в которое мы попали? Мэтью произнес слова старинной брачной клятвы и надел мне это кольцо.

Сопровождаемые лязгом посуды, в комнату вошли двое вампиров. Я увидела худощавого мужчину с выразительным лицом, обветренной кожей цвета лесного ореха, черными волосами и такими же глазами. Он держал приплюснутый графин с вином и большой бокал, ножка которого имела форму дельфина, а чаша располагалась на дельфиньем хвосте. Второй была костлявая женщина, несшая блюдо с хлебом и сыром.

— С возвращением домой, милорд, — произнес явно смущенный слуга.

Как ни странно, но французский акцент облегчал мне понимание его слов.

— Посланник в четверг сказывал...

— Мои замыслы изменились, Пьер, — коротко ответил ему Мэтью и повернулся к женщине. — Видишь ли, Франсуаза, во время путешествия имущество моей жены потерялось, а одежда, что была на ней, изрядно запачкалась. Мне не оставалось иного, как сжечь эти тряпки.

Мэтью нагло врал с уверенным лицом. Чувствовалось, его слова не убедили ни вампиров, ни Кита.

— Ваша жена? — повторила Франсуаза, говорившая с таким акцентом, как и Пьер. — Но она же...

Я думала, она произнесет «ведьма», но Мэтью опередил ее:

— Да, она теплокровная, — поспешно произнес он, беря с подноса бокал. — Скажи Шарлю, что число едоков увеличивается на один рот. Последнее время Диана неважно себя чувствовала. Врач предписал ей есть свежее мясо и рыбу. Поэтому, Пьер, кому-то нужно будет сходить на рынок.

— Да, милорд, — заморгал Пьер.

— И еще ей понадобится одежда, — заметила Франсуаза, оценивающе поглядывая на меня.

Когда Мэтью кивнул, служанка удалилась. За ней следом ушел и Пьер.

— А что с твоими волосами? — удивился Мэтью, приподняв локон светлых, с легким медным отливом волос.

— Только не это, — пробормотала я и протянула руки, ощупывая волосы.

Вместо привычных волос соломенного цвета, не опускавшихся ниже плеч, я вдруг обнаружила упругие рыжевато-золотистые локоны длиной до талии. В последний раз мои волосы проявляли такое своеволие в колледже, где мы ставили «Гамлета» и я играла Офелию. И тогда, и сейчас неестественно быстрый рост волос и изменение цвета были отнюдь не добрым знаком. Пока мы перемещались в прошлое, во мне пробудилась ведьма. Никто не знал, какие еще магические способности вырвались на свободу.

Возможно, вампиры учуяли адреналин и сопровождающий его внезапный всплеск беспокойства. А может, они услышали музыку моей крови. Но демоны вроде Кита были способны почувствовать подъем моей ведьминской энергии.

— Гробница Христова, — пробормотал Марло. Его улыбка исходила злобой. — Ты ведьму в дом привел. Какое зло содеяла она?

— Не ломай голову, Кит. Тебя это не касается. — В голосе Мэтью снова зазвучали повелительные нотки, хотя его пальцы нежно теребили мои волосы. — Не волнуйся, mon coeur[1]. Уверен: это всего-навсего утомление.

---

[1] Душа моя *(фр.)*. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Мое шестое чувство решительно возражало. Произошедшую трансформацию никак нельзя было объяснить обыкновенным утомлением. Будучи потомственной ведьмой, я до сих пор не знала всей глубины и мощи унаследованных сил. Даже моя тетка Сара и ее интимная подруга Эмили Метер — обе ведьмы — не могли сказать наверняка, что это за силы и как наилучшим образом управлять ими. Научные тесты, проведенные Мэтью, выявили в моей крови генетические маркеры, указывающие на магический потенциал. Но его исследования не давали гарантий того, будут ли эти возможности реализованы вообще и когда это произойдет.

Мои дальнейшие волнения были прерваны возвращением Франсуазы, которая принесла с собой нечто вроде штопальной иглы. Изо рта торчали булавки. Вместе с ней двигался холм из бархата, шерсти и полотна. Все это тащил на себе Пьер, чьи худосочные ноги двигались мелкими шажками.

— А это зачем? — насторожилась я, указывая на булавки.

— Чтобы заколоть ими ткань на мадам. Зачем же еще? — пробормотала Франсуаза.

Из нагромождения тряпок она вытащила одеяние тускло-коричневого цвета, похожее на мешок для муки. Вряд ли этот наряд предназначался для развлечений, но ведь я почти ничего не знала о модах Елизаветинской эпохи. Словом, я целиком оказалась во власти служанки.

— Кит, ступай к себе вниз, — велел другу Мэтью. — Мы потом тоже спустимся. И попридержи язык. Это моя история. И расскажу ее я, но никак не ты.

— Как желаешь, Мэтью.

Марло взялся за лацкан своего темно-красного дублета и отвесил шутовской поклон. Я успела заметить его дрожащие руки. Жест этот являлся одновременно признанием власти Мэтью и протестом против нее.

Когда демон ушел, Франсуаза обтянула мешком ближайшую скамью и стала ходить вокруг меня, изучая мою фигуру. Можно было подумать, она выбирала наиболее выгодное направление для атаки. Затем, устало вздохнув, она принялась меня одевать. Мэтью подошел к столу. Его внимание сосредоточилось на груде бумаг, захламляющих поверхность стола. Затем он раскрыл аккуратно сложенный прямоугольный пакет, запечатанный каплей розоватого воска. Глаза Мэтью забегали по строчкам бисерного почерка.

— Бог мой! Я совсем про это забыл. Пьер!

— Что угодно, милорд? — послышался голос слуги, заглушаемый грудами ткани.

— Брось эти тряпки и расскажи мне о самых последних претензиях леди Кромвель.

Мэтью вел себя с Пьером и Франсуазой как с давними друзьями, одновременно не забывая, что он их господин. Если во времена Елизаветы со слугами обращались так, мне понадобится время, чтобы этому научиться.

Мэтью и Пьер отошли к очагу и заговорили вполголоса. Меня тем временем оборачивали в какие-то ткани, которые закалывали булавками, создавая нечто более или менее приемлемое. Франсуаза цокала языком, глядя на мою единственную сережку, представлявшую собой сплетение золотой проволоки и драгоценных камней. Когда-то сережка принадлежала Изабо. Подобно увесистому тому «Доктора Фауста» и серебряной фигурке Дианы, сережка была одним из трех предметов, помогавших нам попасть в избранную эпоху. Франсуаза выдвинула ящик ближайшего комода и без особого труда отыскала вторую сережку. Покончив с этим, она натянула мне на ноги толстые чулки, закрепив их ярко-красными лентами.

— Думаю, я вполне готова, — сказала я.

Мне не терпелось спуститься вниз и начать наш визит в XVI век. Чтение книг о прошлом не могло заменить непосредственный опыт, в чем я успела убедиться, пообщавшись с Франсуазой и приобретя начальные знания о том, как одевались в эту эпоху.

Мэтью окинул меня взглядом:

— Сойдет для начала.

— И не только для начала. В этой одежде мадам выглядит скромной и незапоминающейся, — сказала Франсуаза. — Именно так и должна выглядеть ведьма в нашем доме.

Суждение Франсуазы Мэтью пропустил мимо ушей. Он повернулся ко мне:

— Диана, пока мы не спустились вниз, хочу тебя предупредить: тщательно следи за своими словами. Кит — демон. Джордж знает, что я вампир. Но даже самые открытые и непредвзято мыслящие существа становятся подозрительными, видя перед собой незнакомую и непохожую на них особу.

Спустившись вниз, я поздоровалась с Джорджем, пожелав безденежному и не имеющему меценатов другу Мэтью доброго вечера. Приветствие казалось мне вполне официальным и соответствующим Елизаветинской эпохе.

— Неужели язык, на котором говорит эта женщина, — английский? — изумился Джордж и уставился на меня.

Стекла круглых очков увеличивали его синие глаза, делая их по-лягушачьи выпученными. Другой рукой драматург коснулся своего бедра. В последний раз такую позу я видела на какой-то миниатюре в Музее Виктории и Альберта.

— Она жила в Честере, — торопливо произнес Мэтью.

Джордж недоверчиво посмотрел на него. Даже глушь Северной Англии была недостаточным оправданием моей странной манеры говорить. Речь Мэтью быстро подстроилась под ритм и интонации эпохи, моя же продолжала звучать так, как говорили в Америке в XXI веке.

— Она ведьма, — отхлебнув вина, пояснил Кит.

— Неужели?

Джордж принялся меня разглядывать. Его интерес ко мне сразу возрос. Ничто в этом человеке не указывало на его принадлежность к демонам или ведьмакам. После его взгляда не возникало ощущения леденящего холода, что бывает, когда на тебя посмотрит вампир. Джордж был обычным теплокровным человеком средних лет. Выглядел он усталым, словно жизнь успела его помотать.

— Мэтью, но ты, как и Кит, не благорасположен к ведьмам. Помнится, ты всегда убеждал меня держаться подальше от их породы даже в творчестве. Когда я вознамерился написать стихотворение о Гекате, ты сказал мне...

— А вот эту ведьму я полюбил. Причем настолько, что женился на ней, — прервал его Мэтью и в подтверждение своих слов поцеловал меня в губы.

— Женился на ней! — ошеломленно повторил Джордж, взглянув на Кита и откашлявшись. — В таком случае у нас есть две радостные причины для праздника. Вопреки мнению Пьера дела не задержали тебя и ты вернулся к нам не один, а с женой. Прими же мои поздравления.

Его напыщенный тон напомнил мне хвалебные речи в университетской среде. Я едва подавила улыбку. Джордж лучезарно улыбнулся.

— Позвольте представиться, госпожа Ройдон: Джордж Чапмен, — произнес он, отвесив поклон.

Его фамилия была мне знакома. Я порылась в своем неупорядоченном мозгу историка. Я занималась историей алхимии, но алхимиком Чапмен не был, и во всех разделах, посвященных этой таинственной науке, его имя не значилось. Как и Марло, он занимался сочинением стихов и пьес, но я не могла вспомнить ни одного его произведения.

Завершив церемонию представления меня Джорджу, Мэтью согласился посидеть с гостями у очага. Мужчины говорили о политике. Джордж попытался вовлечь в разговор и меня, спросив о состоянии дорог и погоде. Я старалась произносить как можно меньше слов, внимательно наблюдая за жестами говорящих и тем, какие слова они употребляют. Все это должно было помочь мне сойти за женщину Елизаветинской эпохи. Джордж, польщенный моим вниманием, вознаградил меня пространным рассказом о своих последних литературных опытах. Кит, которому явно не нравилось находиться на вторых ролях, прервал словоизлияния Джорджа, предложив почитать вслух из «Доктора Фауста».

— Пусть репетиция в кругу друзей сценическое действо предварит, — заявил демон, и глаза его сверкнули.

— Не сейчас, Кит. Время уже перевалило за полночь, а Диана устала с дороги, — сказал Мэтью, поднимая меня на ноги.

Покидая комнату, я чувствовала на себе взгляд Кита. Он догадывался: мы что-то скрываем. Стоило мне включиться в разговор, он так и подпрыгивал, ловя речевые обороты, чуждые его эпохе. Когда Мэтью признался, что не помнит, где находится его лютня, демон сделался еще задумчивее.

Накануне нашего перемещения из Мэдисона Мэтью предупредил меня о необычайной восприимчивости Кита, хотя демоны и так отличаются восприимчивостью. Интересно, как скоро Марло догадается, что́ именно мы скрываем? Ответ на этот вопрос я получила через несколько часов.

Утром мы проснулись раньше других обитателей дома, и пока дом пробуждался, наполняясь звуками, мы с Мэтью разговаривали, нежась в теплой постели.

Поначалу Мэтью охотно отвечал на мои вопросы о Ките (оказалось, тот был сыном сапожника) и Джордже (к моему удивлению, Чапмен был немногим старше Марло). Но когда я перевела

разговор в практическое русло и стала расспрашивать об управлении хозяйством и поведении женщин в Елизаветинскую эпоху, Мэтью быстро заскучал.

— А что ты скажешь по поводу моей одежды? — спросила я, вовлекая его в сферу моих первостепенных забот.

— Сомневаюсь, что замужние женщины спят в таких нарядах, — сказал Мэтью и потянулся к моей полотняной ночной рубашке, больше напоминающей платье.

Он развязал тесемки кружевного воротника и собирался поцеловать меня пониже уха, дабы я приняла его точку зрения. Но в этот момент кто-то одним рывком раздвинул занавески балдахина. В глаза брызнул яркий солнечный свет, заставив меня сощуриться.

— Что скажешь? — спросил Марло.

У него за спиной, глядя через плечо, стоял смуглый демон, напоминавший юркого лепрекона. Худощавый, с острым подбородком. Темно-рыжая бородка клинышком делала подбородок еще острее. Судя по волосам демона, они неделями не встречались с гребнем. Я схватилась за воротник рубашки, прекрасно сознавая, насколько она прозрачна. Под ней не было ничего.

— Кит, ты видел рисунки господина Уайта, сделанные в Роаноке. Эта ведьма совсем не похожа на туземцев Виргинии, — ответил незнакомый демон.

Он был явно разочарован моим видом и потому не сразу заметил Мэтью, сердито глядящего на него.

— О! Доброе утро, Мэтью. Ты позволишь мне воспользоваться твоим пропорциональным циркулем? Клятвенно обещаю, что больше не потащу его на реку.

Мэтью уткнулся лбом в мое плечо и со стоном закрыл глаза.

— Должно быть, она явилась к нам из Нового Света или из Африки, — настаивал Марло, по-прежнему отказываясь называть меня по имени. — Нет, не из Честера она. Не из Шотландии, Ирландии, Уэльса, Франции или Империи. Не верю, что она голландка и уж тем более испанка.

— И тебе доброго утра, Том. Скажи, какая причина заставляет вас с Китом обсуждать происхождение Дианы в столь ранний час и в моей спальне? — спросил Мэтью, завязывая тесемки на воротнике моей рубашки.

— До чего ж приятно возлежать в постели, даже если лихорадка лишила тебя рассудка. По словам Кита, должно быть, ты

женился на этой ведьме в самый разгар лихорадки. Иначе объяснить твою беспечность невозможно, — прогремел Том.

Его манера говорить была типичной для демонов, равно как и их обыкновение не отвечать на прямые вопросы.

— Дороги были сухими, и потому мы добрались сюда несколько часов назад.

— И с появлением вашим вино исчезло, — посетовал Марло.

Он сказал «мы»? Кто еще пожаловал сюда вместе с демоном Томом? Олд-Лодж становился крайне населенным местом.

— Пошли вон! Прежде чем поздороваться с его светлостью, мадам должна умыться, — заявила Франсуаза, войдя в спальню с тазом горячей воды.

Пьер, как всегда, тащился следом за ней.

— Неужто случилось что-то важное? — Джордж вошел в спальню, не объявив о своем появлении и помешав Франсуазе выпроводить отсюда обоих демонов. — Лорда Нортумберленда оставили одного в большом зале. Будь он моим покровителем, я бы не вел себя с ним подобным образом!

— Хэл читает трактат об устройстве весов. Мне тут прислал один пизанский математик. И вполне доволен, что ему не мешают, — раздраженно ответил Том, присаживаясь на край постели.

Он ведь говорит о Галилео, догадалась я, ощутив волнение.

В 1590 году Галилео был новичком в профессорской среде Пизанского университета. Его работа о гидростатических весах еще не была опубликована.

Том. Лорд Нортумберленд. Некто, переписывающийся с Галилео.

Я изумленно разинула рот. Демон, пристроившийся на краю стеганого одеяла, должно быть, Томас Хэрриот.

— Франсуаза права. Пошли вон отсюда! Все! — потребовал Мэтью.

Он был раздражен не меньше Тома.

— А что мы скажем Хэлу? — спросил Кит, бросая на меня многозначительный взгляд.

— Вскоре я к нему спущусь, — ответил Мэтью.

Он повернулся и крепко прижал меня к себе. Дождавшись, когда его друзья покинут спальню, я что есть силы ударила его в грудь.

— Это за что?

Мэтью поморщился, изображая боль, хотя на самом деле больно было моему ободранному кулаку.

— За то, что не рассказал заранее, кто у тебя в друзьях! — Я приподнялась на локте, сердито глядя на Мэтью. — Подумать только! Великий драматург Кристофер Марло. Джордж Чапмен, поэт и ученый. Математик и астроном Томас Хэрриот... Думаю, я не ошиблась. А внизу дожидается граф-чародей!

— Не помню, когда Генри успел заработать это прозвище. Пока его никто здесь так не зовет.

Вид у Мэтью был изумленный, что рассердило меня еще сильнее.

— Осталось дождаться сэра Уолтера Рэли, и в этом доме соберется вся Школа ночи.

Услышав из моих уст упоминание о легендарной группе радикальных политиков, философов и вольнодумцев, Мэтью повернулся в сторону окна. Я мысленно перебирала имена. *Томас Хэрриот. Кристофер Марло. Джордж Чапмен. Уолтер Рэли. И...*

— А кто же тогда ты, Мэтью?

Почему-то я не удосужилась спросить об этом до нашего перемещения сюда.

— Мэтью Ройдон, друг поэтов, — слегка кивнув, ответил он, будто нас только что представили друг другу.

— Историки почти ничего о тебе не знают, — сказала я, не переставая удивляться.

Мэтью Ройдон был самой туманной фигурой из всех, кто входил в таинственную Школу ночи.

— Думаю, ты не слишком удивлена, узнав, кем на самом деле является Мэтью Ройдон? — спросил он, изогнув черную бровь.

— Удивления мне хватит на всю оставшуюся жизнь. Надо было меня предупредить, прежде чем зашвырнуть в гущу здешних событий.

— И что бы ты сделала? Нам едва хватило времени, чтобы одеться. Где уж там было обсуждать проект исследований! — Мэтью повернулся, спустив ноги на пол. Наше время наедине было прискорбно кратким. — Диана, у тебя нет причин для беспокойства. Они обычные люди.

Что бы Мэтью ни говорил, я не считала его друзей обычными людьми. Школа ночи придерживалась еретических воззрений, злословила насчет продажности двора королевы Елизаветы и на-

смехалась над интеллектуальными претензиями духовенства и ученых. «Безумны, скверны и опасны для знакомства» — эти слова как нельзя лучше описывали Школу ночи. Вместо тесного круга друзей, празднующих Хеллоуин, мы очутились в осином гнезде интриг Елизаветинской эпохи.

— Даже если отбросить безрассудство, присущее порой твоим друзьям, не жди, что я буду равнодушно зевать, когда ты знакомишь меня с теми, чью жизнь и творчество я изучала все свои взрослые годы, — сказала я. — Томас Хэрриот — один из выдающихся астрономов его времени. Твой друг Генри Перси — алхимик.

Пьер, явно знакомый с внешними признаками злящейся женщины, поспешно бросил моему мужу черные штаны, чтобы к моменту, когда моя злость выплеснется наружу, Мэтью не оказался с голыми ногами.

— Уолтер и Том — тоже алхимики, — сообщил Мэтью, почесывая подбородок и не обращая внимания на штаны. — И Кит балуется алхимией, но безуспешно. Постарайся не задумываться о том, что тебе известно про каждого из них. Почерпнутые тобой сведения могут оказаться недостоверными. И будь поосторожнее с привычными тебе историческими ярлыками, — продолжал он, натягивая штаны. — Уилл мечтает высмеять Школу ночи и побольнее ударить Кита, но это случится лишь через несколько лет.

— Мне ровным счетом наплевать, что́ Уильям Шекспир делал, делает сейчас или сделает в будущем, поскольку сейчас он не находится в большом зале, коротая время с графом Нортумберлендом! — бросила я, выскальзывая из высокой кровати.

— Разумеется, Уилла здесь нет, — примирительно махнул рукой Мэтью. — Уолтер не одобряет его стихотворный размер, а Кит считает Уилла продажным писакой и вором.

— Спасибо, успокоил. А что ты собираешься рассказать им обо мне? Марло подозревает, будто мы что-то скрываем.

Серо-зеленые глаза Мэтью встретились с моими.

— Полагаю, я скажу им правду.

Пьер подал Мэтью дублет: черный, с затейливой подбивкой. Сам он смотрел поверх моего плеча. Ну просто образцовый, вышколенный слуга.

— Я скажу, что ты путешественница во времени и ведьма из Нового Света.

— Правду, — сухо повторила я.

Пьер слышал каждое слово, однако ничем не выказал своей реакции. Мэтью игнорировал его присутствие, словно тот был невидимкой. Интересно, надолго ли мы задержимся в этом столетии, чтобы и я научилась не замечать слуг?

— Да, правду. Почему бы и нет? Том будет записывать каждое твое слово и сравнивать со своими материалами по алгонкинскому языку индейцев. Что касается остальных... вряд ли они станут обращать на тебя особое внимание.

Казалось, Мэтью сейчас больше волнует его одежда, чем реакция друзей на меня.

Франсуаза вернулась в сопровождении двух молодых теплокровных женщин. Руки обеих были полны чистой одежды. Палец вампирши указал на мою ночную рубашку. Я спряталась за балдахинным столбом и нагнулась, чтобы ее снять. Спасибо времени, в котором я выросла, и спортивным раздевалкам. Они научили меня без особого стеснения переодеваться на глазах чужих людей. Рубашку я решила снимать через голову.

— Кит не оставит меня без внимания, — сказала я, продолжая разговор с Мэтью. — Он усиленно ищет причину для неприязни ко мне. Узнав правду, он получит сразу несколько.

— С ним не будет сложностей, — уверенно возразил Мэтью.

— Марло — твой друг или твоя марионетка?

Я все еще высвобождала голову из складок ночной рубашки, когда услышала испуганный возглас и сдавленное «Mon Dieu!».

Я застыла. Франсуаза увидела шрам в форме полумесяца, украшавший нижнюю часть спины, а также звезду между лопатками.

— Я сама одену мадам, — холодно сказала служанкам Франсуаза. — Оставьте одежду и возвращайтесь к своим делам.

Сделав реверанс, служанки удалились. На их лицах я не заметила ничего, кроме праздного любопытства. Знаков на моей спине они не увидели. После их ухода мы заговорили разом.

— Кто это сделал? — спросила ошеломленная Франсуаза.

— Об этом никто не должен знать, — вплелись в ее вопрос слова Мэтью.

— Всего-навсего шрам, — поспешила сказать я, вставая на защиту собственной спины.

— Кто-то клеймил вас знаком семейства де Клермон, — не унималась Франсуаза. — Милорд пользуется этим знаком.

Я ощутила приступ тошноты, вспомнив ночь, когда другая ведьма клеймила меня как предательницу.

— Мы нарушили завет, — призналась я. — А это — наказание, полученное от Конгрегации.

— Так вот почему вы оба здесь, — усмехнулась Франсуаза. — Завет с самого начала был глупой затеей. Филиппу де Клермону ни в коем случае нельзя было на него соглашаться.

— Завет оберегал нас от людей, — сказала я.

Я не питала особой симпатии ни к этому соглашению, ни к девяти членам Конгрегации, настоявшим на его введении, однако века существования завета доказали его неоспоримый успех. Он помогал существам иной природы прятаться от опасного внимания людей. Пункты древнего соглашения запрещали демонам, вампирам и ведьмам вмешиваться в политические и религиозные дела людей, а также запрещали межвидовые союзы. Ведьмам, вампирам и демонам предписывалось строить отношения только внутри своего круга. Влюбляться в «чужих» и тем более вступать в межвидовые браки запрещалось.

— Оберегал? — переспросила Франсуаза. — Только не думайте, мадам, что здесь вы в безопасности. Никто из нас так не считает. Англичане — народ суеверный. На каждом кладбище им мерещатся призраки, и ведьм они видят возле каждого котла. Конгрегация — это все, что стоит между нами и полным уничтожением. Вы поступили благоразумно, решив искать убежища в этом доме. Поторопитесь, вам еще надо одеться и спуститься вниз.

Франсуаза помогла мне выбраться из ночной рубашки, затем подала мокрое полотенце и блюдо с чем-то липким, пахнущим розмарином и апельсинами. Мне было странно, что со мной возятся, как с маленькой, однако я знала: аристократов, к которым принадлежал и Мэтью, в эту эпоху мыли, одевали и кормили чуть ли не с ложки. Пьер подал хозяину чашу с подозрительно темной жидкостью, которая вряд ли была вином.

— Мадам не только ведьма, но еще и fileuse de temps? — тихо спросила Франсуаза.

В переводе это означало «прядильщица времени». Услышав незнакомый термин, я представила множество разноцветных ни-

тей, вдоль которых мы двигались, чтобы попасть в нужный отрезок прошлого.

— Так оно и есть, — кивнул Мэтью, поглядывая на меня и потягивая жидкость из чаши.

— Но если она явилась сюда из другого времени, это значит... — Франсуаза не договорила. У нее округлились глаза. Затем ее лицо приняло задумчивое выражение.

Должно быть, *тот* Мэтью говорил и вел себя по-другому.

«Франсуаза заподозрила, что к ним явился совсем другой Мэтью», — догадалась я. Меня охватила тревога.

— Нам достаточно знать, что мадам находится под защитой милорда, — довольно грубо произнес Пьер, и в его тоне отчетливо звучало предостережение. — А что́ это значит, нас не касается, — добавил он, подавая Мэтью кинжал.

— Это значит, что я люблю Диану, а она любит меня, — сказал Мэтью, выразительно глядя на слугу. — Что бы я ни говорил другим, это правда. Понятно?

— Да, — ответил Пьер, хотя его тон предполагал обратное.

Мэтью вопросительно посмотрел на Франсуазу. Та поджала губы и угрюмо кивнула.

Внимание служанки сосредоточилось на моем туалете. Франсуаза закутала меня в плотное льняное полотенце. Она, конечно же, увидела и другие отметины на моем теле, полученные в тот нескончаемый день моего поединка с ведьмой Сату. Были и шрамы, полученные уже позже, однако Франсуаза больше не задавала никаких вопросов. Усадив меня на стул возле очага, она принялась расчесывать мои волосы.

— Скажите, милорд, это нападение случилось уже после того, как вы объявили о своей любви к вашей ведьме? — спросила она Мэтью.

— Да, — ответил Мэтью, пристегивая к поясу кинжал.

— Так, значит, ее пометил вовсе не *манжасан*, — пробормотал Пьер. Он произнес старинное окситанское слово «кровопиец», как на окситанском языке именовали вампира. — Никто бы не посмел навлечь на себя гнев семьи де Клермон, — добавил слуга.

— Нет, это сделала другая ведьма, — сказала я.

Тепло очага защищало меня от холодного ветра, но признание все равно отозвалось дрожью во всем теле.

— Однако два *манжасана* стояли рядом и даже не пытались вмешаться, — мрачно пояснил Мэтью. — Они за это заплатят.

— Что случилось, то случилось.

У меня не было желания затевать вражду среди вампиров. Опасностей на нашем дальнейшем пути и так хватало.

— Если бы милорд принял вас в жены после того, как та ведьма на вас напала, дело не считалось бы законченным.

Быстрые пальцы Франсуазы сплетали мои волосы в тугие косы, которые она обернула вокруг головы и закрепила шпильками.

— Здесь вы будете госпожой Ройдон. В этой унылой стране не знают, что такое верность. Но мы не забудем, что вы из семьи де Клермон.

Помнится, мать Мэтью меня предупреждала: де Клермоны — это стая. В XXI веке я возмущалась обязательствами и ограничениями, свалившимися на меня вместе с вхождением в их семью. Однако в 1590 году моя магическая сила была непредсказуемой, познания в ремесле ведьм ничтожными, а моя самая ранняя предшественница еще не родилась. Здесь я могла рассчитывать только на свою сообразительность и помощь Мэтью.

— Там наши намерения относительно друг друга были ясны и понятны. Но я не хочу быть источником бед здесь. — Я взглянула на кольцо Изабо, потрогав большим пальцем его ободок. Я надеялась, что мы сумеем гармонично вписаться в прошлое. Сейчас эти надежды казались мне нереальными и наивными. Я огляну лась по сторонам, пробормотав: — И это...

— Диана, мы с тобой оказались здесь по двум причинам: найти тебе учительницу и, если сумеем, установить местонахождение того алхимического манускрипта.

По сути, это он — таинственный манускрипт под названием «Ашмол-782» — познакомил меня с Мэтью. В далеком XXI веке он преспокойно лежал себе среди миллионов книг и манускриптов Бодлианской библиотеки Оксфорда. Заполняя бланк запроса на него, я и представить не могла, что это простое действие отомкнет хитроумное заклинание, удерживающее манускрипт на полке. Не подозревала я и того, что возвращение манускрипта дежурному библиотекарю вновь активирует заклинание. Я не имела ни малейшего представления о многочисленных тайнах, касающихся ведьм, вампиров и демонов, которые, если верить слухам, были изложены на страницах «Ашмола-782». Мэтью считал, что куда

разумнее искать манускрипт в прошлом, чем пытаться вторично отомкнуть заклинание в современном нам мире.

— И пока мы не вернемся, Олд-Лодж будем твоим домом, — продолжал Мэтью, пытаясь меня ободрить.

Тяжеловесная мебель спальни и ее убранство были знакомы мне по музеям и аукционным каталогам, однако Олд-Лодж вряд ли стал бы для меня домом. Я теребила плотную ткань полотенца. Оно разительно отличалось от выцветших, истончившихся после нескончаемых стирок махровых полотенец, какие водились в доме Сары и Эмили. Из соседней комнаты доносились голоса. Само их звучание и ритм речи были чужды уху современного историка, не говоря уже об обычных людях. Но побег в прошлое был нашим единственным выбором. Последние дни в Мэдисоне наглядно нам это показали. Вампиры устроили настоящую охоту на нас и едва не убили Мэтью. Итак, в прошлое мы попали. Теперь, чтобы осуществились остальные части нашего плана, мне требовалось как можно скорее превратиться в настоящую женщину Елизаветинской эпохи.

— «И как хорош тот новый мир».

Я совершала неслыханное историческое святотатство, позволив себе цитировать строки из шекспировской «Бури» за двадцать лет до того, как пьеса будет написана. Но у меня сегодня выдалось тяжелое утро.

— «Тебе все это ново»[1], — ответил другой цитатой Мэтью. — Так готова ли ты встретить жизненные перипетии?

— Разумеется. Только вначале дай мне одеться. — Я встала и расправила плечи. — Как здесь принято здороваться с графом?

---

[1] *Шекспир У.* Буря, акт 5, сцена 1. Пер. Мих. Донского.

Глава 2

Мои тревоги по поводу надлежащего этикста оказались напрасными. Титулы и установленные формы обращения не имели значения, когда дело касалось кроткого великана по имени Генри Перси.

Франсуаза, придававшая большое значение внешним приличиям, суетилась и хлопотала вокруг меня, заталкивая мое тело в неведомо чью одежду. В этот пыточный набор входило несколько нижних юбок, корсет с подкладкой, долженствующий придать моей спортивной фигуре более традиционные женские очертания. Затем на мне оказалось нижнее вышитое платье, пахнущее лавандой и кедром и имевшее высокий воротник в оборках. Далее настал черед черной бархатной юбки, имевшей форму колокола. Поверх нижнего платья Франсуаза надела на меня джеркин, явно взяв лучший, какой имелся в гардеробе Пьера. Джеркин был единственной одеждой, почти подходившей мне по размеру. Но как Франсуаза ни старалась, застегнуть пуговицы жакета мне не удавалось. Я затаила дыхание, вобрала живот и уповала на чудо. Тем временем бедная вампирша старалась как можно туже затянуть на мне шнуровку корсета. Увы, сделать мой силуэт напоминающим силуэт сильфиды могло только Божественное вмешательство.

Пока Франсуаза героически сражалась с особенностями моей фигуры, я забрасывала ее вопросами. Насмотревшись женских портретов XVI века, я ожидала, что на меня наденут юбку с фижмами — сооружение, напоминающее птичью клетку и придающее пышность бедрам. Франсуаза объяснила, что юбки с фижмами надевают в более торжественных и официальных случаях. Вместо этого она обвязала мою талию чем-то вроде пончика, только из материи. Единственной положительной чертой этого сооруже-

ния было то, что черная бархатная юбка не застревала у меня между ног, позволяя передвигаться без особого труда. Правда, для этого требовалось соблюсти еще несколько условий: двигаться по прямой и выбирать путь, не грозящий встречей с мебелью. Но от меня требовалось не только ходить в этом наряде, а еще и приседать в реверансе. Франсуаза преподала мне экспресс-курс реверанса, попутно объясняя значение всех титулов Генри Перси. Невзирая на свою фамилию и графский титул, он именовался лордом Нортумберлендом.

Но мне так и не удалось продемонстрировать графу наспех приобретенные навыки. Едва мы с Мэтью вошли в большой зал, сидевший там долговязый молодой человек вскочил на ноги и шагнул нам навстречу. Его дорожный костюм из мягкой кожи был забрызган грязью. У него было широкое лицо и живой пытливый взгляд. Его мохнатые, пепельного цвета брови изогнулись ко лбу, на котором был отчетливо виден «вдовий пик».

— Хэл, — улыбнулся гостью Мэтью.

Улыбка была добродушно-снисходительной, как у старшего брата по отношению к младшему. Однако граф, не замечая давнего друга, направился прямо ко мне.

— Г-г-госпожа Ройдон, — произнес он.

Глубокий бас графа звучал монотонно, механически. Прежде чем спуститься в зал, Мэтью немного рассказал мне о Генри. Оказалось, что граф глуховат и вдобавок с детства заикается. Зато он превосходно умел читать по губам. С этим человеком я могла говорить, не испытывая стеснения.

— Вижу, Кит меня опять обскакал, — с печальной улыбкой констатировал Мэтью. — Я надеялся сам тебе сказать.

— Так ли уж важно, кто сообщает радостную весть? — Лорд Нортумберленд отвесил поклон. — Госпожа, благодарю вас за гостеприимство и прошу прощения за то, что вынужден приветствовать вас в таком виде. Прекрасно, что вы так быстро свыклись с друзьями мужа. Нам следовало бы покинуть дом сразу же, как мы узнали о вашем прибытии. Постоялый двор более чем удовлетворил бы наши потребности в крыше над головой.

— Милорд, нам доставляет большую радость принимать вас с этом доме.

Здесь мне следовало сделать реверанс, но я никак не могла совладать с тяжелой черной юбкой, а корсет был зашнурован так

туго, что мне было не согнуться в талии. Я добросовестно поставила ноги в положение, требуемое для реверанса, но, едва согнув их в коленях, покачнулась, рискуя шлепнуться на пол. Меня подхватила рука с крупными грубыми пальцами.

— Зовите меня просто Генри, госпожа. Остальные зовут меня Хэлом, так что мое настоящее имя считается достаточно официальным.

Как многие тугоухие люди, граф старался говорить тише и мягче. Отпустив меня, он переместил внимание на Мэтью:

— А почему ты без бороды, Мэтт? Ты никак был болен?

— Легкая лихорадка, и только. Женитьба меня излечила. Кстати, а где остальные?

Мэтью оглянулся, ища глазами Кита, Джорджа и Тома.

При дневном свете большой зал выглядел совершенно по-другому. Я его видела лишь вечером, а этим утром... То, что я принимала за тяжелые стенные панели, оказалось ставнями. Сейчас все они были открыты, наполняя пространство зала воздухом и делая его легче. Даже громадный камин у дальней стены не выглядел таким тяжеловесным, как в темноте. Его украшали фрагменты средневековой каменной кладки с сохранившейся росписью. Все это Мэтью наверняка вытащил из-под обломков католического монастыря, когда-то стоявшего на месте Олд-Лоджа. Изможденное лицо святого, герб, готический четырехлистник.

Я с интересом разглядывала зал, пока меня не окликнул Мэтью.

— Хэл говорит, что наши в гостиной. Читают и играют в карты. Он не осмеливался к ним присоединиться, пока хозяйка не пригласит его остаться в доме.

— Граф просто обязан остаться у нас, а мы сейчас же отправимся в гостиную, — сказала я, слушая урчание в животе.

— Или вначале мы раздобудем тебе еды, — предложил Мэтью, сверкая глазами.

Убедившись, что мое знакомство с Генри Перси прошло гладко, он почувствовал себя спокойнее.

— Хэл, а тебя покормили?

— Пьер с Франсуазой, как всегда, позаботились о моем пропитании, — заверил нас граф. — Разумеется, если госпожа Ройдон составит мне компанию...

Граф умолк. Его желудок урчал наравне с моим. Своей долговязостью этот человек мог соперничать с жирафом. Представляю, какое обилие пищи требовалось его телу.

— Я тоже, милорд, обожаю обильные завтраки, — смеясь, сказала я.

— Генри, — поправил меня граф.

Когда он улыбался, на щеках появлялись ямочки.

— Тогда и вы должны называть меня Дианой. Я не могу обращаться к графу Нортумберленду по имени, если он упорно называет меня госпожой Ройдон.

Франсуаза настаивала на строгом соблюдении формальностей.

— Согласен, Диана, — ответил Генри, протягивая мне руку.

Миновав коридор, где гуляли сквозняки, мы вошли в уютную комнату с низким потолком. Обстановка здесь была вполне располагающей. Света тоже хватало, хотя окна имелись только на южной стене. При скромных размерах помещения сюда втиснулись три стола и несколько стульев и скамеек. Лязг кастрюль и сковородок, а также некоторые другие звуки свидетельствовали о близости кухни. Кто-то прикрепил к стене страницу, вырванную из альманаха. На центральном столе была разложена карта. Один ее угол подпирал подсвечник, другой — неглубокое оловянное блюдо с фруктами. Все это напоминало голландский натюрморт с домашней утварью. Я остановилась. Голова закружилась от терпкого запаха.

— Айва.

Мои пальцы потянулись к плодам. Такими я представляла их в Мэдисоне, слушая рассказы Мэтью об убранстве Олд-Лоджа.

Похоже, Генри удивил мой восторг по поводу обычной айвы, но он был слишком хорошо воспитан, чтобы это комментировать. Мы уселись за стол. Слуга дополнил натюрморт свежим хлебом, блюдом с виноградом и миской с яблоками. Вид знакомой пищи действовал на меня успокаивающе. Генри принялся за еду. Я последовала его примеру, но при этом внимательно наблюдала, что и как он ест. Чужаков всегда выдают мелкие особенности, а мне отчаянно хотелось выглядеть своей. Пока мы ели, Мэтью налил себе бокал вина.

Во время трапезы Генри вел себя с безупречной учтивостью. Он не задавал мне вопросов личного характера и не совал нос в дела Мэтью. Вместо этого он смешил нас, рассказывая истории

о своих собаках, поместьях и придирчивой матушке. Он успевал говорить и поглощать изрядное количество ломтиков поджаренного хлеба. Генри только что начал очередной рассказ о переезде в Лондон, когда со двора донесся шум. Граф, сидящий спиной к двери, не обратил на это внимания.

— Она просто невыносима! Вы все меня предостерегали, но я не верил, что женщина способна быть такой неблагодарной. После богатств, которыми я наполнил ее сундуки, самое малое, что она могла сделать... Ого!

Наш новый широкоплечий гость заполнил собой дверной проем. На одном его плече болтался темный плащ. Такого же цвета были вьющиеся волосы, выбивавшиеся из-под его великолепной шляпы с пером.

— Мэтью, да ты никак заболел?

Удивленный Генри повернулся к гостю:

— Приветствую тебя, Уолтер. Почему ты не при дворе?

Хлеб едва не встал мне поперек горла. Я почти не сомневалась, что гость был не кем иным, как до сих пор отсутствовавшим членом Школы ночи — сэром Уолтером Рэли.

— Возжаждал место получить в раю и был оттуда изгнан. Вот так-то, Хэл. А это кто? — Сэр Уолтер буравил меня своими синими глазами и сверкал зубами, окаймленными темной бородой. — Генри Перси, ты проказливый бесенок. Кит рассказывал мне о твоих намерениях уложить в постель прекрасную Арабеллу. Если бы я знал, что твои вкусы простираются дальше пятнадцатилетних девиц и тебя привлекают женщины в возрасте, я бы давно нашел тебе в жены какую-нибудь похотливую вдовушку.

Женщиной в возрасте? Вдовой? Мне едва стукнуло тридцать три.

— Ее чары удержали тебя от сегодняшнего посещения церкви и воскресной проповеди. Мы должны поблагодарить леди за то, что вместо молитв ты поднялся с колен, вскочил на лошадь и отправился туда, где твой настоящий дом, — продолжал Рэли.

Его речь была густой, как девонширские сливки.

Граф Нортумберленд положил вилку, внимательно поглядел на друга, затем вернулся к еде, сказав при этом:

— Выйди, зайди снова и попроси Мэтта сообщить новость. И веди себя поучтивее.

— Нет. — Уолтер смотрел на Мэтью, разинув рот. — Так она твоя?

— Что подтверждается кольцом на ее пальце. — Мэтью ногой выдвинул гостю стул. — Садись, Уолтер, и промочи горло элем.

— Ты же клялся, что никогда не женишься, — пробормотал ошеломленный Уолтер и сел.

— Понадобились уговоры.

— Еще бы не понадобились! — Уолтер Рэли окинул меня еще одним оценивающим взглядом.

— Жаль, что она понапрасну тратит себя на жизнь с холоднокровным существом. Я бы не мешкал ни секунды.

— Диана знает о моей природе и не возражает против «холодности», как ты изволил выразиться. Кстати, уговаривать пришлось не меня, а ее. Я влюбился в нее с первого взгляда, — сообщил Мэтью, и Уолтер насмешливо фыркнул. — Не будь таким циничным, мой старый друг. Купидон доберется и до тебя.

Глаза Мэтью озорно блеснули. Ведь он знал будущее Рэли.

— Купидону с его стрелами придется обождать до лучших времен. Сейчас я целиком занят отражением недружественных заигрываний королевы и адмирала.

Уолтер бросил шляпу на соседний стол, где она накрыла сверкающую поверхность доски для игры в триктрак, разметав фигуры. Сам он со стоном уселся рядом с Генри.

— Каждый хочет урвать кусочек моей шкуры, но никто не почешется, чтобы хоть немного продвинуть меня по службе. А эта тягомотина с делами в колонии по-прежнему висит над моей головой. Замысел празднования нынешней годовщины принадлежал мне, однако главным церемониймейстером эта женщина сделала Камберленда.

Уолтера вновь охватило раздражение.

— Из Роанока по-прежнему никаких известий? — деликатно спросил Генри, подавая Уолтеру кружку густого коричневого эля.

При упоминании провальной затеи Рэли в Новом Свете у меня даже живот свело. Я впервые слышала, как кто-то вслух рассуждал о результатах будущего события, но лиха беда начало.

— На прошлой неделе Уайт был вынужден из-за дурной погоды вернуться в Плимут. Ему пришлось прекратить поиски дочери и внучки. — Уолтер сделал солидный глоток. — Одному Богу известно, что там с ними приключилось.

— Дождись весны, тогда вернешься и найдешь их, — успокоил друга Генри.

Голос его звучал уверенно, однако мы с Мэтью знали: пропавших роанокских колонистов так и не найдут, а нога Рэли больше не ступит на землю Северной Каролины.

— Молюсь, чтобы твои слова оказались правдой, Хэл. Но довольно о моих бедах. Откуда будете родом, госпожа Ройдон?

— Из Кембриджа, — лаконично ответила я.

В общем-то, я сказала правду, хотя мой Кембридж находился в штате Массачусетс, а не в Англии. Но если бы я сейчас взялась сочинять на ходу, то запуталась бы в собственном вранье.

— Значит, вы дочь ученого. Или ваш отец был богословом? Мэтту будет приятно, когда есть с кем поговорить о вопросах веры. За исключением Хэла, говорить о вере с другими — занятие безнадежное.

Уолтер потягивал эль, ожидая моего ответа.

— Отец Дианы умер, когда она была еще совсем юной, — пояснил Мэтью, взяв меня за руку.

— Сочувствую вам, Диана. П-п-потеря отца — чудовищный удар, — тихо проговорил Генри.

— Надеюсь, ваш первый муж оставил вам в утешение сыновей и дочерей? — спросил Уолтер, и в его голосе я уловила нотки сочувствия.

Мы переместились в эпоху, где женщина моего возраста была либо замужем, либо вдовой, успев произвести на свет троих или четверых детей.

Я покачала головой, ограничившись коротким «нет».

Уолтер нахмурился, но тут в комнату ввалился Кит вместе с Джорджем и Томом, и их появление прекратило дальнейшие расспросы.

— Ну наконец-то, Уолтер. Вразуми его. Довольно Мэтью разыгрывать здесь Одиссея перед своей Цирцеей, — изрек Кит, хватая кубок Генри. — Привет, дружище Хэл.

— Кого это я должен вразумить? — с заметным раздражением спросил Уолтер.

— Мэтта, кого же еще. Перед тобой ведьма. И с ней не все так просто. — Кит сощурился. — Она скрывает что-то.

Служанка, принесшая охапку поленьев, замерла на пороге.

— Ведьма, — опасливо повторил Уолтер.

— Поверь мне на слово, — закивал Кит. — Мы с Томом это мигом распознали.

Бедняжка-служанка свалила поленья в корзину и спешно ретировалась.

— Кит, для сочинителя пьес ты обладаешь никудышным чувством времени и места. — Синие глаза Уолтера повернулись к Мэтью. — Не поискать ли нам другую комнату для обстоятельного разговора? Или это всего лишь очередная пустопорожняя фантазия Кита? Если да, я бы предпочел остаться в тепле и допить эль.

Они с Мэтью молча смотрели друг на друга. В лице моего мужа ничего не изменилось. Уолтер вполголоса выругался. В этот момент, словно по волшебству, появился Пьер.

— Милорд, камин в гостиной уже затоплен, — сообщил вампир. — Вино и еда для ваших гостей тоже приготовлены. Там вас никто не побеспокоит.

По уютности гостиная уступала комнате, где мы завтракали, а размерами и убранством уступала большому залу. Обилие кресел, украшенных резьбой, богатых шпалер и картин в вычурных рамах указывало на то, что здесь обычно принимали и развлекали наиболее именитых гостей. Возле камина висела прекрасная картина Гольбейна, изображавшая святого Иеронима со львом. Я узнала манеру художника; само произведение было мне незнакомо. Впервые видела я и другое полотно кисти Гольбейна. На нем был изображен Генрих VIII, прищуривший поросячьи глазки. Держа в руке книгу и очки, король задумчиво глядел на зрителей. Рядом с ним находился стол, заваленный драгоценными вещицами. А с противоположной стены на короля надменно взирала его дочь, нынешняя королева Елизавета. Мы уселись. Присутствие особ королевской крови, пусть только на портретах, отнюдь не поднимало настроения. Мэтью сел возле камина, скрестив руки на груди. Вид у него был не менее величественным, чем у обоих Тюдоров.

— Ты по-прежнему намерен рассказать им правду? — шепотом спросила я.

— Обычно, госпожа, это существенно облегчает дело, — довольно резко ответил мне Рэли. — Не говоря уже о том, что в кругу друзей правдивость предпочтительнее... всего иного.

— Ты забываешься, Уолтер, — заметил ему не на шутку рассердившийся Мэтью.

— Забываюсь? И это говорит мне связавшийся с ведьмой?

Как и Мэтью, Уолтер легко поддавался вспышкам гнева, однако в его голосе я улавливала и неподдельный страх.

— Она моя жена, — сказал Мэтью, запуская руку в волосы. — А то, что она ведьма... всех нас чернят и обвиняют в реально существующих или вымышленных грехах.

— Но жениться на ней? О чем ты думал? — спросил ошеломленный Уолтер.

— О том, что я люблю ее.

Кит выпучил глаза. Пододвинув серебряный кувшин, он вновь наполнил кубок вином. А я-то мечтала, как буду сидеть рядом с ним у огня, говоря о литературе и магии. Мои мечты померкли в свете этого ноябрьского утра. Я не пробыла в 1590 году и суток, но уже была по горло сыта обществом Кристофера Марло.

После ответа Мэтью в гостиной установилась тишина. Они с Уолтером молча смотрели друг на друга. В отношениях с Китом Мэтью вел себя снисходительно, позволяя себе долю раздражения. С Джорджем и Томом он был терпелив, к Генри относился с братской заботой. Однако Рэли был равен Мэтью по уму, силе и, возможно, даже по безжалостности. Поэтому из всех, кто здесь находился, значимым для Мэтью было лишь мнение Уолтера. Отношения между ними строились на настороженном уважении, как между двумя волками, решающими, кому быть вожаком стаи.

— Значит, так, — медленно проговорил Уолтер, уступая авторитету Мэтью.

— Да, так, — подтвердил Мэтью, упираясь ногами в каминную решетку.

— Жениться при таком обилии тайн и врагов, как у тебя... Однако ты женился. — Вид у Уолтера был изумленно-ошеломленным. — Тебя часто упрекали в скрытности. Я всегда возражал... вплоть до сегодняшнего утра. Отлично, Мэтью. Если ты настолько смышлен и хитроумен, скажи, что́ нам отвечать, когда посыплются вопросы.

Кит шумно опустил кубок на стол, забрызгав руку красным вином.

— Не ждешь же ты, что мы...

— Угомонись! — Уолтер сердито сверкнул глазами на Марло. — Учитывая небылицы о твоей персоне, которые мы вынуждены распространять, я удивляюсь, как у тебя хватило смелости возражать. Продолжай, Мэтью.

— Благодарю, Уолтер. Вас здесь пятеро. Вы единственные во всем королевстве, кто способен выслушать мою историю и не посчитать меня сумасшедшим. — Теперь Мэтью вцепился в свои волосы уже двумя руками. — Помните, как мы говорили об идеях Джордано Бруно? Он утверждал, что существует бесконечное множество миров, а пространство и время безграничны.

Друзья моего мужа переглядывались.

— Вряд ли мы понимаем твой намек, — осторожно возразил Генри.

— Диана родом из Нового Света... — Мэтью нарочно сделал паузу, и Марло торжествующе оглядел собравшихся. — Но не из того, что существует ныне. Из будущего Нового Света.

И снова воцарилась тишина. Глаза всех повернулись ко мне.

— Она говорила, что родом из Кембриджа, — сухо напомнил Уолтер.

— Не из английского Кембриджа. Мой Кембридж находится в Массачусетсе. — От напряжения и долгого молчания у меня дрожал голос. Пришлось откашляться. — Так называется колония, которая лет через сорок появится к северу от Роанока.

Послышались возгласы. На меня посыпались вопросы. Хэрриот протянул руку и опасливо коснулся моего плеча. Убедившись, что я не призрак, он убрал руку, продолжая изумленно на меня глядеть.

— Я слышал о существах, способных подчинять время своей воле. До какого чудесного дня мы дожили. Ты согласен, Кит? Думал ли ты, что однажды познакомишься с прядильщицей времени? Но рядом с ней мы должны проявлять осторожность, иначе нас может затянуть в ее паутину и мы собьемся с жизненного пути.

Лицо Хэрриота было слегка грустным, словно он и сам согласился бы очутиться в другом мире.

— И что же привело вас сюда, госпожа Ройдон? — спросил Уолтер, перекрывая гул остальных голосов.

— Отец Дианы был ученым, — ответил за меня Мэтью.

Это заинтересовало собравшихся. Голоса загудели вновь. Уолтер поднял руку, требуя тишины.

— Ее мать тоже занималась наукой. Родители Дианы оба были ведьминой породы и умерли при загадочных обстоятельствах.

— В таком случае, Д-д-диана, у нас есть общие точки соприкосновения, — произнес Генри и содрогнулся всем телом.

Я хотела спросить графа, как понимать его слова, но Уолтер махнул Мэтью, прося продолжать.

— И в результате она не прошла обучение, какое должны проходить ведьмы, — выдал новую порцию сведений Мэтью.

— Подобная ведьма становится легкой добычей, — нахмурился Том. — Почему же в грядущем Новом Свете ведьмы не проявляют должной заботы о своих соплеменницах?

— Моя магия и связанная с ней долгая история моей семьи ничего для меня не значили. Вы должны понимать, что́ чувствуешь, когда хочешь вырваться за пределы своего происхождения.

Я посмотрела на Кита, надеясь, что сын сапожника хотя бы поймет меня, но он отвернулся.

— Нет прощения греху невежества, — пробурчал Кит.

Он возился со своим дублетом, испещренным множеством косых зубчатых прорех. Из одной торчал кусочек красного шелка, который Кит упрямо заталкивал обратно.

— И вероломству тоже, — заметил ему Уолтер. — Продолжай, Мэтью.

— Пусть Диана и не обучена ремеслу ведьмы, но она отнюдь не невежественна. Она пошла по стопам родителей и тоже стала ученой, — с гордостью сообщил Мэтью. — Ее страстно интересует алхимия.

— Женщина-алхимик не что иное, как кухонный философ, — фыркнул Кит. — Ее волнует, как сделать порумянее лицо, а не познание тайн природы.

— Алхимию я изучала в библиотеке, а не на кухне, — огрызнулась я, на мгновение забыв о здешней манере речи, и у Кита округлились глаза. — А затем я преподавала этот предмет студентам в университете.

— Значит, в будущем женщинам позволят преподавать в университете? — спросил Джордж, испытывая смешанное чувство удивления и недовольства.

— И обучаться тоже, — пробормотал Мэтью, почесав кончик носа. — Диана училась в Оксфорде.

— Должно быть, это способствовало более усердному посещению лекций, — сухо прокомментировал Уолтер. — Если бы, когда я учился в Ориель-колледже, туда принимали женщин, я бы за-

держался там подольше. Но позвольте узнать: в этой вашей колонии к северу от Роанака ученые дамы... подвергаются нападениям?

Вывод, сделанный им из услышанного, был вполне здравым.

— Разумеется, нет. Нападение не было беспричинным. Диана нашла в университете одну давно потерянную книгу.

Члены Школы ночи заерзали в креслах и вытянули шеи. Потерянные книги вызывали у них больше интереса, чем невежественные ведьмы и ученые женского пола.

— В той книге содержатся тайные сведения о мире существ, отличающихся от людей.

— Не Книга ли Тайн, где якобы речь шла о нашем сотворении? — Кит не скрывал своего изумления. — Насколько помню, Мэтью, прежде такие басни тебя совсем не занимали. Ты отметал их как суеверия и предрассудки.

— А теперь, Кит, я в это верю. Открытие, сделанное Дианой, и привело врагов к ней на порог.

— И ты в это время был с ней. Когда враги отодвинули задвижку и вошли... — Уолтер покачал головой.

— Но почему вмешательство Мэтью вызвало столь печальные последствия? — спросил Джордж.

Его пальцы ощупью искали толстый черный шелковый шнурок, на котором висели очки. Другой конец шнурка был прикреплен к дублету, сшитому по моде эпохи и имевшему утолщенную подкладку на животе. Когда Джордж двигался, подкладка шелестела, как содержимое пакета с овсяными хлопьями. Поймав круглые очки, Джордж водрузил их на нос и стал меня разглядывать, словно я была интересным музейным экспонатом.

— Да потому, что браки между ведьмами и *вargами* запрещены, — быстро догадался Кит.

Он употребил староанглийское слово, означающее вампира. Это слово я слышала впервые. Он поразило меня свистящим звуком «в» и зловещим, каким-то утробным окончанием.

— Между демонами и *вargами*, кстати, тоже, — сказал Уолтер и в знак предостережения опустил руку на плечо Кита.

— Это правда? — заморгал Джордж, взглянув на Мэтью, а затем на меня. — Никак королева запретила подобные браки?

— Это древний завет между существами нечеловеческой природы, который никто не осмеливается нарушить, — испуганным голосом пояснил Том. — Нарушителей Конгрегация призывает к ответу и наказывает.

Только вампиры возраста Мэтью помнили времена, когда завет еще не был установлен, и то, как он принимался. Демонов, вампиров и ведьм вогнали в жесткие рамки, не менее жестко обусловив их отношения с людьми. Самым важным положением стал запрет на близкие отношения между тремя видами существ иной природы. Конгрегация зорко следила за его соблюдением. В смешанных группах способности и таланты, присущие разным видам, сразу бросались в глаза. Сила ведьмы словно подхлестывала творческую энергию всех окрестных демонов, а гениальность, присущая демонам, делала красоту вампиров еще более впечатляющей. Что же касается отношений с людьми, нам предписывалось быть тише воды ниже травы и не соваться в человеческую политику и религию.

Не далее как утром Мэтью утверждал, что в конце XVI века у Конгрегации хватало забот. Тут и религиозные войны, и сожжение еретиков, и возросший голод ко всему странному и диковинному, утоляемый недавно изобретенным книгопечатанием. Вряд ли они обратят внимание на такую банальность, как любовь между ведьмой и вампиром. Но, вспоминая ошеломляющие и опасные события, не прекращавшиеся с конца сентября, когда я познакомилась с Мэтью, мне было трудно поверить его словам.

— Какая еще конгрегация? — заинтересовался Джордж. — Это название новой религиозной секты?

Уолтер пропустил вопрос друга мимо ушей. Пристально взглянув на Мэтью, он повернулся ко мне:

— И эта книга до сих пор у вас?

— Ее нет ни у меня, ни у кого-либо другого. Она вернулась в библиотеку и словно исчезла. Ведьмы ждут, что я сумею вновь заполучить ее, а потом отдам им.

— В таком случае вас преследуют по двум причинам. Одни хотят удержать вас от сближения с *варгом*, а для других вы служите необходимым средством достижения желанной цели. — Уолтер почесал переносицу и устало взглянул на Мэтью. — Ты, мой друг, словно магнит, исправно притягивающий беды. Причем в самое неподходящее время. До очередной годовщины восшествия королевы на престол осталось менее трех недель. Тебя ожидают при дворе.

— Забудь про годовщину королевы! Нам общество прядильщицы времен опасно. Она способна видеть судьбы каждого из нас.

И более того: она способна нам будущее изменить, вплести туда несчастья и даже нашу смерть ускорить. — Кит, словно ужаленный, вскочил с кресла и замер перед Мэтью. — Ради всего святого, ответь, как мог ты это сделать?

— Похоже, Кит, твой хваленый атеизм тебя подвел, — спокойно ответил Мэтью. — Боишься: а вдруг потом придется отвечать за все свои грехи?

— Пусть, Мэтью, я — не в пример тебе — не верю во всемогущество и благость Божью, но мир куда обширней. В нем много есть такого, чего не сыщешь на страницах твоих философических трактатов. И этой женщине — сей ведьме — нельзя позволить вмешательство в дела наши и жизнь. Пусть ты и очарован ею, я не хочу, чтобы будущее мое попало в руки к ней! — с пафосом заявил Кит.

— Погодите, — махнул рукой Джордж. Его лицо с каждой секундой становилось все изумленнее. — Так ты, Мэтью, приехал к нам из Честера или...

— Нет. Мэтт, ты не должен отвечать, — сказал Том с уверенностью мудреца, получившего озарение. — Среди нас появился Янус, у которого свои цели, и нам нельзя вмешиваться.

— Том, нельзя ли пояснее? — дерзко усмехнулся Кит.

— Одно лицо Мэтью и Дианы смотрит в прошлое. Другое устремлено в будущее, — сказал Том, равнодушный к вмешательству Кита.

— Но если Мэтт не... — замолчал на полуслове Джордж.

— Том прав, — угрюмо произнес Уолтер. — Мэтью — наш друг, попросивший нас о помощи. Насколько помню, он впервые просит нас о помощи. И это все, что нам нужно знать.

— Он просит слишком много, — упирался Кит.

— Слишком много? А по-моему, мало и с запозданием. Мэтью заплатил за один из моих кораблей, спас поместья Генри от разорения и который год позволяет Джорджу и Тому наслаждаться книгами и предаваться мечтам. Что же касается тебя... — Уолтер оглядел Кита с головы до ног. — Всем, что в тебе и на тебе, начиная от твоих идей до этого кубка вина и шляпы на голове, ты обязан щедрой натуре Мэтью Ройдона. И создать для его жены надежную гавань в нынешние бурные времена — пустяк по сравнению с тем, что он сделал для нас.

— Спасибо, Уолтер, — с заметным облечением произнес Мэтью и улыбнулся мне.

Однако его улыбка была осторожной. Завоевать понимание друзей — в особенности Уолтера — оказалось труднее, чем он предполагал.

— Нам понадобится сочинить историю, объясняющую появление твоей жены в Олд-Лодже, — задумчиво произнес Уолтер. — Нечто такое, что отвлекало бы внимание от ее... непохожести.

— Помимо этого, Диане нужно кое-чему поучиться, — добавил Мэтью.

— Учтивости, манерам, поведению. Никак не лишне это, — проворчал Кит.

— Нет. Ее учительницей должна стать ведьма, — пояснил Мэтью.

Уолтер негромко хмыкнул:

— Сомневаюсь, что в двадцати милях вокруг Вудстока сыщется хоть одна ведьма. Особенно когда ты здесь.

— А что это за книга, госпожа Ройдон? — спросил Джордж. Сунув руку в карман своих штанов, формой напоминающих луковицу, он вытащил шнурок с болтающейся на конце заостренной палочкой. «Свинцовый карандаш», — догадалась я. Послюнив это орудие письма, Джордж привел его в боевую готовность. — Вы могли бы рассказать, как она выглядит и чему посвящена? Я поищу в Оксфорде.

— Книга может подождать, — сказала я. — Прежде всего мне нужно обзавестись одеждой надлежащего покроя. Я не могу выйти из дому в джеркине Пьера и юбке, которую сестра Мэтью надевала на похороны Джейн Сеймур.

— Выйти из дому? — скорчил гримасу Кит. — Полный бред!

— Кит прав, — извиняющимся тоном произнес Джордж и что-то черканул у себя в записной книжке. — В Англии ваша речь сразу выдаст в вас чужестранку. Я был бы счастлив давать вам уроки красноречия и риторики.

Едва представив Джорджа Чапмена в роли Генри Хиггинса, а себя — Элизой Дулиттл, я с тоской посмотрела на дверь.

— Ей лучше рот свой на замке держать. Втолкуй ей это, Мэтт, — дудел в свою дуду Кит.

— Кто нам действительно нужен, так это смышленая женщина, способная дать Диане толковый совет. Неужели ни у кого из вас

не найдется дочери, жены или любовницы, пригодной на такую роль? — спросил Мэтью.

В гостиной стало тихо.

— Что скажешь, Уолтер? — игриво спросил Кит.

Все засмеялись. Казалось, по гостиной пронеслась летняя гроза, разрядив тяжелую обстановку. Даже Мэтью не удержался от смеха.

Под конец этой вспышки веселья в гостиной появился Пьер. Он шел, задевая камыш, разбросанный повсюду, чтобы впитывать влагу и уберегать дом от сырости. В воздухе запахло лавандой и розмарином, пучки которых тоже были разбросаны по полу. Снаружи донесся звон колоколов, возвещающих полдень. Подобно блюду с айвой, сочетание звуков и запахов перенесло меня прямо в Мэдисон.

Прошлое, настоящее и будущее встретились в одной точке. Я представляла время чем-то вроде катушки с медленно разматывающейся ниткой. Но сейчас оно словно остановилось совсем. Окружающий мир замер. У меня перехватило дыхание.

— Диана, что с тобой? — спросил Мэтью, держа меня за локти.

Что-то голубое и янтарное, странное переплетение света и цвета привлекло мое внимание. И это что-то было плотно засунуто в угол гостиной, где не могло быть ничего, кроме пыли и паутины. Заинтригованная, я попыталась двинуться в ту сторону.

— Никак у нее припадок? — спросил Генри, заглядывая через плечо Мэтью.

Колокола утихли, запах лаванды ослаб, а янтарно-голубое видение превратилось в серо-белое и исчезло.

— Простите. Мне показалось, будто я что-то увидела в углу. Скорее всего, просто игра света, — сказала я, прижимая руку к щеке.

— Возможно, на тебя подействовало несовпадение времен, mon couer, — тихо произнес Мэтью. — Я обещал тебе прогулку в парке. Хочешь выйти со мной и освежить голову?

Возможно, я страдала от последствий перемещения во времени. И свежий воздух действительно помог бы мне. Но мы только что появились в этой эпохе. Мэтью вновь встретился с друзьями, которых не видел более четырехсот лет.

— Побудь с друзьями, — твердо сказала я, хотя мои глаза тоскливо поглядывали на окна.

— Они никуда не денутся. Будут себе попивать вино, дожидаясь нашего возвращения, — улыбнулся Мэтью. Он повернулся к Уолтеру. — Хочу показать Диане ее дом и поводить по саду, чтобы запомнила расположение дорожек и не заблудилась.

— Нам с тобой еще надо поговорить, — напомнил ему Уолтер. — О важных делах.

— Дела немного обождут, — кивнул Мэтью и обнял меня за талию.

Мы оставили членов Школы ночи в теплой гостиной и направились к выходу. Том погрузился в чтение, утратив всякий интерес к перипетиям отношений между ведьмами и вампирами. Джордж предался собственным раздумьям, которые торопливо записывал в книжку. Кит пристально смотрел нам вслед. Взгляд Уолтера был настороженным, а глаза Генри — полны симпатии. Выражение лиц и темная одежда придавала им сходство со стайкой хищных воронов. Мне вспомнились слова Шекспира, которые он вскоре скажет об этой удивительной группе.

— Помнишь, как там у него? — тихо спросила я. «Черный есть преисподней цвет»?

Мэтью с грустью посмотрел на меня:

— «Черный есть преисподней цвет. Застенков цвет и школы ночи»[1].

— Правильнее было бы сказать — цвет дружбы, — возразила я.

Я видела, как Мэтью управлял сознанием читателей Бодлианской библиотеки, но никак не ожидала, что он способен влиять на ум таких людей, как Уолтер Рэли и Кит Марло.

— Скажи, Мэтью, есть что-то, чего бы они не сделали для тебя?

— Моли Бога, чтобы мы этого не узнали, — без тени улыбки ответил он.

---

[1] Эти слова произносит король Фердинанд в пьесе Шекспира «Бесплодные усилия любви», написанной в середине 1590-х гг. (акт IV, сцена 3).

Глава 3

В понедельник меня с утра отвели в кабинет Мэтью. Он находился между апартаментами Пьера и комнатой поменьше, используемой для хозяйственных нужд. Из окон открывался вид на караульную будку у ворот и Вудстокскую дорогу.

Наши парни — узнав их получше, я решила, что это слово точнее подходит для их определения, нежели величественное Школа ночи, — наши парни собрались в комнате для завтраков, как Мэтью называл это помещение. Попивая вино и эль, они выдумывали красочные подробности для моей предыстории. По заверениям Уолтера, когда плод их совместного творчества окончательно созреет, сия легенда объяснит любопытным жителям Вудстока мое внезапное появление, а также мою странную речь и манеры.

Все, что они сотворили до сих пор, выглядело крайне мелодраматичным. Ничего удивительного, если главными «закройщиками» сюжета выступали местные драматурги Кит и Джордж. Они наворотили и умерших французских родителей, и алчных аристократов, стремящихся поживиться за счет беспомощной сироты (меня), и престарелых распутников, угрожавших моей нравственности. Далее следовало эпическое повествование о моих духовных испытаниях и переходе из католичества в кальвинизм, что привело к добровольному изгнанию. Так я оказалась на берегах протестантской Англии, где несколько лет прожила в ужасающей бедности. Финалом истории была случайная встреча с Мэтью, коренным образом изменившая мою жизнь. Джордж (он и впрямь был когда-то школьным учителем) обещал упрочить в моей памяти все важные моменты этой мелодрамы, но не ранее чем господа драматурги наложат на словесное полотно завершающие мазки.

Я наслаждалась тишиной кабинета, что было редкостью в этом перенаселенном доме Елизаветинской эпохи. Словно ка-

признный, избалованный ребенок, Кит выбирал самые неподходящие моменты, чтобы отвлечь внимание Мэтью от меня. Он то приносил почту, то являлся сообщить, что обед готов, а чаще просто просил у Мэтью помощи в решении какой-нибудь проблемы. Я хорошо понимала Мэтью. Ему хотелось насладиться обществом друзей, которых он уже не увидит.

Сейчас он что-то обсуждал с Уолтером. Я дожидалась его возвращения, вертя в руках записную книжку с чистыми листами. Мэтью оставил ее у себя на столе вместе с мешочками очиненных гусиных перьев и стеклянными пузырьками, полными чернил. Тут же лежали и другие канцелярские принадлежности эпохи: брусок воска для запечатывания писем, тонкий нож для их вскрытия, свеча и серебряный предмет с мелкими отверстиями. Посчитав последний обыкновенной солонкой, я посыпала оттуда на яйца, поданные к завтраку, и очень удивилась, когда на зубах заскрипел мелкий песок.

Такая же песочница стояла и на моем столе. Чернильница была всего одна. Пытаясь освоить росчерки и завитушки почерка Елизаветинской эпохи, я опустошила четверть ее содержимого и извела три пера. А ведь составление списка дел должно было бы занять у меня всего несколько минут. Будучи историком, я годами читала старинный почерк разных людей и точно знала, как должны выглядеть буквы, какие слова употреблялись тогда чаще всего. Грамматика того времени еще не обросла словарями и правилами, и ошибочность написания была мне вполне простительна.

Я быстро убедилась: мало теоретически знать особенности письма той эпохи. Нужно самой уметь писать, как писали жившие тогда. Я потратила немало лет, чтобы стать профессионалом в своей области, но сейчас снова превратилась в студентку. Только теперь моей целью было не получение знаний о прошлом, а умение в нем жить. Письмо гусиным пером быстро сбило мою ученую спесь. Какие там успехи! Глаза бы мои не смотрели на отвратительные каракули, покрывавшие первую страницу записной книжки. Сегодня утром Мэтью вручил мне эту книжку, сказав:

— Вот тебе эквивалент ноутбука Елизаветинских времен. Ты женщина грамотная, а значит, тебе найдется, что́ сюда записать.

Я похрустела переплетом этой не слишком толстой книжицы, насладилась резким запахом старинной бумаги. Благочестивые женщины елизаветинских времен часто записывали в такие книжечки молитвы.

Диана

Первая буква моего имени получилась отвратительно жирной, а когда я дошла до последнего «а», в пере не осталось чернил. Я добросовестно старалась подражать лучшим образцам наклонного почерка того времени. Моя рука двигалась гораздо медленнее, чем рука Мэтью, когда он писал письма своим волнообразным «секретарским» почерком. Так писали юристы, врачи и другие профессионалы, но для меня сейчас эта манера письма была слишком трудной.

Бишоп

Фамилию свою я написала уже красивее. Я улыбнулась, однако тут же погасила улыбку и зачеркнула написанное. Я же вышла замуж. Обмакнув перо, я написала другую фамилию:

де Клермон

Диана де Клермон. Это словосочетание превращало меня из историка в графиню. И тут, как назло, с пера на страницу упала чернильная капля. Я чуть не выругалась, увидев свежую кляксу. К счастью, она не попала на фамилию де Клермон. Но я находилась в Англии, и эта фамилия никак не могла быть моей. Я размазала кляксу, закрыв недавно выведенные буквы, хотя при желании их можно было прочитать. Положив руку поудобнее, я вывела правильную фамилию.

Ройдон

Теперь я именовалась так. Диана Ройдон, жена одного из самых малоизвестных и загадочных фигур, связанных с таинственной Школой ночи. Я критически оглядела написанное. Мой почерк был хуже некуда. Он даже отдаленно не напоминал аккуратный круглый почерк химика Роберта Бойля или почерк его талантливой сестры Кэтрин. Я надеялась, что в конце XVI века женский почерк был более неряшливым, чем столетие спустя. Еще несколько слов, завитушка в конце, и для первого раза, пожалуй, хватит.

Ее книжка

Снаружи послышались мужские голоса. Я отложила перо и, морща лоб, подошла к окну.

Внизу разговаривали Мэтью и Уолтер. Оконные стекла заглушали их слова, но разговор явно был не из приятных. Я это поняла по измученному лицу Мэтью и ощетинившимся бровям Уолтера. Когда Мэтью махнул рукой и собрался уйти, Уолтер его задержал.

Мэтью был чем-то удручен. Это состояние охватило его с утра, едва ему принесли первую порцию дневной корреспонденции. Мэтью впал в прострацию. Он держал сумку с письмами, не торопясь ее открывать. Мне он объяснил, что это всего-навсего обычные письма, касающиеся его владений, однако я не слишком поверила его словам. Похоже, там были не только требования своевременно оплатить счета и налоги.

Я приложила теплую ладонь к холодному стеклу, словно оно было единственной преградой между мною и Мэтью. Разница температур напомнила мне о контрасте между теплокровной ведьмой и вампиром с холодной кровью. Я вернулась за стол и снова взяла перо.

— Ты все-таки решила оставить свой след в шестнадцатом веке, — сказал Мэтью.

Он появился так быстро, словно прошел сквозь стену. Мэтью улыбался уголком рта, но не мог полностью скрыть владевшего им напряжения.

— Я до сих пор сомневаюсь, стоит ли оставлять вещественное доказательство моего пребывания в этом веке, — призналась я. — Будущим исследователям оно может показаться весьма странным.

Кит сразу заподозрил, что со мной что-то не так.

— Не беспокойся. Твоя записная книжка не покинет пределов нашего дома, — сказал Мэтью, разглядывая письма у себя на столе.

— Ты не можешь за это поручиться, — возразила я.

— Знаешь, Диана, пусть история сама заботится о себе, — решительно проговорил Мэтью, словно закрывая этот вопрос.

Но я не могла отмахнуться от будущего и тревог о возможных последствиях нашего вторжения в прошлое. Кто знает, как они аукнутся через несколько сот лет?

— Я по-прежнему считаю, что нам никак нельзя отдавать Киту шахматную фигуру.

Марло, победоносно размахивающий фигуркой Дианы. Эта сцена до сих пор преследовала меня как кошмарный сон. У Мэ-

тью были весьма дорогие шахматы из серебра, где моя тезка занимала место белой королевы. Фигурка Дианы была одним из трех предметов, позволивших нам перенестись в прошлое и оказаться в нужном месте. Появилась она весьма странным образом. Накануне нашего путешествия во времени на порог теткиного дома в Мэдисоне явились двое молодых демонов: Софи Норман и ее муж Натаниэль Уилсон. Они-то и передали нам фигурку.

— Вчера вечером Кит выиграл ее честно и справедливо, что и должно было случиться. По крайней мере, теперь я хоть понял, как это ему удалось. Я отвлекся, наблюдая за его ладьей. Ловкий маневр.

Мэтью с завидной скоростью написал короткое письмо, аккуратно сложив лист. Затем он капнул расплавленным ярко-красным воском на края письма, после чего приложил туда свой перстень с печаткой. На золотой печатке был вырезан простой символ планеты Юпитер. Ничего общего с затейливой эмблемой, которую ведьма Сату выжгла на моей спине. Воск остывал, чуть потрескивая.

— Моя белая королева каким-то образом попала от Кита в семью ведьм из Северной Каролины. Нам лишь остается верить, что это произойдет снова, с нашей помощью или без нас.

— Прежде Кит не знал о моем существовании. Симпатий ко мне он не питает.

— Тогда тем более незачем волноваться. Пока серебряная Диана доставляет ему душевные страдания, он ни за что не расстанется с фигуркой. Кристофер Марло — первостатейный мазохист.

Мэтью взял еще одно из присланных писем и быстро вскрыл ножом.

У меня на столе среди прочих предметов лежала горка монет. В аспирантуре у нас не было курса, посвященного денежной системе Елизаветинской эпохи. По сути, я ничего не знала о практической стороне жизни того времени. Например, как управлять домашним хозяйством или в какой последовательности надевать нижнее белье. Я не знала, как хозяйке надлежит обращаться к слугам, и, уж конечно, не умела приготовить снадобье от головной боли, которой страдал Том. Стоило мне поговорить с Франсуазой о своем гардеробе, и я убедилась, что не знаю названий основных цветов и оттенков. Нет, кое-что я все-таки знала. Например, от-

тенок зеленого цвета, называемый «гусиным пометом». Но я ничего не слышала о цвете «крысиного волоса», как здесь называли серо-коричневый цвет. Во мне крепло желание: вернувшись в XXI век, придушить первого попавшегося историка тюдоровской эпохи за серьезнейшие упущения в учебной программе.

Но меня увлекало самостоятельное постижение особенностей здешней повседневной жизни, и раздражение быстро погасло. Я рылась в монетах, разыскивая серебряный пенни. Он был краеугольным камнем, на котором строились мои шаткие знания. Монетка величиной с ноготь большого пальца и тонкая, как облатка. На ней, как и на большинстве других монет, был отчеканен профиль королевы Елизаветы. Выложив все монеты по возрастающему номиналу, я открыла чистую страницу записной книжки и принялась записывать их названия.

— Спасибо, Пьер, — произнес Мэтью, едва взглянув на слугу.

Пьер принес очередную порцию писем, взял написанные Мэтью и быстро ушел.

Мы писали молча. Мне нравилась уютная тишина, установившаяся в кабинете. Покончив со списком монет, я стала вспоминать то, что здешний повар Шарль, весьма немногословный человек, рассказывал о приготовлении целебного напитка. Или это называлось поссетом?

Напиток от головной боли

Заголовок получился довольно ровным, хотя вид несколько портили три малюсенькие кляксы и вихляющая начальная буква «Н». Ладно, не все сразу. Обмакнув перо, я продолжила.

Поставить воду кипятиться. Взбить два яичных желтка. Добавить к ним белого вина и взбивать дальше. Когда вода закипит, поставить ее остывать, затем влить туда желтки, взбитые с вином. Снова поставить на огонь и, помешивая, довести до кипения, добавив шафран и мед.

Получившаяся смесь выглядела отталкивающе. Пронзительно-желтого цвета, она имела консистенцию жидкого творога. Однако Том без возражений проглотил это варево. Когда затем я спросила Шарля о точных пропорциях меда и вина, он лишь

всплеснул руками, ошарашенный моим невежеством, и молча удалился.

Я всегда втайне мечтала пожить в прошлом, но и представить не могла, до чего трудной окажется эта жизнь. Я вздохнула.

— Чтобы освоиться здесь, тебе мало записной книжки, — сказал Мэтью, поднимая глаза от писем. — Тебе понадобится своя комната. Почему бы не обосноваться в кабинете? Комната достаточно светлая и может служить тебе библиотекой. Или можешь превратить ее в алхимическую лабораторию. Впрочем, если ты собираешься трансмутировать свинец в золото, для таких занятий нужно более уединенное место. Пожалуй, комната возле кухни — это то, что нужно.

— Комната возле кухни не лучший выбор. Шарль и так на меня косо смотрит.

— Он на всех косо смотрит. И Франсуаза тоже. Единственный, для кого она делает исключение, — как раз Шарль. Его Франсуаза почитает как непризнанного святого и даже прощает ему пристрастие к выпивке.

В коридоре послышались тяжелые шаги. Дверь открылась, и на пороге появилась Франсуаза. Как всегда, у нее было недовольное лицо.

— Тут люди пришли к госпоже Ройдон, — объявила служанка, отходя в сторону.

Я увидела седовласого старика лет семидесяти с мозолистыми руками. Рядом с ним смущенно переминался с ноги на ногу молодой мужчина. Оба — люди.

— Здравствуй, Сомерс, — хмуро произнес Мэтью, обращаясь к старику. — А это никак молодой Джозеф Бидуэлл?

— Он самый, господин Ройдон, — закивал молодой и, спохватившись, снял шапку.

— Госпожа Ройдон позволит снять с нее мерки, — сказала им Франсуаза.

— Мерки?

Мэтью взглянул на меня, затем на Франсуазу, требуя незамедлительного объяснения.

— Туфли. Перчатки. Пополнить гардероб мадам, — сказала служанка.

В отличие от нижних юбок, туфли шились по ноге.

— Это я попросила Франсуазу послать за ними, — пояснила я, надеясь, что Мэтью мне подыграет.

Услышав мою странную речь, Сомерс выпучил глаза, но тут же справился с изумлением и вновь придал лицу почтительно-нейтральное выражение.

— Путешествие моей жены сюда оказалось на редкость трудным, — сказал Мэтью, включаясь в игру. Он вышел из-за стола и встал рядом со мной. — Все вещи из ее гардероба пропали. Как ни печально, Бидуэлл, но у нас нет ни одной пары туфель, которые ты бы смог взять за образец.

Мэтью положил мне руку на плечо. Я поняла его предостережение: молчать и больше не пытаться ничего объяснять.

— Вы позволите, госпожа Ройдон? — спросил Бидуэлл.

Он нагнулся и развязал шнурки чужих башмаков, которые отвратительно держались на моих ногах. Эта обувь могла навести сапожника на мысль, что я совсем не та, за кого себя выдаю.

— Начинай, — ответил за меня Мэтью.

Франсуаза поглядела на меня с сочувствием. Она знала, каково приходится, когда Мэтью Ройдон заставляет молчать.

Обнаружив, что нога у меня теплая, парень заметно удивился. Наверное, представлял меня вампиршей.

— Занимайся делом! — сурово напомнил ему Мэтью, явно уловив замешательство сапожника.

— Да, сэр... милорд... господин Ройдон.

Парень бормотал все известные ему титулы, за исключением «ваше величество» и «князь тьмы». Полагаю, они тоже вертелись у него на языке.

— А где твой отец, дружище? — уже мягче спросил Мэтью.

— Заболел он, господин Ройдон. Вот уже четыре дня, как не встает.

Из поясной сумки сапожник достал кусок фетра, на который поочередно поставил мои ступни, обведя их контуры палочкой древесного угля. Сделав какие-то пометки, он быстро покончил со снятием мерок. Затем Бидуэлл вытащил забавного вида книжицу, где вместо страниц были квадратики разноцветной кожи, сшитые вместе. Ее он протянул мне, предлагая выбрать цвет обуви.

— Мастер Бидуэлл, а какие цвета нынче в моде? — спросила я, отмахиваясь от книжицы.

Мне требовался совет, но никак не тест с вариантами выбора.

— Леди, собирающиеся ко двору, выбирают белый, с отделкой золотом или серебром.

— Мы не собираемся ко двору, — быстро сказал сапожнику Мэтью.

— Тогда черный или вот еще — желто-коричневый.

Бидуэлл полистал свою книжицу, найдя квадратик цвета карамели. Мэтью согласился, не дав мне и рта раскрыть.

Теперь настал черед старика. Он тоже удивился, взяв мою руку и ощутив мозоли на ладонях. Женщины из высшего общества, выходившие замуж за таких мужчин, как Мэтью, не занимались гребным спортом. Заметил Сомерс и бугор на среднем пальце правой руки — последствия привычки слишком плотно сжимать ручку. Опять-таки леди не утруждали себя письмом. Он надел мне на правую руку мягкую замасленную перчатку. Перчатка была значительно крупнее моей руки. В кромку была воткнута игла с грубой ниткой.

— Скажи, Бидуэлл, у твоего отца есть все необходимое? — спросил сапожника Мэтью.

— Да, господин Ройдон, спасибо, — ответил Бидуэлл и поклонился.

— Шарль пошлет ему заварного крема и оленины. — Серые глаза Мэтью прошлись по тощей фигуре молодого сапожника. — И вина тоже.

— Старый мастер Бидуэлл будет признателен за вашу доброту, — сказал Сомерс.

Манипулируя ниткой, он уменьшал размер перчатки, чтобы та плотно сидела на моих пальцах.

— Еще больные есть? — спросил Мэтью.

— У Рейфа Мидоуза девчонку свалила сильная лихорадка. Мы уже боялись за старину Эдварда, но его только боком зацепило, — лаконично ответил Сомерс.

— Надеюсь, дочка Мидоуза поправилась?

— Нет. — Сомерс оборвал нитку. — Три дня назад похоронили, да упокоит Господь ее душу.

— Аминь, — произнесли все, кроме меня.

Франсуаза едва заметным кивком указала на Сомерса. Поняв намек, я запоздало пробормотала «аминь».

Пообещав, что туфли и перчатки будут готовы через несколько дней, оба ремесленника поклонились и ушли. Франсуаза тоже хотела уйти, однако Мэтью ее задержал.

— Больше никого к Диане не звать! — отчеканил он. — Пусть Эдварду Камберуэллу найдут сиделку, чтобы присматривала за ним, и снабжают едой и питьем.

Франсуаза смиренно сделала реверанс и ушла, наградив меня еще одним сочувственным взглядом.

— Боюсь, люди в деревне поймут, что я чужеродный элемент, — сказала я, поднося руку к вспотевшему лбу. — Я не умею произносить гласные звуки, как они. Понижаю голос в конце фразы, тогда как нужно повышать. Я не знаю, когда нужно говорить «аминь». Мэтью, пусть кто-нибудь научит меня молиться. Я должна с чего-то начать и...

— Сбрось обороты, — сказал он, обнимая меня за талию.

Даже через корсет и несколько слоев ткани его прикосновение было успокаивающим.

— Это не устный экзамен в Оксфорде и не твой дебют на сцене. Зубрежка и репетиции здесь не помогут. И прежде чем звать Бидуэлла и Сомерса, тебе следовало бы спросить меня.

— Как тебе удается без конца представать в новом обличье? — удивилась я.

А ведь Мэтью делал это постоянно, из века в век. Разыгрывал свою смерть, чтобы затем появиться в другой стране, говорить на другом языке и называться другим именем.

— Первый и самый главный фокус: перестать делать вид. — Не обращая внимания на мое явное замешательство, он продолжил: — Вспомни, о чем я говорил тебе в Оксфорде. Ты не сможешь жить под лживыми масками, выдавая себя за человека, когда на самом деле ты ведьма, или пытаясь сойти за женщину Елизаветинской эпохи, когда ты проникла в эту эпоху из двадцать первого века. Но сейчас это твоя жизнь. Живи в этом времени, а не пытайся играть роль.

— Но мой американский акцент, манера ходить...

Я и сама заметила, что мои шаги шире, чем у здешних женщин, однако Кит стал открыто насмехаться над моей мужской походкой и привлек к ней всеобщее внимание.

— Ты приспособишься. Какое-то время люди буду чесать языки. Но в Вудстоке не прислушиваются ни к чьему мнению. Вскоре к тебе привыкнут, и сплетни прекратятся.

Его слова меня не убедили.

— Много ли ты знаешь о сплетнях?

— Достаточно, чтобы утверждать: ты свежая пища для болтовни. Через неделю они найдут себе новую тему. — Мэтью посмотрел на мою записную книжку, заметив неровный почерк и кляксы. — Ты слишком крепко сжимаешь перо, поэтому чернила не вытекают как надо, а кончики перьев ломаются. Ты и за свою новую жизнь держишься слишком крепко.

— Никогда бы не подумала, что жизнь в шестнадцатом веке окажется такой трудной.

— Ты быстро учишься. В Олд-Лодже ты среди друзей и тебе ничто не угрожает. Только пока не надо больше никого сюда звать... И что же ты успела записать?

— В основном свое имя.

Мэтью перелистал страницы, заполненные моими каракулями, и удивленно изогнул бровь:

— Смотрю, у тебя тут настоящая подготовка к экзаменам по экономике и кулинарии. Зачем? Почему бы просто не писать о том, что происходит вокруг тебя?

— Потому что мне нужно знать, как в шестнадцатом веке вели домашнее хозяйство. Согласна, дневник тоже был бы нелишним. — Я задумалась о дневнике. Мое восприятие времени, в котором я оказалась, по-прежнему оставалось хаотичным, и дневник помог бы упорядочить ощущения. — Писать имена полностью недопустимо. В тысяча пятьсот девяностом году люди ограничивались инициалами, экономя бумагу и чернила. И уж тем более не считали нужным записывать свои мысли и эмоции. Зато они отмечали погоду и фазы Луны.

— Особенности повседневных записей в Англии шестнадцатого века ты знаешь превосходно. Ставлю тебе высший балл, — засмеялся Мэтью.

— А то, о чем писали женщины, отличалось от тематики мужских записей? — спросила я.

Его пальцы сжали мне подбородок.

— Не будь такой дотошной. Не забивай себе голову делами других женщин. Проявляй свою неповторимую индивидуальность.

Я кивнула. Мэтью поцеловал меня и вернулся за свой стол.

Стараясь держать перо как можно свободнее, я начала новую страницу. Дни недели я решила изображать астрологическими символами, отмечать, какая погода была в тот день, а о жизни в Олд-Лодже писать лаконично и туманными фразами. Если моя

записная книжка и всплывет где-то в будущем, ее посчитают заурядным дневником. Во всяком случае, я так надеялась.

♄ 31 октября 1590 г. дождь, потом ясно

Сегодня муж представил меня своему доброму другу К. М.

☉ 1 ноября 1590 г. холодно и сухо

Рано поутру я познакомилась с Дж. Ч. После восхода приехали Т. Х., Г. П. и У. Р., все они друзья моего мужа. Наступило полнолуние.

В будущем какой-нибудь исследователь, возможно, заподозрит, что эти инициалы имеют отношения к Школе ночи, особенно если учесть фамилию Ройдон на заглавной странице, но подозрениями все и ограничится. И потом, в наши дни лишь немногие ученые интересовались этой группой интеллектуалов. Образованность членов Школы ночи соответствовала высшим меркам эпохи Возрождения. Они с пугающей быстротой переходили с современных языков на древние и обратно. Аристотеля они знали вдоль и поперек. А когда Кит, Уолтер и Мэтью начинали говорить о политике, их энциклопедические познания в истории и географии задавали планку, недосягаемую для остальных. Порой Джорджу и Тому удавалось вклиниться со своим мнением, однако глухота и заикание Генри не позволяли ему быть полноценным участником этих сложных бесед. Бóльшую часть времени Генри оставался внимательным слушателем, застенчиво и почтительно поглядывая на спорящих. Меня это особенно умиляло, поскольку граф по своему положению был выше всех остальных. В менее людной компании, пожалуй, и я бы включилась в общий разговор.

Что же касается Мэтью, то вдумчивый ученый, сосредоточенный на результатах своих исследований и погруженный в рассуждения о будущем видов, исчез. Я полюбила того Мэтью, а сейчас снова и снова влюблялась в его версию из XVI века. Меня восхищали взрывы его смеха и каждая мимолетная реплика, бросаемая им, когда у них начиналась очередная баталия по поводу того или иного хитроумного вопроса философии. За обедом Мэтью постоянно шутил, а идя по коридорам, что-то напевал себе под нос. В спальне, у камина, он наслаждался игрой с собаками — двумя

громадными лохматыми мастифами, которых звали Анаксимандр и Перикл. В современном Оксфорде или во Франции Мэтью всегда казался мне немного печальным. А здесь, в Вудстоке конца XVI века, он был счастлив. Правда, иногда смотрел на своих друзей так, словно до конца не верил в их реальность.

— Теперь ты понял, как сильно по ним скучал? — не удержалась и спросила я.

— Вампирам нельзя раздумывать о тех, кто остался в прошлом, — ответил Мэтью. — Иначе мы бы сошли с ума. И потом, мне было чем их вспомнить. Их слова, их портреты. Но полным-полно мелочей, которые забываешь: выражение лиц, звук смеха.

— Отец постоянно носил в кармане карамельки, — прошептала я. — Я напрочь забыла об этом и не вспоминала, пока не попала в Ла-Пьер.

Закрыв глаза, я и сейчас ощущала запах, исходящий от этих конфеток, и слышала шуршание целлофанового пакета, трущегося о ткань отцовской рубашки.

— И сейчас ты ни за что не откажешься от этих воспоминаний, — тихо сказал Мэтью. — Даже ради избавления от душевной боли.

Он взялся за очередное письмо. Перо с легким скрипом двигалось по бумаге. Лицо Мэтью вновь приняло сосредоточенное выражение, а на переносице появилась небольшая складка. Я старалась держать перо так же, как он. Я заметила, что он реже обмакивает перо в чернильницу. Мэтью был прав: если не держать перо мертвой хваткой, писать становится намного легче.

О чем же еще написать? Сегодня был праздник Всех душ — традиционный день поминовения усопших. В доме говорили о густом инее, покрывшем листья в саду. Пьер обещал, что завтра будет еще холоднее.

1 ноября 1590 г. иней

Снимали мерки для обуви и перчаток. Франсуаза шьет.

Франсуаза шила мне теплый плащ и готовила одежду для скорой зимы. Все утро она провела на чердаке, роясь в одежде, оставшейся после Луизы де Клермон. Платья сестры Мэтью с их квадратными воротниками и пышными рукавами были в моде лет шестьдесят назад. Франсуаза переделывала их, стараясь приблизить к требованиям нынешней моды — экспертами здесь высту-

пали Уолтер и Джордж — и моей фигуры, не слишком похожей на статуэтку. Одно платье — черное с серебристой отделкой — ей особенно не хотелось распарывать. Платье было довольно красивым. Но Мэтью настаивал на переделке. Учитывая Школу ночи, в полном составе обитавшую сейчас под крышей его дома, мне требовались не только официальные наряды, но и практичная повседневная одежда.

— Но, милорд, в этом платье леди Луиза выходила замуж, — возражала Франсуаза.

— Да, за восьмидесятипятилетнего старца, похоронившего всех своих детей, имевшего больное сердце и множество прибыльных поместий. Думаю, вложения семьи давным-давно перекрыли стоимость этого платья, — ответил Мэтью. — Диана походит в нем, пока ты не сделаешь ей что-нибудь получше.

Разумеется, я не могла воспроизвести в книжке этот разговор. Я тщательно выбирала каждое слово, чтобы чужие глаза не увидели в записи ничего, кроме банальностей. Но для меня за словами вставали яркие образы тех, с кем я недавно познакомилась, их голоса и разговоры. Если книжка доживет до нашего времени, будущий читатель обнаружит в ней лишь сухие, выхолощенные фрагменты моей жизни. Историки усердно рылись в подобных документах, безуспешно пытаясь увидеть все богатство и многообразие жизни, скрытой за простыми строчками.

Мэтью вполголоса выругался. В этом доме не только мне было что скрывать.

Сегодня мой муж получил много писем и подарил мне эту книжку для памятных записей.

Я подняла руку с пером, требовавшим очередного глотка чернил. В этот момент дверь открылась. Вошли Генри и Том, разыскивавшие Мэтью. Меня удивило не их внезапное появление, а пробуждение собственного третьего глаза. Он широко открылся. Во мне только начало развиваться присущее ведьмам умение повелевать силами воды, огня и ветра. С тех пор как мы переместились сюда, эти способности странным образом исчезли. Ведьмин третий глаз, расширявший восприятие, позволял видеть не только черно-красный ореол вокруг Мэтью, но и серебристое свечение вокруг Тома и едва заметное зелено-черное мерцание, окружавшее Генри. Свечение каждого было таким же неповторимым, как отпечатки пальцев.

Мне вспомнились голубые и янтарные нити в углу гостиной. Что же могло означать исчезновение одних сил и появление других? Вот и сегодня утром...

Я опять видела краешком глаза янтарное свечение с вкраплением голубых точек. Потом услышала... нет, скорее почувствовала совсем слабое эхо. Но стоило мне повернуть голову и попытаться найти источник, ощущение пропало. Боковым зрением я еще видела пульсирующие нити, словно время звало меня вернуться домой.

После своего первого перемещения во времени, длившегося несколько минут, я начала воспринимать время как субстанцию, сотканную из разноцветных светящихся нитей. Сосредоточившись повнимательнее, я могла выделить в их переплетении какую-то одну нить и добраться до ее начала. Нынче, пройдя через несколько веков, я поняла: за кажущейся простотой скрывались узлы бесчисленных вероятностей. Варианты прошлого, настоящего и будущего исчислялись миллионами. Исаак Ньютон считал время одной из важнейших сил природы, неподвластных управлению. Сумев попасть в 1590 год, я была склонна согласиться с ним.

— Диана? Ты как себя чувствуешь?

Встревоженный голос Мэтью выбил меня из моих раздумий, скорее похожих на транс. Лица Генри и Тома тоже были встревоженными.

— Прекрасно, — по обыкновению ответила я.

— Я бы так не сказал. — Мэтью швырнул перо на стол. — У тебя изменился запах. Думаю, твоя магия тоже начинает меняться. Кит прав. Мы должны как можно скорее найти тебе ведьму-учительницу.

— Пока еще слишком рано звать сюда ведьму, — возразила я. — Мне сейчас намного важнее научиться выглядеть и говорить так, будто я здесь родилась.

— Другая ведьма сразу поймет, что ты умеешь перемещаться во времени, — возразил Мэтью. — Она примет это во внимание. Или тебя тревожит что-то еще?

Я покачала головой, стараясь не встречаться с ним глазами.

Мэтью не требовалось видеть нити времени, разматывавшиеся в углу, чтобы почувствовать неладное. Если уж он заподозрил, что я раскрываю не все грани своей магии, мне тем более будет не скрыть своих тайн от любой ведьмы, которая вскоре может здесь появиться.

Глава 4

Школа ночи проявила искреннее рвение, помогая Мэтью найти для меня ведьму. Предложения выявили общее пренебрежение, испытываемое членами ко всем вообще и к женщинам и ведьмам в частности, кто не имел университетского образования. Генри счел Лондон наиболее плодотворным местом для поисков, однако Уолтер стал его убеждать, что в столь большом городе меня будет невозможно скрыть от суеверных соседей. Джордж предложил обратиться к оксфордским ученым, поскольку те хотя бы обладали необходимым уровнем образованности. Том и Мэтью подвергли суровой критике сильные и слабые стороны философов-натуралистов, обитающих в Олд-Лодже, и эта идея тоже была отброшена. Кит вообще считал неразумным поручать обучение какой-либо женщине и составил список местных джентльменов, которые, возможно, согласятся заниматься со мной. В списке значился священник церкви Святой Марии, превосходно умеющий распознавать апокалиптические знамения в небе, а также местный землевладелец по фамилии Смитсон. Он увлекался алхимией и искал себе помощников среди ведьм или демонов. Был там и студент оксфордского колледжа Крайст-Чёрч. Тот задолжал за книги и платил долги составлением гороскопов.

Мэтью наложил вето на все эти предложения и позвал вдову Битон — знахарку и повитуху из Вудстока. Школа ночи презрительно сморщила носы: женщина и вдобавок бедная. Однако, по мнению Мэтью, то и другое сделает ее сговорчивее. К тому же вдова Битон была единственной на всю округу, кто имел магические способности. Остальные, как признался он, давным-давно сбежали, не желая жить рядом с *варгом*.

— Вряд ли стоило звать сюда вдову Битон, — сказала я, когда мы готовились лечь спать.

— Ты это уже говорила, — ответил Мэтью. Чувствовалось, он ждет не дождется прихода знахарки. — Но если вдова Битон сама не сможет нам помочь, то порекомендует сведущих людей.

— Мэтью, конец шестнадцатого века не лучшее время, чтобы открыто расспрашивать о ведьмах.

Я лишь слегка заикнулась об охоте на ведьм, когда члены Школы ночи оживленно обсуждали места поисков и кандидатуры возможных моих учителей. Мэтью знал о грядущих ужасах, но развеял мои опасения.

— Суды над ведьмами в Челмсфорде — дело прошлое. А до процессов в Ланкашире еще целых двадцать лет. Если бы сейчас в Англии процветала охота на ведьм, мы бы просто не появились в этом времени.

Он взял со стола письма, недавно принесенные Пьером.

— Хорошо тебе рассуждать. Твои научные интересы лежат в другой сфере. Ты не историк, — без обиняков сказала я. — Челмсфорд и Ланкашир были пиковыми точками. Ведьм преследовали по всей Англии.

— Ты считаешь, что историк способен понимать особенности данного отрезка времени лучше живущих в этом времени? — с нескрываемым скептицизмом спросил Мэтью.

— Да. — Я чувствовала, что начинаю раздражаться. — Зачастую мы понимаем эпоху лучше ее современников.

— Однако утром, когда ты не смогла догадаться, почему в доме нет ни одной вилки, ты говорила совсем другое, — напомнил мне Мэтью.

Я и в самом деле потратила минут двадцать, обшарив все мыслимые места в поисках вилок. Потом Пьер деликатно объяснил мне, что этот предмет столового обихода пока еще не распространился по всей Европе.

— Но ты же наверняка не принадлежишь к числу тех, кто уверен, будто историки лишь запоминают даты и изучают какие-то туманные факты, — продолжала я. — Моя задача — понять, почему в прошлом произошли те или иные события. Когда что-то происходит у тебя перед глазами, причины не всегда ясны. Взгляд из будущего дает более четкую перспективу.

— В таком случае можешь успокоиться, поскольку у меня есть и опыт, и ви́дение перспективы, — сказал Мэтью. — Я вполне понимаю твои опасения, но обращение к вдове Битон — правильный шаг.

За высказанными словами я уловила невысказанные: «Вопрос закрыт».

— В последнее десятилетие шестнадцатого века случались неурожаи. Люди голодали и, естественно, боялись за свое будущее, — выпалила я. — То есть боятся сейчас. А это значит, что они ищут козлов отпущения, на кого можно свалить вину за неурожаи и прочие беды. Обычные знахарки и повивальные бабки боятся, что их обвинят в колдовстве, хотя твои высокоученые друзья могут и не знать о подобных «мелочах».

— В Вудстоке я самая могущественная персона, — сказал Мэтью, обнимая меня за плечи. — Никто не посмеет тебя ни в чем обвинить.

Я была удивлена этим всплеском его высокомерия.

— Я здесь чужая. Вдова Битон ничем мне не обязана. Но если я привлеку к себе внимание, это рикошетом может ударить по ней. Прежде чем просить ее о помощи, я должна производить впечатление женщины из высшего сословия. Дай мне несколько недель.

— Диана, это не может ждать! — резко возразил Мэтью.

— Я же прошу время не на разные пустяки. Я не говорю: «Подожди, пока я не научусь вышивать по образцам и варить варенье». Мои опасения не беспочвенны. — Я угрюмо посмотрела на мужа. — Спорить я не намерена. Зови свою знахарку. Но не удивляйся, если все пойдет не так, как ты думаешь.

— Доверься мне, — сказал Мэтью с явным намерением меня поцеловать.

Его глаза подернулись пеленой. В нем обострилось инстинктивное стремление догнать добычу и подчинить своей воле. Это было не только желанием мужа из XVI века повелевать женой. Вампир хотел подчинить себе ведьму.

— Меня споры ничуть не возбуждают, — сказала я и отвернулась.

Зато Мэтью был возбужден. Я даже отодвинулась от него на несколько дюймов.

— Я не спорю, — тихо произнес Мэтью. Его рот находился возле моего уха. — А вот ты споришь. И если, жена, ты думаешь, что я когда-нибудь во гневе овладею тобой, ты очень сильно ошибаешься. — Его ледяные глаза приковали меня к балдахинному столбу. Мэтью повернулся и стал натягивать штаны. — Пойду вниз. Кому-то из них явно не спится. Пусть составят мне компа-

нию. — Возле двери Мэтью остановился. — И если всерьез хочешь вести себя как женщина Елизаветинской эпохи, перестань сомневаться в моих словах, — довольно сердито произнес он и ушел.

На следующий день вампир, двое демонов и трое людей молча взирали на меня, застыв на широких половицах. Колокола церкви Святой Марии пробили очередной час, но слабое эхо их звона еще оставалось. В воздухе пахло айвой, розмарином и лавандой. Я восседала на жестком и неудобном стуле, облаченная в немыслимое число нижней и верхней одежды и туго затянутая в корсет. Из-за него мне было тяжело дышать. С каждым выдохом моя прежняя жизнь в XXI веке, ориентированная на научную карьеру, бледнела и расплывалась. Я смотрела на серый день за окнами, по стеклам которых барабанили струи дождя.

— Elle est ici[1], — доложил Пьер, мельком взглянув в мою сторону. — Ведьма здесь и готова встретиться с вами, мадам.

— Наконец-то, — пробормотал Мэтью.

Строгий покрой дублета делал его плечи еще шире. Желуди и дубовые листья, вышитые черными нитками по краям белого воротника, подчеркивали бледность его кожи. Мэтью наклонил голову, чтобы посмотреть на меня под другим углом зрения и убедиться, произвожу ли я впечатление досточтимой жены из Елизаветинской эпохи.

— Ну как, этого достаточно? — спросил он, обращаясь к друзьям.

— Да, — сказал Джордж, опуская очки. — Красно-коричневый цвет этого платья намного лучше подходит Диане, чем цвет ее прежнего наряда. Вдобавок он выгодно оттеняет ее волосы.

— Ты прав, Джордж. Внешне госпожа Ройдон не отличается от английских женщин. Но мы не сможем объяснить особенности ее речи тем, что она жила на с-с-севере Англии, — монотонно пробасил Генри. Он подошел ко мне и осторожно расправил складки подола моей парчовой юбки. — И потом, ее рост, который не скроешь ничем. Она даже выше королевы.

— Уолт, а ты уверен, что ее нельзя выдать за француженку или голландку? — спросил Том. Пальцами, перепачканными черни-

[1] Она здесь *(фр.)*.

лами, он поднес к носу... апельсин, искусно украшенный цветками гвоздики, — своеобразный аналог освежителя воздуха. — Думаю, госпожа Ройдон смогла бы прижиться в Лондоне. Конечно, демоны сразу поняли бы, кто она, но люди едва ли обратили бы на нее внимание.

Эти слова заставили Уолтера удивленно хмыкнуть и встать с низкой скамейки.

— Госпожа Ройдон отличается не только высоким ростом. Она прекрасно сложена. Думаю, мужчины, начиная с тринадцатилетних и заканчивая шестидесятилетними, будут разглядывать ее со вниманием и интересом. Нет, Том, уж пусть лучше остается здесь, в обществе вдовы Битон.

— С вдовой Битон я могла бы встретиться и одна. Например, в деревне, — сказала я, надеясь, что хотя бы у кого-то из них хватит здравого смысла убедить Мэтью выпустить меня из дому.

— Нет! — хором воскликнули шесть испуганных мужских голосов.

Франсуаза принесла на выбор две накидки: одну из накрахмаленного полотна, а вторую — кружевную. Грудь служанки вздымалась, как у разгневанной курицы, отгоняющей драчливого петуха. Нас обеих раздражало постоянное вмешательство Мэтью.

— Диана не собирается ко двору. Эта накидка ей совершенно ни к чему, — заявил он, недовольно махнув рукой. — Лучше придумай, что можно сделать с ее волосами.

— Вы совсем не понимаете, что нужно и чего не нужно, — ответила своему господину Франсуаза.

Невзирая на то что она была вампиром, а я ведьмой, нас неожиданно сблизил мужской идиотизм.

— Что мадам де Клермон желает выбрать?

Я пригляделась. Одна накидка была из полупрозрачной ткани, искусно собранной в складки. Вторая напоминала снежинки, соединенные невидимыми стежками. Снежинки выглядели приятнее, и я потянулась к ним.

Пока Франсуаза прикрепляла накидку к краю корсета, Мэтью сделал новую попытку придать моим волосам более привлекательный вид.

— Не трогайте! — прикрикнула на него Франсуаза и даже оттолкнула его руку.

— Я буду трогать свою жену, когда пожелаю. И перестань называть Диану мадам де Клермон! — прогремел Мэтью, опуская

руки к моим плечам. — Когда я это слышу, мне так и кажется, что сейчас дверь откроется и войдет моя мать.

Он раздвинул края накидки и ослабил черный бархатный шнурок, за которым скрывались булавки, воткнутые Франсуазой.

— Мадам — замужняя женщина. Ее грудь должна быть прикрыта. О мадам и так уже ходят сплетни, — возразила Франсуаза.

— Сплетни? — насторожилась я. — Какие еще сплетни?

— Вчера вы не были в церкви. Все решили, что вы либо беременны, либо заболели оспой. А этот еретик-священник считает вас католичкой. Другие называют вас испанкой.

— Испанкой?

— Да, мадам. Вчера слышали вашу речь возле конюшни.

— Так я же упражнялась во французском языке!

Я всегда здорово умела подражать. Возле конюшни я пробовала говорить по-французски, подражая величественной манере Изабо. Мне думалось, это сделает мою легенду более убедительной.

— Сыну конюха ваш язык не показался французским.

Судя по тону Франсуазы, сомнения этого парня она принимала всерьез.

Осмотрев меня со всех сторон, служанка осталась довольна.

— Вы выглядите так, как и должна выглядеть уважаемая женщина.

— Fallaces sunt rerum species, — язвительно произнес Кит, отчего Мэтью снова нахмурился. — «Обманчивой бывает внешность». И эти ухищрения не убедят других.

— Не стоит с утра пораньше цитировать Сенеку, — сказал Уолтер, предостерегающе поглядев на Кита.

— Для стоицизма нет понятия «рано», — на полном серьезе ответил Кит. — Скажи еще спасибо, что я не привел строчек из Гомера. А что мы слышали недавно — лишь жалкий парафраз из «Илиады». Ты греческий оставь, любезный Джордж, тому, кто сведущ в нем. Таким, как Мэтт.

— Но мой перевод Гомера еще не закончен! — вспыхнул Джордж.

Его ответ спровоцировал целую лавину латинских цитат, вылившихся из уст Уолтера. Какая-то из них вызвала усмешку Мэтью. Мой муж произнес фразу на языке, который показался мне греческим. Казалось, все напрочь забыли о ведьме, ждущей внизу.

Мужчины с энтузиазмом занялись своим любимым времяпрепровождением — словесным турниром. Я привалилась к жесткой спинке стула.

— Когда они в прекрасном настроении, как сейчас, они сущее чудо, — шепнул мне Генри. — Здесь, госпожа Ройдон, собрались лучшие умы королевства.

К этому времени Марло и Рэли кричали друг на друга, обсуждая достоинства и недостатки политики ее величества по части освоения и исследования новых земель. Похоже, недостатков было больше.

— Снабжать деньгами, Уолтер, таких, как ты, авантюристов — все равно что в Темзу горстями золото швырять, — насмешливо заявил Кит.

— Авантюристов? Зато ты и в солнечный день из дому носа не высунешь, поскольку боишься кредиторов! — Голос Уолтера дрожал от негодования. — Какой же ты глупец, Кит!

Мэтью с возрастающим изумлением следил за их перепалкой.

— Кто тебе угрожает на сей раз? — спросил он Марло, поднося к губам кубок с вином. — И сколько стоит избавление от их угроз?

— Мой портной, — буркнул Кит, указав на свой модный, дорогой наряд. — Печатник, за «Тамерлана»[1]. — Он умолк, не решаясь назвать внушительные суммы. — Еще мерзавец этот, Хопкинс, возомнивший себя моим домовладельцем. Но у меня есть это! — Кит взмахнул серебряной фигуркой Дианы, которую выиграл у Мэтью в субботу.

Я насторожилась и даже наклонилась вперед. Мне до сих пор было боязно выпускать фигурку из поля зрения.

— Ты не настолько бедствуешь, чтобы закладывать эту безделушку за гроши. — Мэтью мельком посмотрел на меня и сделал легкое движение рукой; я облегченно вздохнула. — Я расплачусь с твоими кредиторами.

Пряча в карман серебряную богиню, улыбающийся Марло вскочил на ноги:

— Мэтт, ты безотказен и надежен, как всегда. Не беспокойся, я все верну сполна.

---

[1] Пьеса Кристофера Марло, написанная в 1590 г. и ставшая вехой в истории английского театра.

— Разумеется, — почти в унисон пробормотали сомневающиеся Мэтью, Уолтер и Джордж.

— Ты деньги не транжирь особо, чтобы хватило на покупку бороды, — продолжал Кит, удовлетворенно поглаживая собственную. — А без нее ты выглядишь ужасно.

— Покупку бороды? — переспросила я, думая, что не так поняла.

Должно быть, Марло опять употребил жаргонное выражение своей эпохи, хотя Мэтью настоятельно просил его избегать сленга в моем присутствии.

— Есть в Оксфорде цирюльник. Он колдун. У мужа вашего, как и у всех из их породы, не скоро волосы растут. Сейчас он чисто выбрит. — Я ошеломленно смотрела на Кита, по-прежнему не понимая, куда он клонит, и драматург с нарочитой терпеливостью продолжил: — Мэтт без бороды заметен слишком. Без бороды ему никак нельзя. Поскольку ваших ведьминых талантов не хватает, чтобы бороду ему отрастить, придется нам искать других, кому по силам это.

Неподалеку от меня стоял столик, сделанный из древесины вяза. На столике — пустой кувшин. Сравнительно недавно Франсуаза поместила туда ветви, срезанные в саду: каменный дуб, ветки мушмулы с коричневыми плодами, напоминающими бутоны роз, а также несколько белых роз. Намерения служанки были вполне понятны: ей хотелось добавить цвета и приятного запаха. Несколько часов назад я переставила букет, сделав так, чтобы мушмула и розы оказались впереди. Я думала обо всем саде. Секунд пятнадцать я наслаждалась результатами, пока цветы и плоды не увяли у меня на глазах. Энергия увядания стекала с кончиков моих пальцев, распространяясь во все стороны. Руки покалывало от сведений о растениях, от ощущения солнечного тепла, от дождя, принесшего желанную влагу. Я чувствовала силу корней, противостоящих ветру, и даже вкус земли.

Мэтью был прав. Здесь, в 1590 году, моя магия менялась. Исчезли выбросы ведьминого огня, ведьминой воды и ведьминого ветра, сопровождавшие мое знакомство с Мэтью. Зато теперь я видела яркие нити времени и разноцветные ауры живых существ. Гуляя по саду, я встречала белого оленя. Он стоял между дубами, в тени, и смотрел на меня. А теперь моя магическая сила иссушала цветы и плоды.

— Вдова Битон заждалась, — напомнил нам Уолтер, подталкивая Тома к двери.

— Вдруг она услышит мои мысли? — встревожилась я, спускаясь по дубовой лестнице.

— Меня больше тревожат слова, которые вы произнесете вслух. Постарайтесь не возбудить в ней зависти или неприязни к вам, — посоветовал Уолтер, замыкая цепочку членов Школы ночи. — Если все ваши ухищрения провалятся, лгите. Мы с Мэтью делаем это постоянно.

— Ведьма не может лгать другой ведьме.

— Добром не кончится затея эта, — мрачно произнес Кит. — Готов побиться об заклад.

— Довольно! — Мэтью резко повернулся и схватил Кита за воротник.

Мастифы засопели и зарычали, нацеливаясь цапнуть Кита за лодыжки. Псы были преданы Мэтью и явно недолюбливали безденежного драматурга.

— Я лишь сказал...

Кит извивался всем телом, пытаясь вырваться. Не слушая его, Мэтью припечатал демона к стенке:

— Твои слова меня не интересуют, а вот твои намерения вполне ясны.

Мэтью еще сильнее сдавил воротник Кита.

— Отпусти его, — вмешался Уолтер, положив одну руку на плечо Марло, а вторую — на плечо Мэтью.

Игнорируя просьбу Уолтера, Мэтью приподнял Кита на несколько дюймов. В своем черно-красном наряде Марло напоминал диковинную птицу, застрявшую в деревянной нише. Подержав его несколько секунд и посчитав, что Кит усвоил сказанное, Мэтью отпустил драматурга.

— Идем, Диана. Все будет хорошо. — Голос Мэтью звучал уверенно, однако у меня начало покалывать большие пальцы. Недобрый знак того, что Кит может оказаться прав.

— Божьи зубки, — удивленно пробормотал Уолтер, когда мы очутились в зале. — Это и есть вдова Битон?

В дальнем конце зала, в сумраке стояла ведьма классического вида: древняя, щупленькая и сгорбленная. Подойдя ближе, я увидела и другие, не менее классические детали ее антуража: заношенное черное платье, жидкие седые волосы и морщинистую

кожу. Один глаз ведьмы был молочно-белым из-за бельма, второй — светло-карим, с пятнами на радужной оболочке. Белесый глаз странно вращался, будто искал угол, под которым он что-то видел. Словом, облик у вдовы Битон был хуже некуда. Подумав об этом, я заметила еще одну отталкивающую деталь: бородавку на переносице.

Мельком взглянув на меня, вдова Битон сделала подобие реверанса. Легкое покалывание, распространившееся по коже, подсказывало, что передо мной и впрямь ведьма. И тут вдруг открылся мой третий глаз, рассчитывая получить дополнительные сведения. Но в отличие от других существ нечеловеческой природы, у вдовы Битон вообще не было ауры. Только монотонный серый фон. Она изо всех сил старалась быть невидимой. Это обстоятельство меня обескуражило и огорчило. Неужели и я выглядела столь же бледно, пока не прикоснулась к «Ашмолу-782»? Третий глаз поспешил закрыться.

— Благодарю тебя, вдова Битон, что откликнулась на наше приглашение, — произнес Мэтью.

Однако тон его намекал совсем на другое: «Радуйся, что тебя пустили на порог».

— Здравствуйте, господин Ройдон.

Ее слова напоминали шелест опавших листьев, гонимых ветром по дорожкам сада. Ведьма повернула ко мне зрячий глаз.

— Джордж, помоги вдове Битон сесть.

Это прозвучало как повеление. Чапмен выскочил вперед. Остальные предпочитали держаться на почтительном расстоянии. Ведьма страдала ревматизмом. Она усаживалась со стоном и кряхтением. Терпеливо выждав, пока гостья не усядется, Мэтью продолжил:

— Обойдусь без предисловий. Эта женщина, — он указал на меня, — находится под моей защитой. Недавно ей пришлось испытать определенные трудности.

Мэтью ни словом не обмолвился о нашем браке.

— Господин Ройдон, вас окружают влиятельные друзья и верные слуги. Вам будет мало толку от бедной женщины вроде меня.

За шатким фасадом учтивости вдова Битон попыталась скрыть упрек, но мой муж прекрасно умел слышать между слов.

— Не пытайся играть со мной, вдова Битон, — сощурившись, ответил он старухе. — Вряд ли ты хочешь, чтобы я оказался тво-

им врагом. Эта женщина выказывает признаки ведьмы. Она нуждается в твоей помощи.

— Ведьмы? — И снова вдова Битон попыталась скрыть сомнения за внешней учтивостью. — У нее мать была ведьмой? Или отец — колдуном?

— Оба умерли, когда она была еще ребенком. Мы не знаем, какими способностями они обладали, — сказал Мэтью.

Как и свойственно вампирам, он говорил полуправду. Достав из кармана мешочек с монетами, Мэтью бросил деньги ведьме на колени:

— Буду тебе признателен, если ты проверишь ее способности.

— Что ж, начнем.

Скрюченные пальцы вдовы Битон потянулись к моему лицу. Наша кожа соприкоснулась. Я ощутила всплеск энергии, промчавшийся между нами. Старуха даже подскочила на стуле.

— В чем дело? — спросил Мэтью.

Руки вдовы Битон опустились на колени. Пальцы стиснули мешочек с деньгами. Мне показалось, что старуха намеревается швырнуть деньги обратно, но она совладала с собой.

— Я так и думала, господин Ройдон. Эта женщина не ведьма.

Голос старухи звучал ровно, хотя и тоном выше. Во мне поднялась волна презрения, отчего рот наполнился горечью.

— Если ты так думаешь, у тебя не столько силы, как думают жители Вудстока, — ответила я.

Вдова Битон гневно выпрямилась:

— Я почитаемая знахарка. Мне ведомы свойства трав, уберегающих мужчин и женщин от недугов. Господин Ройдон знает, на что я гожусь.

— Знание трав и умение лечить — ремесло ведьмы. Но у ведьм есть и другие способности, — осторожно намекнула я.

Мэтью крепко стиснул мои пальцы. Настоятельная просьба поменьше говорить.

— Про другие способности я ничего не знаю, — быстро ответила старуха.

Упрямством она не отличалась от моей тетки Сары и испытывала такую же неприязнь к ведьмам вроде меня, которые наобум пользовались силой природных стихий, не желая утруждать себя изучением традиций ведьминого ремесла. Сара превосходно знала свойства и применение каждой травы и растения. Она отлично

помнила сотни заклинаний, но для настоящей ведьмы этого было недостаточно. Вдова Битон тоже это знала, хотя и помалкивала.

— Кроме мимолетного касания, наверняка есть какие-то другие способы проверить дарования этой женщины. И тебе они известны, — сказал Мэтью, и в его чуть насмешливом тоне ощущался явный вызов.

Вдова Битон смущенно теребила мешочек с деньгами. Лицо ее выражало внутренние сомнения. В конце концов вес мешочка убедил ее принять вызов. Деньги исчезли в кармане платья.

— Есть способы выявить ведьму. Одни уповают на произнесение молитвы. Если произносящая запинается на словах, если умолкает хотя бы на мгновение, значит дьявол где-то поблизости, — провозгласила старуха, добавив голосу таинственности.

— В Вудстоке дьявол не водится, — сказал Том.

Он говорил с вдовой Битон, как отец с малым ребенком, убеждая чадо, что под кроватью нет никакого чудовища.

— Дьявол водится повсюду, сэр. А те, кто думает по-другому, попадаются в его сети.

— Все это — человеческие россказни, чтобы пугать суеверных и некрепких умом.

— Том, давай не здесь, — заметил ему Уолтер.

— Есть и другие признаки, — встрял Джордж, которому не терпелось поделиться своими знаниями. — Дьявол метит ведьму своими шрамами и пятнами.

— Истинная правда, сэр, — согласилась вдова Битон. — И мудрые люди умеют отыскать эти знаки.

У меня закружилась голова. Если кому-нибудь вздумается меня осмотреть, подобных знаков на моем теле отыщется достаточно.

— Должны быть и другие способы, — угрюмо произнес Генри.

— Да, милорд.

Белесый глаз вдовы Битон оглядел комнату. Старуха указала на стол, где лежали научные инструменты и стопки книг:

— Пройдемте туда.

Рука вдовы Битон скользнула в карман, куда спрятала деньги, и достала помятый медный колокольчик. Доковыляв до стола, старуха опустила на него колокольчик.

— Будьте любезны, принесите свечку.

Генри быстро подал ей свечу. Остальные, охваченные любопытством, встали вокруг стола.

— Говорят, истинная сила ведьмы проистекает от ее нахождения между жизнью и смертью, светом и тьмой. Есть перекрестки мира, где ведьма может вмешаться в работу сил природы и ослабить связи, удерживающие порядок вещей. — Вдова Битон взяла книгу, поместив ее на одинаковом расстоянии между свечой в тяжелом серебряном подсвечнике и медным колокольчиком. Голос старухи понизился почти до шепота. — В давние времена, когда люди обнаруживали у себя в соседях ведьму, они изгоняли ее из церкви звоном колокола. Причем звонили так, как звонят по покойнику.

Вдова Битон взяла колокольчик, взмахнула им. Потом ее рука замерла над столом, а колокольчик повис в воздухе, продолжая звонить. Том и Кит подвинулись ближе, Джордж шумно вздохнул, а Генри перекрестился. Вдова Битон была удовлетворена их реакцией. Взгляд старухи упал на английский перевод классического сочинения Евклида — «Начала геометрии». Книгу окружало несколько математических инструментов из обширной коллекции Мэтью.

— Затем священник брал святую Библию и закрывал ее, тем самым показывая, что ведьме отказано в доступе к Богу.

Вдова Битон шумно захлопнула «Начала геометрии». Джордж и Том даже подпрыгнули. Никогда бы не подумала, что прославленные члены Школы ночи столь восприимчивы к предрассудкам.

— И наконец задувал свечу, утверждая, что у ведьмы нет души.

Пальцы вдовы Битон сдавили фитиль горящей свечи. Пламя погасло. В воздух потянулась струйка серого дыма.

Собравшиеся были загипнотизированы. Даже Мэтью выглядел смущенным. Единственными звуками было потрескивание огня в камине и тоненькое позвякивание колокольчика.

— Настоящая ведьма способна вновь зажечь свечу, открыть страницы книги и прекратить звон, ибо в глазах Бога она прекрасное создание. — Свои слова вдова Битон подкрепила выразительной паузой. Ее белесый глаз повернулся ко мне. — Ну что, девочка, ты сможешь это проделать?

Когда современные ведьмы достигали тринадцатилетнего возраста, их представляли местному шабашу. Церемония до жути напоминала испытания, предложенные вдовой Битон. Звенели ведьмины колокольчики, приглашая юную поросль в содружество. Обычно такие колокольчики отливали из серебра, причем тяже-

лого, начищали до блеска и бережно хранили, передавая из поколения в поколение. Вместо Библии или математического трактата приносилась семейная книга заклинаний, чтобы юная ведьма прочувствовала всю важность и значимость традиции. Мое тринадцатилетие стало единственным днем, когда Сара позволила гримуару семьи Бишоп покинуть стены дома. Что касается свечи, испытание в точности повторяло предложенное мне старухой. Не желая опозориться на церемонии, ведьмы с ранних лет учились зажигать и гасить свечи силой магии.

Мое представление шабашу в Мэдисоне обернулось впечатляющим провалом, который видела вся моя родня. И двадцать лет спустя мне продолжали сниться кошмарные сны о свечке, не желавшей зажигаться, о неоткрывшейся книге и колокольчике, что звонил для всех других юных ведьм, но не для меня.

— Я не уверена, — сквозь зубы призналась я.

— А ты попробуй, — подбодрил меня Мэтью. В его голосе не было и тени сомнения. — Совсем недавно ты прекрасно зажигала свечи.

Так оно и было. В канун Хеллоуина я зажгла несколько свечей внутри тыквенных фонариков, расставленных вдоль подъезда к дому Бишопов. Однако я делала это без зрителей. Никто не знал о моих прежних неудачных попытках. Сегодня глаза Кита и Тома буквально подталкивали меня, предвкушая зрелище. Я едва ощущала на себе взгляд вдовы Битон, зато очень хорошо чувствовала пристальное, холодное внимание Мэтью. Как назло, кровь в моих жилах сделалась ледяной, отказываясь производить огонь, необходимый для этого вида колдовства. Надеясь на лучшее, я устремила глаза к фитилю и пробормотала заклинание.

Свеча не загорелась.

— Расслабься, — шепотом посоветовал мне Мэтью. — А как насчет книги? Может, тебе удобнее начать с нее?

Последовательность испытаний имела большое значение. Их нельзя было менять местами, но сейчас я пренебрегла традицией. Вот только как мне открыть геометрический шедевр Евклида? Может, сосредоточиться на воздухе, оставшемся внутри бумажных волокон? Или вызвать ветер, чтобы он приподнял обложку? Дребезжание этого чертова колокольчика мешало связно думать.

— Пожалуйста, уйми свой колокольчик! — взмолилась я, ощущая нарастающее беспокойство.

Вдова Битон щелкнула пальцами, и медный колокольчик упал на стол. Язычок в последний раз тренькнул, ударившись о помятые края, затем звон стих.

— Вышло так, как я вам и говорила, господин Ройдон, — торжествующим тоном произнесла вдова Битон. — Магия, которую вы якобы наблюдали, была не более чем видимостью. У этой женщины нет никакой магической силы. Жителям Вудстока нечего опасаться.

— Быть может, Мэтью, она пытается завлечь тебя в ловушку, — подхватил Кит. — Я бы этому не удивился. К обману склонны женщины...

Вдова Битон была не первой, кто сделал такое заключение. Я уже слышала это от других ведьм, и они тоже испытывали удовлетворение, уличив меня в обмане. Мне вдруг отчаянно захотелось показать старухе, что она ошибается, и стереть с физиономии Кита эту ухмылку всезнайки.

— Я не могу зажечь свечу. Никто не учил меня, как раскрыть книгу или заставить колокольчик умолкнуть. Но если во мне нет никакой магической силы, как вы объясните вот это?

На другом столе стояло блюдо с айвой, недавно принесенной из сада. Спелые плоды золотисто поблескивали, оживляя блеклый утренний свет. Взяв один, я положила его на ладонь. Она была видна всем.

Десятки крохотных иголочек впились в кожу ладони. Я сосредоточилась на айве. Шершавая кожура не мешала мне видеть сочную мякоть внутри, словно айва была стеклянной. Я прикрыла глаза. Ведьмин глаз тут же открылся и начал поиск сведений. Понимание невидимым ручейком изливалось из центра моего лба, стекало по руке и выходило через кончики пальцев. Оно превращалось в подобие корневой системы, опутывая собою плод.

Одну за другой я узнавала тайны этой айвы. Внутри жил червяк, неспешно прогрызавший себе путь сквозь сочную мякоть. Я почувствовала силу, запертую внутри плода. Язык стал теплым, и его тоже начало покалывать. Я почувствовала вкус солнца. Кожа между бровями подрагивала от удовольствия. Я пила свет невидимого солнца. «Как много силы, — думала я. — Жизнь. Смерть». Я почти забыла об окружающих. Для меня не существовало ничего, кроме безграничной способности к познанию того, что лежало на ладони.

Солнце отозвалось на молчаливое приглашение и покинуло айву, войдя в мои пальцы. Я инстинктивно воспротивилась надвигающейся волне солнечного света, попытавшись удержать ее внутри плода, но айва побурела и сморщилась,

Возглас вдовы Битон нарушил мою сосредоточенность. Я вздрогнула, выронив бесформенный плод. Айва бурым пятном распласталась на сверкающих половицах. Подняв глаза, я увидела, как Генри снова крестится. Его лицо было полно ужаса, рука двигалась медленно, как у заводной куклы. Том и Уолтер внимательно смотрели на мои пальцы, обвитые солнечными нитями. Нити безуспешно пытались вернуться в поверженную айву и возродить ее к жизни. Руки Мэтью обхватили мои, закрыв наглядные доказательства моей необузданной магии. С моих пальцев и сейчас сыпались искры. Я пыталась высвободить руки, боясь обжечь Мэтью. Он покачал головой, по-прежнему крепко держа мои пальцы и пытаясь тем самым показать, что он достаточно силен и может поглотить любую магию, направленную на него. Мне оставалось лишь покориться.

— Опыты закончены. На сегодня хватит, — сказал Мэтью, делая упор на последнем слове.

— Представляешь, Мэтью, я ощущаю вкус солнечного света! — В моем голосе слышалась не радость, а откровенная паника. — Я способна видеть время, таящееся по углам.

— Эта женщина околдовала *варга*. Тут явно приложил руку дьявол, — прошипела вдова Битон.

Она опасливо пятилась назад, расставив пальцы. Этим нехитрым жестом старуха отвращала от себя опасность.

— В Вудстоке нет никакого дьявола, — твердо повторил Том.

— У вас тут собраны книги, полные странных знаков и магических призывов, — заявила вдова Битон, указав на «Начала геометрии» Евклида.

Как хорошо, что она не слышала Кита, читающего вслух из «Доктора Фауста»!

— Это математика, а не магия, — пытался возражать Том.

— Называйте, как вам заблагорассудится, но я видела правду. Вы такие же, как они. Вы позвали меня сюда, чтобы втянуть в свои темные замыслы.

— Как кто? — сурово спросил Мэтью.

— Ученые из университета. Своими вопросами они чуть не свели с ума двух ведьм из Данс-Тью. Знания им подавай! А у са-

мих — ни капли уважения к ведьмам. В Фарингдоне только-только начал складываться шабаш. Но стоило ведьмам привлечь к себе внимание ученых вроде вас, они разбежались кто куда.

Шабаш означал безопасность, защиту, общение с подобными себе. Вне шабаша ведьма куда беззащитнее перед завистью и страхом соседей.

— Никто не пытается выжить тебя из Вудстока.

Я всего лишь хотела успокоить старуху, но стоило мне сделать шаг в ее направлении, как она попятилась назад.

— В вашем доме гнездится зло. Вся деревня об этом знает. Вчера мистер Дэнфорт читал проповедь про то, как опасно позволять злу пускать корни.

— Я одна. Я такая же ведьма, как ты, и мне не от кого ждать помощи, — сказала я, пытаясь расположить к себе старуху. — Прояви ко мне сочувствие, пока остальные не узнали, что я из себя представляю.

— Нет, ты не такая, как я, и бед на свою голову мне не надо. Когда деревня возжаждет крови, никто за меня не вступится. У меня нет *варга*-защитника. Никто из лордов и придворной знати не подумает встать на защиту моей чести.

— Мэтью... господин Ройдон не допустит, чтобы тебе причинили зло, — сказала я, умоляюще подняв руку.

Вдова Битон посмотрела на меня как на дурочку:

— *Варгам* нельзя доверять. Ты знаешь, что́ началось бы в деревне, узнай они, кем на самом деле является Мэтью Ройдон?

— Надеюсь, ты умеешь держать язык за зубами? — уже другим тоном спросила я.

— Уж не знаю, из каких земель ты родом, девочка. С чего ты решила, что одна ведьма станет покрывать другую? Мир стал опасным. Никто из нас больше не чувствует себя в безопасности. — Старуха с нескрываемой ненавистью посмотрела на Мэтью. — Ведьмы гибнут тысячами, а трусы в Конгрегации палец о палец не ударят. Почему так происходит, *варг*?

— Довольно твоих речей, — холодно сказал ей Мэтью. — Франсуаза, будь добра, проводи вдову Битон.

— Я уйду, и с радостью. — Старуха выпрямилась, насколько ей позволяли ревматические кости. — Но попомните мои слова, Мэтью Ройдон. В Вудстоке и окрестностях многие догадываются, что вы хищный зверь, питающийся кровью. А когда они узнают,

что вы укрываете у себя ведьму, владеющую темными силами, велик будет гнев Господень на тех, кто обратился против Него.

— Прощай, вдова Битон.

Мэтью демонстративно повернулся к ней спиной, однако вдова Битон была полна решимости оставить последнее слово за собой.

— Берегись, сестра, — уходя, обратилась она ко мне. — Для нынешних времен ты слишком ярко светишь.

Глаза собравшихся повернулись ко мне. Я невольно поежилась от такого внимания.

— *Объяснитесь*, — предложил мне Уолтер.

— Диана не обязана объясняться перед тобой, — огрызнулся Мэтью.

Уолтер молча поднял руку, показывая, что не настаивает.

— Что случилось? — уже сдержаннее спросил Мэтью.

Он тоже ждал моих объяснений. Он имел на них право.

— Случилось именно то, что я предсказывала. Мы изрядно напугали вдову Битон. Теперь она сделает все, только бы держаться от меня подальше.

— Я рассчитывал на ее сговорчивость. Видно, забыла все хорошее, что видела от меня. А хорошего было немало, — пробормотал Мэтью.

— Почему ты ей не сказал, кем я тебе довожусь? — тихо спросила я.

— А почему ты не сообщила мне, какие чудеса умеешь творить с обыкновенными фруктами? — вопросом на вопрос ответил Мэтью, беря меня за локоть. — Мне нужно переговорить с женой наедине, — объявил он друзьям, уводя меня из зала.

— Так я снова твоя жена! — воскликнула я, вырывая локоть.

— Ты и не переставала быть моей женой. Но не всем нужно знать подробности нашей частной жизни. — Он вывел меня в сад, и мы остановились возле аккуратно подстриженных кустов самшита. — Теперь рассказывай, что приключилось, — потребовал Мэтью.

— Ты оказался прав: моя магия меняется. Нечто подобное я испытала, когда переставляла цветы у нас в спальне. Я ощутила вкус земли и воздуха, заставлявших их расти. А от моего прикосновения цветы завяли. Я пыталась вернуть жизнь айве, направив ей отнятый солнечный свет, но он не пожелал мне подчиняться.

— Скорее всего, поведение вдовы Битон высвободило в тебе ведьмин ветер, раз ты ощущала себя в ловушке. Или ведьмин огонь, поскольку тебя не покидало ощущение опасности. Наверное, перемещение во времени пагубно сказалось на твоей магии, — заключил Мэтью и нахмурился.

Я закусила губу:

— Нельзя было терять самообладание и показывать старухе, на что я способна.

— Она распознала твою силу. Недаром вся гостиная пропахла ее страхом. Думаю, мы слишком рано показали тебя чужим людям, — вздохнул он.

Но вздыхать об этом было слишком поздно.

Из окон на нас смотрели члены Школы ночи. Их бледные лица прижались к стеклам, будто звезды безымянного созвездия.

— Мэтью, сырость испортит платье Дианы, а оно единственное, которое прилично на ней сидит, — упрекнул друга Джордж, приоткрыв створку окна.

У него за спиной, заглядывая через плечо, стоял Том с лицом озорного эльфа.

— Я получил большое наслаждение! — выкрикнул Кит, шумно распахивая другое окно. — А старая карга — взаправду ведьма. Я непременно выведу ее в одной из своих пьес. Кто бы мог подумать, что ей по силам заставить старый колокольчик повиснуть в воздухе?

К нам подошли Уолтер и Генри.

— В прошлом, Мэтью, ты не благоволил ведьмам, и это не забыто, — сказал Уолтер. Гравий на дорожке скрипел под его тяжелыми шагами. — Она не станет молчать. Женщины вроде вдовы Битон склонны трепать языком.

— Мэтт, тебя волнует, если она начнет сыпать обвинениями в твой адрес? — осторожно спросил Генри.

— Хэл, мы существа иного мира, живущие среди людей. Это не может не волновать, — угрюмо ответил Мэтью.

Глава 5

Школа ночи могла вести философские споры, но в одном их мнения совпадали: нужно искать мне ведьму-учительницу. Мэтью отправил Джорджа и Кита в Оксфорд: навести справки и заодно разузнать о нашем таинственном алхимическом манускрипте.

В четверг, после ужина, мы расселись в большом зале, держась поближе к камину. Генри с Томом читали и спорили об астрономии и математике. Уолтер и Кит, расположившись за столом, играли в кости, обсуждая свои недавние литературные замыслы. Я читала вслух «Королеву фей»[1], упражняясь в произношении. Книгу эту дал мне Уолтер. Ее содержание, как и большинство романов Елизаветинской эпохи, вызывало у меня зевоту.

— Начало у тебя, Кит, получилось слишком резким. Ты рискуешь так напугать зрителей, что они сбегут из театра, не дождавшись второй сцены, — возражал Уолтер. — Нужно похитрее закрутить интригу.

Они часами препарировали сцены и эпизоды «Доктора Фауста». Вдова Битон и не подозревала, что своим появлением спровоцировала новый виток споров.

— При всех твоих ученых притязаниях, ты, Уолт, отнюдь не Фауст мой, — без обиняков заявил Кит. — Своим вмешательством ты лишь испортил Эдмунду поэму. Прежде «Королева фей» была вполне приемлемым повествованием о короле Артуре. А ныне — пагубная смесь из Мэлори[2] с Вергилием, конца которой нету. Я уже молчу про Глориану[3]. Наша королева по возрасту близ-

---

[1] Эпическая многотомная поэма Эдмунда Спенсера, оставшаяся незавершенной.

[2] Имеется в виду Томас Мэлори — английский писатель XV в., известный своими произведениями о короле Артуре.

[3] *Глориана* — королева фей, главная героиня поэмы Спенсера. Такое же прозвище было у королевы Елизаветы I.

ка к старухе Битон и столь же нетерпима. Я очень удивлюсь, коли Эдмунд сумеет завершить поэму, когда ты вечно под ухом у него жужжишь, советы расточая.

— Мэтью, ты с этим согласен? — спросил Джордж.

Он рассказывал, как движутся поиски манускрипта, который в будущем получит название «Ашмол-782».

— Прости, Джордж. Ты что-то сказал?

В серых глазах Мэтью я уловила отблеск вины. Его мысли неслись по нескольким направлениям. Мне это состояние было знакомо. Я сама часто выпадала из реальности, сидя на факультетских собраниях. Возможно, внимание Мэтью сейчас разделилось между разговорами, что велись в зале. Одновременно он прокручивал возможные последствия визита вдовы Битон и думал о содержании многочисленных писем, ежедневно доставлявшихся ему.

— Никто из оксфордских книготорговцев не слышал ни о каком редком алхимическом манускрипте. У меня есть друг в колледже Крайст-Чёрч. Тот тоже ничего не знает. Стоит продолжать расспросы?

Мэтью открыл рот, приготовившись ответить, но в этот момент тяжелая входная дверь с грохотом распахнулась. Мэтью тут же вскочил на ноги. Уолтер и Генри тоже поднялись. Их руки потянулись к кинжалам. Теперь они не расставались с оружием ни утром, ни вечером.

— Мэтью! — гулом разнесся по дому незнакомый голос, от которого у меня волосы встали дыбом. Голос звучал слишком звонко и мелодично и явно не принадлежал человеку. — Дружище, ты здесь?

— Конечно он здесь, — ответил другой голос, судя по всему принадлежавший валлийцу. — Принюхайся. Кто еще пахнет, как бакалейная лавка, куда только что завезли заморские пряности?

Не прошло и полминуты, как в другом конце зала, где сидели Кит и Джордж, появились две внушительные фигуры в грубых коричневых плащах. В мою эпоху их наверняка бы пригласили в профессиональный футбольный клуб. У обоих были крупные жилистые руки с широкими ладонями, такие же мускулистые ноги и мощные плечи. Когда они подошли ближе, свет свечей заиграл в их светлых глазах и на острых концах мечей. Один был

светловолосым великаном на дюйм выше Мэтью. Второй — рыжий — был ниже дюймов на шесть. Его левый глаз все время щурился. Я прикинула возраст нежданных гостей. Лет тридцать, не больше. Увидев Мэтью, блондин облегченно вздохнул, но тут же спрятал свои чувства. Рыжий был рассержен и не думал это скрывать.

— Вот ты где! Ну и напугал же ты нас своим внезапным исчезновением, — дружелюбным тоном произнес блондин, останавливаясь и пряча в ножны свой умопомрачительно острый меч.

Уолтер и Генри тоже спрятали кинжалы. Пришельцы были им знакомы.

— Здравствуй, Галлоглас. Что принесло тебя сюда? — спросил блондина Мэтью.

В голосе мужа я уловила замешательство и настороженность.

— Тебя искали, только и всего. Мы с Хэнкоком виделись с тобой не далее как в субботу. — Холодные голубые глаза Галлогласа сощурились, когда Мэтью ничего не сказал. Он был похож на викинга, готового затеять потасовку. — В Честере.

— В Честере, — повторил Мэтью, и в его глазах мелькнул неподдельный ужас. — В Честере!

— Да. В Честере, — подтвердил рыжеволосый Хэнкок, и его глаза сердито вспыхнули. Он снял насквозь промокшие кожаные рукавицы, швырнув их на пол перед камином. — Если не забыл, мы собирались увидеться в воскресенье. Когда тебя не оказалось, мы двинулись на постоялый двор выяснять, что к чему. Оказалось, ты... исчез. Исчез, не заплатив за постой. Но хозяина удивило даже не это.

— По его словам, ты сидел себе у очага, потягивая вино, и вдруг исчез, — пояснил Галлоглас. — Служанка... ну та, чернявая пигалица, что постоянно глазела на тебя... устроила переполох. Утверждала, что тебя забрали призраки.

Меня пронзило внезапное понимание случившегося. Я даже закрыла глаза. Мэтью Ройдон, находившийся в Честере 1590 года, исчез, поскольку его вытеснил Мэтью, явившийся из XXI века. Когда мы покинем эту эпоху, прежний Мэтью появится в ней снова. Законы времени не позволили бы обоим Мэтью одновременно находиться в одном и том же месте. Сами того не желая, мы уже и так изменили историю.

— А поскольку был канун Хеллоуина, ее россказни приняли всерьез, — добавил Хэнкок.

Он снял плащ, встряхнул, разбрызгивая воду, и бросил на ближайший стул. В зимнем воздухе запахло весенней травой.

— Мэтью, кто эти люди? — Я подошла ближе, чтобы получше разглядеть странную пару, и Мэтью обхватил мои руки, удерживая на месте.

— Друзья, — ответил Мэтью, но его охранный жест заставил меня усомниться в словах.

— Так. Она явно не призрак, — объявил Хэнкок, заглядывая через плечо Мэтью.

Я похолодела. Естественно, Хэнкок и Галлоглас были вампирами. Кто еще мог иметь такую внешность и кровожадный блеск в глазах?

— И не из Честера, — задумчиво подхватил Галлоглас. — А ее всегда окружает такое свечение?

Слово это я слышала впервые, однако сразу поняла его значение. Меня снова окружало свечение. Оно появлялось всякий раз, когда я злилась или сосредоточивалась на какой-то проблеме. Свечение было еще одним знакомым проявлением ведьминой силы, и вампиры с их необычайно острым зрением, конечно же, его заметили. Я попятилась, встав у Мэтью за спиной.

— Это тебе не поможет, леди. Наш слух не менее остер, чем зрение. Твоя кровь щебечет, как пташка. — Хэнкок угрюмо посмотрел на спутника, и его кустистые рыжие брови изогнулись. — Беда всегда путешествует в обществе женщин.

— Беда не дура. Будь у меня выбор, и я предпочел бы путешествовать с женщиной, а не с тобой, — сказал блондин и повернулся к Мэтью. — День сегодня выдался трудный. Столько времени в седле. Хэнкок себе всю задницу отбил. К тому же он голоден. Если ты не поторопишься объяснить ему, почему у тебя в доме находится ведьма, мои надежды на ее безопасность весьма невысоки.

— Должно быть, это с Бериком связано, — объявил Хэнкок. — Проклятые ведьмы! Только и умеют козни строить.

— Берик? — переспросила я.

У меня застучало в висках. Название этого шотландского городка было мне знакомо. Там проходил один из самых знаменитых процессов над ведьмами, какие имели место на Британских островах. Я напрягла память, вспоминая даты. Процесс проходил

либо задолго до 1590 года, либо уже потом, иначе Мэтью не выбрал бы эту временну́ю точку для нашего перемещения... Дальнейшие слова Хэнкока вышибли из моих мозгов всю хронологию.

— Либо это, либо Конгрегация затеяла какое-то новенькое дельце, и Мэтью понадобится наша помощь в разгребании куч дерьма.

— Конгрегация? — Марло посмотрел на Мэтью и сощурился. — Так это правда? И ты один из их таинственных членов?

— Конечно правда. Иначе, юный Марло, как бы он смог несколько раз уберечь твою нежную шейку от виселицы? — спросил Хэнкок, оглядывая столы. — Здесь пьют что-нибудь, кроме вина? Терпеть не могу твоих французских замашек, де Клермон. Чем тебе эль не угодил?

— Остынь, Дэви! — тихо урезонил друга Галлоглас, хотя глаза его самого неотступно были прикованы к Мэтью.

Я тоже смотрела на мужа. Ясность собственных мыслей меня ужасала.

— Скажи мне, что это не так, — прошептала я. — Скажи, что ты не утаил это от меня.

— Такого я тебе сказать не могу, — отрезал Мэтью. — Если помнишь, я обещал тебе тайны, но не вранье.

Меня затошнило. Оказывается, в 1590 году Мэтью был членом Конгрегации — нашего злейшего врага.

— А Берик? Ты же говорил мне, что нет угрозы попасться охотникам за ведьмами.

— Берик далеко. Те события нас никак не затронут, — заверил меня Мэтью.

— Что произошло в Берике? — спросил обеспокоенный Уолтер.

— Прежде чем покинуть Честер, мы узнали кое-какие шотландские новости. В канун Дня Всех Святых ведьмы замыслили устроить большой шабаш в одной деревне к востоку от Эдинбурга, — сказал Хэнкок. — Опять пошли разговоры о буре, поднятой датскими ведьмами минувшим летом. Якобы потоки морской воды предсказали появление ведьмы, наделенной огромной силой.

— Власти похватали десятки женщин, обвиняя их в колдовстве, — продолжал Галлоглас. Его глаза цвета арктического льда безотрывно следили за Мэтью. — Вдова Сэмпсон — знахарка из клана Кейт — нынче дожидается королевского допроса в застен-

ках Холирудского дворца. Кто знает, сколько еще ведьм разделят ее участь, прежде чем охота на них закончится.

— Ее ждут королевские пытки, — угрюмо добавил Хэнкок. — Говорят, вдову заперли в «ведьминой узде», чтобы больше не могла произносить заклинаний во вред его величеству. Приковали к стене и держат без еды и питья.

Я плюхнулась на стул.

— Никак эта — из числа обвиняемых? — спросил у Мэтью Галлоглас. — Я бы тоже предпочел условия твоей сделки с этой ведьмой: тайны, но без вранья.

Воцарилось долгое молчание.

— Изволь, Галлоглас: Диана — моя жена, — нарушил тишину Мэтью.

— Ты покинул нас в Честере ради какой-то женщины?! — ужаснулся Хэнкок. — А ведь у нас оставались незаконченные дела!

— Дэви, я изумляюсь твоей неизменной способности понимать все не так, — бросил спутнику Галлоглас. Его взгляд переместился на меня. — Твоя жена? — осторожно спросил великан. — Это что, юридическое ухищрение, чтобы удовлетворить людское любопытство и оправдать ее присутствие здесь, пока Конгрегация решает ее будущее?

— Она не только моя жена, — признался Мэтью. — Она еще и моя истинная пара.

Вампир вступал в парные отношения на всю жизнь, побуждаемый инстинктивным сочетанием влечения, общности взглядов, сексуальной тяги и взаимных симпатий. Узы, связывающие пару, могла разрушить только смерть. Вампиры женились по нескольку раз, но большинство связывало себя парными узами только однажды.

Галлоглас выругался, но его почти не было слышно за громким восклицанием Хэнкока.

— Надо же! А его святейшество утверждал, что время чудес прошло. — Хэнкок злорадно рассмеялся. — Наконец-то Мэтью де Клермон обзавелся парными узами. Но в жены взял не какую-нибудь скромную смертную женщину и не *варгу*, которая надлежащим образом воспитана и знает свое место. Это Мэтью не по вкусу. Желая ограничить поползновения одной женщиной, он решил, что спутницей жизни ему станет ведьма. Теперь у нас боль-

ше оснований для беспокойства, чем у добропорядочных жителей Вудстока.

— В Вудстоке что-то случилось? — спросила я.

— Ничего особенного, — отмахнулся Мэтью.

Мне ответил блондин с ледяными глазами:

— Там в базарный день одна старая карга вдруг забилась в судорогах. Кричала, что в этом виновата ты.

Галлоглас смерил меня взглядом, словно пытаясь представить, как я — пришлая особа, которая с местными жителями и двух слов не сказала, — могла навлечь на них столько бед.

— Вдова Битон, — едва слышно произнесла я.

Разговор был прерван появлением Франсуазы и Шарля. Теплокровным Франсуаза принесла ароматно пахнущую имбирную коврижку и вино с пряностями. Кит, неутомимый исследователь винного погреба Мэтью, и Джордж, несколько позеленевший после услышанного, набросились на угощение. Оба вели себя как зрители, ожидавшие продолжения спектакля. Сейчас у них был антракт, когда самое время подкрепиться.

Шарль нес угощение для вампиров: небольшой кувшин с серебряными ручками и три высоких стеклянных стакана. Красная жидкость в кувшине была темнее вина и не отличалась прозрачностью. Шарль направлялся к хозяину дома, однако Хэнкок остановил его на полпути.

— Я больше нуждаюсь в подкреплении, чем Мэтью, — заявил он, вырывая из рук повара стакан.

Шарль обескураженно засопел. Хэнкок понюхал содержимое кувшина, который тоже забрал себе.

— Я целых три дня не пил свежей крови. Хотя у тебя, де Клермон, и странные вкусы по части женщин, никто тебя не упрекнет в плохом гостеприимстве.

Мэтью кивком указал Шарлю на Галлогласа. Повар налил тому полный стакан крови. Великан принялся жадно пить. Сделав последний глоток, он ладонью вытер губы.

— Итак, — начал Галлоглас, — мне известна твоя скрытность, однако кое-что ты все-таки должен нам рассказать. Прежде всего, как ты во все это вляпался?

— О подобных делах лучше говорить наедине, — сказал Уолтер, поглядывая на Джорджа и обоих демонов.

— Это почему же, Рэли? — В голосе Хэнкока появились вызывающие нотки. — Де Клермону нужно за многое ответить.

И его ведьме тоже. Ей вообще стоит поторопиться с ответами. По пути сюда нам встретился священник. С ним были двое джентльменов, чьи талии отличались внушительностью. Судя по тому, что я слышал, у пары де Клермона будет не более трех дней...

— В лучшем случае пять, — поправил его Галлоглас.

— Возможно, пять, — кивнул спутнику Хэнкок. — А потом она окажется в тюремной камере. Там ей дадут еще пару дней на обдумывание того, что она скажет мировым судьям. И еще полчаса, чтобы придумать убедительную ложь для дорогого свекра. Так что лучше прямо сейчас начать говорить нам правду.

Внимание собравшихся сосредоточилось на Мэтью. Тот молчал.

— Скоро часы пробьют четверть часа, — напомнил ему Хэнкок, когда молчание затянулось.

Я взяла ситуацию в свои руки:

— Мэтью защищал меня от других ведьм.

— Диана! — рявкнул Мэтью.

— Никак Мэтью вмешался в дела ведьм? — спросил Галлоглас и даже глаза выпучил от удивления.

Я кивнула, добавив:

— Когда опасность миновала, мы соединились.

— И все это случилось в субботу, между полуднем и наступлением темноты? — недоверчиво покачал головой Галлоглас. — Тебе, тетушка, придется рассказать нам более убедительную историю.

— Тетушка?

Это слово меня шокировало. Я повернулась к Мэтью. Вначале Берик, затем Конгрегация, а теперь еще и...

— Этот... берсерк — твой племянник? Сейчас угадаю. Он сын Болдуина!

Галлоглас был почти таким же мускулистым, как рыжеволосый брат Мэтью, и таким же упертым. Но я знала и о других членах семьи де Клермон: Годфри, Луизе, Гуго (сведения о последнем были скупыми и весьма таинственными). Галлогласс вполне мог быть сыном кого-то из них или чьим-то еще, учитывая обширность генеалогического древа семьи Мэтью.

— Болдуина? — Галлоглас слегка вздрогнул. — Даже когда я еще не был *варгом*, я старался ни в коем случае не допустить это чудовище до своей шеи. Моим отцом был Гуго де Клермон. И мои

предки, к твоему сведению, происходили не из берсерков, а из ульфхеднаров. Да и норвежец я лишь частично, причем эта часть совсем небольшая. Остальное — шотландское и ирландское наследие.

— Дрянной характер — точно от шотландцев, — добавил Хэнкок.

Услышав замечание спутника, Галлоглас слегка почесал себе за ухом. У него на пальце сверкнуло золотое кольцо с изображением гроба, из которого выходил человек. Изображение окаймляли слова девиза.

— Так вы рыцари.

Аналогичное кольцо было и у Хэнкока, почему-то надетое на большой палец. Наконец я получила доказательства, что и Мэтью вовлечен в дела ордена Лазаря.

— Ну-у... — протянул Галлоглас, вдруг заговорив, как шотландцы, к которым он себя причислял. — Насчет этого всегда были споры. Мы ведь не носим сверкающих доспехов. Правда, Дэви?

— Нет. Но у де Клермонов вместительные карманы. Трудно отказаться от таких денежек, — заметил Хэнкок. — Особенно когда тебе обещают долгую жизнь, чтобы ты мог ими насладиться.

— Они свирепые воины. — Галлоглас потер переносицу. Она была сплющенной. Похоже, неудачно срослась после перелома.

— Верно. Эти мерзавцы сначала меня убили, а потом уже спасли. Заодно и глаз мне подправили, — весело признался Хэнкок, потрогав покалеченное веко.

— Значит, вы оба служите семейству де Клермон, — сказала я, испытав неимоверное облегчение.

Учитывая надвигающиеся беды, я бы предпочла видеть Галлогласа и Хэнкока в числе союзников, а не врагов.

— Служим, но не всегда, — мрачным тоном ответил мне Галлоглас.

— И не Болдуину, этому коварному жулику, — добавил Хэнкок. — А когда Мэтью ведет себя как последний дурак, мы не выполняем и его повелений.

Хэнкок потянул носом и поморщился, глядя на остатки имбирной коврижки.

— Это кто-нибудь доест или можно бросить в огонь? От запаха Мэтью и аромата стряпни *Шарля можно в обморок упасть.*

— Вскоре сюда пожалуют гости, и за оставшееся время лучше продумать наши действия, а не увязать в разговорах о семье Мэтью, — сказал Уолтер.

— Этого времени нам все равно не хватит, — все с той же веселостью заявил Хэнкок. — Уж пусть лучше Мэтью и его светлость помолятся. Они же Божьи люди. Возможно, Бог их услышит.

— Возможно, и ведьме лучше улететь отсюда, — пробормотал Галлоглас.

Поймав на себе сердитый взгляд Мэтью, великан примирительно поднял руки.

— Где ей летать! — насмешливо произнес Марло, и все повернулись к нему. — Она и бороды не может вырастить у Мэтью на лице.

— Так ты что же, пошел против всех запретов Конгрегации, взял в жены ведьму, которая ничего не может? — Трудно сказать был ли Галлоглас разгневан этим обстоятельством или неописуемо изумлен. — Жена, способная вызвать бурю или покрыть сыпью тело твоего врага, — это ценное приобретение. Но какой толк от ведьмы, если она не в состоянии вырастить мужу бороду?

— Только Мэтью мог жениться на ведьме, которая черт знает откуда родом и совершенно не владеет колдовством, — вполголоса произнес Хэнкок, обращаясь к Уолтеру.

— Да замолчите вы все! — не выдержал Мэтью. — Мне ваша болтовня мешает думать. Диана не виновата, что вдова Битон оказалась болтливой старой дурой. Да, Диана не может творить колдовство по приказу. И дело не в ее бездарности. На мою жену было наложено заклятие. И довольно об этом. Если еще хоть кто-нибудь из вас начнет обсуждать мое решение или упрекать Диану, я вырву ваше сердце и заставлю съесть, пока оно еще бьется.

— Таков наш господин и повелитель, — сказал Хэнкок, насмешливо отсалютовав Мэтью. — Я было испугался, что это на тебя наложили заклятие. К счастью, нет. Если она под заклятием, в чем причина? Она опасна? Безумна? Или то и другое сразу?

Взбудораженная появлением внезапно объявившихся племянников, встревоженных священников и науськиванием суеверного населения Вудстока на меня, я ощутила слабость в ногах. Протянув руку назад, я попыталась нащупать стул. Но в одежде, сковывающей движения, я потеряла равновесие и начала падать.

Чья-то рука грубо подхватила меня под локоть и с неожиданной деликатностью усадила на стул.

— Не волнуйся, тетушка, — с сочувствием произнес Галлоглас. — Уж не знаю, что разладилось в твоей голове, но Мэтью тебя в обиду не даст. У него просто слабость к заблудшим душам, да благословит его Господь.

— У меня всего лишь закружилась голова. А за мой рассудок можешь не беспокоиться! — огрызнулась я.

Глаза Галлогласа вновь сделались ледяными. Он наклонился к моему уху:

— Да одна твоя манера говорить ясно намекает на безумие. Сомневаюсь, что священник станет особо вдумываться. Он уже настроен против тебя. И поскольку ты не из Честера и не из других мест, где мне доводилось побывать, а таких мест весьма много, настоятельно посоветую тебе, тетушка, внимательно следить за своим поведением, чтобы пенароком не оказаться запертой в церковном склепе.

Длинные пальцы стиснули плечо Галлогласа и оттащили его в сторону.

— Попытки напугать мою жену — занятие бесполезное. Можешь мне поверить. Лучше расскажи о людях, которые вам встретились, — холодно сказал Галлогласу Мэтью. — Они были вооружены?

— Нет.

Бросив на меня любопытствующий взгляд, Галлоглас повернулся к дяде.

— Кто сопровождает священника?

— Мэтью, ну откуда нам это знать? Все трое — теплокровные, не представляющие никакого интереса. Один толстый и седовласый, второй — средней комплекции. Оба жаловались на погоду, — скороговоркой произнес Галлоглас, которому явно претили дядины расспросы.

— Бидуэлл, — почти хором произнесли Мэтью и Уолтер.

— И с ним, наверное, Иффли, — предположил Уолтер. — Эти двое всегда на что-то жалуются. На состояние дорог, на шум в питейном заведении, на качество пива.

— Кто такой Иффли? — спросила я.

— Человек, мнящий себя лучшим перчаточником во всей Англии. Сомерс у него работает, — ответил Уолтер.

— Мастер Иффли изготавливает перчатки для королевы, — пояснил Джордж.

— Он сшил ей всего одну пару перчаток для охоты. И было это лет двадцать назад. Маловато, чтобы надуваться от гордости и считать себя самым важным человеком на тридцать миль вокруг, — презрительно фыркнул Мэтью. — Они и поодиночке не блещут умом, а уж вместе становятся редкостными глупцами. Если в деревне не нашли никого лучше их, чтобы послать сюда, мы можем спокойно вернуться к чтению.

— То есть как? — насторожился Уолтер. — Мы будем сидеть и просто ждать, когда они явятся?

— Да. Однако Диана должна постоянно находиться на виду. У меня или у тебя, Галлоглас, — предупредил Мэтью.

— Дядя, тебе незачем напоминать мне о моих семейных обязанностях. Можешь не сомневаться: твоя сварливая женушка сегодня благополучно доберется до вашей спальни.

— Значит, я сварливая? Как мило! Мой муж оказывается членом Конгрегации. Сюда едут какие-то люди с намерением обвинить меня в причинении вреда одинокой старухе. Я нахожусь в странном месте и до сих пор не научилась находить дорогу к спальне. Я вынуждена носить обувь с чужой ноги. И вдобавок меня окружает ватага болтливых подростков! — говорила я, начиная все сильнее заводиться. — Но вам незачем меня опекать. Я в состоянии сама о себе позаботиться!

— Сама о себе позаботиться? — захохотал Галлоглас, качая головой. — Ошибаешься, тетушка. Когда мы выпроводим незваных гостей, нужно будет заняться твоей речью. Из сказанного тобой я едва понял половину.

— Она, должно быть, ирландка, — сказал Хэнкок, глядя на меня. — Это объясняет и произношение, и спутанную речь. Ирландцы — они же все свихнутые.

— Никакая она не ирландка, — возразил Галлоглас. — Я бы сразу узнал ирландскую манеру говорить. Даже при ее свихнутости, если таковая имеется.

— Замолчите! — прогремел Мэтью.

— К нашей сторожке подъехали люди из деревни, — раздался в тишине голос Пьера.

— Ступай приведи их сюда, — распорядился Мэтью, поворачиваясь ко мне. — Говорить предоставь мне. Отвечай на их во-

просы, только если я подам знак, но ни в коем случае не раньше. Учти, в присутствии этих людей не должно произойти ничего... сверхъестественного, как было в день прихода вдовы Битон. Голова у тебя еще кружится? Может, хочешь прилечь?

— Мне просто любопытно, — ответила я, смыкая пальцы. — Насчет моей магии или моего здоровья можешь не волноваться. Лучше подумай о том, сколько времени тебе понадобится, чтобы ответить на мои вопросы, когда священник уйдет. И если ты попытаешься вывернуться и отговориться какой-нибудь банальщиной вроде: «Это не моя история, и я не вправе об этом рассказывать», я тебя просто отколочу.

— В таком случае ты в превосходном состоянии. — У Мэтью дернулся рот. Он поцеловал меня в лоб, пробормотав: — Я люблю тебя, ma lionne[1].

— Свои признания в любви прибереги на потом и дай тетушке шанс собраться с мыслями и набраться решимости, — предложил Галлоглас.

— Ну почему каждый так и норовит поучать меня, как я должен обращаться со своей женой? — не выдержал Мэтью.

Его самообладание дало трещину.

— Сам не знаю почему, — простодушно ответил Галлоглас. — Диана чем-то напоминает мне бабулю. Мы сутки напролет советуем Филиппу, как ему лучше всего управлять ею. Только он и ухом не ведет.

Собравшиеся разбрелись по залу, образовав подобие воронки. Ее широкая часть находилась у входа, узкая — возле камина, где сидели мы с Мэтью. Джорджу и Киту предстояло первыми приветствовать святого отца и его спутников. Уолтер поспешил спрятать кости и рукопись «Доктора Фауста», заменив ее «Историей» Геродота. Не Библия, конечно, но, по заверениям Рэли, сочинение древнего грека лучше отвечало ситуации. Кит пытался возражать, называя это жалким подлогом, но в коридоре уже слышались шаги и голоса.

Пьер ввел незваных гостей в зал. Лицо одного из них имело явное сходство с худощавым молодым человеком, недавно снимавшим мерку с моих ног. Это был Джозеф Бидуэлл-старший. Звук закрытой Пьером двери заставил его вздрогнуть и насторо-

[1] Моя львица *(фр.)*.

женно оглянуться через плечо. Когда его мутноватые глаза увидели, сколько нас собралось в зале, сапожник едва не подскочил на месте. Уолтер, который вместе с Хэнкоком и Генри занимал стратегически важную позицию посередине зала, напрочь игнорировал нервничающего сапожника и презрительно взглянул на человека в заляпанном грязью облачении священника.

— Что привело вас сюда в столь промозглый вечер, мистер Дэнфорт? — спросил Рэли.

— Мое почтение, сэр Уолтер. — Дэнфорт поклонился и снял шляпу, сминая ее поля. — Приветствую вас, милорд, — произнес он следом, увидев графа Нортумберленда. — Вот уж не знал, что вы по-прежнему в наших краях.

— Вас привела какая-то нужда? — учтиво спросил Мэтью. Он продолжал сидеть, небрежно вытянув ноги.

— Добрый вечер, господин Ройдон. — Дэнфорт снова поклонился, теперь уже в нашу сторону, и с любопытством взглянул на меня, однако страх быстро заставил его опустить глаза и заняться рассматриванием своей шляпы. — Мы не видели вас ни в церкви, ни в деревне. Бидуэлл решил, что вам нездоровится.

Бидуэлл переминался с ноги на ногу. Его сапоги жалобно скрипели. К скрипу примешивалось хриплое, натужное дыхание и отрывистый кашель. Мятый кружевной воротник сдавливал ему горло и вздрагивал всякий раз, когда сапожник пытался набрать воздуха в легкие. Ткань воротника была износившейся и обтрепанной, а жирное коричневое пятно возле подбородка намекало на то, что за ужином сапожник угощался подливой.

— Да, в Честере меня свалила болезнь, но Божьей милостью и заботами моей жены я быстро поправился. — Мэтью сжал мою руку, выражая признательность мужа заботливой жене. — Мой врач посчитал, что нужно подрезать волосы и сбрить бороду, чтобы ускорить выздоровление. Не знаю, действительно ли это помогло, а вот холодные ванны, на которых настаивала Диана, точно указали моей лихорадке на дверь.

— Жена? — бесцветным голосом произнес Дэнфорт. — Вдова Битон мне не говорила...

— Я не склонен посвящать невежественных женщин в свои личные дела! — резко ответил Мэтью.

Бидуэлл чихнул. Мэтью вначале наградил сапожника сочувственным взглядом, затем придал своему лицу выражение, какое

бывает у человека, когда до него что-то начинает доходить. Личность Мэтью сегодня преподносила мне открытие за открытием, включая и его недюжинные актерские способности.

— Как же я сразу не догадался? Понимаю: вы пришли просить Диану вылечить Бидуэлла. — Теперь на лице Мэтью было написано искреннее сожаление. — Сколько же пустых сплетен гуляет по миру! Неужели по деревне уже распространились слухи о способностях моей жены?

Мы переместились в эпоху, где медицина находилась в опасном соседстве с колдовством. Мэтью что, пытается втянуть меня в новую беду?

Бидуэлл хотел ответить, но из горла вырывалось лишь хриплое клокотание. Сапожник ограничился тем, что замотал головой.

— Если ты пришел не за лечением, должно быть, ты принес готовую обувь Дианы. — Мэтью с обожанием посмотрел на меня, затем повернулся к священнику. — Вы наверняка слышали, мистер Дэнфорт, что во время нашего путешествия у моей жены пропали все вещи из ее гардероба. — Внимание Мэтью переместилось на сапожника. — Бидуэлл, я знаю, что ты человек занятой. Но я надеюсь, что хотя бы башмаки на деревянной подошве уже готовы. На этой неделе Диана собиралась пойти в церковь, а при таких дождях все подходы в лужах. И грязь непролазная. Неужели некому исправить положение?

Грудь перчаточника Иффли негодующе раздувалась с тех самых пор, как Мэтью произнес первые слова. И в какой-то момент бедняга не выдержал:

— Бидуэлл принес обувь, за которую вы заплатили, но мы явились сюда не ради заказов вашей жены. Есть дела поважнее деревянных башмаков и луж возле церкви.

Иффли хотел было поплотнее закутаться в плащ, тем самым показав нам, что он человек благородный, однако намокшая шерстяная ткань плаща лишь усиливала его сходство с мокрой крысой. Заостренный нос и глазки-бусинки впечатляюще дополняли картину.

— Скажите ей, мистер Дэнфорт.

Казалось, преподобный Дэнфорт скорее согласился бы жариться в аду, чем стоять в доме Мэтью Ройдона, да еще перед его женой.

— Не молчите. Скажите ей, — подзуживал священника Иффли.

— Недавно было заявлено...

Едва Дэнфорт успел произнести эти слова, как Уолтер, Генри и Хэнкок встали и приблизились к нему.

— Если вы, сэр, явились сюда делать заявления, можете адресовать их мне или его светлости, — сурово сказал ему Уолтер.

— Или мне, — подхватил Джордж. — Я достаточно образован по части законов.

— А-а-а... Э-э-э... Да... Однако...

Больше из глотки святого отца не вырвалось ни слова.

— Вдова Битон заболела. И Бидуэлл-младший тоже, — сообщил Иффли, который, в отличие от струхнувшего Дэнфорта, не потерял присутствия духа.

— Не сомневаюсь, нас всех поразил один и тот же недуг. Сначала меня, а теперь и молодого Джозефа, — негромко произнес мой муж. Он стиснул мне пальцы, а Галлоглас, находившийся у меня за спиной, негромко выругался. — Скажи, Иффли, в чем именно ты обвиняешь мою жену?

— Вдова Битон отказалась помочь ей в каком-то злом деянии. И тогда госпожа Ройдон пообещала, что у вдовы будет ломить все кости и вдобавок болеть голова.

— Мой сын потерял слух, — пожаловался Бидуэлл. Голос у него был совсем жалкий от свалившегося несчастья и обилия мокроты, требовавшей выхода. — Теперь у сына постоянно звенит в ушах, словно кто-то звонит в колокольчик. Вдова Битон говорит, что Джозефа околдовали.

— Нет, — прошептала я.

Кровь вдруг разом отлила у меня от головы. Галлоглас успел схватить меня за плечи, не давая накрениться вбок.

Слово «околдовали» заставило меня заглянуть в знакомую пропасть. Я всегда боялась, что люди пронюхают, кем были мои предки начиная с Бриджит Бишоп. Тогда начнутся любопытные взгляды и подозрения. Единственным возможным ответом было бегство. Я попыталась высвободить свои пальцы из хватки Мэтью, но его собственные превратились в камень. Да и Галлоглас по-прежнему придерживал меня за плечи.

— Вдова Битон давно страдает ревматизмом, а на сына Бидуэлла время от времени нападала болезнь, именуемая горловой гнилью. От нее часто бывает боль в ушах и глухота. Все это случалось и прежде, до приезда моей жены в Вудсток. — Мэтью ле-

ниво махнул рукой, показывая гостям, что только зря теряет время, выслушивая их домыслы. — Старуха попросту завидует способностям Дианы, а молодого Джозефа потрясла ее красота. К тому же он завидует, что я женат, а он нет. Это не заявления, а праздные домыслы.

— Будучи священнослужителем, господин Ройдон, я обязан относиться к подобным вещам со всей ответственностью. К тому же я кое-что читал об этом.

Мистер Дэнфорт сунул руку во внутренний карман своей черной сутаны и вытащил оттуда подобие книжки. Она состояла из нескольких десятков страниц, грубо сшитых суровой ниткой. Время и частое использование обтрепали края страниц, истончили бумагу, придав ей сероватый оттенок. Я находилась слишком далеко от священника и не видела заглавной страницы. Зато трое вампиров ее увидели. Джордж тоже. Он побледнел.

— Это часть трактата «Malleus Maleficarum»[1]. Не думал, мистер Дэнфорт, что вы так хорошо знаете латынь, чтобы понимать столь сложное произведение, — сказал Мэтью.

Из всех пособий по охоте на ведьм это было самым известным и обширным. Одно название трактата — «Молот ведьм» — вызывало ужас в сердце каждой ведьмы.

Слова Мэтью явно задели священника.

— Я учился в университете, господин Ройдон.

— Рад это слышать. В таком случае вам известно, что трактат не должен находиться в руках людей, некрепких умом и суеверных.

— Вам это известно? — спросил Дэнфорт.

— Я тоже учился в университете, — скромно ответил Мэтью.

— Тогда вы понимаете причины, заставляющие меня допросить эту женщину.

Дэнфорт попытался подойти ко мне, однако глухое рычание Хэнкока удержало его на месте.

— У моей жены прекрасный слух. Вам незачем подходить к ней вплотную.

— Я же говорил вам, что госпожа Ройдон обладает сверхъестественными способностями! — торжествующе произнес Иффли.

---

[1] *«Молот ведьм»* — трактат по демонологии и способам обнаружения ведьм, написанный в середине XV в.

Дэнфорт сжал в руках замызганный трактат.

— Госпожа Ройдон, кто научил вас этим вещам? — громко спросил он. Эхо повторило его вопрос. — У кого вы учились ведьмовству?

Вот оно — начало безумия. Все начиналось с вопросов, направленных на то, чтобы обвиняемая выдала других ведьм. Ведьмы с пугающей регулярностью попадали в паутину лжи и гибли. Благодаря подобным ухищрениям тысячи моих соплеменниц подверглись изуверским пыткам и были убиты. Я уже была готова крикнуть, что не понимаю вопросов священника.

— Молчи, — ледяным тоном прошептал мне Мэтью.

— Странные события происходят нынче в Вудстоке, — продолжал Дэнфорт. — Белый олень вдруг перебежал дорогу вдове Битон. Он остановился на обочине и смотрел на старуху, пока у той все тело не покрылось холодным потом. А минувшей ночью в окрестностях ее дома видели серого волка. Его глаза сверкали в темноте, и были они ярче огней маяка в бурю. Вам знакомы эти животные? Кто наделил вас способностью повелевать ими?

На этот раз Мэтью не потребовалось предупреждать меня о молчании. Вопросы священника выстраивались в знакомую цепочку. Нечто подобное я изучала в аспирантуре.

— Ведьма обязана ответить на ваши вопросы, мистер Дэнфорт, — бубнил Иффли, дергая священника за рукав. — Оскорбительное высокомерие, проявляемое этой дочерью тьмы, недопустимо в богобоязненной общине вроде нашего Вудстока.

— Моя жена говорит с посторонними только с моего согласия, — заявил Мэтью. — И думай, Иффли, кого ты смеешь называть ведьмой.

Чем активнее становились наскоки непрошеных гостей, тем труднее было Мэтью сохранять спокойствие.

Глаза священника переместились на Мэтью и снова устремились на меня. Я едва сдержалась, чтобы не вскрикнуть.

— Ее сделка с дьяволом не позволяет ей говорить правду, — сказал Бидуэлл.

— Помолчи, мастер Бидуэлл! — шикнул на него Дэнфорт. — Что ты желаешь сказать, дитя мое? Кто представил тебя дьяволу? Некая другая женщина?

— Или мужчина, — едва слышно проговорил Иффли. — Госпожа Ройдон не единственное дитя тьмы, обитающее здесь. В этом

доме находятся странные книги и инструменты. А по ночам здесь устраиваются сборища, где вызывают духов.

Не выдержав, Хэрриот бросил свою книгу в Дэнфорта:

— Математика это, сэр, а не магия. Вдова Битон увидела страницу из труда по геометрии.

— Не вам определять величину зла, обитающего здесь, — прошипел Иффли.

— Если вздумали искать зло, поищите в доме вдовы Битон. — Мэтью держался изо всех сил, но чувствовалось, что надолго его не хватит.

— Вы никак обвиняете вдову Битон в ведьмовстве? — резко спросил Дэнфорт.

— Нет, Мэтью. Только не это, — прошептала я, потянув его за воротник.

Мэтью повернулся ко мне. Его лицо утратило человеческие черты. Зрачки расширились, а сами глаза остекленели. Я покачала головой. Он шумно втянул воздух, пытаясь погасить ярость, вызванную вторжением в его дом, и не менее яростное стремление защитить меня.

— Не допускайте его слова до своих ушей, мистер Дэнфорт. Возможно, и Ройдон является орудием дьявола, — предостерег священника Иффли.

Мэтью угрюмо оглядел всех троих:

— Если у вас есть причины обвинять мою жену в злодеяниях, найдите мирового судью, и пусть он выслушивает ваши обвинения. А сейчас убирайтесь вон. На обратном пути советую вам, Дэнфорт, хорошенько подумать, стоит ли брать себе в союзники таких, как Иффли и Бидуэлл.

Священник шумно сглотнул.

— Слышали, что вам сказано?! — рявкнул Хэнкок. — Вон!

— Правосудие свершится, господин Ройдон. Божий суд, — заявил Дэнфорт, пятясь к выходу.

— Но только в том случае, Дэнфорт, если моя версия случившегося прежде не закроет это дело, — пообещал Уолтер.

Из сумрака вышли Пьер и Шарль. Открыв двери настежь, они выпроводили ошеломленных людей из зала. За окнами яростно завывал ветер. Чувствовалось, вот-вот начнется буря. Это лишь подтвердит подозрения троицы о моих сверхъестественных способностях.

«Бежать, бежать, бежать!» — требовала моя интуиция. Кровь бурлила от избытка адреналина. Я снова превратилась в дичь, на которую охотятся. Галлоглас и Хэнкок повернулись ко мне, привлеченные запахом страха, сочившегося из всех моих пор.

— Не приближайтесь к ней, — предостерег вампиров Мэтью. Он сел передо мной на корточки. — Интуиция Дианы требует, чтобы она спасалась бегством. Ничего, скоро это пройдет.

— Это никогда не закончится. Мы явились сюда, рассчитывая на помощь, но даже здесь меня преследуют, — сказала я, закусывая губу.

— Тебе нечего бояться. Дэнфорд и Иффли дважды подумают, прежде чем затевать новые пакости, — твердо сказал Мэтью, смыкая пальцы вокруг моих похолодевших рук. — Никто не хочет иметь меня своим врагом: ни существа иной природы, ни люди.

— Я понимаю, почему тебя боятся вампиры, демоны и ведьмы. Ты член Конгрегации, и тебе по силам их уничтожить. Неудивительно, что вдова Битон явилась по первому требованию. Но это не объясняет отношение людей к тебе. Должно быть, Дэнфорт и Иффли подозревают, что ты... *варг*.

Я удержалась, чтобы не произнести слово «вампир».

— Они для Мэтью не представляют никакой опасности, — сказал Хэнкок, явно не понимавший моих страхов. — Они пешки. Но к сожалению, они способны донести эту историю до ушей тех, кто наделен и властью, и влиянием. А такие люди есть.

— Не слушай его, — посоветовал мне Мэтью.

— Что это за люди? — спросила я.

Галлоглас вздохнул:

— Ради всего святого, Мэтью, ты у меня на глазах творил жуткие дела, но как ты мог утаить и *это* от твоей жены?

Мэтью смотрел на огонь. Когда наконец он снова повернулся ко мне, его глаза были полны сожаления.

— Мэтью, ну скажи! — взмолилась я.

С самого первого мешка писем, которые доставили Мэтью, у меня в животе возникло нечто вроде узла. И день за днем этот узел становился все туже.

— Они не считают меня вампиром. Они знают, что я шпион.

Глава 6

— Шпион? — отупело повторила я.

— Нам предпочтительнее тайными агентами именоваться, — с заметным раздражением сказал Кит.

— Заткнись, Марло, не то я сам тебе пасть заткну! — рявкнул Хэнкок.

— Избавь нас от своих угроз. Тебя всерьез никто не принимает, когда слова твои трещат, как мокрые дрова в камине. — Марло горделиво вскинул голову. — А если твоя манера говорить со мной учтивою не станет, то очень скоро не увидишь ты на сцене всех этих королей валлийских и солдат. Я выведу всех вас предателями и кучкой недалеких слуг.

— Что такое вампир? — спросил Джордж.

Он полез за своей записной книжкой. Другая рука потянулась за куском коврижки. Как всегда, на него почти не обращали внимания.

— Так, значит, ты некто вроде Джеймса Бонда Елизаветинской эпохи? Но...

Я взглянула на Марло и с ужасом вспомнила, какой конец его ожидает. Он не доживет до тридцати лет. Его убьют в таверне Дептфорда, где между ним и несколькими сомнительными личностями вспыхнет ссора, окончившаяся поножовщиной. Это преступление свяжут со шпионской деятельностью Кита.

— Вы про лондонского шляпника, который живет близ церкви Святого Дунстана и делает такие аккуратные поля у шляп? Про того Джеймса Бонда? — усмехнулся Джордж. — И почему вам, госпожа Ройдон, вздумалось уподобить Мэтью шляпному мастеру?

— Нет, Джордж, это другой Джеймс Бонд, — ответил Мэтью. Он все так же сидел на корточках, наблюдая за моей реакцией. — Тебе об этом лучше не знать, — сказал он мне.

— Дерьмо собачье! — Я не знала и не желала знать, существовало ли такое ругательство в эпоху Елизаветы. — Я заслуживаю правды.

— Возможно, госпожа Ройдон. Но если Мэтью вы любите всерьез, бессмысленно настаивать на правде, — произнес Марло. — Он более не различает, что правда, а что нет. И потому так ценен ее величеству.

— Мы оказались здесь, чтобы найти тебе учительницу, — упрямо заявил Мэтью, пристально глядя на меня. — А то, что я член Конгрегации и вдобавок агент королевы, убережет тебя от всех бед. Что бы ни происходило в Англии, я непременно знаю об этом.

— Прекрасное утверждение, однако ты так и не догадался о моих подозрениях. А они одолевают меня уже несколько дней подряд. Что-то явно происходит, или назревают какие-то события. Неспроста тебе доставляют столько писем. И ты постоянно о чем-то споришь с Уолтером.

— Ты видишь то, что я позволяю тебе видеть. И не более того.

С тех пор как мы появились в Олд-Лодже, склонность Мэтью к властвованию возросла в разы, но от этих слов у меня по-настоящему отвисла челюсть.

— Как... ты... смеешь? — спросила я, с расстановкой произнося каждое слово.

Мэтью знал: меня всю жизнь окружали тайны. И я дорого заплатила за них.

Я встала со стула.

— Сядь! — потребовал Мэтью. — Пожалуйста, — добавил он, беря меня за руку.

Хэмиш Осборн — лучший друг Мэтью — предупреждал меня: попав в XVI век, я не узнаю своего мужа. Там он будет совсем другим. Да и как иначе, если весь мир тогда был совсем другим? Женщинам вменялось принимать слова мужчины, не сомневаясь в сказанном. А Мэтью, очутившись в кругу старых друзей, быстро вспомнил свое прежнее поведение и прежние шаблоны мышления.

— Я сяду, только если ты ответишь на мои вопросы. Я хочу знать, кому ты поставляешь сведения и как вообще ты встрял во все это.

Лица его племянника и друзей были встревоженными, словно я требовала раскрыть секреты государственной важности.

— *Им уже известно* про Кита и про меня, — сказал Мэтью, перехватывая мой взгляд. Чувствовалось, он подбирает слова. — А началось все это с Фрэнсиса Уолсингема. — (Я ждала продолжения.) — Я покинул Англию в конце правления Генриха Восьмого. Некоторое время провел в Константинополе, оттуда отправился на Кипр, потом скитался по Испании, воевал при Лепанто и даже основывал в Антверпене печатное дело. Для *варга* это обычный путь. Мы ищем трагедии, ищем возможности проскользнуть в чью-то жизнь. Но ни одно из занятий меня не привлекало и не увлекало, и потому я вернулся на родину. Франция находилась на грани религиозной и гражданской войны. Поживи с мое, и ты научишься узнавать ее признаки. Один школьный учитель-гугенот с радостью взял от меня деньги и отправился в Женеву, где мог растить дочерей, не опасаясь за их жизнь. Я принял личину его давно умершего двоюродного брата, перебрался в его парижский дом и зажил под именем Мэтью де ла Форе.

— «Мэтью из лесу»? — перевела я с французского, удивленно вскинув брови.

— Так звали того учителя, — лукаво усмехнулся Мэтью. — Париж был опасным местом. Уолсингем, отправленный туда в качестве английского посла, как магнит притягивал к себе всех мятежников, разочаровавшихся в существующем порядке вещей. В конце лета тысяча пятьсот семьдесят второго года недовольство во Франции достигло точки кипения. Я уберег Уолсингема от смерти, а вместе с ним — английских протестантов, нашедших у него пристанище.

— Кровавая Варфоломеевская ночь, — вздрогнула я, подумав о поистине кровавой свадьбе французской принцессы-католички и ее жениха-протестанта.

— Тайным агентом королевы я сделался позже, когда она снова отправила Уолсингема в Париж. Считалось, что он займется устройством брака ее величества с одним из принцев династии Валуа. — Мэтью насмешливо фыркнул. — Я понимал, что королева вовсе не заинтересована в замужестве. Но во время того визита я узнал о сети осведомителей, созданной Уолсингемом.

Взглянув мне в глаза, мой муж тут же отвернулся. Он по-прежнему что-то скрывал от меня. Я мысленно проанализировала его рассказ и нашла сомнительные моменты в повествовании. Из услышанного следовал однозначный вывод: Мэтью был фран-

цузом, католиком и потому никак не мог иметь политических контактов с Елизаветой Тюдор ни в 1572 году, ни в 1590-м. Если он работал на британскую корону, цель явно была крупнее. Но ведь Конгрегация поклялась держаться подальше от человеческой политики.

А вот Филипп де Клермон и его Рыцари Лазаря такой клятвы не давали.

— Ты работал и продолжаешь работать на своего отца. Ты не только вампир, но и католик, живущий в протестантской стране.

Одно то, что Мэтью собирал сведения не только для Елизаветы, но и для Рыцарей Лазаря, многократно увеличивало опасность. В елизаветинской Англии охотились не только на ведьм. В «группе риска» оказывались предатели, те, кто обладал необычными способностями, а также люди иного вероисповедания.

— Если ты вмешиваешься в политику людей, Конгрегация тебе ничем не поможет. Как твоя семья могла склонить тебя к столь рискованным занятиям?

Мой вопрос вызвал улыбку Хэнкока.

— Потому в состав Конгрегации обязательно входит кто-нибудь из де Клермонов. Нужно следить, чтобы высокие идеалы не мешали проворачивать выгодные дела.

— Я не в первый раз работаю на Филиппа и не в последний. Ты здорово умеешь раскрывать секреты, а я столь же здорово умею их хранить, — без обиняков заявил Мэтью.

Ученый. Вампир. Воин. Шпион. Мне открылась еще одна грань личности мужа. Теперь я лучше понимала его укоренившуюся привычку никогда ни о чем не рассказывать, если к тому не вынудят обстоятельства. Эта привычка проявлялась у Мэтью в большом и малом.

— Мне нет дела до твоего громадного опыта! Твоя безопасность зависит от Уолсингема, а ты его обманываешь! — бросила я, еще больше разозленная услышанным.

— Уолсингем умер. Теперь я передаю сведения Уильяму Сесилу.

— А Кит? Он работает на Сесила или на тебя?

— Не говори ей, Мэтью, — встрепенулся Кит. — Ведьме доверять нельзя.

— А тебе можно, лукавый маленький призрак? — тихо спросил Хэнкок. — Ведь это ты подстрекал жителей деревни.

Щеки Кита сделались пунцовыми, вдвойне подтверждая его вину.

— Черт побери, Кит! Ты что натворил? — спросил ошеломленный Мэтью.

— Ничего, — угрюмо буркнул Марло.

— Ты опять рассказываешь сказки, — погрозил ему пальцем Хэнкок. — Я ведь тебя уже предупреждал, мастер Марло: мы этого *не потерпим*.

— Вудсток и так был полон слухов о супруге Мэтью, — возразил Кит. — А там, где слухи, жди Конгрегации посланцев. Откуда мог *я* знать, что Конгрегация уже явилась?

— Слушай, де Клермон, теперь ты наконец позволишь мне его убить? Я несколько веков подряд мечтаю оборвать его жизнь, — *признался* Хэнкок, хрустя костяшками пальцев.

— Нет. Убивать его я не позволю. — Мэтью устало провел рукой по лицу. — Появилось бы слишком много вопросов, а у меня сейчас не хватает терпения придумывать убедительные ответы. Обычные деревенские сплетни. Я их погашу.

— Только время опасное для подобных сплетен, — тихо заметил ему Галлоглас. — Берик — одно из мест. Ты знаешь, как известие о ведьмах взбудоражило жителей Честера. Когда мы ехали на север, в Шотландию, положение дел в Честере было еще хуже.

— Если поиск ведьм достигнет и наших мест, она нас всех погубит, — предрек Марло, указывая на меня.

— Людские волнения не выйдут за пределы Шотландии, — возразил Мэтью. — А ты, Кит, больше не смей ходить в деревню.

— Она здесь появилась в День Всех Святых, исполнив предсказание о приходе страшной ведьмы. Неужели не понятно? Сначала твоя жена подняла бурю, и Яков, король Шотландии, чуть не утонул. Теперь ее внимание на Англию простерлось. Об этом нужно сообщить Сесилу. От нее исходит опасность для нашей королевы.

— Угомонись, Кит! — потребовал Генри, беря драматурга за руку.

— Вы мне не заткнете рот! А сообщить все королеве — мой долг. Однажды, Генри, ты скажешь, что я был прав. С тех пор как ведьма появилась в этом доме, вас будто подменили. Как быстро она сумела вас околдовать. — Кит вошел в раж, его глаза неистово блестели. — Ты с ней возишься, как с младшей сестрой. Джордж

почти влюблен в нее. Том восхищен ее умом. А Уолтер, если бы не боялся Мэтью, прижал бы ее к стенке и задрал подол. Послушай, Мэтт, верни ее туда, где нашел. Нам без нее так счастливо жилось.

— Мэтью не был счастлив, — возразил Том, которого злая энергия, исходящая от Кита, заставила подойти ближе.

Кит повернулся ко мне. Его лицо было воплощением мольбы.

— Вы говорите, что любите его. А известно ль вам, каков он на самом деле? Вы видели, как он пирует? Чувствовали голод в нем, когда поблизости есть кто-то с теплой кровью? Способны ли вы принять Мэтью целиком, не отвергая ни темноты его души, ни света, как принимаю его я? У вас есть магия для утешения, а я без Мэтью мертв. Когда его нет рядом, в моем уме нет и стихов. И только Мэтью видит крупицы доброго, что есть во мне. Оставьте мне его! Молю вас!

— Не могу, — ответила я.

Кит вытер рот рукавом, словно этот жест мог удалить и все следы моего присутствия.

— Когда вся Конгрегация узнает о вашей страсти к нему...

— Если моя, как вы изволили выразиться, страсть к нему запретна, тогда и ваша тоже, — перебила я очередную его тираду, и Марло вздрогнул. — Но никто из нас не выбирает, кого любить.

— Иффли и его друзья — лишь первые, кто обвинил вас в ведьмовстве, — с печальным триумфом произнес Кит. — Помните мои слова. Не только ведьмам дана способность будущее видеть. Нам, демонам, она доступна тоже.

Мэтью обнял меня за талию. Я ощутила знакомое прикосновение холодных пальцев. Жест, означавший, что я принадлежу вампиру. Для Мэтью это было впечатляющим напоминанием о его прежней неспособности оградить меня от опасностей. Кит поморщился, почти не пытаясь скрыть глубокого разочарования.

— Если ты настолько проницателен, тогда тем более должен был бы заранее знать, чем обернется для меня твое предательство, — сказал Мэтью, которым вновь начинало овладевать раздражение. — Прочь с глаз моих, Кит, иначе... Бог мне свидетель... от тебя ничего не останется. И в гроб положить будет нечего.

— Тебе она дороже, чем я? — спросил явно ошеломленный Кит.

— Тут и раздумывать нечего. Убирайся! — повторил Мэтью.

Кит уходил из зала с нарочитой неспешностью, однако в коридоре его шаги ускорились. Они делались все быстрее, отдаваясь по деревянным ступенькам. Драматург спешил в свою комнату.

— Надо будет проследить за ним, — сказал Галлоглас, вновь поворачиваясь к Хэнкоку. — Ему сейчас нельзя доверять.

— Марло никогда нельзя доверять, — пробормотал Хэнкок.

В открытую дверь бесшумно вошел Пьер с письмом в руке. Вид у слуги был встревоженный, если не сказать — испуганный.

— Не сейчас, Пьер, — простонал Мэтью, снова усаживаясь перед камином и протягивая руку к бокалу с вином. — Этот день и так плотно забит разными бедами. Королева, страна, католики... Пусть полежит до утра.

— Но... милорд... — запинаясь, произнес слуга, держа письмо в вытянутой руке.

Мэтью взглянул на решительный почерк автора письма:

— Христос и все святые Его!

Мэтью потянулся за письмом, но его пальцы вдруг замерли. У него несколько раз дернулся кадык. В уголке глаза появилась ярко-красная капля, которая быстро упала на воротник. Кровавая слеза вампира.

— Что случилось, Мэтью? — спросила я, заглядывая через плечо и пытаясь понять причину столь внезапного горя, которое охватило моего мужа.

— Похоже, день еще не окончен, — невесело проговорил Хэнкок, отходя назад. — Есть дело, требующее твоего внимания. Твой отец думает, что ты мертв.

В моем времени мертвым был Филипп — отец Мэтью, погибший окончательно и бесповоротно ужасной, трагической смертью. Но мы находились в 1590 году, и Филипп был жив и полон сил. Едва мы появились в этой эпохе, я начала опасаться случайной встречи с Изабо или с Мириам, лабораторной ассистенткой Мэтью. Меня пугала даже не сама встреча, а ее возможные последствия в будущем. Я часто думала о том, каково было бы Мэтью увидеть Филиппа.

Прошлое, настоящее и будущее столкнулись. Загляни я сейчас в углы, наверняка увидела бы, как стремительно разматываются нити времени. Возможно, я бы даже уловила их недовольный шелест. Однако я смотрела только на Мэтью и на безупречно белый кружевной воротник, где краснел след от кровавой слезы.

Галлоглас торопливо изложил предысторию:

— Сам посуди: из Шотландии приходят тревожные новости и тут ты вдруг исчезаешь. Мы испугались, что королева послала тебя на север, ты попал в заваруху и был схвачен. Мы искали тебя целых два дня, а когда не нашли никаких следов... Мэтью, войди в наше положение. Нам не оставалось иного, как сообщить Филиппу о твоем исчезновении. Иначе Конгрегация подняла бы шум.

— Это еще не все, милорд.

Пьер перевернул письмо. Печать на обратной стороне показалась мне печатью ордена Рыцарей Лазаря. Впрочем, нет. Ее воск был смешением красного и черного. Воск находился по краям. А в середине, где полагается быть оттиску, блестела старинная серебряная монета: тонкая, с щербатой кромкой. На монете были изображены крест и полумесяц — два символа семейства де Клермон.

— Что вы ему сказали?

Мэтью как зачарованный смотрел на бледный кружок серебра, плавающий в красно-черном восковом море.

— Теперь, когда Филипп прислал это письмо, наши слова уже не имеют значения. За неделю ты должен добраться до французских земель. В противном случае Филипп сам отправится в Англию, — пробубнил Хэнкок.

— Ты же знаешь, Хэнкок, что мой отец не может сюда приехать. Это невозможно.

— Разумеется, невозможно. За его настырное вмешательство в кухню английской политики королева приказала бы немедленно отрубить ему голову. Поэтому ты сам должен поехать к нему. Если ехать не останавливаясь, времени на дорогу тебе хватит, — заверил Мэтью Хэнкок.

— Не могу, — ответил Мэтью, вперившись в невскрытое письмо.

— У Филиппа на всем пути будут приготовлены лошади. Ты быстро доберешься, — заверил Мэтью Галлоглас, опуская руку на дядино плечо.

Мэтью поднял голову. Глаза его сделались дикими.

— Дело не в расстоянии. Дело... — Он умолк.

— Пойми: он муж твоей матери. Ты всецело можешь доверять Филиппу... если, конечно, ты не врал и ему, — сказал Хэнкок.

Глаза валлийца сощурились, словно его догадка попала в точку.

— Кит прав. Мне никто не может доверять. — Мэтью вскочил на ноги. — Моя жизнь — нагромождение лжи.

— Мэтью, сейчас не время забивать голову пустым философствованием. Даже сейчас Филипп наверняка терзается вопросом, не потерял ли он еще одного сына! — воскликнул Галлоглас. — Оставь свою девчонку с нами, садись на лошадь и отправляйся к отцу. Если начнешь упрямиться, я вышибу из тебя сознание и мы с Хэнкоком сами повезем тебя к Филиппу.

— Не знаю, где ты набрался такой уверенности, Галлоглас, если осмелился отдавать мне приказы. — В голосе Мэтью зазвучали угрожающие нотки, он уперся руками в каминную доску и наклонился, глядя на игру пламени.

— Я уверен в своем деде. Тебя *варгом* сделала Изабо, но в жилах моего отца текла кровь Филиппа.

Слова Галлогласа больно задели Мэтью. Он вскинул голову, изменив своему обычному бесстрастию.

— Джордж и Том, сходите наверх, проведайте Кита, — распорядился Уолтер, удаляя друзей из зала.

Рэли кивнул Пьеру. Слуга понял намек и подключился к выпроваживанию. По коридору разнесся приказ подать вина и еды. Вручив обоих заботам Фрасуазы, Пьер вернулся, плотно закрыл двери и встал перед ними. В числе свидетелей разговора Галлогласа с Мэтью остались Уолтер, Генри, Хэнкок и я, а также молчаливый Пьер.

— Ты должен ехать в Сет-Тур. Филипп не успокоится, пока не увидит твое окоченевшее тело или тебя, живого и невредимого. Он не доверяет ни Елизавете, ни Конгрегации. — Теперь Галлоглас старался успокоить Мэтью, но не мог вытащить его из отрешенного состояния. — Можешь обманывать других и себя самого, если тебе это так уж надо! — в отчаянии воскликнул Галлоглас. — Если желаешь, ночь напролет обсуждай другие возможности. Но тетушка права: все это — дерьмо собачье! — Голос Галлогласа дрогнул. — У твоей Дианы странный запах. И ты пахнешь старше, чем пах на прошлой неделе. Я знаю секрет, который вы оба храните. И он тоже раскроет этот секрет.

Итак, Галлоглас унюхал, что я путешественница во времени. Я мельком взглянула на Хэнкока и поняла: он тоже это знает.

— Довольно! — вдруг крикнул Уолтер.

Галлоглас и Хэнкок мгновенно умолкли. Причину я увидела на мизинце Уолтера: там поблескивало кольцо с изображением Лазаря и гроба.

— Значит, вы тоже рыцарь, — недоуменно протянула я.

— Да, — лаконично ответил Уолтер.

— И по своему положению выше Хэнкока. А как насчет Галлогласа?

Я до сих пор так и не могла понять, кто здесь кому подчиняется и в какой степени. Мой вопрос был продиктован отчаянной попыткой хоть как-то в этом разобраться.

— По своему положению, мадам, я выше всех присутствующих, за исключением вашего мужа, — сообщил Рэли. — В это число входите и вы.

— Ваша власть на меня не распространяется! — огрызнулась я. — Мне просто хочется знать, какова ваша роль в делах семейства де Клермон. Вам понятен мой вопрос, Уолтер?

Сердитые синие глаза Рэли уперлись в глаза Мэтью.

— Она всегда себя так ведет?

— Обычно да, — сухо ответил Мэтью. — К этому не сразу привыкаешь, но мне даже нравится. Возможно, со временем понравится и тебе.

— В моей жизни уже есть одна требовательная женщина. Второй не нужно, — усмехнулся Рэли. — Если вам, госпожа Ройдон, так любопытно узнать, какое положение я занимаю, извольте. Я командую английской ветвью братства. Поскольку Мэтью входит в Конгрегацию, он этого делать не может. Другие члены семейства выполняют иные обязанности. Или отказываются выполнять. — Уолтер зыркнул на Галлогласа.

— Значит, вы один из восьмерых провинциальных мастеров, подчиняющихся непосредственно Филиппу, — сказала я, обдумывая услышанное. — Удивлена, что вы не являетесь девятым рыцарем.

Девятый рыцарь был загадочной фигурой. Кто он — знали лишь на самых высших уровнях.

Рэли так громко и смачно выругался, что даже вышколенный Пьер не удержался от возгласа.

— Ты утаиваешь от жены, что являешься членом Конгрегации и шпионом королевы, и в то же время рассказываешь ей о внутреннем устройстве братства!

— Она спросила. Я ответил, — простодушно сказал Мэтью. — Думаю, на сегодня хватит разговоров об ордене Лазаря.

— Твоя жена не удовлетворится услышанным. Она будет землю носом рыть, пока не узнает все. — Рэли хмуро скрестил руки на груди. — Я избавлю вас от волнений, а Мэтью — от ваших расспросов... Девятый рыцарь — Генри. Он не желает принимать протестантскую веру, что делает его весьма уязвимым. Здесь ему могут предъявить обвинение в государственной измене. В Европе он легкая добыча для любого недовольного, кто мечтает лишить ее величество трона. Филипп предложил ему эту должность, дабы оградить Генри от тех, кто способен злоупотребить доверчивостью его натуры.

— Генри? Мятежник?

Я смотрела на кроткого великана. Открытие за открытием!

— Я не мятежник, — сдержанно возразил Генри. — Но покровительство Филиппа де Клермона не раз спасало мне жизнь.

— Видишь ли, Диана, граф Нортумберленд — могущественный и влиятельный человек, — спокойно пояснил Мэтью. — Это делает его ценной пешкой в руках беспринципного игрока.

Галлоглас выразительно кашлянул:

— Нельзя ли оставить разговоры о братстве и вернуться к более насущным вопросам? Конгрегация потребует от Мэтью утихомирить брожения в Берике. Королева, наоборот, велит ему подогреть тамошние страсти. Расчет прост: пока шотландцы заняты ловлей ведьм, им не до коварных замыслов в отношении Англии. Новую жену Мэтью только что обвинили в ведьмовстве, а отец требует возвращения Мэтью во Францию.

— Ну и клубочек, — поморщился Мэтью, сдавливая себе переносицу.

— И как ты предлагаешь распутать этот клубок? — спросил Уолтер. — Галлоглас утверждает, что Филиппу нельзя приезжать сюда. Однако я боюсь, что и Мэтью не стоит ехать во Францию.

— Никто и не говорил, что разом выдержать наскоки трех мастеров и жены будет легко, — с кислым видом заявил Хэнкок.

— Так какой из чертовых путей выберешь ты? — спросил у Мэтью Галлоглас.

— Если Филипп в ближайшее время не получит монету, собственноручно вплавленную мной в другую печать, он отправится меня разыскивать, — отвстил Мэтью. В его голосе снова появи-

лась отрешенность. — Это испытание верности. Мой отец любит устраивать испытания.

— Отец в тебе не сомневается. Когда вы встретитесь, все недоразумения тут же разрешатся, — гнул свою линию Генри. — Ты всегда говорил, что у меня должен быть свой замысел, иначе я рискую быть вовлеченным в чужие. Скажи, что́ нам необходимо сделать, и мы обо всем позаботимся.

Мэтью молча перебрал имеющиеся возможности, поочередно отбрасывая их. У кого-нибудь другого анализ этих сложнейших комбинаций, превосходящих шахматные, занял бы несколько дней. Мэтью понадобилось несколько минут. Его лицо оставалось почти спокойным, но были другие признаки борьбы, происходящей у него внутри: напряженные плечи, рассеянные жесты и покачивание головой.

— Я поеду, — наконец сказал он. — Диана останется здесь под защитой Галлогласа и Хэнкока. Уолтер отправится к королеве и придумает какую-нибудь причину, оправдывающую мое отсутствие при дворе. С Конгрегацией я разберусь сам.

— Диане нельзя оставаться в Вудстоке, — твердо заявил Галлоглас. — Особенно сейчас, когда Кит порядком напакостил в деревне, распространяя ложь и пытаясь разузнать о ней. В твое отсутствие ни королева, ни Конгрегация не станут спасать твою жену от суда.

— Мэтью, мы с тобой вместе можем уехать в Лондон, — сказала я. — Большой город, где ведьм более чем достаточно. Там меня особо и не заметят и уж тем более не испугаются моей силы. Ты отправишь посланцев во Францию с известием, что жив и здоров. Тебе незачем ехать туда самому.

Тебе не надо снова видеться с отцом.

— В Лондон! — недовольно сощурился Хэнкок. — Да вы, мадам, не продержитесь там и трех дней. Мы с Галлогласом отвезем вас в Уэльс, в городок Абергавенни.

— Нет! — Мне было не оторваться от красного пятна на воротнике Мэтью. — Если Мэтью отправится во Францию, я поеду с ним.

— С наступлением зимы война поутихла, — сказал Уолтер. — Возможно, Сет-Тур окажется лучшим местом для Дианы. С тобой, Мэтью, рискуют связываться лишь немногие. Но никто не отваживается вставать на дороге у твоего отца.

— У тебя есть выбор, — с жаром сказала я мужу.

Ни друзья Мэтью, ни его семья не собирались использовать меня в качестве инструмента давления, чтобы заставить его поехать во Францию.

— Да. У меня есть выбор. И я выбираю тебя. — Он провел большим пальцем по моей губе.

У меня сердце ушло в пятки. Значит, он все-таки решил поехать в Сет-Тур.

— Не делай этого! — взмолилась я.

Я боялась произнести лишнее слово, чтобы не выдать, из какого времени мы явились. Там Филипп давно был мертв, и я представляла, какой пыткой станет для Мэтью новая встреча с живым отцом.

— Филипп говорил мне: моя судьба — найти себе истинную пару. И когда я встретил тебя, мне не оставалось иного, как принять решение, сделанное судьбой. Но одного моего принятия мало. Каждый момент, до самого конца жизни, я буду выбирать тебя, ставя этот выбор выше отца, выше своих интересов и даже выше интересов семейства де Клермон.

Губы Мэтью прижались к моим, погасив все возражения. Поцелуй был самым убедительным аргументом.

— Значит, решено, — тихо заключил Галлоглас.

Продолжая глядеть на меня, Мэтью кивнул:

— Да. Мы с Дианой вместе поедем домой.

— Приготовления к вашему путешествию мы возьмем на себя, — сказал Уолтер. — У твоей жены уставший вид, а поездка в это время года будет не из легких. Вам обоим нужно хорошенько отдохнуть.

Друзья Мэтью переместились в гостиную, оставив нас одних. Но мы и не думали ложиться спать.

— Я надеялся, что наше пребывание в тысяча пятьсот девяностом окажется не таким, — признался Мэтью. — Оно виделось мне куда спокойнее.

— О каком спокойствии ты говоришь? Конгрегация, суды в Берике, королевская разведка, Рыцари Лазаря... И все требуют твоего внимания.

— Принадлежность к Конгрегации и мое положение шпиона должны были бы помогать, а не чинить препятствия. — Мэтью посмотрел в окно. — Я думал, мы переместимся в Олд-Лодж, вдо-

ва Битон охотно возьмется тебя обучать, мы разыщем в Оксфорде манускрипт и через несколько недель покинем шестнадцатый век.

Я прикусила язык, чтобы не указать Мэтью на недочеты в его стратегии. Уолтер, Генри и Галлоглас и так весь вечер тыкали его носом. Но он все прочитал у меня на лице.

— Я проявил близорукость, — вздохнул Мэтью. — Дело не только в том, что я не сумел правдоподобно объяснить твое появление, и даже не в ограждении тебя от ловушек вроде судов над ведьмами и войн. Я переоценил свою память. То есть я помню общую канву своих действий на королевской службе и событий, касающихся Конгрегации. Помню контрмеры, которые осуществлял в интересах отца. Но из памяти выветрились подробности. Например, я знаю дату, но не помню, какой это был день недели. А это значит, я не уверен, кто из посланцев должен появиться в этот день и когда ожидать следующей почты. Я был готов поклясться, что простился с Галлогласом и Хэнкоком еще перед Хеллоуином.

— Дьявол всегда прячется в деталях, — произнесла я известное изречение.

Я провела по засохшему следу, оставленному слезой Мэтью: несколько пятнышек возле глаза, тоненькая полоска на щеке.

— Удивляюсь, как я сама не подумала, что твой отец может прислать тебе письмо.

— Я сам ждал его письма со дня на день. Всякий раз, когда Пьер приносил почту, я внутренне сжимался. Но сегодня курьер уже приезжал и ничего не привез. Если честно, меня вышиб из колеи отцовский почерк. Я совсем забыл, какую твердую руку имел отец в прошлом. Когда в тысяча девятьсот сорок четвертом году мы привезли отца из нацистского лагеря, его тело было настолько истерзано, что даже кровь вампира не помогала. Филипп был не в состоянии держать ручку, а ведь он так любил писать. Представляю, каково ему было видеть собственные неразборчивые каракули.

Я знала, что во время Второй мировой войны Филипп был схвачен и оказался в плену у нацистов. Те проводили над ним эксперименты, пытаясь узнать, сколько боли способен выдержать вампир.

— Возможно, богиня хотела, чтобы мы вернулись в тысяча пятьсот девяностый не только для моего обучения. Новая встре-

ча с Филиппом может вскрыть твои старые раны, чтобы затем их исцелить.

— Только вначале их разбередит, — сказал Мэтью, опуская голову.

— Но потом тебе станет легче. — Я разгладила его непокорные волосы. — Ты так и не вскрыл отцовское письмо.

— Я знаю, что́ там написано.

— И все равно его стоит прочесть.

Наконец Мэтью сломал печать. Его палец вытолкнул монету из воскового ложа, и она упала в подставленную ладонь. Когда он развернул плотный лист, я уловила легкий запах лавра и розмарина.

— Это греческий? — спросила я, заглядывая через его плечо.

Письмо состояло из одной строчки. Внизу стояла размашистая буква «фи».

— Да. — Мэтью пробежал глазами строчку. — Он велит мне возвращаться домой, причем немедленно.

— Ты выдержишь новую встречу с ним?

— Нет... Да... — Мэтью скомкал лист. — Сам не знаю.

Я взяла у него лист, расправила. На ладони Мэтью поблескивала монета. Кружочек металла, способный вызвать столько бед.

— Ты встретишься с ним не один.

Да, я буду рядом, когда Мэтью вновь увидит своего мертвого отца живым. Но это единственное, чем я могла облегчить его горе.

— С Филиппом каждый встречается один на один. Некоторые думают, будто мой отец способен видеть души насквозь, — пробормотал Мэтью. — Мне тревожно везти тебя в замок. Реакцию Изабо я еще мог предсказать: холодность, гнев, затем приятие. А вот как к тебе отнесется Филипп, я не берусь даже гадать. Никто не понимает, в каких направлениях работает его ум, какими сведениями он располагает и какие ловушки расставляет. Если я скрытный, отец просто непостижимый. Даже Конгрегация не знает о его затеях, а Бог не даст мне соврать — они очень давно пытаются залезть в его разум.

— Все устроится наилучшим образом, — заверила я Мэтью.

Его отцу придется принять меня в семью. Подобно матери и брату Мэтью, у него не останется иного выбора.

— Не думай, что сможешь его переиграть, — предупредил меня Мэтью. — Галлоглас считает тебя похожей на мою мать, но даже она время от времени попадается в паутину Филиппа.

— Скажи, а ты и в двадцать первом веке остаешься членом Конгрегации? Ты поэтому знал о членстве Нокса и Доменико?

Ведьмак Питер Нокс преследовал меня с тех самых пор, как я заказала в Бодлианской библиотеке «Ашмол-782». Что касается вампира Доменико Микеле, его неприязнь к семейству де Клермон была очень давней. Когда ведьма Сату, тоже член Конгрегации, издевалась надо мной в развалинах Ла-Пьера, он равнодушно наблюдал за ее зверствами.

— Нет, — торопливо ответил Мэтью и отвернулся.

— Хэнкок говорил, что кто-то из де Клермонов обязательно входит в Конгрегацию. Значит, в двадцать первом веке это уже не так?

Я затаила дыхание, мысленно умоляя его: «Скажи „да", даже если это и ложь».

— Традиция сохраняется, — бесстрастно произнес Мэтью, разрушив мои надежды.

— Тогда кто?.. Изабо? Болдуин? Это явно не Маркус!

Будь мать Мэтью, его брат или сын причастны к Конгрегации, это наверняка проскользнуло бы в разговорах.

— Диана, ты знаешь не обо всех членах нашего семейства. В любом случае я не вправе называть имя того, кто нынче занимает место в Конгрегации.

— А есть еще какие-то правила, заставляющие всех нас подчиняться твоей семье? Ты вмешиваешься в политику. Я видела расходные книги, подтверждающие это. Или ты надеешься, что, когда мы вернемся в двадцать первый век, твой таинственный родственник сумеет защитить нас от Конгрегации?

— Не знаю, — нехотя признался Мэтью. — Я уже ни в чем не уверен. Ни в чем.

Подготовка к отъезду не застряла на уровне обсуждений. Уолтер и Галлоглас составляли наилучший маршрут, а Мэтью приводил в порядок свои английские дела.

Хэнкок и Генри отправились в Лондон, увозя туда кожаный мешок с письмами. Будучи пэром здешних мест, граф был обязан появиться при дворе, где семнадцатого ноября отпразднуют оче-

редную годовщину восшествия королевы на престол. Джордж с Томом поехали в Оксфорд вместе с внушительной суммой денег и опозорившимся Марло. Хэнкок предостерег их о серьезных последствиях, которых не миновать, если демон не образумится. Даже в отсутствие Мэтью Хэнкок будет поблизости и не колеблясь пустит в ход свой меч, если обстоятельства примут совсем скверный оборот. Мэтью подробно объяснил Джорджу, как расспрашивать об алхимическом манускрипте и какие вопросы задавать оксфордским ученым.

Мои сборы были несравненно легче. Мой багаж не отличался внушительностью: сережки Изабо, новые туфли и кое-что из одежды. Франсуаза сшила мне в дорогу тяжелое, рассчитанное на погодные стихии платье светло-коричневого цвета. Его высокий, отороченный мехом воротник плотно застегивался, уберегая от дождя и ветра. Той же цели служили куски шелковистого лисьего меха, вшитые Франсуазой в подкладку плаща. Служанка утеплила мехом и мои новые перчатки.

И последнее, что нужно было сделать перед отъездом из Олд-Лоджа: убрать в библиотеку записную книжку, подаренную Мэтью. Я не рисковала взять ее в Сет-Тур, ведь по пути туда она легко могла потеряться. К тому же мне хотелось понадежнее уберечь дневник от любопытных глаз. Войдя в библиотеку, я подняла с пола веточки розмарина и лаванды, после чего уселась за стол Мэтью, взяла перо, открыла чернильницу и приготовилась сделать последнюю запись.

4 5 ноября 1590 г. холодно, дождь
Новости из дома. Мы готовимся к путешествию.

Осторожно подув на запись, чтобы чернила побыстрее высохли, я вложила лаванду и розмарин между страницами. Моя тетка пользовалась розмарином для памятных заклинаний, а лаванда служила ей предостережением в любовных заговорах. Вполне подходящее сочетание, учитывая наши нынешние обстоятельства.

— Пожелай нам удачи, Сара, — прошептала я.

Свою книжицу я запихнула в дальний конец полки, надеясь найти ее там, когда вернусь... Если вернусь.

Глава 7

Рима Хаэн ненавидела ноябрь. Продолжительность светлого времени неумолимо сокращалась, каждый день уступая позиции надвигающимся сумеркам. В Севилье это было жуткое время. Весь город начинал готовиться к сезону празднеств, а дождь не желал делать передышку. Горожане, и так не слишком-то жалующие правила движения, с пугающей быстротой превращались в неуправляемое автомобильное стадо.

Уже которую неделю подряд Рима работала не поднимая головы. Ее начальник решил освободить чердачные помещения, где хранились старинные документы. Здание было ветхим, с такой же ветхой черепичной крышей. Прошлой зимой дожди неоднократно становились причиной протечек. Прогноз на ближайшие месяцы был еще хуже. Библиотека не располагала деньгами для ремонта крыши, и потому служащие перетащили заплесневелые картонные коробки вниз, уберегая наиболее ценные документы от грядущих протечек. От всего не имеющего ценности было велено тихо избавиться, но так, чтобы потенциальные дарители ничего не заподозрили.

Занятие грязное, насквозь пропитанное обманом, но, увы, неизбежное. Рима не раз задумывалась об этом. Библиотека представляла собой небольшой специализированный архив с ограниченными фондами. Его основой были материалы, полученные в дар от одного знаменитого андалузского семейства. Их корни уходили далеко в прошлое — ко временам *Реконкисты*, когда христиане *оосвободили* от мусульман Пиренейский полуостров, завоеванный теми в VIII веке. Мало у кого из современных ученых возникало желание рыться в хаотичном скоплении книг и предметов, годами собираемых семейством Гонсалвес. Они предпочитали посещать Архив Индий, находившийся на той же улице,

и вести споры о Колумбе. Обычных читателей интересовали библиотеки, где можно найти недавно вышедший остросюжетный детектив. Зачем им ломкие страницы иезуитских наставлений из 1700-х годов или дамские журналы мод 1800-х?

Рима взяла небольшую книжку, лежавшую в углу стола, и опустила на нос очки, которые до сих пор пребывали на затылке, удерживая ее черные волосы. Книжку она заметила еще неделю назад, когда один из служащих притащил сверху тяжеленную картонную коробку и, кряхтя от натуги, опустил на пол рядом с ее столом. Рима занесла книжку в коллекцию Гонсалвесов под номером 4890, снабдив кратким описанием: «Английская записная книжка для повседневных записей, автор неизвестен, конец XVI века». Как и у большинства записных книжек того времени, почти все страницы оставались чистыми. Рима видела испанский аналог такой книжки, принадлежавшей далекому предку Гонсалвесов, отправленному в 1628 году на учебу в Севильский университет. Книжка имела отличный переплет, была разлинована и пронумерована витиеватыми цифрами, написанными разноцветными чернилами. Но ее страницы остались девственно чистыми. И в прошлом люди быстро остывали к своим затеям.

Такие книжки служили хранилищами отрывков из Библии, поэтических строк, девизов и изречений классических авторов. В них попадались черточки и завитушки, когда владелец не знал, о чем писать, перечни покупок, слова непристойных песенок, а также упоминания о важных или странных событиях. Книжка, что вертела в руках Рима, не являлась исключением. Жаль, что кто-то вырвал первую страницу. Наверное, там значилось имя владельца. Это напрочь уничтожало всякие шансы узнать, кому принадлежала книжка, тем более что вместо имен упомянутых в ней людей стояли инициалы. У историков безликие и безымянные сведения почти не вызывали интереса, словно анонимность автора ставила под сомнение достоверность описываемых событий.

Рима нашла в книжке список всех английских монет, имевших хождение в XVI веке, и их нарицательную стоимость. Еще одна страница содержала наспех составленный список одежды: плащ, башмаки, нечто вроде утепленного платья на меху, шесть обычных платьев, четыре нижние юбки и пара перчаток. Далее обнаружилось несколько датированных, но совершенно бессмысленных записей и рецепт от головной боли — напиток из молока

и вина. Рима улыбнулась. Интересно, снял бы такой напиток ее частые мигрени?

Пожалуй, ей стоило отнести записную книжку на третий этаж, где в запираемых помещениях хранились манускрипты, но что-то заставило Риму оставить английскую древность у себя на столе. Библиотекарь не сомневалась, что книжка принадлежала женщине. Круглые буквы, выводимые женской рукой, были дрожащими и неуверенными. Слова ползли то вверх, то вниз. На каждой странице пестрели кляксы. Никто из образованных людей XVI века не писал подобным образом, если только не был болен или не достиг старческого возраста. Вряд ли неизвестная хозяйка книжки была нездорова или находилась в преклонных летах. От написанных слов исходили странные вибрации, никак не вязавшиеся с дрожащим почерком.

Рима показала английскую записную книжку Хавьеру Лопесу — обаятельному, но напрочь лишенному профессиональных знаний человеку. Последний из рода Гонсалвес нанял его, чтобы превратить семейный дом и личные вещи в библиотеку и музей. Просторный кабинет Лопеса помещался в цокольном этаже. Стены были отделаны под красное дерево. И только в этом кабинете исправно работало отопление. Беседа Римы и Лопеса была непродолжительной. Он напрочь отверг предположение, что эта книжка заслуживает более пристального изучения. Рима хотела сделать фотографии страниц и послать снимки коллегам на Британские острова, однако сеньор Лопес запретил. Ее соображения о принадлежности книжки директор и слушать не захотел: пробормотал что-то о феминистках и выпроводил Риму из кабинета.

С тех пор книжка так и лежала на ее рабочем столе. В Севилье этот рукописный памятник прошлого был никому не интересен и не нужен. Разве кто-нибудь поедет в Испанию, чтобы искать там старинные английские записные книжки? Ученые отправятся в Британскую библиотеку или в Шекспировскую библиотеку Фолджера, находящуюся в Соединенных Штатах.

Правда, тут несколько раз заходил какой-то странный человек — порыться в коллекциях. Француз. От его оценивающего взгляда Риме становилось неуютно. Некто Герберт Канталь. Или Эрбер, поскольку он француз. Рима не запомнила. В последний свой приход он оставил визитку и просил связаться с ним, если вдруг отыщется что-нибудь интересное. Когда Рима попыталась

уточнить, что́ именно его интересует, посетитель ответил расплывчато: все. Она сочла это неуклюжей шуткой и забыла о французе.

И вот теперь нашлось нечто интересное. К сожалению, визитка Канталя куда-то задевалась. Рима перерыла весь свой стол, но та как сквозь землю провалилась. Оставалось дождаться, когда чудаковатый француз придет снова, и показать ему находку. Возможно, его эта английская записная книжка заинтересует больше, чем начальника Римы.

Она перелистала страницы. Где-то посередине книжки, между страницами, ей попалась веточка лаванды и несколько хрупких листиков розмарина. Рима осторожно вытащила находку из трещины в переплете. На мгновение в воздухе слабо запахло увядшей лавандой, и этот запах установил связь между Римой и женщиной, жившей сотни лет назад. Библиотекарь печально улыбнулась, раздумывая о той, кого никогда не видела и не увидит.

— Más basura[1], — услышала Рима.

Это вернулся Даниэль из бригады рабочих, обслуживающих здание. Он занимался перемещением коробок с чердака вниз, отчего его истрепанный серый комбинезон был покрыт грязными пятнами. Остановив старую, скрипучую тележку, он вывалил на пол еще несколько коробок. Невзирая на холодную погоду, лоб Даниэля блестел от пота, который он поспешил вытереть рукавом, оставляя черную пыльную полосу.

— Café?[2]

Уже третий раз за эту неделю Даниэль приглашал ее в кафе. Рима знала, что нравится ему. У ее матери в роду были берберы, что сказалось на внешности и фигуре Римы. Многим мужчинам нравились ее женственные округлости, смуглая кожа и миндалевидные глаза. Когда Рима приходила за корреспонденцией, Даниэль постоянно отпускал сладострастные комплименты в ее адрес, норовил погладить по заду и беззастенчиво пялился на ее грудь. Так продолжалось не один год. Даниэля ничуть не смущало, что он дюймов на пять ниже Римы и вдвое ее старше.

— Estoy muy ocupada[3], — ответила Рима.

Даниэль недоверчиво хмыкнул и поглядел на принесенные коробки. В верхней лежала заплесневелая меховая муфта и чу-

---

[1] Еще мусор *(исп.)*.

[2] Кофе? *(исп.)*

[3] Я очень занята *(исп.)*.

чело крапивника, прикрепленное к подставке из кедра. Даниэль покачал головой, изумляясь, что Рима охотнее проводит время в обществе всей этой плесени и чучел, отвергая его общество.

— Gracias[1], — пробормотала Рима вслед уходящему Даниэлю.

Она осторожно закрыла книжку и вернула на прежнее место.

Рима переносила содержимое коробки на ближайший стол, а ее взгляд постоянно возвращался к старинной записной книжке в простом кожаном переплете. Пройдет еще четыреста лет, и единственным доказательством, что Рима Хаэн когда-то жила на свете, будет страница из ее ежедневника, список покупок и листок с записью рецепта бабушкиного alfajores[2]. Неужели все это поместят в пластиковый конверт, снабдят надписью «Автор неизвестен, важности не представляют» и будут хранить в архиве, куда никто не заглядывает?

Столь мрачные мысли могли притянуть к ней несчастье. Рима вздрогнула и дотронулась до амулета в виде руки, символизирующей руку Фатимы, дочери Пророка. Амулет на кожаном шнурке висел на шее Римы и с незапамятных времен передавался от матери к дочери.

— Khamsa fi ainek[3], — прошептала Рима, надеясь, что эти слова отгонят злых духов, которых она могла притянуть своими неуправляемыми мыслями.

---

[1] Спасибо *(исп.)*.

[2] Печенье (*исп.*).

[3] Пять пальцев тебе в глаз — известное арабское выражение, связанное с отведением злонамеренной порчи.

ЧАСТЬ II

СЕТ-ТУР И ДЕРЕВНЯ СЕН-ЛЮСЬЕН

Глава 8

— На прежнее место? — просил Галлоглас.

Он убрал весла и поднял единственный парус. До восхода солнца оставалось более четырех часов. В предрассветной тьме я разглядела очертания другого судна: парус и корму, освещенную висячим фонарем.

— Уолтер говорил, что мы отправимся в Сен-Мало, — сказала я, испуганно вертя головой.

Уолтер сопровождал нас из Олд-Лоджа до Портсмута, а затем на парусной лодке доплыл с нами до острова Гернси. Мы расстались с ним на причале близ тамошней деревни Сен-Пьер-Порт. Дальнейший путь был ему заказан. За появление в католической Европе он мог поплатиться головой.

— Тетушка, я прекрасно помню, куда меня направлял Рэли. Но он пират и англичанин. И его с нами нет. Я спрашиваю у Мэтью.

— «Immensi tremor oceani»[1], — прошептал Мэтью, глядя на вздымающиеся волны.

На фоне черной воды он казался статуей. Меня удивил его ответ племяннику: «Трепет огромного океана». Быть может, я что-то не так поняла в латинских словах?

— Прилив будет нас подхлестывать, и на лошади добираться до Фужера ближе, чем до Сен-Мало, — продолжал Галлоглас, словно Мэтью понимал его абракадабру. — В такую погоду на воде она замерзнет ничуть не больше, чем на суше, а ей еще потом ехать и ехать.

— А ты нас покинешь. — Мэтью не спрашивал. Он констатировал факт. Потом его веки дрогнули, и он кивнул, добавив вслух: — Прекрасно.

---

[1] Девиз рыцарского ордена Святого Михаила, созданного во второй половине XV в.

Галлоглас приспустил парус, и лодка, двигавшаяся в южном направлении, сменила его на восточное. Мэтью уселся на палубе, прислонившись спиной к изогнутым переборкам. Он крепко прижал меня к себе, дополнительно закутывая в свой плащ.

Настоящий сон в таких условиях был невозможен, но я подремала на груди Мэтью. Наше путешествие представляло собой полосу препятствий. Бешеная скачка на лошадях, рискуя их загнать, потом захват чужих лодок. Температура за ночь упала, и на нашей одежде из добротной английской шерсти лежал тонкий слой инея. Галлоглас и Пьер почти без умолку разговаривали на каком-то французском диалекте. Мэтью участия в их разговоре не принимал. Когда его спрашивали, он коротко отвечал и вновь возвращался к своим мыслям. Его лицо и впрямь было похоже на лицо каменной статуи.

К рассвету погода изменилась. Окружающее пространство заволокло туманом. Пошел снег. Борода Галлогласа побелела, отчего он стал похож на настоящего Санта-Клауса. Галлоглас отдавал распоряжения Пьеру, который управлялся с парусом. Впереди появилась мозаика белых и серых пятен — французский берег. Еще через полчаса прилив подхватил лодку и понес к берегу. Она подпрыгивала на волнах. Верхушка мачты пронзала облака, которые висели на удивление низко. Туман скрывал даже очертания лодки. Я чуть не вскрикнула.

— Держи крепче! — прикрикнул Галлоглас на Пьера, отпустившего парус.

Лодка неслась сквозь туман. Крики чаек и плеск воды о камни подсказывали, что мы невдалеке от берега. Однако лодка продолжала двигаться с прежней скоростью. Галлоглас опустил в воду весло, резко притормозив и изменив направление. С берега донесся чей-то крик. Возможно, предупреждающий. Или приветственный.

— Il est le chevalier de Clermont![1] — сложив руки рупором, крикнул Пьер.

Его слова были встречены молчанием. Затем в холодном воздухе послышался топот бегущих.

— Галлоглас! — испуганно завопила я.

Мы неслись прямо на каменную стену. Я схватилась за другое весло, чтобы хоть как-то удержать лодку и уберечь нас от купа-

[1] — Это господин де Клермон! *(фр.)*

ния в ледяной воде. Едва весло оказалось в моих руках, Мэтью тут же вырвал его.

— Он причаливает к этому месту не один век, а его люди — и того больше, — спокойно сказал Мэтью, держа весло, словно прутик.

Невероятно, но лодка сделала еще один резкий поворот влево, и ее правый борт встал впритык к грубым гранитным плитам. Наверху появилось четверо людей с крючьями и веревками. Ловко зацепив борт, они удерживали лодку на месте. Вода прибывала с пугающей скоростью, поднимая нас, пока лодка не оказалась вровень с каменным домиком. Рядом с ним начиналась лестница, скрывающаяся в тумане. Пьер спрыгнул на берег. Он что-то быстро говорил вполголоса, указывая на лодку. К нам подбежали два вооруженных солдата, которые тут же понеслись вверх по лестнице.

— Мадам, мы прибыли на остров Мон-Сен-Мишель, — сказал Пьер, протягивая мне руку и помогая выбраться из лодки. — Вы здесь отдохнете, пока милорд будет говорить с аббатом.

Мои знания об этом острове ограничивались рассказами друзей, которые каждое лето плавали вокруг английского острова Уайт. Во время отлива Мон-Сен-Мишель окружали плывуны, а в прилив тут возникали опасные водные завихрения, погубившие немало лодок. Те просто разбивало о береговые скалы. Я оглянулась на наше утлое суденышко и вздрогнула. Только каким-то чудом мы остались живы.

Пока я пыталась упорядочить растрепанные чувства, Мэтью в упор глядел на племянника, застывшего на корме:

— Диане было бы спокойнее, если бы ты отправился с нами.

— Пока твои друзья не втягивают ее в беду, твоя жена вполне способна постоять за себя. — Галлоглас посмотрел на меня и улыбнулся.

— Филипп станет расспрашивать о тебе.

— Скажи ему... — Галлоглас замолчал, глядя вдаль. Голубые глаза вампира были полны тоски. — Скажи ему, что мне пока не удается забыть.

— Ради его спокойствия ты должен попытаться простить, — тихо сказал Мэтью.

— Я никогда не прощу, — холодно ответил Галлоглас, — и пусть Филипп не просит меня об этом. Мой отец погиб от рук

французов, и никто не встал на пути короля. Пока я не примирюсь с прошлым, ноги моей во Франции не будет.

— Гуго мертв, да упокоит Господь его душу. Твой дед по-прежнему с нами. Не растрачивай безрассудно время на злость к нему.

Мэтью перекинул ногу через борт лодки. Не прощаясь с Галлогласом, он взял меня под локоть и повел туда, где росло несколько чахлых деревьев с голыми ветвями. Чувствуя на себе холодную тяжесть взгляда Галлогласа, я обернулась, встретившись с ним глазами. Он махнул мне рукой.

Мы молча подошли к лестнице. Я не видела, куда ведут ее ступени, и вскоре перестала их считать. Вместо этого я смотрела под ноги, стараясь не поскользнуться на обледенелых, источенных временем камнях. С подола плаща сыпались льдинки. Внутри широкого капюшона свистел ветер. Подняв голову, я увидела, что лестница закончилась. Она привела нас к массивной двери, окованной такими же массивными железными полосами, изъеденными ржавчиной и соленой влагой. Дверь была приоткрыта.

Мы вошли. Лестница продолжалась и внутри. Приподнимая края плаща, я двинулась дальше.

Впереди стояли солдаты. Увидев нас, они прижались к стенам, давая нам пройти. Пальцы Мэтью чуть сильнее сжали мой локоть. В остальном он обращал на солдат не больше внимания, чем на призраков.

Мы очутились в помещении, чей сводчатый потолок подпирался целым лесом колонн. Вдоль стен в громадных очагах жарко пылал огонь, распространяя благословенное тепло. Облегченно вздохнув, я тут же принялась отряхивать плащ. На каменный пол полетели брызги воды и посыпались льдинки. Это занятие было прервано чьим-то негромким покашливанием. Возле ближайшего очага стоял человек в красном кардинальском облачении. На вид ему не было и тридцати. Непозволительно молодой возраст, чтобы занимать столь высокое положение в иерархии Католической церкви.

— А-а, шевалье де Клермон. Или нынче вас называют по-другому? Давненько вас не видели на французской земле. Я уж думал, что вместе с должностью Уолсингема вы взяли себе и имя этого нечестивца. Ныне он жарится в аду, где ему самое место. — Кардинал говорил по-английски без запинки, но с сильным акцентом. — Выполняя распоряжение сеньора, мы целых три дня

ожидаем вашего появления. Однако никаких упоминаний о женщине не было.

Мэтью отпустил мой локоть и прошел вперед. С легкостью преклонив колено, он поцеловал кольцо на протянутой руке кардинала:

— Здравствуйте, ваше преосвященство. Я думал, вы сейчас в Риме, выбираете нашего нового папу. Представьте, как я обрадовался, увидев вас здесь.

Голос Мэтью свидетельствовал об обратном. Во что же мы вляпались, отправившись в Мон-Сен-Мишель, а не в Сен-Мало, как планировал Уолтер?

— Сейчас я больше нужен Франции, чем конклаву. Эти убийства королей и королев только гневят Бога. — Глаза кардинала предостерегающе блеснули. — Довольно скоро Елизавета в этом убедится, когда предстанет перед Ним.

— Я здесь не по английским делам, кардинал Жуайез. Это моя жена Диана. — Мэтью зажал между пальцами отцовскую монетку. — Я возвращаюсь домой.

— Мне так говорили. Отец послал вам это, чтобы обеспечить благополучный проезд. — Кардинал бросил Мэтью какой-то блестящий предмет, и Мэтью ловко его поймал. — Филипп де Клермон забывается и ведет себя так, словно он король Франции.

— Моему отцу незачем править. Он острый меч, который возводит на трон и свергает королей, — тихо сказал Мэтью.

Блестящий предмет оказался тяжелым золотым кольцом. Мэтью надел его поверх перчатки на средний палец. В кольцо был вделан красный камень. Я не сомневалась: эмблема на его поверхности была аналогична той, что украшала мою спину.

— Вашему начальству, кардинал, хорошо известно: если бы не мой отец, Франция была бы потеряна для Католической церкви. В противном случае вы бы не ожидали меня здесь.

— Возможно, для всех было бы лучше, если бы сеньор и в самом деле сидел на французском троне. Сейчас трон захвачен протестантом. Но об этом мы поговорим наедине, — устало проговорил кардинал. Он махнул слуге, застывшему в тени двери. — Отведи жену шевалье в ее комнату. Мадам, мы должны вас покинуть. Ваш муж слишком долго находился среди еретиков. Теперь его ожидает долгое стояние на коленях на холодном каменном полу. Это напомнит ему, кем он на самом деле является.

Остаться одной, да еще в столь угрюмом месте? Вся досада была красноречиво написана на моем лице.

— С тобой побудет Пьер, — ободряюще произнес Мэтью и наклонился, чтобы меня поцеловать. — Когда начнется отлив, мы двинемся дальше.

Я вдруг поняла, что в последний раз вижу Мэтью Клермона-ученого. Идущий к двери был уже не оксфордским профессором, а принцем эпохи Возрождения. Это чувствовалось по всему его облику: по развороту плеч, по ауре сдерживаемой силы и холодному выражению глаз. И снова я убедилась в правоте слов Хэмиша: перемещение в XVI век преобразит Мэтью. Внешне он остался прежним, однако внутри совершалось глубокое преображение.

Где-то в вышине ударили колокола, отбивая время.

Ученый. Вампир. Воин. Шпион. Колокола замерли перед завершающим ударом.

Принц.

Какие новые грани характера моего мужа откроются мне в нашем путешествии?

— Не будем испытывать Божье терпение, кардинал Жуайез, — резким тоном произнес Мэтью.

Жуайез двигался следом, словно Мон-Сен-Мишель принадлежал семейству де Клермон, а не Церкви.

— Milord est lui-même, — облегченно прошептал Пьер, стоящий рядом со мной.

«Милорд остается самим собой». Но остается ли он моим?

Мэтью, возможно, и был принцем, но окружающая действительность не оставляла сомнений в том, кто здесь король.

Лошади несли нас по обледенелым дорогам, и с каждым ударом их копыт я ощущала возрастающую власть и влияние отца Мэтью. Чем ближе к владениям Филиппа де Клермона, тем более властным и отстраненным становился его сын. Это заставляло меня скрежетать зубами. Между нами несколько раз вспыхивали ожесточенные споры. После очередного взрыва, когда высокомерие и деспотизм в поведении Мэтью прорывались наружу, он всегда извинялся. Зная, какой стресс испытывает муж в ожидании встречи с отцом, я прощала ему эти всплески.

Едва наступил отлив, мы покинули Мон-Сен-Мишель и по зыбучим пескам перебрались на континент. В Фужере нас встре-

тили союзники де Клермонов и разместили в сравнительно комфортабельной башне городской крепости. За ее окнами простирался типично французский пейзаж. Через пару дней нас уже встречали в окрестностях города Боже. Туда мы приехали поздно вечером. Слуги держали в руках чадящие факелы. На их ливреях блестел знакомый мне герб Филиппа: крест и полумесяц. Впервые этот символ я увидела в Сет-Туре XXI века, роясь в письменном столе Мэтью.

— Что это за место? — спросила я, когда слуги сопроводили нас к одиноко стоящему шато.

Снаружи замок выглядел заброшенным, однако внутри нас встретило приятное тепло. Откуда-то пахло готовящейся едой.

— Замок одного старого друга, — ответил Мэтью.

Он снял с меня башмаки и принялся растирать окоченевшие ступни. Туда вновь устремилась кровь. Я застонала от боли. Пьер подал мне чашу подогретого вина с пряностями.

— Это был любимый охотничий замок Рене. Когда он здесь жил, в коридорах и комнатах было не протолкнуться от гостей. Сюда съезжались художники и ученые. Шум стоял невообразимый. Теперь замок принадлежит моему отцу. Из-за постоянных войн его никак не удается привести в надлежащее состояние.

Перед отъездом из Олд-Лоджа Мэтью и Уолтер просветили меня относительно непрекращающихся столкновений между французскими протестантами и католиками за контроль над королем и страной. Из башенных окон в Фужере я видела на горизонте столбы дыма. Мне объяснили, что там находятся позиции армии протестантов. По дороге нам не раз встречались разрушенные дома и церкви. Я была потрясена масштабом этой опустошительной войны.

Религиозный конфликт требовал спешного внесения изменений в мою тщательно продуманную «легенду». В Англии я выдавала себя за француженку-протестантку, покинувшую родину из-за религиозных притеснений и страха за свою жизнь. Здесь я должна была превратиться в английскую католичку, немало пострадавшую за веру. Мэтью непостижимым образом ухитрялся помнить всю ложь и полуправду наших историй и какую из них рассказывать в том или ином месте, чтобы не вызвать подозрений. Помимо этого, его память хранила кучу исторических подробностей о каждом месте, через которое мы проезжали.

— Сейчас мы находимся в провинции Анжу. — Громкий голос Мэтью вывел меня из раздумий. — Здешние жители заподозрят в тебе протестантскую шпионку и не поверят ни одной нашей истории. Их насторожит одно то, что ты говоришь по-английски. Эта часть Франции отказывается признать притязания нынешнего короля на трон и предпочла бы монарха-католика.

— Как и Филипп, — пробормотала я.

Власть Филиппа была благотворной не только для кардинала Жуайеза. В пути нас не раз останавливали католические священники. Изможденные, со впалыми щеками и затравленными глазами, они делились последними новостями и благодарили отца Мэтью за помощь. Никто из них не уходил с пустыми руками.

— Отца не заботят тонкости христианской веры. В других частях страны он поддерживает протестантов.

— Совершенно экуменическая позиция, — усмехнулась я.

— Филипп лишь стремится спасти Францию от себя самой. В августе этого года Генрих Наваррский — новый король — попытался навязать парижанам свою религиозную и политическую позицию. Парижане предпочли голодать, но не склонились перед королем-протестантом. — Мэтью запустил пальцы в волосы, что было признаком сильных душевных переживаний. — Они умирали тысячами. С тех пор отец не доверяет людям решать их дела.

То же недоверие распространялось у Филиппа и на дела сына. Пьер разбудил нас на рассвете, объявив, что лошади уже оседланы и можно двигаться в путь. Оказалось, он получил известие: через два дня нас ждут в городе, до которого было больше сотни миль.

— Это невозможно! Мы не в состоянии мчаться без остановок! — воскликнула я.

Я находилась в хорошей физической форме, но нынешние нагрузки не шли ни в какое сравнение с теми, к которым я привыкла в XXI веке. Предстояло проезжать верхом более полусотни миль в день, и это в ноябре, причем по открытой всем ветрам местности.

— Выбор у нас невелик, — мрачно сказал Мэтью. — Если мы запоздаем, отец вышлет навстречу очередной отряд слуг, и те будут нас подгонять. Лучше ему не перечить.

На изломе дня, когда я была готова реветь от усталости, Мэтью, ничего не спрашивая, пересадил меня на свою лошадь и по-

ехал дальше, пока лошади не выбились из сил. Я выбилась из сил гораздо раньше и не могла даже возразить.

В городок Сен-Бенуа, чьи деревянные дома были обнесены каменными стенами, мы приехали к назначенному Филиппом времени. Мы уже находились достаточно близко к Сет-Туру, и потому Пьер и Мэтью махнули рукой на соблюдение внешних приличий. Мне было позволено ехать так, как я привыкла, а не в женском седле. Хотя мы не выбивались из установленного Филиппом графика, он постоянно увеличивал количество людей, высылаемых навстречу. Казалось, он боялся, что мы вдруг передумаем и вернемся в Англию. Часть слуг Филиппа выполняли обязанности сторожевых псов. Остальные расчищали нам путь, привозили пищу, свежих лошадей и ведали нашим отдыхом на людных постоялых дворах, в заброшенных домах и забаррикадированных монастырях. Добравшись до каменистых холмов Оверни, являвших собой давно погасшие вулканы, мы часто видели на соседних вершинах силуэты одиноких всадников. Заметив нас, они тут же исчезали из виду — торопились сообщить о нашем продвижении к Сет-Туру.

Так прошло еще два дня. В сумерках мы с Мэтью и Пьером подъехали к вершине очередной горы. Оттуда, сквозь снежную пелену, просматривались очертания родового гнезда семейства де Клермон. Я узнала прямые линии центральной башни. Если бы не она, я бы решила, что вижу совсем другой замок. Стены вокруг него были целыми, как и все шесть круглых башен. Каждая имела медную крышу. От времени и стихий медь позеленела, приобретя цвет бутылочного стекла. Из труб, спрятанных за зубчатым парапетом башен, шел дым. Стены выглядели так, словно над ними потрудился сумасшедший великан, вооруженный фестонными ножницами. Внутри стен я разглядела сад, занесенный снегом, и прямоугольные клумбы.

В XXI веке вид крепости — даже полуразрушенной — производил гнетущее впечатление, однако в XVI веке с его чередой религиозных и гражданских войн крепость воспринималась совсем по-иному. У внешней стены, отделяющей крепость от деревни, словно часовой, стояло внушительное караульное помещение. По внутреннему двору сновали фигурки людей. Многие из них были вооружены. В тусклом сумеречном свете, вглядываясь сквозь пелену танцующих снежинок, я разглядела деревянные постройки,

стоящие в разных местах двора. Из маленьких окошек лился теплый желтый свет, оживляя серый камень, кое-где припорошенный снегом.

Моя кобыла шумно выдохнула, окутав меня облаком теплого, влажного пара. Она была лучшей лошадью из всех, на которых мне довелось ехать с первого дня путешествия. Мэтью восседал на крупном черном жеребце. Нрава этот конь был сурового, готовый укусить каждого, кто приблизится, за исключением седока. Оба животных были из конюшен де Клермона. Они прекрасно знали дорогу домой и торопились поскорее попасть в теплое стойло, где их ждали ведра с овсом.

— Dieu! Вот уж никак не ожидал, что попаду сюда. — Мэтью медленно моргал, словно не до конца верил в реальность замка и хотел столь нехитрым способом прогнать иллюзию.

— Даже сейчас у тебя есть выбор, — сказала я, касаясь его руки. — Мы можем повернуть назад.

Пьер посмотрел на меня с сожалением, а Мэтью печально улыбнулся.

— Ты не знаешь моего отца, — сказал он, вновь поворачиваясь к замку.

Когда наконец мы достигли Сет-Тура, путь нам освещали факелы. Тяжелые, окованные железом ворота были гостеприимно распахнуты. Четверо караульных молча наблюдали за нашим въездом. Едва мы оказались внутри, ворота тут же захлопнулись. Двое слуг вытащили из стенной ниши длинное бревно и перегородили створки ворот. Шесть дней путешествия по Франции показали мне, что все эти предосторожности продиктованы житейской мудростью. Местные жители подозрительно относились к незнакомцам, опасаясь появления очередной группы беглых солдат, промышлявших грабежом. Они боялись кровопролития и насилия и не хотели власти нового правителя, которого им придется ублажать.

Внутри нас ожидала настоящая армия, состоящая из людей и вампиров. С полдюжины солдат занялись нашими лошадьми. Пьер передал одному из них небольшой мешок с письмами. Остальные негромко о чем-то расспрашивали его, боязливо поглядывая в мою сторону. Никто не подошел ко мне и не предложил помощь. Я оставалась в седле, дрожа от холода и усталости, и глазами искала в толпе Филиппа. Уж он-то распорядится, чтобы мне помогли слезть.

Заметив мое бедственное положение, Мэтью с завидной легкостью спрыгнул на землю, подбежал ко мне, осторожно высвободил мою онемевшую ногу из стремени и слегка помассировал, возвращая ей подвижность. Я шепотом поблагодарила его. Было бы досадно испортить впечатление о себе, брякнувшись с лошади в истоптанный снег, перемешанный с грязью.

— Кто из них — твой отец? — шепотом спросила я, когда Мэтью обошел лошадь, чтобы вынуть из стремени мою другую ногу.

— Никто. Он остался внутри замка и, похоже, не спешит нас видеть. И это после нашей безумной скачки сюда, будто мы улепетывали от гончих ада! Не волнуйся, сейчас я разгоню свору глазеющих.

Мэтью стал отдавать короткие распоряжения на французском, удаляя со двора любопытных слуг. Вскоре не осталось никого, кроме одного вампира. Тот стоял у основания деревянной винтовой лестницы, что вела к дверям замка. Я снова почувствовала, как столкнулись прошлое и настоящее. В XXI веке вместо деревянных ступеней были каменные. Я поднималась по ним, чтобы впервые встретиться с Изабо.

— Здравствуй, Ален, — сказал Мэтью, и его лицо потеплело.

— Добро пожаловать домой.

Вампир говорил по-английски. Он слегка прихрамывал. У него было жилистое тело, волосы с проседью и добрые глаза, окруженные морщинками.

— Спасибо, Ален. Это Диана, моя жена.

— Приветствую вас, мадам де Клермон.

Ален поклонился. Ближе он не подошел, выдерживая почтительную дистанцию.

— Рада знакомству с вами, Ален.

В XXI веке мы не встречались, но имя этого слуги ассоциировалась у меня с неизменной верностью и готовностью помочь. Именно ему среди ночи звонил тогда Мэтью, прося, чтобы мне приготовили поесть.

— Отец тебя ждет, — сказал Ален, пропуская нас к лестнице.

— Пусть подадут еду прямо в мои покои. Что-нибудь незатейливое. Диана устала и проголодалась. Я отправлюсь к нему. — Мэтью снял перчатки и отдал Алену.

— Он ждет вас обоих. — Лицо Алена стало предупредительно-нейтральным. — Осторожнее на лестнице, мадам. Ступеньки обледенели.

— А он? — спросил Мэтью, подняв глаза на квадратную башню и сжав губы.

Ален не ответил.

Рука Мэтью все так же держала меня за локоть, и потому подъем не доставил мне хлопот. Но у меня жутко устали ноги. Они начали дрожать. У входа в башню носок башмака зацепился за выбоину в каменной плите. Я покачнулась. Этого было достаточно, чтобы сдерживаемая ярость Мэтью вырвалась наружу.

— Филипп просто спятил, — буркнул Мэтью, подхватывая меня за талию. — Диана целыми днями не вылезала из седла.

— Его распоряжение было четким и однозначным, сэр.

Внезапная официальность Алена служила предостережением.

— Не волнуйся, Мэтью. Мы пойдем вместе.

Я откинула капюшон плаща, вглядываясь в большой зал. В XXI веке у входа стояли рыцарские доспехи с прислоненными копьями, а в XVI веке на их месте оказался деревянный экран, украшенный резьбой. Когда дверь открывалась, он принимал на себя сквозняки, не пропуская их дальше. Исчезли псевдосредневековые украшения, круглый стол, фарфоровая чаша. Каменные стены были завешаны шпалерами. Теплый воздух от очага смешивался с холодным, проникавшим снаружи, и шпалеры слегка покачивались на возникающем ветру. Я увидела два длинных стола и низкие скамьи по обеим сторонам каждого. Между столами двигались слуги и служанки, расставляя тарелки и кружки к ужину. Зал мог вместить несколько десятков человек. Галерея для менестрелей не пустовала. Музыканты, расположившиеся там, настраивали свои инструменты.

— Потрясающе! — прошептала я, едва ворочая окоченевшими губами.

Мэтью холодными пальцами взял мой подбородок и повернул к нему.

— Ты же вся синяя от холода, — сказал он.

— Сейчас я принесу жаровню, чтобы мадам согрела ноги, и теплое вино, — пообещал Ален. — Мы затопим все очаги.

Подошел теплокровный слуга — забрать мой мокрый плащ. Мэтью резко повернулся, собираясь направиться в помещение,

которое в XXI веке называлось комнатой для завтрака. Я прислушалась, но ничего не услышала.

— Он не в настроении, — словно извиняясь, пояснил Ален и покачал головой.

— Это и видно. Точнее, слышно. — Мэтью уткнулся глазами в пол. — Филипп ревет, как зверь, требуя нас к себе. Диана, ты уверена, что выдержишь встречу? Если сегодня не хочешь встречаться с моим отцом, я выдержу его гнев и один.

Мэтью никак нельзя было входить к отцу одному. Они не виделись более шестидесяти лет. Когда я сражалась со своими призраками, Мэтью был рядом. И к Филиппу мы отправимся вместе. А потом я улягусь в постель и не вылезу оттуда до самого Рождества.

— Идем, — решительно сказала я, приподнимая подол платья.

Сет-Тур строился слишком давно, когда коридоров еще не знали. Мы прошли через сводчатую дверь, находящуюся справа от очага, и оказались в углу другого помещения. Через несколько сот лет оно станет гранд-салоном Изабо. Сейчас здесь было достаточно просторно. Никакого нагромождения изящной мебели. Та же суровость интерьера, какую я видела во всех других местах на пути сюда. Тяжелая дубовая мебель, которую так просто не украдешь и не сломаешь, если комната станет ареной сражения. А сражения здесь происходили, о чем свидетельствовала глубокая косая борозда на поверхности шкафа.

Оттуда Ален провел нас в комнату с теплыми терракотовыми стенами, где в XXI веке мы с Изабо как-то завтракали. Тогда на столе стояла фарфоровая посуда и с ней соседствовало тяжелое столовое серебро. Сейчас здесь находился совсем другой стол и единственный стул. Стол был завален бумагами. Там стояло и лежало что-то еще, однако рассмотреть я не успела. Мы вышли на лестницу с истертыми каменными ступенями. Она вела в незнакомую мне часть замка.

Настраиваясь на встречу с отцом Мэтью, я не заметила, как лестница закончилась выходом на широкую площадку. Слева располагалась длинная галерея, заполненная весьма странными предметами, часами, оружием, портретами и мебелью. На мраморной голове древнего бога дремала надетая набекрень золотая корона со вмятинами на ободе. Посередине зловеще поблескивал кроваво-красный рубин величиной с яйцо.

— Сюда, — сказал Ален, открывая дверь.

За ней оказалось помещение еще с одной лестницей. Эта вела не вниз, а наверх. Сбоку от лестницы я увидела закрытую дверь. По обе стороны от нее стояли жесткие, неудобные скамейки. Ален замер, терпеливо дожидаясь ответа из-за двери. Вскоре оттуда послышалось единственное латинское слово:

— Introite[1].

Дверь была плотно закрытой, отчего мне показалось, что это слово пробилось сквозь толстый слой древесины. Мэтью слегка вздрогнул. Ален тревожно посмотрел на него и толкнул дверь. Она бесшумно открылась, повернувшись на массивных петлях.

Позволивший нам войти сидел лицом к огню, отчего его волосы казались мерцающими. Сидячая поза не могла скрыть его высокого роста. У него были широкие, атлетические плечи. Он что-то писал, и методичное поскрипывание пера уравновешивало хаотичный треск поленьев в очаге и завывания ветра снаружи.

— Sedete[2], — загремел его бас, нарушив относительную гармонию других звуков.

Теперь уже я чуть не подскочила. Если первое слово дошло, заглушенное дверью, от второго у меня зазвенело в ушах. Хозяин кабинета привык, чтобы ему повиновались немедленно и беспрекословно. Ноги сами понесли меня к двум ожидавшим нас стульям. Я была рада подчиниться, поскольку очень устала. Сделав три шага, я вдруг сообразила, что Мэтью по-прежнему стоит в проеме. Я вернулась к нему и крепко взяла за руку. Он ошеломленно смотрел вниз и будто стряхивал с себя воспоминания.

Потом мы быстро прошли в кабинет Филиппа. Я плюхнулась на стул. Мне принесли обещанное вино и решетчатую жаровню под ноги. Ален сочувственно посмотрел на нас, затем кивнул и ушел. Мы остались ждать. Если для меня ожидание было трудным, для Мэтью оно граничило с пределом возможностей. С каждой минутой он напрягался все сильнее, почти вибрируя от сдерживаемых эмоций.

Когда его отец заметил наше присутствие, я тоже находилась на грани срыва. Я смотрела на свои руки и думала, хватит ли мне сил, чтобы задушить этого злодея. И вдруг мой лоб обожгло дву-

[1] Входите *(лат.)*.

[2] Садитесь *(лат.)*.

мя льдинками. Подняв голову, я обнаружила, что смотрю в рыжевато-коричневые глаза греческого бога.

Впервые увидев Мэтью, я испытала инстинктивное желание бежать без оглядки. Но Мэтью, встретившийся мне сентябрьским вечером в зале Бодлианской библиотеки, все же имел облик ученого. Мрачного, задумчивого, где-то не от мира сего. Сейчас я оторопела не потому, что Филипп де Клермон был чудовищем. Совсем наоборот: он был самым удивительным созданием, какое я встречала среди людей или существ нечеловеческой природы.

Глядя на Филиппа де Клермона, никто бы не подумал, что его плоть смертна. Черты лица поражали совершенством и какой-то сверхъестественной симметричностью. Прямые темные брови нависали над золотисто-карими глазами с зелеными крапинками. Их оттенок менялся каждую секунду. Постоянное нахождение на солнце и открытом воздухе добавило к его каштановым волосам золотистые, серебристые и бронзовые пряди. Рот Филиппа был мягким и чувственным, что сейчас не мешало его губам оставаться гневно сжатыми.

Мне самой пришлось плотно сжать губы, иначе я бы осталась сидеть с отвисшей челюстью. Я выдержала его оценивающий взгляд. После этого глаза Филиппа медленно и целенаправленно переместились на Мэтью.

— Изволь объясниться.

Эти слова Филипп произнес ровным тихим голосом, но в них ощущалась его ярость. Я оказалась в обществе двух сердитых вампиров. Теперь, когда первоначальный шок от встречи с отцом миновал, Мэтью попытался взять ситуацию в свои руки.

— Ты велел мне прибыть в Сет-Тур. Я здесь, живой и здоровый, вопреки истеричным донесениям твоего внука.

Мэтью бросил на отцовский стол серебряную монету. Упав, она немного покружилась вокруг невидимой оси и замерла.

— В это время года твоей жене было бы лучше остаться дома.

Как и Ален, Филипп говорил по-английски с безупречностью англичанина.

— Диана не просто моя жена. Она моя истинная пара. Я не смог бы оставить ее с Генри и Уолтером лишь потому, что холодно и идет снег.

— Не юли, Мэтью! — прорычал Филипп.

Это напоминало львиный рык и, как и все остальное, говорило о его львиной натуре. Семейство де Клермон представляло собой впечатляющий зверинец. Присутствие Мэтью всегда напоминало мне о волках. Рядом с Изабо мне виделись соколы. Галлоглас создавал впечатление медведя. Филипп представлял собой не менее опасного хищника.

— Галлоглас и Уолтер пишут, что ведьма нуждается в моей защите. — Филипп ткнул пальцем в письмо на своем столе и вновь уставился на сына. — Я думал, защита слабых — твое дело, раз ты теперь представляешь нашу семью в Конгрегации.

— Диана отнюдь не слаба. Ей требуется более могущественная защита, чем способна дать Конгрегация. Особенно теперь, когда она вышла за меня замуж. Ты готов даровать ей такую защиту?

В вопросе Мэтью отчетливо звучал вызов. Вызывающим стал и его облик.

— Вначале мне нужно выслушать ее рассказ, — ответил Филипп, взглянув на меня и слегка наморщив лоб.

— Мы встретились случайно. Я знал, что она ведьма, но не мог противиться узам, возникшим между нами, — сказал Мэтью. — Соплеменники обратились против нее.

Филипп поднял руку, которую вполне можно было принять за лапу, требуя тишины. Его внимание вновь переместилось на сына.

— Маттаиос, — произнес Филипп, растягивая слоги. Слово подействовало так, как действует на горячие натуры неторопливо поднимаемый кнут. Мэтью сразу же умолк. — Я так понимаю, что и ты нуждаешься в моей защите?

— Разумеется, нет, — дерзко ответил Мэтью.

— Тогда закрой рот и дай ведьме высказаться.

Мне хотелось поскорее убраться из этого кабинета, и потому я решила не растягивать свой рассказ. Но как наилучшим образом поведать этому льву о наших последних злоключениях? Если подробно рассказывать обо всем, велика опасность, что Мэтью просто не выдержит и взорвется. Набрав в легкие побольше воздуха, я начала:

— Меня зовут Диана Бишоп. Мой отец был сильным колдуном, а мать — сильной ведьмой. Другие ведьмы убили моих роди-

телей, когда они находились в далеких краях. Я была еще ребенком. Перед отъездом родители наложили на меня заклинание, связывающее мои магические силы. Мать была ясновидящей и знала, как повернутся события.

Глаза Филиппа недоверчиво сощурились. Я понимала его скептицизм. Мне и самой было трудно понять, почему родители, сильно любившие меня, нарушили этический кодекс ведьм и заковали единственную дочь в магические кандалы.

— Я росла, будучи не гордостью семьи, а ее позором. Ведьма, неспособная зажечь свечу и правильно произнести заклинание. И тогда я повернулась спиной к Бишопам и пошла в университет. — (В этом месте Мэтью заерзал на стуле.) — Я изучала историю алхимии.

— Диана изучает искусство алхимии, — поправил Мэтью, бросив на меня предостерегающий взгляд.

Но его букет полуправд явно не удовлетворял отца.

— Я путешественница во времени. — Эти слова повисли в воздухе кабинета. — У вас это называется fileuse de temps — «прядильщица времен».

— Я прекрасно знаю, кто ты такая, — все тем же ленивым тоном произнес Филипп, и на лице Мэтью промелькнуло удивление. — Я давно живу, мадам, и перевидал много различных существ. Ты не из нынешнего времени и не из прошлого. Остается единственное: ты из будущего. И Маттаиос тоже явился из будущего. Он совсем не похож на того Мэтью, каким был восемь месяцев назад. Тот Мэтью и не взглянул бы на ведьму. — Филипп глубоко вздохнул. — Внук предупреждал меня, что вы оба очень странно пахнете.

— Филипп, позволь мне объяснить...

Мэтью сегодня было не суждено договаривать фразы до конца.

— Ситуация эта во многом неясная и тревожная, но я рад, что в будущем появится более здравое отношение к бритью бород и усов. — Филипп лениво почесал свою безупречно подстриженную бородку клинышком и такие же аккуратные усы. — Как бы то ни было, бороды — рассадник вшей, а не признак мудрости.

— Мне говорили, что Мэтью похож на больного, поскольку у здорового мужчины непременно должна быть борода, — устало вздохнула я. — Но я не знаю заклинаний, позволяющих вырастить бороду.

— Это довольно простой трюк, — сказал Филипп, отметая мои слова. — Ты говорила, что интересуешься алхимией.

— Да. Я нашла книгу. Многие пытались ее найти. Я познакомилась с Мэтью, когда он вознамерился украсть эту книгу у меня, но не смог, поскольку я уже выпустила ее из рук. После этого на меня ополчились все окрестные ведьмы и вампиры. Мне пришлось бросить работу!

У Филиппа слегка дрогнула челюсть. Похоже, он подавил смех. Однако повадки львов обманчивы. Трудно определить, когда львы изумленно мурлыкают, а когда собираются напасть.

— Мы думаем, что это книга начал, — сказал Мэтью.

Он несколько приукрасил действительность, стремясь выставить жену в более выгодном свете. Манускрипт я заказала по чистой случайности.

— Книга искала Диану. К тому времени, когда остальные существа поняли, что́ она нашла, я уже был в нее влюблен.

— Значит, все это началось не вчера.

Филипп уперся локтями в стол, опустив подбородок на сомкнутые пальцы. Он сидел на простом четырехногом стуле, хотя рядом стояло великолепное кресло, похожее на трон.

— Нет, — подтвердила я, проделав в уме расчеты. — Прошло недели две. Мэтью не торопился признаваться в своих чувствах, но его... подтолкнули обстоятельства. Мы тогда приехали в Сет-Тур, думая, что здесь безопаснее. Очень скоро мы убедились в ошибочности наших надежд. Как-то рано утром я отправилась прогуляться в сад, и там меня захватила другая ведьма.

Филипп сверкнул глазами на Мэтью:

— Ведьма пробралась за стены Сет-Тура?

— Да, — нехотя признался Мэтью.

— Не совсем так. Она меня схватила у самых стен, — деликатно поправила я его, вновь переключая внимание Филиппа на себя. — Сомневаюсь, что какая-нибудь ведьма оказывалась внутри Сет-Тура, за исключением меня.

— Разумеется, — благосклонно кивнул Филипп. — Продолжай.

— Ведьма перенесла меня в развалины Ла-Пьера. Там к ней присоединились некто Доменико и Герберт.

По лицу Филиппа я сразу поняла: ему знакомы и замок, и имена обоих вампиров.

— Что посеешь, то и пожнешь, — пробормотал Филипп.

— Похищение было устроено по приказу Конгрегации. Та ведьма... ее имя Сату... пыталась лишить меня магической силы. Когда это ей не удалось, Сату бросила меня в подземную темницу.

Мэтью положил мне руку на спину. Он так делал всякий раз, когда разговор заходил о событиях того страшного дня. Филипп это видел, но промолчал.

— Я сумела бежать оттуда, но оставаться в Сет-Туре не могла. Это поставило бы Изабо под удар. Магические силы безудержно вырывались из меня, а мне было с ними не совладать. Тогда мы с Мэтью отправились в дом моих теток. — Я прервала рассказ, пытаясь сообразить, как объяснить Филиппу местонахождение дома. — Вы знаете легенду, которую рассказывали люди Галлогласа? О землях, что лежат к западу от Англии, по другую сторону океана? — (Филипп кивнул.) — Примерно там и живут мои тетки.

— И они обе ведьмы?

— Да. Только нас и там не оставили в покое. Герберт послал *манжасана* — одну из своих прислужниц, — чтобы убить Мэтью. Ей это почти удалось. После ее нападения стало ясно: нам нигде не скрыться от Конгрегации. В тот момент самым безопасным нам казалось переместиться в прошлое. — Я опять умолкла, шокированная ядовитым взглядом, которым Филипп наградил сына. — Однако и прошлое не стало для нас тихой гаванью. Жители Вудстока узнали, что я ведьма. В Шотландии сейчас вовсю идет охота на ведьм. Никто не гарантирует, что в Оксфордшире не последуют шотландскому примеру. Поэтому нам пришлось бежать и оттуда. — Я мысленно перебрала сказанное. Кажется, ничего существенного я не забыла. — Такова моя история, — подытожила я.

— У тебя, мадам, настоящий талант рассказывать о сложных вещах быстро и лаконично. Если бы ты любезно поделилась своим умением с Мэтью, это пошло бы семье на пользу. А то писанина отнимает у нас гораздо больше времени, чем следовало бы.

Филипп взглянул на свои пальцы и вдруг с молниеносной быстротой встал. Рост его был не меньше шести футов. Он возвышался над столом, как крепостная башня над равниной. Взгляд вампира был устремлен на сына.

— Мэтью, ты играешь в опасную игру, где потери могут оказаться очень велики, а выигрыш — ничтожным. После того как

вы расстались с Галлогласом, он отправил мне письмо. Его посланец добирался другим путем и прибыл раньше вас. Пока вы ехали, по приказу короля Шотландии было арестовано более сотни ведьм. Их свезли в Эдинбург и бросили в застенки. Конгрегация наверняка думает, что ты спешишь в Шотландию, чтобы убедить короля Якова не казнить арестованных.

— Это лишний раз подтверждает, что Диана нуждается в твоей защите, — сказал Мэтью.

Я чувствовала, как он напряжен.

— А с какой стати я должен защищать ее? — холодно спросил Филипп.

— Потому что я люблю ее, — ответил Мэтью. — И потому что таково предназначение ордена Лазаря: защищать тех, кто не в состоянии защитить себя сам. Я повторяю слова, которые слышал от тебя.

— Я защищаю *манжасанов*, а не ведьм!

— Возможно, тебе стоит несколько шире взглянуть на цели ордена, — стоял на своем Мэтью. — Обычно *манжасаны* обходятся своими силами и не нуждаются в дополнительной защите.

— Мэтью, ты прекрасно знаешь, что я не могу защитить эту женщину. Сейчас по всей Европе полыхает религиозная вражда. Теплокровные усиленно ищут, кого бы обвинить в их собственных бедах. Неудивительно, что главных врагов они видят в существах нечеловеческой природы. Однако ты осознанно притащил сюда эту женщину — ведьму по крови, — которую вследствие умственного затмения объявил своей истинной парой. Нет. — Филипп резко замотал головой. — Возможно, ты думаешь, что сумеешь как-нибудь выкрутиться. Но я не стану рисковать благополучием семьи, провоцируя Конгрегацию и не обращая внимания на условия завета.

— Филипп, ты должен...

— Никаких «должен», когда обращаешься ко мне! — Филипп погрозил сыну пальцем. — Приведи свои дела в порядок и возвращайся туда, откуда явился. Проси меня о помощи в том времени. А лучше — проси теток этой ведьмы. Не тащи свои беды в прошлое, к которому они не имеют никакого отношения.

Но в XXI веке к Филиппу было не обратиться, ведь к тому времени он уже умер и был похоронен.

— Филипп, я никогда ни о чем тебя не просил. Вплоть до этого дня.

В кабинете опасно похолодало.

— Тебе нужно было бы заранее предвидеть мой ответ, Маттаиос, но ты, как всегда, об этом не подумал. Благодари Бога, что скверная погода удерживает твою мать в Трире. Сам знаешь, как она ненавидит ведьм. Да она бы поотрывала твоей ведьме руки и ноги. Чтобы ее сдержать, понадобилась бы небольшая армия, которой у меня сейчас нет.

Первой, кто пытался изгнать меня из жизни Мэтью, как раз и была Изабо. Болдуин даже не пытался скрывать свою неприязнь ко мне. Хэмиш — друг Мэтью — воспринимал меня с настороженностью. Кит без обиняков заявлял, что в их дружеском кругу я лишняя. Теперь настал черед Филиппа. Я поднялась со стула, дожидаясь, когда отец Мэтью обратит на меня внимание. И тогда я пристально посмотрела ему в глаза. Филипп удивленно моргнул.

— Мэтью не мог предвидеть вашего отказа, месье де Клермон. Он верил, что вы примете его сторону, хотя в данном случае его подвела собственная уверенность. — Чувствуя, что у меня начинает дрожать голос, я прибегла к успокоительному дыханию. — Буду вам признательна, если вы позволите мне переночевать в Сет-Туре. Мэтью уже несколько недель толком не спит. Возможно, среди родных стен ему будет легче уснуть. Завтра я вернусь в Англию. Одна, если это будет необходимо.

Один из моих новых локонов выбился на левый висок. Я потянулась, чтобы его поправить, как вдруг Филипп де Клермон больно сжал мое запястье. В следующее мгновение Мэтью оказался рядом с отцом, взяв того за плечи.

— Откуда у тебя это?

Филипп не отрываясь смотрел на кольцо, украшавшее средний палец моей левой руки. Кольцо Изабо. Его глаза сделались дикими. Пальцы еще сильнее сжали мне запястье. Я боялась, что он сломает мою руку.

— Она бы никогда не отдала мое кольцо никому. Такого просто быть не могло, пока мы оба живы.

— Успокойся, Филипп. Она жива, — торопливо произнес Мэтью.

Голос его звучал хрипло. Он не пытался успокоить отца, а просто сообщал о положении дел.

— Но если Изабо жива, значит... — Филипп умолк; недоумение на его лице быстро сменилось пониманием. — Значит, я совсем не бессмертен. И ты не мог встретиться со мной в своем времени, когда эти беды начались.

— Да, — выдавил Мэтью.

— Однако ты оставил мать один на один с твоими врагами?

Лицо Филиппа сделалось свирепым.

— С ней Марта. Болдуин и Ален позаботятся, чтобы с ней ничего не случилось.

Теперь Мэтью спешил успокоить отца, однако тот не отпускал мои пальцы. А они все сильнее немели.

— Изабо отдала мое кольцо ведьме? Уму непостижимо. Однако оно неплохо выглядит на ее пальце, — рассеянно произнес Филипп, поворачивая мою руку к свету.

— Маман так и думала, — тихо подтвердил Мэтью.

— Когда... — Филипп шумно вздохнул и покачал головой. — Нет. Не говори. Никто не должен знать день и час своей кончины.

Мои родители предвидели свой трагический конец. Озябшая, уставшая, охваченная тяжелыми воспоминаниями, я начала дрожать. Филипп этого не замечал, продолжая смотреть на кольцо жены. Но Мэтью заметил.

— Филипп, отпусти ее руку! — потребовал он.

Филипп посмотрел мне в глаза и разочарованно вздохнул. Кольцо не делало меня его любимой Изабо. Он убрал руку. Я попятилась назад, отойдя на приличное расстояние.

— Теперь, когда ты услышал историю Дианы, ты возьмешь ее под свою защиту?

— Мадам желает этого? — (Я кивнула, впившись руками в спинку стула.) — В таком случае да. Рыцари Лазаря позаботятся о ее безопасности.

— Спасибо, отец.

Руки Мэтью сжали отцовские плечи.

— Диана устала. Мы пойдем спать. Думаю, все остальное терпит до утра.

— Ни в коем случае. — Голос Филиппа напоминал треск молнии. — Твоя ведьма находится под моей крышей. Здесь распоряжаюсь я. Спать в одной постели с тобой она не будет.

Мэтью взял меня за руку:

— Филипп, Диана совсем не знает этой части замка.

— В твоих покоях, Мэтью, ночевать она не будет.

— Это почему? — спросила я, хмуро глядя на них обоих.

— Потому что вы не женаты, какими бы лживыми сказками Мэтью ни кормил тебя до сих пор. И благодарите богов. Возможно, мы еще сумеем отвести беду.

— Не женаты? — спросила я, чувствуя странное отупение.

— Произнести клятвы и принять узы *манжасана* — это еще не все, мадам. Ваше соглашение отнюдь не является незыблемым.

— Мэтью — мой муж, и мне больше не нужны никакие доказательства, — сказала я, чувствуя, как краснеют мои щеки.

Когда я призналась Мэтью в любви, он меня заверил, что этого достаточно для наших парных уз.

— Вы не связаны настоящими узами, и ваш брак тоже не заключен надлежащим образом. Во всяком случае, для тех, кто захочет проверить его законность, — продолжал Филипп. — А желающих будет предостаточно, если вы и дальше станете играть в том же ключе. Мэтью в Париже всегда больше предавался размышлениям о метафизике, чем изучал право. В таком случае, сын, если разум не подсказал тебе ничего здравого, нужно было прислушаться к голосу интуиции.

— Перед тем как отправиться в прошлое, мы поклялись друг другу в верности. Мэтью надел мне кольцо Изабо.

Наша импровизированная брачная церемония была последним событием перед расставанием с Мэдисоном и XXI веком. Сейчас я вспоминала ее, пытаясь понять, не упустили ли мы чего.

— Брачные узы, как их понимают *манжасаны*, не должны оставлять сомнений в их законности у священников, юристов, врагов и соперников, если таковые сыщутся. А значит, между вами должна существовать телесная близость. — Филипп раздул ноздри. — Но ее у вас до сих пор не было. Ваши запахи не только чужды нашему времени. Они различаются между собой. Получается, вы не вместе, а каждый сам по себе. Любой *манжасан* сразу поймет, что ваша парность существует только на словах. Герберт и Доменико наверняка это поняли, как только увидели Диану. Болдуин тоже, в чем я не сомневаюсь.

— Мы женаты и соединены парными узами. Моих заверений должно быть более чем достаточно. Что касается всего остальной

ного, это, Филипп, уже не твое дело, — сказал Мэтью, становясь между мной и отцом.

— Ох, Маттаиос, удивляюсь, как ты до сих пор не понимаешь очевидных вещей, — устало возразил сыну Филипп. — Диана — незамужняя женщина, у которой вдобавок нет отца. Да и братьев, готовых взять на себя заботу о ней, я здесь тоже что-то не вижу. Поэтому все, что связано с ее нахождением в моем замке, — это мое дело.

— В глазах Бога мы женаты.

— Однако ты до сих пор не совокупился с ней. Чего ты ждешь, Мэтью? Знака свыше? Диана тебя желает. Я это вижу по тому, как она смотрит на тебя. Для большинства мужчин этого было бы достаточно.

Глаза Филиппа пробуравили вначале сына, затем меня. Как и я, он не понимал причины странной щепетильности Мэтью. Во мне снова вспыхнуло беспокойство и начали грызть сомнения. Только их яда еще не хватало!

— Мы еще малознакомы. Но я знаю, что буду с ней, и только с ней, всю свою жизнь. Она моя истинная пара. Так, как написано на этом кольце: «a ma vie de coer entier»[1].

— Зачем женщине вся твоя жизнь, если одновременно ты не отдаешь ей все свое сердце? Конец этого любовного изречения тоже достоин внимания. Ты же почему-то упираешь на начало.

— Мое сердце целиком принадлежит ей, — сказал Мэтью.

— Ничего подобного. Если бы твое сердце целиком принадлежало ей, все члены Конгрегации были бы уже мертвы, завет был бы бесповоротно уничтожен, а ты бы находился не здесь, а в своем времени, — резко возразил сыну Филипп. — Не знаю, как там у вас в будущем относятся к браку. А у нас за него готовы и умереть.

— Если я во имя Дианы пролью кровь, это не решит наших нынешних трудностей.

Невзирая на многовековой опыт общения с отцом, Мэтью упорно отказывался признавать то, что я успела понять за считаные минуты: переспорить Филиппа де Клермона невозможно.

— А разве кровь ведьмы не принимается в расчет? — спросила я, и изумленные отец и сын повернулись ко мне. — Мэтью, ты

[1] Моя жизнь, тебе от всего сердца *(старофр.)*.

убил ведьму. Я убила вампира — *манжасана*, защищая тебя. И уж если мы начали раскрывать секреты, пусть твой отец знает и об этом.

Джиллиан Чемберлен и Жюльет Дюран были первыми жертвами разгорающейся войны, которая вспыхнула из-за наших с Мэтью отношений.

— Думаешь, у тебя есть время на ухаживания? Мэтью, ты ведь считаешь себя образованным, но меня поражает твоя первозданная глупость, — раздраженно произнес Филипп.

Мэтью стойко выдержал отцовское оскорбление, а затем пустил в ход козырной аргумент:

— Изабо приняла Диану как свою дочь.

Но Филиппа было не так-то легко переубедить.

— Ни Богу, ни твоей матери не удавалось заставить тебя задумываться о последствиях своих поступков. Смотрю, ты и в этом ничуть не изменился. — Филипп уперся ладонями в стол и крикнул Алена. — Поскольку вы не связаны парными узами, случившееся не является непоправимой ошибкой. Все можно исправить раньше, чем дело зайдет далеко и повредит нашей семье. Я пошлю в Лион за ведьмой, которая поможет Диане лучше понять ее силу. Ты в это время можешь заняться поисками книги. Затем вы оба вернетесь в вашу эпоху, забудете ваши опрометчивые фокусы, и дальше каждый из вас пойдем своим путем.

— Сейчас мы с Дианой пойдем в мои покои. Вместе. Или да поможет мне...

— Прежде чем ты закончишь свою угрозу, убедись, что тебе хватит сил на ее осуществление, — невозмутимо произнес Филипп. — Диана будет спать одна и поблизости от моей спальни.

Сквозняк подсказал мне, что дверь открылась. Запахло воском и толченым перцем. Ален обвел холодным взглядом кабинет, наверняка заметив гнев Мэтью и неумолимость в глазах Филиппа.

— Тебя обыграли, Маттаиос, — сказал сыну Филипп. — Не знаю, что с тобой приключилось, но ты стал мягкотелым. Хватит упрямиться! Признай поражение, поцелуй свою ведьму и пожелай ей спокойной ночи. Ален, проводи Диану в комнату Луизы. Она сейчас в Вене или в Венеции. Вечно эту девчонку где-то носит. Не уследишь за ней. — (Мэтью молча ждал продолжения.) — Что касается тебя... — Янтарные глаза Филиппа переместились на сы-

на. — Ступай вниз и дожидайся меня в зале, пока я не закончу письма к Галлогласу и Рэли. Ты давно не был дома, и твои друзья хотят знать, действительно ли Елизавета Тюдор — двуглавое и трехгрудое чудовище, как об этом повсюду треплют языками.

Не желая полностью признавать свое поражение, Мэтью приподнял мне подбородок, пристально заглянул в глаза и поцеловал. Поцелуй был крепче и длился дольше, чем рассчитывал Филипп.

— Все, Диана, иди спать! — резко сказал Филипп, когда мы с Мэтью разомкнули губы.

— Идемте, мадам, — обратился ко мне Ален, кивая на дверь.

Мне не спалось и было одиноко. Я ворочалась в чужой постели, прислушиваясь к всхлипываниям и завываниям ветра. Мои мысли продолжали вертеться вокруг разговора с Филиппом. Я проталкивалась сквозь заросли ухищрений и недомолвок, чувствуя себя обиженной и даже обманутой. Я не сомневалась в любви Мэтью ко мне. Но он же должен был знать, что другие усомнятся в серьезности наших брачных клятв.

Время шло. Я оставила все попытки уснуть, встала и подошла к окну. Тьма медленно сменялась серым рассветом. Я думала о наших планах. Сколько разных пластов они успели поднять за такое короткое время! Интересно, в какой степени этому способствовали тайны, окружавшие Мэтью, и сам Филипп де Клермон?

Глава 9

Дверь комнаты, в которую меня поместили, стремительно распахнулась. У противоположной стены стоял Мэтью, прислонившись к холодному камню. Судя по его виду, он этой ночью тоже не сомкнул глаз. Увидев меня, он резко выпрямился, немало удивив двух молоденьких служанок, что хихикали за моей спиной. Чувствовалось, они не привыкли видеть его в столь растрепанном и неухоженном состоянии. Лицо Мэтью было хмурым.

— Доброе утро, — сказала я, шагнув ему навстречу.

Мои темно-красные юбки колыхались от ходьбы и сквозняка. Наряду с кроватью, служанками и всем остальным одеяние это принадлежало Луизе де Клермон. От вышитого балдахина ее кровати тошнотворно пахло розами и еще чем-то, что в эту эпоху называлось духами. Я с наслаждением вдыхала холодный чистый воздух. Он слегка пах гвоздикой и корицей, что привычно ассоциировалось у меня с Мэтью. И сразу стало легче, даже усталость частично прошла. Служанки облачили меня в черное шерстяное платье без рукавов, которое напоминало университетскую мантию и немного согревало.

Лицо Мэтью прояснилось, стоило ему прижать меня к себе и начать целовать, выражая поцелуями восхищение и преданность. Служанки продолжали хихикать и что-то говорить. Мне показалось, они подбадривали Мэтью. Потом меня обдало новой волной холодного ветра. Это означало, что к служанкам добавился еще один зритель. Мы оборвали поцелуй.

— Маттаиос, ты уже слишком взрослый, чтобы толкаться в передней, — сказал Филипп, высовывая голову из соседней комнаты. — Двенадцатый век подействовал на тебя не лучшим образом. Мы позволяли тебе читать слишком много поэзии. Будь добр, возьми себя в руки, пока тебя никто не увидел в таком состоянии,

и отведи Диану вниз. Она пахнет, как улей в разгар лета. Нашей челяди понадобится время, чтобы привыкнуть к ее запаху. А кровопролития нам не надо.

— Опасность кровопролития уменьшится, если ты перестанешь вмешиваться. Это разделение нас абсурдно, — сказал Мэтью, беря меня за локоть. — Мы муж и жена.

— Хвала богам, нет. Спускайтесь вниз. Вскоре я тоже спущусь.

Он печально покачал головой и закрыл дверь.

В большом зале было немногим теплее, чем на дворе. Чтобы не дразнить Филиппа, мы уселись друг против друга. Зал не пустовал, но все, кто там находился, быстро ушли. Возможно, их к этому подтолкнуло мрачное выражение на лице Мэтью. Передо мной поставили горячий, только из печи, хлеб и вино с пряностями. Я бы предпочла чай, но его эпоха еще не наступила. Мэтью дождался, когда я сделаю первый глоток.

— С отцом я повидался. Задерживаться здесь мы не станем и немедленно уедем.

Я молча сжала чашу с вином. Оно было подогретым. Помимо пряностей, в нем плавали кусочки апельсиновой кожуры. Она делала вино более похожим на напиток для завтрака.

Мэтью оглядел зал. Лицо у него было обеспокоенным.

— Я сделал глупость, привезя тебя сюда.

— И куда мы поедем? Видел, какой снег за окном? В Вудстоке, наверное, меня ждут не дождутся, чтобы отдать под суд по обвинению в ведьмовстве. Пусть в Сет-Туре нам придется спать порознь и подстраиваться под твоего отца, но, быть может, он найдет ведьму, которая согласится мне помочь.

До сих пор поспешные решения Мэтью не были удачными.

— Филипп любит вмешиваться во все дела. Ты не особо рассчитывай, что он найдет тебе ведьму. У него симпатий к твоей породе не больше, чем у маман. — Мэтью разглядывал щербатую поверхность стола. Заметив восковой наплыв, он ногтем поддел грязноватую полоску. — Можем поехать в Милан, где у меня дом. Там проведем Рождество. Итальянские ведьмы отличаются изрядными магическими способностями и знамениты своим даром предвидения.

— Ни в коем случае не в Милан, — возразил Филипп.

Он влетел в зал со скоростью урагана и уселся рядом со мной. Щадя нервы теплокровных, Мэтью старался умерять свою скорость и силу. Так же поступали Мириам, Маркус, Марта и даже Изабо. Филиппа мои нервы не волновали.

— Филипп, я исполнил долг сыновнего почтения, — отрывисто произнес Мэтью. — Нам нет смысла застревать здесь. В Милане нам будет лучше. Диана знает тосканский язык.

Если он имел в виду итальянский, да, моих познаний хватало, чтобы заказать в ресторане тальятелле и объясниться с библиотекарем. Но вряд ли этого будет достаточно для жизни в Милане.

— Очень предусмотрительно с ее стороны. Жаль, что Диана не увидит Флоренцию. Но после недавних твоих, с позволения сказать, шалостей в этом городе флорентийцы еще не скоро пустят тебя к себе, — усмехнулся Филипп и тут же спросил у меня: — Parlez-vous français, madame?

— Oui[1], — ответила я.

Неужели Филипп решил проверить мое знание иностранных языков? Услышав мой робкий ответ, он нахмурился:

— Dicunt mihi vos es philologus[2].

— Диана вполне образованная женщина, — раздраженно вмешался Мэтью. — Если тебя интересует, в чем она сведуща, я с удовольствием расскажу тебе наедине, после завтрака.

— Loquerisne latine?[3] — спросил меня Филипп, не слыша замечания сына. — Milás elliniká?[4]

— Mea lingua Latina est mala[5], — ответила я, глотая вино.

Услышав по-школярски беспомощный ответ, Филипп выпучил глаза. Мне сразу вспомнились все ужасы постижения латыни с помощью известного «Курса 101». Я вполне могла прочесть латинский алхимический текст, но чтобы вести беседу по-латыни... Однако объяснить все это Филиппу я не могла и потому с нагловатой храбростью двинулась дальше. Второй его вопрос, скорее

---

[1] — Говорите ли вы по-французски, мадам?
— Да *(фр.)*.

[2] Покажи мне свою ученость по части языков *(лат.)*.

[3] Ты говоришь на латыни? *(лат.)*

[4] Ты говоришь по-гречески? *(греч.)*

[5] Латынь я знаю довольно плохо *(лат.)*.

всего, касался моего знания греческого. Я вывернулась, снова ответив по-латыни:

— Tamen mea lingua graeca est peior[1].

— Тогда мы не станем говорить и на греческом тоже, — пробормотал Филипп, болезненно поморщился и сердито спросил у Мэтью: — Den tha ekpaidef-soun gynaíkes sto méllon?[2]

— В будущем, из которого пришла Диана, женщины получают весьма разностороннее образование. Ты бы посчитал его избыточным, — ответил Мэтью. — Но знание греческого не является обязательным.

— Это что же, в будущем они обходятся без Аристотеля? До чего странный у них мир. Я рад, что еще не скоро туда попаду.

Филипп настороженно принюхался к кувшину с вином, но решил себе не наливать.

— Хочет Диана или нет, но ей придется овладевать беглой французской и латинской речью. Я могу по пальцам пересчитать слуг, знающих английский. А уж на кухне, в прачечной и иных подобных местах на нем не говорит никто.

Он бросил на стол тяжелую связку ключей. Я машинально потянулась к ним.

— Это совершенно лишнее, — заявил Мэтью, пытаясь забрать у меня ключи. — Диана пробудет здесь сравнительно недолго. Ей незачем вникать в тонкости хозяйственных дел.

— В женской иерархии Сет-Тура Диана сейчас занимает самое высокое место и обязана знать, что к чему. — Филипп указал на самый большой и тяжелый ключ. — Это ключ от кладовой с провизией. Другие от пекарни, пивоварни, всех спален, кроме моей, а также от погреба.

— А где здесь ключ от библиотеки? — спросила я, с неподдельным интересом перебирая потемневшие ключи.

— В нашем доме книги не запирают, — ответил Филипп. — Только еду, эль и вино. Чтение Геродота и Фомы Аквинского редко приводит к дурному поведению.

— Все-то у меня в первый раз, — прошептала я. — А как зовут повара?

— Шеф.

---

[1] Однако греческий я знаю еще хуже *(лат.)*.

[2] Неужели в будущем женщин ничему не учат? *(греч.)*

— Я спрашивала его настоящее имя, — смутившись, пояснила я.

Филипп пожал плечами:

— Раз он ведает кухней, он и есть Шеф. Я никогда не называл его по-другому. А ты, Маттаиос?

Отец и сын так выразительно поглядели друг на друга, что я с опаской подумала, не разнесут ли они разделяющий их стол.

— Но обычно шефом называют тех, кто всем управляет. Если я буду называть Шефом повара, как мне тогда обращаться к вам?

Мой резкий тон временно отвлек Мэтью. Судя по нему, он был готов опрокинуть стол и сомкнуть свои длинные пальцы вокруг отцовского горла.

— Здесь все меня называют «сир» или «отец». Какое обращение тебя больше устраивает? — спросил Филипп.

Его вопрос, заданный мягко, почти ласково, был весьма опасным.

— Да зови его просто Филиппом! — прогремел Мэтью. — У него много титулов, но от тех, что лучше всего ему подходят, у тебя волдырь на языке вскочит.

Филипп улыбнулся словам сына:

— Вижу, потеря здравого смысла не отразилась на твоей задиристости. Оставь домашние дела своей женщине, а мы с тобой прокатимся верхом. Выглядишь ты ослабевшим. Самое время поупражнять тело. — Филипп потер руки, предвкушая поездку.

— Я не оставлю Диану одну, — ответил Мэтью.

Он беспокойно вертел в руке огромную серебряную солонку — далекую предшественницу моей скромной глиняной солонки, стоявшей у меня на плите в Нью-Хейвене.

— Чего ты дрожишь над ней? — с усмешкой спросил Филипп. — Ален вполне сгодится на роль няньки.

Мэтью открыл рот, собираясь возразить.

— Отец, — мягко и вкрадчиво произнесла я, вклиниваясь в их перепалку, — можно мне поговорить с мужем наедине, перед тем как он придет к вам на конюшню?

Филипп сощурился. Он встал и медленно наклонился ко мне. Впервые движения этого вампира имели привычную для людей скорость.

— Разумеется, мадам. Потом я пришлю к тебе Алена. А пока — наслаждайся уединением.

Пока Филипп не покинул зал, Мэтью не сводил с меня глаз. Я встала и, обойдя стол, подошла к мужу.

— Диана, что ты замышляешь? — тихо спросил он.

— Почему Изабо находится в Трире? — спросила я.

— Так ли уж это важно? — спросил он, уклоняясь от прямого ответа.

Я выругалась по-матросски, и это сразу согнало с лица Мэтью маску безмятежного спокойствия. Ночью, пока я лежала в душной от запаха роз постели Луизы, у меня было предостаточно времени для размышлений. Я свела воедино события последних недель и сопоставила их с тем, что знала об этом периоде.

— Это важно, потому что в тысяча пятьсот девяностом году Трир не баловал обилием развлечений. Только охотой на ведьм!

По залу прошмыгнул слуга, торопясь к выходу. Возле очага сидели еще двое, и потому я понизила голос:

— Сейчас не время и не место обсуждать нынешнюю роль твоего отца в закладке основ современной геополитики и выяснять, почему католический кардинал позволил тебе командовать им, словно Мон-Сен-Мишель — твой частный остров. И выяснять подробности трагической гибели отца Галлогласа мы тоже не будем. Но ты обязательно мне об этом расскажешь. У нас с тобой состоится еще не один разговор наедине, где ты подробно разъяснишь мне особенности создания пар у вампиров.

Я повернулась, намереваясь уйти. Мэтью меня опередил, схватив за локоть и развернув обратно.

— Нет, Диана. О нашем браке мы поговорим здесь и сейчас.

В дальнем конце второго стола кучка слуг доедала завтрак. Одного кивка Мэтью хватило, чтобы их как ветром сдуло.

— О каком браке? — спросила я.

В глазах Мэтью блеснуло что-то опасное и сразу исчезло.

— Диана, ты меня любишь?

Меня удивил его вопрос.

— Да, — ответила я не задумываясь. — Но если бы моей любви к тебе было достаточно, события разворачивались бы просто и понятно и нам бы не потребовалось покидать Мэдисон.

— А все очень просто. — Мэтью встал. — Если ты меня любишь, никакие слова моего отца не имеют силы разрушить обещания, что мы дали друг другу. И никакая Конгрегация не заставит нас соблюдать условия завета.

— Если бы ты по-настоящему меня любил, ты бы отдал мне себя целиком. Телом и душой.

— Здесь не все так просто, — печально вздохнул Мэтью. — Я же с самого начала тебя предупреждал о сложности отношений с вампиром.

— Мне показалось, что Филипп так не думает.

— Так ложись с ним. А если тебе нужен я, ты подождешь.

Мэтью вполне владел собой, но его спокойствие напомнило замерзшую реку, где под гладкой коркой льда яростно неслись воды. С тех пор как мы выехали из Олд-Лоджа, слова Мэтью превратились в оружие. За первые словесные раны он еще извинялся, но за слова, произнесенные сейчас, извиняться не станет. Встреча с отцом внесла дальнейшие изменения. Чувства сожаления и раскаяния, столь привычные в современном мире, здесь стали у него пугающе тонкими.

— Филипп не мой типаж мужчины, — холодно ответила я. — Быть может, ты все-таки удостоишь меня объяснением, почему я должна ждать?

— Потому что разводов у вампиров не бывает. Парные узы разрывает только смерть. Некоторые вампиры, включая Филиппа и мою мать, могут на время расставаться, если у них возникают... — Он умолк, подбирая слово. — Разногласия. У них могут появляться любовники и любовницы. Время и расстояние помогают им преодолеть эти разногласия, и они соединяются вновь. Но со мной такой номер не пройдет.

— Прекрасно. Мне тоже не нравятся эти так называемые временные расставания. Я только не понимаю, почему ты так упорно избегаешь сексуальной близости со мной.

Он с внимательностью любовника изучил мое тело и все мои телесные отклики. Причина его промедления была не во мне и не в идее секса.

— Пока слишком рано ограничивать твою свободу. Едва я только окажусь в тебе и потеряюсь в твоих глубинах, исчезнет всякая возможность для твоих контактов с другими мужчинами. Никаких расставаний на время. Тебе необходимо убедиться, что ты действительно хочешь связать свою жизнь с вампиром.

— Ты говорил, что выбрал меня и будешь лишь подтверждать свой выбор. Я тоже сделала выбор. Почему ты считаешь, будто я не знаю, что́ у меня на уме?

— У меня была богатая возможность узнать, чего же хочу я. Твое восхищение мной может оказаться лишь способом уменьшить страх перед неведомым или желанием войти в мир существ, который ты так долго отвергала.

— Восхищение? Это не восхищение. Я люблю тебя. И не имеет значения, сколько времени пройдет: два дня или два года. Мое решение останется прежним.

— Мое обращение с тобой будет разительно отличаться от поведения твоих родителей! — не выдержал Мэтью. Чувствовалось, ему хочется поскорее уйти из зала. — Парные узы с вампиром налагают не меньше ограничений, чем заклинания, наложенные ведьмами. Ты только-только получила свободу и уже готова поменять один набор ограничений на другой. Но мои ограничения вовсе не похожи на красивые волшебные сказки. И когда на тебя начнут давить ограничения моего мира, их уже не снимешь никакими заклинаниями.

— Я твоя любимая женщина, а не твоя узница.

— А я вампир и тем сильно отличаюсь от теплокровных. Парные инстинкты примитивны и трудно поддаются контролю. Все мое существо будет сосредоточено на тебе. Никто не заслуживает такого беспощадного внимания, и меньше всего — женщина, которую я люблю.

— М-да, выбор невелик: или жизнь без тебя, или жизнь в башне, куда ты меня запрешь. — Я сердито тряхнула головой. — В тебе сейчас говорит не разум, а страх. Ты боишься потерять меня, а общество Филиппа только усугубляет страх. Если ты меня оттолкнешь, это не уменьшит твою боль. Но если мы откровенно поговорим, тебе станет легче.

— Да, теперь я снова с отцом. Мои раны открылись и кровоточат. Ты хочешь сказать, я исцеляюсь не так быстро, как ты надеялась?

В его тоне вновь зазвучала жестокость. Я вздрогнула. На лице Мэтью промелькнуло сожаление, и тут же оно опять сделалось каменным.

— Ты сейчас предпочел бы оказаться где угодно, но только не здесь. Мэтью, я это знаю. Но Хэнкок был прав: в большом городе вроде Лондона или Парижа я долго не продержусь. Еще неизвестно, нашли бы мы там ведьму, готовую мне помочь, и как скоро. Зато местные женщины сразу заметили бы все мои впечатляю-

щие отличия. Это Уолтер и Генри проявили ко мне снисходительность. А там... День-другой — и я попала бы в руки властей или Конгрегации.

Колючий взгляд Мэтью лишь подкреплял его предостережение. Я начинала понимать, каково это — быть объектом целенаправленного вампирского внимания.

— Тамошние ведьмы тебя даже не заметили бы, — упрямо произнес он, отпуская мою руку и поворачиваясь к двери. — А с Конгрегацией я совладаю.

Несколько футов, разделявших нас с Мэтью, начали стремительно растягиваться. Нас как будто несло к противоположным полюсам. Я с раннего возраста привыкла к одиночеству и даже сдружилась с этим состоянием. Но так было до знакомства с Мэтью.

— Мэтью, мы не можем продолжать в том же духе. В шестнадцатом веке у меня нет ни семьи, ни имущества. Я нахожусь в полной зависимости от тебя.

Да, в чем-то историки были правы, говоря о структурных слабостях, присущих прошлому. Женщина без друзей и денег... Я получила целый набор этих слабостей.

— Нам нужно пробыть в Сет-Туре до тех пор, пока на меня не перестанут пялиться. Пока я не научусь действовать самостоятельно, без подсказок на каждом шагу. И начну я вот с этого. — Я протянула руку за связкой ключей.

— Хочешь поиграть в домоправительницу? — недоверчиво спросил он.

— Я не играю в домоправительницу. Бери выше: я играю, чтобы уцелеть в этой эпохе.

Мэтью скривил губы. Это было подобие улыбки. Похоже, здесь он разучился даже улыбаться.

— Иди. Отец тебя заждался. Прокатитесь с ним верхом. А я поглубже зароюсь в дела, чтобы мне было некогда скучать.

Мэтью ушел молча, не поцеловав меня. Без его привычных слов и жестов ободрения я вдруг сделалась нерешительной. Неужели я превращаюсь в женщину, неспособную и шагу ступить без мужской подсказки? Когда запах Мэтью растворился в воздухе, я кликнула Алена. Тот явился на удивление быстро, сопровождаемый Пьером. Скорее всего, они слышали каждое слово нашего разговора.

— Пьер, твой пристальный взгляд в окно отнюдь не скрывает твоих мыслей. Это один из немногих *теллсов*[1] твоего хозяина. Когда Мэтью начинает внимательно глядеть в окно, я знаю: он что-то скрывает.

— Теллсов? — смущенно переспросил Пьер, поскольку тогда еще не знали карточной игры под названием «покер».

— Внешних признаков внутренней тревоги. Когда Мэтью чем-то встревожен или не хочет мне что-то рассказывать, он смотрит в окно или в сторону. А когда он не знает, как поступить, то запускает пальцы в волосы. Это и есть теллсы.

— Да, мадам, у него такое бывает. — Пьер смотрел на меня с неподдельным изумлением. — А милорду известно, что вы силой ведьминого гадания заглядываете ему в душу? У мадам де Клермон есть такое обыкновение, да и у отца и братьев милорда тоже. Но вы знакомы с ним совсем недавно, а уже успели так много узнать. — Ален кашлянул, и Пьер испуганно вздрогнул. — Простите, мадам. Я забылся.

— Любопытство — это прекрасное качество. Но насчет гадания, Пьер, ты ошибся. Я просто наблюдательна, потому и узнала эти особенности своего мужа. — Почему бы здесь, в Оверни, не посеять семена грядущей научной революции? — Думаю, нам будет удобнее разговаривать в библиотеке. Пойдемте туда, — сказала я, надеясь, что по рассказам Мэтью найду дорогу.

Помещение, где де Клермоны хранили основную часть своих книг, придало мне уверенности. В Сет-Туре XVI века библиотека была наиболее знакомым мне пространством. Здесь пахло бумагой, кожей и камнем. Эти запахи частично прогнали мое одиночество. Я попала в привычный мир.

— У нас с вами множество дел, — тихо сказала я, глядя на обоих слуг. — Прежде всего я хочу взять с вас обещание.

— Клятву, мадам? — спросил насторожившийся Ален.

Я кивнула:

— Если я попрошу о чем-то, что потребует помощи милорда или, более того, его отца, сразу скажите мне об этом, и мы тут же изберем другой путь. Зачем беспокоить их по пустякам?

---

[1] Термин из игры в покер: изменения в манере поведения игрока (например, характерные наклоны головы или жесты), позволяющие другим игрокам догадываться, какие карты у него на руках.

Мои слова не только озадачили, но и заинтриговали слуг.

— Óc[1], — согласно кивнул Ален.

Несмотря на благоприятное начало, наша первая встреча проходила не слишком гладко. Пьер вообще отказывался сидеть в моем присутствии, а Ален садился, только когда садилась я. Но я вовсе не собиралась сидеть. Движения хотя бы как-то гасили беспокойство, связанное с совершенно незнакомыми мне обязанностями домоправительницы Сет-Тура. И тогда я принялась ходить вокруг шкафов и полок. Пока мы кружили, я указывала на книги, которые нужно перенести в комнату Луизы, скороговоркой называла необходимые припасы, а также распорядилась, чтобы мою дорожную одежду отдали портному в качестве образцов для расширения моего гардероба. Пару дней в нарядах Луизы де Клермон я еще выдержу, а потом... Я пригрозила Пьеру, что залезу к нему в шкаф и позаимствую облегающие штаны. Перспектива стать свидетелями столь прискорбной женской нескромности повергла слуг в ужас.

Второй и третий час мы провели, обсуждая работу всего хозяйственного механизма замка. У меня не было опыта управления столь обширным и многолюдным домом, зато я умела задавать нужные вопросы. Ален перечислял замковые службы и называл имена тех, кто ими ведал. Он рассказал о более или менее значимых фигурах соседней деревни. Я узнала, кто в данный момент составляет население замка и каких гостей мы можем ожидать в течение ближайших двух недель.

Из библиотеки мы спустились на кухню, где я впервые увидела Шефа. Он был из числа людей, тощий как жердь, а ростом не выше Пьера. Как и у Попая[2], самой сильной частью его тела были руки. Выпуклые, мускулистые, они не вязались с его худощавой фигурой. Но других рук он иметь и не мог. Только они могли поднять глыбу теста и бросить на посыпанной мукой стол, после чего Шеф вооружился могучей скалкой. У нас с ним была общая черта: мы могли думать, лишь когда находились в движении.

На кухне уже знали о теплокровной гостье, обосновавшейся в комнате рядом со спальней главы семейства. Естественно, это

---

[1] Да *(окситан.)*.

[2] *Попай* — чудаковатый морячок, персонаж комиксов и мультфильмов 1930-х — 1940-х гг.

породило множество разговоров о том, кем я довожусь милорду и кем являюсь, учитывая мой запах и пищевые привычки. Когда мы очутились в кухонном аду, полном языков и ушей, я уловила слова sorcière и masca. Так по-французски и по-окситански называли ведьму. Шеф собрал всех, кто находился на кухне. Это был целый организм, громадный и сложно устроенный. У меня была возможность увидеть их все воочию. Здесь работали вампиры и люди. Была даже одна демоница — молодая женщина по имени Катрин. Я сразу обратила на нее внимание. Катрин без всякой робости, с нескрываемым любопытством разглядывала меня. Эта демоница могла стать мне союзницей, а могла и противницей. Я решила: пока не узнаю ее сильные и слабые стороны, буду обращаться с ней очень учтиво.

Тут же, на кухне, я приняла еще одно решение: говорить на английском лишь по необходимости, но и тогда — только с Мэтью, Филиппом, Алленом и Пьером. В результате мой разговор с Шефом и его работниками превратился в сплошные недопонимания. К счастью, Ален и Пьер развязывали «лингвистические узлы», добавляя к моему французскому свой окситанский, на котором они говорили с сильным акцентом. Когда-то я мастерски умела подражать. Пришло время вспомнить былые способности. Я внимательно вслушивалась в ритм и музыку местной речи, отмечая слова, произносимые с повышением и понижением голоса. Я уже добавила к списку необходимых покупок несколько словарей. Когда в следующий раз кто-нибудь отправится в Лион, пусть купит их мне.

Я расположила Шефа к себе, похвалив его превосходный хлеб и порядок, который он поддерживал на кухне. Далее я попросила обращаться ко мне без стеснения, если ему что-нибудь понадобится для его кулинарной магии. Но его симпатия ко мне укрепилась, когда я спросила о любимой пище и напитках Мэтью. Шеф необычайно оживился. Он не заговорил, а буквально затараторил, сокрушаясь о худобе милорда. В этом Шеф целиком винил англичан и их пренебрежение кулинарным искусством.

— Разве я не посылал туда Шарля, чтобы заботился о пропитании милорда? — стрекотал на окситанском Шеф, успевая одновременно раскатывать тесто. Пьер старался за ним поспеть, переводя слова повара. — Я лишился лучшего помощника, а этим англичанам все равно! У милорда такой утонченный желудок,

Его непременно нужно соблазнять едой, иначе милорд начнет чахнуть.

Я извинилась от имени Англии и спросила, как могу исправить эту досадную ошибку. Правда, сама мысль о том, что Мэтью может стать еще сильнее и энергичнее, почему-то меня пугала.

— Если не ошибаюсь, милорду нравится сырая рыба, а также оленье мясо? — осторожно спросила я.

— Милорду необходима кровь. Но он пьет только свежайшую кровь.

Шеф провел меня в помещение, называемое мясницкой. Там на серебряных крюках висели туши убитых животных. У каждого была надрезана шея и оттуда в поддон стекала кровь.

— Когда мы собираем для милорда кровь, то используем только серебряные крюки. Посуду — исключительно стеклянную или глиняную. Иначе милорд откажется пить, — пояснил Шеф, указывая на туши.

— Почему? — спросила я.

— Другие сосуды добавляют крови свой запах и привкус. А здесь она чистая. Извольте понюхать.

Шеф подал мне чашку. Меня затошнило от металлического запаха. Я закрыла рот и зажала нос. Ален подал знак, чтобы чашку убрали, но я остановила его взглядом.

— Прошу тебя, Шеф, продолжай.

Шеф с одобрением посмотрел на меня и стал рассказывать о других пищевых предпочтениях Мэтью. Я узнала, что он пьет холодный говяжий бульон, сдобренный вином и специями. Мэтью не брезговал кровью куропатки, которую пил понемногу и не с самого утра. Мадам де Клермон была не столь разборчива — Шеф говорил об этом, грустно покачивая головой, — но сын не унаследовал ее отменный аппетит.

— Да, — сдержанно сказала я, вспомнив охоту, на которую брала меня Изабо.

Шеф обмакнул палец в серебряную чашку, отчего тот вспыхнул маленьким ярко-красным факелом. Затем повар поднес палец ко рту и медленно слизал животворную кровь.

— Но больше всего милорд, конечно же, любит кровь оленя-самца. По насыщенности она уступает человеческой, зато близка по вкусу.

— А мне можно попробовать? — нерешительно спросила я, протягивая к чашке мизинец.

— Милорду бы это не понравилось, мадам де Клермон, — с заметным беспокойством произнес Ален.

— Но его здесь нет.

Я опустила мизинец в чашку. Кровь была густой. Подражая Шефу, я поднесла палец к носу, принюхалась. Какие запахи чувствовал Мэтью? Какие оттенки вкуса ощущал?

Стоило мизинцу коснуться моих губ, как в мозг хлынула лавина образов: ветер, дующий на вершине каменистого холма, мягкое ложе из листьев в ложбинке между деревьями, радость безудержного бега. Все это сопровождалось равномерными громкими ударами. *Звук бьющегося оленьего сердца.*

Видения были недолгими и быстро потускнели. Мне захотелось побольше узнать об этом олене. Палец снова потянулся к чашке, но Ален остановил меня. Увы, информационный голод, разбуженный капелькой оленьей крови, остался неутоленным.

— Полагаю, мадам, нам стоит вернуться в библиотеку, — сказал Ален, послав молчаливое предупреждение Шефу.

Покидая кухню, я сказала повару, что́ подавать Мэтью и Филиппу, когда они вернутся с прогулки. Мы шли по длинной каменной галерее. Одна из дверей — низкая, ничем не примечательная — была открыта. Я резко остановилась перед ней. Пьер, шедший следом, едва не столкнулся со мной.

— Чья это комната? — спросила я.

У меня запершило в горле от пряного запаха трав, подвешенных к балкам.

— Это комната служанки мадам де Клермон, — пояснил Ален.

— Марта, — прошептала я, переступая порог.

На полках аккуратными рядами стояла глиняная посуда. Пол был чисто выметен. К запаху трав примешивался еще один, очень знакомый. Может, мята? Мне вспомнилось, что так же пахла одежда домоправительницы.

Я обернулась. Все трое — Шеф пошел с нами — по-прежнему стояли за порогом.

— Мужчинам входить сюда не разрешается, — признался Пьер и оглянулся через плечо, словно боясь внезапного появления Марты. — В буфетной бывает только сама Марта и мадемуазель Луиза. Сюда даже мадам де Клермон не заходит.

Изабо не нравились отвары и настои из трав, приготовляемые Мартой. Это я знала. Марта не была ведьмой, но ее снадобья лишь немногим уступали творениям Сары. Я оглядела буфетную. Вопреки названию комнаты в ней можно заниматься не только стряпней. Раз уж я оказалась в XVI веке, поучусь управлять не только домашним хозяйством и своей магией.

— На время пребывания в Сет-Туре я хотела бы обосноваться в буфетной.

— Обосноваться? — встрепенулся Ален.

— Да, — кивнула я. — Для занятий алхимией. Пусть сюда принесут для моих нужд два бочонка вина. Желательно самого старого, какое сыщется, но, естественно, не успевшего превратиться в уксус. А сейчас я хочу побыть здесь одна. Посмотреть, что к чему.

Пьер и Ален нервозно переминались с ноги на ногу. Такого развития событий они явно не ожидали. Шеф пришел мне на выручку, спровадив обоих.

Когда из коридора перестала доноситься воркотня Пьера, я оглядела комнату. Поверхность стола хранила следы сотен ножей, отделявших листья от стеблей. Я наугад провела пальцем по борозде и поднесла его к носу.

Розмарин. Трава воспоминаний.

«Помнишь?» — услышала я голос Питера Нокса — колдуна из XXI века. Он донимал меня воспоминаниями о смерти моих родителей и хотел заполучить «Ашмол-782». Прошлое вновь сталкивалось с настоящим. Я невольно глянула в угол возле очага и ничуть не удивилась, увидев знакомое переплетение янтарных и голубых нитей. Помимо них, я ощутила чье-то присутствие. Некто из другого времени. Я протянула к нему свои пахнущие розмарином пальцы, но опоздала. Пришелец успел исчезнуть, нити погасли, а угол вновь стал сумрачно-пыльным.

Воспоминания.

Теперь моя память воспроизводила голос Марты, называвшей травы и учившей меня готовить из них целебный чай. Он оказывал противозачаточное действие, но, когда Марта впервые угостила меня этим горячим напитком, я об этом не знала. В буфетной наверняка найдутся все травы, входящие в состав ее снадобья.

На самой верхней полке, подальше от края, стояла простая деревянная шкатулка. Чтобы ее достать, нужно было пододвинуть стул, однако я поступила иначе. Встав на цыпочки, я подняла руку и направила желание на шкатулку. Таким же образом в Бодлианской библиотеке я однажды достала книгу с верхней полки. Шкатулка послушно сдвинулась на край и соприкоснулась с моими пальцами. Тогда я взяла шкатулку и осторожно поставила на стол.

Под крышкой я обнаружила двенадцать одинаковых ячеек. Каждая была заполнена своей травой. Петрушка. Имбирь. Пиретрум. Розмарин. Шалфей. Семена дикой моркови. Полынь. Мята болотная. Дягиль. Рута. Пижма. Корень можжевельника. Марта обладала достаточными запасами этих трав, помогая деревенским женщинам сдерживать их детородную функцию. Я касалась каждой ячейки, довольная тем, что помню названия трав и их запахи. Однако мое удовлетворение быстро сменилось чувством стыда. Я ведь не знала, в какую фазу Луны положено собирать эти травы и каковы их магические свойства. Сара наверняка это знала, а в XVI веке такими знаниями обладала каждая женщина.

Я подавила стыд и недовольство собой. По крайней мере, я знала, какое действие оказывает смесь этих трав, если их заварить в кипятке или в горячем вине. Взяв шкатулку под мышку, я пошла искать слуг.

— Мадам, вы закончили осмотр буфетной? — спросил Ален, вставая при моем появлении.

— Да, Ален. Mercés[1], Шеф, — сказала я.

В библиотеке я поставила шкатулку на стол, взяла чистый лист бумаги и потянулась к стаканчику с гусиными перьями.

— Шеф говорил, что в субботу наступит декабрь. Я не хотела спрашивать его при всех, но, может, вы объясните мне эту путаницу с датами? Куда исчезла половина ноября?

Я обмакнула перо в черные чернила, приготовившись записать ответ Алена.

— Англичане отказываются признавать новый календарь, введенный папой римским, — начал Ален. Он говорил медленно, тщательно произнося каждое слово, будто я была ребенком. —

[1] Благодарю *(окситан.)*.

Поэтому в Англии сегодня семнадцатое ноября, а во Франции — уже двадцать седьмое.

Я переместилась в прошлое на четыре с лишним столетия, не потеряв при этом ни одного часа, зато мое путешествие из елизаветинской Англии в раздираемую войнами Францию вместо десяти дней растянулось на три недели. Мое перо замерло.

— Так, значит, Рождественский пост начнется уже в воскресенье?

— Oui. Деревня и, разумеется, милорд будут поститься до самого сочельника. Обитатели замка и сеньор нарушат пост семнадцатого декабря.

Интересно, как вампиры постятся? Мои знания христианских обрядов и праздников не включали в себя такие тонкости.

— А что будет семнадцатого? — спросила я, записав и эту дату.

— Сатурналии, мадам, — ответил Пьер. — Праздник, посвященный богу урожая. Сир Филипп продолжает соблюдать старые традиции.

Эту традицию правильнее было бы называть древней. Празднование сатурналий закончилось вместе с Римской империей. Я почесала переносицу, чувствуя острую необходимость упорядочить услышанное.

— Ален, давай начнем сначала. Что именно будет происходить в замке в эту субботу и воскресенье?

Объяснения длились полчаса. Я успела заполнить еще три листа. Затем слуги удалились, оставив меня наедине с книгами, бумагами и пульсирующей головной болью. Вскоре из большого зала донесся шум, сменившийся громогласным хохотом. Меня окликнул знакомый голос, в котором появились сочность и теплота.

Мэтью.

Раньше чем я успела отложить бумаги и встать, он уже был рядом.

— Ты хоть заметила мое отсутствие?

Его лицо порозовело. Мэтью наклонился ко мне, откинул прядь волос и поцеловал в губы. На его языке не было привкуса крови. Только вкус ветра и свежего воздуха. Он хорошо прокатился верхом, но не охотился.

— Я хочу извиниться за случившееся утром, mon coeur, — шепнул он мне на ухо. — Я вел себя отвратительно. Прости меня.

Поездка благотворно подействовала на его настроение. Отношение Мэтью к отцу тоже изменилось, перестав быть скованным и неестественным.

— Вот ты где, Диана, — сказал Филипп, вслед за сыном входя в библиотеку.

Возле меня лежала книга. Решив, что я читала ее, Филипп взял книгу и подошел к очагу, неспешно листая страницы:

— Смотрю, ты читаешь «Историю франков»[1]. Уверен, не в первый раз. Книга получилась бы еще занимательнее, если бы мать Григория проверяла и правила написанное. Арментария потрясающе знала латынь. Я всегда с большим удовольствием читал ее письма.

Я вообще не читала этот известный труд Григория Турского о ранней истории Франции, но Филиппу незачем было знать еще об одном недочете в моем образовании.

— Когда они с Мэтью ходили в школу в Туре, будущей знаменитости было всего двенадцать лет. Мэтью был гораздо старше учителя, не говоря уже о других учениках. В перерывах между уроками Мэтью катал мальчишек на себе. Это у них называлось «поиграть в лошадки». — Филипп перелистал еще несколько страниц. — Где тут часть о великане? Это мое любимое место.

Вошел Ален с подносом, где стояли две серебряные чаши.

— Merci, Ален. Должно быть, вы оба проголодались. — Я указала на поднос. — Шеф прислал вам для подкрепления. Потом расскажете, где ездили.

— Мне не нужно... — начал Мэтью.

Мы с Филиппом сокрушенно вздохнули. Перед этим Филипп легким кивком поблагодарил меня.

— Нет, нужно, — возразила я. — Это кровь куропатки. Времени уже достаточно, и твой желудок ее примет. Надеюсь, завтра ты отправишься на охоту и в субботу тоже. Если ты собираешься четыре недели поститься, перед этим нужно хорошенько себя насытить.

Я поблагодарила Алена. Тот поклонился и быстро ушел, едва взглянув на хозяина.

---

[1] Обширное сочинение известного средневекового историка Григория Турского, жившего в VI в.

— А для вас, Филипп, Шеф приготовил оленью кровь. Ее собрали этим утром.

— Что ты знаешь о крови куропатки и посте?

Пальцы Мэтью осторожно коснулись моего локона. Я подняла голову, заглянув в серо-зеленые глаза мужа.

— Больше, чем знала вчера, — ответила я, подавая ему чашу.

— Я подкреплюсь в другом месте, чтобы не мешать вам спорить, — сказал Филипп.

— Мы не спорим. Просто Мэтью нельзя пренебрегать здоровьем. Так куда вы сегодня ездили?

Я протянула Филиппу чашу с оленьей кровью.

Он посмотрел на серебряную чашу, затем на лицо сына, после чего снова на меня. Филипп ослепительно улыбнулся, однако улыбка не могла скрыть его оценивающего взгляда. Чашу он взял и поднял, словно намеревался произнести тост:

— Спасибо, Диана.

Голос Филиппа звучал вполне дружелюбно, а его удивительные, сверхъестественные глаза, подмечавшие каждую мелочь, продолжали следить за мной. Мэтью рассказывал, где они с отцом ездили. Ощущение весенней оттепели подсказало мне, когда внимание Филиппа переключилось на сына. Я не могла удержаться и посмотрела на хозяина замка, словно могла узнать, о чем он думает. Наши взгляды встретились, и в глазах Филиппа я прочла недвусмысленное предостережение.

Филипп де Клермон что-то задумал.

— Как тебе понравилась кухня? — спросил Мэтью, переводя разговор на меня.

— Замечательное место, — ответила я, с вызовом глядя на Филиппа. — Никогда не видела ничего подобного.

Глава 10

При всей своей обворожительности, Филипп мог свести с ума и загнать в тупик. Словом, то, что и обещал мне Мэтью.

На следующее утро, когда мы сидели в большом зале, Филипп появился буквально из ниоткуда. Неудивительно, что люди приписывали вампирам умение превращаться в летучих мышей. Я в этот момент завтракала, ковыряя ломтиком поджаренного хлеба в растекшемся желтке яйца.

— Доброе утро, Филипп, — поздоровалась я.

— Приветствую тебя, Диана, — кивнул он. — Идем, Мэтью. Тебе надо поесть. Раз ты отказываешься это делать на глазах жены, мы отправимся на охоту.

Мэтью колебался, беспокойно поглядывая то на меня, то на отца:

— Давай отложим до завтра.

Филипп пробормотал что-то себе под нос и покачал головой:

— Маттаиос, нельзя манкировать своими потребностями. Голодный, истощенный *манжасан* отнюдь не идеальный попутчик ни для кого, не говоря уже о теплокровной ведьме.

В зал вошли двое мужчин. Они потоптались, шумно отряхивая сапоги от снега. Вместе с ними ворвался холодный зимний ветер, для которого деревянная ширма не была особой преградой. Охота на оленей с ее скачкой по зимним лугам и перелескам не только напитает тело Мэтью. Она очистит и его разум. Вчера я это видела. Возможно, сегодня он вернется в еще более приподнятом настроении.

— Обо мне не беспокойся. У меня куча дел, — сказала я Мэтью, ободряюще сжимая его руку.

После завтрака мы с Шефом обсуждали меню субботнего праздничного ужина, предварявшего начало Рождественского

поста. Затем ко мне из деревни пришли местный портной и швея. Здесь уже речь шла о моей одежде. С моим знанием французского и разницей в эпохах, я опасалась, что заказала им подобие циркового шатра. Ближе к полудню мне отчаянно захотелось на свежий воздух. Я уговорила Алена вывести меня во двор замка, устроив нечто вроде экскурсии по всем хозяйственным подразделениям. Вот оно, натуральное хозяйство! Замок почти целиком обеспечивал свои потребности, начиная от свечей и кончая питьевой водой. Я старалась запомнить все подробности, особенно такие, как работа в кузнице. Эти знания окажутся для меня ценным подспорьем, когда я вернусь к своей настоящей жизни историка.

Если не считать часа, проведенного в кузнице, в остальном мое времяпрепровождение было вполне типичным для знатной женщины того времени. Чувствуя, что я уверенно двигаюсь к намеченной цели — полностью соответствовать эпохе, — я провела несколько приятных часов за чтением вслух и упражнениях в чистописании. Сидя в библиотеке, я услышала звуки музыки. Музыканты готовились к последнему празднеству перед месячным постом. Я сошла к ним и попросила дать мне урок танцев. А затем я отправилась в буфетную, где меня ждал знакомый по старинным рисункам котел, позволяющий нагревать жидкости на водяной бане, медный перегонный куб и бочонок вина. Мне в помощь отрядили с кухни двух мальчишек — Тома́ и Этьена. Они должны были следить за тем, чтобы огонь в очаге горел ровно и не гас. Мальчишки налегали на кожаные мехи, которые отзывались тихим вздохом.

Оказавшись в прошлом, я получила уникальную возможность освоить на практике то, что знала лишь теоретически. Обследовав оборудование Марты, я решила заняться перегонкой вина на спирт. Спирт был основной субстанцией едва ли не во всех алхимических процедурах. Однако очень скоро это занятие перестало казаться мне увлекательным.

— Ну когда ты начнешь конденсироваться так, как надо? — вопрошала я, бормоча ругательства и сердито глядя на пар, поднимающийся от куба.

Мальчишки, не знающие ни слова по-английски, сочувственно шмыгали носами, пока я листала книгу, принесенную из библиотеки де Клермонов. На ее полках было полным-полно интерес-

ных книг, и в одной из них наверняка рассказывается, что́ нужно делать в моей ситуации.

— Мадам! — негромко позвал меня с порога Ален.

— Что? — спросила я, поворачиваясь и вытирая руки об измятые складки полотняного платья.

Ален с ужасом оглядывал мою алхимическую лабораторию. Длинное шерстяное платье без рукавов было небрежно наброшено на спинку ближайшего стула. Тяжелые бархатные рукава накрывали собой медную кастрюлю, а корсаж дремал на крючке, что свешивался с потолка и предназначался совсем для других целей. По меркам XVI века я выглядела полураздетой, однако на мне оставался корсет, платье с высоким воротником и длинными рукавами, несколько нижних юбок и пышная верхняя. Мне бы в голову не пришло отправиться читать лекции, навернув на себя столько одежды. Но здесь я ощущала свою наготу. То же чувствовал и Ален. Когда я дернула подбородком, чтобы выслушать, зачем он пришел, слуга благоразумно отвел взгляд.

— Шеф не знает, как быть с сегодняшним ужином, — сообщил Ален.

Я нахмурилась. Что за глупость? Шеф прекрасно обходился без моих подсказок.

— Челядь проголодалась, но они не смеют сесть за стол без вас. Пока в Сет-Туре есть хоть кто-нибудь из семьи, он или она должны сидеть за ужином во главе стола. Такова традиция.

Вслед за Алленом появилась Катрин, принесшая тазик с водой и полотенце. Я опустила пальцы в теплую, пахнущую лавандой воду.

Большой зал был полон голодных теплокровных и не менее голодных вампиров. Такое положение на современном языке называлось взрывоопасным. А я только поверила, что действительно могу управлять замком де Клермонов. После слов Алена моя уверенность начисто испарилась.

— И давно они ждут? — спросила я, принимая от Катрин полотенце.

— Больше часа. Они будут и дальше ждать, пока из деревни не придут и не скажут, что Роже закрывается на ночь. Он содержит местную таверну. Время сейчас холодное, а до завтрака еще далеко. Из слов сира Филиппа я понял... — Ален деликатно замолчал.

— Vite![1] — Я указала на разбросанную одежду. — Катрин, помоги мне одеться.

— Bien sûr[2].

Поставив таз, Катрин поспешила к моему болтающемуся корсажу. Его украшало большое чернильное пятно. Надежда на благопристойный вид рухнула.

Когда я появилась в зале, проголодавшаяся челядь дружно поднялась на ноги. Меня дожидалось около сорока ртов. Я не услышала ни одного недовольного шепота. На лицах не было ни малейшего упрека. Усевшись, все с аппетитом принялись за еду. Я взяла куриную ножку, отказавшись от остального.

Время за столом тянулось еле-еле. Наконец Мэтью и Филипп вернулись.

— Диана! — Мэтью обогнул деревянную ширму и очень удивился, увидев меня во главе семейного стола. — Я думал, ты наверху, в библиотеке.

— А я подумала, что мне следует сидеть здесь. Я знаю, сколько усилий потратил Шеф на приготовление ужина. — Я повернулась к Филиппу и спросила: — Как прошла ваша охота?

— Недурно. Но кровью животных особо не насытишься.

Филипп кивнул, подзывая Алена. Его холодные глаза уперлись в мой воротник.

— Довольно, — тихо произнес Мэтью.

Собравшиеся сразу насторожились, повернув головы в его сторону.

— Надо было им сказать, чтобы начинали без нас... Идем, Диана.

Теперь все повернулись ко мне, ожидая моего ответа.

— Я еще не закончила ужин. — Я указала на тарелку с недоеденной ножкой. — Да и остальные тоже. Посиди со мной. Выпей вина.

Сейчас Мэтью был очень похож на принца эпохи Возрождения. Он и вел себя соответствующим образом. Но только я не собиралась вскакивать по щелчку его пальцев.

Мэтью сел рядом. Я заставила себя проглотить еще несколько кусков курятины. Наконец, не выдержав напряжения, я встала.

---

[1] Скорее! *(фр.)*

[2] Конечно *(фр.)*.

И сейчас же на каменном полу заскрипели ножки скамеек. Едоки встали вместе со мной.

— Ты так быстро закончила ужин? — удивился Филипп. — В таком случае, Диана, мне остается лишь пожелать тебе спокойной ночи. А ты, Мэтью, когда ее проводишь, сразу же возвращайся. У меня возникло странное желание сыграть в шахматы.

Не обращая внимания на отцовский приказ, Мэтью протянул мне руку. Мы молча вышли из зала и молчали, пока не оказались возле двери моей комнаты. За это время Мэтью сумел взять себя в руки.

— Филипп обращается с тобой как с обычной домоправительницей. Это невыносимо.

— Твой отец обращается со мной так, как обращались с женщинами в конце шестнадцатого века. Не беспокойся, Мэтью, я выдержу. — Меня волновало другое. Набравшись смелости, я спросила: — Когда ты в последний раз пил человеческую кровь?

Перед тем как покинуть Мэдисон, я заставила его выпить моей крови. До этого он охотился на каких-то двуногих в Канаде. Несколькими неделями ранее Мэтью убил в Оксфорде Джиллиан Чемберлен. Возможно, он угостился и ее кровью. Во всяком случае, я не верила, что он месяцами мог обходиться только кровью животных.

— Почему ты спрашиваешь? — Тон Мэтью вновь стал резким.

— Филипп утверждает, что ты недостаточно силен. — Я сжала руку Мэтью. — Если ты ощущаешь голод и не хочешь брать кровь у чужих, возьми мою.

Мэтью не успел ответить. С лестницы донесся смешок Филиппа:

— Осторожнее, Диана. У нас, *манжасанов*, острый слух. Предлагать свою кровь в этом доме опасно. Потом тебе будет не удержать волчью свору.

Филипп стоял, упираясь в края резной каменной арки.

— Уходи, Филипп! — сердито потребовал Мэтью.

— Эта ведьма беспечна, а потому я обязан сделать все, чтобы сдержать ее поползновения. Иначе она нас уничтожит.

— Она моя ведьма, — холодно произнес Мэтью.

— Пока еще нет, — возразил Филипп, досадливо качая головой. Он пошел вниз, бросив сыну: — А может, и вообще никогда.

Стычка с отцом изменила поведение Мэтью в худшую сторону. За ночь его злость на Филиппа не прошла, однако высказать свое недовольство отцу в лицо он не посмел и срывался на всех, кто попадался под руку. Досталось мне, Алену, Пьеру, Шефу и прочим беднягам, которых угораздило оказаться рядом с Мэтью. Замок и так был взбудоражен завтрашним празднеством. Филипп несколько часов терпел выходки сына, затем поставил его перед выбором: или избавиться от своего дурного состояния с помощью сна, или выпить крови. Мэтью выбрал третий путь: отправился рыться в архиве де Клермонов, рассчитывая отыскать там какие-либо намеки на возможное местонахождение «Ашмола-782». Предоставленная самой себе, я вернулась на кухню.

Филипп нашел меня в комнате Марты, где я стояла с засученными рукавами возле подтекавшего перегонного куба.

— Мэтью пил твою кровь? — без прелюдий спросил Филипп, впиваясь глазами в мои руки.

В ответ я подняла левую руку и показала зубчатый розовый шрам на внутренней части локтя. Я сама надрезала кожу, чтобы Мэтью было удобнее пить.

— А еще где? — спросил Филипп, изучающе глядя на мое тело.

Правой рукой я расстегнула воротник платья, показав ему шею. Ранка там была глубже, но выглядела аккуратнее, поскольку Мэтью сам прокусил мне шею.

— Какая же ты дура! — воскликнул ошеломленный Филипп. — Позволить одурманенному любовью *манжасану* пить кровь не только из руки, но и из шеи. Завет воспрещает *манжасанам* насыщаться кровью ведьм и демонов. Мэтью это знает.

— Ему грозила голодная смерть, а другой доступной крови, кроме моей, не было! — сердито бросила я. — Возможно, вас успокоит, что мне еще пришлось его заставлять.

— Ах вот как! Мой сын наверняка вбил себе в голову, что, пока он угощается лишь твоей кровью, а не твоим телом, он в случае чего сможет тебя отпустить. — Филипп покачал головой. — Это заблуждение. Я уже давно наблюдаю за сыном и могу тебе сказать: ты никогда не освободишься от Мэтью. Уложит он тебя в постель или нет — значения не имеет.

— Мэтью знает, что я никогда его не оставлю.

— Не говори глупостей! Оставишь. Однажды твоя жизнь в этом мире подойдет к концу и ты отправишься в мир иной. А Мэ-

тью, чтобы его сердце не разрывалось потом от горя, последует за тобой.

Увы, Филипп был прав.

Изабо рассказала мне историю о превращении Мэтью в вампира. В деревне строили церковь. Он работал на строительстве каменщиком и сорвался с лесов. Едва услышав эту историю, я засомневалась, что падение было результатом несчастного случая. Случившееся походило на самоубийство, поскольку Мэтью так и не мог оправиться после смерти своей жены Бланки и сына Люка́, которых унесла горячка.

— Скверно, что Мэтью христианин. Его Бог не знает удовлетворения.

— Это почему? — спросила я, изумляясь столь внезапному повороту темы.

— Когда ты или я совершаем ошибки, то уплачиваем своим богам столько, сколько причитается, и продолжаем жить в надежде, что в будущем поведем себя благоразумнее. Сын Изабо постоянно исповедуется в грехах и постоянно кается: за свою жизнь, за то, кто он, и за содеянное. Он постоянно оглядывается назад, и этому нет конца.

— А все потому, Филипп, что Мэтью — истинно верующий человек.

В жизни Мэтью был некий духовный центр, определявший его отношение к науке и смерти.

— *Это Мэтью-то?* — недоверчиво переспросил Филипп. — Веры в нем меньше, чем у кого бы то ни было из известных мне особ. То, что ты принимаешь за веру, — всего лишь убеждения. Они весьма отличаются от веры и зависят больше от головы, чем от сердца. Мэтью всегда обладал пытливым умом и способен воспринимать абстрактные понятия вроде Бога. Именно так он принял свою новую жизнь, когда Изабо сделала его членом нашей семьи. *Манжасаны* не похожи один на другого. Мои сыновья избрали другие пути: войну, любовь, обретение пары, завоевания, стяжание богатств. Для Мэтью главным всегда были идеи.

— Они и сейчас для него главное, — вздохнула я.

— Но идеи редко бывают достаточно сильными, чтобы послужить основой для мужества. Недаром идеи сопряжены с надеждами на будущее. — Лицо Филиппа сделалось задумчивым. — Ты недостаточно знаешь своего мужа. А должна бы.

— Конечно не настолько хорошо, как вы. Мы с ним — ведьма и вампир, любящие друг друга вопреки запретам на любовь. Завет не позволяет нам открыто встречаться или гулять при луне. — Филипп задел больную тему, и я не пыталась это скрыть. — Даже взять Мэтью за руку и коснуться его лица я могу лишь в пределах этих стен. Меня сдерживает страх, что кто-нибудь заметит и Мэтью будет наказан.

— Ты думаешь, будто он ищет твою книгу, а он каждый день, ближе к полудню, ходит в церковь. И сегодня он туда пошел. — Слова Филиппа совершенно не относились к теме нашего разговора. — Сходила бы ты как-нибудь туда. Возможно, тогда ты получше его узнала бы.

В церковь я отправилась в понедельник. Пришла рано: колокол только отбил одиннадцать часов утра. Я надеялась найти церковный зал пустым, однако Филипп оказался прав: Мэтью уже был там.

Он не мог не слышать скрипа тяжелой двери и моих гулких шагов по каменному полу. Однако Мэтью даже не обернулся. Он остался стоять на коленях перед алтарем. Невзирая на холод, Мэтью был в легкой полотняной рубашке, коротких штанах с чулками и в таких же легких башмаках. От одного его вида меня прошиб холод, и я поплотнее закуталась в плащ.

— Твой отец сказал, что я найду тебя здесь, — пояснила я, слушая эхо собственного голоса.

В деревенской церкви я была впервые и с любопытством осматривалась по сторонам. Подобная многим храмам этой части Франции, церковь деревни Сен-Люсьен в 1590 году уже считалась древней. Ее простые линии ничем не напоминали готический собор. Ни головокружительной высоты зала, ни каменных кружев. Широкую арку, отделявшую апсиду от нефа, обрамляли яркие фрески. Фрески украшали и каменные выступы под высокими окнами. Большинство окон были открыты природным стихиям, хотя кто-то сделал слабую попытку остеклить те, что находились ближе к двери. Церковь имела остроконечную крышу. Изнутри ее во всех направлениях пересекали мощные деревянные балки. Устройство потолка свидетельствовало об искусности плотников и каменщиков.

Когда я впервые попала в Олд-Лодж, дом напомнил мне о Мэтью. Память о нем запечатлелась и в этой церкви. Я узнавала его

в геометрическом узоре сочлененных балок, в совершенном расположении арок, заполнявших пространство между колоннами.

— Ты строил эту церковь, — сказала я.

— Частично.

Мэтью поднял глаза к апсиде. Фреска на ее закругленной стене изображала Христа на троне, с поднятой рукой, готового вершить правосудие.

— В основном я работал в нефе. Апсиду закончили, пока я... отсутствовал.

Из-за правого плеча Мэтью на меня глядело строгое лицо святого. В руках он держал плотницкий угольник и белую лилию на длинном стебле. Это был Иосиф, безропотно взявший в жены беременную деву.

— Мэтью, нам надо поговорить. — Я снова обвела глазами пространство церкви. — Возможно, разговор лучше перенести в замок. Здесь негде сидеть.

Нигде церковные скамьи не казались мне такими манящими, как в этой церкви, где их не было.

— Церкви строились не для комфорта, — сказал Мэтью.

— Конечно нет. Но усугубление страданий верующих никак не могло быть их главной целью.

Я вглядывалась во фрески. Если вера и надежда были тесно переплетены, о чем говорил Филипп, здесь наверняка должно найтись то, что развеет мрачное настроение Мэтью.

Я нашла изображение Ноя и его ковчега. Глобальная катастрофа, когда лишь чудом удалось избежать полного уничтожения жизни... Такой сюжет явно не был оптимистичным. Неподалеку святой героически убивал дракона. Нет, и это тоже не годилось, поскольку слишком напомнило охоту. Вход в церковь был посвящен сюжету Страшного суда. Наверху сонмы ангелов дули в золотые трубы, касаясь крыльями облаков. Нижнюю часть занимало изображение ада, расположенное так, что невозможно было покинуть церковь, не увидев муки обреченных грешников. Зрелище было устрашающее. Воскрешение Лазаря явилось бы слабым утешением для вампира. Не могла я рассчитывать и на помощь Девы Марии. Ее изображение помещалось напротив изображения Иосифа. Безмятежная, целиком не от мира сего, Мария была еще одним напоминанием о том, что Мэтью потерял.

— По крайней мере, здесь мы вдвоем. Филипп редко сюда заглядывает, — устало произнес Мэтью.

— Хорошо, поговорим здесь. — Я сделала несколько шагов к алтарю и сразу заговорила о том, ради чего сюда пришла. — Что с тобой творится, Мэтью? Поначалу я думала, ты переживаешь шок от погружения в прежнюю жизнь и тебя угнетает новая встреча с отцом, которого ты похоронил в двадцатом веке.

Мэтью так и не встал с колен, не поднял головы и не повернулся ко мне.

— Но теперь Филипп знает свое будущее, а твое состояние ничуть не изменилось. Значит, есть еще какая-то причина.

Воздух внутри церкви был тяжелым, будто мои слова выжгли из него весь кислород. Нас окружала почти полная тишина, если не считать воркования голубей на колокольне.

— Сегодня — день рождения Люка, — наконец сказал Мэтью.

Его слова больно ударили по мне. Я подошла еще ближе, опустившись на колени рядом с ним. Моя широкая юбка клюквенного цвета накрыла грязные каменные плиты. Филипп был прав: я не знала Мэтью так, как полагается знать жене.

Мэтью указал на одну из плит пола, находившуюся где-то посередине между ним и фреской, изображавшей Иосифа:

— Он похоронен тут, вместе со своей матерью.

Никаких надписей с именами покойных. Каменная плита была истерта ногами многих поколений прихожан. И несколько бороздок. Мэтью протянул руку. Его пальцы вошли в бороздки, замерев там на некоторое время. Затем он убрал руку.

— Когда Люка не стало, вместе с ним умерла и часть меня. То же могу сказать и про Бланку. Она умерла несколькими днями позже, однако ее глаза были пустыми и нездешними. Ее душа уже отлетела. Имя для моего сына выбирал Филипп. По-гречески оно означает «светлый». Когда Люка́ родился, он был совсем бледным. Повитуха взяла его на руки. Его тельце поймало свет очага, наподобие того, как луна ловит свет солнца... Столько веков прошло, а я до сих пор отчетливо помню ту ночь. — Мэтью умолк, потом вытер один глаз. Пальцы сделались красными.

— Когда ты познакомился с Бланкой?

— Их семья приехала в деревню зимой. Я бросался в нее снежками. Я был готов сделать что угодно, только бы привлечь ее внимание. Она была хрупкая и замкнутая. Многие деревенские парни старались добиться ее расположения. К весне Бланка уже разрешала мне провожать ее домой с рынка. Она любила ягоды.

Кусты вокруг церкви каждое лето густо покрывались ягодами. Мои пальцы были перепачканы их соком. Филипп это видел, посмеивался и говорил, что к осени дело кончится свадьбой.

— Наверное, он оказался прав.

— Мы обвенчались в октябре, после сбора урожая. К тому времени Бланка была на третьем месяце беременности.

Как интересно! Мэтью не спешил укладывать меня в постель, а вот чарам Бланки противостоять не мог. Я узнавала об их отношениях больше, чем мне хотелось.

— Впервые мы легли с ней одной жаркой августовской ночью, — продолжал Мэтью. — Бланка всегда старалась угодить другим. Оглядываясь назад, я думаю, не случилась ли с ней в детстве какая-то трагедия. Я не имею в виду излишне суровое родительское наказание. Нас всех наказывали, да так, что современным родителям и не снилось. Я говорю о чем-то, что сломало ее дух. Моя жена привыкла подчиняться всем, кто старше, сильнее и настойчивее в своих требованиях. У меня было то, другое и третье, и, когда я захотел, чтобы той летней ночью она сказала «да», она не посмела возразить.

— Изабо мне рассказывала, что вы с Бланкой крепко любили друг друга. Ты не заставлял ее делать что-либо против ее воли.

Я старалась хоть чем-то утешить Мэтью, понимая, какую обжигающую боль приносят ему воспоминания.

— У Бланки не было воли. По крайней мере, до рождения Люка. Но даже потом ее воля пробуждалась, лишь когда сыну грозила опасность или когда я сердился на него. Всю жизнь ей хотелось видеть рядом с собой кого-то младше и слабее, кого она могла бы защищать. А вместо этого жизнь преподносила ей одну неудачу за другой. Люка не был у нас первым ребенком. Каждый выкидыш становился для Бланки ударом. Она делалась еще тише, еще покорнее, еще больше старалась мне угодить. Я думал, что вообще никогда не услышу от нее слова «нет».

Эта история в основном совпадала с той, что рассказывала мне Изабо, но в ее версии говорилось о глубокой любви и общем горе. От Мэтью я слышала лишь о глубокой печали и невосполнимой потере.

— Но затем у вас родился Люка.

— Да. После нескольких лет, иссушавших ей душу, я подарил ей Люка. — Он снова замолчал.

— Мэтью, ты тогда ничего не мог сделать. Это был шестой век. Тогда не умели бороться с эпидемиями. У тебя не было знаний, чтобы спасти жену и сына.

— Я мог бы попросту прекратить близость с ней. Тогда бы не было и потери! — воскликнул Мэтью. — Она не смела сказать мне «нет», однако по ее глазам было видно, что она отдается с какой-то неохотой. Я всякий раз обещал ей, что теперь она выносит и родит. Я бы отдал что угодно...

Меня больно задевало, что Мэтью до сих пор так привязан к умершим жене и сыну. Их неприкаянные души не могли оставить эту церковь, но, что еще хуже, они не оставляли в покое самого Мэтью. Но теперь я хотя бы знала причину, почему он уклоняется от близости со мной. Он столько веков носил в себе горе и чувство вины. Возможно, со временем я ослаблю власть мертвой Бланки над Мэтью. Я встала и подошла к нему. Мэтью вздрогнул, почувствовал на плече мои пальцы.

— Это еще не все, — сказал он, и я застыла. — Я пытался расстаться с жизнью. Но Бог не захотел ее принять. — Мэтью смотрел на борозды в камне, а затем поднял голову. — Недели напролет я только и думал о том, чтобы соединиться с Люка и Бланкой. Одно меня останавливало. Я боялся, что не попаду в рай, где теперь находились жена и сын. За мои грехи Бог непременно низринет меня в ад, — сухим, будничным тоном произнес Мэтью. — Тогда я обратился за советом к одной жительнице деревни. Она решила, что я одержим бесами и из-за меня души Бланки и Люка тоже привязаны к этому месту. В один из дней я поднялся на леса, глянул вниз и подумал, что души моих близких заперты под каменной толщей. Если я упаду на место их погребения, Богу не останется иного выбора, как освободить их. Или же — позволить мне соединиться с ними.

Это была ущербная логика средневекового человека, дошедшего до крайнего отчаяния. Блестящий ученый Мэтью де Клермон так рассуждать не мог.

— Я испытывал чудовищную усталость, — продолжал Мэтью. — Но Господь не желал даровать мне сон. Особенно после того, что я сделал. За мои грехи Бог отдал меня существу нечеловеческой природы, и та превратила меня в себе подобного. В того, кто не может ни жить, ни умереть, ни даже обрести недолгий покой во сне. Все, что я могу, — это помнить.

Мэтью и сейчас испытывал чудовищную усталость. Его тело сделалось совсем холодным, гораздо холоднее окружающего воздуха. Сара наверняка знала заклинание, способное помочь Мэтью. Я могла лишь прижать его окоченевшее тело к себе и немного поделиться своим теплом.

— С тех пор Филипп меня презирает. Он считает меня слабым. Чересчур слабым, чтобы жениться на такой, как ты.

Наконец-то я узнала, откуда в Мэтью чувство, будто он меня недостоин.

— Нет! — резко возразила *я*. — Отец любит тебя.

За короткое время нашего пребывания в Сет-Туре я увидела целую гамму чувств, проявленных Филиппом по отношению к сыну, но там не было и намека на презрение.

— Храбрые мужчины не кончают жизнь самоубийством. Только в редких случаях, на поле боя, чтобы не попасть в плен к врагу. Это он сказал Изабо вскоре после моего превращения в вампира. Филипп заявил, что мне недостает смелости быть *манжасаном*. При первой же возможности он отправил меня на войну, сказав: «Если ты решил окончить жизнь, то пусть хотя бы твоя смерть послужит более высокой цели, чем жалость к себе». Я навсегда запомнил эти слова.

Надежда. Вера. Мужество. Три столпа простой жизненной философии Филиппа. Мэтью считал, что он лишен этих качеств, обладая лишь сомнениями, убеждениями и бравадой. Но у меня было другое мнение на этот счет.

— Ты столь долго терзаешь себя воспоминаниями, что уже не способен видеть правду. — Я передвинулась, повернувшись к нему лицом. — А знаешь, кого я вижу, когда смотрю на тебя? Того, кто очень похож на твоего отца.

— Мы все хотим видеть Филиппа в тех, кого любим. Однако я совсем на него не похож. Вот Гуго — отец Галлогласа, если бы он был жив... — Мэтью отвернулся. У него задрожала рука. Еще один «скелет в шкафу», о котором он пока молчал.

— Мэтью, один секрет я из тебя уже выудила: кто из де Клермонов нынче входит в состав Конгрегации. Ты не можешь хранить сразу два.

— Хочешь узнать самый страшный мой грех?

Время еле тянулось. Я думала, что так ничего и не услышу, но...

— Я забрал его жизнь. Он умолял Изабо сделать это, но она не смогла.

Мэтью снова отвернулся.

— Ты забрал жизнь Гуго? — шепотом спросила я, испытывая сострадание к нему и Галлогласу.

— Филиппа.

Последний барьер между нами рухнул.

— Нацисты буквально свели его с ума своими пытками и издевательствами. Будь жив Гуго, он убедил бы Филиппа, что можно жить и с искалеченным телом. Но Филипп сказал, что он слишком устал и не хочет бороться за жизнь. Он хотел уснуть, и я... Я знал о снедающем желании закрыть глаза и забыться. Да поможет мне Бог, я сделал то, о чем Филипп просил.

Мэтью трясло. Я обняла его, не обращая внимания на протесты. Я знала лишь одно: ему сейчас нужен кто-то, за кого можно просто ухватиться, пока на него обрушиваются волны воспоминаний.

— Изабо не поддалась на его мольбу. Тогда Филипп попытался перерезать себе вены. У него не хватало сил, чтобы удержать нож под нужным углом. Он наносил себе порез за порезом. Все вокруг было забрызгано кровью, но раны получались неглубокими и быстро затягивались. — Мэтью говорил быстро. Наконец-то он дал волю словам, и они хлынули из него. — Чем больше собственной крови проливал Филипп, тем неистовее становился. После лагеря он не мог выносить самого вида крови. Изабо взяла у него нож и сказала, что поможет оборвать его жизнь. Но потом маман никогда бы себе этого не простила.

— И тогда ты зарезал его, — сказала я, пристально глядя в глаза Мэтью.

Я никогда не отгораживалась от знания о том, что́ делал Мэтью, дабы выжить как вампир. Я не смогла бы отгородиться от грехов мужа, отца и сына.

— Нет, — покачал головой Мэтью. — Я выпил его кровь до последней капли, чтобы Филиппу не пришлось смотреть, как напрасно выливается его жизненная сила.

— А потом ты увидел...

Голос выдавал мой ужас, и я ничего не могла с этим поделать. Когда вампир пьет кровь у другого существа нечеловеческой природы, вместе с кровью к нему переходят все воспоминания жертвы. Целая лавина бешено несущихся образов. Мэтью избавил отца от страданий, но не раньше, чем сам узнал и увидел все муки, перенесенные Филиппом.

— У большинства существ воспоминания идут ровным потоком, словно лента, которая разматывается, исчезая во тьме. С Филиппом это напоминало глотание осколков стекла. Когда я дошел до последних событий, его разум был настолько раздроблен, что я постоянно застревал. — Мэтью колотил настоящий озноб. — Мне казалось, что это никогда не закончится. Филипп был сокрушен, раздавлен и напуган, но его сердце продолжало яростно биться. Его последние мысли были об Изабо. Единственные воспоминания, по-настоящему цельные, принадлежащие ему.

Я бормотала какие-то банальные успокоительные слова, продолжая крепко обнимать Мэтью. Постепенно его дрожь стала утихать.

— Ты спросила меня в Олд-Лодже, кто я. Я убийца. Да, Диана. На моем счету тысячи убитых, — глухо продолжал Мэтью. — Но каждого из них я видел в первый и последний раз. Изабо не может на меня смотреть без того, чтобы не вспомнить смерть Филиппа. Теперь и ты тоже.

Я чуть отстранилась, чтобы видеть его лицо. Прекрасное лицо, обычно умело скрывавшее губительное действие времени и груз жизненного опыта. Но сейчас Мэтью ничего не пытался скрывать, и это делало его лицо еще прекраснее. Наконец мне стали понятны если не все, то многие особенности характера моего мужа. Его настоятельное требование, чтобы я не загораживалась от своей истинной природы. Его нежелание убивать Жюльетту даже ради спасения собственной жизни. И наконец, его уверенность, что, когда я по-настоящему узнаю его, моя любовь к нему исчезнет.

— Мэтью, я люблю все стороны твоей личности: воина и ученого, убийцы и целителя, тьму и свет.

— Как тебе удается? — прошептал он, не веря своим ушам.

— Филипп не выдержал бы состояния, в котором оказался после вызволения из нацистского лагеря. Он бы делал все новые попытки покончить с собой, а судя по тому, о чем ты рассказал, он и так достаточно настрадался.

Я не представляла всей глубины страданий Филиппа, но мой любимый Мэтью видел их собственными глазами.

— То, что ты сделал, было актом милосердия.

— После этого я хотел покинуть Сет-Тур и никогда не возвращаться, — признался Мэтью. — Но Филипп взял с меня обещание поддерживать семью и братство как одно целое. Еще я поклялся,

что буду заботиться об Изабо. И потому я остался, сел в его кресло и стал дергать за политические нити, которые он успел мне указать. Ради победы я закончил войну, в которой Филипп отдал жизнь.

— Недавно ты сказал, что отец тебя всегда презирал. Но *он* никогда бы не поручил заботу об Изабо тому, кого презирает. И не поставил бы труса во главе ордена Лазаря.

— Болдуин обвинял меня, будто я солгал насчет последних желаний Филиппа. Он думал, что власть в братстве перейдет к нему. Никто не понимал, почему отец назначил главой ордена меня, а не его. Возможно, то был последний всплеск безумия Филиппа.

— Нет. Это была вера в тебя, — тихо сказала я, соединяя наши пальцы. — Филипп в тебя верит. И я тоже. Твои руки строили эту церковь. Они держали и Люка, и Филиппа в последние мгновения жизни. И твоим рукам хватило силы. У них и сейчас много работы.

Над нами послышалось хлопанье птичьих крыльев. В окно влетел голубь, поднялся к потолку и заблудился в перекрестье балок. Силясь выбраться из лабиринта, он опустился вниз и сел не куда-нибудь, а на ту часть пола, под которой покоились Бланка и Люка. Затем голубь повернулся в нашу сторону. Движения его лапок были плавными и напоминали танец. Задрав голову, голубь смотрел на нас своим голубым глазом.

Неожиданное вторжение заставило Мэтью вскочить на ноги. Потревоженный голубь перелетел на другую сторону апсиды. Хлопая крыльями, он оказался перед ликом Пресвятой Девы. Я боялась, что он вот-вот ударится о стену, однако голубь быстро поменял направление, развернулся и вылетел в то же окно.

Голубь исчез, но в воздухе подрагивало длинное белое перо. Наконец оно опустилось на пол. Мэтью нагнулся и поднял перо, изумленно глядя на странный подарок.

— Ни разу не видел, чтобы в церковь залетал белый голубь.

Мэтью смотрел на полукружье купола апсиды, где совсем недавно странный посланник парил над головой Христа.

— Это знак воскрешения и надежды. Ведьмы верят в такие знаки.

Я сомкнула его ладони вокруг пера, затем слегка поцеловала в лоб и приготовилась уйти. Возможно, теперь, когда Мэтью по-

делился со мной самыми тягостными воспоминаниями, он сумеет обрести покой.

— Диана! — окликнул меня Мэтью. Он по-прежнему стоял возле могильной плиты. — Спасибо, что выслушала мою исповедь.

— Жду тебя дома. И не забудь свое перо.

Мэтью смотрел, как я прохожу мимо сцен мучений и избавления. Церковная дверь была порталом между миром Божьим и миром человеческим. Снаружи меня дожидался Пьер. Он повел меня в замок, не произнеся по пути ни слова. Филипп уже ждал меня в большом зале.

— Ну как? Нашла его в церкви? — тихо спросил Филипп.

При виде отца Мэтью, здорового и полного сил, у меня зашлось сердце. Как только Мэтью это выдерживает?

— Да. Напрасно вы не сообщили мне, что сегодня — день рождения Люка, — сказала я, отдавая Катрин плащ.

— Мы все научились предчувствовать наступление этой грустной даты. У Мэтью неизменно портится настроение. Ты тоже научишься.

— Он вспоминает не только Люка.

Боясь, что сболтнула лишнее, я прикусила губу.

— Значит, Мэтью рассказал тебе и о своей смерти. — Филипп запустил пальцы в волосы. У Мэтью этот характерный жест получался изящнее. — Я понимаю горе, но не это неутихающее чувство вины. И когда он оставит прошлое позади?

— Есть события, которые невозможно забыть, — сказала я, глядя Филиппу в глаза. — У вас свои представления, но если вы любите сына, то не станете ему мешать сражаться с его демонами.

— Стану. Он мой сын. Я не подведу его. — Филипп поджал губы и стал удаляться. — Кстати, мадам, — сказал он, оборачиваясь через плечо, — я получил известие из Лиона. Вскоре сюда приедет ведьмак в помощь вам. Я выполнил пожелание Мэтью.

Глава 11

— Встретимся в сенном сарае после твоего возвращения из деревни.

Меня бесила привычка Филиппа мгновенно появляться и исчезать. После недолгого перерыва он, что называется, взялся за старое. Сейчас он возник перед нами в библиотеке.

— Что в сенном сарае? — хмуро спросила я, отрываясь от книги.

— Сено, — буркнул Мэтью. После нашего откровенного разговора в церкви он стал еще беспокойнее и несдержаннее. — Отец, я пишу нашему новому папе. Ален мне сообщил, что сегодня конклав провозгласит избрание бедняги Николо. А ведь тот умолял не возлагать эту ношу на его плечи. Но разве кому-нибудь есть дело до его желаний? Они песчинка по сравнению с интересами таких глыб, как Филипп Испанский и Филипп де Клермон.

Рука Филиппа скользнула к поясу. Послышался громкий хлопок. В ладонях Мэтью оказался пойманный кинжал, острие которого упиралось ему в грудину.

— Его святейшество подождет, — заявил Филипп, глядя на кинжал между ладонями сына. — Надо было метнуть его в Диану, тогда бы ты оказался проворнее.

— Прости, что испортил тебе развлечение, — с холодной яростью произнес Мэтью. — В меня уже давно не метали кинжалов. Боюсь, навыки позабылись.

— Если часы пробьют два, а тебя не будет в сарае, я сам приду за тобой. И тогда я не ограничусь кинжалом. — Филипп забрал оружие из рук Мэтью и громогласно обратился к Алену, стоявшему у него за спиной: — Никому не приближаться к нижнему сараю, пока не будет позволено. — С этими словами Филипп вернул кинжал в кожаные ножны.

— Я так и предполагал, сир.

Это был завуалированный упрек. Большего Ален не смел себе позволить.

— Я устала жить, окруженная избытком тестостерона. Как бы Изабо ни относилась к ведьмам, я жалею, что ее здесь нет. Никогда не слышали про тестостерон? Сейчас объясню. Это вы, — сказала я, тыча пальцем в сторону Филиппа. — И сын ваш немногим лучше.

— Значит, стосковалась по женскому обществу? — Филипп пощипывал бородку и смотрел на сына, явно прикидывая, до каких пор он еще может давить на Мэтью. — Как же я раньше не подумал? Пока мы дожидаемся этого ведьмака из Лиона, стоило бы послать за Марго. Пусть бы поучила Диану, как подобает себя вести знатной французской даме.

— То, что Луи и Марго вытворяют в Юссоне, куда хуже их парижских проделок. Эта женщина не может служить образцом ни для кого, и, уж конечно, не для моей жены, — сказал Мэтью, бросая на отца испепеляющий взгляд. — Если они не будут вести себя осмотрительнее, люди обнаружат, что тщательно подстроенное и дорогостоящее убийство Луи было всего лишь спектаклем.

— Для того, кто женился на ведьме, ты слишком скор на осуждение пристрастий других, Маттаиос. Луи — твой брат.

Богиня милосердная, еще один брат!

— Пристрастий? — удивленно вскинул брови Мэтью. — Ты так называешь череду мужчин и женщин, которых он пропускает через свою постель?

— Способы любви неисчислимы. А то, чем занимаются Марго и Луи, тебя не касается. В жилах Луи течет кровь Изабо, и он всегда будет пользоваться моей поддержкой, как и ты, несмотря на твои многочисленные прегрешения. — Сказав это, Филипп исчез из библиотеки.

— Так сколько всего де Клермонов в семье? И почему она состоит из сплошных мужчин? — спросила я, когда мы снова остались вдвоем.

— Дочери Филиппа получались такими жуткими созданиями, что мы устроили семейный совет и стали его просить не умножать их число. Стасии достаточно взглянуть на стены, как с них начинает сыпаться штукатурка. Однако по сравнению с Верен

она сама кротость. Что же касается Фрейи... Филипп не напрасно дал ей имя скандинавской богини войны.

— Ты меня заинтриговал, — сказала я, чмокая Мэтью в щеку. — Потом как-нибудь расскажешь о них. А сейчас пойду в буфетную, попробую устранить течь в котле, который Марта именует перегонным кубом.

— Я могу пойти с тобой и посмотреть. Мне не привыкать чинить лабораторное оборудование, — предложил Мэтью.

Он был готов заняться чем угодно, только бы находиться подальше от Филиппа и таинственного сенного сарая. Я понимала желание Мэтью, но ничем помочь ему не могла. От Филиппа не спрячешься. Тот просто явится в буфетную и вытащит Мэтью за шкирку.

— Не отвлекайся, — сказала я, направляясь к двери. — У меня все под контролем.

Вскоре я убедилась в обратном. Мои восьмилетние помощники упустили огонь. Однако пламя успело достичь нужной высоты и лизнуть днище перегонного куба, оставив на нем густой слой копоти. Тома, наиболее смышленый и исполнительный из мальчишек, подбросил новых дров. Пока огонь разгорался, я делала пометки на полях алхимической книги, взятой в библиотеке де Клермонов. Я описывала нарушения в процессе и возможные способы их устранения. Я была не первой, кто превратил эту книгу в лабораторный журнал. Некоторые заметки оказались для меня полезными. Возможно, со временем и мои кому-то пригодятся.

В буфетную вбежал Этьен, не отличавшийся особым усердием, что-то прошептал приятелю на ухо и получил взамен что-то блестящее.

— Milord encore[1], — шепнул в ответ Тома.

— Тома, ты никак бьешься об заклад? — спросила я.

Оба мальчишки сделали вид, что не понимают моего вопроса, и пожали плечами. Понятное дело: им велели молчать. Но меня насторожило услышанное слово «милорд». Мелькнула мысль, что Мэтью может грозить опасность.

— А ну ведите меня к нижнему сенному сараю, — потребовала я, сдергивая с себя фартук.

---

[1] Еще на милорда *(фр.)*.

Ослушаться мальчишки не смели. С величайшей неохотой Тома и Этьен повели меня к сенному сараю. Миновав ворота замка, мы довольно скоро подошли к постройке, наполовину каменной, наполовину деревянной. Ее венчала островерхая крыша. К накрепко запертым дверям сарая вел пандус. Я хотела пойти туда, но мальчишки указали на приставную лестницу у дальней стены. Лестница вела к чердачному окошку, из которого тянуло сеном. Верхние ступеньки тонули в сумраке.

Тома полез первым, подавая знаки лезть за ним. Он то и дело оглядывался и корчил гримасы, призывая меня не открывать рта. С такой мимикой он мог бы великолепно играть в немых фильмах. Этьен оставался внизу, придерживая лестницу. Когда я была возле самого окошка, деревенский кузнец протянул мне руку. Я очутилась на пыльном чердаке.

Здесь собралась едва ли не половина прислуги Сет-Тура. Мое появление встретили с интересом, но не особо удивились. Снаружи, у ворот, топтался всего один слуга. Остальные теснились на чердаке. Здесь я увидела Катрин, ее старшую сестру Жанну, работников с кухни, кузнеца и конюхов.

Снизу донесся негромкий звук, будто что-то со свистом рассекло воздух. Таких звуков я прежде не слышала. Затем послышался резкий лязг и скрежет металла, соприкоснувшегося с другим металлом. Эти звуки были более знакомыми. От словесных поединков Мэтью с отцом перешли к настоящему. Я чуть не вскрикнула, когда острие меча Филиппа пронзило плечо Мэтью. Рубашки, штаны и чулки отца и сына были покрыты кровавыми следами ударов. Я не знала, как давно начался их поединок, но по всему чувствовалось: это отнюдь не состязание по фехтованию.

У противоположной стены молча стояли Ален и Пьер. Земля вокруг них напоминала портновскую подушечку, только вместо булавок в утрамбованную поверхность было воткнуто холодное оружие, вероятно успевшее затупиться или поврежденное в ходе поединка. Оба слуги зорко наблюдали за происходящим, и мое появление тоже не укрылось от их внимания. Заметив меня, Ален и Пьер беспокойно переглянулись. Мэтью меня не видел, поскольку находился ко мне спиной. Почуять меня он тоже не мог, поскольку мой запах тонул в потоке других запахов. Филипп, возможно, меня не заметил или не придал этому значения.

Меч Мэтью насквозь пронзил руку Филиппа. Когда тот поморщился, сын наградил его насмешливой улыбкой.

— «Не считай мучительным то, что идет тебе во благо»[1], — пробормотал Мэтью.

— Мне не стоило учить тебя ни греческому, ни английскому. Сплошные беды для меня — вот к чему это приводит, — невозмутимо ответил Филипп, высвобождая раненую руку.

Поединок продолжался. Снова звенел металл мечей, снова они то стремительно взмывали, то опускались, описывая дуги. Мэтью был несколько выше ростом. Руки и ноги у него тоже были длиннее, что увеличивало радиус его ударов. Он сражался длинным, тонким мечом, который держал то одной, то двумя руками. Пальцы Мэтью все время перемещались по эфесу, оказываясь ближе или дальше от края. Вероятно, это было необходимо, чтобы парировать отцовские атаки. Однако Филипп был сильнее сына. Он сражался коротким мечом, который легко удерживал одной рукой. В другой руке у Филиппа был круглый щит, тоже помогавший отражать удары Мэтью. Куда делся щит Мэтью, я понятия не имела. Если телосложение соперников было почти одинаковым, их манера сражаться заметно отличалась. Филипп наслаждался происходящим, не уставая отпускать язвительные замечания. Мэтью преимущественно молчал, ни малейшим жестом не выдавая, что слушает отцовские слова.

— Я вот тут думал о Диане. «Ни суша, ни океанские глубины не могут породить существо, чья дикость и необузданность сравнилась бы с женщиной»[2], — печально вздохнул Филипп.

Мэтью ответил атакой. Лезвие его меча со свистом и умопомрачительной скоростью описало дугу, метя в отцовскую шею. Я моргнула, и за этот миг Филипп сумел увернуться. Он появился с другой стороны, полоснув сыну по ноге.

— Твоя сегодняшняя манера сражаться поражает хаотичностью. Никак у тебя что-то случилось? — спросил Филипп.

Этот вопрос задел Мэтью не меньше, чем лезвие отцовского меча.

— Ты просто невыносим. Да. У меня что-то случилось, — сквозь зубы процедил Мэтью и сделал новый выпад, но меч на-

[1] Одно из изречений Еврипида.

[2] Одно из изречений Еврипида.

ткнулся на металл щита, которым мгновенно загородился отец. — Ты постоянно вмешиваешься в мою жизнь, и это сводит меня с ума.

— «Тех, кого боги желают погубить, они вначале лишают рассудка»[1].

Мэтью слегка оступился. Филипп немедленно воспользовался преимуществом и плашмя ударил его по спине.

— Ты исчерпал запас своих любимых изречений? — сердито спросил Мэтью.

И в этот момент он увидел меня.

Все, что случилось дальше, произошло мгновенно. Мэтью выпрямился. Он смотрел не на противника, а на чердак, где стояла я. Меч Филиппа описал почти полный круг и выбил оружие из руки сына. Длинный меч отлетел к стене, а лезвие короткого замерло возле яремной вены Мэтью.

— Плохо ты усвоил мои уроки, Маттаиос. Чтобы уцелеть, нужно прекратить думать, моргать и даже дышать. Все, что от тебя требуется, — следить за действиями противника и откликаться на них... Диана, спускайся вниз!

Кузнец отвел меня к внутренней лестнице. «Сама напросилась», — говорил его сочувственный взгляд. Я спустилась вниз, оказавшись у Филиппа за спиной.

— Ты из-за нее проиграл? — спросил Филипп.

Он вдавливал лезвие в шею сына, пока оно не процарапало кожу, вызвав струйку темной крови.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь. Отпусти меня! — потребовал Мэтью.

Им овладело какое-то странное состояние. Глаза сделались почти черными. Руки потянулись к отцовской груди. Я шагнула к нему.

Ко мне со свистом полетел сверкающий предмет, с удивительной точностью проскользнув между моей левой рукой и туловищем. Филипп метнул кинжал, не целясь и не оборачиваясь, однако лезвие даже не оцарапало мне кожу. Кинжал пригвоздил мой рукав к ступеньке лестницы. Я дернула руку. Ткань плаща лопнула и порвалась, обнажая зубчатый шрам на внутренней стороне локтя.

---

[1] Одно из изречений Еврипида.

— Вот об этом я и говорю. Ты отвел взгляд от противника? Не потому ли ты едва не погиб и Диана вместе с тобой?

Таким рассерженным я Филиппа еще не видела.

Внимание Мэтью вновь обратилось ко мне. Ненадолго, всего на какую-нибудь секунду. Однако Филиппу этой секунды хватило, чтобы выхватить из-за голенища другой кинжал и всадить в бедро Мэтью.

— Следи за тем, кто держит меч возле твоей глотки. Не сумеешь — потеряешь свою Диану. — Затем Филипп, не поворачиваясь, бросил мне: — А ты, Диана, держись от Мэтью подальше, когда он сражается.

Мэтью смотрел на отца. В почерневших глазах застыло отчаяние. Они показались мне черными из-за расширившихся зрачков. Такое я уже видела. Безошибочный знак, что Мэтью терял самообладание.

— Отпусти меня, — сказал он отцу. — Я должен быть с ней. Прошу тебя, отпусти.

— Ты должен перестать оглядываться через плечо и принять то, кем ты являешься, — воин-*манжасан*, имеющий обязательства перед семьей. Когда ты надевал на палец Дианы кольцо своей матери, ты хоть задумался, что́ означает этот шаг? — Голос Филиппа звучал все громче.

— Всю мою жизнь и ее конец, а также предупреждение: не забывать о прошлом.

Мэтью попытался оттолкнуть отца, но Филипп предчувствовал этот маневр. Он успел нагнуться и повернуть кинжал, застрявший в ноге сына. Мэтью зашипел от боли.

— У тебя всегда вылезает все самое темное. Света от тебя не дождешься, — сердито произнес Филипп.

Он бросил меч и поддел ногой, чтобы Мэтью не смог дотянуться до оружия. Меж тем пальцы Филиппа сомкнулись на горле сына.

— Диана, ты видишь его глаза?

— Да, — прошептала я.

— Подойди ближе.

Когда я подошла, Мэтью забился в отцовских руках, что было небезопасно: пальцы Филиппа сильно сдавливали его трахею. Я вскрикнула, однако мой крик не остановил его судорог. Они только усилились.

— Мэтью сейчас находится в состоянии бешенства крови. Мы, *манжасаны*, ближе всех стоим к природе. Мы настоящие хищники, сколько бы языков ни знали и в каких бы изысканных нарядах ни щеголяли. Волк, что живет внутри Мэтью, сейчас пытается вырваться наружу, дабы убивать всех, кто попадется на пути.

— Бешенство крови? — едва слышно повторила я.

— Не все из нашей породы ему подвержены. Болезнь эта содержится в крови Изабо и передалась от того, кто ее сотворил, к ее детям. Сама Изабо не страдает бешенством крови. Луи тоже пронесло. А вот Мэтью и Луиза получили этот «подарочек». Да и Бенжамен — сын Мэтью — тоже.

О Бенжамене я слышала впервые, зато Мэтью рассказывал мне про Луизу, и от этих историй волосы вставали дыбом. Та же склонность к крайностям была и у Мэтью. Она могла передаться и нашим детям, если они у нас появятся. Я думала, что знаю все причины, удерживающие Мэтью от близости со мной. Оказалось, не все. Была еще одна, не менее серьезная: страх перед наследственным заболеванием.

— Что вызывает приступы бешенства крови? — спросила я, выталкивая каждое слово из одеревеневшего горла.

— Причин много. Хуже всего, когда он устал или голоден. Когда Мэтью охвачен бешенством крови, он себе не принадлежит и может поступить вопреки своим принципам и убеждениям.

Элинор. Не это ли было причиной, оборвавшей жизнь возлюбленной Мэтью в Иерусалиме, когда она оказалась между разгневанным Мэтью и Болдуином? Мэтью не раз предупреждал меня о своей одержимости и опасностях, которые она таит. Теперь его предупреждения воспринимались совсем по-иному. Как и мои приступы панического страха, его приступы бешенства крови были физиологической реакцией. Мэтью мог контролировать их лишь частично.

— Так вы поэтому велели Мэтью прийти сюда? Вы хотели вынудить сына обнажить перед миром свои уязвимые стороны? — сердито спросила я у Филиппа. — Да как вы могли? Вы же его отец!

— *Манжасаны* — существа вероломные и ненадежные. В один прекрасный день я могу обратиться против собственного сына, — равнодушно пожал плечами Филипп. — И против тебя, ведьма, тоже могу обратиться.

Мэтью удалось поменять положение, и теперь он начал теснить отца к дальней стене. Но раньше, чем он по-настоящему использовал свое преимущество, Филипп вновь схватил его за шею. Оба замерли, оказавшись нос к носу.

— Мэтью! — резко окликнул сына Филипп.

Мэтью продолжал теснить отца. Вся его человечность исчезла. Единственным желанием Мэтью было одолеть противника или, если понадобится, убить. В наших с ним недолгих отношениях бывали моменты, когда пугающие человеческие легенды о вампирах обретали смысл. Сейчас наступил еще один такой момент. Но я хотела вернуть *моего* Мэтью. Я шагнула в его сторону, однако это лишь подхлестнуло его гнев.

— Не приближайся, Диана!

— Милорд, вы не посмеете это сделать, — сказал Пьер, подходя к хозяину.

Пьер протянул руку. Я услышала хруст. Рука слуги упала, сломанная в предплечье и в локте. Из раны на шее хлестала кровь. Пьер болезненно морщился, пытаясь другой рукой зажать место страшного укуса.

— Мэтью! — крикнула я.

Это было второй моей ошибкой. Мэтью уловил отчаяние в моем голосе, и оно сделало его еще свирепее. Пьер воспринимался им теперь не более чем досадная помеха на пути. Мэтью подбросил его в воздух. Пьер пролетел несколько футов и ударился о каменную стену. Все это Мэтью проделал одной рукой. Вторая продолжала сжимать отцовское горло.

— Диана, больше ни звука. Мэтью не в себе. Маттаиос! — выкрикнул Филипп.

Мэтью перестал отталкивать отца от меня, однако руку так и не убрал.

— Я знаю, что́ ты сделал. — Филипп ждал, пока его слова не проникнут в сознание Мэтью. — Ты меня слышишь, Мэтью? Я знаю свое будущее. Ты бы обязательно одолел бешенство, если бы смог.

Филипп догадался, что в будущем сын убил его, но не знал, как и почему это случилось. Единственным доступным ему объяснением была болезнь Мэтью.

— Ты не знаешь, — глухо произнес Мэтью. — И не можешь знать.

— Ты ведешь себя, как вел всегда, когда сожалел о совершённом убийстве. Ты становишься скрытным и отрешенным, не говоря уже о чувстве вины, окружающем тебя. Te absolvo[1], Маттаиос.

— Я увезу Диану отсюда, — вдруг ясным, здравым голосом сказал Мэтью. — Филипп, отпусти нас обоих.

— Нет. Мы встретим это вместе. Все трое.

Лицо Филиппа было полно сострадания. Я ошиблась: Филипп пытался сломить не Мэтью, а только его чувство вины. Филипп никоим образом не подвел сына.

— Нет! — закричал Мэтью, вырываясь из отцовской хватки, однако Филипп был сильнее.

— Я тебя прощаю, — повторил отец, заключив сына в страстные, неистовые объятия. — Я тебя прощаю.

Мэтью содрогнулся всем телом, затем обмяк, словно некий злой дух вышел из него.

— Je suis désolé[2], — срывающимся голосом произнес он. — Я очень виноват.

— Я тебя уже простил. Теперь и ты отринь случившееся. — Филипп разжал руки. — Диана, подойди к нему. Но будь осторожна: он еще не до конца пришел в себя.

Не слушая Филиппа, я стремительно бросилась к Мэтью. Он обнял меня и зарылся лицом в мой плащ, будто мой запах давал ему жизненные силы. Пьер тоже подошел к хозяину; его рука уже зажила. Руки Мэтью были липкими от крови. Пьер протянул ему тряпку. Свирепый взгляд Мэтью не позволял Пьеру подойти совсем близко. Белая тряпка подрагивала в пальцах слуги, похожая на флаг капитуляции. Филипп отошел на несколько шагов. Глаза Мэтью метнулись вслед за ним.

— Это твой отец. А это Пьер, — сказала я, беря лицо Мэтью в свои ладони.

Постепенно его зрачки сузились. Вначале вокруг них появились темно-зеленые кольца, затем серые полоски и наконец цвет радужной оболочки стал привычным серо-зеленым.

— Боже мой! — прошептал потрясенный Мэтью. Он осторожно высвободил лицо из моих рук. — Уже не помню, когда я до такой степени терял самообладание.

---

[1] Ты прощен *(лат.)*.

[2] Прости меня *(фр.)*.

— Ты ослаб, Мэтью, и бешенство крови находится у самой поверхности. Если бы Конгрегация обвинила тебя за отношения с Дианой, а ты ответил бы подобным образом, то проиграл бы. Нельзя допустить хотя бы малейшие сомнения относительно ее принадлежности к семье де Клермон.

Филипп большим пальцем расцарапал себе нижнюю десну. Из ранки потекла темно-пурпурная кровь.

— Подойди сюда, дитя мое, — велел он мне.

— Филипп! — Ошеломленный Мэтью вцепился в меня, не желая отпускать. — Ты же никогда...

— Слово «никогда» лишь означает очень долгое время. Маттаиос, не пытайся делать вид, будто знаешь обо мне больше, чем есть на самом деле. — Филипп стал серьезным. — Диана, тебе нечего бояться.

Я посмотрела на Мэтью. Мне очень не хотелось, чтобы неведомая затея Филиппа вызвала у него новый приступ бешенства.

— Иди к нему, — сказал Мэтью, разжав руки.

Все, кто находился на чердаке, замерли.

— *Манжасаны* создают семьи через смерть и кровь, — начал Филипп, и от его слов все мое существо наполнилось инстинктивным страхом. Большим пальцем Филипп провел кривую от середины моего лба, у самой границы волос, к виску, а потом — к брови. — Этот знак делает тебя мертвой, тенью среди живых, существом без роду и племени. — Затем Филипп начертал симметричный знак на второй половине лица, снова оказавшись между бровей. От холодной вампирской крови защипало мой ведьмин третий глаз. — Этот знак дает тебе новое рождение. Отныне ты моя дочь, связанная со мной кровной клятвой, и полноправный член моей семьи.

Как и всякое строение, сенной сарай имел углы. От слов Филиппа в них появились сверкающие нити, но теперь, помимо янтарных и голубых, там были еще золотистые и зеленые. Прежние нити начали негромко протестовать. Ведь у меня уже была семья, оставшаяся в другом времени и ожидавшая моего возвращения. Но одобрительный гул, доносящийся с чердака, заглушил эти возражения. Филипп поднял голову. Казалось, он впервые заметил присутствие зрителей.

— А вам вот что скажу: у мадам есть враги. Кто из вас готов встать на ее защиту, когда милорда почему-либо не будет рядом?

Те из слуг, кто более или менее знал английский, переводили вопросы Филиппа остальным.

— Mais il est debout[1], — возразил Тома, указывая на Мэтью.

Увидев, что Мэтью, невзирая на раненую ногу, ухитряется стоять, Филипп тут же опрокинул сына на спину.

— Кто встанет на защиту мадам? — повторил вопрос Филипп.

Его сапог придавливал шею Мэтью, удерживая от поползновений встать.

— Je vais[2], — первой сказала Катрин, моя служанка-демоница.

— Et moi[3], — подхватила Жанна, которая, хотя и была старшей сестрой, послушно следовала за младшей.

Едва сестры высказали свою готовность защищать меня, о том же заявили Тома с Этьеном, затем кузнец и Шеф. Тот появился на чердаке с корзиной сушеных бобов. Стоило ему взглянуть на подчиненных, как они забормотали слова согласия.

— Враги мадам явятся без предупреждения, и потому вы все должны быть готовы. Катрин и Жанна отвлекут их внимание. Тома им что-нибудь соврет. — (Взрослые беззлобно засмеялись.) — А ты, Этьен, побежишь звать на помощь. Желательно — самого милорда. Ты знаешь, что́ делать, — заключил Филипп, сурово взглянув на сына.

— Тогда что делать мне? — спросила я.

— Думать, как думала сегодня. Думать и оставаться в живых. — Филипп громко хлопнул в ладоши. — На сегодня развлечения окончены. Возвращайтесь на работу.

Добродушно ворча, слуги покидали чердак, возвращаясь к оставленным занятиям. Едва заметным кивком Филипп выпроводил из сарая Алена и Пьера. Потом ушел сам, на ходу снимая рубашку. К моему удивлению, через пару минут Филипп вернулся. Его рубашка превратилась в сверток, который он бросил к моим ногам. Внутри оказался большой ком снега.

— Приложишь к его ране на ноге, — велел мне Филипп. — И вторую не забудь. На бедре. Оказалась глубже, чем я думал. Я еще и почку задел. Тоже посмотришь.

---

[1] Но он стоит *(фр.)*.

[2] Я встану *(фр.)*.

[3] И я *(фр.)*.

Отдав распоряжение, Филипп ушел. Мэтью поднялся на колени. Его начало трясти. Я обхватила его за талию и осторожно уложила на землю. Мэтью вырывался, пытаясь меня обнять.

— Потом, упрямец, — сказала я. — Меня успокаивать не надо. Давай лучше займемся твоими ранами.

Я осмотрела его раны, начав с указанных Филиппом. Мэтью помогал мне извлечь кусок чулка из раны на бедре. Рана действительно оказалась глубокой, но благодаря свойствам вампирской крови уже начала затягиваться. Тем не менее я все равно приложила к ней снег. Мэтью уверял, что это помогает, хотя его измученное тело само было немногим теплее снега. Рана в области почки тоже быстро затягивалась, хотя ее вид заставил меня сочувственно вздохнуть.

— Думаю, жить ты будешь, — сказала я, прикладывая последний снежок к его левому боку.

Потом я разгладила Мэтью волосы. Возле глаза к пятну высыхающей крови прилипло несколько прядок. Я осторожно вытащила их оттуда.

— Благодарю за заботу, mon couer. Ты не возражаешь, если я тоже немного позабочусь о тебе и сотру кровь Филиппа с твоего лба? — робко спросил Мэтью. — Мне не нравится ее запах на тебе.

Он боялся нового приступа бешенства крови. Я взялась вытирать кровь сама, и мои пальцы запачкались черным и красным.

— Наверное, я сейчас похожа на языческую жрицу.

— Больше, чем когда-либо.

Мэтью взял немного снега с бедра. Тряпкой ему служил подол рубашки. С их помощью он окончательно стер мне с лица следы моего принятия в семью де Клермон.

— Расскажи о Бенжамене, — попросила я, пока Мэтью занимался моим лицом.

— Я сделал Бенжамена вампиром в Иерусалиме. Дал ему своей крови, думая, что спасу его от смерти. Но тем самым я забрал его разум и душу.

— И у него проявляется твоя тенденция к вспышкам гнева?

— Тенденция! У тебя это выглядит чем-то вроде повышенного кровяного давления, — удивленно покачал головой Мэтью. — Идем, иначе замерзнешь здесь.

Взявшись за руки, мы медленно побрели к замку. Нам было все равно, видел нас кто-то и что при этом подумал. Падал снег, отчего унылый ландшафт с его ямами и рытвинами становился белым и гладким. В меркнущем свете дня я смотрела на Мэтью. Черты его волевого лица были так похожи на отцовские, и, как у отца, плечи расправлены, чтобы показать, что он не сгибается под жизненными тяготами.

На следующий день отмечали праздник святителя Николая. Под ярким солнцем искрился выпавший за неделю снег. Благоприятная погода оживила замок, хотя сейчас было время Рождественского поста — серьезная пора для размышлений и молитв. Напевая себе под нос, я отправилась в библиотеку, чтобы вернуть очередную порцию алхимических книг. Я постоянно носила книги в буфетную, но никогда не забывала вернуть их обратно. На подходе к библиотеке я услышала мужские голоса. Один я узнала сразу: спокойный, несколько ленивый голос Филиппа. Второй был мне незнаком. Я толкнула дверь.

— А вот и она, — сказал Филипп.

Его собеседник повернулся в мою сторону, и у меня тут же закололо все тело.

— Боюсь, ее французский недостаточно хорош, а латынь и того хуже, — пояснил Филипп, извиняясь за меня. — Вы говорите по-английски?

— Да. Для нашего разговора этого хватит, — ответил ведьмак.

Его цепкие глаза окинули меня с головы до ног. К невидимым иголочкам добавилась гусиная кожа.

— Вижу, дама пребывает в добром здравии, но она, сир, никак не должна находиться среди ваших соплеменников.

— Я бы с радостью от нее избавился, месье Шампье, но ей некуда деться, и она нуждается в помощи своих соплеменников. Потому-то я и послал за вами. Входи, мадам Ройдон. — Филипп кивнул, требуя подойти ближе.

Каждый шаг усиливал мой дискомфорт. Воздух в библиотеке был тяжелым, насыщенным электричеством, как перед грозой. Пожалуй, я бы не удивилась, услышав громовые раскаты. Мне стало трудно дышать. Питер Нокс стремился проникнуть в мой разум, встреча с Сату в развалинах Ла-Пьера запомнилась сильной физической болью. Этот ведьмак отличался от них обоих

и почему-то казался мне куда опаснее. Я быстро прошла мимо опасного гостя и взглянула на Филиппа, прося объяснений.

— Познакомься. Это Андре Шампье, — представил гостя Филипп. — Печатник из Лиона. Возможно, ты слышала про его двоюродного брата — известного врача, к сожалению покинувшего сей мир и лишившего нас удовольствия слушать его мудрые рассуждения о вопросах философских и медицинских.

— Нет, — прошептала я. — Я не слышала об этом человеке.

Я смотрела на Филиппа, совершенно не зная, как себя вести, и ожидая его подсказок.

Шампье чуть наклонил голову, благодаря Филиппа за комплимент:

— Сир, я тоже не имел удовольствия беседовать с ним, поскольку мой брат умер до моего рождения. Но мне приятно слышать ваши высокие отзывы о нем.

Печатник выглядел лет на двадцать старше Филиппа. Должно быть, он знал, что де Клермоны — вампиры.

— Ваш покойный брат, как и вы, был большим знатоком магии. — Филипп говорил в своей типичной манере: неоспоримо и без малейшего оттенка лести. Мне он пояснил: — Это и есть ведьмак, за которым я послал вскоре после твоего приезда. Мне казалось, что с его помощью мы разрешим загадку твоей магии. По словам месье Шампье, он почувствовал твою силу еще на подъезде к Сет-Туру.

— Похоже, интуиция меня подвела, — пробормотал Шампье. — Сейчас я могу сказать обратное: силы у мадам Ройдон совсем немного. В Лиможе я слышал о какой-то английской ведьме. Вероятно, не о ней.

— Говорите, в Лиможе? Уму непостижимо, сколь быстро и далеко распространяются вести о ней. Но к счастью, мадам Ройдон — единственная странствующая англичанка, которая нашла временный приют под нашей крышей. Вот так, месье Шампье. — Ямочки на лице Филиппа блеснули, когда он наливал себе вина. — Нынче на дорогах и так не протолкнуться от французских беженцев. Не хватало только, чтобы к ним добавились толпы иностранцев.

— Войны многих лишили крова, — заметил Шампье.

Один глаз был у него синим, другой — карим, что указывало на сильного ясновидца. Меня удивила его пульсирующая энер-

гия. Похоже, ведьмак черпал силу прямо из окружающего воздуха. Я инстинктивно попятилась.

— Нечто подобное случилось и с вами, мадам?

— Кто знает, каких ужасов она навидалась и пережила? — риторически спросил Филипп, пожимая плечами. — Мы нашли ее в заброшенном крестьянском доме. Она едва могла говорить и лишь сообщила, что десять дней назад убили ее мужа. Мадам Ройдон вполне могла оказаться жертвой всевозможных хищников, как четвероногих, так и двуногих.

Умением талантливо сочинять легенды Филипп не уступал сыну и Кристоферу Марло.

— Я постараюсь узнать о приключившемся с ней. Дайте мне вашу руку.

Я не торопилась выполнять его повеление. Шампье ждал, теряя терпение. Потом он щелкнул пальцами, и моя левая рука послушно потянулась к нему. Едва пальцы ведьмака прикоснулись к моей ладони, меня обожгло волной панического страха. Он ощупывал ладонь, трогал каждый палец, пытаясь выудить самые потаенные сведения. Меня начало мутить.

— Ну что, рука мадам Ройдон раскрыла вам ее тайны? — с легким любопытством спросил Филипп, но я заметила подрагивающую жилку на его шее.

— Ведьмину кожу можно читать, как книгу. — Хмуря брови, Шампье поднес свои пальцы к носу, принюхался и поморщился. — Она слишком долго пробыла в обществе *манжасана*. Кто пил ее кровь?

— У нас это запрещено, — не моргнув глазом заявил Филипп. — В моем замке никто не посмел бы пролить кровь мадам Ройдон ни развлечения ради, ни чтобы напитаться.

— *Манжасан* способен читать по крови с такой же легкостью, как я читаю по ее плоти. — Шампье бесцеремонно закатал мне рукав, порвав при этом тонкий шнурок, на котором держалась манжета. — Видите? Кто-то угощался ее кровью. Я не единственный, кто хотел бы побольше узнать об этой английской ведьме.

Филипп наклонился к моему оголенному локтю. Воздух, выдыхаемый им, был не теплым, а холодным. У меня тревожно стучало в висках. Что Филипп задумал? Почему он не одергивает лионского ведьмака?

— След от раны весьма давний. Мадам Ройдон никак не могла получить эту рану здесь. Говорю вам: в Сен-Люсьене она находится всего неделю.

Думать. Оставаться в живых. Я мысленно повторяла вчерашние наставления Филиппа.

— Мадам Ройдон что-то скрывает от меня, равно как и от вас. Я должен сообщить об этом Конгрегации. Это мой долг, сир. — Шампье выразительно посмотрел на Филиппа.

— Разумеется, — торопливо произнес Филипп. — Я бы не посмел становиться между вами и вашим долгом. Я могу оказать вам какую-то помощь?

— Буду признателен, если вы крепко подержите ее, не давая вырваться. Мы должны углубиться в поиски правды, — сказал Шампье. — Многие находят эту процедуру болезненной. Даже те, кому нечего скрывать, инстинктивно противятся прикосновению ведьмака.

Филипп вырвал меня из рук Шампье и грубо толкнул в свое кресло. Одной рукой он сдавил мне плечи, другую упер в макушку головы.

— Так вас устроит?

— Просто идеально, сир. — Шампье подошел ко мне, приглядеался и хмуро спросил: — А это что?

Пальцы лионского ведьмака были перепачканы в чернилах. Эти пальцы скользили по моему лбу и казались мне лезвиями скальпелей. Я стонала, пытаясь отвернуться.

— Почему ваше прикосновение доставляет ей столько боли? — спросил Филипп.

— Не само прикосновение, а сам процесс чтения. Это напоминает выдергивание зуба, — пояснил Шампье. Его пальцы на мгновение остановились. — Только вместо зуба я с корнем вырву ее мысли и тайны. Это больнее обычного чтения, зато, образно говоря, потом нагноений не будет, а я получу четкую картину того, что она пытается утаить. Я бы назвал мой метод плодотворным союзом магии и университетского образования. Колдовство и иные способы, известные женщинам, дают грубые результаты. Иногда вообще никаких. А моя магия точна.

— Минутку, месье. Простите мое невежество. Правильно ли я понял, что у ведьмы не останется воспоминаний о ваших действиях и боли, которую вы ей причинили?

— Останется лишь смутное ощущение потери того, что было у нее когда-то и чего она лишилась. — Пальцы Шампье снова заскользили по моему лбу. — Очень странно, — нахмурился ведьмак. — Почему *манжасан* оставил здесь свою кровь?

Я совсем не хотела, чтобы Шампье вытащил из меня воспоминания о принятии в клан Филиппа. Я вообще не хотела, чтобы он рылся в моей памяти. Незачем ему знать о моей учебе в Йельском университете, о Саре и Эм, о Мэтью. Наконец, о моих родителях. Я впилась в подлокотники кресла. Вампир крепко держал мою голову, а ведьмак готовился перетрясти и похитить у меня мысли и память. И ни малейшего дуновения ведьминого ветра, ни искорки ведьминого огня не пришло мне на помощь. Мои магические силы молчали.

— А ведь это вы пометили ведьму! — воскликнул Шампье, с нескрываемым упреком глядя на Филиппа.

— Да, — ответил Филипп, не вдаваясь в объяснения.

— Но такого еще не бывало, сир. — Пальцы Шампье продолжали рыться в моем разуме. Его глаза широко распахнулись от удивления. — Это просто немыслимо! Как может она быть... — Он застонал, опустив голову.

Кинжал вошел Шампье между ребер не на всю длину лезвия, но достаточно глубоко. Мои пальцы мертвой хваткой вцепились в эфес. Когда ведьмак попытался вырвать кинжал, я вогнала лезвие до конца. У ведьмака начали подгибаться колени.

— Оставь его, Диана, — скомандовал Филипп, пытаясь разжать мои пальцы. — Он сейчас умрет. Тело упадет на пол. Тебе не удержать такую тяжесть.

Но я не могла убрать пальцы с эфеса. Шампье был еще жив, и, пока он дышал, он мог лишить меня памяти.

Возле плеча ведьмака мелькнуло бледное лицо с потемневшими глазами. Сильная рука Мэтью быстро свернула лионскому печатнику шею. Хрустнули кости, оборвались жилы. Мэтью припал к развороченному горлу Шампье и стал жадно пить кровь.

— Где тебя носило? — сердито спросил Филипп. — Нужно было поторопиться. Диана ударила его, не дав договорить.

Пока Мэтью пил, в библиотеку вбежали Тома и Этьен. За ними — ошеломленная и испуганная Катрин. Широко распахнутая дверь позволяла увидеть часть коридора. Там собрались Ален, Пьер, кузнец, Шеф и двое солдат, которые обычно несли караул у ворот.

— Vous avez bien fait[1], — заверил их Филипп. — Все уже закончилось.

— От меня требовалось думать, — сказала я.

Мои пальцы онемели, но я и сейчас не могла их оторвать от эфеса кинжала.

— И остаться в живых. Ты восхитительно с этим справилась, — ответил Филипп.

— Он мертв? — хрипло спросила я.

Мэтью поднял голову.

— Мертв решительно и бесповоротно, — успокоил меня Филипп. — Одним пронырливым кальвинистом в округе стало меньше. Сообщил ли он друзьям, что едет сюда?

— Скорее всего, нет, — ответил Мэтью. Он смотрел на меня, и к его глазам возвращался их привычный цвет. — Диана, любовь моя, позволь мне вытащить этот кинжал.

Кинжал с лязгом упал на пол, а следом — с негромким стуком — тело Андре Шампье. Знакомые холодные руки сжали мой подбородок.

— Он что-то учуял в Диане, и это его удивило, — сказал Филипп.

— Я так и понял. Но лезвие достигло сердца раньше, чем я сумел выяснить, что именно.

Мэтью нежно обнял меня. Я не чувствовала своих рук и даже не пыталась сопротивляться.

— Мэтью, представляешь? Шампье намеревался забрать мои воспоминания. Вырвать их с корнем. В том числе и память о родителях. Это все, что у меня от них осталось. А вдруг он лишил меня всех знаний по истории? Как я буду преподавать, когда вернусь?

— Ты поступила правильно. — Одной рукой Мэтью обнимал меня за талию, другой — за плечи, прижав щекой к своей груди. — Откуда ты добыла кинжал?

— Из-за моего голенища, — ответил Филипп. — Должно быть, видела вчера, как я его доставал.

— Понятно. В сообразительности тебе не откажешь, ma lionne. — Мэтью поцеловал меня в макушку и вдруг спросил: — А какой черт принес Шампье в Сен-Люсьен?

---

[1] Вы хорошо действовали *(фр.)*.

— Я сам позвал его, — сообщил Филипп.

— Ты выдал нас Шампье? — взвился Мэтью. — Да он же один из самых отвратительных тварей во всей Франции!

— Маттаиос, мне нужно было убедиться в надежности Дианы. Она знает слишком много наших тайн. Вот я и хотел проверить, что она в состоянии хранить их, даже когда сталкивается с другими ведьмами. Я не мог рисковать безопасностью нашей семьи.

Чувствовалось, Филипп не намерен извиняться за случившееся.

— Ты бы остановил Шампье, не дав ему украсть мысли Дианы? — спросил Мэтью, глаза которого вновь стали темнеть.

— Смотря по обстоятельствам.

— По каким обстоятельствам?! — закричал Мэтью, еще крепче обнимая меня.

— Появись Шампье три дня назад, я бы вообще не стал вмешиваться. Пусть ведьмы сами разбираются. Братству до этого дела нет.

— И ты обрек бы мою пару на страдания?

Чувствовалось, Мэтью не верил своим ушам.

— Еще вчера защита твоей пары была бы целиком твоей ответственностью. Не сумел бы ее защитить — значит не настолько ты предан своей ведьме, как надлежало бы.

— А сегодня? — спросила я.

Филипп внимательно на меня посмотрел:

— Сегодня ты являешься моей дочерью. И потому я остановил бы дальнейшие поползновения Шампье. Но мне даже не понадобилось вмешиваться. Ты сама себя спасла.

— Так вы сделали меня своей дочерью, предвидя, чем закончится визит Шампье? — шепотом спросила я.

— Нет. В церкви вы с Мэтью выдержали первое испытание. В сарае — второе. Клятва на крови была лишь первым шагом к принятию тебя в семью де Клермон. Теперь настало время сделать завершающий шаг. — Филипп повернулся к Алену. — Извести священника, а жителям деревни скажи, чтобы в субботу собрались в церкви. Милорд женится по всем правилам, и свидетелями брачной церемонии станут все жители Сен-Люсьена. Никакой свадьбы в укромном углу.

— Я только что убила человека! Сейчас не время обсуждать нашу свадьбу.

— Чепуха! Брак среди кровопролития — семейная традиция де Клермонов, — отмел мои возражения Филипп. — Мы так устроены, что берем себе в жены и мужья тех, на кого претендуют и другие. Наши браки — дело хлопотное.

— Я... его... убила, — повторила я и для большей доходчивости указала на тело Шампье.

— Ален, Пьер, будьте любезны, уберите тело месье Шампье. Его вид огорчает мадам. У всех остальных есть занятия поважнее, чем торчать здесь и глазеть. — Филипп дождался, когда мы останемся втроем, и продолжил: — Запомни мои слова, Диана. Твоя любовь к моему сыну будет стоить другим жизни. Кто-то пожертвует собой добровольно. Другие умрут, поскольку так сложились обстоятельства. И тебе решать, кто примет смерть: ты, те, кого ты любишь, или кто-то другой. И потому ты должна задать себе вопрос: «Важно ли для меня, кто наносит смертельный удар?» Если этого не сделаешь ты, сделает Мэтью. Ты хотела бы, чтобы смерть Шампье оказалась на его совести?

— Ни в коем случае! — выпалила я.

— А на совести Пьера? Или Тома?

— Тома? О чем вы говорите? Он еще ребенок!

— Этот ребенок согласился защищать тебя от врагов. Ты видела, что за штуку он сжимал в руках? Мехи из буфетной. Тома заострил конец металлического штыря, превратив его в оружие. Если бы ты не убила Шампье, мальчишка при первой же возможности воткнул бы ему этот штырь в живот.

— Но мы же не звери, а цивилизованные существа, — не сдавалась я. — Мы должны обсуждать наши различия и находить взаимоприемлемые решения без кровопролития.

— Однажды я целых три часа проговорил с неким королем, — сказал Филипп. — Ты и многие другие наверняка сочли бы его цивилизованным существом. А под конец нашего разговора он своим приказом обрек на смерть тысячи мужчин, женщин и детей. Слова убивают не хуже мечей.

— Филипп, Диана не привыкла к нашему мировоззрению, — предупредил отца Мэтью.

— Так пусть привыкает. Время для дипломатии прошло. — За все это время Филипп ни разу не повысил голоса. Он говорил так, словно это касалось обыденных дел. Если у Мэтью были *теллсы*, его отец ничем не выдал своих чувств. — Довольно дис-

куссий. В субботу вы с Мэтью поженитесь. Поскольку ты моя дочь по крови и по имени, ты выйдешь замуж не только как полагается доброй христианке, но и с соблюдением традиций в честь моих предков и их богов. Сейчас, Диана, у тебя есть последняя возможность сказать «нет». Если ты передумала и не хочешь становиться женой Мэтью, не хочешь принимать жизнь... и смерть, которые влечет за собой брак с ним, я помогу тебе благополучно вернуться в Англию.

Мэтью чуть отстранил меня. Ненамного, на несколько дюймов. Это был символический жест, имеющий глубокий смысл. Даже сейчас он давал мне выбор, хотя давным-давно сделал свой. Я свой тоже сделала.

— Готов ли ты взять меня в жены, Мэтью?

Поскольку совсем недавно я совершила убийство, то была обязана задать ему этот вопрос.

Филипп кашлянул, подавляя смешок.

— Да, Диана. Я готов взять тебя в жены. Однажды я уже это сделал, но готов сделать вторично, чтобы доставить тебе удовольствие.

— Мне тоже хватило одного раза. Это мы делаем для твоего отца.

Я больше не могла думать о браке. У меня дрожали ноги, а на полу краснело пятно крови.

— Тогда мы пришли к общему согласию, — заключил Филипп. — Отведи Диану в ее комнату. Пусть побудет там до тех пор, пока мы не удостоверимся, что поблизости не рыщет никто из друзей Шампье. — У двери Филипп остановился. — Маттаиос, ты нашел женщину, которая тебя достойна. Надежд и смелости ей не занимать.

— Знаю, — ответил Мэтью, беря меня за руку.

— Знай, что и ты всецело достоин ее. А потому хватит сожалеть о своем прошлом. Начинай жить настоящим.

Глава 12

По замыслу Филиппа наша свадьба должна была продлиться целых три дня. Начиная с пятницы и до вечера воскресенья вся прислуга замка, жители деревни и все остальные на несколько миль вокруг примут участие в маленьком семейном торжестве.

— У нас уже давно не было свадеб. Зима и так унылое время года. Мы должны порадовать деревню праздником, — заявил Филипп, отметая наши возражения.

Мэтью усомнился, возможно ли в столь короткий срок подготовить три пира, когда съестные припасы скудны, а христиане придерживаются умеренности в пище. Шефу это очень не понравилось. Да, в стране продолжается война. Да, сейчас время Рождественского поста, но все это не причина отказываться от праздника.

В замке развернулась кипучая деятельность. Поскольку в нашей с Мэтью помощи никто не нуждался, мы оказались предоставленными самим себе.

Мы с Мэтью лежали перед очагом. Я надела его свадебный подарок: одну из его рубашек, что была мне до колен, и его старые чулки. Каждый чулок Мэтью распорол по верхнему шву, затем сшил вместе. Получилось нечто отдаленно напоминающее легинсы. Вот только в этих легинсах явно недоставало поясной резинки, а ткань, из которой они были изготовлены, не тянулась на манер спандекса. Резинку заменял узкий кожаный ремешок, вырезанный из куска старой упряжи. Ее Мэтью нашел в конюшне. Это была самая удобная для меня одежда с тех пор, как мы покинули Мэдисон, и Мэтью безотрывно смотрел на мои ноги, которые ранее скрывали длинные юбки.

— Из чего состоит брачная церемония? — спросила я.

— Понятия не имею, mon coeur. Мне не доводилось бывать на древнегреческих свадьбах, — ответил Мэтью, поглаживая мое колено с внутренней стороны.

— Священник наверняка не позволит Филиппу никакого откровенно языческого обряда, ведь брачная церемония будет совершаться по всем католическим правилам.

— В нашей семье слово «наверняка» никогда не ставят в одну фразу с именем Филиппа. Это плохо кончается, чему я не раз был свидетелем, — сказал Мэтью и поцеловал мне бедро.

— По крайней мере сегодня все ограничится обыкновенным пиром. Это я выдержу без особых трудностей, — вздохнула я, упирая голову в ладони. — Отец жениха обычно платит за обед, который устраивают после репетиции брачной церемонии. Примерно то же делает и Филипп.

— Не примерно, а точно, — засмеялся Мэтью. — Насколько я слышал, в меню входит жареный угорь и жареный павлин, украшенный перьями и позолоченный. И потом, Филипп обеспечил себе беспроигрышный вариант: он не только отец жениха, но и отец невесты.

— Все равно не понимаю, зачем устраивать такую шумиху со свадьбой.

У Сары с Эм не было никакой официальной церемонии. Вместо этого старейшина Мэдисонского шабаша скрепила их союз. Оглядываясь назад, я вспомнила клятвы, которыми мы с Мэтью обменялись перед путешествием в XVI век. Они были простыми, краткими и глубоко интимными.

— Свадьбы устраиваются не ради жениха и невесты. Большинство пар согласились бы свести церемонию к минимуму, а потому отправиться в свадебное путешествие. Свадьба закрепляет изменение статуса новобрачных в глазах общины.

Мэтью перевернулся на спину. Я приподнялась на локтях:

— Всего-навсего пустой ритуал.

— Не говори так, — нахмурился Мэтью. — Если тебе тягостно это выдерживать, надо сказать заранее.

— Нет. Не хочу портить настроение Филиппу. Это ведь и его свадьба. Просто все это несколько... людно и шумно.

— Должно быть, ты жалеешь, что на празднестве не будет Сары и Эмили.

— Будь они здесь, их бы очень удивило, что я не сбегаю из-под венца. Меня привыкли считать одиночкой. Я думала, что ты такой же.

— Я? — засмеялся Мэтью. — Это только в телепрограммах и фильмах вампиров представляют одиночками. А на самом деле вампиры редко бывают одинокими. Мы предпочитаем общество себе подобных. В крайнем случае и ведьма сгодится. — Он поцеловал меня и через некоторое время задал новый вопрос: — А если бы наша свадьба проходила в Нью-Хейвене, кого бы ты пригласила?

— Разумеется, Сару и Эм. Моего друга Криса. — Я закусила губу. — Возможно, декана моего факультета.

— И больше никого? — удивился Мэтью.

— Я не могу похвастаться обилием друзей, — сказала я и встала. — Кажется, дрова прогорели.

Мэтью вернул меня на наше импровизированное ложе.

— Огонь прекрасно горит. А родни у тебя теперь будет предостаточно.

Я давно ждала, когда Мэтью заговорит о семье, и дождалась. Мой взгляд переместился на сундук возле кровати. Там под чистым бельем была спрятана шкатулка Марты.

— Есть один вопрос, который нам необходимо обсудить, — сказала я.

На этот раз Мэтью позволил мне встать. Я подошла к сундуку и достала шкатулку.

— Что внутри? — насторожился Мэтью.

— Травы Марты. Те, что входят в состав ее чая. Я нашла их в буфетной.

— И что же, ты пила этот чай? — Тон его вопроса был резким, требовательным.

— Нет, конечно. Вопрос о детях должны решать мы оба, а не я одна.

Я открыла крышку. Сухие измельченные травы слегка пахли пылью.

— Что бы тогда в Нью-Йорке ни говорили Маркус и Мириам, наша возможность иметь детей ничем не подтверждена. А противозачаточные средства, даже приготовленные из трав, могут давать нежелательные побочные эффекты. — Его холодный, рассудочный тон напомнил мне Мэтью-исследователя.

— Давай предположим чисто теоретически: какой-то из тестов показал, что у нас могут быть дети. В таком случае ты бы хотел, чтобы я пила этот чай?

— Сбор Марты не слишком надежен, — сказал Мэтью, глядя в сторону.

— Допустим. А что ты предлагаешь в качестве альтернативы?

— Воздержание. Прерванное соитие. Презервативы, хотя и они ненадежны. Особенно те, что доступны в нынешней эпохе.

Мэтью был прав. В XVI веке презервативы делались из ткани, кожи и бычьих кишок.

— И все-таки если бы какой-то из тогдашних тестов оказался верным? — спросила я, чувствуя, как иссякает мое терпение.

— Если... если бы мы смогли зачать ребенка, это было бы чудо. Тогда любой способ предохранения оказался бы неэффективным.

— Напрасно твой отец считает, что в Париже ты лишь понапрасну тратил время. Этот диспут вполне отвечает воззрениям средневекового теолога.

Я хотела закрыть крышку, но не успела. Пальцы Мэтью сжали мои.

— Если мы способны зачать и если чай Марты действительно эффективен, я бы просил тебя отнести эту шкатулку обратно в буфетную.

— Ты согласен иметь детей, зная, что ребенку может передаться твое бешенство крови?

Мне хотелось быть предельно честной с Мэтью, даже если мои слова и ранили его.

— Да... Я давно изучаю механизмы вымирания. Когда лабораторные исследования подтверждают, что мы исчезающий вид, будущее кажется безнадежным. Но когда я обнаруживаю какой-то сдвиг в наборе хромосом или вдруг нахожу предка, чью линию считал давно исчезнувшей, появляется надежда и будущее не кажется безысходным. То же я ощущаю и сейчас.

Прежде, когда Мэтью начинал рассуждать с беспристрастностью ученого, я не всегда его понимала. Сейчас мне было понятно каждое слово.

— А что скажешь ты? — спросил Мэтью, забирая у меня шкатулку.

Я думала над этим не первую неделю — с тех самых пор, как Маркус и Мириам появились в доме Сары с результатами анализов моей ДНК. Тогда впервые встал вопрос о детях. Я уже не мыслила своего будущего без Мэтью, однако не слишком представляла все стороны нашей совместной жизни.

— Эх, будь у меня побольше времени для принятия решения... — Эта фраза начинала звучать у меня все чаще. — Если бы мы сейчас находились в двадцать первом веке, я бы принимала выбранные тобой противозачаточные таблетки... И все равно я не уверена, что они бы нам помогли. — (Мэтью ждал моего настоящего ответа.) — Когда я ударила Шампье кинжалом Филиппа, мною двигал страх. Я боялась, что ведьмак заберет у меня мысли и воспоминания и в двадцать первый век я вернусь совсем другой. Но даже если бы мы вернулись туда сейчас, в эту самую минуту, мы бы уже не были прежними. Все места, где мы побывали, люди, с которыми я встретилась, наконец, тайны, что мы поведали друг другу... Я уже не та Диана Бишоп, и ты не тот Мэтью Клермон. А появление ребенка изменило бы нас еще сильнее.

— Значит, ты хочешь предохраняться от беременности, — осторожно сказал Мэтью.

— Сама толком не знаю.

— В таком случае я считаю твой ответ утвердительным. Если ты не уверена в желании стать матерью, давай применять любые доступные противозачаточные средства.

Голос Мэтью звучал твердо. Таким же твердым было и выражение его лица.

— Я очень хочу стать матерью. Причем настолько сильно, что сама удивляюсь. — Я прижала пальцы к саднящим вискам. — Мне нравится представлять, как мы с тобой растим ребенка. Просто все это... уж как-то слишком быстро.

— Да. Действительно быстро. И потому мы постараемся максимально снизить вероятность беременности, пока ты не будешь готова... и если будешь готова. Но не слишком тешь себя надеждами. Науке давно известно, что вампиры размножаются через воскрешение, а не через биологическое рождение. Наши отношения могут иметь свои особенности, но мы с тобой не сверхсущества, способные опрокинуть тысячелетние законы биологии.

— Рисунок алхимической свадьбы из «Ашмола-782» — это ведь о нас. Я знаю. И Мириам была права: после свадьбы между

золотом и серебром следующим шагом в процессе алхимической трансформации является зачатие.

— Зачатие? — своим обычным ленивым тоном переспросил Филипп.

Мы не знали, давно ли он здесь появился и какую часть нашего разговора слышал.

— Никто не упоминал о такой возможности, — сказал он, входя в комнату.

— Потому что такой возможности попросту не существует. У меня были близкие отношения с теплокровными женщинами, но ни одна из них не забеременела. Изображение алхимической свадьбы можно расценивать в качестве послания, как считает Диана, но шансы осуществить это очень невелики, — заявил Мэтью, недоверчиво качая головой. — Никогда еще *манжасан* не зачинал ребенка.

— Повторяю для тебя, Мэтью: слово «никогда» обозначает длительный промежуток времени. Я живу на земле дольше, нежели простирается человеческая память. Я видел существ, чью реальность последующие поколения отвергли, назвав рассказы о них мифами. Я видел тех, кто жил в море и плавал, как рыбы. Я видел повелевающих молниями, которые заменяли им копья. Но все они ушли, сменившись другими существами. «В мире постоянны только перемены»

— Гераклит, — прошептала я.

— Мудрейший из людей, — сказал Филипп, довольный, что я узнала, откуда цитата. — Когда боги замечают наше возросшее самодовольство, им нравится подстегнуть нас чем-то неожиданным. У них это любимое развлечение... Слушай, а чего это ты нарядилась в рубашку Мэтью и его чулки?

— Это его подарок. Такая одежда очень похожа на ту, что я ношу в своей эпохе. Мэтью захотелось, чтобы мне было удобнее. Полагаю, он сам соединил швом оба чулка. — Я повернулась, продемонстрировав Филиппу подарок мужа. — Кто бы мог подумать, что мужчины семейства де Клермон умеют держать в руках иголку, не говоря уже об умении шить ровными стежками?

Филиппа мой вопрос удивил, и он ответил своим:

— Неужели ты думала, что Изабо штопала нам одежду, когда мы возвращались с войны?

Я попробовала представить Изабо ожидающей мужчин с войны и коротающей время за шитьем и невольно захихикала:

— Сомневаюсь.

— Как вижу, ты успела ее узнать. А если ты вознамерилась одеваться как мальчишка, хотя бы надень штаны. Если священник увидит тебя в таком наряде, он упадет замертво, и мы будем вынуждены отложить завтрашнюю церемонию.

— Но я не собираюсь выходить наружу.

— Зато я собираюсь вытащить тебя из замка. Перед тем как ты выйдешь замуж, я хочу свозить тебя в одно место. Во времена древних богов оно было священным. Это недалеко, — пояснил Филипп, видя, что Мэтью приготовился возражать. — И туда, Маттаиос, я хочу отправиться только с Дианой.

— Я приду прямо в конюшню, — без возражений заявила я.

Прогулка по свежему воздуху виделась мне благоприятной возможностью проветрить голову.

Мне нравились обжигающе холодные поцелуи ветра и умиротворенность зимнего пейзажа. Вскоре мы с Филиппом достигли холма, чья вершина была более плоской, чем вершины большинства округлых холмов, разбросанных в окрестностях Сет-Тура. Камни, выступавшие из-под снега, показались мне на удивление симметричными. Они были древними, густо покрытыми растительностью, что не могло скрыть их рукотворного происхождения.

Филипп соскочил с лошади, велев спешиться и мне. Затем он взял меня под локоть и повел мимо двух странных каменных нагромождений на ровную, покрытую снегом площадку. До нас здесь уже побывали, но не люди. Сердцевидные следы копыт оставил олень. След пятипалой когтистой лапы принадлежал медведю. Еще одна цепочка следов, где чередовались треугольники и овалы, была волчьей.

— Что это за место? — спросила я, не решаясь говорить в полный голос.

— Некогда здесь стоял храм Дианы. С холма открывался дивный вид на леса и долины, где любили резвиться олени. Почитавшие богиню добавили к местным дубам священные кипарисы. — Филипп указал на тонкие зеленые колонны, окружавшие вершину холма. — Мне хотелось привести тебя сюда, поскольку это место я помню с детства. Когда я был мальчишкой и даже не подозревал, что стану *манжасаном*, сюда накануне свадьбы прихо-

дили невесты и приносили жертвы богине. Тогда мы называли ее Артемидой.

— Жертвы? — переспросила я, почувствовав сухость во рту.

За последние дни крови пролилось более чем достаточно.

— Как бы разительно мы ни менялись, важно помнить и чтить прошлое. — Филипп подал мне нож и мешочек, внутри которого что-то звенело. — А еще нам не помешает исправить кое-какие прежние ошибки. Богиня не всегда была довольна моими поступками. Вот я и решил сделать приношение Артемиде накануне женитьбы моего сына на тебе. Ножом ты срежешь локон своих волос. Это символ твоего девичества и традиционный дар. Деньги — символ твоей значимости. — Филипп понизил голос до заговорщического шепота. — Есть и другие приношения, но мне пришлось их оставить для бога Мэтью.

Филипп подвел меня к небольшому постаменту в центре площадки. Там, припорошенные снегом, лежали приношения, оставленные неведомо кем: деревянная кукла, детский башмачок, чаша размокших зерен.

— Вот уж не думала, что сюда до сих пор приходят, — сказала я.

— По всей Франции женщины и поныне поклоняются полной луне. Такие обычаи вымирают с трудом, в особенности те, что поддерживают людей в трудные времена.

Филипп приблизился к импровизированному алтарю. Он не кланялся, не вставал на колени и не делал каких-либо иных знакомых жестов, относящихся к почитанию божества. Потом он заговорил, и так тихо, что мне пришлось напрягать слух. Он говорил на странной смеси греческого и английского языков, однако намерения Филиппа были вполне понятны.

— Артемида Агротера, почитаемая охотница, Алкид Гневливый Лев молит тебя принять мое дитя Диану под твое покровительство. Артемида Ликейская, повелительница волков, защити ее везде и всюду. Артемида Патройская, богиня моих предков, пошли ей детей, дабы продолжился мой род.

Род Филиппа. Теперь я была его частью. Завтра я войду туда через замужество, но еще раньше Филипп принял меня в свою семью посредством клятвы на крови.

— Артемида Светоносная, одари ее светом своей мудрости, когда она окажется во тьме. Артемида Упис, наблюдай за своей

тезкой во время ее путешествия по этому миру. — Филипп завершил свое обращение к богине и подал мне знак выйти вперед.

Мешочек с монетами я аккуратно положила рядом с детским башмачком. Затем я ощупью потянула прядь волос на своем затылке. Нож был острым. Легкое движение — и жертвенная прядь оказалась у меня в руке.

День угасал. Мы тихо стояли в его слабеющем свете. Я ощущала волну магической силы. Ее поток пробился из-под земли в том месте, где я стояла. Богиня явилась в свой храм. На мгновение я увидела белые сверкающие стены прежнего храма. Я мельком взглянула на Филиппа. Он стоял, набросив на плечи медвежью шкуру. Осколок исчезнувшего мира. Интуиция подсказывала: Филипп чего-то ждал.

Из-за кипарисов показался белый олень с развесистыми рогами. Животное замерло. Из ноздрей вились струйки пара. Постояв, олень направился в мою сторону. Он двигался неслышно. Огромные карие глаза глядели вызывающе. Олень подошел так близко, что я видела острые края его рогов. Потом он величественно посмотрел на Филиппа и затрубил. Один зверь приветствовал другого.

— Sas efharisto[1], — торжественно произнес Филипп, прикладывая руку к сердцу, а затем повернулся ко мне. — Артемида приняла твои дары. Можем возвращаться домой.

Мэтью дожидался нашего возвращения во внутреннем дворе. Он вслушивался в предвечернюю тишину. Я пыталась по лицу угадать его настроение, но не смогла.

— Готовься к пиру, — сказал Филипп, когда я слезла с лошади. — Гости скоро соберутся.

Я успокоила Мэтью, улыбнувшись как можно увереннее, и пошла наверх. Незаметно стемнело. В замке становилось непривычно шумно. Вскоре Катрин и Жанна пришли меня одевать. От платья, принесенного ими, у меня перехватило дыхание. Такое роскошное платье я надевала впервые. Еще день назад я бы сравнила его темно-зеленую ткань с ветвями остролиста, украшавшего замок в дни Рождественского поста. Но сейчас я сразу вспомнила кипарисы возле храма. А серебряные дубовые листья,

[1] Благодарю *(греч.)*.

вышитые на корсаже, отражали пламя свечей, совсем как оленьи рога, которые вспыхивали под лучами заходящего солнца.

Глаза служанок тоже сверкали от восхищения. Великолепие, которое они соорудили из моих волос (там были и тугие косы, и локоны), я видела лишь мельком, смотрясь в отполированную серебряную поверхность зеркала Луизы. Но наверное, я все больше превращалась в настоящую невесту.

— Bien[1], — тихо сказала Жанна.

Катрин стремительно распахнула дверь, и серебряная вышивка на моем платье тут же поймала отсветы коридорных факелов. Я замерла, ожидая реакции Мэтью.

— Боже милосердный! — ошеломленно пробормотал он. — Ты просто неотразима, mon coeur. — Мэтью приподнял мои руки, желая насладиться общим видом платья. — Послушай, никак у тебя две пары рукавов?

— Думаю, целых три, — со смехом ответила я.

На мне было нижнее платье с облегающими кружевными манжетами. Узкие зеленые рукава в тон корсажу и юбкам, а еще огромные буфы из зеленого шелка, перехваченные на локтях и запястьях. Жанна, которая в прошлом году ездила в Париж, чтобы прислуживать Луизе, уверяла меня, что все сделано à la mode[2].

— Как же я буду тебя целовать при таком количестве преград?

Мэтью провел пальцем вокруг моей шеи. Стоячий кружевной воротник, достигавший высоты не менее четырех дюймов, задрожал от его прикосновения.

— Если ты сплющишь этот шедевр, Жанну хватит удар, — предупредила я, когда Мэтью осторожно погладил меня по лицу.

С помощью хитроумного устройства, напоминающего искривленный утюг, Жанна сгибала и заглаживала целые ярды материи, придавая им форму восьмерки. Это кропотливое занятие отняло у нее несколько часов.

— Не волнуйся. Я кое-что смыслю в медицине, — успокоил меня Мэтью и поцеловал в губы. — Как видишь, ничего не измял.

Из коридора послышалось деликатное покашливание Алена.

— Вас уже ждут.

— Мэтью, мне нужно кое-что тебе сказать.

---

[1] Прекрасно *(фр.)*.

[2] По моде *(фр.)*.

Он махнул Алену, и тот исчез.

— И что же ты хочешь мне сказать? — насторожился Мэтью.

— Я попросила Катрин отнести шкатулку Марты обратно в буфетную.

Это был более значительный шаг в неведомое, чем наше перемещение в XVI век из сарая моей тетки.

— Ты уверена?

— Уверена, — ответила я, вспомнив слова Филиппа в развалинах храма.

Наше появление в зале было встречено перешептываниями и торопливо бросаемыми взглядами. Все заметили перемену в моем облике. По одобрительным кивкам я поняла: наконец-то я стала похожа на женщину, достойную выйти замуж за милорда.

— Ну вот и они! — звучно провозгласил Филипп, занявший место во главе семейного стола.

Кто-то начал аплодировать, и вскоре весь зал наполнился аплодисментами. Мэтью улыбнулся: вначале застенчиво, слушая неутихающий гром рукоплесканий, затем все более горделиво.

Нас усадили на почетные места по обе стороны от Филиппа. Он распорядился, чтобы подавали первую перемену блюд. Заиграла музыка. Мне подали по кусочку всего, что приготовил Шеф. Кушаний были десятки: суп из турецкого гороха, жареный угорь, вкусное пюре из чечевицы, соленая треска в чесночном соусе, заливное, где целая рыбина плавала в желе, а веточки лаванды и розмарина символизировали водоросли. От Филиппа я узнала, что меню было предметом ожесточенных споров между Шефом и деревенским священником. Наконец оба согласились: сегодняшний пир будет строго соответствовать пятничным запретам на мясо, молоко и сыр. Но зато завтра гостей будут потчевать всевозможными изысками.

Как и полагалось, жениху подавались более обильные порции, чем невесте, хотя Мэтью просто отдавал дань традиции. Он ничего не ел и мало пил. Мужчины за соседними столами перебрасывались с ним шутками о необходимости накапливать силы для грядущих испытаний.

Но когда рекой полился гипокрас — вино, сдобренное пряностями, когда слуги стали разносить умопомрачительно вкусную смесь из грецких орехов и меда, шутки гостей сделались откро-

венно непристойными, а ответы Мэтью — резкими и язвительными. К счастью для меня, большинство советов давалось на языках, где я понимала лишь отдельные слова. Но и тогда Филипп по-отечески зажимал мне уши.

Смех и музыка звучали все громче. Мое сердце ликовало. Сегодня Мэтью выглядел не как вампир, которому полторы тысячи лет. Сегодня он был похож на обычного жениха накануне свадьбы: довольного, робеющего и немного взволнованного. Это был Мэтью, которого я любила, и от каждого его взгляда у меня замирало сердце.

Шеф подал последнюю перемену вин, сопроводив ее фенхелем и семенами кардамона. Тогда же началось пение. Один из гостей в противоположном конце зала сочным басом затянул песню. Его соседи начали подпевать. Вскоре весь зал дружно хлопал в ладоши и притоптывал, заглушая музыкантов, которые отчаянно старались не сбиться с ритма.

За этой песней последовали другие. Пока гости их распевали, Филипп расхаживал по залу, здоровался, называя каждого по имени. Он подбрасывал в воздух малышей, интересовался приплодом скота и внимательно выслушивал стариков, перечислявших свои недуги.

— Ты только посмотри, — с удивлением произнес Мэтью, беря меня за руку, — как только Филиппу удается сделать так, что каждый гость чувствует себя самой важной персоной в зале?

— А то ты не знаешь! — со смехом ответила я. Когда он смутился, я недоверчиво покачала головой. — Мэтью, ты точно такой же. Тебе достаточно войти в комнату или зал, и ты начинаешь управлять собравшимися и ситуацией.

— Если тебе хочется героя наподобие Филиппа, во мне ты такого не найдешь. Не хочется тебя разочаровывать, но это так, — сказал он.

Я взяла его лицо в свои ладони:

— Знаешь, какой свадебный подарок мне хотелось бы получить? Заклинание, которое позволило бы тебе увидеть себя таким, каким тебя видят другие.

— Я и без заклинания вижу. Достаточно внимательно посмотреть на отражение в твоих глазах. Таким я и выгляжу. Возможно, немного нервничаю. Мне тут Гийом рассказывал о плотских ап-

петитах зрелых женщин, — пошутил Мэтью, пытаясь перевести разговор в другую плоскость.

Но я не поддалась.

— Если ты не видишь себя лидером, способным вести за собой других, ты просто невнимательно смотришь.

Наши лица почти соприкасались. От Мэтью пахло пряностями выпитого вина. Забыв, что мы не одни, я притянула Мэтью к себе. Филипп пытался убедить сына, что он достоин любви. Возможно, поцелуй окажется лучшим аргументом, чем слова?

С другого конца зала донеслись крики. Гости снова захлопали в ладоши. Все это переросло в настоящий гвалт.

— Маттаиос, не порти девочке предвкушение свадьбы, иначе она, чего доброго, и в церковь не пойдет! — загрохотал на весь зал Филипп, вызвав новый взрыв хохота.

Мы с Мэтью смущенно отстранились. Поискав глазами Филиппа, я нашла его возле пылающего очага, где он настраивал семиструнный музыкальный инструмент. От Мэтью я узнала, что инструмент называется кифара. Зал умолк в ожидании.

— Когда я был мальчишкой, пиршества вроде нашего всегда завершались сказаниями о героях и великих воинах. — Филипп тронул струны, издав каскад звуков. — Подобно всем остальным, герои тоже влюбляются. — Он продолжал наполнять зал аккордами, настраивая слушателей на ритм повествования. — Жил-был темноволосый и зеленоглазый герой по имени Пелей. Он оставил родной дом и отправился искать счастья. Его родное селение, окруженное горами, было очень похоже на Сен-Люсьен. Однако Пелей мечтал о море и приключениях, которые он рассчитывал найти в чужих землях. Вместе с друзьями сел он на корабль, и они поплыли по морям. Однажды приплыли они на остров, славящийся красивыми женщинами и сокрушительной магией, которой владели эти красавицы.

Мы с Мэтью выразительно переглянулись. Филипп проникновенно запел:

Много счастливей тогда жизнь людская была.
Нам остается завидовать предкам. Вы же, герои,
Что от богов нарождались в те славные дни,
нынче меня поддержите.
Вас призываю своей волшебной песней.

Филипп умел загипнотизировать слушателей магией своего голоса.

— На том острове Пелей впервые увидел Фетиду — дочь Нерея, бога морей, всегда говорившего правду и умевшего видеть будущее. Фетида унаследовала от отца дар пророчества. Она была способна превращаться то в водный поток, то в пылающий огонь, а то и в воздух. Невзирая на красоту Фетиды, никто не хотел брать ее в жены, ибо оракул предсказал, что у них родится сын, который станет могущественнее отца.

Пелей полюбил Фетиду, и пророчество его не остановило. Но чтобы жениться на такой женщине, нужно было обладать изрядной смелостью, ведь Фетида в любой момент могла превратиться в водную или огненную стихию. Она устроила Пелею настоящий поединок, во время которого становилась то водой, то огнем, превращалась в змею и львицу. Однако Пелей выдержал испытание. Фетида вернулась в обличье женщины. Пелей повез ее в свои родные края, где они и поженились.

— А как же их ребенок? Неужели сын Фетиды исполнил пророчество и сокрушил Пелея? — спросила какая-то женщина.

Филипп помолчал. Его пальцы продолжали перебирать струны кифары.

— Сына Пелея и Фетиды звали Ахиллом. Он стал великим героем и воином. Славной была его жизнь, и его смерть тоже была славной. Но эта история подождет до другого вечера, — улыбнулся женщине Филипп.

Я радовалась, что Филипп не стал рассказывать о подробностях свадьбы Пелея и Фетиды и о начале Троянской войны. Еще больше меня радовало, что он умолчал о детстве и юности Ахилла, о жутких заклинаниях, с помощью которых Фетида пыталась сделать сына бессмертным. Наконец я мысленно поблагодарила Филиппа, что он утаил от гостей весьма примечательную особенность Ахилла — неуправляемый гнев. Гнев принес Ахиллу гораздо больше бед, чем его знаменитая уязвимая пята.

— Это всего лишь история, — шепнул мне Мэтью, почувствовав мое состояние.

Сколько таких историй передавалось из поколения в поколение! Их истинный смысл забывался, но оставалась канва: древние, неподвластные времени ритуалы чести, уважение к браку

и семье. Истории, подобные этой, рассказывали о самом святом, хотя люди зачастую не следовали тому, что так восхищало их в повествованиях.

Филипп встал, держа в руках кифару:

— Завтра у нас знаменательный день, которого мы с нетерпением ждем. Как велит обычай, ночь перед свадьбой жених и невеста проводят порознь.

Вот и еще один ритуал: последняя ночь холостой жизни, чтобы затем уже не расставаться.

— Однако невесте не запрещается подарить жениху немного нежности, чтобы он не забывал о своей любимой в долгие часы последней одинокой ночи, — сказал Филипп, и его глаза лукаво блеснули.

Мы с Мэтью встали. Я расправила юбки, устремив взгляд на его дублет. Швы отличались удивительной ровностью мелких стежков. Нежные пальцы приподняли мой подбородок, и я, забыв о стежках, заблудилась в плавных кривых и острых углах, из которых состояло лицо Мэтью. Все ощущение игры на публику исчезло, стоило нам увидеть друг друга. Мы стояли посреди зала, окруженные многочисленными гостями, но наш поцелуй был заклинанием, перенесшим нас в мир, созданный для двоих.

— Мы снова встретимся завтра во второй половине дня, — негромко произнес Мэтью, когда мы разомкнули губы.

— Мое лицо будет закрыто вуалью.

В XVI веке большинство невест обходились без вуали, но вуаль была древней традицией, и Филипп заявил, что его дочь пойдет в церковь только под вуалью.

— Я узнаю тебя где угодно, — ответил Мэтью, улыбнувшись мне. — Под вуалью и без нее.

Ален пошел провожать меня до комнаты. Мэтью безотрывно глядел мне вслед. Я еще долго ощущала спиной его холодные немигающие глаза.

На следующий день Катрин и Жанна прибирались так тихо, что я спала, не чувствуя их присутствия. Только когда солнце успело подняться в стылое декабрьское небо, служанки отодвинули занавески балдахина и объявили, что мне пора мыться.

В мою комнату явилась целая процессия женщин с кувшинами. Они болтали без умолку, напоминая стаю сорок. Женщины

наполнили водой громадную медную лохань. Должно быть, в иное время лохань использовалась для изготовления вина или сидра. Но вода была маняще горячей. Медные стенки сохраняли это блаженное тепло. Я без малейших возражений залезла в воду.

Женщины оставили меня отмокать. Сидя в лохани, я заметила, что мои немногочисленные пожитки исчезли. Я не увидела книг и листов бумаги, где записывала результаты своих алхимических опытов и окситанские фразы. Исчез и громоздкий, приземистый сундук, где хранилась моя одежда. От Катрин я узнала, что все мои вещи перенесены в покои милорда на другой стороне замка.

Я не перестала быть приемной дочерью Филиппа. Но менялся мой статус. Раз теперь я жена Мэтью, мои вещи заблаговременно перенесли на половину мужа.

Серьезно относящиеся к своим обязанностям, Катрин с Жанной помогли мне вылезти из лохани и насухо вытерли. К этому времени часы пробили час дня. В комнате появилась Мари — лучшая швея Сен-Люсьена. Она пришла, чтобы собственноручно облачить меня в свадебное платье и подправить мелкие шероховатости. Дополнения к платью, сделанные месье Бофилем — деревенским портным, — оказались неприемлемыми.

Надо отдать должное Мари. La Robe (я называла это платье только по-французски, и оба слова были достойны заглавных букв) получилось впечатляющим. Я даже не пыталась спрашивать, как ей удалось сшить его за такое короткое время. Это была «страшная тайна», однако я подозревала, что каждая женщина Сен-Люсьена и окрестностей добавила к платью хотя бы один стежок. До того как Филипп объявил о брачной церемонии, я заказала платье довольно простого фасона из плотного темно-серого шелка. Я настояла на одной паре рукавов вместо двух и на глухом воротнике. Самый практичный покрой для холодных зимних ветров. Я просила Мари не тратить времени на вышивку и отказалась от «птичьей клетки» — проволочного каркаса, расширявшего подол платья во всех направлениях.

Мари сделала вид, что не поняла меня, и изменила предложенный мной фасон платья гораздо раньше, чем Филипп сказал швее, где и когда я надену его. А после уже ничто не смогло сдержать ее порывов.

— Мари, La Robe est belle[1], — сказала я швее, трогая шелк, густо покрытый вышивкой.

По всему платью были разбросаны стилизованные изображения рога изобилия, вышитые золотыми, черными и розовыми нитками. Эти символы достатка и плодородия окружали цветочные розетки и веточки с листьями. Вышивкой были покрыты и обе пары рукавов. Корсаж по краям окаймлял волнистый узор, где переплетались завитки, луны и звезды. Квадратная окантовка на плечах, называемая пикадиль, скрывала шнуровку, которой рукава прикреплялись к корсажу. Несмотря на обилие украшений, элегантные округлости корсажа идеально подошли моей фигуре. Хорошо, что швея отчасти вняла моим пожеланиям хотя бы в одном: платье не имело кринолина. Пышность подола достигалась за счет складок ткани, а не за счет проволочного каркаса. Под нижними юбками у меня был лишь матерчатый валик, закрепленный на бедрах, и шелковые чулки.

— Выразительные очертания. И очень простые, — заверила меня Мари, расправляя низ корсажа.

Женщины почти закончили колдовать над моей прической, когда в дверь постучали. Катрин бросилась открывать, опрокинув корзину с полотенцами.

Это был Филипп. Он выглядел очень элегантно в своем роскошном коричневом наряде. За спиной стоял Ален. Филипп пристально разглядывал меня, отчего я начала беспокоиться.

— Диана? — неуверенно спросил Филипп.

— Что? Вы нашли какой-то недочет в моем облике? — спросила я, торопливо осматривая платье и дотрагиваясь до волос. — У нас нет большого зеркала. Наверное, я чего-то не увидела...

— Ты прекрасно выглядишь. Посмотришь, какое лицо будет у Мэтью, когда он тебя увидит. Тогда никаких зеркал не понадобится, — убежденно произнес Филипп.

— А у вас, Филипп де Клермон, язык хорошо подвешен, — засмеялась я. — И что же привело вас в комнату невесты?

— Пришел вручить тебе свадебные подарки. — Филипп протянул руку. Ален положил ему на ладонь увесистый бархатный мешочек. — У нас не было времени что-то заказывать для тебя у ювелира. Это фамильные драгоценности.

[1] Прекрасное платье *(фр.)*.

Филипп стал высыпать содержимое мешочка себе на руку. Вспыхнули разноцветные огоньки: золото, бриллианты, сапфиры. Я шумно вздохнула. Но сокровищ в бархатном мешочке было больше: нитка жемчуга, несколько полумесяцев, инкрустированных опалами, и необычного вида золотой наконечник стрелы. Время затупило и сгладило остроту его краев.

— Зачем все это? — удивилась я.

— Надевать на себя — вот зачем, — посмеиваясь, ответил Филипп. — Цепочка была моей, но когда я увидел, какое платье сшила тебе Мари, то подумал, что желтые бриллианты и сапфиры будут там вполне уместны. Вещи это старинные. Кто-то назовет цепь слишком мужской и неподходящей для невесты, но она прекрасно ляжет на твои плечи. Изначально на ней висел крест, но я подумал, что тебе, быть может, захочется прицепить туда наконечник стрелы.

— А что это за цветы?

Изящные желтые бутоны напоминали фрезию. Они перемежались золотыми лилиями, окаймленными сапфирами.

— Planta genista. У англичан это растение называется дроком. Анжуйская династия сделала его своей эмблемой.

Филипп говорил о Плантагенетах — самой могущественной королевской династии в английской истории. Плантагенеты расширили Вестминстерское аббатство. Уступив требованиям баронов, они подписали Великую хартию вольностей, учредили парламент и поддержали создание университетов в Оксфорде и Кембридже. Правители Плантагенеты воевали в Крестовых походах, вели Столетнюю войну с Францией. Один из них подарил свою цепь Филиппу в знак королевской милости. В сравнении с ней меркли все остальные украшения.

— Филипп, я даже не знаю...

Мои возражения закончились, когда Филипп передал остальные драгоценности Катрин и надел мне цепь. Женщина, глядящая на меня из темного зеркала, была похожа на современного историка не больше, чем Мэтью — на современного ученого.

Я не удержалась от изумленного возгласа.

— Потрясающе! — согласился Филипп. Его лицо слегка погрустнело. — Жаль, что Изабо здесь нет и она не видит, насколько ты великолепна и насколько счастлив Мэтью.

— Я потом ей все расскажу, — тихо пообещала я, глядя на его отражение в зеркале.

Катрин прикрепила к цепи золотой наконечник стрелы. Нитка жемчуга украсила мои волосы.

— Я прослежу, чтобы сегодня с драгоценностями ничего не случилось, а завтра утром верну их вам.

— Теперь они твои, Диана, и ты можешь делать с ними что пожелаешь. И с этим тоже. — Филипп снял с пояса другой мешочек, сделанный из прочной кожи, и протянул его мне.

Подарок оказался тяжелым. Очень тяжелым.

— Женщины в нашей семье имеют свои деньги. Таково требование Изабо. Все монеты, что лежат внутри, английские или французские. Конечно, они не так ценятся, как венецианские дукаты, но зато, когда ты будешь их тратить, вызовут меньше вопросов. Если тебе понадобится больше денег, достаточно попросить об этом Уолтера или других членов братства.

Приехав во Францию, я полностью зависела от Мэтью. Мы провели здесь немногим больше недели, но я успела научиться, как правильно держать себя, вести разговор, управлять домом и перегонять вино в спирт. Теперь у меня появились собственные деньги, а Филипп де Клермон публично назвал меня своей дочерью.

— Спасибо вам за все, — тихо сказала я. — Вряд ли вы хотели, чтобы я становилась вашей невесткой.

— Вначале, наверное, не хотел. Но даже старики способны поменять свое мнение. — Филипп широко улыбнулся. — А в конце я всегда получаю желаемое.

Женщины накинули на меня плащ. В самый последний момент Катрин и Жанна закрыли мне лицо шелковой вуалью, прикрепив ее к волосам опаловыми полумесяцами. Только теперь я поняла, что это заколки, на обратной стороне которых были цепкие зубчики.

Думаю, после истории с Шампье Тома и Этьен считали себя моими телохранителями. Сейчас мальчишки бежали впереди нас и во всю мощь легких провозглашали наше появление. Вскоре мы образовали процессию и в сумерках двинулись к церкви. Должно быть, с колокольни за нами следили и, увидев нас, ударили в колокола.

Когда мы подошли к церкви, у меня слегка подкашивались ноги. Возле церковных дверей собралась вся деревня вместе со священником. Поискав глазами Мэтью, я нашла его стоящим на невысоком крыльце. Даже сквозь вуаль я видела, как он внимательно смотрел на меня. Мы были с ним как солнце и луна. В этот момент мы не думали о времени, пространстве и различиях. Мы стремились поскорее оказаться рядом.

Приподняв подол, я пошла к нему. Короткая лестница показалась мне бесконечной. Интересно, время устраивает такой трюк всем невестам или только ведьмам?

Священник стоял у самой двери, но с внутренней стороны. Он улыбался, хотя почему-то не торопился приглашать нас внутрь. В руках он держал нераскрытую Библию. Поведение священника смутило меня, и я нахмурилась.

— Тебя что-то волнует, mon coeur? — спросил Мэтью.

— Почему нас не зовут внутрь?

— Бракосочетания совершаются возле церковных дверей, чтобы потом не было ожесточенных споров. Каждый рассказывает свою версию церемонии, и они могут не совпадать. Можно лишь благодарить Бога, что мы венчаемся не в метель.

— Commensez![1] — велел священник, кивнув Мэтью.

Мне было необходимо произнести одиннадцать слов, Мэтью — пятнадцать. Филипп сообщил священнику, что мы будем повторять свои клятвы еще и по-английски, поскольку невеста должна отчетливо понимать смысл даваемых ею обещаний. Таким образом, общее количество слов, необходимых для заключения нашего союза, возрастало до пятидесяти двух.

— Maintenant![2] — произнес дрожащий, явно проголодавшийся священник.

— Je, Matthew, donne mon corps à toi, Diana, en loyal mariage, — произнес Мэтью, беря меня за руку. — Я, Мэтью, отдаю тебе, Диана, свое тело в верное супружество.

— Et je le reçois, — ответила я. — И я принимаю его.

Мы одолели половину ритуала. Я набрала побольше воздуха и произнесла:

---

[1] Начинайте! *(фр.)*

[2] А теперь! *(фр.)*

— Je, Diana, donne mon corps à toi, Matthew. — Разделавшись с длинной французской фразой, я повторила ее по-английски: — Я, Диана, отдаю свое тело тебе, Мэтью.

— Et je le reçois, avec joie. — Мэтью откинул мою вуаль и повторил: — И я его принимаю, с радостью.

— Это не те слова, — нахмурилась я.

Слова брачных клятв я помнила наизусть, и никакого «с радостью» там не было.

— Те, — упрямо повторил Мэтью, опуская голову.

Первый раз, когда Мэтью объявил меня своей истинной парой, мы женились по вампирскому обычаю. Второй — когда в Мэдисоне он надел мне на палец кольцо Изабо — отдали дань гражданскому законодательству. Теперь мы женились в третий раз.

Последующие события превратились в вереницу стремительно мелькающих эпизодов. Факельщики освещали нам путь. Подъем на вершину холма, где стоял замок, почему-то тоже занял больше времени. Вокруг все поздравляли нас и желали счастья. Столы в большом зале были уже накрыты. Гости поспешили к ним. Мы с Мэтью вдвоем уселись за семейный стол. Филипп кружил по залу, разнося вино и следя, чтобы все дети получили порцию жареной зайчатины и кусок пирога с сыром. Иногда он с гордостью поглядывал в нашу сторону, будто сегодня мы спасли мир от злых драконов.

— Вот уж не думал, что доживу до этого дня, — признался Филипп, подавая нам большой кусок пирога с заварным кремом.

Не знаю, долго ли продолжался субботний пир. Я заметила, что гости начали сдвигать столы к стенам. С галереи, где сидели музыканты, понеслись звуки свирелей и барабанов.

— По традиции первый танец принадлежит отцу невесты, — сказал Филипп, поклонившись мне.

Он повел меня на середину зала. Филипп был хорошим танцором, что не помешало мне сбиться с ритма и несколько раз наступить ему на ногу.

— А теперь ты позволишь мне потанцевать с женой? — спросил Мэтью, когда танец закончился.

— Не стану возражать. Твоя жена упорно пыталась сломать мне ногу.

Сказано это было серьезным тоном, но с озорным подмигиванием. Филипп отошел, оставив нас вдвоем.

Танцующие поспешили освободить нам середину зала. Музыка заиграла медленнее. Мелодию повел лютнист, которому негромко подыгрывал какой-то духовой инструмент. Я повторяла па танца, то отдаляясь от Мэтью, то приближаясь к нему. Я уже не замечала ни гостей, ни окружающего пространства.

— Что бы ни говорила твоя мать, а ты танцуешь гораздо лучше Филиппа, — заявила я, тяжело дыша после сравнительно медленного танца.

— Я тебя вел, и ты послушно следовала за мной, — усмехнулся Мэтью. — А Филиппу ты сопротивлялась на каждом шагу.

Когда танец опять свел нас вместе, Мэтью крепко прижал меня к себе и поцеловал.

— Ты будешь и впредь прощать мои грехи? — спросил он, продолжая двигаться в ритме танца.

— Смотря какие, — насторожилась я. — Что еще ты натворил?

— Я непоправимо смял твой кружевной воротник.

Я засмеялась. Мэтью поцеловал меня еще раз, коротко и страстно. Барабанщик счел это подсказкой. Музыка заиграла быстрее. Гостям тоже хотелось танцевать, и пространство вокруг нас начало заполняться вертящимися и скачущими парами. Боясь, как бы меня ненароком не сбили с ног, Мэтью увел меня к очагу. Вскоре туда подошел Филипп.

— Отведи жену в постель и закончи то, что оттягивал, — негромко сказал он сыну.

— Но гости... — попытался возразить Мэтью.

— Не упрямься, сын. Отведи жену в постель, — повторил Филипп. — Сделай это тихо, пока другие не захотели проводить вас до спальни и убедиться, что ты исполнил супружеский долг. С гостями я как-нибудь управлюсь.

Филипп поцеловал меня в обе щеки, пробормотал что-то по-гречески и спровадил нас в башню Мэтью.

Я бывала там в своем времени, но мне еще предстояло увидеть башню во всем великолепии конца XVI века. Интерьер покоев Мэтью изменился. Еще с площадки я ожидала увидеть книжные полки, но увидела массивную кровать под балдахином. Мои новые драгоценности Катрин и Жанна убрали в резную шкатулку. Они приготовили таз для умывания и полотенца. Мэтью уселся перед огнем, снял сапоги, затем стал неторопливо пить вино.

— Мадам, вам помочь расплести волосы? — спросила Жанна, опасливо поглядывая на моего мужа.

— Сам расплету, — угрюмо ответил ей Мэтью, продолжая смотреть на игру пламени.

— Подожди, — сказала я служанке.

Я быстро вытащила из волос полумесяцы с опалами. Жанна проворно убрала их в шкатулку. Затем они с Катрин помогли мне открепить вуаль и ушли. Я осталась стоять возле кровати. Мэтью по-прежнему сидел у огня, закинув ноги на один из сундуков с одеждой.

Убедившись, что рядом никого, Мэтью отставил бокал, запустил пальцы мне в волосы и мгновенно проделал все, с чем девицы провозились бы не менее получаса. Он снял нитку жемчуга. Мои волосы разметались по плечам. Мэтью поймал мой запах, и у него раздулись ноздри. Он притянул меня к себе и поцеловал в губы.

Но оставались вопросы, которые я должна была задать и получить ответы прежде, чем мы окажемся в постели.

— Мэтью, ты уверен?..

Холодные пальцы скользнули под мой кружевной воротник, отыскивая завязки, которые скрепляли воротник с корсажем.

Щелк. Щелк. Щелк.

Накрахмаленные кружева упали на пол. Мэтью расстегнул пуговицы моего высокого воротника. Он наклонился, поцеловав мне шею. Я схватилась за его дублет:

— Мэтью... Я хотела спросить...

Он зажал мне рот новым поцелуем, а сам тем временем снял с меня тяжелую цепь Филиппа. Я немного отстранилась, что облегчило Мэтью задачу. Его руки уже прорвались сквозь зубчатку пикадилей, где рукава скреплялись с корсажем. Как лазутчик, Мэтью искал уязвимые места в обороне моего наряда.

— Вот они где, — пробормотал он, поддев указательными пальцами края и решительно дернув.

Сначала один рукав, а потом и второй сползли по рукам и упали на пол. Мэтью ничуть не волновало, что он может порвать мое свадебное платье, существовавшее в единственном экземпляре.

— Мое платье, — прошептала я, извиваясь в его руках.

— Диана... — Мэтью запрокинул голову и обнял меня за талию.

— Что? — спросила я, понимая его состояние и одновременно пытаясь носком туфли подальше отбросить рукав.

— Священник благословил наш брак. Вся деревня пожелала нам счастья. Гостям устроили обильный пир и танцы. Я думал, что теперь-то мы займемся тем, в чем я так долго тебе отказывал. А тебя, смотрю, больше волнует состояние твоего гардероба.

Мэтью обнаружил еще один ряд завязок, соединявших юбки с корсажем. Этот ряд находился дюйма на три ниже моего пупка. Мэтью легко подсунул большие пальцы под корсаж, где они оказались вблизи моей лобковой кости.

— Я не хочу, чтобы наша первая ночь подчинялась программе, заданной твоим отцом.

Вопреки словесным протестам мои бедра изогнулись, молчаливо приглашая Мэтью. Его пальцы сводили меня с ума. Казалось, будто ангел водит крыльями по моему телу. Мэтью удовлетворенно хмыкнул и развязал потайной бант.

Тянем. Дергаем. Тянем. Дергаем. Тянем. Дергаем.

Ловкие пальцы Мэтью расправлялись со шнуровкой, вытаскивая шнурки из потайных отверстий. Их было двенадцать, и всякий раз мое тело наклонялось и выпрямлялось.

— Ну наконец-то, — удовлетворенно пробормотал Мэтью, но тут же застонал: — Черт! Их тут гораздо больше.

Ты одолел совсем ничтожную часть завязок. Я же связана вдоль и поперек, как рождественский гусь, — сказала я, наблюдая, как Мэтью отделил корсаж от нижней части платья, обнаружив под ним корсет. — Пожалуй, правильнее назвать меня гусем Рождественского поста.

Однако Мэтью не слушал моих шуток. Его внимание сосредоточилось на том месте, где мое почти прозрачное нижнее платье с высоким воротником скрывалось под тяжелой и плотной тканью корсета. Мэтью прижался к выпуклостям, обозначающим скрытые корсетом груди. Он почтительно склонил голову и шумно вдохнул.

Я тоже дышала шумно и прерывисто. Ткань корсета, как ни странно, усиливала прикосновение его губ. Ощущение было удивительно эротичным. Похоже, Мэтью убедился, что одним махом меня не раздеть, и решил сделать паузу. Я обняла его голову и ждала, когда он сделает следующий шаг.

Наконец Мэтью обвил мои руки вокруг резного столба в углу балдахина.

— Держись, — прошептал он.

Тянем. Дергаем. Тянем. Дергаем. Не успев снять с меня корсет, Мэтью сунул руки внутрь. Они скользнули вдоль ребер и нашли мои груди. Я негромко застонала. Мэтью комкал ткань нижнего платья, преграждавшего путь его холодным пальцам к моим теплым отвердевшим соскам. Потом он прижал меня к себе.

— Разве я похож на того, кто подчиняется чужой программе? — прошептал он мне на ухо.

Не получив ответа, он опустил одну руку к моему животу. Другая осталась на груди.

— Нет, — произнесла я, склоняясь к его плечу.

— Тогда перестань говорить о моем отце. А если вдобавок ты перестанешь волноваться из-за каких-то рукавов, я завтра куплю тебе двадцать платьев.

Мэтью пытался вытащить мое нижнее платье из-под корсета. Оно задиралось, обнажая мои ноги. Я схватила его руку и приложила к лобку.

— Ты прав. Довольно разговоров, — согласилась я.

Его пальцы скользнули ниже. Я тихо вскрикнула.

Мэтью успокоил меня поцелуем. Медленные движения его рук вызывали обратную реакцию: напряжение в моем теле только возрастало.

— Слишком много одежек, — едва слышно сказала я.

Мэтью молчал, но по нему было видно, как он от них устал. Он был готов сорвать с меня корсет. К этому моменту шнуровка достаточно ослабла. Я сдвинула корсет к бедрам и наконец-то сняла. Не останавливаясь, я принялась расстегивать штаны Мэтью, пока он возился с дублетом. Удивительно, но и его штаны держались на шнуровке, подобно моему корсажу и юбке.

Наконец на нас не осталось практически ничего, если не считать нижнего платья и чулок на мне и рубашки и чулок на Мэтью. Здесь мы оба снова испытали чувство неловкости.

— Диана, позволишь ли мне любить тебя? — спросил Мэтью, простым куртуазным вопросом гася мое беспокойство.

— Позволю, — прошептала я.

Мэтью опустился на колени и осторожно развязал ленточки, поддерживавшие мои чулки. Они были голубыми. Катрин назы-

вала голубой цветом верности. Мэтью снимал с меня чулки, успевая при этом целовать колени и лодыжки. Свои чулки он снял так быстро, что я не заметила цвет его подвязок.

Мэтью приподнял меня. Я оказалась почти на цыпочках. Так ему было удобнее проникнуть в мое лоно.

— Нам не обязательно делать это на кровати, — сказала я, обхватывая его плечи.

Мне хотелось, чтобы Мэтью поскорее оказался во мне.

Но мы все-таки улеглись на мягкую перину, закрывшись занавесками и попутно избавившись от остатков одежды. И вновь я позвала Мэтью в свое лоно, потянувшись к его плечам. Я знала, что́ должно произойти, однако все равно вскрикнула, когда наши тела слились воедино: тепло и холод, свет и тьма, женское и мужское, ведьма и вампир. Слияние противоположностей.

Благоговение на лице Мэтью сменилось откровенным восторгом, когда он начал двигаться внутри меня. Движения становились все неистовее. Он запрокинул голову. Я вскрикнула от наслаждения. Рука Мэтью обхватила мою поясницу. Он прижал меня к бедрам, и тогда я, чтобы удержаться, впилась в его плечи.

Мы вошли в ритм, свойственный влюбленным парам. Мы ласкали друг друга прикосновениями губ и рук. Мы качались вместе; качались до тех пор, пока не утомили плоть и могли отдавать друг другу только сердце и душу. Это были наши завершающие клятвы верности, принесенные плотью и теперь приносимые духом. Мы оба дрожали, словно новорожденные младенцы.

— Позволь мне любить тебя вечно, — прошептал Мэтью.

Его холодные губы медленно скользили по моему вспотевшему лбу. Мы лежали, по-прежнему не размыкая объятий.

— Позволяю, — в который уже раз ответила я, еще крепче прижимаясь к своему мужу.

Глава 13

— А мне нравится быть замужем, — сонно пробормотала я.

Мы благополучно выдержали третий день торжеств и вручение подарков. Почему-то нам дарили преимущественно мычащую и кудахчущую живность. Затем наступили дни блаженного безделья, когда мы предавались телесным утехам, разговаривали, спали и читали. Шеф не забывал посылать нам поднос с едой и питьем. Все остальное время мы были предоставлены самим себе. Даже Филипп нас не тревожил.

— Смотрю, тебе это не перестает нравиться, — сказал Мэтью, утыкаясь холодным носом в мое ухо.

Я лежала ничком, раздвинув ноги. Мы находились в помещении над кузницей. Когда-то оно служило чем-то вроде дополнительного арсенала. Мэтью восседал на мне, заслоняя меня от холодного ветра, дувшего из-под двери. Войди сейчас кто-нибудь сюда, не знаю, какая часть моего голого тела открылась бы его взору. Но скрыть зад Мэтью было бы невозможно. Сейчас Мэтью дразнил меня, склоняя к очередному слиянию.

— Сомневаюсь, что тебе хочется это повторить, — сказала я и тут же радостно засмеялась, поскольку Мэтью немедленно повторил свои поползновения.

Я не знала, все вампиры обладают такой потрясающей сексуальной активностью или же это индивидуальное качество Мэтью.

— Никак ты уже критикуешь мою изобретательность? — Он перевернул меня на спину и оказался между моих ног. — И вот тебе, чтобы ты не сомневалась.

Мэтью нежно вошел в меня, предварительно поцеловав.

— Ты говорил, что пойдем сюда упражняться в стрельбе, — вспомнила я. — Ты имел в виду такое упражнение?

Мэтью покатился со смеху:

— В Оверни существуют сотни эвфемизмов, обозначающих занятие любовью, но я сомневаюсь, что среди них есть такой. Надо будет спросить Шефа, не знает ли он.

— Ты не будешь у него спрашивать.

— Откуда вдруг в вас такая чопорность, доктор Бишоп? — с наигранным удивлением спросил Мэтью, выдернув из моих волос застрявшую соломинку. — Смотри на это проще. Здесь никто не заблуждается насчет того, как мы проводим время.

— Понимаю намек, — сказала я, натягивая чулки, которые прежде принадлежали Мэтью. — Раз уж ты заманил меня сюда и я успела несколько раз выстрелить, надеюсь, ты объяснишь, в чем мои ошибки.

— В стрельбе ты новичок, а потому не жди, что каждый раз будешь попадать в цель.

Мэтью встал, разыскивая свои чулки. Один лежал рядом с его штанами, а второй куда-то исчез. Я пошарила у себя за спиной и нашла этот чулок, успевший превратиться в плотный комок.

— С хорошим учителем я могла бы стать метким стрелком.

Я видела, как стреляет Мэтью. Он был прирожденным лучником: длинные руки, тонкие сильные пальцы. Мишенями нам служили небольшие копны сена. К ближайшей был прислонен изогнутый лук из полированного дерева и рога. Его незакрепленная кожаная тетива покачивалась на сквозняке.

— Тогда тебе нужно обучаться у Филиппа, а не у меня. Он просто легендарный лучник.

— А твой отец говорил, что Изабо стреляет лучше, чем он.

Полированный лук принадлежал Изабо, но до ее способностей мне было еще очень далеко.

— Маман — единственная, кто отважился выстрелить в него... Давай я помогу тебе натянуть тетиву.

Моя первая попытка закрепить конец тетивы в кольце закончилась тем, что она хлестанула мне по щеке, оставив розовую полосу. Натягивание тетивы требовало недюжинной силы и ловкости: нужно было согнуть лук так, чтобы оба его конца находились на определенном расстоянии. Мэтью поставил лук вертикально, нижний конец упер в бедро, а верхний согнул одной рукой, а другой быстро закрепил тетиву.

— У тебя это выглядит совсем легко.

С такой же легкостью он вытащил пробку из бутылки шампанского. Правда, это было в Оксфорде, в далеком XXI веке.

— Это действительно легко, если ты вампир и у тебя за плечами почти тысяча лет практики, — улыбнулся Мэтью, подавая мне лук. — Не забывай держать плечи прямо и не увязай в долгих раздумьях о выстреле. Тетиву отпускай мягко и плавно.

Послушать его — нет ничего проще. Я повернулась к мишени. С помощью нескольких ножей Мэтью приладил к копне сена шляпу, дублет и юбку. Я думала, что поначалу мне достаточно просто куда-то попасть: в шляпу, дублет или юбку. Мэтью развеял мое заблуждение, объяснив, что нужно сразу учиться попадать в избранную цель. Он наглядно продемонстрировал, как это делается. Пустив в копну стрелу, Мэтью окружил ее еще пятью, всаживая их по часовой стрелке, после чего выстрелил снова и рассек древко центральной стрелы.

Я взяла лук, вложила стрелу. Линией прицела мне служила левая рука. Я оттянула тетиву и замерла. Сам лук успел сдвинуться.

— Стреляй! — потребовал Мэтью.

Я отпустила тетиву. Стрела прошла мимо копны и упала на пол.

— Попробую еще раз, — сказала я, нагибаясь к колчану.

— Я видел, как ты ведьминым огнем атаковала вампиршу и прожгла ей дыру в груди, — тихо напомнил мне Мэтью.

— Мне не хочется вспоминать о Жюльет.

Я пыталась поместить стрелу в борозду лука и не смогла: дрожали руки. Тогда я опустила лук.

— И о Шампье. И о том, что мои магические силы полностью исчезли.

— О чем еще ты не хочешь вспоминать? — спросил Мэтью.

— О том, что заставила увянуть сочную айву. О разноцветных нитях в углу и ауре, которую вижу вокруг людей. Разве нельзя отложить эти разговоры хотя бы на неделю?

Моя магия — а точнее, ее отсутствие — снова стала постоянной темой наших разговоров.

— Я предполагал, что стрельба из лука пробудит твой ведьмин огонь, — сказал Мэтью. — И воспоминания о Жюльет могли бы этому помочь.

— А почему бы не дать мне просто упражняться? — спросила я, теряя терпение.

— Потому что нам нужно понять причину изменения твоей силы, — спокойно ответил Мэтью. — Поднимай лук, вкладывай стрелу и выпускай ее.

— На этот раз я хотя бы попала в копну, — сказала я, когда стрела угодила в правый верхний край копны.

— Это-то и скверно. Ведь ты целилась ниже.

— Ты портишь мне все удовольствие от стрельбы, — попыталась пошутить я.

Мэтью даже не улыбнулся:

— К искусству выживания нельзя относиться легкомысленно. Вложи новую стрелу, но перед прицеливанием закрой глаза.

— Хочешь, чтобы я положилась на интуицию? — нервозно засмеялась я.

Я вложила новую стрелу. Цель находилась передо мной, но я не стала сосредоточиваться на ней, а вняла совету Мэтью и закрыла глаза. И сразу же ощутила отвлекающее давление воздуха. Он давил мне на руки и бедра, тяжелым плащом ложился на плечи. Одновременно воздух помогал мне удерживать наконечник стрелы на нужной высоте. Я изменила позу, расправив плечи и отталкивая воздух. В ответ легкий ветерок зацепил прядку волос, отведя их от уха.

«Чего ты хочешь?» — мысленно спросила я, недовольная вмешательством ветра.

«Твоего доверия», — прошептал мне ветер.

От удивления у меня приоткрылся рот. Затем открылся мой ведьмин глаз, и я увидела, что наконечник стрелы горит золотистым огнем. Этот огонь передался ему в кузнице, где его ковали. С тех пор золотистое пламя было заперто внутри наконечника. Оно хотело вырваться наружу, но такое могло случиться не раньше, чем я освобожусь от страха. Я тихо выдохнула, мысленно создавая пространство для веры. Мое дыхание понеслось вдоль древка. Я отпустила тетиву. Стрела полетела. Мое дыхание удерживало ее на нужной высоте.

— Попала!

Глаз я не открывала, но твердо знала, что на сей раз поразила цель.

— Да, попала. Весь вопрос, как это у тебя получилось.

Мэтью взял лук, готовый выпасть из моих рук.

— Я ощутила огонь, плененный внутри стрелы. А вокруг древка и наконечника — плотный сгусток воздуха, — объяснила я и только теперь открыла глаза.

— Ты ощутила природные стихии. Так было, когда в Мэдисоне ты почувствовала воду под садом Сары. Так было и в Олд-Лодже, где ты выпустила наружу солнечный свет, таившийся в айве, — задумчиво произнес Мэтью.

— Иногда мне кажется, что мир полон невидимых возможностей, которые мне не ухватить. Если бы я, как Фетида, могла менять и собственный облик, я бы знала, как всем этим управлять.

Я решила еще поупражняться. Пока мои глаза оставались закрытыми, стрелы поражали цель. Но стоило мне хотя бы ненадолго их открыть, как стрела летела вбок или падала, едва покинув лук.

— На сегодня хватит, — сказал Мэтью, растирая мне затекший участок спины возле правой лопатки. — Шеф говорит, что через пару дней начнутся дожди. Проедемся верхом, пока погода благоприятствует.

Шеф не только был отменным кулинаром и кондитером, но и отличался умением предсказывать погоду. К подносу с завтраком он обычно прикладывал листок с прогнозом на этот день.

Мы покатались по окрестностям, а на обратном пути увидели костры, разведенные прямо в поле. На башнях Сет-Тура пылали факелы. Сегодня начинались сатурналии, открывавшие череду празднеств в замке. Филипп с его экуменическими воззрениями стремился потрафить всем, уделяя одинаковое внимание древнеримским и христианским традициям. К ним примешивался даже скандинавский Йоль, что намекало на отсутствующего Галлогласа.

— Вот уж не думал, что вам так скоро наскучит общество друг друга! — встретил нас голос Филиппа.

Как всегда, от его голоса сотрясались стены. Мы посмотрели наверх. Отец Мэтью стоял на галерее для музыкантов. Его голову украшали развесистые рога, делавшие Филиппа похожим на диковинную помесь льва и оленя.

— Мы думали, что не увидим вас еще недели две. Но раз уж вы здесь, займитесь делом. Возьмите звезды и луны и развесьте их по стенам.

Обилие зелени преобразило большой зал. Здесь пахло, как в лесу. Вдоль стены выстроились винные бочки, доступные любому из гостей. Нас встретили приветственными возгласами. Помощники Филиппа попросили Мэтью прикрепить над очагом большую зеленую ветвь. Он проворно вскочил на мраморную полку. Чувствовалось, Мэтью проделывал это не впервые.

Общее веселье захватило и нас. Когда подали ужин, мы с Мэтью вызвались разносить угощение. На сегодня все поменялись местами: слуги стали господами, а настоящие господа им прислуживали. Мой телохранитель Тома вытащил длинную соломинку и стал предводителем сегодняшнего праздника — Владыкой Буянов. Мальчишка важно восседал на месте Филиппа (под его тощий зад пришлось подложить несколько подушек). Голову Тома украшала драгоценная золотая корона с рубинами, входящая в число семейных реликвий. К короне он относился без малейшего почтения, словно она была бутафорской. Филипп играл роль придворного шута и безропотно выполнял любые глупейшие и сумасброднейшие распоряжения Тома. Так, мальчишка заставил Филиппа исполнить романтический танец с Аленом, причем отец Мэтью танцевал за женщину, раздразнить собак игрой на писклявой флейте и превратить тени в драконов, карабкающихся по стенам. Малышня визжала от восторга и страха.

Не забыл Филипп и взрослых, предложив им хитроумные азартные игры, пока он развлекает детей. Каждый взрослый получил мешочек с фасолью. Фасолины заменяли монеты в ставках. Задача была проста: собрать их как можно больше. Победителя в конце вечера ожидала кругленькая сумма настоящих денег. Находчивая Катрин догадалась обменивать свои поцелуи на чужие фасолины. Я в игре не участвовала, а так наверняка побилась бы об заклад, что деньги достанутся ей.

На протяжении вечера я несколько раз замечала Мэтью и Филиппа стоящими рядом. Они обменивались шутками или перебрасывались словами. Отец и сын отличались цветом волос, но в остальном были очень похожи. Все эти дни Филипп находился в приподнятом настроении, и это сглаживало острые углы в характере Мэтью. Хэмиш был прав: попав в XVI век, Мэтью стал другим. Пожалуй, даже утонченнее. Вопреки страхам, охватившим меня в Мон-Сен-Мишель, он по-прежнему оставался моим.

Почувствовав мой взгляд, Мэтью удивленно посмотрел на меня. Я послала ему воздушный поцелуй. Он поклонился, смущенный моей откровенностью.

За пять минут до полуночи праздник перешел в новую стадию. Филипп подошел к главному очагу, рядом с которым стоял какой-то предмет, накрытый плотной тканью. Филипп быстро сбросил покрывало.

— Ну и ну! Филипп клялся, что восстановит эти часы и снова заставит ходить, а я ему не верил, — пробормотал Мэтью.

Взрослые и дети радостно завопили. Мой муж добавил свой голос в их хор.

Такие часы я видела впервые. Все сооружение помещалось в красивом деревянном позолоченном футляре. В его верхней части находился бочонок с водой. Оттуда тянулась длинная медная трубка. Вода была движущей силой, заменяя собой пружину. Роль передаточного механизма выполняло хитроумное устройство: цилиндр, к которому на веревке был подвешен красивый кораблик. Из трубки внутрь его корпуса капала вода. Когда кораблик переполнялся, его тяжесть заставляла цилиндр поворачиваться и сдвигать единственную стрелку по циферблату, отмечая прошедшую минуту. Высота часов почти совпадала с моим ростом.

— А что произойдет в полночь? — спросила я.

— Сам не знаю, — хмуро отозвался Мэтью. — Но без пороха не обойдется. Недаром отец вчера из-за него суетился.

Церемонно выставив часы на всеобщее обозрение, Филипп стал произносить речь, отдавая дань уважения друзьям и членам семьи. Это вполне соответствовало характеру празднества, посвященного древнему богу. Он перечислил всех, кого община потеряла за минувший год. Тома потребовал упомянуть и его кошечку Прюнель, трагически погибшую в результате несчастного случая. Единственная стрелка часов продолжала двигаться к двенадцати.

Ровно в полночь корабль взорвался. Взрыв сопровождался оглушительным грохотом. Часы остановились. Их великолепный шкаф был разбит в щепки.

— Skata[1], — пробормотал Филипп, печально глядя на поврежденные часы.

— Месье Фине, да упокоит Господь его душу, не одобрил бы усовершенствований, которые ты внес в его часы, — сказал Мэтью, разгоняя ладонью дым. — Каждый год Филипп добавлял к часам что-то новенькое: водяные струи, звенящие колокольчики, механическую сову, ухающую каждый час. Отец забавляется этой игрушкой с тех самых пор, как король Франциск проиграл ему часы в карты.

---

[1] Дерьмо *(греч.)*.

— Пушка должна была выбрасывать искорки и облачка дыма. Я хотел позабавить детей, — негодующим тоном произнес Филипп. — Это все твой порох, Маттаиос.

— Судя по характеру повреждений — ни в коем случае, — засмеялся Мэтью.

— C'est dommage[1], — сказал Тома, сочувственно качая головой.

Мальчишка присел на корточки рядом с Филиппом. Корона сползла набок. Лицо Владыки Буянов было не по-детски серьезным.

— Pas de problème[2]. На будущий год сделаем лучше, — беззаботным тоном пообещал мальчишке Филипп.

Жители Сен-Люсьена остались праздновать и развлекаться, а мы с Мэтью отправились наверх. Я задержалась возле очага, дожидаясь, пока Мэтью не задует свечи и не ляжет. Затем я тоже забралась в кровать и, задрав ночную рубашку, оседлала Мэтью.

— Как это понимать? — удивился он, лежа под собственной женой.

— Нарушать правила было позволено не только мужчинам, — сказала я, впиваясь ногтями в его грудь. — В аспирантуре я читала любопытную статью. Она называлась «Женщины сверху».

— Ты привыкла занимать главенствующее положение, поэтому сомневаюсь, что ты много почерпнула из той статьи, mon coeur.

Глаза Мэтью вспыхнули, когда я передвинулась, покрепче зажав его бедрами.

— Льстец.

Мои пальцы двинулись вверх по его телу, миновали грудную клетку и добрались до мускулистых плеч. Наклонившись, я прижала руки Мэтью к матрасу, дав ему вдоволь налюбоваться моим телом сквозь низкий вырез ночной рубашки. Он застонал.

— Добро пожаловать в мир вверх тормашками.

Я ненадолго отпустила его руки, чтобы сбросить рубашку, потом наклонилась над ним, водя сосками по его коже.

— Ты же меня убьешь, — простонал Мэтью.

— От этого, вампир, не умирают, — сказала я, помогая ему в меня войти.

---

[1] Жаль *(фр.)*.

[2] Не проблема *(фр.)*.

Я слегка покачивалась, намекая на удовольствия, которые ждут его в скором времени. Мэтью глухо постанывал.

– Тебе это понравится.

Мэтью настаивал, чтобы я двигалась резче и быстрее. Но я сохраняла свой неспешный ритм, наслаждаясь соединением наших тел. Его холодное присутствие у меня внутри воспламеняло мою кровь. Я пристально смотрела ему в глаза. Мэтью первым достиг оргазма. Я вдруг почувствовала его полную беззащитность, и это подхлестнуло мой оргазм. Я прильнула к груди Мэтью, а когда через некоторое время решила слезть с него, он крепко обнял меня и прошептал:

— Оставайся на мне.

Я осталась и заснула. Мэтью разбудил меня перед рассветом. Им снова овладело желание. Его руки держали меня, пока внутри я превращалась из огня в воду, затем в воздух, чтобы потом вернуться в сон.

Пятница была самым коротким днем года. День зимнего солнцестояния. Деревня еще очухивалась после сатурналий, готовясь к скорому Рождеству, но Филипп был непреклонен.

– Шеф забил кабана, — сообщил он. — Разве можно огорчать нашего славного повара?

Воспользовавшись хорошей погодой, Мэтью отправился в деревню — помогать чинить крышу, обрушившуюся после недавнего снегопада. Я прогулялась вместе с ним. По всему чувствовалось, что муж рад заняться тяжелым физическим трудом на ветру и морозе.

Вернувшись, я прошла в библиотеку, где привычно загромоздила стол алхимическими книгами и чистыми листами бумаги. Половина верхнего была покрыта каракулями и диаграммами, смысл которых понимала только я. События последних недель вынудили меня прекратить опыты по получению спирта из вина. Тома и Этьену хотелось бегать с друзьями и совать пальцы в тесто, которое Шеф замесил для грандиозного торта. Им было не до помощи в моих научных экспериментах.

— Диана? — Филипп влетел в библиотеку и только потом заметил, что я там сижу. — А я думал, ты осталась с Мэтью.

— Не могла смотреть, как он сидит на крыше в такой мороз и ветер, — призналась я.

Филипп понимающе кивнул.

— А что ты делаешь? — спросил он, заглядывая через плечо.

— Пытаюсь понять, как нам с Мэтью быть со всей этой алхимией.

Соображала я туго. Сказывалось затянувшееся безделье и недостаток сна.

Филипп вывалил на стол охапку бумажных треугольничков, квадратиков и свитков, затем сел со мной рядом.

— Это же печать Мэтью, — сказал он, указывая на один из моих набросков.

— Да. Но этими же символами обозначают серебро и золото, луну и солнце.

К сатурналиям весь зал был украшен стилизованными изображениями обоих небесных тел.

— С вечера понедельника я постоянно думаю о них, — продолжала я. — Мне понятно, почему полумесяц и серебро символически изображают ведьму. Они оба связаны с богиней. Но почему вампир представлен символами солнца и золота?

Это противоречило традиционным знаниям.

— Потому что мы не меняемся. Наши жизни не знают роста и убывания. Подобно золоту, наши тела не разъедаются болезнями и смертью.

— Странно, что я об этом не подумала, — пробормотала я, вкратце записав его слова.

— Твой ум занимало совсем другое, — улыбнулся Филипп. — Мэтью очень счастлив.

— И не только благодаря мне. — Я выдержала удивленный взгляд свекра. — Мэтью счастлив вновь оказаться с вами.

Глаза Филиппа помрачнели.

— Мы с Изабо любим, когда наши дети приезжают домой. Конечно, у них своя жизнь, но от этого их отсутствие не переносится легче.

— А сегодня вы скучаете по Галлогласу, — сказала я.

Вопреки обыкновению Филипп не стал возражать.

— Скучаю, — признался он, ворошa пальцами сложенные бумаги. — Галлогласа в нашу семью привел Гуго, мой старший. Гуго не делился своей кровью с кем попало. Он был мудр и осмотрителен. И с Галлогласом он не ошибся. Галлоглас — храбрый воин, с такими же понятиями о чести, как у его отца. Меня утешает, что мой внук находится в Англии не один, а вместе с Мэтью.

— Мэтью редко упоминает Гуго.

— Гуго был ему ближе, чем остальные братья. Гуго погиб от рук короля и Церкви вместе с последними тамплиерами. Это больно ударило по Мэтью и заставило его усомниться в преданности семье. Ему понадобилось время, чтобы справиться с бешенством крови и вернуться к нам.

— А Галлоглас?

— Галлоглас все еще не готов оставить свое горе позади. Пока этого не случится, во Франции он не появится. Как и Мэтью, мой внук жаждал отомстить тем, кто предал Гуго. Но никакая месть не способна излечить боль утраты. Однажды мой внук вернется. Я в этом уверен.

На мгновение я вдруг увидела Филиппа стариком. Исчез неутомимый предводитель. Передо мной был отец, обреченный судьбой пережить своих сыновей.

— Спасибо, Филипп, — сказала я и после недолгого колебания взяла его за руку.

Он порывисто сжал мою руку, встал и взял со стола одну из алхимических книг. Это была «Aurora Consurgens» с прекрасными иллюстрациями Годфри. Я вспомнила, как впервые увидела старинный трактат в Сет-Туре XXI века и не могла оторваться.

— Алхимия — любопытный предмет, — бормотал Филипп, листая страницы.

Он нашел картинку, изображающую рыцарский поединок между королем-солнцем и королевой-луной, которые восседали на спинах льва и грифона.

— Да, эта подойдет, — широко улыбнулся Филипп, поместив между страницами один из бумажных квадратиков.

— Что вы делаете? — спросила я, снедаемая любопытством.

— Это игра, в которую играем мы с Изабо. Когда кто-нибудь из нас в отъезде, мы оставляем послания между страницами книг. События забываются, и когда мы снова встречаемся, многого уже не помним. А так... мы натыкаемся на памятные записочки, когда меньше всего ожидаем их найти, и можем поделиться воспоминаниями о каком-то событии. — Филипп подошел к полкам, сняв оттуда том в потертом кожаном переплете. — Это «Песнь об Армурисе» — одна из наших любимых книг. Наши с Изабо вкусы отличаются простотой. Мы обожаем приключения. И наши послания мы всегда прячем в этой книге. — Филипп засунул ма-

ленький свиток в пространство между скрепленными листами пергамента и переплетом. Снизу на пол выпал бумажный квадратик. — Изабо запихивает свои послания не руками, а с помощью ножа. Поэтому их труднее найти. Любит она разные выдумки. Сейчас узнаем, о чем она пишет.

Филипп развернул квадратик и молча прочел. Затем озорно подмигнул мне, а его щеки стали румянее обычного.

— Не стану мешать вам писать ответ, — засмеялась я и встала.

В дверях появился Ален. Лицо у него было встревоженное.

— Сир, приехали посланники. Один из Шотландии, второй из Англии, а третий из Лиона.

Филипп вздохнул и выругался сквозь зубы:

— Не могли подождать до Рождества.

Я поджала губы.

— Сомневаюсь, что они привезли нам добрые вести, — сказал Филипп, поймав мой взгляд. — О чем рассказал лионский курьер?

— Шампье оказался предусмотрительным и оповестил друзей, куда и к кому едет. Друзья ждали его возвращения, не дождались и забили тревогу. Несколько ведьм собираются выехать на его поиски. И поедут они в наши края.

— Когда? — шепотом спросила я.

Все это было... как-то быстро.

— Снежные заносы на дорогах вынудят их задержаться. И потом, Рождество и последующие дни не лучшее время для ведьминых путешествий. Думаю, пройдет еще несколько дней. Возможно, неделя.

— А где другие посланники? — спросила я Алена.

— Отправились в деревню, искать милорда.

— Они приехали с требованием, чтобы Мэтью возвращался в Англию, — сказала я.

— В таком случае рождественские праздники — лучшее время для поездки. Дороги почти пустые, а ночи темные по причине новолуния. Идеальные условия... для *манжасанов*, но никак не для теплокровных, — своим обычным безапелляционным тоном заявил Филипп. — Лошади и места для ночлега приготовлены до самого Кале. Там уже дожидается лодка, которая переправит вас в Дувр. Я извещу Рэли и Галлогласа, чтобы готовились к вашему возвращению.

— Вы ожидали такого поворота событий, — сказала я, потрясенная перспективой отъезда. — Но я не готова. Я по-прежнему буду вызывать подозрения своей непохожестью.

— Ты вольешься в лондонскую жизнь успешнее, чем ты думаешь. Сегодня ты все утро говорила со мной на прекрасном французском и латыни. — (Я недоверчиво разинула рот.) — Это правда, — засмеялся Филипп. — Я дважды переходил на другой язык, а ты даже не замечала. — Он перестал улыбаться. — Мне самому сообщить Мэтью о приготовлениях?

— Нет. Я схожу к нему, — ответила я, касаясь руки свекра.

Мэтью я увидела сидящим на коньке крыши. В каждой руке он держал по письму. Лицо у моего мужа было хмурым. Заметив меня, он с грациозностью кошки соскочил вниз. Я вспомнила наш веселый, беззаботный разговор, когда утром провожала его в деревню. Все это показалось мне совсем далеким. Мэтью снял с заржавленной скобы свой дублет. Едва тот вновь оказался на его плечах, плотник исчез. Передо мной был принц.

— Агнес Сэмпсон призналась в пятидесяти трех случаях колдовства. — Мэтью выругался. — Шотландские власти так до сих пор и не поняли, что нагромождение обвинений делает каждое из них менее убедительным. Согласно их отчету, дьявол говорил с Сэмпсон и назвал короля Якова своим величайшим врагом. Елизавета должна прыгать от радости, что не она оказалась на первом месте.

— Ведьмы не верят в дьявола, — сказала я.

Из всех нелепых человеческих представлений о ведьмах это было самым необъяснимым.

— Представь, когда кого-то неделями постоянно запугивают, пытают, морят голодом. Да эти несчастные поверят во что угодно, едва им намекнут на прекращение подобного ада. — Мэтью запустил пальцы в волосы. — Признания Агнес Сэмпсон не заслуживают доверия, но они доказывают, что ведьмы вмешиваются в политику. О том же говорит и король Яков.

— И тем самым нарушают завет, — заметила я.

Теперь понятно, почему шотландский король так яростно преследовал эту Агнес.

— Ты права. Галлоглас хочет знать, что́ нам теперь делать.

— А как ты поступил, когда... шестнадцатый век был твоей эпохой?

— Я не пытался избавить Агнес Сэмпсон от смерти. Она получила соответствующее наказание за преступление перед королевской властью. Конгрегация не могла ее защитить, поскольку это бы означало нарушение собственных правил.

Наши глаза встретились. Во мне сейчас боролись ведьма и историк, поставленные перед невозможным выбором.

— В таком случае тебе снова придется молчать, — сказала я.

Историк во мне одержал победу.

— Мое молчание обречет ее на смерть.

— А твое выступление в ее защиту изменит прошлое с непредсказуемыми последствиями для настоящего. Пойми, Мэтью: я тоже очень не хочу, чтобы ведьмы гибли. Но если мы начнем менять ход исторических событий, куда это нас заведет?

— Значит, мне снова придется выполнять в Шотландии роль наблюдателя. Однако на этот раз мое восприятие будет иным, — нехотя признался Мэтью. — Уильям Сесил велел мне возвращаться в Англию, чтобы затем собирать для королевы сведения о шотландских событиях. И здесь, Диана, я вынужден подчиниться его приказу. У меня нет иного выбора.

— Нам так или иначе придется возвращаться в Англию. Друзья Шампье встревожены его исчезновением и собираются начать поиски. Мы можем уехать отсюда хоть завтра. Филипп заранее предусмотрел такую возможность и все подготовил для нашего путешествия.

— Узнаю своего отца, — невесело рассмеялся Мэтью.

— Жаль, что нам приходится уезжать так рано, — вздохнула я.

Мэтью прижал меня к себе:

— Если бы не ты, мои последние воспоминания об отце так и остались бы кошмаром. Я бы запомнил жалкое, истерзанное подобие прежнего Филиппа. Нужно уметь принимать сладкое, приправленное горечью.

Все оставшиеся дни Мэтью с отцом проходили через ритуал прощания. Обоим он был вполне знаком: Мэтью не в первый раз покидал родные места. И все же этот его отъезд станет поистине уникальным: в следующий раз в Сет-Тур вернется совсем другой Мэтью, ничего не знающий ни обо мне, ни о будущем Филиппа.

Ну хорошо, взрослые умели держать язык за зубами. А вот как быть с Тома и Этьеном? Не разболтают ли мальчишки нашу тайну? Когда я поделилась своими опасениями с Филиппом, он сказал:

— Жители Сен-Люсьена привыкли к обществу *манжасанов*. Мы куда-то исчезаем, затем возвращаемся. Нас ни о чем не спрашивают, мы ничего не объясняем. Так было всегда.

Тем не менее Мэтью четко рассказал отцу о своих планах. Я подслушала их утренний разговор с Филиппом в сенном сарае, где они упражнялись на мечах.

— Перед возвращением в нашу эпоху я обязательно отправлю тебе послание. А ты будь готов отправить меня в Шотландию для укрепления семейных связей с королем Яковом. Оттуда мне надлежит поехать в Амстердам. Вскоре голландцы откроют торговые пути с Востоком.

— Мэтью, я это выдержу, — тихо сказал сыну Филипп. — А пока вы в Англии, я хочу получать известия о том, как протекает твоя жизнь и жизнь Дианы.

— Галлоглас будет извещать тебя обо всех наших приключениях, — пообещал Мэтью.

— Его послания — это одно, а получать весточки от тебя — совсем другое, — произнес Филипп. — И когда я услышу твои напыщенные речи, мне будет очень трудно удержаться и не выказать своего злорадства. Ведь теперь я знаю твое будущее. Но я и с этим справлюсь.

Близился день нашего отъезда из Сет-Тура. Время затеяло с нами какую-то странную игру: сначала оно тянулось еле-еле, а затем вдруг бешено понеслось. В сочельник Мэтью отправился в церковь к мессе. Туда же пошли почти все слуги. Я осталась в замке. Филиппа я нашла в его кабинете, примыкавшем к большому залу. Как всегда, он писал письма.

Я постучалась в дверь. Это было формальностью. Филипп знал о моем намерении с того момента, как я покинула башню Мэтью. И все равно я не считала себя вправе входить к нему без стука.

— Introite, — услышала я знакомое слово.

Разрешение войти. Когда мы с Мэтью только появились в Сет-Туре, оно звучало как приказ.

— Простите, если помешала.

— Входи, Диана, — сказал Филипп, потирая глаза. — Катрин нашла мои шкатулки?

— Да. Чашку и футляр для перьев она тоже нашла.

Филипп настоял, чтобы я взяла с собой его изящный дорожный набор для письма. Каждый предмет был сделан из прочной кожи, способной выдержать снег, дождь и иные превратности пути.

— Перед отъездом я хотела вас поблагодарить, и не только за свадьбу. Вы сумели починить сломанную часть души Мэтью.

Филипп уперся ногами в пол, со скрипом отодвинув стул.

— Диана, это я должен тебя благодарить, — сказал он, внимательно глядя на меня. — Более тысячи лет наша семья пыталась починить эту сломанную часть его души. А тебе, если не ошибаюсь, хватило менее сорока дней.

— Поначалу Мэтью был совсем другим, — возразила я. — После встречи с вами он изменился. А тогда в нем ощущалась темнота, до которой мне было не добраться.

— Мэтью никогда полностью не вырвется из-под власти теней. Но чтобы его любить, тебе, наверное, нужно принять и тьму.

— «Не отвергай меня, хотя я темен и окружен тенями», — прошептала я.

— Что-то не припомню, откуда этот стих, — признался Филипп.

— Из «Aurora Consurgens» — алхимической книги, что я показывала вам в библиотеке. Когда я впервые прочла эту строчку, она сразу напомнила мне Мэтью. Вот только не понимаю почему. А хочется понять.

— Ты очень похожа на то кольцо, — вдруг сказал Филипп, постукивая пальцем по столу. — Это было еще одним хитроумным посланием Изабо.

— Она хотела сообщить вам, что одобряет наш брак, — догадалась я.

Тяжесть кольца сейчас действовала на меня успокаивающе.

— Нет. Изабо хотела сообщить мне, что одобряет тебя. Ты прочна, как и золото, из которого сделано это кольцо. Внутри тебя много тайн. Они скрыты, как скрыты строчки на внутренней стороне кольца. Но лучше всего твою суть передает камень: светлый на поверхности, огненный внутри и не поддающийся разрушению.

— Увы, я поддаюсь разрушению, — с грустью призналась я. — Да и бриллиант можно раздробить обычным молотком.

— Я видел шрамы, которые Мэтью оставил на тебе. Подозреваю, что есть и другие, не столь заметные. Если после этого ты не распалась на кусочки, не распадешься и теперь.

Филипп встал, подошел ко мне и нежно поцеловал в обе щеки. Мои глаза наполнились слезами.

— Мне надо идти. Завтра мы уедем на рассвете.

Я пошла к двери, но что-то заставило меня повернуться и порывисто обнять могучие плечи Филиппа. И как могли сломать такую глыбу?

— Что еще? — спросил смущенный Филипп.

— Филипп де Клермон, вы не будете одиноки, — убежденно прошептала я. — Обещаю, я найду способ прийти к вам во тьму и быть с вами. И когда вам покажется, что весь мир вас покинул, я буду рядом, буду держать вас за руку.

— А разве может быть иначе, когда ты уже находишься в моем сердце? — тихо спросил Филипп.

Провожающих было немного. Шеф приготовил мне в дорогу разнообразную снедь, которой набил седельные сумки Пьера. Оставшееся место Ален заполнил письмами к Галлогласу, Уолтеру и десяткам других адресатов. Глаза Катрин припухли от слез. Она хотела поехать с нами, но Филипп не разрешил.

Меня Филипп заключил в медвежьи объятия и долго не отпускал. Потом они с Мэтью немного поговорили вполголоса. Мэтью кивал.

— Я горжусь тобой, Маттаиос, — сказал Филипп, сжимая плечо сына.

Чувствовалось, ему хотелось немного продлить последние мгновения.

Когда Мэтью повернулся ко мне, его лицо выражало решимость. Он помог мне забраться в седло, после чего легко уселся на лошадь сам.

— Khaire, отец, — произнес Мэтью, глаза которого подозрительно сверкали.

— Khairete, Matthaios kai Diana[1], — ответил Филипп.

Мэтью не обернулся и не взглянул в последний раз на отца. Его спина оставалась прямой. Глаза были устремлены на дорогу. Он смотрел в будущее, а не в прошлое.

Я все-таки обернулась и увидела фигуру всадника. Филипп скакал по верху соседней гряды, желая сопровождать сына, пока это возможно.

— До свидания, Филипп, — прошептала я, надеясь, что ветер донесет ему мои слова.

---

[1] — Счастливо.
— И вам счастливо, Маттаиос и Диана *(греч.)*.

Глава 14

— Изабо, что-то случилось?

— Ровным счетом ничего.

Меж тем Изабо варварски трясла драгоценную старинную книгу, нещадно изгибая при этом ее корешок.

Эмили Метер не поверила словам вампирши. Библиотека находилась в состоянии полнейшего хаоса. Если остальные помещения замка содержались в идеальном порядке, библиотека выглядела так, словно здесь пронесся торнадо. Книги валялись повсюду. Кто-то сбросил их с полок и расшвырял во все стороны.

— Это должно быть здесь. Он бы знал, что дети вместе.

Изабо не глядя швырнула инкунабулу на пол и взялась за другую. Для Эмили, с ее душой библиотекаря, смотреть на такое было равнозначно пытке.

— Я так и не понимаю, что́ ты ищешь?

Эмили подняла с пола книгу и осторожно закрыла растрепанные страницы.

— Мэтью с Дианой отправились в тысяча пятьсот девяностый год. Я тогда была не дома, а в Трире. Филипп не мог не знать о новой жене Мэтью. И где-то он оставил мне послание.

У Изабо были длинные, доходящие до талии волосы. Сейчас и они находились в растрепанном состоянии. Схватив прядь, вампирша принялась нетерпеливо ее крутить. Осмотрев корешок и страницы своей последней жертвы, она острым ногтем поддела форзацный лист. Ничего не обнаружив и под ним, Изабо зарычала от досады.

— Но ведь это книги, а не письма, — осторожно заметила Эмили.

Она лишь недавно познакомилась с Изабо, но зато Эмили была хорошо знакома с жуткими легендами, окружавшими мать

Мэтью и ее деяния в Трире и других местах. Предводительница семейства де Клермон отнюдь не питала дружеских чувств к ведьмам, и хотя Диана доверяла Изабо, Эмили не спешила этого делать.

— Я не ищу писем. Мы оставляли друг другу записочки, помещая их между страницами книг и внутри их корешков. Когда Филиппа не стало, я перешерстила в библиотеке каждую книгу. Для меня эти записочки были как частички его самого. Должно быть, я что-то упустила.

— Возможно, послания нужно искать не здесь. Или тогда их... еще не существовало, — донесся из сумрака двери сухой женский голос.

Рыжие волосы Сары Бишоп по степени растрепанности вполне могли соперничать с волосами Изабо, а лицо было бледным от волнений и недосыпания.

— Когда Марта увидит этот развал, с ней случится припадок. Хорошо, что здесь нет Дианы. Она бы вогнала тебя в зевоту длинной лекцией об особенностях хранения старинных книг.

Табита, которая сопровождала ведьму всюду, проскочила у Сары между ног.

— Что ты хочешь этим сказать, Сара? — удивилась Изабо, поскольку теперь настал ее черед удивляться.

— Время — штука хитрая. Даже если все пошло по плану и Диана с Мэтью переместились в первое ноября тысяча пятьсот девяностого года, пока еще слишком рано искать послания от твоего мужа. А прежде ты и не могла найти его записки, поскольку Филипп тогда не был знаком с моей племянницей... По-моему, Табита закусывает какой-то книгой.

Табите в замке очень нравилось. Здесь в изобилии водились мыши и хватало темных углов, где можно было спрятаться. Освоившись, кошка стала забираться на портьеры и вспрыгивать на мебель. Вот и сейчас, устроившись на одной из полок, Табита грызла уголок кожаного переплета.

— Kakó gati![1] — крикнула Изабо, бросаясь к полкам. — Это же одна из любимых книг Дианы!

Табита, которая никогда не избегала столкновений с другими хищниками, исключая Мириам, столкнула книгу с полки и спрыг-

[1] Дрянная кошка! *(греч.)*

нула сама и застыла над добычей, словно львица, стерегущая лакомый кусок мяса.

— Да это же один из алхимических трактатов с иллюстрациями, — сказала Сара, отобрала у Табиты книгу, перелистала страницы, затем принюхалась. — Неудивительно, что Табита решила пожевать переплет. Он пахнет кожей и мятой, совсем как ее любимая игрушка.

На пол упал квадратик бумаги, сложенной в несколько слоев. Лишившаяся книги, Табита зажала новую добычу острыми зубами и бочком направилась к двери. Но Изабо ее опередила. Схватив Табиту за загривок, вампирша вытащила квадратик из кошачьей пасти, а затем поцеловала оторопевшую кошку в нос.

— Умная киса. Будет тебе на ужин большая рыбина.

— Так ты это искала? — удивилась Эмили.

По ее мнению, жалкий клочок бумаги не стоил того, чтобы перевернуть вверх дном всю библиотеку.

Ответом ей были действия Изабо. Она осторожно развернула находку, оказавшуюся пятидюймовым квадратом плотной бумаги, покрытой с обеих сторон маленькими значками.

— Написано каким-то шифром, — заявила Сара.

У нее на шее болтался шнурок с очками в полосатой оправе. Сара торопливо водрузила очки на нос.

— Это не шифр, а греческий язык, — пояснила Изабо, дрожащими руками расправляя бумагу.

— И что там написано? — спросила Сара.

— Сара! — с упреком воскликнула Эмили. — Это же частная переписка.

— Послание Филиппа. Он их видел, — выдохнула Изабо.

Глаза вампирши забегали по строчкам. Одна рука потянулась ко рту. Изабо испытывала облегчение и до сих пор не верила, что поиски увенчались успехом.

Сара терпеливо ждала, когда вампирша закончит чтение. Оно длилось целых две минуты. Будь на месте Изабо кто-нибудь другой, Сариного терпения хватило бы от силы секунд на тридцать.

— Ну так что там написано?

— Праздники они встретили вместе с ним. «Рождественским утром я простился с твоим сыном. Наконец-то он счастлив, связав судьбу с женщиной, которая идет по стопам богини и достойна его любви», — вслух прочла Изабо.

— А ты уверена, что Филипп пишет о Мэтью и Диане? — спросила Эмили.

Тон письма показался ей непривычно официальным и туманным для общения между мужем и женой.

— Да. Мэтью всегда вызывал у нас беспокойство, хотя с его братьями и сестрами случались куда более опасные приключения. Моим единственным желанием было видеть Мэтью счастливым.

— Слова о женщине, «которая идет по стопам богини», вполне ясно намекают на Диану, — согласилась Сара. — Скорее всего, твой муж не мог написать ее имя и упомянуть, что Диана — ведьма. Вдруг его записку нашел бы кто-нибудь другой?

— А вот что он пишет дальше, — продолжала Изабо. — «Свет мой, судьба и по сей день не перестает меня удивлять. Боюсь, всех нас ждут трудные времена. Я буду делать все, что в моих силах, в течение времени, остающегося у меня, чтобы обеспечить твое благополучие и благополучие наших детей и внуков; тех, которыми мы уже благословлены, а также еще не рожденных».

Сара вполголоса выругалась:

— Он так и написал «нерожденных»? Правильнее было бы «несотворенных».

— Да, так и написал, — шепотом ответила Изабо. — Филипп всегда очень точно выбирал слова.

— Значит, он пытался нам что-то рассказать о Диане и Мэтью, — сказала Сара.

Изабо опустилась на диван:

— Когда-то, в невообразимо далекие времена, ходили слухи о неких существах, отличающихся от нас. Они были бессмертными и обладали могуществом. Перед тем как завет впервые был подписан, поговаривали о ведьме, родившей ребенка, который ронял кровавые слезы, как вампир. Всякий раз, когда этот ребенок плакал, с моря дули яростные ветры.

— Впервые об этом слышу, — морща лоб, заявила Эмили.

— Эту историю отвергли, посчитав мифом. Кто-то утверждал, что ее намеренно сочинили, чтобы посеять страх между нашими породами. Сейчас лишь очень немногие из нас помнят эту историю, и еще меньше тех, кто считает подобное возможным. — Изабо положила записку на колени. — Но Филипп знал: это правда, поскольку сам держал того ребенка на руках и видел природу младенца.

— И что же это был за ребенок? — спросила ошеломленная Сара.

— Мальчик. *Манжасан*, рожденный ведьмой. Бедное дитя голодало. Семья ведьмы забрала у нее сына. Они отказывались давать ему кровь, заставляя пить молоко. Они думали, что спасают его и он не станет одним из нас.

— Мэтью, конечно же, знает эту историю, — решила Эмили. — Ты ему рассказала если и не ради Дианы, то ради его исследований.

— Я была не вправе ему это рассказывать, — покачала головой Изабо.

— Черт бы подрал вас с вашими тайнами! — не выдержала Сара.

— А что, у вас тайн не существует?! — воскликнула Изабо. — Неужели ты считаешь, что ведьмы уровня Сату и Питера Нокса ничего не знают о том ребенке-*манжасане* и его матери?

— Нашли время переругиваться! — резко сказала им Эмили. — Если история правдива и существа нечеловеческой природы о ней знают, Диане грозит серьезная опасность. Софи тоже.

— Софи — демоница, родившаяся в семье ведьмы и ведьмака, — пояснила Сара.

Ей вспомнилась молодая пара, неожиданно появившаяся у них в Мэдисоне накануне Хеллоуина. Никто не знал, как двое демонов относятся к этой загадке.

— Муж Софи тоже демон, но у них родится дочь-ведьма. Они с Натаниэлем — еще одно доказательство нашего незнания. Мы же действительно не понимаем, как демоны, ведьмы и вампиры передают свои особенности рождающимся у них детям, — обеспокоенно сказала Эмили.

— Софи и Натаниэль не единственные, кому нужно держаться подальше от Конгрегации. Хорошо, что Мэтью и Диана сейчас находятся в тысяча пятьсот девяностом году, а не здесь, — мрачно заключила Сара.

— Но чем дольше они пробудут в прошлом, тем больше вероятность, что их путешествие изменит настоящее, — заметила Эмили. — Рано или поздно Диана и Мэтью выдадут себя.

— Что значит «выдадут себя»? — спросила Изабо.

— Времени придется подстраиваться под перемены. Но не в духе романов или фильмов, где то война не началась, то изме-

нились результаты президентских выборов. Перемены будут состоять из мелочей, появляющихся то тут, то там. Записка Филиппа — лучший тому пример.

— Аномалии, — пробормотала Изабо. — Филипп всегда искал свидетельства аномалий в мире. Потому я до сих пор читаю газеты. Мы с ним привыкли просматривать их по утрам. — Она прикрыла глаза, нырнув в воспоминания. — Он читал не только об аномалиях. Филипп любил спортивный раздел. Всегда читал материалы об образовании. Его очень волновало, чему будут учить детей в будущем. Он учредил общества по изучению греческого языка и философии и поощрял создание учебных заведений для женщин. Мне это всегда казалось странным.

— Он искал Диану, — с уверенностью ясновидящей заявила Эмили.

— Возможно. Однажды я спросила Филиппа, почему его так волнуют текущие события и что он рассчитывает найти в газетах. Он ответил: «Когда увижу — сразу пойму». — Изабо печально улыбнулась. — Он любил тайны и говорил: будь такая возможность, он бы стал детективом наподобие Шерлока Холмса.

— Нужно сделать так, чтобы мы замечали эти маленькие аномалии раньше Конгрегации, — сказала Сара.

— Я расскажу Маркусу, — кивнула ей Изабо.

— Тебе нужно было бы и Мэтью рассказать про того ребенка. — Как ни старалась Сара, в ее голосе звучал упрек.

— Мой сын любит Диану. Если бы он узнал о ребенке, то скорее отказался бы от нее, чем подвергнул ее — и младенца — опасности.

— Бишопов не так-то легко испугать, — возразила Сара. — Если Диана захотела твоего сына в мужья, она бы все равно нашла способ добиться желаемого.

— Диана захотела Мэтью в мужья, и теперь они вместе, — напомнила ей Эмили. — Но о том ребенке должен знать не только Маркус. Нужно рассказать Софи и Натаниэлю.

Сара и Эмили вышли из библиотеки. Они разместились подальше от Изабо, в комнате, когда-то принадлежавшей Луизе де Клермон. Сара утверждала, что там иногда немного пахнет Дианой.

Оставшись одна, Изабо поставила разбросанные книги на полки. Когда библиотека вновь приобрела опрятный вид, она верну-

лась на диван и взяла послание от мужа. Заключительные строчки касались только ее, и она утаила их от ведьм. Сейчас Изабо их перечитывала.

Но довольно этих мрачных тем. Ты должна следить за своей безопасностью, чтобы потом вместе с ними насладиться будущим. Прошло два дня с тех пор, как я напомнил тебе, что ты держишь мое сердце. Жаль, что я не могу это делать каждое мгновение, чтобы ты помнила о моей любви и помнила имя того, кто будет вечно тебя боготворить. Филипос.

В последние дни жизни Филиппа бывали моменты, когда он не мог вспомнить собственное имя, не говоря уже о ее имени.

— Спасибо, Диана, — прошептала Изабо в ночную тьму. — Ты вернула мне его.

Через несколько часов Сару разбудили странные звуки, доносящиеся сверху. Они напоминали музыку и в то же время были чем-то бóльшим, чем музыка. Выбравшись из комнаты, Сара увидела в коридоре Марту. Та стояла, завернувшись в старый ворсистый купальный халат с лягушкой, вышитой на кармане. Лицо домоправительницы было одновременно радостным и печальным.

— Что это? — спросила Сара, поднимая глаза к потолку.

Никакой человеческий голос не мог произвести столь прекрасный, насыщенный звук. Должно быть, это ангел, опустившийся на крышу замка.

— Изабо снова поет, — ответила Марта. — С тех пор как не стало Филиппа, она пела всего один раз: когда твоя племянница попала в беду и не могла самостоятельно вернуться в наш мир.

— Ты не боишься за ее состояние?

В каждой ноте было столько горя и ощущения потери, что у Сары сжалось сердце. Никакими словами она бы не смогла описать эти неземные звуки.

Марта покачала головой:

— Пение — это хороший знак. Похоже, затяжная скорбь Изабо все-таки подходит к концу. Только тогда она снова начнет по-настоящему жить.

Вампирша и ведьма продолжали слушать, пока не отзвучали и не стихли последние ноты песни Изабо.

ЧАСТЬ III

ЛОНДОН. БЛЭКФРАЙЕРС

Глава 15

— Похоже на большого сумасшедшего ежа, — сказала я.

Панорама Лондона состояла из игольчатых шпилей, окруженных невысокими домами.

— А это что? — в изумлении спросила я, указывая на внушительное каменное сооружение с рядом высоких окон.

Крыша у здания была деревянной. Над ней торчало что-то вроде большого обгорелого пня, искажавшего пропорции строения.

— Собор Святого Павла, — пояснил Мэтью.

Нет, это не был шедевр Кристофера Рена с изящным белым куполом. Когда-то его видели издали, но в современном мне Лондоне собор оказался загороженным высокими офисными зданиями. Сейчас я видела прежний собор Святого Павла, возведенный на самом высоком лондонском холме и видимый отовсюду.

— У него был шпиль, в который ударила молния. Деревянная крыша сразу вспыхнула. Англичане считают чудом, что собор уцелел и не сгорел дотла, — продолжал свои пояснения Мэтью.

— А французы, естественно, сочли Божьим промыслом именно удар молнии, — добавил от себя Галлоглас.

Он встретил нас в Дувре, затем реквизировал лодку в Саутварке, и мы поплыли вверх по Темзе.

— Бог умеет показать характер. Вот только денег на устранение последствий забывает подкинуть.

— И королева тоже не торопится раскошеливаться, — заметил Мэтью.

Он разглядывал причалы и верфи. Правая рука лежала на эфесе меча.

Я и представить себе не могла, что прежний собор Святого Павла окажется таким внушительным. Я ущипнула себя за руку. Этим самоистязанием я занималась с того момента, как увидела

Тауэр (без окружающих его небоскребов он выглядел просто громадиной) и Лондонский мост (тот представлял собой скопище лавок над Темзой). Когда мы переместились в прошлое, его краски и звуки не раз восхищали и изумляли меня, но панорама Лондона заворожила с первых мгновений.

— Ты уверен, что не хочешь сначала заглянуть во дворец?

Пока мы плыли, Галлоглас нам все уши прожужжал, превознося мудрость такого шага.

— Мы отправляемся в Блэкфрайерс, — твердо ответил Мэтью. — Остальное подождет.

Его ответ не убедил Галлогласа, но он послушно продолжал грести, пока мы не достигли западной границы старого города, обнесенного стенами. Там мы остановились возле причала, от которого вверх тянулась крутая каменная лестница. Ее нижние ступени скрывались под водой. Я оглядела стены. Судя по всему, во время прилива Темза затопляла всю лестницу. Галлоглас бросил веревку какому-то коренастому, мускулистому человеку. Тот с жаром принялся его благодарить за то, что лодка вернулась в целости и сохранности. Оказывается, это был владелец реквизированной лодки.

— Галлоглас, смотрю, вам нравится путешествовать исключительно в чужих лодках. Может, Мэтью на Рождество сделает вам подарок и у вас появится своя, — сухо пошутила я.

Наше возвращение в Англию — и старый календарь — означало, что Рождество мы отпразднуем дважды.

— И я лишусь одного из немногих своих развлечений? — блеснул зубами Галлоглас.

Он поблагодарил владельца лодки, добавив к словам монету, величина и вес которой сразу изменили настроение бедняги. Беспокойство сменилось радостью от неожиданного заработка.

Миновав арку причала, мы вышли на Уотер-лейн: узкую кривую улочку, плотно застроенную домами и лавками. Здесь каждый последующий этаж выступал над предыдущим, отчего дом напоминал комод с выдвинутыми верхними ящиками. Впечатление усиливалось за счет белья, ковров и других предметов, свешивающихся из окон. Все стремились воспользоваться сухой и ясной погодой, чтобы проветрить жилища и пожитки.

Мэтью шел слева, крепко держа меня за руку. Галлоглас шагал справа. Я впитывала лондонские краски и звуки. В одежде преоб-

ладали сочные красные, зеленые, коричневые и серые оттенки. Люди не неслись, как в знакомом мне Лондоне, а шли неторопливо, покачивая плечами и бедрами. Проезжающие повозки заставляли их прижиматься к стенам домов. Многие мужчины были при оружии, задевая ножнами женские подолы и полы плащей. Такую же сумятицу производили разносчики. Стучали молотки, ржали лошади, вдалеке мычала корова, слышался скрежет металла о камень. И каждый звук требовал, чтобы я слушала только его. А глаза разбегались от обилия вывесок с изображением ангелов, черепов, рабочих инструментов, ярко раскрашенных человечков и мифологических фигур. По большей части они были нарисованы на досках, а доски крепились на ржавых цепях. Ветер, дувший с реки, раскачивал вывески, заставляя цепи жалобно скрипеть.

Вывеска, возле которой мы остановились, тоже была нарисована на доске и за счет скоб держалась на железном штыре, раскачиваясь взад-вперед. На вывеске был изображен белый олень с изящными рогами. Рога венчал золотой обруч.

— Ну вот и пришли, — сказал Мэтью. — Место это называется «Олень и корона».

Как и большинство зданий на улице, «Олень и корона» было наполовину деревянным. Ряд окон первого этажа посередине прерывался каменной аркой. За ней скрывался проход. В окне, что находилось слева от арки, виднелась фигура сапожника, поглощенного работой. В правом окне какая-то женщина успевала следить за несколькими детьми, разговаривать с заказчиками и делать пометки в большой расходной книге. Заметив Мэтью, она торопливо кивнула.

— Жена Роберта Холи. Управляет железной рукой и подмастерьями мужа, и заказчиками. В «Олене и короне» ничто не происходит без ведома Маргарет, — пояснил Мэтью.

Я завязала мысленный узелок, решив при первой же возможности подружиться с этой женщиной.

Проход заканчивался внутренним двором. Для столь скученного города, как Лондон, это было роскошью. Двор мог похвастаться еще одним редким удобством: собственным колодцем, снабжавшим чистой водой всех, кто обитал в «Олене и короне». В южном углу кто-то не поленился убрать старые булыжники и устроить небольшой сад. Его аккуратные пустые клумбы терпе-

ливо дожидались весны. Из сарая, оказавшегося прачечной, вышли несколько прачек, неся белье. Невдалеке помещалось общее отхожее место.

Покои Мэтью находились на втором этаже, куда вела изогнутая лестница. Там, на широкой площадке, нас ожидала Франсуаза. Она распахнула массивную дверь. Первым, что я увидела, был посудный шкаф с дырчатыми стенками. К одной из ручек был подвешен ощипанный гусь со свернутой шеей.

— Ну наконец-то! — произнес Генри Перси, улыбаясь во весь рот. — Мы уже который час дожидаемся вашего появления. Моя добрая матушка послала вам гуся. До нее дошли слухи, что в Лондоне сейчас не достать ни кур, ни гусей. Словом, она побеспокоилась о вашем пропитании.

— Рад видеть тебя, Хэл, — улыбнулся Мэтью и качнул головой в сторону гуся. — Как поживает твоя мать?

— Благодарю, неплохо. Под Рождество она становится куда сварливее. Мои близкие под разными предлогами покинули Лондон. Я вынужден задержаться по повелению королевы. Ее величество кричала на всю присмную, чтобы я не смел ездить даже в П-п-петуорт.

Вспомнив о неприятном разговоре, Генри стал заикаться.

— Зато мы будем несказанно рады, если вы проведете Рождество с нами, — сказала я.

Я сняла плащ и вошла внутрь, где пахло специями и свежесрезанными еловыми ветками.

— Диана, спасибо вам за любезное приглашение, но в городе остались Элеонора и Джордж — мои сестра и брат. Было бы жестоко вынуждать их одних выдерживать потоки материнского недовольства.

— Проведи с нами хотя бы этот вечер, — настоятельно попросил Мэтью, уводя Генри в правый угол, где весело потрескивали дрова в очаге, распространяя приятное тепло. — Расскажешь о том, что случилось за наше отсутствие.

— Все тихо и спокойно, — бодро доложил Генри.

Тихо и спокойно? — сердито переспросил вошедший Галлоглас. Он холодно поглядел на графа. — Марло застрял в «Шапке кардинала». Напивается как сапожник и сбывает свои стишки обедневшему писцу из Стратфорда. Тот хвостом ходит за Китом,

надеясь сделаться драматургом. Пока что сей Шекспир преуспел в умении подделывать твою подпись, Мэтью. Из записки хозяина постоялого двора явствует, что на прошлой неделе ты обещал оплатить проживание Кита, а также все, что он съел и выпил.

— Я ушел от них всего час назад, — возразил Генри. — Кит знал, что Мэтью с Дианой должны сегодня вернуться. Они с Уиллом обещали вести себя образцово.

— Тогда понятно, — саркастически произнес Галлоглас.

— Генри, это вы постарались? — спросила я, заглядывая в гостиную.

Стены вокруг окон и камина были украшены остролистом, плющом и еловыми ветками. Еловые ветки зеленели и в центре дубового стола. Камин был набит поленьями, и там весело потрескивало пламя.

— Мы с Франсуазой хотели сделать ваше первое Рождество как можно праздничнее, — густо покраснев, ответил Генри.

«Олень и корона» представлял собой классическое городское жилье конца XVI века. В гостиной, невзирая на ее внушительные размеры, было вполне уютно. Окно западной стены выходило на Уотер-лейн. Большое окно с решетчатым переплетом, в который были вставлены прямоугольнички стекла, великолепно позволяло наблюдать за улицей и прохожими. Для этой цели к нижней части окна был пристроен мягкий диванчик. Деревянная обшивка стен помогала сохранять тепло. Каждая панель была украшена резными изображениями переплетающихся цветов и ветвей.

Мебели было немного, но вся она отличалась добротностью. Возле камина я увидела скамью со спинкой и два глубоких кресла. Дубовый стол в центре был необычно узким — менее трех футов, — зато весьма длинным. Его ножки украшали лица кариатид и стилизованные изображения Гермеса. Над столом висела довольно громоздкая свечная люстра. Система веревок и блоков позволяла ее опускать и поднимать. В гостиной тоже был посудный шкаф, размерами своими превосходивший кухонный. По его верху тянулась панель с оскаленными львиными головами. Внутри стояли всевозможные кувшины, графины, чаши и кубки. Тарелок было совсем немного, что меня не удивило. Зачем они нужны в жилище вампира?

Пока к обеду жарился гусь, Мэтью показал мне нашу спальню и свой кабинет. Они находились напротив двери гостиной. Фронтонные окна обоих помещений выходили во двор, давая достаточно света. Не знаю почему, но дышалось здесь легче, чем в гостиной. Из мебели в спальне было всего три предмета: кровать с резным изголовьем, окруженная тяжелым балдахином на четырех столбах, высокий бельевой шкаф с филенчатыми стенками и дверцей и длинный низкий сундук под окнами. Сундук был заперт на замок. Мэтью объяснил, что там лежат его доспехи и кое-какое оружие. Генри с Франсуазой не забыли и про спальню. Столбы балдахина обвивал плющ, а к изголовью они прикрепили ветки остролиста.

Если спальня выглядела местом, где Мэтью бывал редко, кабинет свидетельствовал об обратном. Корзинки с бумагой, мешочки и кружки, полные перьев, чернильницы, запасы воска, которых хватило бы на несколько дюжин свечей, мотки бечевки. И еще — груды писем, ждущие, когда Мэтью их откроет и прочтет. От обилия корреспонденции мне стало не по себе. Возле раздвижного стола стояло удобное кресло с наклонной спинкой и изогнутыми подлокотниками. За исключением тяжелых ножек стола, покрытых вычурной резьбой, все остальное убранство кабинета было простым и практичным.

Груды писем, заставившие меня побледнеть, не произвели на Мэтью никакого впечатления.

— Все это обождет. Накануне Рождества даже шпионы отдыхают, — сказал он мне.

За обедом мы больше говорили о последних успехах Уолтера и о пугающем состоянии лондонских улиц, по которым безостановочно громыхают телеги и кареты. Говорить о недавнем запое Кита и пронырливом Уильяме Шекспире мы благоразумно избегали. Когда гусь был съеден, Мэтью отодвинул от стены ломберный столик. Приподняв крышку, он извлек колоду карт и стал учить меня азартным играм Елизаветинской эпохи. Генри уговорил Мэтью и Галлогласа сыграть в «огнедышащего дракона». Игра была довольно опасной. В плоское блюдо наливали бренди и насыпали изюм. Затем бренди поджигали. Игроки должны были вылавливать из синего пламени горячие изюмины и проглатывать их, рискуя обжечь пальцы и горло. Предварительно они бились об заклад: кто сумеет вытащить и съесть больше изюмин.

К счастью, игре было не суждено начаться. С улицы донеслись голоса распевающих рождественские песни. Голоса звучали вразнобой. Не все знали слова песен и придумывали свои: в основном это были скандальные подробности из личной жизни Иосифа и Марии.

— Прошу, милорд, — сказал Пьер, бросая Мэтью мешочек с монетами.

— У нас есть лепешки? — спросил мой муж у Франсуазы.

Служанка посмотрела на него так, будто он рехнулся:

— Конечно же есть. Они в новом шкафу, на кухне. Там их запах никого не раздражает, — сказала Франсуаза, махнув рукой в направлении кухни. — В прошлом году вы одаривали их вином, но я сомневаюсь, что они и в этом осмелятся потребовать у вас вина.

— Мэтт, я пойду с тобой, — вызвался Генри. — Люблю в сочельник послушать хорошую песенку.

Увидев спустившихся Мэтью и Генри, певцы запели громче. Когда они с грехом пополам добрались до конца песни, Мэтью поблагодарил их и роздал деньги. Генри раздавал лепешки. Певцы усиленно кланялись и бормотали: «Премного благодарны, милорд». Кое-кто узнал в Генри графа Нортумберлендского. Затем ватага двинулась дальше. Порядок их перемещения от дома к дому оставался для меня загадкой. Вероятно, ими двигала интуиция, подсказывающая, в каких домах им заплатят побольше и получше угостят.

Вскоре я уже откровенно зевала. Генри и Галлоглас потянулись к своим плащам и перчаткам. Оба улыбались, как довольные сваты. Я быстро разделась и легла. Мэтью тоже лег. Он держал меня в объятиях, дожидаясь, пока я не засну. Я погружалась в сладостную дрему. Мэтью тихо напевал рождественские песни и называл мне голоса многочисленных городских колоколов, звон которых разливался над Лондоном.

— Это звонят колокола церкви Сент-Мэри-ле-Боу, — сказал он, вслушиваясь в звуки, доносящиеся из темноты. — А вот эти — другой церкви: Сент-Кэтрин-Кри.

— А сейчас звонит колокол собора Святого Павла? — спросила я, услышав сильный, чистый тон.

— Нет. Молния, уничтожившая шпиль, повредила и колокола. Это звонят в Саутваркском соборе. Мы проплывали мимо него по пути сюда.

Остальные лондонские церкви пытались вторить Саутваркскому собору. Наконец где-то, запоздало и нестройно, ударил последний колокол. Через мгновение я провалилась в сон.

Посреди ночи меня разбудили голоса, доносившиеся из кабинета Мэтью. Я обнаружила, что лежу одна. Я стала выбираться из постели. Кожаные ремни, удерживавшие матрас, отчаянно скрипели. Я спрыгнула на холодный пол и выскользнула из спальни, накинув на плечи шаль.

Судя по лужицам воска в подсвечниках, Мэтью провел в кабинете не один час. У ниши, занятой книжными полками, стоял Пьер. Вид у слуги был такой, словно его в час отлива протащили по мелководью Темзы.

— Вместе с Галлогласом и его друзьями-ирландцами мы обошли весь город, — бормотал Пьер. — Если шотландцы что-то и знают об этом учителе, они будут держать язык за зубами. Уж поверьте мне, милорд.

— Какой еще учитель? — спросила я, входя в кабинет.

Только сейчас я заметила узкую дверь, скрытую между деревянными панелями.

— Прошу прощения, мадам. Я вовсе не хотел будить вас.

Пьеру было стыдно, что он предстал передо мной в таком виде: весь в грязи, к тому же от него пахло сточной канавой. У меня даже глаза защипало.

— Ничего страшного, Пьер. Можешь идти. Я тебя потом разыщу.

Мэтью подождал, пока слуга не уйдет, поскрипывая сапогами. Он перевел взгляд туда, где темнел погасший камин.

— Когда ты показывал мне комнаты, та, что за дверцей, почему-то выпала из твоей экскурсии, — сказала я, вставая рядом с мужем. — Что-то случилось?

— Новые известия из Шотландии. Суд присяжных приговорил к смерти колдуна Джона Фиана — школьного учителя из Престонпанса. Пока я отсутствовал, Галлоглас пытался выяснить, что́ на самом деле скрывается за чудовищными обвинениями, если они вообще не возникли на пустом месте. А обвинения действительно чудовищные: поклонение сатане, расчленение покойников на кладбище, превращение кротовых лап в куски серебра, чтобы не испытывать недостатка в средствах. Но это еще не все. По утверждению судей, Фиан якобы выходил на корабле в море,

сопровождаемый дьяволом и Агнес Сэмпсон. Там они втроем колдовали, желая помешать политике короля Якова. — Мэтью бросил на стол лист, который держал в руках. — Насколько я могу судить, Фиан — один из тех, кого прежде называли *темпестариями*[1], и не более того.

— Воздушный или, возможно, водяной колдун, — сказала я, догадавшись о значении незнакомого слова.

— Да, — отрывисто кивнул Мэтью. — Жалованье учителя невелико. Фиан прирабатывал, вызывая дожди в засушливые месяцы и раннюю оттепель, когда казалось, что зима обосновалась в Шотландии навеки. Судя по собранным сведениям, односельчане его просто боготворили. Даже ученики Фиана говорили о нем только похвальные слова. Возможно, Фиан отчасти наделен даром ясновидения. Он предсказывал смерти. Но это уже попахивает сочинительством Кита. Марло любит приукрашивать действительность на потребу английских зрителей. Ты и сама видела, как нашего парня зациклило на ясновидении, которым обладают ведьмы.

— Людское отношение вообще непостоянно, а к ведьмам и колдунам — в особенности. Здесь мы совершенно беззащитны. То к нам обращаются за помощью и считают лучшими друзьями. То вдруг мы становимся причиной всех бед. В лучшем случае нас выгоняют. Что бывает в худшем... знаешь сам.

— У Фиана все пошло по худшему сценарию, — мрачно произнес Мэтью.

— Могу представить.

Меня передернуло. Если к Фиану применили те же пытки, что и к Агнес Сэмпсон, он наверняка сам призывал смерть.

— Мэтью, а что у тебя в той комнате за дверцей?

Я думала, он уклонится от ответа, скажет что-нибудь о тайнах, которые пока не может мне открыть. К счастью, Мэтью не двинулся по прежней дорожке.

— Напрасно я тебе сразу не показал ее. А теперь придется вести тебя туда за руку. Сейчас еще темно. Я не рискую брать туда свечу, чтобы снаружи не увидели. Идем вместе, иначе ты можешь обо что-нибудь споткнуться.

---

[1] *Темпестарии* — средневековые заклинатели стихий и бурь.

Переступив порог, мы оказались в довольно большой комнате со множеством окошек, которые были чуть шире бойниц. Снаружи их прикрывал карниз, делая почти незаметными. Через какое-то время глаза привыкли к темноте, и я начала различать очертания предметов. Первыми я увидела пару старых садовых стульев из лозы. Они стояли друг против друга, а их спинки почему-то выгибались вперед. Посередине комнаты в два ряда тянулись низкие обшарпанные скамейки. Сиденье каждой было загромождено странным набором предметов: книгами, бумагами, письмами, шляпами и одеждой. Справа от меня тускло поблескивал металл: мечи, воткнутые острием в пол. Рядом с ними лежала целая коллекция кинжалов. В темноте что-то скреблось и шуршало.

— Крысы, — будничным тоном пояснил Мэтью, но я инстинктивно плотнее закуталась в ночную рубашку. — Мы с Пьером нещадно боремся с ними, но полностью избавиться от них невозможно. Крысы сами не свои до бумаг, а бумаг тут предостаточно.

Он махнул рукой в сторону ближайшей стены, и я только сейчас заметила, что она обвешана гирляндами.

Я подошла ближе, чтобы лучше рассмотреть диковинные гирлянды. Каждая висела на тонкой крученой веревке, прикрепленной к штукатурке гвоздем с квадратной шляпкой. На веревку были нанизаны какие-то документы. Все они располагались единообразно: веревка проходила через левый верхний угол каждого. Не достигая пола, веревка загибалась и дальше тянулась вверх. Второй ее конец крепился к тому же гвоздю. Получалась даже не гирлянда, а подобие венка.

— Перед тобой одна из первых в мире картотек. Ты говоришь, что я храню слишком много секретов. — Мэтью встал на цыпочки, поправляя одну из гирлянд. — Можешь добавить эти к общему числу.

— Но здесь же тысячи карточек.

Даже вампир, проживший полтора тысячелетия, не мог собрать все это сам.

— Ты права. — Мэтью смотрел, как я разглядываю диковинный архив, хранителем которого он был. — Мы помним то, о чем другие стремятся забыть. Потому орден Лазаря и может защищать своих подопечных. Часть здешних секретов нисходит ко временам

правления бабушки нынешней королевы. Однако самые древние материалы перемещены в Сет-Тур. Там более надежные условия для их хранения.

— Какое множество бумажных троп, и все они в конечном счете ведут к тебе и семейству де Клермон.

Комната начала тускнеть. Теперь я видела лишь петли и завитки слов, образующих длинные перекрещивающиеся нити. Они составляли нечто вроде «карты связей», объединяющей предметы, людей, даты. Мне было необходимо разобраться в строении этой паутины...

— Я отправился сюда, как только ты заснула. Искал упоминания о Фиане. Я думал, что найду хотя бы несколько слов о нем, — сказал Мэтью, уводя меня в кабинет. — Хоть какое-то объяснение, почему вдруг соседи ополчились на него. Поведение людей строится на определенном шаблоне. Вот я и хочу докопаться до причин, заставляющих их снова и снова подчиняться этому шаблону.

— Если найдешь, мои коллеги-историки будут вне себя от радости. Но понимание особенностей, связанных с делом Фиана, не гарантирует, что ты сумеешь отвести аналогичную беду от меня. — (У Мэтью на подбородке задергалась жилка; мои слова попали в цель.) — Сомневаюсь, что раньше подобные темы тебя слишком волновали.

— Но я уже не тот, кто равнодушно закрывает глаза на страдания ведьм и демонов, выгораживая только своих. Я не хочу возвращаться на прежнюю стезю. — Мэтью тяжело плюхнулся в кресло. — Должно же быть что-то, что мне по силам.

Я подошла к нему, обняла. Мэтью был настолько рослым, что даже в сидячем положении его голова упиралась мне в грудь. Мэтью уткнулся в меня, замер, потом медленно отстранился, вперившись глазами в мой живот.

— Диана... Ты...

— Беременна. У меня возникали такие мысли, — спокойно сказала я. — После убийства Жюльет произошел сбой моих месячных. Поэтому полной уверенности у меня не было. На пути из Кале в Дувр меня тошнило, но на море была сильная качка. Рыба, которую я съела накануне, почуяла родную стихию и поспешила покинуть мой желудок.

Шутки не получилось. Мэтью все так же пристально смотрел на мой живот. Это вызвало у меня новый всплеск нервозной болтовни.

— Права была преподавательница здорового образа жизни. Она предрекала, что мой первый сексуальный контакт с парнем закончится беременностью.

Я проделала расчеты и пришла к выводу, что зачатие могло наступить в первые же дни после свадьбы.

Мэтью по-прежнему молчал.

— Мэтью, ну скажи хоть что-нибудь!

— Это просто невозможно.

Вид у моего мужа был ошарашенный.

— Все, что касается нас, невозможно. — Дрожащей рукой я дотронулась до живота.

Мэтью сплел свои пальцы с моими и только сейчас заглянул мне в глаза. Меня удивила гамма чувств на его лице: восхищение, гордость и легкая паника. Потом он улыбнулся. Я почувствовала радость, захлестывающую его душу.

— А вдруг я не гожусь быть матерью? — растерянно спросила я. — Ты уже был отцом. Ты знаешь, что́ надо делать?

— Ты будешь удивительной матерью, — поспешил успокоить меня Мэтью. — Детям всего-навсего нужна любовь, взрослый, готовый нести ответственность за них, и надежное место приземления. — Мэтью осторожно провел нашими сцепленными руками по моему животу, осторожно поглаживая его. — Первые два условия мы можем разделить. Последнее целиком зависит от тебя. Как ты себя чувствуешь?

— Физически немного устала. Поташниваст. Эмоционально... даже не знаю, с чего начать. — Я судорожно вдохнула. — Скажи, нормально ли одновременно чувствовать себя испуганной, яростной и нежной?

— Да. И к тому же взволнованной, встревоженной и замирающей от ужаса, — тихо сказал Мэтью.

— Пусть это звучит смехотворно, но я все время беспокоюсь, что моя магия может повредить малышу, хотя тысячи ведьм каждый год рожают детей.

«Только они не выходят замуж за вампиров», — мысленно добавила я.

— Это зачатие нормальным не назовешь, — сказал Мэтью, прочитав мои мысли. — И тем не менее ты не должна волноваться.

В его глазах мелькнула тень. Я буквально видела, как к списку своих тревог он добавил еще один пункт.

— Я никому не хочу рассказывать. Пока не время. Скажи, ты можешь добавить эту тайну к списку своих тайн?

— Разумеется, — с готовностью согласился Мэтью. — Твоя беременность будет незаметной еще несколько месяцев. Но Франсуаза и Пьер вскоре узнают об этом по твоему запаху, если уже не узнали. Хэнкок и Галлоглас — тоже. К счастью, вампиры обычно не задают вопросов личного характера.

Я негромко рассмеялась:

— Получается, я окажусь единственной, кто выдаст этот секрет. Ты и так сверхзаботлив, и по твоему поведению никто ничего не заподозрит.

— Не говори с такой уверенностью. Ты не знаешь пределов моей заботливости.

Мэтью накрыл наши руки другой своей рукой. Это было типичным проявлением заботы.

— Но если ты будешь трястись надо мной, люди очень скоро догадаются, — сухо согласилась я, проведя пальцами по его плечу. Мэтью вздрогнул. — Ты не должен вздрагивать, когда к тебе прикасается что-то теплое.

— Я дрожу совсем по другой причине, — сказал он и встал, загораживая огоньки свечей.

При виде его у меня зашлось сердце. Слыша мое неровное дыхание, Мэтью улыбнулся и повел меня в постель. Мы сбросили одежду на пол, где она превратилась в две белые лужицы, ловящие серебристый свет раннего утра.

Прикосновения Мэтью были легкими, как прикосновение пера. Он прослеживал малейшие изменения, происходящие в моем теле, не пропуская ни одного сантиметра нежной плоти. Но его холодное внимание не столько снимало боль, сколько усиливало ее. Каждый поцелуй был напряженным и неоднозначным, как и наши зарождающиеся родительские чувства. И в то же время слова, которые Мэтью шептал мне в сумраке задернутых занавесок, побуждали меня сосредоточить все внимание на нем. Когда я больше не могла ждать, Мэтью вошел в меня. Его движения были нежными и неспешными, как и его поцелуй.

Желая усилить наше соприкосновение, я выгнула спину. Мэтью находился во мне, даже внешне прижимаясь к моему лону. И в этот краткий миг, способный длиться вечность, отец, мать и ребенок были близки настолько, насколько могут быть близки трое существ.

— Всем своим сердцем, всей своей жизнью, — обещал он, двигаясь во мне.

Я вскрикнула. Мэтью крепко обнял меня и держал, пока я не перестала дрожать. Потом он принялся целовать все мое тело, начав с ведьминого третьего глаза, откуда он переместился к губам, шее, груди, солнечному сплетению, пупку и наконец достиг живота.

Мэтью смотрел на меня, качая головой, и вдруг по-мальчишески улыбнулся.

— Мы сотворили ребенка, — произнес он, продолжая удивляться.

— Да, сотворили, — ответила я и тоже улыбнулась.

Мэтью опустился к моим бедрам, немного раздвинул мне ноги, затем уперся одной рукой в мое колено, другой в бедро. Голову он опустил мне на живот, словно тот был подушкой, и удовлетворенно вздохнул. Замерев, Мэтью стал прислушиваться к тихому шелесту крови, которая теперь питала и поддерживала нашего ребенка. Уж не знаю, что именно он услышал, но он поднял голову, и наши глаза встретились. Мэтью улыбнулся, светло и искренне, после чего тихо оделся и вернулся к своему бдению в кабинете.

Сон не шел. Я лежала в тишине рождественского утра. В спальне по-прежнему было сумрачно. Не помогали даже свечи, оставленные Мэтью. Я ощущала спокойную силу, исходящую от любви, разделенной с другим существом. Я перестала быть одиноким метеором, несущимся сквозь пространство и время, сделавшись частью сложной планетарной системы. Мне предстояло научиться удерживать собственный центр гравитации, сдвинуть с которого меня постоянно пытались более крупные и мощные тела. В противном случае Мэтью, семья де Клермон, наш ребенок и Конгрегация могли сбить меня с курса.

Время, проведенное с мамой, было слишком коротким, но и за семь лет она очень многому меня научила. Я помнила ее бескорыстную любовь, ласки и объятия, продолжавшиеся целыми дня-

ми, и ее удивительное умение оказываться там, где она была мне нужнее всего. Именно об этом и говорил Мэтью. Дети нуждаются в любви, в уютном и безопасном месте и, конечно же, во взрослых, готовых взять на себя заботу о них.

Хватит относиться к нашему пребыванию в этой эпохе как к расширенному семинару по шекспировской Англии. Мне давался наилучший и последний шанс выяснить, кто же я такая, чтобы затем я смогла помочь нашему ребенку понять его место в мире.

Но вначале требовалось найти мне ведьму.

Глава 16

Выходные дни прошли в тишине и спокойствии. Мы наслаждались нашей тайной и вели разговоры, свойственные будущим родителям. Каким родится новый член клана де Клермон? С черными волосами, как у отца, и с моими синими глазами? Что он будет любить: естественные науки или историю? Будет мастером на все руки, подобно Мэтью, или неумехой, как я? А вот насчет пола наши мнения расходились. Я была убеждена, что родится мальчик. Мэтью с такой же уверенностью заявлял, что девочка.

Эти разговоры воодушевляли, но в конце концов мы устали и от них. И тогда мы решили, не покидая теплых комнат, насладиться созерцанием панорамы Лондона 1590 года. Начали с окон, выходящих на Уотер-лейн. Вдалеке виднелись башни Вестминстерского аббатства. Обзор завершился в спальне. Там мы пододвинули к окнам стулья и принялись разглядывать Темзу и окрестности. Ни холод, ни рождественские праздники не удерживали паромщиков от привычной работы — перевозки грузов и пассажиров. В начале улицы я заметила нескольких лодочников. Они сгрудились возле спуска к причалу, где на волнах покачивались их пустые лодки, и тоже ждали пассажиров.

Время шло. Прилив на Темзе сменился отливом. Мэтью рассказывал, как выглядел Лондон в другие времена. В XV веке, когда выдалась особо морозная зима, Темза замерзла более чем на три месяца. Надобность в лодочниках отпала, зато находчивые торговцы поставили вдоль пеших троп через реку временные лавчонки. Вспомнил Мэтью и о своих бесцельно потраченных годах в Тэвис-Инн, где он в четвертый и последний раз попытался одолеть премудрости юридической науки.

Начинало темнеть. На корме лодок вспыхивали фонари. Загорался свет в окнах домов и питейных заведений.

— Я рад, что успею показать тебе Тэвис-Инн. Мы даже попытаемся заглянуть на Королевскую биржу.

— А потом мы отправимся в Вудсток? — удивилась я.

— Возможно, но ненадолго. Оттуда — назад, в наше время. — (Я ошеломленно смотрела на него, слишком растерянная, чтобы ответить.) — Мы с тобой не знаем, как будет протекать беременность и какие неожиданности она может нам преподнести. Ради вашей с малышом безопасности необходимы постоянные наблюдения. Нужно провести ряд исследований. Не помешает и УЗИ сделать, чтобы увидеть общую картину. И потом, в это время тебе захочется быть рядом с Сарой и Эмили.

— Пойми, Мэтью, мы пока не можем вернуться в наше время. Я не знаю, как это делается. — (Он резко повернулся ко мне.) — Я хорошо помню объяснения Эм накануне нашего перемещения. Для путешествия в прошлое нужны три предмета, которые перенесут тебя в желаемую эпоху. Но для возвращения в будущее нужно колдовство. Я не знаю заклинаний. Не знаю, как их произносить. Потому мы и отправились в шестнадцатый век.

— Но ты не можешь оставаться здесь на весь срок беременности, — сказал Мэтью, вскакивая со стула.

— Меж тем и в шестнадцатом веке женщины вынашивают и рожают детей, — напомнила я. — Я не ощущаю никаких особых изменений в теле. Моя беременность длится всего несколько недель.

— Хватит ли тебе силы, чтобы переместиться в будущее самой и переместить меня и дочку? Нет, мы должны вернуться как можно раньше. Задолго до ее рождения. — Мэтью начал ходить по комнате и вдруг остановился. — А вдруг перемещение во времени повредит плоду? Одно дело магия, а другое... — Он так же порывисто сел.

— Ничего не изменилось, — попыталась успокоить я мужа. — Наш ребенок сейчас не больше рисового зернышка. Пока мы в Лондоне, можно достаточно легко найти кого-нибудь, кто поможет мне с магией. Есть же ведьмы, которые разбираются в путешествиях во времени гораздо лучше, чем Сара и Эм.

— Нет, она сейчас величиной с чечевицу. — Мэтью задумался. По его лицу я поняла, что он принял решение. — За шесть недель плод уже должен пройти все наиболее критичные фазы своего развития. В таком случае времени у тебя предостаточно.

Сейчас он рассуждал, как врач, а не как отец. Честно говоря, Мэтью с его средневековыми эмоциями нравился мне больше, нежели современный ученый, придерживающийся сухой научной объективности.

— Это дает всего несколько недель. Вдруг мне понадобится почти два месяца?

Будь сейчас рядом Сара, она бы просветила Мэтью, что моя рассудительность — плохой знак.

— Семь недель. Это было бы замечательно, — сказал Мэтью, погруженный в собственные раздумья.

— Вот видишь, как все прекрасно выстраивается. Я вообще терпеть не могу гонку. Особенно в важных делах вроде попыток дознаться, кто же я такая.

— Диана, это не...

Я подошла к нему. Мы стояли почти впритык.

— У меня не будет шанса стать хорошей матерью, если я по-настоящему не узнаю о силе в моей крови.

— Диана, это неблагоприятно...

— Только не смей говорить, что это неблагоприятно для ребенка! Я не просто некий сосуд для вынашивания детей. — Его слова всерьез рассердили меня, злость достигла точки кипения. — Вначале тебе для научных экспериментов понадобилась моя кровь. Теперь тебе нужен ребенок.

Мэтью — черт бы его побрал! — тихо стоял рядом, скрестив руки на груди. Серые глаза смотрели жестко.

— Ну, что скажешь? — пошла я в атаку.

— А что говорить? Судя по всему, мое участие в этом разговоре не требуется. Ты уже доканчиваешь мои фразы. С таким же успехом ты можешь их и начинать.

— Это никак не связано с моими гормонами, — заявила я, но задним числом поняла: подобные заявления как раз свидетельствовали об обратном.

— Я вообще не думал о гормонах, пока ты не упомянула.

— Слова умеют сбивать с толку. — (Мэтью вопросительно поднял брови.) — Я такая же, какой была три дня назад. Беременность не относится к патологическим состояниям и не отменяет наших планов. Нам до сих пор так и не выпало настоящего шанса заняться поисками «Ашмола-782».

— «Ашмола-782»? — В голосе Мэтью звучало беспокойство. — Все изменилось, и ты уже не являешься прежней Дианой. Мы не можем скрывать твою беременность до бесконечности. Через считаные дни каждый вампир учует перемены в твоем теле. Вскоре об этом узнает и Кит. Он спросит об отце, поскольку я же не могу быть отцом. Ты согласна? Беременная ведьма, живущая с *варгом*, вызовет враждебное отношение у всех вампиров, демонов и ведьм Лондона. Даже у тех, кому плевать на завет. Кто-то может донести Конгрегации. Отец потребует, чтобы ради твоей безопасности мы вернулись в Сет-Тур. Я просто не выдержу еще одного прощания с ним. — С каждой из перечисленных преград голос Мэтью звучал все громче.

— Я как-то не подумала...

— Конечно не подумала. Ты и не могла задумываться о подобных вещах. Диана, ты представляешь, какой узел мы завязали? Сначала вступили в запретный брак. Ситуация почти уникальная. Теперь ты носишь моего ребенка. Здесь речь уже не про уникальность. Наши породы сочтут это попросту невозможным... Еще три недели и ни дня больше. — Тон его был безапелляционным.

— За столь короткое время ты не найдешь ведьму, которая согласится мне помочь, — возразила я. — Особенно на фоне происходящего в Шотландии.

— Разве я что-то говорил о добровольном согласии? — улыбнулся Мэтью.

От его улыбки меня мороз пробрал по коже.

— Пойду в гостиную, почитаю.

Мне захотелось на время оказаться как можно дальше от Мэтью. Но он уже ждал меня в дверях, загораживая проход.

— Я не потеряю тебя, Диана, — тихо, но выразительно произнес Мэтью. — Ни ради поисков алхимического манускрипта, ни ради нерожденного ребенка.

— А я не потеряю себя, — ответила я. — Я не собираюсь удовлетворять твою потребность в контроле. И мне действительно необходимо понять, кто я.

Наступил понедельник. Я снова сидела в гостиной, листала «Королеву фей» и сходила с ума от скуки. Когда хлопнула входная дверь, я обрадовалась. *Гости.* Я торопливо закрыла книгу.

— Уж не знаю, сумею ли я вообще согреться.

В дверях стоял Уолтер, отряхивая мокрый плащ. С ним пришли Джордж и Генри, такие же мокрые и продрогшие.

— Приветствую вас, Диана, — произнес Генри и чихнул.

Церемонно поклонившись мне, он поспешил к очагу и со стоном вытянул руки.

— А где Мэтью? — спросила я, жестом предлагая Джорджу сесть.

— В обществе Кита. Мы оставили их в лавке книготорговца. — Уолтер махнул в направлении собора Святого Павла. — Я просто умираю от голода. Кит заказал на обед совершенно несъедобное жаркое. Мэтт пообещал, что Франсуаза нас чем-нибудь *покормит*.

Озорная улыбка Рэли выдавала его невинную ложь.

Гости уписывали по второй порции еды и готовились пропустить по третьему кубку вина, когда вернулся Мэтью, приведя с собой Кита. В руках Мэтью держал охапку книг, а на лице красовались борода и усы. Растительностью на лице он обзавелся благодаря стараниям мага-цирюльника, о котором я уже слышала. Аккуратные усы моего мужа тянулись на всю ширину рта. Борода, согласно моде эпохи, была небольшой и ухоженной. Вслед за ними вошел Пьер, неся полотняный мешок с бумажными прямоугольниками и квадратами.

— Слава Богу, — одобрительно кивая, сказал Уолтер. — Теперь ты похож на самого себя.

— Привет, сердце мое. — Мэтью поцеловал меня в щеку. — Узнаёшь меня?

— Да, хотя теперь ты похож на пирата, — со смехом ответила я.

— Вы правы, Диана. Теперь они с Уолтером выглядят как братья, — признался Генри.

— Но почему ты так упрямо супругу Мэтью по имени зовешь? Неужели, Генри, ты взял госпожу Ройдон под свою опеку? Или она теперь тебе сестра? Единственное объяснение мне на ум приходит: ее готовишься ты соблазнить, — проворчал Марло, шумно опускаясь на стул.

— Не трогай, Кит, осиное гнездо, — отчитал его Уолтер.

— Я принес запоздалые рождественские подарки, — сказал Мэтью, сваливая книги на стол передо мной.

Они были совсем новенькими, что меня смутило. Их тугие переплеты скрипели, противясь первому открытию. От книг исходил непередаваемый запах бумаги и старинной типографской краски. Такие книги я привыкла видеть в читальных залах библиотек, где их состояние было полной противоположностью нынешнему. И относиться к ним я привыкла как к сокровищам, поэтому мне было несколько непривычно смотреть на их соседство с тарелками и бокалами. Первая книжка оказалась записной. Мэтью купил ее мне взамен оставшейся в Олд-Лодже. Под ней я нашла красиво переплетенный молитвенник. На титульной странице, украшенной затейливым орнаментом, был изображен библейский патриарх Иессей. Он возлежал, а из его живота выходил ствол развесистого дерева. Я недоуменно наморщила лоб. Зачем Мэтью купил мне молитвенник?

— Переверни страницу, — настойчиво попросил Мэтью, обнимая меня за талию.

На следующей странице я увидела ксилографию, изображавшую королеву Елизавету. Ее величество стояла на коленях в молитвенной позе. Эту страницу украшали скелеты, библейские персонажи и аллегорические рисунки классических добродетелей. Книга состояла из молитвенных текстов и картинок, что сразу напомнило мне алхимические трактаты.

— Такую книжку положено иметь каждой уважаемой замужней даме, — пояснил Мэтью и улыбнулся, затем понизил голос до заговорщического шепота. — Это должно удовлетворить твое желание сохранять внешние приличия. Но ты не беспокойся. Следующая книга в прах развеивает всю видимость.

Я отложила молитвенник и пододвинула к себе увесистый том. Его страницы были надежно прошиты и помещены в переплет из толстого пергамента. Книга оказалась медицинским трактатом, обещавшим раскрыть симптомы и способы лечения всех болезней, поражающих человечество.

— Религиозные книги любят дарить, а потому их легко продать. Естественно, выглядеть они должны привлекательно. Медицинские трактаты пользуются ограниченным спросом и слишком дороги, чтобы еще тратиться на переплет без предварительного заказа, — пояснил Мэтью, почувствовав мое удивление по поводу неказистого переплета. Он пододвинул ко мне еще одну книгу. — К счастью, я заказал переплетенный экземпляр этой

книжицы. Ее только что напечатали, и у нее все шансы стать бестселлером.

Будущий бестселлер имел простой черный кожаный переплет, на который серебряной краской был нанесен такой же простой орнамент. Внутри оказалось первое издание романа Филипа Сидни «Аркадия». Я засмеялась, вспомнив, с каким отвращением я читала этот роман в колледже.

— Ведьма не может питаться исключительно духовной пищей и кормить разум медициной.

Глаза Мэтью озорно блестели. Он наклонился, чтобы поцеловать меня. Его усы непривычно щекотали мне лицо.

— Придется привыкать к твоей растительности, — сказала я, потирая исколотые губы.

Граф Нортумберленд посмотрел на меня так, словно я была кобылой, которая нуждается в дрессуре.

— Книжки недолго будут занимать Диану. Она привыкла к более разнообразной деятельности.

— Это ты сказал. Но Диана вряд ли сможет разгуливать по Лондону, предлагая курс алхимических лекций.

С каждым днем и даже с каждым часом произношение и лексика Мэтью все более соответствовали эпохе.

Рядом со мной стоял винный кувшин. Мэтью наклонился, понюхал вино и брезгливо поморщился:

— Неужели у нас не найдется вина, которое не было бы сдобрено гвоздикой и перцем? Запах просто отвратительный.

— Пожалуй, Диане понравилось бы общество Мэри, — предположил Генри.

Глухота уберегла его от язвительного замечания Мэтью по поводу алхимии.

— Мэри? — переспросил Мэтью, поворачиваясь к Генри.

— Они одного возраста и схожи характерами. Обеих можно считать образцами учености.

— Графиня известна не только своей ученостью, но и способностью воспламенять предметы, — изрек Кит, наливая себе полный кубок вина. Драматург сунул нос в бокал и глубоко вдохнул запах вина, словно вину передался запах Мэтью. — Советую вам, госпожа Ройдон, держаться подальше от ее печей и склянок, коль не хотите приобрести подобие завивки модной.

— Печей? — переспросила я, так и не понимая, о ком они говорят.

— Так это вы о графине Пемброк! — воскликнул Джордж.

Его глаза мечтательно вспыхнули. «Мне бы такую покровительницу», — говорили они.

В лице Рэли, Чапмена и Марло я и так общалась с живыми литературными легендами. Воспоминаний об этом мне хватит на всю оставшуюся жизнь. Графиня была родной сестрой покойного Филипа Сидни и едва ли не самой образованной женщиной в елизаветинской Англии. Но встречаться с ней...

— Ни в коем случае! — запротестовала я. — Я не готова к встрече с Мэри Сидни.

— В равной степени и Мэри Сидни не готова к встрече с вами, госпожа Ройдон. Но полагаю, Генри прав, — сказал Уолтер. — Вскоре вы устанете от друзей Мэтью и начнете искать своих. Без них вы обречены на праздность и меланхолию. — Уолтер кивнул Мэтью. — Тебе стоит пригласить Мэри на ужин.

— Если графиня Пемброк пожалует на Уотер-лейн, оцепенеет весь Блэкфрайерс. Куда разумней госпоже Ройдон самой отправиться в замок Байнард. Он рядом, за стеной, — предложил Марло, которому не терпелось меня спровадить.

— Но тогда Диане придется выйти в город, — насторожился Мэтью.

Марло фыркнул, отметая все опасения моего мужа.

— Сейчас благоприятная неделя. Минуло Рождество, и близок Новый год. Никто не обратит внимания на двух замужних женщин, решивших поболтать за чашей вина.

— Я готов сопровождать Диану, — вызвался Уолтер. — Возможно, Мэри захочет поподробнее узнать о моих начинаниях в Новом Свете.

— Разговоры о вложении графиней денег в твою виргинскую авантюру оставь для другого раза. Если Диана отправится в гости, я пойду вместе с ней, — решительно заявил Мэтью. — Интересно, знакома ли Мэри с ведьмами?

— Графиня — женщина и потому, конечно же, знакома, — уверенно ответил Марло.

— Мэтт, так я напишу ей? — спросил Генри.

— Спасибо, Хэл. — Чувствовалось, Мэтью сильно сомневался в успехе этой встречи. Потом он вздохнул. — Я очень давно не виделся с Мэри. Напиши ей, что мы нанесем ей визит завтра.

Мое первоначальное нежелание встречаться с Мэри Сидни сменилось ожиданием скорой встречи с ней. Чем больше я вспоминала и узнавала о графине Пемброк, тем сильнее становилось мое любопытство.

Мой визит взбудоражил и Франсуазу, но уже по другой причине. Ей пришлось оставить все прочие дела и несколько часов подряд заниматься моей одеждой. Черный бархатный жакет, сшитый по моей просьбе Мари из Сен-Люсьена, Франсуаза дополнила тугим крахмальным воротником. Она вычистила и выгладила мое красно-коричневое платье с отделкой из черного бархата, которое очень шло мне и великолепно сочеталось с жакетом. В результате Франсуаза объявила, что я одета вполне достойно для визита, хотя излишне строго и, на ее вкус, как-то по-немецки.

К полудню мое нетерпение возросло. Я торопливо проглотила жаркое из крольчатины с гарниром из вареного ячменя. Мэтью вел себя так, словно он вообще никуда не собирался. Он лениво потягивал вино и на латыни расспрашивал меня о том, как прошло утро. Он еще смел ехидно улыбаться!

— Если ты пытаешься меня рассердить, ты близок к успеху! — бросила я ему после особо заковыристого вопроса.

— Refero mihi in latine, quaeso[1], — профессорским тоном произнес Мэтью.

Я бросила в него хлебной коркой. Он засмеялся и пригнулся.

Генри Перси прибыл вовремя. Ловко поймав корку одной рукой, он без комментариев положил хлеб на стол, безмятежно улыбнулся и спросил, готовы ли мы выйти из дому.

Едва мы вышли из арки, невесть откуда появился Пьер и, стараясь держаться незаметно, зашагал по улице. Его правая рука сжимала эфес кинжала. Мы свернули в сторону города. Я подняла голову. Передо мной высилась громада собора Святого Павла.

Мы медленно шли к собору. Мои уши привыкли к разноголосице и могли вычленять отдельные звуки. То же происходило с красками и запахами. Ноздри улавливали дивный аромат пекущегося хлеба. Он сменился кисловатым запахом угля, затем дымом от горящих дров. Пахнуло чем-то хмельным. Из-за вчерашних дождей размокшие кучи мусора исторгали отвратительное зловоние. Ветер принес запах мокрой шерсти. Я вбирала в себя все

[1] Прошу отвечать мне по-латыни *(лат.)*.

эти запахи. Прежде я самоуверенно заявляла студентам: «Если бы вы перенеслись в прошлое, вас бы тут же стошнило от смрада». Действительность показывала мне, что это совсем не так. По крайней мере, в конце декабря.

Наша маленькая процессия привлекала всеобщее внимание. Мужчины и женщины бросали работу и смотрели нам вслед. На нас пялились из окон. Узнав Мэтью и Генри, почтительно кланялись. Мы прошли мимо печатного заведения, миновали подобие мужской парикмахерской, где цирюльник подстригал чьи-то кудри. Из соседнего помещения тянуло жаром. Оттуда доносился стук молотков. Похоже, там трудились ювелиры.

Немного освоившись, я стала разглядывать одежду, выражение лиц и прислушиваться к разговорам. Мэтью успел мне рассказать, что на нашей и соседних улицах полно иностранцев. Казалось, я попала в самую гущу вавилонского столпотворения. Я вертела головой по сторонам.

— На каком языке она говорит? — шепотом спросила я, указав на пышнотелую женщину в очень похожем на мой сине-зеленом жакете, отороченном мехом.

— На одном из диалектов немецкого, — ответил Мэтью, наклоняясь к самому моему уху, иначе ему пришлось бы кричать.

Мы прошли через арку старого караульного помещения. Переулок стал шире, превратившись в улицу. Вопреки превратностям судьбы ее мощение достаточно хорошо сохранилось. Справа от нас тянулось обширное здание, на всех этажах которого кипела деятельность.

— Бывший доминиканский монастырь, — пояснил Мэтью. — Когда король Генрих изгнал католических священников и монахов, здание начало разрушаться. Затем его превратили в жилье. Не берусь даже приблизительно подсчитывать число здешних обитателей.

Он посмотрел в сторону двора, где накренившаяся стена — низ каменный, верх деревянный — отделяла бывший монастырь от задворков другого дома. Под стать стене была и дверь, державшаяся на одной петле.

Мэтью поднял глаза на собор, затем снова посмотрел на меня. Его лицо потеплело.

— Черт с ними, с предосторожностями! Идем.

Он повел меня к проходу между участком стены старого города и диковинно изогнутым домом. Казалось, его четвертый этаж вот-вот обрушится на прохожих. Двигаться по узкой улочке можно было лишь потому, что все двигались в том же направлении — северном. Людская волна вынесла нас на другую улицу, намного шире, чем Уотер-лейн. Толпа густела, и вместе с ней нарастал шум.

— А ты говорил, что в праздники город пустеет, — вспомнила я.

— Так оно и есть, — ответил Мэтью.

Через несколько шагов мы попали в настоящий человеческий водоворот. Подняв голову, я остановилась как вкопанная.

В неярком послеполуденном свете окна собора Святого Павла казались сверкающими. Площадь перед собором была запружена народом: мужчинами, женщинами, детьми, подмастерьями, духовными лицами, солдатами. В разных местах площади одни люди что-то выкрикивали. Другие, которых было намного больше, их слушали. Повсюду, куда ни глянь, были книги и бумага. Над книжными лотками и вне их на веревках были развешаны листы бумаги. Кучка молодых парней сгрудилась возле столба — подобия информационного стенда. Столб был густо усеян объявлениями. Парни слушали мужчину постарше, медленно читавшего объявления. Вероятно, аудиторию не устраивали имевшиеся вакансии. То один, то другой слушатель выбирался из толпы и, нахлобучив шапку, шел искать работу в иных местах.

— Мэтью... — прошептала я.

Мои впечатления не переводились в слова.

Вокруг нас по-прежнему бурлила толпа. Правда, люди старались не напороться на острия длинных мечей, что висели на поясе моих сопровождающих. Легкий ветер забрался мне под капюшон. Я ощутила покалывание, сменившееся легким давлением. Где-то среди людного двора ведьма и демон почуяли мое присутствие. Трое существ нечеловеческой природы и один аристократ, идущие вместе, привлекли внимание. Ничего удивительного.

— На нас обратили внимание, — сказала я.

Мэтью это не особо взволновало, хотя он пристально всматривался в лица окружающих.

— Не люди. Кто-то из моей породы. Кто-то из породы Кита. И никого из твоей.

— За моей тоже не станет, — шепотом ответил Мэтью. — Диана, тебе нельзя приходить сюда одной. Никогда. Оставайся с Франсуазой и не покидай пределов Блэкфрайерса. А одной, через проход, — Мэтью кивнул назад, — ни-ни. Сюда только со мной или в сопровождении Пьера. — Убедившись, что я восприняла его предостережения всерьез, он сказал: — А теперь идем к Мэри.

Мы вновь повернули на юг, к Темзе. Ветер прибивал к ногам подол моей юбки. Наш путь лежал вниз по склону холма, но из-за поднявшегося ветра каждый шаг давался с трудом. Когда мы проходили мимо одной из многочисленных лондонских церквей, послышался негромкий свист, и Пьер нырнул в переулок. Вскоре он появился из другого переулка. В этот момент я увидела за стеной знакомое здание.

— Это же наш дом!

Мэтью кивнул, но кивком указал в другом направлении:

— А вот там замок Байнард.

После Тауэра, собора Святого Павла и Вестминстерского аббатства, до которого мы еще не добрались, замок был самым внушительным зданием, какие я успела увидеть в Лондоне. Три его зубчатые башни глядели на Темзу, соединенные стенами, вдвое превышавшими высоту любого из окрестных домов.

— Понимаете, Диана, Байнард выстроен фасадом на реку, — извиняющимся тоном произнес Генри, пока мы шли по очередному извилистому переулку. — Мы войдем через задний вход, что не очень свойственно гостям нашего уровня, зато намного теплее в такие дни, как этот.

Мы нырнули в дверь массивного караульного домика. Нам навстречу вышли двое солдат в темно-серых мундирах с малиново-коричневыми, черными и золотистыми нашивками. Один сразу узнал Генри и схватил напарника за рукав, удержав от расспросов.

— Добро пожаловать, лорд Нортумберленд!

— Мы желаем повидать графиню, — сказал Генри, бросая солдату плащ. — Постарайся это где-нибудь высушить. И пусть слуге господина Ройдона принесут горячее питье.

Не снимая перчаток, граф щелкнул пальцами и скорчил гримасу.

— Разумеется, милорд, — пообещал караульный, подозрительно косясь на Пьера.

Внутренний двор замка состоял из двух громадных площадок, напоминающих плац. Их разделяла аллея деревьев с голыми ветвями и следами летних цветов в клумбах. Мы поднялись по широкой лестнице, встретившись с цепочкой лакеев в ливреях. Один провел нас в солярий графини: уютное помещение с высокими и широкими окнами, выходящими на реку. Отсюда открывался примерно такой же вид на Темзу, как и из нашего дома в Блэкфрайерсе.

Вид из окон был схожим, чего не скажешь о внутреннем убранстве. Лондонское жилище Мэтью отличалось просторностью и уютом, однако замок Байнард недвусмысленно показывал: здесь живут аристократы. По обе стороны от камина стояли широкие мягкие диваны и несколько глубоких кресел, куда женщина могла забраться с ногами и прикрыться подолом своего платья. Стены оживляли шпалеры, красочный орнамент которых чередовался со сценами из классической мифологии. Обстановка этого помещения говорила не только о богатстве хозяев, но и об их склонности к ученым занятиям. Столы были заполнены книгами, обломками древних статуй, минералами, морскими раковинами, засушенными плодами каких-то деревьев, рисунками, картами и прочими диковинами.

— Никак господин Ройдон?

Человек, порывисто вставший со стула, был темноволосым, с легкой проседью. Бородка клинышком делала его лицо еще более вытянутым. В одной руке он держал дощечку, в другой — маленькую кисточку.

— Хиллиард! — радостно воскликнул Мэтью. — Что привело вас сюда?

— Заказ леди Пемброк, — ответил человек, помахав палитрой. — Я должен закончить эту миниатюру. Графиня желает преподнести ее в качестве новогоднего подарка.

Светло-карие глаза художника изучающе глядели на меня.

— Я и запамятовал, что вы еще не познакомились с моей женой. Диана, позволь тебе представить портретиста Николаса Хиллиарда.

— Рада знакомству с вами, — сказала я, делая реверанс.

В конце XVI века население Лондона превышало сто тысяч человек. И откуда Мэтью знал всех, кого затем историки будут называть знаменитостями Елизаветинской эпохи?

— Я видела ваше творчество и восхищена им.

— Диана видела портрет сэра Уолтера, который вы написали мне в прошлом году, — поспешил объяснить Мэтью, сгладив мое излишне восторженное приветствие.

— Согласен, это одна из лучших ваших работ, — подхватил Генри, заглядывая художнику через плечо. — Но портрет, который вы заканчиваете, явно ее превзойдет. На вашей миниатюре, Хиллиард, Мэри как живая. Вам потрясающе удалось запечатлеть ее пристальный взгляд.

Слуга подал вино. Генри, Мэтью и Хиллиард беседовали вполголоса. Предоставленная самой себе, я стала разглядывать страусиное яйцо, оправленное в золото, и морскую раковину на серебряной подставке. Рядом, на том же столе, лежали драгоценные математические инструменты, которые я даже не осмелилась взять в руки.

— Мэтт! — Графиня Пемброк остановилась в дверях.

Служанка торопливо протянула ей платок, которым графиня столь же торопливо вытерла перепачканные чернилами пальцы. Меня удивило, почему она так беспокоится о пальцах, когда ее платье сизого цвета было не только усеяно кляксами, но и прожжено в нескольких местах. Впрочем, я поторопилась с выводами. Графиня сбросила это простое одеяние, под которым оказался куда более элегантный наряд из бархата и тафты сочного лилового цвета. Когда она передавала служанке подобие лабораторного халата, я уловила отчетливый запах пороха. Графиня откинула за правое ухо тугой локон светлых волос. Она была высокой и гибкой, с кожей кремового цвета и глубоко посаженными карими глазами.

— Мой дорогой друг, — сказала она, радостно протягивая к Мэтью руки. — Я столько лет тебя не видела. С самых похорон моего брата Филипа.

— Здравствуй, Мэри. — Мэтью наклонился к ее руке. — Ты замечательно выглядишь.

— Ты же знаешь, я не в ладах с Лондоном. Но у нас сложилась традиция: приезжать на очередную годовщину восшествия королевы на престол. Я решила задержаться. Филип много сил отдал псалмам. Я продолжаю его труд. Есть и еще кое-какие занятия, которым я не придаю особого значения. И есть минуты утешения, когда встречаешься со старыми друзьями.

Мэри говорила с оттенком аристократической небрежности, но голос выдавал острый ум этой женщины.

— Вы и впрямь цветете, — сказал Генри, добавляя свою порцию комплиментов.

Чувствовалось, он симпатизировал графине.

Карие глаза Мэри остановились на мне.

— А это кто?

— Я так обрадовался встрече с тобой, что позабыл всякий этикет. Позволь представить мою жену Диану. Мы недавно поженились.

— Здравствуйте, миледи, — произнесла я, снова делая реверанс.

Туфли Мэри были расшиты золотой и серебряной нитью. Похоже, там уместился целый рай со змеями, яблоками и насекомыми. Должно быть, такие туфельки стоили целое состояние.

— Здравствуйте, госпожа Ройдон, — ответила она, с любопытством разглядывая меня. — А теперь, когда все церемонии соблюдены, давайте называть друг друга просто Мэри и Диана. Генри рассказывал, что вы знаток алхимии.

— Миледи, я всего лишь изучаю алхимию, не более того, — поправила я нашего друга. — Лорд Нортумберленд слишком щедр.

— А ты чересчур скромна, — сказал Мэтью, беря меня за руку. — Можешь мне верить, Мэри, моя жена весьма сведуща в алхимии. Но Диана впервые в Лондоне. Хэл подумал, что, быть может, ты поможешь ей освоиться в городе.

— С удовольствием, — согласилась графиня Пемброк. — Давайте сядем у окна. Мастеру Хиллиарду для работы нужен яркий свет. Пока он заканчивает мой портрет, Мэтью расскажет все последние новости. Диана, ваш муж знает почти все, что происходит в королевстве, и понимает суть событий. А я месяцами не вылезаю из нашего дома в Уилтшире.

Когда мы уселись, слуга принес засахаренные фрукты.

Генри с восторгом мальчишки запустил пальцы в блюдо с желтыми, зелеными и оранжевыми ломтиками.

— Фрукты в сахаре. Вы готовите их так, как никто другой.

— Я обязательно поделюсь секретом приготовления с Дианой, — пообещала довольная Мэри. — Но как только Диана узнает рецепт, я лишусь общества Генри.

— Мэри, вы заходите слишком далеко, — запротестовал Генри, рот которого был набит апельсиновыми цукатами.

— А твой муж сейчас в Лондоне или поручения королевы удерживают его в Уэльсе? — спросил Мэтью.

— Граф Пемброк несколько дней назад покинул Милфорд-Хейвен, а когда вернется, то прежде всего отправится ко двору. Со мной здесь Уильям и Филип. В городе мы не задержимся. Поедем обратно в Рэмсбери. Воздух там намного здоровее.

На ее лице мелькнула печаль.

Слушая Мэри, я вспомнила статую Уильяма Герберта во дворе Бодлианской библиотеки. Я каждый день проходила мимо этой статуи, направляясь в читальный зал герцога Хамфри. Подумать только: Уильям Герберт — один из главных меценатов библиотеки — был малолетним сыном этой женщины.

— Какого возраста ваши дети? — спросила я, надеясь, что мой вопрос не относится к категории слишком личных.

Лицо графини просветлело.

— Уильяму десять, а Филипу всего шесть. Моей дочери Анне семь, но она прохворала весь ноябрь, и муж решил, что ей лучше остаться в Уилтоне.

— Надеюсь, ничего серьезного? — спросил Мэтью.

Лицо графини тут же сделалось мрачным.

— Любая болезнь, которая поражает моих детей, серьезна, — тихо сказала она.

— Мэри, прости меня. Я сказал, не подумав. Я лишь хотел предложить доступную мне помощь.

В голосе моего мужа появилось сожаление. Разговор касался их общего прошлого, о котором я не знала.

— Мэтью, я хорошо помню, как ты уберегал от напастей моих близких, причем неоднократно. В случае необходимости я снова обращусь к тебе. Но у Анны обыкновенная детская простуда. Врачи уверяют меня, что она скоро выздоровеет. — Мэри повернулась ко мне. — А у вас, Диана, есть дети?

— Пока нет.

Я поймала мимолетный взгляд Мэтью и одернула жакет. Жест был инстинктивным: человеческие глаза еще никак не могли видеть признаки моей беременности.

— Диана вышла замуж впервые, — пояснил Мэтью.

— Впервые? — удивленно переспросила графиня Пемброк.

— Родители Дианы умерли, когда она была совсем маленькой, и никто не занимался устройством ее жизни, — сообщил Мэтью, пресекая более чем очевидное стремление Мэри забросать меня вопросами.

— Печально, когда жизнь девушки всецело зависит от капризов ее опекунов, — сказала Мэри.

Чувствовалось, ее симпатия ко мне возросла.

— Ты права.

Мэтью поглядел на меня, изогнув бровь. Я догадалась, о чем он сейчас думает. То-то и оно, что я была до жути независимым существом, а Сара и Эм вообще не отличались капризностью.

Разговор переместился в русло политики и недавних событий. Я внимательно слушала, вспоминая изрядно подзабытый курс истории европейской политики Елизаветинской эпохи и пытаясь увязать обрывки знаний с тем, что слышала сейчас. Все трое были хорошо осведомлены о происходящем в Англии и европейских странах. Говорили о возможности испанского вторжения и войне, о сторонниках католицизма и религиозных столкновениях во Франции. Звучали имена и названия мест, о которых я ничего не знала. И тогда я перестала вслушиваться в разговор и просто наслаждалась теплом солярия Мэри. Звуки голосов превратились в убаюкивающий фон. Мои мысли блуждали.

— Моя работа с натурой окончена, леди Пемброк. Я забираю миниатюру с собой для окончательной отделки. К концу недели я пришлю ее вам со своим помощником Исааком, — объявил Хиллиард, собирая краски и кисти.

— Благодарю вас, мастер Хиллиард.

Графиня протянула ему руку, унизанную сверкающими кольцами. Художник поцеловал ее и удалился, кивнув на прощание Мэтью и Генри.

— Он так талантлив, — сказала Мэри, поворачиваясь к собеседникам. — Сейчас у него нет отбоя от заказов. Мне просто повезло, что я сумела договориться с ним заранее.

Отсветы каминного пламени падали на ее туфельки. Серебряные нити вышивки постоянно меняли цвет, делаясь то красными, то оранжевыми, то золотистыми. Я неспешно думала о человеке, создавшем такой потрясающий сюжет для вышивки. Будь я бли-

же знакома с Мэри, то попросила бы разрешения потрогать стежки. Шампье считывал сведения обо мне, водя пальцами по моей коже. Интересно, можно ли узнать что-нибудь подобное от неодушевленного предмета?

Хотя мои пальцы находились далеко от туфель графини, мысленным взором я увидела лицо молодой женщины. Она внимательно рассматривала лист бумаги с нарисованным сюжетом вышивки. Линии рисунка были испещрены крошечными отверстиями. Так вот, оказывается, как достигалась точность перенесения сюжета на кожу туфель! Я узнала тайну, давно занимавшую меня. Продолжая вглядываться в рисунок, я переместилась еще дальше в прошлое. Я увидела Мэри в обществе сурового мужчины с упрямо выпяченной челюстью. Стол, за которым они сидели, был завален гербарными листами. Здесь же была целая коллекция засушенных насекомых. Оба увлеченно говорили о кузнечике. Затем собеседник Мэри начал подробно рассказывать об особенностях этого насекомого. Графиня взяла перо и сделала набросок кузнечика.

«Значит, Мэри увлекается не только алхимией. Ее интересуют растения и насекомые», — подумала я и стала искать вышитого кузнечика на ее обуви. Вот он, у самой пятки. Совсем как настоящий. И пчела на носке правой туфли выглядела так, словно вот-вот упорхнет.

Послышалось тонкое жужжание. Серебристо-черная пчела оторвалась от туфли графини Пемброк и взмыла в воздух.

— Нет! — вырвалось у меня.

— Какая странная пчела! — удивился Генри, отмахиваясь от серебристого насекомого.

Но меня больше волновала серебристая змейка, норовившая уползти в сухой камыш, которым был устлан пол.

— Мэтью! — крикнула я.

Он быстро наклонился и схватил змейку за хвост. Та высунула раздвоенный язык и негодующе зашипела, возмущенная столь бесцеремонным отношением. Мэтью швырнул змейку в камин, где она почти мгновенно сгорела.

— Честное слово, я не хотела...

— Не волнуйся, mon coeur. Ты не могла этого предотвратить. — Мэтью ободряюще коснулся моей щеки, затем взглянул

на графиню, которая разглядывала свои туфли, лишившиеся некоторых деталей вышивки. — Мэри, нам нужна ведьма. И очень срочно, — сказал он.

— Я не знаю ведьм, — торопливо ответила графиня Пемброк, но Мэтью посмотрел на нее с явным недоверием. — Во всяком случае таких, кому бы я могла представить твою жену. Мэтью, ты же знаешь: я не люблю говорить на эти темы. Когда Филип благополучно вернулся из Парижа, он рассказал мне, кто ты есть на самом деле. Но я была еще достаточно мала и сочла слова брата досужей выдумкой. Я хочу, чтобы они и дальше оставались таковыми.

— Однако ты занимаешься алхимией! — заметил ей Мэтью. — Алхимия — тоже досужая выдумка?

— Алхимией я занимаюсь, чтобы понять Божье чудо сотворения! — воскликнула Мэри. — В алхимии нет... колдовства!

— Ты ведь хотела произнести другое слово и заявить, что в алхимии нет зла. — Глаза Мэтью помрачнели, рот угрожающе скривился, и графиня инстинктивно отодвинулась. — Ты настолько уверена в себе и своем Боге, что берешься утверждать, будто знаешь Божьи замыслы?

Мэри почувствовала укор, но сдаваться не собиралась.

— Похоже, Мэтью, мой Бог отличается от твоего.

Глаза моего мужа сощурились. Генри беспокойно почесывал нос.

— Филип рассказывал мне и об этом, — дерзко вскинув голову, продолжала графиня. — Ты по-прежнему подвластен папе римскому и ходишь к мессе. Но брат сумел взглянуть глубже ошибок твоей веры и под всеми этими наслоениями увидеть человека. Я сделала то же самое, надеясь, что однажды ты воспримешь истину и последуешь за ней.

— А почему же ты, зная, кем на самом деле являемся мы с Дианой, не воспринимаешь истину?

— Почему бы нам не возобновить прежние разговоры и больше не касаться этой темы? — Графиня закусила губу и посмотрела на меня.

В ее глазах я увидела растерянность. Она не могла решить, как ей дальше вести себя со мной.

— Потому что я люблю свою жену и хочу видеть ее в безопасности.

Мэри пыталась понять, насколько Мэтью искренен с ней. Должно быть, степень его искренности удовлетворила ее, поскольку она сказала:

— Мэтт, Диане нечего меня бояться. Но больше ни одна живая душа в Лондоне не должна знать, кто она. Шотландские события пугают людей и вдобавок дают им повод скоропалительно обвинять в собственных неудачах кого-то другого.

— Я искренне сожалею, что испортила ваши туфли, — отупело произнесла я. — Их уже не вернуть в прежнее состояние.

— Туфли не стоят того, чтобы столько о них говорить, — твердо произнесла Мэри и встала.

Аудиенция закончилась.

Замок Байнард мы покидали молча. Вслед за нами из караульного помещения вышел Пьер, нахлобучивая шапку.

— Думаю, все прошло очень хорошо, — заявил Генри, нарушая молчание, и мы с Мэтью недоверчиво посмотрели на него. — Конечно, без некоторых трудностей не обошлось, — поспешно добавил он. — Но я безошибочно понял: Мэри заинтересовалась Дианой, а с тобой, Мэтью, она вовсе не намерена рвать дружеские отношения. Ты должен дать ей шанс. Мэри выросла в среде, где ее учили проявлять осторожность и не торопиться доверять людям. Потому и вопросы веры так сильно ее волнуют.

Генри поплотнее закутался в плащ. Ветер не утихал. Уже начинало темнеть.

— Как ни печально, но я вынужден с вами проститься. Матушка сейчас в Олдерсгейте и ждет меня на ужин.

— Ее недомогание прошло? — спросил Мэтью.

В Рождество вдовствующая графиня пожаловалась на одышку. Мэтью высказал предположение, что это может быть связано с сердцем.

— Моя матушка из Невиллов. Поэтому она будет жить вечно и при каждом удобном случае доставлять нам неприятности! — Генри поцеловал меня в щеку. — Не беспокойтесь насчет Мэри и... всего остального. — Он многозначительно шевельнул бровями и ушел.

Мы с Мэтью проводили его глазами и повернули в сторону Блэкфрайерса.

— Что произошло? — тихо спросил Мэтью.

— Прежде магия пробуждалась, отвечая на мои эмоции. А у графини все началось с праздного вопроса. Мне захотелось заглянуть внутрь вещей. Но я понятия не имею, как оживила ту пчелу.

— Слава Богу, что ты раздумывала о туфлях Мэри. Если бы тебя потянуло изучать ее шпалеры, мы бы оказались в гуще войны богов на Олимпе, — сухо сказал он.

Мы быстро прошли через площадь перед собором Святого Павла и направились в относительно тихий квартал Блэкфрайерс. На площади уже не было такой суеты и сумятицы, как днем. Ремесленники стояли в дверях мастерских, разговаривая о том о сем и оставив подмастерьям заканчивать дневную работу.

— Хочешь, возьмем домой какое-нибудь лакомство для тебя? — предложил Мэтью, указывая на здание пекарни. — К сожалению, пиццу здесь не делают, но Кит и Уолтер сами не свои от мясных пирогов Прайора.

Из пекарни пахло настолько соблазнительно, что у меня потекли слюнки. Я кивнула.

Увидев Мэтью, владелец пекарни вначале оторопел, затем немало удивился, когда мой муж начал подробно его расспрашивать о поставках и относительной свежести мяса. Наконец я согласилась на пирог с утиным мясом. К оленине, какой бы свежайшей она ни была, я так и не могла привыкнуть.

Мэтью расплатился с мистером Прайором. Помощники пекаря заворачивали нам купленный пирог и украдкой все время поглядывали на нас. Лишнее напоминание, что ведьма и вампир вызывают людское подозрение. Я уже не говорю про любопытство.

Обед прошел тихо, в уютной обстановке, хотя чувствовалось, что Мэтью был несколько озабочен. Едва я доела пирог, на лестнице послышались шаги. «Только бы не Кит, — подумала я, перекрещивая пальцы. — Только не сегодня».

Дверь открыла Франсуаза. На пороге стояли караульные графини в темно-серых мундирах.

— Никак графиня занемогла? — вставая, хмуро спросил Мэтью. — Или кто-то из ее сыновей?

— Все в добром здравии, сэр.

Один из солдат подал Мэтью аккуратно сложенную записку. Она была торопливо запечатана несколькими красными восковыми печатями с оттиском наконечника стрелы.

— Графиня Пемброк велела передать госпоже Ройдон, — сообщил солдат и поклонился.

На обратной стороне был выведен довольно странный адрес: «Госпоже Диане Ройдон, в дом с вывеской „Олень и корона", Блэкфрайерс». Перед мысленным взором сразу же встало умное, проницательное лицо Мэри Сидни. Я подошла ближе к топящемуся камину, сломала воск печатей и развернула послание. Бумага была плотной и при разворачивании потрескивала. Этот лист служил конвертом. Собственно записку я нашла внутри.

— И что пишет Мэри? — спросил Мэтью, после того как караульные ушли.

Он стоял за спиной, положив руки мне на плечи.

— Приглашает меня в Байнард в четверг. Мэри собирается провести какой-то алхимический опыт и думает, что мне будет интересно.

Такого поворота событий я никак не ожидала. Мэтью это почувствовал по моему голосу.

— В этом вся Мэри. Осторожная, но верная друзьям, — сказал Мэтью, целуя меня в макушку. — Она всегда обладала удивительной способностью заглаживать недоразумения. А что на вложенном листе?

Там были стихи. Я прочла вслух три первые строчки:

> Когда в суждениях всецело заблуждался,
> Когда для многих чудищем казался,
> Ты, Господи, столпом моей надежды оставался.

— Так- так-так, — со смехом прервал меня Мэтью. — Смотрю, моя жена успела снискать доверие. — (Я снова ничего не понимала.) — Алхимия для Мэри — скорее хобби. А своим главным занятием, которому она отдает много времени и сил, Мэри считает поэтическое изложение псалмов для Англиканской церкви. Ее брат Филип начал этим заниматься, но вскоре умер. Поэтический дар Мэри вдвое сильнее. Порой она и сама об этом догадывается, но вслух ни за что не признает. Эти строчки есть не что иное, как начало Семьдесят первого псалма. Мэри послала их тебе, чтобы показать миру, что отныне ты входишь в ее круг. Она считает тебя своим другом, которому можно доверять. — Мэтью наклонился к моему уху и озорным шепотом добавил: — Хотя ты и испортила ее драгоценные туфельки.

Усмехнувшись еще раз, Мэтью в сопровождении Пьера удалился в кабинет.

Один край громоздкого стола в гостиной я превратила в свой письменный стол. Перемещение в XVI век не изменило моего отношения к рабочему пространству: нужные вещи лежали там вперемешку со всяким хламом. Порывшись, я нашла несколько последних чистых листов бумаги, взяла новое перо и немного разгребла хлам, чтобы освободить место для письма.

Составление короткого ответа графине заняло у меня пять минут. Я посадила на лист две отвратительные кляксы, зато мой почерк выглядел вполне пристойно. Помня, что строгих правил правописания тогда еще не существовало, некоторые слова я писала так, как они звучат на слух. В сомнительных случаях удваивала согласные или ставила в конце нечитаемое «е». Окончив писать, я посыпала лист песком и, дождавшись, когда он впитает избыток чернил, стряхнула песок на пол. Сложив лист, я только сейчас обнаружила, что у меня нет ни воска, ни печати, чтобы запечатывать письма по всем правилам. «Это нужно решить, и как можно скорее», — подумала я.

Я отодвинула письмо, вручив его дальнейшую судьбу заботам Пьера, и снова пододвинула к себе листок Мэри. Она прислала мне весь Семьдесят первый псалом в поэтическом изложении. Я потянулась за записной книжкой, которую купил мне Мэтью. Открыв ее на первой странице, я обмакнула перо в ближайшую чернильницу и, стараясь не сломать его острый кончик, стала переписывать стихотворные строки:

> А те, кто ненавистью на меня исходят,
> Беседу меж лазутчиков своих заводят
> И молвят: ожидаем был итог —
> Его давным-давно оставил Бог.
> Преследуйте ж его без страха и сомненья —
> Ему ведь не от кого ждать спасенья.

Когда чернила высохли, я закрыла книжку, засунув ее под «Аркадию» Филипа Сидни.

Стихотворный подарок Мэри был не просто предложением дружбы. Я не сомневалась, что смысл его гораздо глубже. Если строчки, которые я прочитала Мэтью вслух, были признанием всего, что он сделал для ее семьи, и обещанием сохранять прож-

ние дружеские отношения, завершающие строчки псалма содержали послание ко мне. За нами следили. Кто-то заподозрил, что в доме на Уотер-лейн все идет совсем не так, как кажется. Враги Мэтью нынче бились об заклад, злорадно утверждая, что даже союзники моего мужа отвернутся от него, когда узнают правду.

Мало того что Мэтью был вампиром, он находился на службе у королевы и входил в состав Конгрегации. Поиски ведьмы для моего обучения могли сильно повредить его репутации. А учитывая мою беременность, необходимость быстро найти такую ведьму становилась особенно острой.

Я пододвинула к себе чистый лист и принялась составлять список.

Воск для запечатывания писем
Печать

Лондон был большим городом, где я сумею купить все необходимое.

Глава 17

— Я собираюсь в город.

Франсуаза подняла голову от шитья. Еще через полминуты в дверях появился Пьер. Будь Мэтью дома, он бы тоже появился, но мой муж занимался какими-то таинственными делами в городе. Проснувшись, я сразу увидела его промокшую одежду, которая сушилась у камина. Его вызвали среди ночи, затем он вернулся, чтобы снова уйти.

— Вы серьезно? — спросила Франсуаза и сощурилась.

Еще утром, помогая мне одеваться, служанка догадалась: я что-то задумала. Обычно я ворчала по поводу количества нижних юбок, надеваемых через голову. Сегодня я не только покорно их надела, но и добавила еще одну, из теплой серой фланели. Затем у нас возник спор относительно платья. Одежда Луизы де Клермон была роскошной, однако я предпочитала более практичные вещи, сшитые мне во Франции. Сестра Мэтью — темноволосая, с фарфорово-белой кожей — вполне могла надеть платье из ярко-бирюзового бархата («Цвет патины», — поправила меня Франсуаза) или серо-зеленой тафты приглушенного оттенка (справедливо названного «умирающим испанцем»). Но при моих веснушчатых щеках и светлых волосах с рыжиной такие платья выглядели просто жутко. К тому же они были слишком изысканными для выхода в город по делам.

— Полагаю, мадам стоило бы дождаться возвращения господина Ройдона, — предложил Пьер, нервозно переминаясь с ноги на ногу.

— А я так не думаю. Я составила список необходимых вещей и хочу купить их самостоятельно. — Я достала кожаный мешочек с монетами — подарок Филиппа. — Подскажите, как правильно:

прикрепить мешочек к поясу или запихнуть монеты внутрь корсажа и доставать их оттуда, когда понадобятся?

В исторических романах женщины постоянно что-то прятали под корсажем. Мне не терпелось проверить, действительно ли легко доставать оттуда деньги, как утверждали писатели. В их романах и занятия сексом выглядели уж слишком простым делом. Они явно не знали, какое количество одежек нужно снять, прежде чем предаться любовным утехам.

— Мадам вообще незачем нести деньги самой! — возразила Франсуаза и указала на Пьера.

Он развязывал тесемки своей поясной сумки. Сумка выглядела бездонной и вмещала в себя внушительный набор острых предметов: иголок, булавок и, как мне показалось, даже отмычки и кинжал. Туда же отправился и мой мешочек, который позвякивал от малейшего сотрясения.

Выйдя на Уотер-лейн, я решительно направилась в сторону собора Святого Павла. Степень решительности во многом определялась патенами — деревянными сандалиями, которые надевались на обувь и предохраняли ее от грязи. Плащ на меховой подкладке хлестал меня по ногам и служил надежной преградой на пути клубящегося тумана. Мы получили передышку от затяжных дождей, однако погоду ни в коем случае нельзя было назвать сухой.

Первую остановку мы сделали в пекарне Прайора, где купили булочек с изюмом и засахаренные фрукты. Ближе к вечеру на меня всегда нападал голод и мне хотелось чего-нибудь сладенького. Оттуда я направилась к шумной мастерской печатника. Над ее дверью красовалась вывеска с изображением якоря. Неподалеку от мастерской пролегал переулок, соединявший квартал Блэкфрайерс с остальными частями Лондона.

— Доброе утро, госпожа Ройдон, — услышала я, едва переступив порог мастерской. Соседи узнавали меня в лицо. — Вы пришли за книгой, заказанной вашим мужем?

Я уверенно кивнула, хотя и понятия не имела, о какой книге он говорит. Печатник достал с верхней полки довольно тонкую книгу. Перелистав страницы, я поняла, что книга посвящена военному делу, и в частности баллистике.

— Вы уж извините, что у меня не было переплетенного экземпляра вашей книги по медицине, — продолжал печатник, завора-

чивая новое приобретение Мэтью. — Когда вам будет угодно ненадолго расстаться с ней, я одену ее в надлежащий переплет.

Так вот откуда ко мне попал трактат о болезнях и лекарствах.

— Благодарю вас, мастер... — Я не договорила, поскольку не знала его имени.

— Филд, — подсказал печатник.

— Благодарю вас, мастер Филд,– повторила я.

Из заднего помещения вышла молодая светлоглазая женщина. Вместе с ней, цепляясь за подол, ковылял малыш. Кожа на пальцах женщины была шершавой. В поры въелась типографская краска.

— Познакомьтесь, госпожа Ройдон. Это моя жена Жаклин.

— А-а, здравствуйте, мадам Ройдон.

Женщина говорила с мягким французским акцентом, напоминавшим речь Изабо.

— Ваш муж рассказывал, что вы очень много читаете. А Маргарет Холи говорила, что вы еще и алхимию изучаете.

Итак, Жаклин и ее муж были хорошо осведомлены о моих занятиях. Не удивлюсь, если они знали размер моей обуви и предпочитаемый сорт мясного пирога. Все это еще сильнее меня удивило. Стало быть, никто в пределах Блэкфрайерса не заподозрил во мне ведьму.

— Да, — коротко ответила я, расправляя складки на перчатках. — Мастер Филд, а вы продаете писчую бумагу?

— Разумеется, — смущенно ответил печатник. — Неужели вы уже заполнили все листы вашей записной книжки?

Ага, значит, и записная книжка тоже была куплена здесь.

— Мне нужна бумага для писем, — пояснила я. — К ней — воск для запечатывания. И печать. Я могу купить все это у вас?

Мне вспомнился книжный магазин Йельского университета с его огромным выбором бумаги, ручек, брусков разноцветного и совершенно бесполезного воска для писем. Там же продавались и дешевые латунные печати в форме букв. А здесь... мой вопрос заставил супругов Филд переглянуться.

— Бумагу я пошлю вам сегодня же, — пообещал Филд. — Что касается печатки, вам понадобится помощь ювелира, который изготовит ее вместе с кольцом. У меня, к сожалению, есть лишь истершиеся типографские литеры. Я их потом расплавляю и отливаю новые.

— Вы можете обратиться к Николя Валлену, — предложила Жаклин. — Он, госпожа Ройдон, большой знаток металлов и к тому же делает замечательные часы.

— *Это неподалеку?* — спросила я, *плечом указывая в сторону* переулка.

— Он вовсе не ювелир, — запротестовал Филд. — Незачем создавать месье Валлену лишние хлопоты.

Жаклин невозмутимо выслушала возражения мужа.

— Ричард, жизнь в Блэкфрайерсе имеет свои преимущества, и работа не по правилам гильдий — одно из них. И потом, гильдия ювелиров не придерется ни к одному здешнему мастеру, сделавшему всего-навсего женское колечко. А воск, госпожа Ройдон, вы сможете купить в аптеке.

Мне так или иначе нужно было туда заглянуть. В списке моих покупок значилось мыло. Я знала, что аптекари пользуются перегонными кубами. И хотя мое внимание неизбежно перемещалось с алхимии на магию, не стоило пренебрегать возможностью научиться чему-то полезному.

— Где находится ближайшая аптека?

Пьер кашлянул:

— Вам все-таки стоило бы посоветоваться с господином Ройдоном.

Я догадывалась, чем бы кончилось это «посоветоваться»: Мэтью, заботясь о моей безопасности, отправил бы за покупками Франсуазу или Пьера. Печатник и его жена с интересом ожидали моего ответа.

— Возможно, — сказала я, дерзко поглядывая на Пьера. — Но я все-таки хочу услышать рекомендации госпожи Филд.

— Я бы посоветовала Джона Хестера, — ответила Жаклин, и в ее глазах мелькнули озорные огоньки. Отцепив сына от подола, она добавила: — Я своему малышу ухо вылечила его настойкой.

Если мне не изменяла память, Джон Хестер был не только аптекарем. Он интересовался алхимией. Возможно, он знает кого-нибудь из ведьм. А может, и сам является ведьмаком. Последний вариант как нельзя лучше отвечал моим намерениям. Сегодня я не просто отправилась за покупками. Я решила показать себя. Ведьмы — порода любопытная. Если выставить себя в качестве приманки, кто-нибудь да клюнет.

— Говорят, даже графиня Пемброк обращается к нему за советом по поводу мигреней у юного лорда, — добавил Ричард Филд.

Итак, в Блэкфрайерсе знали и то, что я побывала в замке Байнард. Мэри оказалась права: за нами наблюдали.

— Аптека мастера Хестера находится близ Полз-Уорф. У него на вывеске перегонный куб.

— Благодарю за сведения, госпожа Филд, — сказала я.

Судя по названию, Полз-Уорф находится где-то неподалеку от собора Святого Павла. Сегодня я могу заглянуть и туда. Я мысленно перекроила свой маршрут.

Едва мы распрощались с печатником и его женой, как Франсуаза и Пьер тут же повернули к дому.

— А я пойду к собору, — заявила я, демонстративно направляясь в другую сторону.

Естественно, Пьер попытался меня урезонить:

— Милорд будет недоволен.

— Милорда здесь нет. Я хорошо помню его строгое распоряжение: никуда не ходить без вас. Однако Мэтью не запрещал мне покидать дом. — Я протянула книгу и пакет с булочками Франсуазе. — Если Мэтью вернется раньше меня, сообщите ему, куда мы пошли, и скажите, что я скоро вернусь.

Франсуаза взяла книгу и булочки, обменялась долгим, многозначительным взглядом с Пьером, после чего молча пошла по Уотер-лейн. Я двинулась в избранном направлении.

— Prenez garde, madame[1], — пробормотал Пьер.

— Я всегда осторожна, — спокойно ответила я, ступив прямо в лужу.

На улице, что вела к собору, столкнулись две кареты, перегородив собой пространство. Тяжелые, громоздкие кареты больше напоминали фургоны, а вовсе не те элегантные экипажи в фильмах по романам Джейн Остин. Лавируя, я пробиралась между ними, стараясь не приближаться к взбешенным лошадям и еще более взбешенным пассажирам. Те стояли посреди улицы и громко орали, выясняя, кто виноват. Спокойными оставались только кучера. Они продолжали сидеть на козлах, переговариваясь между собой. Пьер следовал за мной по пятам.

— И часто такое случается? — спросила я, откидывая мешавший капюшон.

---

[1] Осторожнее, мадам *(фр.)*.

— От этих новомодных закрытых телег сплошные беды, — поморщился Пьер. — Было куда лучше, когда люди ходили пешком и ездили верхом. Но я не волнуюсь. В обиход кареты все равно не войдут.

То же самое говорили и Генри Форду.

— Далеко ли еще до Полз-Уорф?

— Милорду не нравится Джон Хестер.

— Пьер, я ведь не об этом спрашиваю.

— Что мадам желает купить на церковном дворе?

Отвлекающий маневр Пьера был мне знаком еще со времен средней школы. Однако я не собиралась рассказывать всем подряд истинную причину наших странствий по Лондону.

— Книги, — лаконично ответила я.

Мы вошли в пресинкт собора Святого Павла. Здесь буквально каждый дюйм был занят продающими товары и предлагающими свои услуги. К одной из стен собора притулилась пристройка. Под навесом на табурете сидел дружелюбного вида мужчина средних лет. Возле его прилавка толкались люди. Если мне повезет, среди них обнаружится ведьма или ведьмак.

Я приблизилась. Увы, стоявшие в очереди были просто людьми. Жаль.

Человек поднял глаза от бумаги, которую он переписывал для ожидающего заказчика. Писец. «Только бы он не оказался Шекспиром», — мысленно взмолилась я.

— Чем могу быть вам полезен, госпожа Ройдон? — с французским акцентом спросил писец.

Слава Богу, не Шекспир! Но откуда он знает, кто я?

— У вас есть воск для писем? И красные чернила?

— Госпожа Ройдон, я ведь не аптекарь, а всего лишь бедный учитель.

В очереди вполголоса заговорили о неприлично больших доходах, получаемых бакалейщиками, аптекарями и прочими вымогателями.

— Госпожа Филд говорила, что Джон Хестер готовит замечательный воск для писем, — громко сказала я.

В мою сторону сразу же повернулось несколько голов.

— Только весьма дорогой. Да и чернила у него недешевые. Он их делает из цветков ириса.

Толпа снова зашушукалась, поддерживая мнение писца.

— Можете показать, в какой стороне его аптека?

— Non[1], — прошипел мне в ухо Пьер, хватая меня за локоть.

Это привлекло ко мне еще больше внимания, и Пьер был вынужден отпустить мою руку.

— Его аптека находится близ Полз-Уорф, — сказал писец, показывая на восток. — Идите к заведению «Голова епископа», а там поверните на юг. Впрочем, месье Корню и сам знает дорогу.

Я обернулась. Пьер смотрел куда-то поверх моей головы.

— Говорите, знает? Благодарю.

— Так это жена Мэтью Ройдона? — ехидно усмехнулся кто-то нам в спину. — Mon dieu! Теперь понятно, почему у него такой изможденный вид.

Я не торопилась сразу же пойти в аптеку. Вперившись глазами в громаду собора, я стала огибать его. Собор и сейчас оставался удивительно гармоничным, но удар молнии навсегда лишил его изначальных пропорций.

— Вы избрали не самый короткий путь к «Голове епископа».

Обычно Пьер держался в трех шагах от меня. Сегодня он сократил дистанцию до одного шага и налетел на меня, когда я в очередной раз остановилась полюбоваться собором.

— А шпиль был очень высоким?

— Высота его почти равнялась длине собора. Милорд всегда изумлялся, как строителям удалось поставить столь высокий шпиль.

Уцелей шпиль, здание сейчас выглядело бы парящим, с его изящной башенкой, чьи очертания перекликались бы с очертаниями контрфорсов и высоких готических окон.

От собора шел поток энергии. Я вспомнила развалины храма Артемиды в окрестностях Сет-Тура. Где-то глубоко под собором некто или нечто почуяли мое присутствие. Я получила едва уловимый ответ — что-то вроде легкого ветерка, прошуршавшего под ногами. Свидетельство, что меня узнали. Затем все исчезло. Здесь была сила, к которой неодолимо влекло ведьм.

Откинув капюшон, я медленно разглядывала покупателей и продавцов на территории церковного двора. Демоны, ведьмы и вампиры устремляли ко мне свое внимание, но само место было слишком шумным и суетливым. Мне требовалась более камерная обстановка.

---

[1] Нет *(фр.)*.

Я прошла вдоль северной стены собора и свернула к восточной. Шум стал еще сильнее. Внимание собравшихся было обращено к оратору. Он стоял на открытой проповеднической кафедре. Позади кафедры находилась башенка, увенчанная крестом. Поскольку до микрофонов и звуковых колонок было еще очень далеко, оратору приходилось выкрикивать слова и отчаянно жестикулировать, изображая огонь и серу.

Ни одна ведьма не справилась бы со столь яростным потоком проклятий и угроз вечного горения в аду. Если только я не сделаю какой-нибудь отчаянной глупости, любая ведьма, заметившая меня, увидит во мне лишь соплеменницу, которая отправилась за покупками. Я подавила вздох досады. До сих пор мой замысел казался мне предельно простым и надежным. В Блэкфрайерсе ведьм не было, зато здесь, рядом с собором, они буквально кишели. Однако Пьер своим присутствием отпугивал всякую любопытную ведьму.

— Стойте здесь и никуда не сходите с этого места, — велела я, сурово глядя на своего сопровождающего.

Мои шансы привлечь внимание дружелюбно настроенной ведьмы сразу возрастут, если Пьер не будет толкаться рядом, распространяя свое вампирское презрение. Он молча прислонился к опорному столбу ближайшего лотка, продолжая следить за мной.

Я смешалась с толпой у основания Креста Святого Павла, бросая взгляды по сторонам, словно искала потерявшуюся подругу. Я ждала, когда тело ощутит знакомое покалывание — сигнал присутствия ведьм. А ведьмы в толпе слушателей были. Я их чувствовала.

— Госпожа Ройдон! — окликнул меня знакомый голос. — Что привело вас сюда?

Между плечами двух серьезного вида джентльменов появилось румяное лицо Джорджа Чапмена. Его соседи внимательно слушали, как проповедник клеймит пороки мира, нечестивое иго католиков и плутовство купцов.

Ведьму я так и не нашла, а вот членов Школы ночи можно было встретить где угодно.

— Да вот вышла купить чернил и воска для писем.

Чем чаще я повторяла эту фразу, тем глупее она звучала.

— В таком случае вам нужно в аптеку. Пойдемте, я провожу вас к своему аптекарю. — Джордж согнул локоть, предлагая взять

его под руку. — Цены у него вполне разумные, а качество отменное.

— Господин Чапмен, нынче рано начинает смеркаться, — заявил невесть откуда взявшийся Пьер.

— Госпоже Ройдон нужно подышать свежим воздухом, пока есть такая возможность. Лодочники говорят, скоро опять начнутся дожди, а они редко ошибаются. И потом, аптека Джона Чандлера совсем рядом, менее чем в полумиле, на Ред-Кросс-стрит.

Встреча с Джорджем оказалась не занудной, как я думала, а неожиданно плодотворной. Я не сомневалась, что по пути нам обязательно встретится ведьма.

— Мэтью не стал бы возражать против моей прогулки с Джорджем Чапменом. Особенно когда вы тоже идете с нами, — сказала я, беря Джорджа под руку. — Скажите, а аптека Чандлера находится где-то возле Полз-Уорф?

— Совсем в другой стороне, — ответил Джордж. — Я понял, почему вы спросили. В ту аптеку вам не стоит и заглядывать. Джон Хестер — единственный аптекарь в здешней округе, и потому его цены превышают разумные пределы. Мастер Чандлер продаст вам более качественный товар и вполовину дешевле.

Я отложила поход к Хестеру на другой день и отправилась под руку с Джорджем. Миновав церковный двор собора, мы направились на север. По обеим сторонам улицы стояли величественные здания, окруженные роскошными садами.

— Здесь живет матушка Генри, — сообщил Джордж, указывая на потрясающе красивые дома слева от нас. — Он ненавидит это место и долго жил неподалеку от Мэтта, пока Мэри не убедила его, что такое жилье ниже графского достоинства. Теперь Генри переехал в дом на Стрэнде. Мэри довольна, однако Генри утверждает, что там сумрачно и сыро, а его кости не выносят сырости.

Древние городские стены начинались сразу за фамильным домом Перси. Возведенные римлянами для защиты Лондиниума от захватчиков, они и по сей день являлись официальными границами города. Выйдя за пределы Олдерсгейта, мы пересекли невысокий мост и оказались среди полей, где вокруг церквей лепились невысокие домики. Я зажала нос: пасторальные виды сопровождались редкостным зловонием.

— Городская сточная канава, — извиняющимся тоном пояснил Джордж, указывая на грязную реку, над которой мы только

что прошли. — Увы, это самый короткий путь. Вскоре воздух изменится.

Я вытерла слезящиеся глаза, искренне надеясь, что зловоние не будет сопровождать нас до самой аптеки.

Теперь мы шли по довольно широкой улице, где могли разъехаться кареты. Скрипели телеги, нагруженные разнообразной снедью. Помимо лошадей, нам встретилась воловья упряжка. Джордж говорил без умолку, рассказывая о недавней встрече со своим издателем Уильямом Понсонби. Его огорчило, что это имя было мне незнакомо. Я почти ничего не знала об особенностях книготорговли в Елизаветинскую эпоху и перевела разговор в иное русло. Джордж с удовольствием стал рассказывать о пренебрежительном отношении Понсонби ко многим драматургам, включая Кита. Этот издатель предпочитал работать с серьезными авторами, и когорта его любимцев была поистине впечатляющей: Эдмунд Спенсер, графиня Пемброк, Филип Сидни.

— Понсонби напечатал бы и стихи Мэтта, но ваш муж отказался, — горестно вздохнул Джордж и покачал головой, до сих пор удивленный этим.

— Стихи Мэтта?

Я замедлила шаг и почти остановилась. Я знала, что Мэтью любил и знал поэзию. Но чтобы он сам писал стихи...

— Да. Правда, сам Мэтт утверждает, что они годятся только для дружеского прочтения. Мы все восторгаемся элегией, которую он написал по случаю кончины Филипа Сидни — родного брата Мэри: «Людские очи, уши, мысли / Питал ты щедро нектаром совершенства своего». — Джордж улыбнулся. — Одно это стихотворение чего стоит. Но Мэтью без восторга относится к печатному станку и говорит, что печатные книги лишь умножают разногласия и незрелые суждения.

Современное оборудование в лаборатории не мешало Мэтью оставаться консерватором, восхищающимся старинными часами и винтажными автомобилями. Я сжала губы, чтобы не улыбнуться очередному свидетельству его приверженности традициям.

— А чему посвящены стихи Мэтью? — полюбопытствовала я.

— В основном любви и дружбе, хотя с недавних пор они с Уолтером начали обмениваться стихами о... предметах более мрачного свойства. Они теперь и думают совершенно одинаково, словно у них общий разум.

— Более мрачного свойства? — переспросила я.

— Они с Уолтером далеко не всегда одобряют происходящее вокруг. — Джордж понизил голос и огляделся по сторонам, не прислушивается ли к его словам кто-нибудь из прохожих. — Оба стали какими-то нетерпеливыми. В особенности Уолтер. Часто опровергают ложь тех, кто наделен властью. Это опасная тенденция.

— Опровергают ложь, — повторила я. Мне вспомнилось знаменитое стихотворение «Ложь»: анонимное, но приписываемое Уолтеру Рэли. — «Ложь при дворе сверкает, / Но свет ее подобен свечению лесных гнилушек». Вы об этом?

— Значит, Мэтт читал свои стихи и вам. — Джордж снова вздохнул. — Он умеет несколькими словами передать целую гамму чувств и пласты смысла. Я завидую его таланту.

Стихи были мне известны, однако я и подумать не могла, что их написал Мэтью. Но впереди у нас еще предостаточно вечеров, когда я ненароком расспрошу мужа о его литературных занятиях. По молчаливому согласию мы с Джорджем оставили эту тему. Он стал рассказывать о тяготах писательской жизни. Он считал, что необходимость выживать толкает писателей на увеличение числа публикаций в ущерб качеству. Затем он пожаловался на недостаток грамотных редакторов, способных вылавливать ошибки, чтобы те не перекочевали на печатные страницы.

— А вот и аптека Чандлера, — сказал Джордж, указывая на перекресток улиц.

Центр перекрестка занимал покосившийся крест, стоявший на каменном постаменте. Возле креста копошилась ватага уличных мальчишек. Отыскав в основании постамента шатающийся булыжник, они расшатывали камень, стараясь его вытащить. Не надо было обладать чутьем ведьмы, чтобы догадаться: очень скоро булыжник полетит в окно какого-нибудь магазина.

Чем ближе мы подходили к аптеке, тем холоднее становился воздух. Как и возле собора Святого Павла, из здешних недр исходил поток силы. Но даже он не заглушал гнетущего ощущения бедности и безысходности, которым веяло от этого квартала. На северной стороне улицы стояла полуразвалившаяся старинная башня. Окрестные домишки выглядели так, словно порыв ветра вот-вот унесет их прочь. Двое мальчишек из ватаги хотели подойти к нам поближе, но Пьер, тихо зашипев, тут же охладил их интерес.

Аптека Джона Чандлера великолепно вписывалась в средневековую обстановку квартала. В помещении было сумрачно и както тревожно. Пахло чем-то едким. С потолка свешивалось чучело совы. На стене скалились зубастые челюсти, принадлежность которых я даже не стала пытаться определить. Ниже располагалось изображение несчастного человека, которому отсекли руки и ноги, предварительно их сломав. Это было сделано несколькими видами оружия, также изображенными на рисунке. Мало того, левый глаз бедняги был проткнут плотницким шилом.

Из-за портьеры к нам вышел сутулый человек в черном выцветшем бомбазиновом балахоне, который здорово напоминал академические мантии студентов Оксфорда и Кембриджа и вполне мог соперничать с ними по части помятости. Лучистые светло-карие глаза аптекаря спокойно встретились с моими. Я ощутила характерное покалывание по всей кожи. Чандлер был ведьмаком. Пройдя бóльшую часть Лондона, я наконец-то встретилась со своим соплеменником.

— А окрестные улицы с каждой неделей становятся все опаснее, — сказал Джордж, выглядывая за дверь.

Я успела увидеть любопытные, нагловатые физиономии мальчишек.

— Совсем от рук отбились. Прямо стая волчат, — согласился Чандлер. — Чем я могу быть полезен вам сегодня, господин Чапмен? Никак головные боли вернулись и вам снова требуется моя настойка?

Джордж стал подробно перечислять свои многочисленные болячки и недуги. Каждую из них Чандлер встречал сочувственным бормотанием и все ближе подвигал к себе конторскую книгу. Затем они оба принялись ее листать, а я получила возможность осмотреться.

Аптеки Елизаветинской эпохи являлись своеобразными универсальными магазинами. Небольшое помещение было чуть ли не до потолка забито товарами. Я увидела стопки иллюстрированных плакатов вроде того, что висел на стене. Рядом выстроились банки с засахаренными фруктами. Отдельный стол был выделен для книг, где новые соседствовали с потертыми. Мрачный интерьер аптеки оживляли глиняные кувшины с наклейками, где значилось их содержимое: лекарственная трава, пряность или что-то еще. Животное царство было представлено не только чучелом

совы и челюстями на стене, но и высохшими тушками грызунов, подвешенных за хвост. Помимо них, я увидела склянки с чернилами, гусиные перья и мотки бечевки.

Ассортимент товаров если и был упорядочен, то лишь отчасти. Чернила и перья находились рядом с книгами, как раз под мудрой совой. Мыши висели над горшком с надписью «Крысиный яд». Возле горшка лежала книга, обещавшая помочь не только с ловлей рыбы, но и со строительством разнообразных приспособлений и ловушек для поимки хорьков, канюков, крыс, мышей и всех прочих видов зверей и насекомых. Я постоянно думала о том, как избавить архив Мэтью от мышей. Рекомендации, даваемые в книге, превосходили мои хозяйственные способности, но я сумею найти тех, кто справится с этой задачей.

— Прошу прощения, госпожа, — пробормотал Чандлер, проходя мимо.

К моему удивлению, он снял подвешенных мышей, перенес на подобие верстака, где быстро и ловко отрезал им уши.

— А на что годны мышиные уши? — спросила я у Джорджа.

— Истолченные мышиные уши хорошо снимают бородавки, — с энтузиазмом принялся объяснять мне драматург, наблюдая, как Чандлер орудует ступой.

Радуясь отсутствию у себя бородавок, я переместилась к сове, охранявшей отдел канцтоваров. Там я нашла склянку густых чернил сочного красного цвета.

Учтите, госпожа, если вы принесете эту склянку домой, ваш друг-варг вряд ли будет доволен. Чернила сделаны из крови ястреба и предназначены для написания любовных заговоров.

Итак, Чандлер владел силой телепатии. Я поставила склянку на место и взяла журнал с измятыми, обтрепанными страницами. В Елизаветинскую эпоху такие журналы называли памфлетами. Верхняя картинка первой страницы изображала волка, напавшего на ребенка. Две нижние запечатлели жестокие истязания узника и его казнь. Мне это напомнило таблоиды, какие обычно продаются на кассах современных супермаркетов. Перевернув страницу, я наткнулась на не менее жуткий рассказ о некоем Петере, имевшем прозвище Пень. Этот Петер оборачивался волком, нападал на мужчин, женщин и детей и высасывал из своих жертв всю кровь, обрекая их на смерть. Значит, уже тогда людям были известны не только шотландские ведьмы, но и вампиры.

Я пробежала глазами по строчкам и облегченно вздохнула. Петер Пень жил в далекой Германии. Но тревога тут же вернулась, стоило мне прочесть, что дядя одной из жертв жил в Лондоне и имел пивоварню, находившуюся на полпути между нашим домом и замком Байнард. Меня в одинаковой степени шокировали ужасающие подробности убийств и то, как далеко заходили люди, чтобы защищаться от существ нечеловеческой природы, живущих среди них. Петер Пень фигурировал в памфлете как ведьмак, заключивший сделку с дьяволом, что позволяло ему менять обличье и удовлетворять свою неестественную жажду крови. Хотя этот Петер более походил на вампира. Я сунула памфлет под книгу и пошла к прилавку.

— Госпожа Ройдон хочет кое-что купить у вас, — пояснил Джордж.

Мое имя словно выдуло все мысли из мозга Чандлера.

— Да, — подтвердила я. — Красные чернила, если они у вас есть. И душистое мыло для умывания.

— Конечно.

Ведьмак поискал среди оловянных бутылочек и, найдя нужную, выставил ее на прилавок.

— Вам, наверное, понадобится и воск под цвет чернил?

— Мне подойдет любой воск, какой у вас есть, мастер Чандлер.

— Я тут нашел у вас одну из книг мастера Хестера, — сказал Джордж, касаясь переплета книги. — Я рассказывал госпоже Ройдон, что ваши чернила ничуть не хуже его чернил, зато вдвое дешевле.

Комплимент Джорджа вызвал у аптекаря вялую улыбку. Он достал несколько красно-розовых брусков воска и два шарика пахучего мыла, добавив все это к чернилам. Я выложила на прилавок памфлет о немецком вампире и руководство по борьбе с крысами. В глазах Чандлера появилась настороженность.

— А что до этой книги... мне сосед-печатник принес несколько экземпляров. Подумал, раз трактат по медицине, у меня скорее купят, — пояснил Чандлер.

— Госпоже Ройдон тоже будет интересно, — решил за меня Джордж, кладя книгу поверх моих двух.

Уже не в первый раз я удивлялась, как люди могут совершенно не замечать того, что происходит у них под самым носом.

— Сомневаюсь, что этот трактат подойдет для леди...

Чандлер не договорил, многозначительно посмотрев на мое обручальное кольцо. Я хотела ему мысленно ответить, но Джордж меня опередил:

— Муж госпожи Ройдон не станет возражать. И потом, она изучает алхимию.

— Я возьму эту книгу, — решительно заявила я.

Пока Чандлер заворачивал наши покупки, Джордж спросил, не порекомендует ли он мастера по изготовлению очков.

— Господин Понсонби — мой издатель — опасается, что глаза подведут меня раньше, чем я успею завершить свой перевод Гомера, — с важным видом сообщил Джордж. — Мать слуги снабдила меня рецептом одного снадобья, но оно не помогло.

Аптекарь пожал плечами:

— Бывает, эти доморощенные средства помогают, но мое надежнее. Я весьма успешно продаю припарку из яичного белка и розовой воды. Будете смачивать ею тряпочки и прикладывать к глазам.

Пока Джордж и Чандлер торговались о стоимости припарки и сроках доставки, Пьер забрал наши пакеты и застыл возле двери.

— Всего вам доброго, госпожа Ройдон, — произнес аптекарь, поклонившись мне.

— А вам, господин Чандлер, спасибо за помощь, — ответила я.

Я в Лондоне совсем недавно. Ищу ведьму, способную мне помочь.

— Всегда рад вас видеть, — учтиво ответил Чандлер, — хотя и в Блэкфрайерсе есть прекрасные аптеки.

Лондон — опасное место. Будьте осторожны с теми, у кого просите помощи.

Откуда аптекарь узнал, где я живу? Раньше чем я успела задать ему вопрос, Джордж пафосно распрощался с Чандлером и чуть ли не за руку вывел меня на улицу. Пьер держался так близко, что мой затылок ловил его холодное дыхание.

На обратном пути я спиной чувствовала: за нами следят. Пока я находилась в аптеке Чандлера, по окрестностям разнеслась весть о появлении ведьмы. Что ж, сегодня я наконец-то достигла поставленной цели. Две ведьмы даже вышли на крыльцо своего дома. Они стояли, сложив руки на груди, и со сверлящей враждебностью глазели на меня. Их лица и фигуры были совершенно одинаковыми. Наверное, сестры-близнецы.

— *Варг,* — пробормотала одна из ведьм, плюнула в сторону Пьера и расставила пальцы, сделав знак, отгоняющий дьявола.

— Идемте, госпожа. Время уже позднее, — сказал Пьер, беря меня за локоть.

Его стремление поскорее увести меня и желание Джорджа выпить вина способствовали тому, что обратный путь мы проделали быстрее. Мы благополучно вернулись в «Оленя и корону». Мэтью до сих пор не возвращался, и Пьер отправился его искать. Вскоре после этого Франсуаза начала делать Чапмену более чем прозрачные намеки о позднем времени и моей потребности в отдыхе. Переводчик Гомера откланялся и ушел.

Франсуаза уселась возле камина шить, то и дело поглядывая на дверь. Я решила испробовать новые чернила. Сначала я вычеркнула из списка все купленные товары, затем добавила к ним «крысоловку», написав это слово по правилам елизаветинской орфографии. Далее настал черед книги Джона Хестера. Аптекарь завернул ее в плотную бумагу, маскируя вполне медицинское, но непристойное с обывательской точки зрения содержание. Книга была посвящена лечению венерических заболеваний. Почти все перечисленные лекарства содержали опасные концентрации ртути. Неудивительно, что Чандлер не хотел продавать этот трактат замужней женщине. Я едва успела прочитать первую главу и взяться за вторую, как из кабинета Мэтью донеслись голоса. Франсуаза поджала губы и покачала головой.

— Сегодня ему понадобится больше вина, чем у нас есть, — проворчала она.

Служанка встала и пошла к лестнице, захватив по пути пустой кувшин.

Я отправилась на звук голоса Мэтью. Муж по-прежнему находился в кабинете, где стаскивал с себя одежду и бросал в разожженный камин.

— Милорд, он злой человек, — угрюмо сказал Пьер, отстегивая хозяйский меч.

— Для такого исчадия ада слово «злой» не годится, а подходящего слова еще не придумали. После сегодняшнего дня я бы сам поклялся перед судьями, что он дьявол во плоти.

Длинные пальцы Мэтью развязывали тесемки облегающих штанов. Штаны тоже упали на пол. Мэтью подхватил их и швырнул в огонь, однако сделал это недостаточно быстро. Я заметила пятна крови, а ноздри уловили заплесневелый запах сырых камней, старинного подземелья и грязи. Все вместе мгновенно пробу-

дило воспоминания о моем пленении в развалинах Ла-Пьера. Горло наполнилось желчью. Почувствовав мое присутствие, Мэтью стремительно обернулся:

— Диана...

Он мгновенно понял, каково мне, и торопливо сбросил рубашку, оставшись в полотняном нижнем белье. Затем, переступив через валявшиеся сапоги, подошел ко мне. Отсветы пламени играли у него на плечах, высвечивая многочисленные шрамы. Шрам над правым плечевым суставом был самым длинным и глубоким. От игры огня казалось, что шрам подмигивает.

— Ты никак ранен?

Слова с трудом вылезали из сдавленного горла, а глаза не могли оторваться от его одежды, горящей в камине. Мэтью понял, куда я смотрю, и тихо выругался:

— Это не моя кровь. — (Уже легче, но не слишком.) — Королева приказала мне присутствовать на... допросе одного узника.

Секундная пауза между словами подсказала мне, что допрос сопровождался пытками, но Мэтью не хочет об этом говорить.

— Позволь мне вымыться, а потом вместе будем ужинать, — произнес он с теплотой в голосе, однако выглядел усталым и рассерженным, к тому же избегал прикасаться ко мне.

— Ты побывал в подземелье.

Запах не мог меня обмануть.

— Я был в Тауэре.

— А этот узник... он мертв?

— Да. — Мэтью устало провел по лицу. — Я надеялся добраться туда достаточно рано и остановить допрос... в этот раз... но я неверно рассчитал время, когда прилив сменяется отливом. И вновь я смог лишь потребовать, чтобы его страдания закончились.

Для Мэтью почти все события повторялись, и смерть узника не была исключением. Зная, чем все закончится, сегодня он мог бы остаться дома и не волноваться из-за пропащей души в подземельях Тауэра. Менее крупная личность так бы и поступила. Я протянула к нему руки, но Мэтью попятился назад:

— Королева спустит с меня шкуру, когда узнает, что узник умер раньше, чем из него успели вытянуть его тайны. Но мне плевать на ее гнев. Подобно большинству людей, Елизавета легко закрывает глаза, когда ей это выгодно.

— Кем он был?

— Ведьмаком, — сухо ответил Мэтью. — Его соседи донесли, что у него есть рыжеволосая кукла. Они испугались: а вдруг он через эту куклу навредит королеве? А королева испугалась, что поведение шотландских ведьм, и в первую очередь Агнес Сэмпсон и Джона Фиана, может подтолкнуть английских ведьм к колдовству против нее.

Я снова хотела обнять Мэтью, но он подал знак не приближаться.

— Не сейчас. Иначе ты слишком близко соприкоснешься с Тауэром и со всем, что там происходит. Иди в гостиную. Я скоро появлюсь.

Мне было тяжело уходить, но я уважила его просьбу. Ничем иным я сейчас ему помочь не могла.

Вино, хлеб и сыр, ожидавшие меня на столе, показались совсем неаппетитными. Тогда я отломила кусок булочки, купленной утром, и... раскрошила между пальцами.

— Смотрю, у тебя пропал аппетит.

Мэтью неслышно, по-кошачьи, появился в гостиной, сел за стол, налил себе вина, залпом выпил и налил снова.

— Да и у тебя тоже, — сказала я. — Ты перестал регулярно питаться.

Галлоглас и Хэнкок постоянно звали Мэтью принять участие в их ночных охотах, но он почему-то отказывался.

— Я не хочу об этом говорить. Лучше расскажи, как прошел твой день.

«Помоги мне забыть», — прозвучала в моем мозгу его молчаливая просьба.

— Мы ходили за покупками. Я принесла книгу, которую ты заказывал у Ричарда Филда, и познакомилась с его женой Жаклин.

— Так-так, — заулыбался Мэтью, частично освобождаясь от владевшего им напряжения. — Значит, новая миссис Филд. Она похоронила первого мужа и теперь мучает второго. К концу будущей недели вы с ней подружитесь. Кстати, ты видела Шекспира? Он постоянно толчется у Филдсов.

— Нет. — Я отщипнула еще один кусок, увеличив горку крошек. — Я ходила к собору. — (Мэтью подался вперед.) — Не волнуйся, меня сопровождал Пьер, — торопливо добавила я, бросая булочку на тарелку. — И там я наткнулась на Джорджа.

— Джордж наверняка бродил в окрестностях «Головы епископа», рассчитывая, что Уильям Понсонби его заметит и скажет пару любезных фраз. — Теперь Мэтью засмеялся.

— До «Головы епископа» я вообще не дошла, — призналась я. — А Джорджа встретила возле Креста Святого Павла, где он слушал проповедь.

— Толпы, собирающиеся вокруг проповедников, бывают непредсказуемыми, — тихо сказал Мэтью. — Ты этого не знала. А вот Пьер об этом прекрасно знает. Удивляюсь, как он позволил тебе бродить в толпе.

Словно почувствовав, что речь о нем, в гостиной появился Пьер.

— Я не пробыла там и пяти минут. Джордж повел меня к своему аптекарю. Там я купила еще несколько книг и кое-что из мелочей. Мыло. Воск для писем. Красные чернила. — Видя, как меняется лицо Мэтью, я поджала губы.

— Начнем с того, что аптекарь Джорджа живет не где-нибудь, а в Крипплгейте, — отчеканил Мэтью и взглянул на Пьера. — Когда горожане жалуются, что преступники снова распоясались, шериф отправляется туда и хватает всех, кто шатается без дела или выглядит подозрительно. И много времени на это не тратит.

— Если шериф постоянно бывает в Крипплгейте, почему возле Барбикан-Кросса полным-полно ведьм, а в Блэкфрайерсе их почти нет?

Вопрос застал Мэтью врасплох.

— Когда-то Блэкфрайерс был святым христианским местом. Демоны, ведьмы и вампиры держались от него подальше. Привычка оказалась стойкой, и они не торопятся здесь селиться. А на месте Барбикан-Кросса сотни лет назад было еврейское кладбище. Потом евреев изгнали из Англии, и городские власти, не освятив кладбище, начали хоронить там преступников, предателей и отлученных от Церкви. Люди считают это место нечистым и сторонятся его.

— Так, значит, я ощущала страдания не только живых, но и мертвых! — выпалила я раньше, чем успела подумать.

Мэтью посмотрел на меня и прищурился. Наш разговор за столом не погасил раздражения Мэтью, да и мой собственный дискомфорт только нарастал.

— Когда я спросила о ближайшем аптекаре, Жаклин посоветовала Джона Хестера, но Джордж сказал, что его аптекарь

ничуть не хуже, но берет дешевле. Я и не спрашивала, какая репутация у места, где находится аптека.

— Мне куда важнее не низкие цены Джона Чандлера, а то, что он, не в пример Хестеру, не продает людям лекарства, нашпигованные опиатами. И все равно я против твоих дальнейших походов в Крипплгейт. Когда тебе в следующий раз понадобятся писчие принадлежности, пошли за ними Пьера или Франсуазу. А еще лучше — сходи в ближайшую аптеку. Она тоже находится на Уотер-лейн, в двух шагах от нашего дома.

— Госпожа Филд не рассказала мадам об этой аптеке, — вступился за меня Пьер. — Несколько месяцев назад у старшего сына Жаклин была горловая сыпь. Месье де Лон предложил лекарство, которое не помогло. Они крупно повздорили и... — Пьер смущенно развел руками.

— Меня не касаются разногласия Жаклин и де Лона. Пусть хоть поединок на мечах устраивают в нефе собора Святого Павла. Пусть поубивают друг друга, когда часы ударят полдень. Диана не должна болтаться по городу.

— Опасностей хватает не только в Крипплгейте, — сказала я, пододвигая Мэтью памфлет о немецком вампире. — У Чандлера я купила трактат Хестера о лечении сифилиса и книгу о том, как ставить ловушки на разных зверей. И еще вот это.

— Ты купила... это? — Мэтью поперхнулся вином, неодобрительно глядя на мои книжные приобретения.

— Оставим Хестера. В памфлете рассказывается про человека, который вошел в сделку с дьяволом, чтобы оборачиваться волком и пить кровь. Самое интересное, что родственник одной из жертв — наш сосед. Пивовар. Его заведение находится неподалеку от замка Байнард. — Для большей убедительности я постучала пальцем по истрепанной странице памфлета.

Мэтью пододвинул памфлет к себе. Из-за рассохшегося переплета страницы вихляли, грозя выпасть. Быстро пробежав рассказ про оборотня, Мэтью передал памфлет Пьеру. Слуга тоже умел быстро читать.

— Значит, Петер Пень — вампир? — спросила я.

— Да. Вот уж не думал, что вести о его смерти достигнут берегов Англии. Кит рассказывал мне кое-что подобное. Таких памфлетов хватает, а уж людских слухов еще больше. Если понадобится, свалим все на досужий вымысел. Видно, эта история не

попалась Киту на глаза. — Мэтью хмуро покосился на Пьера. — Проследи, чтобы этим делом занялись, и ни в коем случае не рассказывай Киту.

Пьер понимающе кивнул.

— Выходит, легенды про оборотней — всего лишь разновидность жалких попыток людей отрицать знания о вампирах, — усмехнулась я.

— Не будь так строга к людям, Диана. Сейчас их внимание обращено на ведьм. Лет через сто или чуть больше, когда условия в домах умалишенных станут гуманнее, наступит черед демонов. А потом людей зациклит на вампирах. Тогда ведьмы превратятся в страшные сказки, которыми пугают детей. — Мэтью говорил уверенным тоном, однако с его лица не сходила тревога.

— Нашего соседа волнуют оборотни, а не ведьмы, — сказала я. — И если тебя могут по ошибке принять за оборотня, хватит волноваться за меня. Лучше побеспокойся о себе. Думаю, очень скоро кто-то из ведьм явится к нам домой.

Сама не знаю почему, но я решила, что дальнейшие поиски ведьмы могут повредить Мэтью, и уцепилась за это мнение. Глаза мужа предостерегающе блеснули. Он молчал, пока волна гнева не схлынула.

— Знаю: тебе не терпится обрести независимость. Но когда ты снова решишь взять ситуацию в свои руки, обещай вначале обсудить это со мной.

Ответ Мэтью оказался мягче, чем я ожидала.

— Обещаю, *только если* ты обещаешь прислушиваться ко мне. Пойми, Мэтью: за тобой следят. Мы с Мэри Сидни обе в этом уверены. Пока ты занимаешься поручениями королевы и шотландскими делами, позволь мне заняться нашей безопасностью. — Мэтью открыл было рот, чтобы возразить, но я покачала головой. — Послушай меня. К нам обязательно явится ведьма или ведьмак. Вскоре сам убедишься.

Глава 18

На следующий день Мэтью дожидался меня в просторном солярии замка Байнард, разглядывая из окон Темзу. Услышав мои шаги, он повернулся. Елизаветинская версия лабораторного халата, закрывавшего мой золотисто-коричневый корсаж и юбки, вызвала у него улыбку. Мне самой было смешно смотреть на пышные рукава, которые топорщились на плечах. Зато крахмальный воротник был довольно скромного размера и не сдавливал шею. Честно говоря, в этом странном халате я чувствовала себя комфортнее, чем в других нарядах.

— Мэри наблюдает за ходом опыта и не смогла выйти. Она сказала, что в понедельник мы непременно должны прийти к ней на обед и не опаздывать. — Я обняла мужа за шею и звучно поцеловала.

К моему удивлению, Мэтью наморщил нос и отстранился:

— Почему от тебя пахнет уксусом?

— Мэри моет им руки. Утверждает, что уксус отмывает грязь лучше, чем мыло.

— Когда мы покидали наш дом, от тебя восхитительно пахло хлебом и медом. Но стоило тебе провести время с графиней Пемброк, и ты благоухаешь, как маринованный огурец. — Нос Мэтью коснулся моей кожи за ухом. — Я знал, что найду местечко, до которого уксус не добрался.

— Мэтью... — прошептала я, ибо позади нас стояла Джоан, горничная Мэри.

— Ты ведешь себя как чопорная дама Викторианской эпохи, — засмеялся Мэтью. — В эпоху Елизаветы нравы были куда свободнее. — Он пощекотал носом мою шею, затем выпрямился и спросил: — И как прошли твои ученые занятия?

— Ты хоть видел лабораторию Мэри?

Я сняла бесформенное серое одеяние, отдала его Джоан и отпустила горничную графини.

— Мэри обосновалась в одной из башен замка, — продолжала я, надевая плащ. — Она расписала стены изображениями философского камня. Кажется, будто работаешь внутри свитка Рипли![1] В Библиотеке Бейнеке в Йеле я видела копию. Но ее длина всего двадцать футов. Фрески Мэри раза в два длиннее. Я оторваться от них не могла. Еле-еле заставила себя сосредоточиться на работе.

— А в чем заключался эксперимент?

— Мы охотились на зеленого льва, — гордо заявила я.

Так назывался алхимический процесс соединения двух веществ кислой природы, сопровождающийся впечатляющими изменениями цвета.

— И как, поймали? — осторожно спросил Мэтью.

— Почти. Но затем что-то пошло не так и реторта взорвалась. Зрелище было просто фантастическое!

— Рад, что ты не работаешь в моей лаборатории. Вообще-то, есть такое правило: при опытах с азотной кислотой нужно всячески стараться избегать взрывов. Я бы рекомендовал вам обеим в следующий раз экспериментировать с менее летучими веществами. Например, заняться перегонкой розовой воды. — Он вдруг прищурился и спросил: — Надеюсь, никаких опытов со ртутью вы не проводили?

— Не волнуйся. Я воздерживаюсь от всего, что могло бы повредить ребенку, — ответила я, защищая свое право на алхимические изыскания.

— Стоит мне сказать хоть слово о твоем благополучии, как ты тут же предполагаешь, что подспудно я имею в виду совсем другое. — Мэтью нахмурил брови. Усы и борода, к которым я до сих пор привыкала, делали его лицо еще более суровым.

— Прости, — сказала я, быстро сменив тему. — На следующей неделе мы хотим смешать новый набор веществ из prima materia[2]. Среди них будет и ртуть, но обещаю, что не притронусь к ней. Мэри хочет проверить, разложится ли к концу января эта смесь до состояния алхимической жабы.

---

[1] *Джордж Рипли* — знаменитый английский алхимик XV в.

[2] Первичная материя *(лат.)*.

— Весьма праздничное начало Нового года, — заметил Мэтью, набрасывая плащ на мои плечи.

— Что ты разглядывал на противоположном берегу? — спросила я, снова уходя от темы экспериментов.

— Там готовят большой новогодний костер. Привозить дрова приходится по нескольку раз. Местные жители под шумок их растаскивают. С каждым часом груда дров становится все меньше и меньше. Это все равно что наблюдать за шитьем Пенелопы.

— Мэри сказала, что завтра никто не будет работать. Надо послать Франсуазу, пусть купит побольше белого хлеба, замочит его в молоке с медом, и к субботнему завтраку он снова станет мягким. Мэри беспокоится, что в доме, где заправляют вампиры, я могу остаться голодной.

— Вообще-то, леди Пемброк, когда дело касается нашей породы, руководствуется принципом «не спрашивай, не говори».

— Это просто забота о моем здоровье. Кстати, о туфлях она никому и словом не обмолвилась.

— Мэри Сидни усвоила от своей матери правила выживания: закрывать глаза на всякую «неудобную» правду. В семье Дадли этому правилу следовали все женщины.

— Дадли? — удивилась я.

Я кое-что знала об этом семействе аристократов-бунтовщиков. Но какое отношения оно имело к кроткой, благожелательной Мэри?

— Матерью леди Пемброк была Мэри Дадли — подруга ее величества и сестра фаворита королевы Роберта. — Мэтью скривил губы. — Как и дочь, Мэри Дадли отличалась живым и острым умом. Ее голова была заполнена множеством идей, и потому она ничего не знала ни о вероломстве отца, ни о политических выкрутасах брата. Когда наша благословенная королева заболела оспой, Мэри Дадли преданно ухаживала за ней и заразилась сама. Оспа пощадила лицо Елизаветы, но не пожелала проявить такую же благосклонность к лицу Мэри. Однако Мэри ни разу не призналась, что впоследствии и муж, и королева не желали смотреть на ее обезображенное лицо, предпочитая другие лица.

Услышанное меня потрясло.

— И что было потом?

— Мэри Дадли умерла в одиночестве, снедаемая горестными мыслями. Опять-таки, так умирали многие женщины в их семей-

стве, чьи лица не были изуродованы оспой. Величайшим достижением она считала устройство судьбы своей пятнадцатилетней дочери, которую выдала замуж за сорокалетнего графа Пемброка.

— Мэри Сидни вышла замуж в пятнадцать лет?

Эта умная, проницательная женщина управляла громадным домом, воспитывала троих непоседливых детей, увлеченно занималась алхимией. И все это — легко, без малейших видимых усилий. Теперь мне приоткрылась причина такой легкости. Леди Пемброк была на несколько лет меня моложе, но к своим тридцати годам она уже половину жизни несла на плечах тяготы взрослого человека.

— Да, в пятнадцать лет, — ответил Мэтью. — Но мать Мэри успела дать все необходимое для выживания: железную дисциплину, глубокое чувство долга, прекрасное образование, любовь к поэзии и страсть к алхимии.

Я инстинктивно потрогала живот под корсажем, думая о жизни, растущей внутри меня. Какие инструменты для выживания понадобятся нашему ребенку?

По пути домой мы говорили об алхимии. Мэтью рассказал, что кристаллы, над которыми Мэри дрожит, словно наседка над цыплятами, — это всего-навсего окислившаяся железная руда. Из нее путем возгонки графиня намеревалась получить серную кислоту. Меня всегда больше интересовал символизм алхимии, нежели ее практические аспекты. Однако день, проведенный в обществе графини Пемброк, показал, насколько интригующе одно может быть связано с другим.

Мы благополучно добрались до «Оленя и короны», и вскоре я уже глотала теплый настой мяты с мелиссой. Оказалось, в Елизаветинскую эпоху чаи уже существовали, но исключительно травяные. Я продолжала говорить о Мэри, когда заметила, как мой муж улыбается во весь рот.

— Я сказала что-то смешное?

— Просто я еще не видел тебя такой, — ответил он.

— Какой?

— Настолько оживленной. Ты бурлишь вопросами, увлеченно рассказываешь о своей работе и ваших с Мэри планах на следующую неделю.

— А знаешь, мне нравится снова чувствовать себя студенткой, — призналась я. — Поначалу было трудно. Привыкла, что

знаю все ответы на вопросы студентов. С годами забылось, насколько здорово, когда у тебя нет ничего, кроме вопросов.

— И здесь, в отличие от Оксфорда, ты чувствуешь себя свободной. Ведь тайны — это занятие для одиночек.

Глаза Мэтью были полны симпатии. Его пальцы гладили мой подбородок.

— Я вовсе не была одинокой.

— Была. Похоже, ты и сейчас одинока, — тихо произнес Мэтью.

Раньше чем я успела возразить, Мэтью рывком поднял меня со стула и оттеснил к каминной стене. На пороге, как всегда, взявшись неведомо откуда, возник Пьер.

В дверь постучали. У Мэтью напряглись плечи. На поясе блеснул кинжал. По его кивку Пьер вышел на площадку и распахнул дверь.

— У нас послание от отца Хаббарда.

На пороге стояли двое молодых вампиров. Оба — в дорогой одежде, которая была не по карману большинству посланцев. Обоим я не дала бы больше пятнадцати лет. Я еще не видела вампиров-подростков и всегда считала, что существуют строгие возрастные ограничения.

— Добрый вечер, господин Ройдон, — произнес вампир повыше, зачем-то потрогал себя за нос и внимательно посмотрел на Мэтью глазами цвета индиго, а затем перевел взгляд на меня, и по моему телу побежали мурашки. — Здравствуйте, госпожа.

Рука Мэтью стиснула эфес кинжала. Пьер сделал шаг в сторону, чтобы в случае чего оказаться между нами и дверью.

— Отец Хаббард желает вас видеть, — сообщил вампир пониже, с пренебрежением глядя на оружие Мэтью. — Приходите, когда часы пробьют семь.

— Передай Хаббарду, что я приду в удобное для себя время, — язвительно ответил Мэтью.

— И не только вы, — добавил парень повыше.

— Кита я не видел, — ответил Мэтью, не скрывая своего нетерпения. — Если он в беде, ваш хозяин лучше меня знает, где его искать. Вот так-то, Уголок.

Прозвище вполне соответствовало облику парня. Его подростковая фигура была на редкость угловатой и нескладной.

— Марло и так провел с отцом Хаббардом целый день, — скучающим тоном сообщил Уголок.

— Неужели? — спросил Мэтью, глаза которого приобрели кинжальную остроту.

— Да. Отец Хаббард желает видеть эту ведьму, — сказал спутник Уголка.

— Понятно, — равнодушно отозвался Мэтью.

У меня перед глазами блеснуло что-то черное и серебристое. В следующее мгновение кинжал Мэтью уже подрагивал, вонзившись в дверной косяк, в опасной близости от глаза Уголка. Мэтью направился к вампирам. Оба парня попятились.

— Благодарю за сообщение, Леонард, — сказал он и ногой толкнул дверь.

Пока юные вампиры шумно спускались по лестнице, Мэтью и Пьер молча переглядывались.

— Хэнкока и Галлогласа! — приказал Мэтью.

— Сию минуту.

Пьер выбежал из гостиной, едва не столкнувшись с Франсуазой. Служанка выдернула застрявший кинжал и вопросительно посмотрела на хозяина.

— К нам заходили всесточку передать, — объяснил Мэтью, упреждая ее сетования насчет попорченного косяка.

— Как все это понимать? — спросила я.

— Нам с тобой предстоит встреча с одним старым другом. — Голос Мэтью оставался пугающе ровным.

Я смотрела на кинжал, перемещенный Франсузой на стол.

— И этот старый друг — вампир? — спросила я.

— Франсуаза, вина! — потребовал Мэтью и выдернул несколько листов, разрушив мою аккуратную стопку бумаги.

Я что-то буркнула в знак протеста, но Мэтью не слышал. Схватив перо, он принялся с лихорадочной скоростью писать. На меня он по-прежнему не смотрел.

— От мясника принесли свежей крови. Может, вам стоило бы...

Мэтью поднял голову. Губы сжались в полоску. Оставив возражения, Франсуаза налила ему большой бокал вина.

— Это отнесешь графу Нортумберленду в Рассел-Хаус, — распорядился Мэтью, подавая ей письма. — А это — Рэли. Его ты найдешь в Уайтхолле.

Франсуаза беззвучно вышла. Мэтью остановился у окна, разглядывая улицу. Его спутанные волосы забились под воротник. Мне вдруг захотелось поправить и пригладить их, но по развороту его плеч я поняла: сейчас это будет воспринято как нежелательное вторжение в личное пространство.

— Ты говорил про отца Хаббарда, — напомнила я мужу.

Чувствовалось, мысли Мэтью сейчас далеко от гостиной.

— Ты словно напрашиваешься, чтобы тебя убили, — резко проговорил Мэтью, по-прежнему стоя спиной ко мне. — Изабо предупреждала меня, что ты напрочь лишена инстинкта самосохранения. Сколько подобных эксцессов должно еще произойти, пока ты не научишься осторожности?

— Что я сделала не так на сей раз?

— Ты всячески стремилась обратить на себя внимание, — сердито ответил Мэтью. — Радуйся: тебе это удалось.

— Изволь повернуться ко мне лицом! Я устала говорить с твоей спиной и затылком. — Мой тон был спокойным, хотя в этот момент мне хотелось задушить Мэтью. — Я спрашивала про отца Хаббарда. Кто он такой?

— Эндрю Хаббард — вампир. Он правит Лондоном.

— Что значит «правит Лондоном»? Ты хочешь сказать, ему подчиняются все лондонские вампиры?

В XXI веке лондонские вампиры отличались сильной приверженностью к кругу себе подобных. Они сохраняли свои ночные привычки и проявляли лояльность. Во всяком случае, это я слышала от других ведьм. Их поведение не было вызывающим, как у вампиров Парижа, Венеции и Стамбула. Да и кровожадностью они не отличались, чего не скажешь о московских, нью-йоркских и пекинских вампирах. Словом, лондонские вампиры были дисциплинированной и организованной частью вампирского сообщества.

— Хаббард правит не только вампирами. Ведьмы и демоны тоже ему подчиняются. — Мэтью повернулся ко мне; от его глаз веяло холодом. — Эндрю Хаббард — бывший священник. Малообразованный, но поднахватавшийся теологии. От таких всегда ждешь каких-нибудь бед. Вампиром он стал, когда Лондон впервые накрыла чума. В тысяча триста сорок девятом году она выкосила почти половину населения. Хаббард благополучно пере-

жил первую волну эпидемии, заботясь о больных и провожая в последний путь умерших. А потом заболел и сам.

— И кто-то его спас, превратив в вампира.

— Да, хотя я так и не смог узнать, кто же это был. Вокруг Хаббарда наворочено множество легенд. В основном они рассказывают о его якобы Божественном воскрешении. Суть этих легенд такова: когда Хаббард понял, что ему не выкарабкаться и он вот-вот умрет, то выкопал на церковном кладбище себе могилу, лег в нее и стал ждать свидания с Богом. А через несколько часов восстал из могилы живой и невредимый... Подозреваю, он не только заболел чумой, но и повредился рассудком. — Мэтью замолчал. Я терпеливо ждала продолжения. — Хаббард собирает потерянные души. В те дни их было предостаточно. Сироты, вдовы, мужчины, у которых за неделю вымерла вся семья. Больных он превращал в вампиров, затем повторно крестил и заботился, чтобы у них была крыша над головой, пища и работа. Их Хаббард считает своими детьми.

— И даже ведьм и демонов?

— Да, — коротко ответил Мэтью. — С ними он проводит ритуал усыновления или удочерения. Но его ритуал совсем не похож на ритуал Филиппа. Хаббард вкушает их кровь. Он утверждает, что таким образом ему раскрывается содержание их душ и он убеждается, что Бог вручил их его заботе.

— А заодно через кровь он узнаёт их тайны, — догадалась я.

Мэтью кивнул. Теперь понятно: он хотел уберечь меня от знакомства с отцом Хаббардом. Любой вампир, выпивший хотя бы глоток моей крови, сразу узнает о ребенке и о том, кто его отец.

— Филипп с Хаббардом договорились исключить де Клермонов из его семейных ритуалов и обязательств. Наверное, прежде чем ехать в Лондон, нужно было ему сообщить, что ты моя жена.

— Однако ты предпочел этого не делать, — сказала я, сцепляя руки.

Теперь понятно, почему Галлоглас предлагал сойти на берег в другом месте, а не в окрестностях Уотер-лейн. Прав был Филипп: порой Мэтью вел себя как первостатейный идиот или, если не столь резко, как на редкость самоуверенный тип.

— Хаббард не лезет в мои дела, а я в его. Как только он узнает, что ты из семьи де Клермон, он оставит тебя в покое... Слава Богу, наконец-то, — пробормотал Мэтью, заметив кого-то на улице.

Через минуту в гостиную вошли Галлоглас и Хэнкок.

— Что-то вы долго добирались.

— Добрый вечер, Мэтью, — невозмутимо поздоровался Галлоглас. — Итак, Хаббард все-таки затребовал вас к себе. Но только не пытайся его одурачить, оставив тетушку дома. Каким бы ни был его замысел, Диана пойдет с тобой.

Вопреки обыкновению Мэтью провел по волосам в обратную сторону, начав с затылка.

— Дело дрянь, — сказал Хэнкок, наблюдая за пальцами Мэтью.

Волосы вставали на манер петушиного гребня. Это был еще один «теллс» моего мужа, означавший, что колодец его изобретательных уловок и полуправд иссяк.

— Все твои замыслы строились на том, чтобы избежать встречи с Хаббардом. Других у тебя нет. Мы никак не могли понять: или ты отчаянный храбрец, Мэтью, или круглый дурак. Думаю, предстоящая встреча ответит на этот вопрос и ответ тебе не понравится.

— Диану к Хаббарду я собирался отвести в понедельник.

— После того, как она уже целых десять дней находится в городе, — заметил Галлоглас.

— Торопиться ни к чему. Диана из семьи де Клермон. И потом, мы находимся не в городе. — Увидев мой недоуменный взгляд, Мэтью пояснил: — Блэкфрайерс не считается частью Лондона.

— Я не собираюсь влезать в логово Хаббарда и снова спорить с ним о том, что считать частью Лондона, — заявил Галлоглас, ударяя себя перчатками по бокам. — Он не принял твоих доводов в тысяча четыреста восемьдесят пятом году, когда мы явились помочь сторонникам Ланкастеров, из-за чего ты не смог разместить братство в Тауэре. То же самое ты услышишь от него и в этот раз.

— Не стоит заставлять его ждать, — сказал Хэнкок.

— Времени у нас предостаточно.

Чувствовалось, Мэтью хотелось закрыть эту тему.

— Мэтью, ты так и не научился распознавать чередование приливов и отливов. Полагаю, мы отправимся по воде, поскольку ты считаешь, что Темза тоже не является частью города. В таком случае мы можем безбожно опоздать. Идемте, — подытожил Галлоглас, указывая на дверь.

Пьер уже ждал нас, натягивая длинные черные кожаные перчатки. Свой обычный коричневый плащ он сменил на черный, чересчур длинный по меркам нынешней моды. На правой руке поблескивала серебряная эмблема: змея, обвивающая крест, а вверху — растущий полумесяц. Это был герб Филиппа, отличавшийся от герба Мэтью отсутствием звезды и геральдических лилий.

В такой же плащ облачился и Галлоглас, а затем и Хэнкок с Мэтью. Тяжелые складки касались пола, делая моего мужа выше ростом и внушительнее. Когда все четверо моих спутников встали рядом, вид у них был весьма пугающий. Теперь понятно, почему люди утверждали, что вампиры всегда ходят в черных плащах.

Мы подошли к причальному спуску. Галлоглас оглядел все имевшиеся лодки.

— В той, пожалуй, мы все уместимся, — указал он на длинную лодку и пронзительно свистнул.

Когда хозяин лодки спросил, куда нам надо, Галлоглас выдал ему целый набор распоряжений, касавшихся нашего маршрута, причала, а также того, кто сядет на весла. Лодочник попытался было возражать, но Галлоглас лишь рявкнул на него, и бедняга притулился возле носового фонаря, откуда постоянно бросал на нас тревожные взгляды.

— Пугать каждого встречного лодочника не лучший способ для налаживания добрососедских отношений, — сказала я Мэтью, выразительно посмотрев в сторону пивоварни.

Хэнкок бесцеремонно подхватил меня с причала и передал Мэтью. Рука мужа крепко обняла меня за талию. Лодка отчалила и стремительно понеслась по Темзе. Даже лодочник поразился ее скорости.

— Галлоглас, нам незачем привлекать к себе внимание, — сердито бросил племяннику Мэтью.

— Хочешь грести сам, а я тем временем буду согревать твою жену? — Мэтью не ответил, и Галлоглас, покачав головой, буркнул: — Не подумал.

На Лондонском мосту светились фонари, немного разгоняя окрестный сумрак. С каждым взмахом весел Галлогласа шум несущейся воды становился все громче. Мэтью всматривался в береговую линию:

— Пристанешь к спуску у «Старого лебедя». Я хочу вернуться в этой лодке и доплыть обратно раньше, чем прилив сменится отливом.

— Тише! — недовольно прошептал Хэнкок. — Мы же собирались появиться у Хаббарда незаметно. А ты поднимаешь такой шум, что можно было маршировать по Чипсайду с трубами и знаменами.

Галлоглас сделал два мощных гребка левым веслом. Еще несколько гребков пригнали нашу лодку к причалу. Оттуда начиналась шаткая лестница, ведущая вверх. Лестница держалась на таких же шатких опорах. Лодок на причале не было, зато были потенциальные пассажиры. Лодочник мгновенно развеял их надежды и сам проворно вылез из лодки.

Выбравшись на какую-то улицу, мы молча двинулись по ней, но очень скоро свернули в извилистый переулок, а оттуда — еще в один. Мы огибали дома, проходили по дорожкам садиков. Мои спутники шагали бесшумно, словно стая котов-охотников. У меня так не получалось. Я спотыкалась о торчащие камни и не всегда замечала рытвины, заполненные водой. Наконец темный лабиринт вывел нас на широкую улицу. Из окон соседних домов пробивался свет. Где-то вдали слышался смех. Я растирала озябшие руки. Может, где-то здесь и обитает Хаббард? Может, Мэтью зря волновался? Сейчас мы покажем Эндрю Хаббарду мое обручальное кольцо и спокойно вернемся домой.

Мы не пошли по улице, а лишь пересекли ее и оказались на заброшенном церковном кладбище. Надгробия здесь клонились друг к другу, будто мертвецы искали общения с себе подобными. Пьер достал внушительную связку ключей на толстом металлическом кольце. Мы подошли к колокольне. Рядом с ней, в стене, темнела дверь. Выбрав ключ, Галлоглас быстро открыл ее. Похоже, и эта церковь давно не видела прихожан. Мы прошли через ветхий неф. Слева от алтаря была другая дверь, деревянная, за которой начинался спуск вниз. Ведьмы не умеют видеть в темноте, и потому я понятия не имела о нашем дальнейшем пути. Спустившись вниз, мы двигались по каким-то проходам. Иногда их пересекали другие проходы. Мои ноздри ловили запах вина, плесени и человеческих испражнений. Мне вспомнились нравоучительные рассказы, имевшие целью отпугнуть любопытных детишек от экскурсий по кладбищам и подземельям.

Сеть туннелей оказалась достаточно разветвленной. Иногда они расширялись, образуя помещения. Пройдя еще какое-то расстояние, мы достигли тускло освещенного склепа. Из небольшого оссуария на нас глядели пустые глазницы черепов. Сверху донесся приглушенный звон колоколов. Я насчитала семь ударов. Мэтью торопливо повел нас в очередной туннель, из конца которого струился неяркий свет.

Мы очутились в подвале, где хранилось вино, доставляемое сюда с кораблей. Вероятно, где-то неподалеку был причал. Вдоль стен стояло несколько бочек. Запах вина был давнишним. Его перебивал более свежий запах опилок. Я повернула голову и увидела аккуратные ряды гробов, подобранных по величине. Здесь были гробы огромные, где поместился бы Галлоглас, и совсем маленькие гробики для младенцев. По углам копошились тени, а в центре совершалось нечто вроде ритуала для существ нечеловеческой природы.

— Отец Хаббард, моя кровь — ваша, — произносил испуганный мужчина. — Я отдаю ее добровольно, чтобы вы узнали мое сердце и приняли меня в вашу семью.

Голос смолк. Через несколько секунд раздался крик боли. Я уловила пристальное ожидание, владевшее собравшимися.

— Джеймс, я принимаю твой дар и обещаю впредь оберегать тебя, как свое дитя, — послышался грубый голос. — За это ты будешь почитать меня, как своего отца. Приветствуй же своих братьев и сестер.

В воздухе стало шумно от приветствий. Даже сквозь одежду моя кожа почувствовала ледяное прикосновение.

— А ты запоздал, — снова послышался тот же голос, перекрывавший общий гул. У меня закололо затылок. — И вдобавок явился со всей свитой.

— Я не мог опоздать, ведь мы заранее не договаривались о встрече, — ответил Мэтью, сжимая мой локоть, поскольку меня буквально буравили десятки глаз и мне стало не по себе.

Послышались негромкие шаги. Передо мной появился высокий, худощавый мужчина. Я спокойно выдержала его взгляд, так как на собственном опыте убедилась: нет ничего хуже, чем показать вампиру, что тебе страшно. У него были крупные надбровные дуги и глубоко посаженные глаза. Их темно-серую радужную оболочку прочерчивали синие, зеленые и коричневые жилки.

Глаза вампира были единственной яркой частью его тела. В остальном оно поражало своей бледностью: светлые коротко-стриженые волосы, почти невидимые брови и ресницы, бледные широкие губы на чисто выбритом лице. Длинный черный плащ — нечто среднее между мантией ученого и сутаной священника — лишь подчеркивал его мертвенную бледность. В широких, чуть сгорбленных плечах Хаббарда безошибочно угадывалась сила, но в остальном передо мной был скелет, обтянутый кожей.

Его грубые, властные пальцы сжали мне подбородок, повернув мою голову вбок. В то же мгновение Мэтью сжал запястье Хаббарда.

Холодные глаза этого лондонского властелина прошлись по моей шее и, конечно же, заметили шрам. В кои-то веки я пожалела, что Франсуаза не прицепила к моему платью самый пышный кружевной воротник, какой смогла бы найти. Хаббард выдохнул. Ледяная струя пахла киноварью и еловой хвоей. Его губы сжались и сделались совсем белыми.

— А у нас сложность, господин Ройдон, — сказал Хаббард.

— И не одна, отец Хаббард. Во-первых, ты позволяешь себе лапать то, что принадлежит мне. Если ты немедленно не уберешь руки, я еще до рассвета разнесу твое логово в щепки. А потом случится то, что заставит всех без исключения жителей города — демонов, людей, *варгов* и ведьм — думать о близком конце света. — Голос Мэтью дрожал *от ярости*.

Из темных углов начали появляться «дети» Хаббарда. Среди них я заметила Джона Чандлера. Наши глаза встретились. Аптекарь из Крипплгейта смотрел на меня с вызовом. Был здесь и Кит. Он стоял рядом с другим демоном. Когда тот попытался взять его под руку, Кит отодвинулся.

— Привет, Кит, — убийственно спокойным тоном поздоровался с ним Мэтью. — Я уж думал, ты сбежал и где-то прячешься.

Хаббард не сразу отпустил мой подбородок. Сначала он вновь повернул меня лицом к себе. Должно быть, на моем лице отчетливо читался гнев на Кита и ведьмака-аптекаря, выдавшего нас. Хаббард предостерегающе покачал головой.

— «Не враждуй на брата твоего в сердце твоем»[1], — пробормотал он, отпуская мой подбородок, потом обвел взглядом собравшихся и приказал: — Оставьте нас!

---

[1] Книга. Левит, 19: 17.

Ладони Мэтью обхватили мое лицо, а его пальцы стали разглаживать кожу на подбородке, удаляя запах Хаббарда.

— Иди с Галлогласом. Я здесь не задержусь.

— Она останется, — возразил Хаббард.

Мэтью напрягся всем телом. Он не привык, чтобы ему приказывали. Выждав минуту или две, он велел нашим выйти и ждать снаружи. Хэнкок был единственным, кто не сразу выполнил распоряжение.

— Как говорит твой отец, «мудрец и со дна колодца способен увидеть больше, нежели дурак с вершины горы». Будем надеяться, что он прав, поскольку именно на дно ты сегодня нас и привел, — сказал Хэнкок.

Он последовал за Пьером и Галлогласом, выйдя через пролом в дальней стене. Вскоре хлопнула массивная дверь, и в подземелье стало тихо.

Мы втроем стояли так близко, что я слышала звук воздуха, выдыхаемого из легких Мэтью. Что же касается Хаббарда... похоже, чума повредила ему не только разум. Белизна его кожи была не фарфоровой, как у большинства вампиров, а восковой, словно он до сих пор страдал от последствий чумы.

— Вынужден напомнить тебе, месье де Клермон, что ты находишься в Лондоне с моего позволения, — заявил Хаббард, усаживаясь в громоздкое кресло, перекочевавшее сюда из какого-нибудь богатого дома. — Хотя ты представляешь Конгрегацию, я согласился на твое присутствие в Лондоне лишь потому, что этого требует твой отец. Но ты пренебрег нашими традициями. Привезя в город свою жену, ты не поспешил представить ее мне и моим детям. Есть у меня претензии и к твоим рыцарям.

— Большинство рыцарей, сопровождающих меня, живут в этом городе гораздо дольше, чем ты, Эндрю. Когда ты потребовал, чтобы они вошли в число твоих «детей» или покинули город, они обосновались за его стенами. Вы с моим отцом условились, что де Клермоны не станут увеличивать ряды братства в Лондоне. Я выполняю это соглашение.

— И ты думаешь, моих детей волнуют такие тонкости? Я видел кольца на их пальцах и эмблемы на плащах. — Хаббард подался вперед; его глаза угрожающе сверкнули. — Меня уверяли, будто ты находишься на полпути в Шотландию. Почему же ты до сих пор здесь?

— Возможно, ты мало платишь своим доносчикам, — предположил Мэтью. — Кит нынче совсем поиздержался.

— Я не покупаю любовь и верность. В равной степени я не прибегаю к устрашению и пыткам во имя достижения своих целей. Кристофер добровольно выполняет то, о чем я прошу. Так поступают все благочестивые дети, любящие отца.

— У Кита слишком много хозяев, чтобы хранить верность любому из них.

— Разве то же самое нельзя сказать и о тебе? — Бросив Мэтью вызов, Хаббард повернулся ко мне и демонстративно втянул в себя мой запах, после чего горестно вздохнул. — А теперь поговорим о твоем браке. Кое-кто из моих детей убежден, что близкие *отношения между ведьмой* и *варгом* отвратительны и противоестественны. Однако Конгрегация с ее заветом ничуть не более желанна в моем городе, чем мстительные рыцари твоего отца. Те и другие вмешиваются в Божье повеление, чтобы мы жили одной семьей. Вдобавок твоя жена — прядильщица времени. Я неодобрительно отношусь к прядильщикам времени, ибо они соблазняют мужчин и женщин идеями, непригодными для нашей эпохи.

— Идеями вроде свободы выбора и свободы мышления? — спросила я. — Вы боитесь...

— Далее, — перебил меня Хаббард, глядя только на Мэтью, — ты осмелился пить ее кровь. — Глаза Хаббарда переместились к шраму на моей шее, оставленному Мэтью. — Когда ведьмы это обнаружат, то потребуют расследования. Если окажется, что твоя жена добровольно предложила свою кровь вампиру, ее заклеймят позором и изгонят из Лондона. Если же ты пил кровь насильно, без ее согласия, тебя казнят.

— Что-то не похоже на детей, живущих одной семьей, — пробормотала я.

— *Диана!* — *одернул меня Мэтью.*

Хаббард сцепил пальцы и снова пристально посмотрел на Мэтью:

— И наконец, твоя жена беременна. Будет ли отец ребенка ее разыскивать?

Все мои ехидные ответы разом улетучились. Пока что Хаббард не вызнал нашу главную тайну — об отцовстве ребенка. Если же он узнает, что отец — Мэтью... Усилием воли я отогнала

панику. *Думать и оставаться в живых.* Быть может, совет Филиппа и на сей раз поможет нам выбраться и из этого лабиринта.

— Нет! — коротко ответил Мэтью.

— Значит, отец мертв. Умер естественной смертью или от твоей руки, — заключил Хаббард, впиваясь глазами в моего мужа. — В таком случае, родившись, ребенок будет принят в мою паству. А его мать войдет туда немедленно.

— Нет! — повторил Мэтью. — Твоей дочерью она не будет.

— Как думаешь, долго ли вы продержитесь за пределами Лондона, когда остальные члены Конгреации узнают о ваших вопиющих нарушениях? — Хаббард покачал головой. — Пока твоя жена будет членом моей паствы, ей ничего не угрожает. И конечно же, больше никакого вкушения ее крови.

— Ты не проведешь над Дианой свой извращенный ритуал. Если уж тебе так надо, скажи своей пастве, что она твоя дочь. Но ни ее крови, ни крови ее ребенка тебе не видать.

— Я не имею обыкновения лгать душам, которых взял под опеку. Почему, сын мой, когда Господь бросает тебе вызов, у тебя для Него есть только два ответа: покров тайны или воинственность? То и другое ведет к разрушению. — В голосе Хаббарда появились эмоциональные нотки, и я представила его проповеди. — Бог дарует спасение не всем подряд, а тем, кто верит во что-то большее, нежели собственная персона.

Я почувствовала: сейчас Мэтью выпалит какую-нибудь дерзость, и взяла его за руку.

— Прошу прощения, отец Хаббард, если я правильно понимаю, де Клермоны в Лондоне выведены из-под вашей... опеки?

— Да, госпожа Ройдон. Вы правильно понимаете. Однако вы не принадлежите к де Клермонам. Вы всего лишь вышли замуж за одного из них.

— Позвольте кое-что вам сообщить, — сказала я, крепче стискивая руку Мэтью. — Я не только жена Мэтью, но и дочь Филиппа де Клермона. Он удочерил меня, принеся клятву на крови. Получается, я вдвойне де Клермон, и потому ни я, ни мой ребенок никогда не назовут вас отцом.

Эндрю Хаббард потерял дар речи. Я же мысленно поблагодарила Филиппа за то, что он всегда на три шага опережал каждого из нас. После моих слов Мэтью наконец-то расправил плечи. Еще

во Франции его отец позаботился о нашей безопасности в Лондоне.

— Если угодно, можете проверить. Филипп пометил мой лоб вот здесь.

Я коснулась точки между бровями, где находился мой ведьмин третий глаз. Сейчас он дремал, совершенно равнодушный к вампирам.

— Я верю вам, госпожа Ройдон, — наконец произнес Хаббард. — Ни у кого не хватило бы дерзости лгать о подобных вещах в доме Бога.

— В таком случае я могу рассчитывать на вашу помощь. Я приехала в Лондон, чтобы усовершенствоваться в магии и ведьмовстве. Кого из своих детей вы могли бы порекомендовать мне в помощники?

Улыбка, появившаяся на лице Мэтью, быстро погасла.

— Диана! — тихо прорычал он.

— Если бы вы смогли мне помочь, мой отец был бы очень доволен, — сказала я, игнорируя возмущение Мэтью.

— И в чем же выразится удовлетворенность вашего отца?

Эндрю Хаббард тоже был принцем эпохи Возрождения и стремился получить стратегическое преимущество везде, где это возможно.

— Во-первых, мой отец будет рад услышать о том, как тихо и спокойно мы провели время накануне Нового года, — сказала я, глядя вампиру в глаза. — А все остальное, о чем я напишу ему в следующем письме, будет зависеть от ведьмы, которую вы отправите ко мне в «Оленя и корону».

Хаббард ответил не сразу:

— Я обговорю вашу просьбу со своими детьми и решу, кто из них наилучшим образом подойдет для вас.

— Любой, кого он пошлет, окажется шпионом, — предупредил меня Мэтью.

— Но ведь ты тоже шпион, — напомнила я мужу. — Знаешь, я устала и хочу домой.

— Полагаю, Хаббард, мы с тобой уладили все недоразумения, и Диана, как все де Клермоны, находится в Лондоне с твоего позволения. — Мэтью повернулся к выходу, давая понять, что не нуждается в ответе.

— Даже де Клермоны должны вести себя в Лондоне с осторожностью, — бросил нам вслед Хаббард. — Надеюсь, госпожа Ройдон, вы это запомните.

На обратном пути Мэтью и Галлоглас вполголоса переговаривались. Я молчала. Из лодки я выбралась сама, отказавшись от помощи, и одна, не дожидаясь мужчин, поднялась на Уотер-лейн. И все равно Пьер успел меня опередить, а возле дома нас догнал Мэтью. Уолтер и Генри уже ждали в гостиной. Когда мы вошли, оба вскочили на ноги.

— Слава Богу! — воскликнул Уолтер.

— Мы пришли сразу же, как услышали, что Хаббард затребовал вас с Дианой к себе. Джордж заболел и слег, а Кит и Том будто сквозь землю провалились, — добавил Генри, беспокойно поглядывая то на меня, то на Мэтью.

— Сожалею, что позвал вас. Моя тревога была напрасной, — ответил Мэтью, торопливо снимая плащ.

— Но если дело касалось ордена... — начал Уолтер, приклеившись глазами к плащу.

— Не касалось, — заверил его Мэтью.

— Дело касалось и касается меня, — сказала я. — И прежде чем вы соорудите очередной провальный замысел, поймите простую вещь: ведьмы — моя забота, но никак не ваша. За Мэтью следят, и не только Эндрю Хаббард.

— Он к этому привык, — угрюмо пробасил Галлоглас. — Любителей поглазеть в Лондоне хватает. Советую вам, тетушка, не слишком обращать на них внимание.

— Мэтью, мне действительно нужно найти себе ведьму-учительницу, и как можно скорее, — сказала я, опустив руку на ту часть корсажа, что прикрывала живот. — Но пока ты или кто-то из вас топчется рядом, никакая ведьма не согласится делиться своими секретами. Кто обычно приходит в этот дом? Либо *варг*, либо философ, либо шпион. И с точки зрения ведьм, стоит им здесь появиться, как их тут же выдадут властям. Пусть Берик далеко от Лондона, но страх добрался и сюда.

Взгляд Мэтью оставался ледяным. Спасибо, что муж хотя бы слушал меня и не возражал.

— Если ты прикажешь ведьме прийти сюда, она придет. Мэтью Ройдон всегда добивается желаемого. Но вместо помощи

я получу еще один спектакль вроде того, что устроила нам вдова Битон. Мне этого совсем не нужно.

— И еще меньше вам нужна помощь Хаббарда, — громко заявил Хэнкок.

— У нас с тобой мало времени, — напомнила я Мэтью.

Хаббард не узнал, что отец будущего ребенка — Мэтью, а Хэнкок и Галлоглас пока не учуяли изменений в моем запахе. Однако события сегодняшнего вечера показали, сколь шатко и опасно наше положение.

— Хорошо, Диана. Ведьм мы оставим тебе. Но чтобы никакого вранья и никаких секретов, — сказал Мэтью. — Кто-то из нас обязательно должен знать, где ты находишься.

— Мэтью, ты не можешь... — запротестовал Уолтер.

— Я доверяю суждениям своей жены, — твердо произнес Мэтью.

— То же самое Филипп говорил насчет бабули, — пробубнил Галлоглас. — А вскоре начался ад кромешный.

Глава 19

— Если ад кромешный выглядит вот так, Галлоглас будет весьма раздосадован, — сказал Мэтью.

С момента нашего памятного визита к Хаббарду прошла неделя. Он исполнил свое обещание, и сейчас перед нами стояла четырнадцатилетняя ведьма. Ее облик совсем не вязался с представлениями об адских муках.

— Тише! — шикнула я на мужа, помня, насколько восприимчивы бывают дети в таком возрасте. — Скажи, Энни, отец Хаббард объяснил тебе, зачем посылает сюда?

— Да, госпожа, — тоненьким печальным голоском ответила Энни.

Девочка была совсем бледной. Возможно, такой и родилась, а может, причина крылась в ее страхе и обыкновенном недоедании.

— Я пришла служить вам и сопровождать вас, если вы пойдете по своим делам.

— Мы договаривались совсем не об этом, — поморщился Мэтью и топнул ногой; Энни вздрогнула. — Ты имеешь магическую силу или знания? Или Хаббард решил над нами пошутить?

— У меня есть небольшие способности, — запинаясь, призналась Энни.

Мне понравились ее яркие голубые глаза — два живых пятна на бледном лице.

— Но мне требуется место, и отец Хаббард сказал...

— Могу представить, чего тебе наговорил отец Хаббард, — презрительно фыркнул Мэтью.

Я выразительно посмотрела на него. Он вспомнил наш разговор недельной давности и умолк.

— Позволь девочке самой объяснить, что к чему, — сказала я мужу и ободряюще улыбнулась юной ведьме. — Продолжай, Энни.

— Отец Хаббард сказал, что, помимо услужения вам, я должна буду отвести вас к своей тетке, когда она вернется в Лондон. Она отправилась принимать роды и вернется не раньше, чем роженица перестанет нуждаться в ее помощи.

— Значит, твоя тетка не только ведьма, но и повитуха? — осторожно спросила я.

— Да, госпожа. Опытная повитуха и сильная ведьма, — гордо ответила Энни и выпрямилась во весь рост.

Я поняла, почему она сутулилась. Платьице девочки было довольно коротким, отчего у нее обнажались и мерзли лодыжки. Своих сыновей отец Хаббард снабжал теплой одеждой, подогнанной по фигуре, а вот его дочери почему-то не удостаивались такого внимания. Я подавила вспыхнувшее раздражение. В ближайшее время Франсуазе снова придется доставать иголки и нитки.

— А как ты вошла в семью отца Хаббарда?

— Моя мать не была добродетельной женщиной, — смущенно пробормотала Энни, засовывая руки под тоненький плащик. — Отец Хаббард нашел меня в крипте церкви Святой Анны возле Олдерсгейта. А рядом — тело моей умершей матери. Моя тетка недавно вышла замуж, и вскоре у нее родились свои дети. Мне тогда было шесть лет. Теткин муж не захотел, чтобы я росла вместе с его сыновьями. Он боялся, что материнская греховность передалась и мне и я буду дурно влиять на них.

Получалось, что четырнадцатилетняя Энни провела в семье Хаббарда больше половины своей жизни. От этой мысли у меня похолодела спина. А опасения, что из-за распутной матери шестилетняя кроха могла на кого-то дурно влиять, вообще были за гранью понимания. Но я хотя бы узнала, откуда у девочки эта привычка глядеть в пол и почему у нее такая странная фамилия — Крипта.

— Пока Франсуаза готовит тебе еду, я покажу твою комнату.

Еще утром я поднималась на четвертый этаж и осмотрела жилье для Энни. Комната не отличалась размерами, но в ней умещались небольшая кровать, трехногий стул и старый, облезлый шкаф для одежды юной ведьмы.

— Идем, я помогу отнести твои вещи.

Энни смущенно заморгала.

— Она пришла с пустыми руками, — пояснила Франсуаза, неодобрительно поглядывая на новую обитательницу нашего дома.

— Не беда. Скоро у Энни появится все необходимое.

Я улыбнулась девчонке. Похоже, она не торопилась мне верить.

За субботу и воскресенье мы с Франсуазой дочиста отмыли Энни, сменили ее одежонку и обувь на новую и проверили, умеет ли она считать. Последнее требовалось, чтобы отправлять ее за мелкими покупками. Я устроила Энни небольшое испытание, послав к местному аптекарю за перьями и полуфунтом воска для писем. (Филипп был прав: на Мэтью не напастись ни бумаги, ни писчих принадлежностей.) Энни быстро выполнила поручение и принесла сдачу.

— Хотел получить с меня целый шиллинг! — сетовала Энни. — А воск у него даже на свечки не годится.

Пьер привязался к ней и постоянно старался чем-нибудь развеселить, чтобы увидеть ее милую, наивную улыбку. Правда, улыбалась Энни редко. Он научил юную ведьму играть в «колыбель для кошки», а в воскресенье вызвался повести ее гулять, когда Мэтью более чем прозрачно намекнул, что хочет на несколько часов остаться вдвоем с женой.

Едва все покинули дом, Мэтью принялся расстегивать на мне мою любимую одежду: джеркин без рукавов из тонкой черной шерсти. Дома я всегда надевала его с юбками поверх нижнего платья.

— А Пьер... не воспользуется ситуацией? — спросила я.

— Пьер? Да упаси Боже! — искренне удивился Мэтью.

— Я спрашиваю не из праздного любопытства.

Мэри Сидни была ненамного старше, когда ее выдали замуж за человека, которого мать сочла выгодной партией.

— А я тебе отвечаю совершенно честно: Пьеру несвойственно укладывать в постель малолетних девчонок. — Мэтью расстегнул последнюю пуговицу и застыл. — Какая приятная неожиданность: на тебе нет корсета.

— Мне в нем неудобно. Думаю, корсет не нравится нашему ребенку.

Мэтью хмыкнул, отбрасывая в сторону мой джеркин.

— Надеюсь, Пьер оградит ее от приставаний других мужчин.

— Нельзя ли на некоторое время отложить разговор о твоей ведьме? — нетерпеливо спросил Мэтью. — На улице холодрыга, так что они вряд ли будут гулять слишком долго.

— До чего же ты нетерпелив в спальне, — сказала я, запустив руки в ворот его рубашки.

— Неужели? — Мэтью изогнул свои аристократические брови, изображая удивление. — А я-то думал, проблема как раз в моей сдержанности, достойной всяческих похвал.

Несколько часов подряд Мэтью показывал мне, каким безграничным может быть его терпение в пустом доме воскресным днем. Когда вернулись остальные домочадцы, мы с мужем пребывали в состоянии блаженной усталости. Настроение у нас значительно улучшилось.

Увы, в понедельник жизнь вернулась в ее привычное русло. Улыбка Мэтью сменилась раздражением и отрешенностью, едва он прочел первую порцию утренних писем. Позже выяснилось, что его многочисленные обязанности не позволяют ему проводить меня к графине Пемброк и разделить с ней полуденную трапезу.

Мэри ничуть не удивилась отсутствию Мэтью. На Энни она взглянула с легким любопытством и спровадила девочку на кухню к Джоан. А мы с Мэри наслаждались изысканной едой. Графиня охотно делилась подробностями личной жизни всех своих ближайших соседей. Затем мы перешли в ее лабораторию, взяв туда же Джоан и Энни в качестве ассистенток.

— Как поживает ваш муж? — спросила графиня, глядя в раскрытую книгу и на ощупь закатывая рукава.

— В добром здравии, — ответила я, что в елизаветинское время заменяло наше универсальное «замечательно».

— Приятно слышать, — сказала Мэри и стала помешивать какую-то неприглядного вида жидкость, которая пахла еще хуже. — От Мэтью сейчас многое зависит. Королева уповает на него больше, чем на кого-либо из своих придворных, за исключением лорда Берли.

— Жаль только, что его настроение не отличается постоянством. Нынче оно похоже на ртуть. То Мэтью готов меня оберегать даже в нашей гостиной, а через полчаса вдруг начисто забывает обо мне и ведет себя так, словно я предмет мебели.

— Так мужчины обращаются с тем, что им принадлежит, — сказала Мэри, берясь за кувшин с водой.

— Я не его собственность, — не слишком учтиво заявила я.

— Мы с вами знаем одно, закон говорит другое, Мэтью чувствует третье. И это три разные точки зрения.

— А так быть не должно! — выпалила я, готовая спорить.

Мэри кротко, понимающе улыбнулась, погасив мой запал:

— Согласитесь, Диана: нам повезло с мужьями больше, чем другим женщинам. Слава Богу, у нас есть книги и свободное время, чтобы предаваться своим увлечениям. У большинства женщин этого нет.

Мэри еще раз помешала отвратительную жидкость, затем перелила ее в стеклянную реторту.

Я задумалась о жизни Энни, мать которой умерла в криптe церкви, а тетка из-за мужниных предрассудков отказалась взять ее к себе. На многое ли может надеяться юная ведьма, когда вырастет?

— Скажите, а вы обучаете своих служанок чтению? — спросила я графиню.

— Конечно, — тут же ответила Мэри. — А еще учу писать и считать. Такие способности повысят их ценность в глазах хорошего мужа, который любит зарабатывать деньги, а не только тратить.

Она подозвала Джоан, и они вдвоем поставили хрупкую реторту на огонь.

— В таком случае Энни тоже должна учиться, — сказала я, кивнув девочке.

Та стояла в сумрачном углу. Бледное лицо и светлые волосы с серебристым отливом делали ее похожей на призрак. Образование сделает ее увереннее. Она и так не побоялась торговаться с аптекарем из-за цены воска. Рачительное отношение к хозяйским деньгам подняло ее в собственных глазах.

— В будущем Энни не раз поблагодарит вас за это, — сказала Мэри, перестав улыбаться. — Нам, женщинам, ничего не принадлежит, кроме того, что находится у нас между ушей. Нашими дарованиями вначале распоряжается отец, а затем муж. Мы целиком посвящаем себя семье. Мы что-то пишем или шьем, но и это сразу же становится собственностью кого-то другого. Нам принадлежат лишь наши мысли, и то пока мы не поделились ими. Энни обязательно нужны ее собственные слова, собственные мысли и идеи. Тогда у нее будет то, что невозможно отобрать. Ее собственный мир.

— Жаль, Мэри, что вы не мужчина, — улыбнулась я.

Впрочем, графиня Пемброк и сейчас могла заткнуть за пояс очень и очень многих, как мужчин, так и женщин.

— Будь я мужчиной, то удалилась бы в свои владения или любезничала бы при дворе, как Генри. Не исключено, что занималась бы государственными делами, как Мэтью. А так я нахожусь у себя в лаборатории и веду приятный разговор с вами. Если взвесить все «за» и «против» нашей с вами участи, можно сказать, что мы находимся в выигрыше, даже если нас иногда ставят на слишком высокий пьедестал, а порой ошибочно принимают за кухонный стул. — Мэри озорно мне подмигнула.

— Возможно, вы и правы, — засмеялась я.

— Доводись вам бывать при дворе, вы бы не сомневались на этот счет. А теперь... — Мэри повернулась к нагреваемой реторте. — Теперь нам нужно проявить терпение и дождаться, пока prima materia нагреется и закипит. Если мы все сделали правильно, то получим основу для сотворения философского камня. Предлагаю заглянуть в книгу, где описаны последующие шаги эксперимента. Надеюсь, на сей раз у нас все получится.

Стоило мне увидеть алхимические манускрипты, и я напрочь забывала о времени. В этом зачарованном состоянии меня и нашли Мэтью и Генри, появившиеся в лаборатории. Мы с Мэри были поглощены беседой об иллюстрациях в собрании алхимических текстов, имеющих общее название «Pretiosa Margarita Novella» — «Новая драгоценная жемчужина». Неужели день прошел и близился вечер?

— Я пока не могу вернуться домой, — запротестовала я. — У Мэри такие манускрипты...

— Мэтью эта книга знакома. Ее подарил мне его брат. Но тогда у Мэтью не было образованной жены. Возможно, теперь он сочтет, что брат поторопился, — засмеялась Мэри. — В солярии вас ждет вино. Я надеялась увидеть вас обоих.

Генри посмотрел на графиню и заговорщически ей подмигнул.

Я неохотно отложила книгу и принялась мыть руки. Мэри записывала в подобие лабораторного журнала результаты ее сегодняшних трудов. Когда мы все уселись в солярии, Генри, не в силах сдержать волнение, спросил:

— Мэри, но теперь-то пора?

— Ваша горячность по части вручения подарков не уступает пылу юного Уильяма, — засмеялась она. — Мы с Генри приготовили вам подарок по случаю Нового года и вашего брака.

А нам с Мэтью было нечего подарить ни ей, ни Генри. Я както вообще забыла о новогодних подарках. Наверное, все это было написано у меня на лице, поскольку Мэтью горестно вздохнул и сказал:

— Когда дело касается подарков, даже не пытайся соперничать с Мэри и Генри. Проиграешь.

— Чепуха! — возразила Мэри. — Мэтью спас жизнь моему брату Филипу и помог Генри удержать его владения. Это долги, которые не отплатишь никакими подарками. Так что не портите нам удовольствие своими вздохами. Новобрачным принято дарить подарки. Да и Новый год наступил. Кстати, Мэтью, что вы подарили королеве?

— После того как она отправила несчастному королю Якову еще одни часы как напоминание о необходимости дожидаться благоприятного момента, я тоже хотел подарить ей часы, но песочные. Тоже напоминание, что и она смертна, — сухо ответил Мэтью.

Генри с ужасом посмотрел на моего мужа:

— Нет. Такого просто не может быть.

— Конечно. Это была всего лишь пустая мысль, посетившая меня в минуту отчаяния, — заверил друга Мэтью. — А королеве я подарил изысканную чашу с крышкой. Ей все дарят такие чаши.

— Генри, не забудьте о нашем подарке, — сказала Мэри, которой передалось его волнение.

Генри вынул бархатный мешочек и подал мне. Повозившись с завязками, я вытащила тяжелый золотой медальон на такой же тяжелой цепи. Лицевая сторона была покрыта филигранью и усыпана маленькими рубинами и бриллиантами. В центре красовались полумесяц и звезда из герба Мэтью. Я перевернула медальон, с восторгом глядя на гирлянды цветов и ветвей, напоминающих ветви плюща. Они были выполнены из перегородчатой эмали. Затем я осторожно нажала пружину замочка. Медальон раскрылся. Внутри был миниатюрный портрет Мэтью.

— Предварительные наброски мастер Хиллиард делал сам, с натуры. Но перед праздниками он был настолько занят, что живописную часть работы выполнял его помощник Исаак, — пояснила Мэри.

Я разглядывала миниатюру под разными углами. Мэтью был запечатлен таким, каким я видела его дома, когда он допоздна ра-

ботал в кабинете. Кружевной воротник рубашки расстегнут. Мэтью смотрит на зрителя, приподняв правую бровь: знакомое сочетание серьезности и насмешливости. Его черные волосы убраны со лба, словно он провел по ним пятерней. В длинных пальцах левой руки он держит медальон. В эту эпоху такой портрет наверняка считался чрезмерно откровенным и эротичным.

— Ну как, вам нравится? — спросил Генри.

— Я в него просто влюбилась, — призналась я, не в силах оторвать взгляд от нового сокровища.

— Исаак более... дерзок в композиции, нежели его хозяин. Но когда я сказала ему, что это свадебный подарок, он изложил мне свои доводы, и я с ними согласилась. Медальон станет особой тайной жены, поэтому ее муж будет изображен в более откровенном виде, не предназначенном для чужих глаз, — сказала Мэри, заглядывая через плечо. — При большом портретном сходстве я все же очень хочу, чтобы мастер Хиллиард научился точнее изображать подбородки.

— У меня нет возражений. Я всегда буду дорожить этим портретом.

— А это тебе, — сказал Генри, протягивая Мэтью такой же мешочек. — Хиллиард предположил, что твой подарок могут увидеть другие, в том числе и при дворе, поэтому прибегнул к... определенному иносказанию.

— Уж не этот ли медальон Мэтью держит на моей миниатюре? — спросила я, указывая на камень молочного цвета в простой золотой оправе.

— Думаю, этот, — ответил Мэтью. — Лунный камень. Верно, Генри?

— Старинная вещь, — с гордостью сообщил Генри. — Он был в коллекции моих древностей, и мне представился повод подарить его тебе. Как видишь, интаглио изображает богиню Диану.

Миниатюра внутри, хотя и написанная в более официальной манере, выглядела достаточно необычно для Елизаветинской эпохи. Я была изображена в красно-коричневом платье, отороченном черным бархатом. Изящный воротник не закрывал сверкающее жемчужное ожерелье. Однако была одна впечатляющая особенность, намекавшая на интимность подарка, — мои волосы. Они свободно ниспадали на плечи и спину. Настоящее буйство рыжевато-золотистых локонов.

— Голубой фон подчеркивает цвет глаз Дианы. А ее рот... совершенно такой же, как в жизни, — признался Мэтью.

Как и я, он был потрясен подарком.

— Я позаботилась и о надлежащем футляре, — сказала Мэри, подавая знак Джоан. — Он удобен для хранения медальонов и позволяет любоваться ими, когда они не на вас.

Футляр представлял собой шкатулку с двумя овальными углублениями, выстланными черным бархатом. Обе миниатюры идеально входили в свои ниши и издали смотрелись гармоничной парой портретов.

— Мэри и Генри умеют делать подарки. Поражаюсь их предусмотрительности, — сказал Мэтью, когда мы вернулись домой. — Он встал у меня за спиной, сцепив руки на моем животе. — А я так и не успел написать твой портрет. Даже не думал, что первое изображение тебя будет сделано Николасом Хиллиардом.

— Портреты просто великолепны, — сказала я, кладя свои руки поверх его.

— Но?.. — Мэтью чуть отодвинулся и наклонил голову.

— Мэтью, миниатюры Николаса Хиллиарда очень ценятся. И это при его жизни. Потом за ними начнется настоящая охота. Мы исчезнем, а они останутся в шестнадцатом веке. Они настолько красивы, что у меня просто рука не поднимется уничтожить их перед возвращением.

Время чем-то напоминало мой воротник. Вначале он был куском ровной ткани. Затем его собрали в складки, где-то подрезали, где-то подшили, изменив до неузнаваемости.

— Мы постоянно вмешиваемся в прошлое, и это непременно откликнется в нашем настоящем.

— Может, мы и должны были это сделать, — предположил Мэтью. — Возможно, от этого зависит будущее, и не только наше.

— Что-то я не понимаю.

— Сейчас не понимаешь. Но представь, что однажды мы оглянемся назад и обнаружим: все необходимые изменения как раз и произошли из-за этих миниатюр, — улыбнулся он.

— Тогда представь, чем обернется нахождение «Ашмола-782». — После иллюстраций в алхимическом трактате Мэри я снова вспомнила таинственный манускрипт и наши безуспешные поиски. — Джорджу не удалось отыскать манускрипт в Оксфорде, но ведь этот раритет наверняка сейчас находится где-то в Англии. Ашмол

купил наш манускрипт у кого-то. И нам разумнее искать не сам манускрипт, а того, кто его продал Ашмолу.

— В конце шестнадцатого века манускрипты уже постоянно куда-то перемещались. «Ашмол-782» мог оказаться где угодно.

— Или где-то здесь, у нас под носом, — не сдавалась я.

— Возможно, ты права, — согласился Мэтью, однако я чувствовала, что его ум занят чем-то другим, более насущным, чем наш неуловимый манускрипт. — Я пошлю Джорджа. Пусть потолкается среди книготорговцев, порасспрашивает у них.

Однако на следующее утро все мысли об «Ашмоле-782» отодвинулись далеко на задний план. Тетка Энни прислала записку. Преуспевающая повитуха сообщала, что вернулась в Лондон.

— Зазывать эту ведьму к нам домой бесполезно, — объявил Мэтью, закончив читать послание. — Она ни за что не пойдет в жилище известного *варга* и шпиона. Ее муж категорически против, поскольку боится, что это повредит его репутации. Нам придется самим отправиться к ней. Она живет на Гарлик-Хилл, близ церкви Святого Якова.

Мне название места ни о чем не говорило, и я молчала.

— Это на другом конце города, совсем рядом с логовом Эндрю Хаббарда, — хмуро пояснил Мэтью.

— Ты вампир. Она ведьма. Вас не должны видеть вместе. Так что опасения ее мужа вполне справедливы.

Мэтью отказался отпустить меня туда в сопровождении Энни и Пьера и пошел с нами. Квартал, окружавший церковь Святого Якова, был гораздо богаче, чем Блэкфрайерс. Широкие улицы, которые содержали в чистоте, большие дома, оживленные магазины, опрятное церковное кладбище. Энни пересекла улицу, на которой стояла церковь, и свернула в переулок. Невзирая на его сумрак, здесь тоже было чисто.

— Это здесь, господин Ройдон, — сказала девочка, кивнув в сторону вывески с изображением ветряной мельницы.

Они с Пьером пошли первыми, чтобы предупредить тетку о нашем появлении.

— Тебе незачем оставаться, — сказала я Мэтью.

Я и так сильно нервничала, не представляя, чем закончится моя встреча с ведьмой. Присутствие Мэтью, его кудахтанье надо мной лишь все портило.

— Я никуда не уйду, — угрюмо заявил он.

На пороге стояла круглолицая курносая женщина с нежным подбородком, темно-каштановыми волосами и живыми карими глазами. Спокойствие ее лица было маской: глаза так и сверкали раздражением. Пьера в дом она не пустила, позволив войти лишь племяннице. Бедняжка Энни встала по другую сторону двери, всем видом показывая, что ничем не может помочь.

Едва увидев ее тетку, я остановилась как вкопанная. Передо мной была вылитая Софи Норман — молодая демоница, побывавшая у нас в Мэдисоне незадолго до нашего путешествия в XVI век.

— Dieu! — сквозь зубы выругался Мэтью, с удивлением поглядев на меня.

— Это моя тетя. Ее зовут Сюзанна Норман, — прошептала Энни. Наша реакция явно насторожила девчонку. — Она говорит...

— Сюзанна Норман? — переспросила я, не в силах отвести глаза от лица ведьмы.

Ее фамилия и сильное сходство с Софи не могли быть просто совпадениями.

— Верно племянница сказала. Вы что-то и впрямь не в своей тарелке, госпожа Ройдон, — усмехнулась ведьма. — А вас, *варг*, я к себе не приглашала.

— Здравствуйте, госпожа Норман, — невозмутимо произнес Мэтью и поклонился.

— Вы что, не получали моей записки? Мой муж не желает иметь ничего общего с вами.

В дверях появились две любопытные мальчишеские рожицы.

— Джеффри! Джон! Кыш отсюда!

— Это он? — спросил старший.

Мальчишка с интересом посмотрел на Мэтью, затем переключил внимание на меня. Этот ребенок обладал магической силой, даже не достигнув подросткового возраста. Его магия потрескивала, как электрические разряды, но по-настоящему управлять ею он пока не научился.

— Бог наградил тебя дарованиями, Джеффри. Используй их с умом и не задавай глупых вопросов. — Ведьма пригляделась ко мне, словно оценивая. — Вы уж точно заставили отца Хаббарда навострить уши. Входите.

Мы решили, что приглашение относится к нам обоим, но Сюзанна предостерегающе махнула рукой:

— Она одна. Вас, *варг*, я не зову. Мне достаточно вашей жены. Если намерены дожидаться ее, неподалеку есть заведение «Золотой гусенок». Там подают приличное вино. А вообще, для всех было бы лучше, если бы вы отправились домой или по своим делам. Ваш слуга проводит госпожу Ройдон обратно.

— Благодарю за совет, госпожа. Я навещу заведение. Пьер подождет во дворе. Он любит холодную погоду, — ответил Мэтью, награждая ведьму волчьей улыбкой.

Сюзанна поморщилась и повернулась к детям:

— *Идемте в дом. Госпожа Ройдон, я оставлю дверь незапертой.*

Джеффри еще раз с любопытством посмотрел на Мэтью, затем толкнул в плечо брата. Дверь закрылась.

— Глазам своим не верю, — прошептала я. — Должно быть, она пра-пра-пра- и так далее бабушка Софи.

— Должно быть, Софи — потомок либо Джеффри, либо Джона, — сказал Мэтью, задумчиво почесывая подбородок. — Кто-то из мальчишек — недостающее звено в цепи событий, которая ведет от Кита и серебряной шахматной королевы к семье Норман и дальше, в Северную Каролину.

— Будущее и вправду само заботится о себе.

— Думаю, так оно и случится. Что же касается ближайшего времени, Пьер останется здесь, а я буду поблизости.

Морщинки возле глаз Мэтью стали заметнее. Он и в спокойные моменты не хотел находиться дальше чем в шести дюймах от меня.

— Возможно, я задержусь у нее надолго, — сказала я, сжимая пальцы мужа.

— Мне все равно, — заверил меня Мэтью и поцеловал. — Можешь не торопиться.

Я вошла. Энни взяла у меня плащ и вернулась к очагу, где в котелке что-то варилось.

— Не ротозейничай, Энни! — с заметным раздражением прикрикнула на племянницу ведьма.

Энни осторожно сняла с железной подставки плоскую миску. Под подставкой мерцали угли.

— Дочка вдовы Хакетт заказала мне этот отвар от бессонницы, а все, что я туда положила, стоит немалых денег.

— Мама, я что-то не пойму, кто она такая, — заявил Джеффри, глядя на меня не по-детски умными глазами.

— Вот и я, Джеффри, тоже не пойму. Наверное, это и привело нашу гостью сюда. А сейчас забирай брата и идите в другую комнату. Да не шумите там. Ваш отец спит, и я не хочу, чтобы он просыпался.

— Хорошо, мама. — Джеффри подхватил со стола двух деревянных солдатиков и кораблик. — На этот раз Уолтером Рэли будешь ты и сможешь победить, — пообещал он брату.

Сюзанна и Энни молча смотрели на меня. Слабые вспышки силы, исходившие от Энни, были почти знакомыми. А вот к потоку силы ее тетки я была совершенно не готова. Сюзанна не расспрашивала меня. Она прощупывала меня своей магией. Мой третий глаз открылся. Наконец кто-то пробудил его любопытство.

— Мне неуютно, — призналась я, отворачиваясь от Сюзанны.

— Так и должно быть, — спокойно ответила она. — Госпожа, зачем вам понадобилась моя помощь?

— На меня наложили заклятие... Энни, ты не о том подумала, — сказала я, когда девочка торопливо отошла. — Я родилась в семье ведьмы и ведьмака, но родители не понимали природы моих способностей. Желая уберечь меня от разных бед, они наложили заклятие. Однако со временем его сила уменьшилась, и стали происходить странные вещи.

— Это какие? — спросила Сюзанна, указав племяннице на стул, чтобы не мельтешила перед глазами.

— Несколько раз мне удавалось вызвать потоки ведьминой воды. Правда, это было достаточно давно. Я вижу цветной ореол вокруг людей, но не всегда. А однажды я дотронулась до сочной айвы, и она высохла.

Я благоразумно умолчала о странных янтарных и голубых нитях в углах комнат, исчезающие пометки в книгах Мэтью и серебристую змейку, уползшую с туфли Мэри Сидни.

— Кто-то из ваших родителей владел водной магией? — спросила Сюзанна, пытаясь вытащить смысл из моего сбивчивого рассказа.

— Этого я не знаю, — ответила я, говоря сущую правду. — Они умерли, когда я была совсем маленькая.

— Возможно, у вас есть к этому склонность. Многие хотели повелевать грубой силой воды и огня, да только не всем она подвластна, — с оттенком сожаления сказала ведьма.

Моя тетка Сара называла ведьм, уповающих на магию стихий, дилетантками. Сюзанна, наоборот, считала заклинания менее зна-

чимым видом магических знаний. Ну что за дремучие предрассудки с обеих сторон! Разве все мы не принадлежим к породе ведьм? Я с трудом удержалась от горестного вздоха.

— Моя родная тетка научила меня лишь нескольким заклинаниям. Иногда я могу зажечь свечу. Или притянуть к себе предметы.

— Но вы же взрослая женщина! — воскликнула Сюзанна, упирая руки в бока. — Даже у Энни больше способностей по этой части, а девчонке всего четырнадцать. — А сделать зелье из растений можете?

— Нет.

В свое время Сара хотела, чтобы я научилась делать зелья, однако я отказалась.

— Так, может, вы лечить умеете?

— Нет.

Теперь я понимала, почему Энни глядит с таким испугом.

— Вот уж не знаю, зачем Эндрю Хаббард попросил моей помощи, — шумно вздохнула ведьма. — Я не томлюсь от безделья. Все время кого-то лечу и роды принимаю. За больным мужем ухаживаю. И двое мальчишек растут, за которыми тоже нужно следить.

Сюзанна сняла с полки глиняную миску с щербатыми краями, после чего полезла на другую полку и вытащила из корзинки яйцо с коричневой скорлупой. То и другое ведьма положила на стол, предварительно выдвинув из-под него стул.

— Садитесь, а руки подсуньте себе под ляжки. — (Заинтригованная таким приказом, я подчинилась.) — Мы с Энни сейчас пойдем к вдове Хакетт. Пока нас нет, извольте разбить яйцо и выплеснуть содержимое в миску. Для этого нужно всего два заклинания: первое, чтобы заставить его двигаться, и второе, совсем простенькое, чтобы треснула скорлупа. Моему Джону восемь, но он это делает играючи.

— Но...

— Если к моему возвращению разбитое яйцо не будет в миске, вам никто не поможет, госпожа Ройдон. Раз вас недостает даже на то, чтобы разбить яйцо, похоже, ваши родители были правы, наложив на вас заклятие.

Энни наградила меня сочувственным взглядом. Она осторожно взяла кастрюлю с варевом. Сюзанна накрыла кастрюлю крышкой и толкнула дверь:

— Идем, Энни.

Я осталась одна, сидя в гостиной дома Норманов и тупо глядя на миску и яйцо.

— Какой кошмар! — прошептала я, надеясь, что мальчишки увлечены игрой и ничего не услышат.

Затем я сделала глубокий вдох, пытаясь собрать свою магическую силу. Я знала слова необходимых заклинаний. И я хотела, ужасно хотела заставить яйцо двигаться. «Магия не что иное, как осуществленное желание», — напомнила я себе.

Все мои желания сосредоточились на этом яйце. Оно чуть подпрыгнуло на столе и снова замерло. Я мысленно повторила заклинание. Потом еще раз. И еще.

Через несколько минут лоб покрылся капельками пота. Это все, чего я сумела достичь. А ведь от меня требовались пустяковые усилия: поднять яйцо в воздух и разбить. Но оно по-прежнему лежало на столе.

— Прости, — пробормотала я, обращаясь к своему пока еще плоскому животу. — Если тебе повезет, ты унаследуешь отцовские способности.

В животе что-то заурчало. Нервы и быстро меняющийся гормональный фон отвратительно сказывались на моем пищеварении.

Интересно, кур когда-нибудь тошнит по утрам? Я наклонила голову и в очередной раз посмотрела на яйцо. Какую-то бедную несушку лишили права стать матерью, отобрав у нее яйцо. Оно пойдет в пищу семейству Норман. Тошнота усилилась. Может, хотя бы на время беременности сделаться вегетарианкой?

А может, из этого яйца не вылупилось бы никакого цыпленка. Я уцепилась за спасительную мысль. Ведь не каждое яйцо бывает оплодотворенным. Мой третий глаз заглянул сквозь скорлупу, сквозь густеющие слои белка и добрался до желтка. На его поверхности виднелись тонкие красные полоски.

— Оплодотворенное, — вздохнула я, елозя ляжками по рукам.

Одно время Сара и Эм держали кур, и я знала: процесс высиживания яйца занимает всего три недели. Три недели тепла и заботы, а потом появляются цыплята. Мне же придется ждать девять месяцев, прежде чем наш ребенок увидит дневной свет.

Забота и тепло. Такие простые условия, но они обеспечивали появление новой жизни. Как говорил Мэтью? «Детям всего-навсего нужна любовь, взрослый, готовый нести ответственность за

них, и надежное место приземления». Цыплятам требовалось то же самое. Я представила себя зародышем цыпленка, наслаждающимся теплом пернатой матери. Тонкие стенки скорлупы защищали его от царапин и ссадин. Разве не так себя чувствует и наш ребенок, плавая в теплой пещере моего чрева? Если нет, существует ли какое-нибудь заклинание, способное создать эти условия? Заклинание, сотканное из тепла, заботы и любви, которое даст ребенку не только безопасность, но и свободу.

— Это мое истинное желание, — прошептала я.

Раздался писк.

Я огляделась по сторонам. В не слишком богатых домах той эпохи курам нередко позволяли гулять по кухне и греться возле очага.

Писк повторился. Он исходил из яйца на столе. Потом скорлупа треснула. Показался клювик, а следом и головка с черными глазками, удивленно глядящими на меня. Нежные желтые перышки были липкими от остатков белка.

За моей спиной кто-то вскрикнул. Я обернулась. Зажимая рот, Энни ошеломленно смотрела на разгуливающего по столу цыпленка:

— Тетя Сюзанна! Это никак... — Она умолкла, глядя то на цыпленка, то на меня.

— Да. Это свечение, которое осталось после нового заклинания госпожи Ройдон. Иди зови Благочестивую Олсоп. — Сюзанна развернула племянницу лицом к двери и выпроводила из дому.

— Извините, госпожа Норман, но я не смогла разбить это яйцо в миску, — стала оправдываться я. — Заклинания не подействовали.

Мокрый цыпленок пищал все громче, возражая против моих слов.

— Не подействовали? Я начинаю думать, что вы совсем не знаете особенностей ведьм, — недоверчиво произнесла Сюзанна.

Кажется, она была права.

Глава 20

Был вечер четверга. Тишина офисов аукционного дома «Сотбис» на лондонской Бонд-стрит неприятно будоражила Фиби. Она работала здесь уже две недели, но пока не успела привыкнуть к зданию. Фиби сидела как на иголках. Каждый звук, будь то гудение люминесцентных ламп над головой, шаги охранников, дергающих ручки дверей на предмет проверки, заперты ли они, закадровый смех телевизионной передачи, доносящийся неведомо откуда, — все это заставляло ее подпрыгивать.

В отделе Фиби была младшей сотрудницей, и потому дожидаться появления доктора Уитмора досталось ей. Сильвия — ее непосредственная начальница — была непреклонна: кто-то обязательно должен дождаться этого человека, невзирая на окончание рабочего дня. Фиби сочла такое распоряжение в высшей степени ущемляющим ее права, однако, будучи новенькой и не зная тонкостей работы, вслух выразила лишь вялый протест.

— Никаких возражений. Вы останетесь и дождетесь его. К семи часам он обязательно появится, — с опасной вкрадчивостью произнесла Сильвия, теребя жемчужное ожерелье, затем взяла со своего стола билеты на балетный спектакль и тем же тоном добавила: — И потом, вам все равно некуда спешить.

Сильвия была права. Фиби никуда не спешила.

— А кто он такой? — спросила девушка.

Вопрос был вполне законный, однако Сильвия недовольно поморщилась.

— Он из Оксфорда. Важный клиент нашей фирмы. Это все, что вам необходимо знать, — сухо ответила начальница. — «Сотбис» ценит конфиденциальность. На курсах об этом говорят. Или вы прохлопали столь важную часть обучения?

И потому Фиби томилась за письменным столом. Обещанное «к семи часам» давно прошло. Чтобы скоротать время, она полез-

ла в картотеку с целью побольше узнать о важном клиенте. Она не любила встречаться с людьми, предварительно не собрав о них как можно больше сведений. Пусть Сильвия думает, что Фиби достаточно знать имя клиента и его платежеспособность. Сама Фиби имела на этот счет другое мнение. Информация личного характера — ценное оружие, которое можно пустить в ход против гостей на коктейльных вечеринках и официальных обедах. Так ее учила мать. Однако в архивах «Сотбиса» Фиби не нашла ничего об Уитморах. Зная регистрационный номер клиента, девушка перешерстила картотеку, но нашла лишь обычную карточку, где значилось: «Семейство де Клермон. Справляться у президента».

Без пяти девять за дверью послышался мужской голос: сердитый и в то же время странно мелодичный.

— Изабо, ты уже в третий раз отправляешь меня черт-те куда. По сути, наугад. Позволь тебе напомнить: у меня есть и свои дела. В следующий раз пошли Алена. — (Воцарившаяся пауза была совсем короткой.) — Ах, ты думаешь, что мне нечем заняться? Я тебе перезвоню, когда их увижу. — Говоривший выругался сквозь зубы. — Ради бога, скажи своей интуиции, пусть возьмет выходной.

Манера говорить у незнакомца была наполовину американской и наполовину английской. Размытость в произношении некоторых слов подсказывала, что, помимо английского, он знает и другие языки. Отец Фиби находился на дипломатической службе ее величества и обладал схожей манерой говорить. Казалось, его голос раздается отовсюду и в то же время — из ниоткуда.

Зазвенел дверной звонок. Еще один резкий звук, заставивший Фиби вздрогнуть, хотя она и ждала этого звонка. Отъехав от стола, Фиби встала с кресла и пошла к двери. Она была в черных туфлях на высоком каблуке, которые стоили кучу денег, но делали ее выше ростом и, как убеждала себя Фиби, придавали ей солидности. Этот трюк она усвоила на первом же собеседовании с Сильвией, куда пришла в удобных туфлях на низком каблуке. После этого поклялась себе больше никогда не выглядеть восхитительной Дюймовочкой.

Отодвинув шторку дверного глаза, Фиби увидела гладкий лоб, лохматые, неряшливые светлые волосы и пару пронзительно-синих глаз. Этот человек явно не был доктором Уитмором.

Фиби еще тверже укрепилась в своем мнении, когда неизвестный посетитель начал стучать пальцами по двери. Кем бы он ни

был, но хорошие манеры явно обошли его стороной. Фиби раздраженно ткнула кнопку интеркома и так же раздраженно спросила:

— Да?

— Маркус Уитмор желает видеть мисс Торп.

Фиби снова заглянула в глазок. Невероятно! Столь молодой мужчина вряд ли смог бы привлечь внимание Сильвии.

— Я могу взглянуть на документ, удостоверяющий вашу личность? — официальным тоном спросила Фиби.

— А где Сильвия? — щурясь, спросил мужчина.

— На балете. Кажется, это «Коппелия».

Билеты у Сильвии были на самые лучшие места и, естественно, самыми дорогими. Оплачивал их аукционный дом, относя их за счет представительских расходов. Человек, назвавшийся Уитмором, достал удостоверение личности и притиснул почти к самому глазку. Фиби несколько умерила пыл.

— Вас не затруднит немного отойти? На таком расстоянии мне ничего не видно.

Удостоверение отодвинулось на несколько дюймов от глазка.

— Вы серьезно, мисс...

— Тейлор.

— Мисс Тейлор, пожалуйста, откройте дверь. Я спешу.

Теперь на нее снова смотрели два синих прожектора. Фиби удивленно попятилась назад, но все же успела прочитать имя, фамилию, а также увидеть его принадлежность к какому-то исследовательскому центру в Оксфорде.

Итак, по другую сторону двери действительно стоял доктор Уитмор. Но какие дела могут быть у ученого с аукционным домом «Сотбис»? Фиби нажала другую кнопку, открывавшую дверь.

Едва щелкнул замок, Уитмор стремительно вошел в офис. Одет он был так, словно собрался в один из клубов Сохо, но никак не в респектабельный аукционный дом. Черные джинсы, винтажная серая футболка с эмблемой рок-группы «U_2», а на ногах — странного вида хайтопы фирмы «Конверс» (тоже серые). Шею доктора Уитмора украшал кожаный шнурок, на котором болтались какие-то штучки непонятного происхождения, явно не имеющие никакой ценности. Фиби расправила свою безупречно чистую белую блузку и с нескрываемым раздражением поглядела на важного клиента.

— Благодарю вас, — сказал Уитмор, подойдя к ней настолько близко, что это противоречило всем правилам приличного общества. — Сильвия оставила для меня пакет.

— Доктор Уитмор, нам было бы удобнее разговаривать сидя. — Фиби указала на стул возле ее письменного стола.

Синие глаза Уитмора лишь скользнули по стулу и вернулись к ней.

— А это так необходимо? Я вас долго не задержу. Мне лишь нужно удостовериться, что моя бабушка не видит зебр там, где одни лошади.

— Как вы сказали?

Фиби придвинулась поближе к своему столу. Там, под крышкой, возле верхнего ящика, находилась «тревожная кнопка». Если Уитмор, кем бы он ни был, продолжит вести себя подобным образом, она нажмет кнопку.

— Я сказал, пакет.

Уитмор продолжал глядеть на Фиби. В его глазах вспыхнули искорки чисто мужского интереса. Фиби это сразу почувствовала и, словно загораживаясь, скрестила руки на груди. Уитмор почти наугад ткнул пальцем в ту часть стола, где стояла небольшая, обитая бархатом шкатулка.

— Полагаю, это он и есть.

— Доктор Уитмор, я все-таки прошу вас присесть. Рабочий день уже давно закончился. Я устала, а мне еще необходимо заполнить бланки, прежде чем вы сможете взглянуть на то, что оставила для вас Сильвия.

Фиби почесала затекший затылок. Чтобы смотреть на Уитмора, ей приходилось задирать голову. От этого простого жеста ноздри Уитмора раздулись. Глаза он прикрыл. Фиби заметила, что ресницы у него темнее волос. Более того, эти ресницы были длиннее и гуще, чем ее собственные. Женщины пошли бы на любые жертвы, чтобы иметь такие ресницы.

— Мисс Тейлор, нам лучше не усложнять дело. Вы отдадите мне шкатулку, и я преспокойно уйду.

Теперь его голос не звучал сердито, как в разговоре по телефону. Однако в плавности его речи улавливалось некое предупреждение, смысл которого оставался Фиби непонятен. Да и что может сделать этот Уитмор? Украсть шкатулку? Фиби вновь подумала, не вызвать ли охрану, но решила подождать. Сильвия разъ-

ярится, когда узнает, что своими неоправданными опасениями и подозрениями Фиби обидела важного клиента.

Фиби зашла со своей стороны, взяла бланк, ручку и вернулась туда, где стоял Уитмор.

— Если вам так больше нравится, доктор Уитмор, я готова оформить приобретение стоя. Хотя должна вам сказать, это куда неудобнее.

— Такого замечательного предложения мне давно не делали. — Уитмор скривил губы. — Вообще же, если действовать согласно Хойлу[1], думаю, вам следовало бы называть меня просто Маркусом.

— Согласно Хойлу? — Фиби покраснела и вытянулась во весь рост. Уитмор явно не принимал ее всерьез. — Сомневаюсь, что он работает у нас.

— Я тоже надеюсь. — Уитмор нацарапал свою подпись. — Эдмонд умер еще в тысяча семьсот шестьдесят девятом году.

— Я совсем недавно работаю в «Сотбисе». Вам придется простить мне незнание таких тонкостей.

Фиби вновь захотелось нажать «тревожную кнопку». Возможно, она ошиблась. Уитмор не вор. Он... Наверное, он сумасшедший. Эта мысль все отчетливее мелькала в мозгу Фиби.

— Вот ваша ручка, — учтиво произнес Маркус. — Вот ваши бланки. Видите? — Он наклонился ближе. — Я сделал именно то, о чем вы меня просили. Я, знаете ли, очень хорошо воспитан. Мой отец об этом позаботился.

Фиби взяла у него ручку и бланки. Делая это, она ненароком коснулась тыльной стороны ладони Уитмора. Ладонь была невероятно холодной. Девушка даже вздрогнула. На мизинце странного посетителя она заметила тяжелый золотой перстень с печаткой. Вещь выглядела старинной, откуда-то из Средневековья, однако никто не стал бы разгуливать по Лондону, демонстрируя всем столь редкую и дорогую вещицу. Должно быть, подделка, хотя и очень мастерски выполненная.

Фиби пробежала глазами бланки и вернулась за стол. Вроде все в полном порядке. Если же этот человек вдруг окажется пре-

[1] То есть действовать по всем правилам. Выражение появилось благодаря тому, что английский писатель и большой любитель карточных игр Эдмонд Хойл занимался тщательной разработкой их правил.

ступником, а такой поворот ничуть не удивил бы Фиби, по крайней мере, ее не обвинят в нарушении правил. Она подняла крышку, готовая передать шкатулку этому более чем странному доктору Уитмору. Пусть посмотрит и уходит. Фиби надеялась, что вскоре и она отправится домой.

Увидев содержимое, Фиби не удержалась от изумленного возгласа. Она ожидала, что в шкатулке лежит сказочно красивое бриллиантовое ожерелье или изумруды Викторианской эпохи, оправленные в прихотливую золотую филигрань. Словом, нечто такое, что понравилось бы ее бабушке.

Но внутри оказались всего-навсего две овальные миниатюры, лежащие в углублениях. Похоже, шкатулка изначально была сделана для хранения этих миниатюр. На одной художник запечатлел женщину, в чьих золотистых волосах мелькали рыжие прядки. Открытый воротник не загораживал ее лица, имевшего форму сердечка. Светлые глаза женщины смотрели на зрителя со спокойной уверенностью. На губах играла легкая улыбка. Фон портрета составляли сочные синие тона, характерные для известного портретиста Елизаветинской эпохи Николаса Хиллиарда. На второй миниатюре был изображен мужчина с гривой черных волос, откинутых назад. Судя по выражению темных глаз, лет ему было достаточно, хотя всклокоченная бородка и усы делали его моложе. Из-под расстегнутого воротника полотняной рубашки проглядывало неестественно-белое тело. У художника оно почему-то получилось даже белее рубашки. Длинные пальцы сжимали драгоценный камень, висящий на широкой цепочке. Здесь фоном служили языки пылающего пламени, символизируя буйство страстей.

Уитмор находился так близко, что от его дыхания у Фиби пощипывало ухо.

— Боже милосердный! — прошептал оксфордский доктор.

— Правда красивые? — спросила Фиби. — Эти миниатюры прибыли к нам совсем недавно. Пожилая пара из Шропшира производила ревизию своего шкафа, где у них хранились разные ценности. Решили поискать место для новых приобретений и вдруг наткнулись вот на это. Сильвия полагает, что они получат хорошие деньги.

— В этом можете не сомневаться, — ответил Маркус и нажал кнопку на своем мобильнике.

— Oui? — послышался из динамика властный женский голос.

«Так всегда с мобильниками», — подумала Фиби. Люди почему-то кричат в микрофон, и ты слышишь чужой разговор.

— Насчет миниатюр ты оказалась права, Grand-mère[1].

— Маркус, теперь я могу рассчитывать на твое полное внимание? — с заметным удовлетворением спросила его бабушка.

— Нет. И благодари за это Бога. Мое полное внимание еще никому не принесло счастья.

Уитмор глазел на Фиби и улыбался. Фиби нехотя призналась себе, что он не лишен обаяния.

— Но прежде чем ты отправишь меня еще куда-то, дай мне несколько дней передохнуть. Кстати, сколько ты желаешь за них заплатить? Или мне вообще не спрашивать?

— N'importe quel prix.

«Цена не имеет значения». Для любого аукционного дома эти слова были сладчайшей музыкой. Фиби смотрела на миниатюры. Они и в самом деле вызывали восхищение.

Едва Уитмор закончил разговор с бабушкой, как сразу принялся выстукивать кому-то эсэмэску.

— Хиллиард считал, что его портретные миниатюры лучше всего смотреть в узком кругу, — сказала Фиби, не понимая, зачем говорит это вслух. — Он проникал в самую суть характеров. То, о чем молчали люди, выдавали их портреты. Все секреты выставлялись напоказ. Посмотрите на эту пару. Такое ощущение, что у каждого полным-полно секретов.

— Вы совершенно правы, — тихо согласился Маркус.

Близость его лица позволила Фиби получше рассмотреть его глаза. Они были еще синее, чем она думала. Синее, чем лазурь и ультрамарин красок Хиллиарда.

На столе Фиби зазвонил телефон. Она потянулась к трубке, и ей показалось, что рука Маркуса на мгновение коснулась ее талии.

— Фиби, отдайте нашему клиенту купленные им миниатюры, — послышался в трубке голос Сильвии.

— Я вас не понимаю, — очумело произнесла Фиби. — Я ведь не имею права...

— Доктор Уитмор купил их. Мы обязывались продать миниатюры по максимально высокой цене. Это обязательство мы вы-

[1] Бабушка *(фр.)*.

полнили. Теперь чета Тавернер, если пожелает, сможет годами не вылезать из Монте-Карло. А Маркусу передайте: из-за этого разговора мне пришлось выйти в фойе и, если я пропущу danse de fête[1], весь следующий сезон я буду наслаждаться спектаклями, сидя в его семейной ложе. — Сильвия отключилась.

В офисе стало тихо. Маркус Уитмор осторожно дотронулся до золотого обрамления на миниатюре мужчины. В этом жесте Фиби уловила тоску, попытку общения с давно умершим, никому не известным человеком.

— Я почти уверен: если бы я с ним заговорил, он бы меня услышал, — задумчиво и даже печально сказал Маркус.

Что-то здесь было не так. Что именно — этого Фиби не могла понять, но чувствовала: покупка двух миниатюр XVI века была обусловлена не только страстью коллекционера. Существовала еще какая-то причина, и очень серьезная.

— Знаете, доктор Уитмор, ваша бабушка, должно быть, сказочно богата, если решилась отвалить такую сумму за два анонимных портрета Елизаветинской эпохи. Раз вы являетесь клиентом «Сотбиса», не стану скрывать: вы изрядно переплатили за эти миниатюры. Допустим, портрет королевы Елизаветы Первой еще мог бы уйти за шестизначную сумму, и то при соответствующей публике в зале. Но уж никак не эти миниатюры.

Авторитетная атрибуция портретов была столь же важна, как удостоверение личности. От этого напрямую зависела их начальная и конечная стоимость на аукционе.

— А мы ведь не знаем, кто эти двое, — продолжала Фиби. — И уже не узнаем после стольких веков безвестности. Имена очень важны.

— Вы буквально повторяете слова моей бабушки.

— В таком случае ей должно быть известно, что без надлежащей атрибуции эти миниатюры вряд ли вырастут в цене.

— По правде говоря, бабушка и не собирается их выгодно перепродавать. И потом, для Изабо предпочтительнее, если ни одна живая душа не узнает, кто они такие.

Услышав очередную странную фразу, Фиби наморщила лоб. Получается, бабушка Маркуса знала, кто изображен на миниатюрах, однако не хотела, чтобы об этом узнали другие.

---

[1] Праздничный танец *(фр.)*.

— Приятно иметь дело с вами, Фиби, даже если нам пришлось стоять. В этот раз. — Маркус обворожительно улыбнулся ей и спросил: — Вы не возражаете, что я называю вас просто Фиби?

Фиби даже очень возражала. От отчаяния у нее зачесался затылок. Инстинктивным движением она откинула назад свои черные волосы, почти достигавшие плеч. Глаза Маркуса беззастенчиво разглядывали ее круглые плечи. Фиби так и не ответила на его вопрос. Тогда Маркус закрыл шкатулку, сунул себе под мышку и отошел.

— С удовольствием пригласил бы вас на ужин, — дружеским тоном произнес он, словно не замечая, что не вызывает у Фиби никакого интереса. — Мы бы отпраздновали богатство, свалившееся на голову четы Тавернер, а также внушительные комиссионные, которые вы получите на пару с Сильвией.

Сильвия? Делиться с ней комиссионными? Фиби разинула рот от удивления. Шансы, что начальница поделится с ней вознаграждением, были меньше нуля. Видимо, Маркус уловил ее сомнения. Он перестал улыбаться.

— Таковы условия сделки. Моя бабушка ни за что не согласится их менять... Ну что, отправимся ужинать? — спросил он, и в голосе появилось прежнее нетерпение.

— Я не хожу с незнакомыми мужчинами, да еще в столь поздний час.

— Тогда завтра я приглашаю вас на ланч, после которого приглашу на обед. После этого я уже не буду для вас незнакомым мужчиной.

— Вы все равно останетесь странным, — пробормотала Фиби. — И на ланч я не хожу. Ем на рабочем месте. — Она смущенно отвела глаза. Неужели первую фразу она произнесла вслух?

— Раньше не ходили. А я изменю вашу традицию, — сказал Маркус, снова улыбаясь во весь рот.

Фиби стало не по себе. Она действительно произнесла первую фразу вслух!

— И не волнуйтесь, мы не уйдем далеко от вашего офиса.

— Почему не уйдем? — выпалила Фиби.

Никак он подумал, что она его боится или не сможет поспевать за его шагами? Боже, как же она ненавидела свой маленький рост!

— Я просто хотел, чтобы вы снова надели эти туфли и не боялись сломать себе шею, — с детской непосредственностью пояснил Маркус. Он окинул взглядом ее туфли, затем взгляд переместился выше, к лодыжке и изгибу ее икр. — Мне они нравятся.

Что этот человек о себе думает? Манеры — как у богатого повесы XVIII века. Фиби направилась к двери. Ей нравился решительный стук ее каблуков. Фиби нажала кнопку и демонстративно распахнула дверь. Маркус одобрительно цокнул языком:

— Мне не следовало проявлять такую настырность. Бабушке такое поведение не нравится, как не нравится, когда ее вынуждают выходить из игры. Но должен вам кое-что сказать, Фиби. — Маркус наклонился почти к самому ее уху, понизив голос до шепота. — В отличие от мужчин, которые пригласили бы вас на ужин, а затем отправились бы к вам домой для продолжения, ваше благопристойное поведение и изысканные манеры меня ничуть не отпугивают. Совсем наоборот. Я уже представляю, какой вы будете, когда все эти ледяные преграды растают.

Фиби тихо вскрикнула.

Маркус взял ее за руку и, глядя ей в глаза, прикоснулся губами к ее губам:

— До завтра. И хорошенько закройте за мной дверь. Я и так доставил вам бед.

С этими словами доктор Уитмор вышел из офиса, на прощание подарил Фиби еще одну лучезарную улыбку, после чего повернулся и исчез в коридоре.

Фиби было не унять дрожь в руке. Этот человек... этот странный человек, лишенный каких-либо представлений об этикете... этот человек с пронзительными синими глазами поцеловал ее прямо на рабочем месте, не спрашивая разрешения.

А она не дала ему пощечину. Ведь именно так должны реагировать благовоспитанные дочери дипломатов в ответ на бесцеремонные мужские притязания, будь то дома или за границей. Последнее средство, к которому она не прибегла.

Это не Маркус доставил ей бед. Это она сама попала в беду.

Глава 21

— Даже не знаю, Благочестивая Олсоп, стоило ли звать тебя. — Сюзанна вытирала руки о передник, беспокойно поглядывая на меня. — Я же едва не отослала ее домой. Если бы я...

— Однако ты этого не сделала, Сюзанна.

Благочестивая Олсоп была такой старой и тощей, что ее руки казались костями, обтянутыми кожей. Но при столь тщедушном теле она, как ни странно, обладала довольно зычным голосом, а в глазах светился ум. Наверное, ей перевалило за восемьдесят, однако никто не осмелился бы назвать ее дряхлой старухой.

С приходом Благочестивой Олсоп в гостиной дома Норманов стало довольно тесно. Сюзанна весьма неохотно все же впустила в дом Мэтью и Пьера, велев им стоять возле двери и ни к чему не прикасаться. Естественно, сюда пришли и дети Сюзанны. Джеффри и Джон крутили головами, поглядывая то на вампиров, то на вылупившегося цыпленка. Его посадили в шапку Джона и поместили ближе к огню. От теплого воздуха цыплячьи перышки приобрели пушистость, а сам он, слава Богу, наконец-то перестал пищать. Мы с Благочестивой Олсоп тоже сидели возле очага: я — на табуретке, она — на единственном стуле.

— Позволь-ка мне, Диана, взглянуть на тебя.

Подобно вдове Битон и Шампье, Благочестивая Олсоп протянула пальцы к моему лицу. Я невольно вздрогнула. Рука ведьмы замерла.

— В чем дело, дитя мое? — нахмурилась старуха.

— Один французский ведьмак пытался читать по моей коже. Ощущение было — как ножом режет, — прошептала я.

— Приятных ощущений не обещаю. Да разве бывает приятно, когда тебя осматривают? Но больно тебе не сделаю.

Пальцы Благочестивой Олсоп коснулись моей кожи. Руки у ведьмы были холодными и сухими. Под старческой кожей с пятнами проступали вздутые жилы, переползая через суставы. Казалось, она копается во мне, как в земле, но ее прикосновения не вызывали боли, какую я испытала от рук Шампье.

— Ага, — прошептала Благочестивая Олсоп, дотронувшись до моего лба.

Мой ведьмин глаз, который после вылупливания цыпленка снова погрузился в дрему, теперь вдруг широко открылся. «Вот у кого мне надо учиться», — подумала я.

Я заглянула в третий глаз Благочестивой Олсоп и мгновенно попала в разноцветный мир. Как я ни старалась, переплетение ярких нитей не превращалось во что-то более или менее знакомое. «Ими ведь как-то можно пользоваться», — думала я, снова испытывая знакомое мучительное ощущение. Глаза старухи были прикрыты. Мои тело и разум она исследовала с помощью ясновидения, оранжевыми потоками пульсирующей энергии с пурпурными вспышками по краям. При своем ограниченном ведьмином опыте такое странное сочетание цветов я видела впервые. Несколько раз Благочестивая Олсоп что-то пробормотала себе под нос. Похоже, что-то одобрительное.

— А правда, она странная тетка? — шепотом спросил у брата Джеффри, заглядывая ведьме через плечо.

— Джеффри! — прикрикнула на сына Сюзанна, пораженная его невоспитанностью. — Не «она», а госпожа Ройдон.

— Ну хорошо. Госпожа Ройдон — странная тетка, — ничуть не смутился Джеффри, положил руки на колени, наклоняясь еще ближе.

— Юный Джеффри, что ты видишь? — спросила Благочестивая Олсоп.

— Она... госпожа Ройдон... вся какая-то разноцветная. Ведьмин глаз у нее синий, хотя все остальное — зеленое и серебристое, как у богини. А что это за черная точка с красным кружком? — спросил Джеффри, указывая на мой лоб.

— Это отметина *варга*, — сказала Благочестивая Олсоп, дотрагиваясь до отметины. — Знак говорит, что она принята в семью господина Ройдона. А ты, Джеффри, когда увидишь такую отметину — правда, они встречаются редко, — будь внимателен.

Это предостережение. *Варгу*, который пометил теплокровную как свою, очень не понравятся еще чьи-то притязания на нее.

— А когда отметину ставили, больно было? — не унимался мальчишка.

— Джеффри! — снова прикрикнула на сына Сюзанна. — Совесть надо иметь! Своими расспросами ты мешаешь Благочестивой Олсоп.

— Сюзанна, если дети перестанут задавать вопросы, нас ждет мрачное будущее, — ответила Благочестивая Олсоп.

— Кровь *варга* способна исцелять. Никакого вреда она не приносит, — ответила я, опережая ответ старухи.

Мне не хотелось, чтобы юный ведьмак привык бояться неизвестного и непонятного. Потом я взглянула на Мэтью. Его «отметина» была куда значительнее отцовской клятвы на крови. Пока Мэтью не возражал против манипуляций Благочестивой Олсоп, однако его глаза безотрывно следили за старухой. Я попыталась улыбнуться, и его губы едва дрогнули в ответ.

Похоже, отношения между ведьмами и вампирами пока не особо занимали Джеффри.

— Госпожа Ройдон, а вы можете снова устроить свечение? — спросил он.

Больше всего братья досадовали, что не видели моего выброса магической энергии.

Благочестивая Олсоп быстро утихомирила мальчишку, проведя скрюченным пальцем по его губе.

— Сейчас мне надо поговорить с Энни. А потом слуга господина Ройдона отведет вас троих к реке. Погуляете там. Когда вернетесь, можешь спрашивать меня о чем угодно.

Мэтью подал знак Пьеру. Тот, опасливо косясь на старуху, повел мальчишек во двор. Ему, как и Джеффри, нужно было преодолеть свой страх перед существами иной породы.

— Где девчонка? — спросила Благочестивая Олсоп, вертя головой по сторонам.

— Здесь я, — робко ответила Энни, выходя вперед.

— Энни, мы хотим знать правду, — суровым тоном произнесла старая ведьма. — Что ты пообещала отцу Хаббарду?

— Н-ничего, — запинаясь, ответила Энни, глазами ища у меня защиты.

— Не ври, Энни! Это грех, — тем же тоном возразила старуха. — Давай выкладывай!

— Если господин Ройдон вздумает покинуть Лондон, я должна сообщить отцу Хаббарду. Когда господин и госпожа уже спят, отец Хаббард присылает кого-то из своих людей и расспрашивает меня про все, что происходит в доме.

Каждое слово давалось Энни с трудом. Окончив признание, она зажала рот руками, будто не веря, что выдала столько секретов.

— Раз такое случилось, нужно следовать букве уговора Энни с Хаббардом, но никак не духу, — поразмыслив, заключила Благочестивая Олсоп. — Если госпоже Ройдон зачем-то понадобится уехать из города, первой об этом Энни должна сообщить мне. Слышишь, Энни? И только через час, не меньше, можешь доложить Хаббарду. А если ты хоть словом обмолвишься о происходящем здесь, я свяжу твой язык таким заклинанием, что и тринадцать ведьм его не снимут. — (Девочка от страха сжалась в комок.) — Теперь иди к мальчишкам, но сначала открой все двери и окна. Когда придет время возвращаться, я пошлю за вами.

Энни принялась послушно открывать ставни и двери. Она с ужасом поглядывала на меня, умоляя простить. Я ободряюще кивнула ей. Разве она может противоречить Хаббарду или воспротивиться его требованиям? Вся ее жизнь была сплошным выживанием. В отличие от меня, взгляд Мэтью оставался холодным. Через мгновение Энни уже не было в доме.

Только теперь, когда в гостиной стало относительно тихо и у меня по ногам зашуршали сквозняки, Мэтью заговорил. Он все так же стоял у двери, и его черный плащ вбирал в себя и без того тусклый свет зимнего дня.

— Благочестивая Олсоп, вы можете нам помочь? — учтиво спросил он.

Со старой ведьмой он говорил без малейшего высокомерия, совсем не так, как с вдовой Битон.

— Думаю, да, господин Ройдон, — ответила старуха.

— Да вы садитесь, — вдруг предложила Сюзанна, указывая Мэтью на ближайшую табуретку.

Для Мэтью, с его ростом и широкими плечами, сидеть на такой табуретке было не слишком-то удобно, однако он не жаловался.

— У меня в соседней комнате спит муж, — продолжала Сюзанна. — Он не должен знать, что в доме *варг*, и слышать наши разговоры.

Благочестивая Олсоп взялась за воротник своей шерстяной кофты, словно желая вытащить что-то у себя изнутри. Потом она вытянула руку и качнула запястьем. Из пальцев старухи выскользнула призрачная фигура — точная копия ее самой. Двойник Благочестивой Олсоп направился в спальню Сюзанны.

— Это что было? — спросила я, едва осмеливаясь дышать.

— Моя посыльная. Проследит, чтобы мастер Норман не проснулся раньше времени и чтобы нам тоже не мешали. — Благочестивая Олсоп шевельнула губами, и сквозняки прекратились. — Ну вот, двери с окнами запечатаны. Нас никто не подслушает. На сей счет, Сюзанна, можешь не волноваться.

Мне очень захотелось научиться этим заклинаниям. В жилище шпиона они были бы далеко не лишними. Я едва успела открыть рот, чтобы спросить старуху, но она махнула рукой и засмеялась:

— Ты слишком любопытна для взрослой женщины. Боюсь, ты станешь испытывать терпение Сюзанны сильнее, чем Джеффри. — Благочестивая Олсоп откинулась на спинку стула и удовлетворенно посмотрела на меня. — Давненько же я тебя, Диана, ждала.

— Меня? — недоверчиво переспросила я.

— Тебя. Прошло много лет с тех пор, как мы обнаружили первые признаки твоего появления. Но время шло, и многие из нас потеряли надежду. А когда сестры рассказали нам о знамениях на севере, я поняла: нужно ожидать тебя.

Благочестивая Олсоп говорила о Берике и странных событиях в Шотландии. Я подалась вперед, готовая забросать ее вопросами, однако Мэтью чуть заметно покачал головой. Он по-прежнему сомневался, можно ли доверять старой ведьме. Благочестивая Олсоп заметила это и снова усмехнулась.

— Значит, я оказалась права, — облегченно вздохнула Сюзанна.

— Да, дитя мое. Диана — настоящая прядильщица.

Эхо повторило слова Благочестивой Олсоп. В них было ничуть не меньше силы, чем в ее заклинаниях.

— И что теперь? — шепотом спросила я.

— Мы очутились в таком положении, когда многого не понимаем, — сказал старухе Мэтью. — Думаю, в ваших глазах мы мало отличаемся от Джеффри. И объяснять нам надо так, как вы объясняли бы ребенку его возраста.

— Диана — создательница заклинаний, — сказала Благочестивая Олсоп. — Мы, прядильщицы, появляемся редко. Потому богиня и послала мне тебя.

— А вот в этом, Благочестивая Олсоп, вы ошибаетесь, — возразила я, мотая головой. — Я бездарь по части заклинаний. Моя тетка Сара — сильная ведьма, но даже она не сумела научить меня ведьминому ремеслу.

— Да, ты не можешь накладывать заклинания других ведьм. Ничего удивительного. Ты должна создавать свои.

Утверждение Благочестивой Олсоп противоречило всему, чему меня учили. Я недоуменно посмотрела на старуху:

— Но ведьмы учат заклинания. Мы их не придумываем сами.

Мне с детства внушали, что заклинания передаются из поколения в поколение как внутри семей, так и среди ведьм одного шабаша. Мы ревностно оберегали эти знания, записывая в гримуары слова и последовательность действий, дополняя их именами ведьм, преуспевших в заклинаниях. Опытные ведьмы обучали молодых членов шабаша, веля точно следовать по их стопам. Они знали все нюансы каждого заклинания и опыт своих предшественниц, применявших его.

— Прядильщикам это дано, — ответила Благочестивая Олсоп.

— Я ни разу не слышал о прядильщиках, — осторожно возразил Мэтью.

— О них слышали лишь немногие. Мы, господин Ройдон, тайна. Даже ведьмы о нас толком ничего не знают, не говоря уже о *варгах*. Вы привыкли иметь дело с секретами и хранить, думаю, тоже умеете. — Старуха озорно ему подмигнула.

— Должен вам сказать, Благочестивая Олсоп, что я прожил уже немало лет. Мне трудно поверить, чтобы ведьмы в течение долгого времени могли скрывать от других пород существование прядильщиков. Может, это очередная игра Хаббарда?

— Я слишком стара для игр, месье де Клермон. Да, *я знаю*, кто вы на самом деле и какое положение занимаете в нашем мире. — (Такого Мэтью явно не ожидал услышать.) — Вы лишь думаете,

что умеете надежно прятать правду от ведьм. На самом деле это не так.

— Возможно, не так, — угрожающе промурлыкал Мэтью.

Его тон не испугал старуху, а лишь позабавил.

— Детишек вроде Джеффри и Джона вы еще можете напугать своим грозным видом. И впечатлительных демонов вроде вашего дружка Кристофера. А меня вы не напугаете. — Старая ведьма перестала усмехаться. — Прядильщики таятся, потому что когда-то нас выслеживали и убивали, как и рыцарей вашего отца. Наша сила нравилась далеко не всем. И вы прекрасно знаете: выжить легче, если твои враги считают тебя мертвым.

— Но кому понадобилось охотиться на прядильщиков и зачем?

Я надеялась, что ответ не вернет нас к давнишней вражде между вампирами и ведьмами.

— Нас уничтожали не *варги* и не демоны, а другие ведьмы, — спокойно ответила Благочестивая Олсоп. — Они нас боятся, потому что мы другие. Страх порождает сначала презрение, потом ненависть. Знакомая история. В свое время ведьмы уничтожали целые семьи, чтобы их дети не выросли и тоже не стали прядильщиками. Немногие уцелевшие стали прятать своих детей. Любовь родителей к ребенку имеет великую силу, в чем вы оба скоро убедитесь.

— Вы знаете и про ребенка, — прошептала я, и руки сами собой потянулись к животу.

— Да, — кивнула Благочестивая Олсоп. — Диана, твое прядение уже имеет большую силу. Ты не сможешь долго утаивать это от других ведьм.

— Ребенок! — У Сюзанны округлились глаза. — Ведьма и *варг* зачали ребенка?!

— Не всякая ведьма способна на такое. Эта магия доступна только прядильщикам. Теперь ты понимаешь, Сюзанна: богиня избрала тебя для этой миссии не просто так. Не просто так она позвала сюда и меня. Ты повитуха, и все твои способности в ближайшем будущем очень понадобятся.

— У меня нет навыков, чтобы помочь госпоже Ройдон, — возразила Сюзанна.

— Ты столько лет помогаешь женщинам разрешиться от бремени, — напомнила ей Благочестивая Олсоп.

— Теплокровным женщинам, у которых рождаются теплокровные дети! — негодующе воскликнула Сюзанна. — А не существам вроде...

— У *варгов* такие же руки и ноги, как и у всех нас, — перебила повитуха Благочестивая Олсоп. — Не думаю, что этот ребенок родится иным.

— Если у *варга* по десять пальцев на руках и ногах, это еще не значит, что у него есть душа, — заявила Сюзанна, с нескрываемым подозрением глядя на Мэтью.

— Сюзанна, я тебе удивляюсь. Я вижу душу господина Ройдона столь же ясно, как твою. Может, ты опять наслушалась речей своего мужа — всех его нелепых россказней о зле, исходящем от *варгов* и демонов?

— А если и наслушалась? — поджала губы Сюзанна.

— Тогда ты просто дура. Ведьмы способны видеть правду, даже если их мужья и городят разную чушь.

— Все не так просто, как получается у тебя на словах, — пробормотала Сюзанна.

— Просто, если мы сами не начнем усложнять. Среди нас появилась долгожданная прядильщица, и теперь нам надо строить замыслы на будущее.

— Благодарю вас, Благочестивая Олсоп, — сказал Мэтью. Ему стало легче, что он не одинок в своих суждениях. — Вы правы. Диане нужно получить необходимые знания, и как можно быстрее. Она не может рожать здесь.

— Это, господин Ройдон, не зависит только от вашего решения. Если ребенку суждено родиться в Лондоне, значит в Лондоне он и родится.

— Диана здесь чужая, — сказал Мэтью и быстро добавил: — Я имел в виду Лондон.

— С Божьего благословения это я тоже поняла. Но поскольку она не просто прядильщица, а еще и умеет обращаться с нитями времени, переезд в другое место ничего не изменит. Диана и в Кентербери, и в Йорке быстро стала бы заметной.

— Вы знаете и этот наш секрет. — Мэтью холодно посмотрел на старуху. — А поскольку вы так много знаете о нас, то наверняка усмотрели и такую особенность: Диана не вернется в свое время одна. Вместе с ней вернусь я и наш ребенок. Вам необходимо научить ее, как это сделать.

Мэтью начинал брать руководство встречей на себя, что означало поворот к худшему.

— Господин Ройдон, обучение вашей жены — теперь моя главная задача... если, конечно, вы не имеете более обширных познаний по части прядильщиков и они превосходят мои.

— Мой муж знает, что это целиком касается ведьм, — сказала я старухе и взяла Мэтью за руку. — Он не станет вмешиваться.

— Стану, поскольку Благочестивая Олсоп должна понимать все, что касается моей жены и меня, — заявил Мэтью, поворачиваясь ко мне. — И даже твое обучение не может целиком касаться ведьм. Вдруг среди них найдутся враждебно настроенные к тебе и ребенку?

— Так, значит, это ведьма тебя поранила, а не *варг*, — тихо сказала Благочестивая Олсоп. — Я уловила боль и поняла, что к этому причастна ведьма. Но я думала, она как раз лечила тебя, а не калечила. Во что превратился мир, если одна ведьма осмеливается истязать другую?

— А вдруг та ведьма тоже догадалась, что Диана — прядильщица? — спросил у старухи Мэтью.

Мне как-то в голову не приходило, что Сату могла об этом знать. Сказанное Благочестивой Олсоп об отношении ведьм к прядильщикам могло относиться и к Питеру Ноксу и его прихвостням в Конгрегации. Они тоже могут заподозрить, что я скрываю эту тайну. Кровь забурлила в моих жилах. Мэтью взял меня за руку, сжав ладонь между своих.

— Такое возможно, но утверждать не берусь, — вздохнула Благочестивая Олсоп. — Как бы то ни было, мы должны сделать все, что в наших силах, и за время, отпущенное богиней Диане на приготовления к будущему.

— Подождите! — не выдержала я, хлопнув ладонью по столу. Кольцо Изабо звонко ударило по щербатому дереву. — Вы так говорите, будто я опытная прядильщица. А я даже свечку зажечь не могу. Мои способности связаны с магией. У меня в крови ветер, вода и даже огонь.

— Если я смогла увидеть душу твоего мужа, тебя вряд ли удивит, что я увидела и твою силу. Но что бы тебе самой ни казалось, ты никакая не огненная ведьма. И не водяная тоже. Ты не в состоянии повелевать природными стихиями. Если бы ты сдуру попыталась это сделать, стихии бы тебя погубили.

— Я чуть не потонула в собственных слезах, — упрямо возразила я. — А ради спасения Мэтью я убила *варга* стрелой ведьминого огня. Моя тетка распознала это по запаху.

— Огненной ведьме не нужны стрелы. Огонь вылетает из нее и мгновенно достигает цели. — Благочестивая Олсоп покачала головой. — Дитя мое, то были всего лишь прядения, сотканные из горя и любви. Богиня наделила тебя прекрасной способностью заимствовать нужные тебе силы, но полной власти над ними не дала.

— Заимствовать, — повторила я.

Мне вспомнились обескураживающие события последних месяцев. Вспышки магической силы, которая никогда не вела себя так, как требовалось мне.

— Теперь понятно, почему эти способности появляются и исчезают. Оказывается, они и не были целиком моими.

— Никакая ведьма не смогла бы удержать в себе столь громадную силу, не нарушив равновесия миров. Прядильщица с осторожностью прикасается к окружающей ее магии и переливает магическую силу в новую форму.

— *Но заклинания... Они исчисляются тысячами. Я уже не* говорю про разные заговоренные предметы и зелья. И все это не более чем заимствования?

Я провела рукой по лбу. От места, что Филипп пометил своей кровью, веяло холодом.

— Пойми, Диана: все заклинания пришли откуда-то. Их породили мгновения нужды, страстной тоски, брошенного вызова. Обстоятельства, на которые невозможно было ответить никаким иным способом. И пришли они не из пустоты, а от кого-то.

— От первой ведьмы, — прошептала я.

Кое-кто из ведьм, да и не только они, считали «Ашмол-782» самым первым гримуаром: книгой, содержащей изначальные заклинания и заклятия, созданные нашей породой. Это дополнительно связывало меня с таинственным манускриптом. Я посмотрела на Мэтью.

— От первой прядильщицы, — деликатно поправила меня Благочестивая Олсоп. — И от тех, кто последовал за ней. Еще раз говорю тебе, Диана: прядильщицы не просто ведьмы. Возьми Сюзанну. Она сильная ведьма, а ее знаниям земной магии позавиду-

ет любая из наших здешних сестер. Но при всех ее дарованиях, создать новое заклинание она не может. А ты можешь.

— Я даже не представляю, с чего начать, — отбрыкивалась я.

— Ты высидела этого цыпленка, — напомнила мне Благочестивая Олсоп, указав на спящий желтый комочек.

— Я всего лишь пыталась разбить яйцо! — возразила я.

Мне вдруг вспомнились мои неудачи со стрельбой из лука. Стрелы летели мимо цели. То же было у меня и с магией.

— Нет, ты не пыталась разбить яйцо, иначе мы бы сейчас лакомились дивным заварным кремом Сюзанны. Твой разум был устремлен к чему-то другому.

Цыпленок согласился со старой ведьмой, испустив громкий протяжный писк.

Благочестивая Олсоп была права. Мой разум занимали совсем другие мысли: наш ребенок и заботы о нем. Сумеем ли воспитать его надлежащим образом и уберечь от опасностей? Вот какие мысли занимали мою голову.

Я молча кивнула.

— Так я и думала, — ответила Благочестивая Олсоп и тоже кивнула.

— Но я не произносила никаких слов, не совершала никаких ритуалов, ничего не создавала. — Я усиленно цеплялась за уроки Сары. — Я просто мысленно задавала вопросы. Не скажу, чтобы слишком уж хорошие и правильные.

— Магия начинается с желания. Слова приходят позже. Гораздо позже, — пояснила Благочестивая Олсоп. — И даже тогда прядильщица не всегда может свести свое заклинание к нескольким строчкам, годным для применения другими ведьмами. Некоторые прядения сопротивляются, как бы мы ни старались. Это значит, пользоваться ими можем только мы, и больше никто. Потому-то нас и боятся.

— «В начале всего — отсутствие и желание», — прошептала я.

Так начиналось стихотворение, сопровождавшее единственную страницу из «Ашмола-782», которую кто-то прислал моим родителям. Прошлое вновь столкнулось с настоящим. Теперь, когда в пыльном углу вспыхнули золотистые и голубые нити, я не отвела глаза. Благочестивая Олсоп тоже видела их сияние. А вот Мэтью с Сюзанной, как ни вглядывались, не видели ничего примечательного.

— Вот-вот, — откликнулась старуха. — Смотри, как время чувствует твое отсутствие и хочет, чтобы ты вернулась, вплелась в свою прежнюю жизнь.

Благочестивая Олсоп сияла не хуже нитей. Она даже захлопала в ладоши, словно я цветными карандашами нарисовала красивый домик и ей захотелось приклеить картинку на дверцу своего холодильника.

— Но время пока еще не готово к твоему возвращению. Иначе голубые нити светились бы намного ярче.

— Вы так говорите, как будто возможно смешение магии с колдовством, — сказала я, по-прежнему испытывая замешательство. — Колдовство применяет заклинания, а магия — это унаследованная способность повелевать стихиями: воздухом, огнем, водой.

— Кто научил тебя такой чепухе? — фыркнула Благочестивая Олсоп, шокировав Сюзанну. — Магия и колдовство — две дороги, что пересекаются в лесу. Прядильщица встает на перекрестке. Одна нога у нее на дороге магии, вторая — на дороге колдовства. Сама она находится в промежутке, где силы обеих дорог наивысшие.

Время воспротивилось этому откровению, заставив цыпленка возмущенно пискнуть.

— «Ты всегда была странной, не такой, как все ведьмы», — удивленно пробормотала я.

Еще в Мэдисоне призрак Бриджит Бишоп предупреждал меня о столь уязвимом положении и сопутствующих опасностях.

— Прежде чем мы переместились сюда, мне явился призрак моей далекой прародительницы Бриджит Бишоп. Она сказала, что такова моя судьба. Должно быть, она знала, что я прядильщица.

— И родители твои тоже были прядильщиками, — сказала Благочестивая Олсоп. — Я вижу последние остатки нитей заклинания, которым они тебя связали. Не удивляйся: твой отец был прядильщиком. Он знал, что ты последуешь по его пути.

— Ее отец? — удивился Мэтью.

— Ты ничего не путаешь? — насторожилась Сюзанна. — Прядильщики-мужчины встречаются крайне редко.

— Отец Дианы был невероятно талантливым прядильщиком, но должного обучения не получил. Его заклинание было не со-

ткано, как полагается, а скорее слеплено из кусков. Но он делал это с любовью, и это неплохо послужило своей цели. Той же цели служит цепь, которая связывает тебя с твоим *варгом*.

Цепь была моим тайным оружием. В тяжелейшие моменты меня успокаивало ощущение, что Мэтью — мой надежный якорь и я накрепко с ним соединена.

— В ту ночь Бриджит сказала мне еще кое-что: «Но будущего без него у тебя нет; он стоит на твоем пути, куда бы ты ни пошла». Должно быть, она знала и о Мэтью.

— Ты ничего не рассказывала мне об этом разговоре, mon coeur, — сказал Мэтью.

Он был не столько раздражен моей скрытностью, сколько удивлен.

— Тогда я не придала особого значения перекресткам, путям и туманным пророчествам. А потом столько всего произошло, что я просто забыла... И все-таки как я могла создавать заклинания, не зная об этом? — спросила я, поворачиваясь к Благочестивой Олсоп.

— Прядильщики окутаны тайной, — сказала старуха. — Сейчас у нас нет времени доискиваться ответов на все твои вопросы. Нам важнее научить тебя управлять магией, чтобы ты не захлебывалась в ней.

— Моя магия ведет себя как необузданное животное, — призналась я, вспоминая испорченные туфельки Мэри. — Никогда не знаешь, какой фокус она выкинет.

— Так всегда бывает, когда прядильщица только начинает привыкать к своей силе. Но твое свечение способны видеть и чувствовать даже люди. — Благочестивая Олсоп откинулась на спинку стула, внимательно глядя на меня. — Если ведьмы увидят твое свечение, как увидела девчонка Энни, они могут вытащить оттуда необходимые знания и использовать для своих целей. Мы не допустим, чтобы ты или ребенок попали в когти к Хаббарду. С Конгрегацией, надеюсь, вы совладаете? — спросила она у Мэтью.

Его молчание она приняла за согласие.

— В таком случае условимся об уроках. Ко мне ты будешь приходить по понедельникам и четвергам. К госпоже Норман — по вторникам. Среды ты будешь проводить с Марджори Купер, а пятницы — с Элизабет Джексон и Кэтрин Стритер. Их помощь

понадобится Диане, чтобы примирить огонь с водой в ее крови, иначе она не произведет ничего, кроме пара.

— А благоразумно ли делать нашу тайну достоянием всех этих ведьм? — спросил Мэтью.

— Господин Ройдон прав, — подхватила Сюзанна. — О Диане уже и так ходит много слухов. Джон Чандлер повсюду рассказывает о ней, стремясь снискать расположение отца Хаббарда. Мы и сами прекрасно можем ее обучить.

— Когда это ты успела стать огненной ведьмой? — ехидно спросила Благочестивая Олсоп. — Кровь Дианы бурлит огнем. Мои способности связаны преимущественно с ведьминым ветром. Твои — с силой земли. Только наших знаний недостаточно.

— Если мы последуем твоему замыслу, такое сборище сразу привлечет внимание. Нас всего тринадцать ведьм, а ты предлагаешь, чтобы пятеро занялись обучением Дианы. Пусть кто-нибудь еще возьмет на себя труд учить госпожу Ройдон. Кто-нибудь в Мунгейте или, быть может, в Олдгейте.

— Не забывай, Сюзанна: олдгейтское сообщество слишком разрослось. Оно не в силах управляться с собственными делами, не говоря уже про обучение прядильщицы. К тому же туда далеко идти, а вонь от городских сточных канав отвратительно действует на мой ревматизм. Мы будем обучать Диану в нашем сообществе, ибо таково намерение богини.

— Я не могу... — попыталась возразить Сюзанна.

— Сюзанна, я твоя старейшина. Если собираешься и дальше возражать, что ж, обращайся к Совету, пусть они решают.

Обстановка в гостиной становилась все более тягостной.

— В таком случае, Благочестивая Олсоп, я ознакомлю Куинхайт со своей просьбой, — заявила Сюзанна, сама удивляясь, что из нее вдруг вылезли такие слова.

— Кто такая эта королева Хайт? — шепотом спросила я Мэтью.

— Куинхайт — место, а не человек[1], — тоже шепотом ответил он. — А о каком совете они говорили?

— Понятия не имею, — призналась я.

[1] Здесь игра слов: Куинхайт (*англ.* Queenhithe) — один из старейших районов Лондона — на слух может восприниматься как «королева Хайт» (*англ.* Queen Hithe).

— Хватит перешептываться. — Благочестивая Олсоп недовольно качала головой. — На окна и двери наложены заклинания, а ваши перешептывания поднимают ветер. От него у меня уши болят. — Старуха помолчала, дожидаясь, когда ветер уляжется. — Сюзанна только что оспорила мою власть в подобных делах. Я старейшина сообщества в приходе Сент-Джеймс-Гарликхайт и в Винтри. Теперь госпожа Норман должна будет изложить свои претензии перед другими старейшинами лондонских округов. Они решат, как нам действовать дальше. Так бывает всегда, если между ведьмами возникают разногласия. Всего старейшин двадцать шесть, и вместе мы и образуем то, что называется Советом.

— Значит, и здесь политика? — удивилась я.

— Политика и благоразумие. Если бы у нас не было способов решать недоразумения в нашем кругу, отец Хаббард давно бы запустил свои цепкие холодные пальцы в дела ведьм... Простите, господин Ройдон, если ненароком обидела вас, — сказала Благочестивая Олсоп.

— Я не услышал ничего обидного. Но если вы намерены решать возникший спор среди ваших старейшин, то о Диане узнает весь Лондон. Этого я допустить не могу, — заявил Мэтью и встал.

— Каждая лондонская ведьма и ведьмак и так уже знают о вашей жене. Вести быстро разлетаются по городу. Да и ваш друг Кристофер Марло изрядно постарался.

Теперь, когда Мэтью стоял, Благочестивой Олсоп пришлось запрокидывать голову и вытягивать шею, чтобы заглянуть ему в глаза.

— Садитесь, господин Ройдон. Мои старые кости и так плохо сгибаются. Не добавляйте им тягот. — (К моему удивлению, Мэтью послушно сел.) — Лондонские ведьмы знают о Диане, но им пока неведомо, что она прядильщица, и это главное, — продолжала Благочестивая Олсоп. — Разумеется, об этом придется рассказать Совету. Когда другие ведьмы услышат, что тебя вызвали на Совет старейшин, они решат, что тебе собираются устроить взбучку за отношения с господином Ройдоном. Или на тебя будут накладывать особое заклятие, чтобы он не смог получить доступ к твоей крови и силе.

— Какое бы решение ни принял Совет, вы останетесь моей учительницей? — спросила я у старухи.

Я привыкла быть предметом недовольства других ведьм и отнюдь не надеялись, что лондонские ведьмы одобрят мои отношения с Мэтью. Меня мало заботило, будут ли Марджори Купер, Элизабет Джексон и Кэтрин Стритер, кем бы они ни были, заниматься моим образованием наряду со старухой. Но меня очень заботила позиция Благочестивой Олсоп. Здесь она была единственной ведьмой, в чьей помощи и дружбе я по-настоящему нуждалась.

— В Лондоне я единственная из нашей породы и одна из трех прядильщиц, известных в этой части света. Агнес Сэмпсон — шотландская прядильщица — нынче гниет в эдинбургской тюрьме. Об ирландской прядильщице уже много лет нет никаких вестей. У Совета нет иного выбора, как только позволить мне тебя обучать, — заверила меня Благочестивая Олсоп.

— И когда состоится встреча ведьм? — спросила я.

— Как только мы сумеем ее устроить, — пообещала Благочестивая Олсоп.

— Мы к этому подготовимся, — в свою очередь пообещал ей Мэтью.

— Есть дела, в которых вы никак не поможете своей жене. Их она должна делать сама. Сама вынашивать ребенка. И стоять перед Советом тоже придется ей одной, — ответила Благочестивая Олсоп. — Доверие для *варга* — тяжкий труд. Это я знаю. Но ради Дианы вы должны постараться.

— Своей жене я доверяю. Вы сумели узнать, как истязали Диану ее же соплеменницы. Так что не удивляйтесь, если я не доверяю вашей породе и не хочу, чтобы она снова представала перед ведьмами, — заявил Мэтью.

— Вы должны постараться, — повторила Благочестивая Олсоп. — Вам никак нельзя задевать Совет. Если вы это сделаете, Хаббард обязательно вмешается. Совет не потерпит еще одного оскорбления и обратится за помощью к Конгрегации. Наши внутренние разногласия — это одно. Но никому из собравшихся здесь не хочется, чтобы Конгрегация обратила свое внимание на Лондон. Думаю, вы согласитесь со мной, господин Ройдон.

Мэтью смерил взглядом Благочестивую Олсоп и наконец кивнул:

— Будь по-вашему.

Я прядильщица.

Прядильщица, которая скоро станет матерью.

«Ты всегда была странной, не такой, как все ведьмы», — прошептал призрачный голос Бриджит Бишоп.

Мэтью резко выдохнул. Видимо, уловил перемену в моем запахе.

— Диана устала. Ей пора возвращаться домой.

— Она не устала, а просто напугана. Диана, время твоих страхов прошло. Ты должна принять себя такой, какая есть на самом деле, — с легким упреком сказала мне Благочестивая Олсоп.

Но моя тревога не улеглась, а продолжала нарастать, даже когда мы благополучно вернулись в «Оленя и корону». Мэтью снял свой дублет на теплой подкладке и набросил мне на плечи, стремясь защитить от холодного воздуха. Ткань сохраняла его запах гвоздики и корицы, а также успела впитать запах дыма от очага Сюзанны и сырой лондонский воздух.

— Я прядильщица. — Наверное, если без конца повторять эту фразу, она станет фактом и обретет смысл. — Но я не знаю, что́ это значит и кто я теперь.

— Ты Диана Бишоп. Историк и ведьма. — Мэтью обнял меня за плечи. — Не важно, кем еще ты была или станешь, это — твое определение. И еще ты моя жизнь.

— Твоя жена, — поправила я.

— Моя жизнь, — повторил Мэтью. — Ты не только мое сердце, но и его биение. До этого я был лишь тенью вроде двойника, созданного Благочестивой Олсоп.

Французский акцент Мэтью стал заметнее, а голос — более хриплым от бурлящих чувств.

— Наконец-то я узнала правду о себе. Казалось бы, это должно принести мне облегчение, — сказала я, забираясь в кровать.

Холод, пробравший меня до костей, в них и застрял, не желая уходить.

— Всю свою жизнь я задавалась вопросом: почему я не похожа на других? Теперь я знаю причину, но от этого мне не легче.

— Однажды станет легче, — пообещал Мэтью, укладываясь вместе со мной.

Он обнял меня. Наши ноги переплелись наподобие древесных корней. Мы лежали, тесно прижавшись друг к другу. Глубоко внутри меня была цепь. Когда-то я выковала ее из любви и тоски

по тому, кого еще не встретила. Теперь эта цепь стала гибкой и текучей. Она сделалась артерией, по которой жизнетворные соки постоянно текли от ведьмы к вампиру и обратно. Вскоре ощущение подвешенности между мирами исчезло. Я полностью обрела центр. Я глубоко втянула в себя воздух. Потом еще. Когда я попыталась отодвинуться, Мэтью воспротивился.

— Я пока не готов тебя отпустить, — сказал он, прижимая меня еще крепче.

— У тебя полным-полно неотложной работы. Конгрегация, Филипп, королева. Я прекрасно справлюсь, — пыталась убедить я мужа, но сама хотела как можно дольше оставаться в этом блаженном состоянии.

— Вампиры исчисляют время не так, как теплокровные, — заявил он, по-прежнему не желая выпускать меня из объятий.

— И сколько же длится минута у вампиров? — спросила я, утыкаясь макушкой в его подбородок.

— Трудно сказать. Это отрезок времени между обычной минутой и вечностью.

Глава 22

Собрать вместе двадцать шесть самых сильных лондонских ведьм оказалось делом непростым. Я думала, что мы встретимся в каком-нибудь просторном помещении, где ведьмы рассядутся рядами, а я буду стоять перед ними. Однако на самом деле все было совсем не так. В течение нескольких дней Совет проходил в разных местах: в чьих-то домах, в лавках и тавернах по всему Лондону. Никаких официальных церемоний знакомства. Никакой пустой траты времени на обмен любезностями и разговоры о пустяках. Всех этих ведьм я видела впервые. Их лица быстро забывались и тускнели в моей памяти.

Зато мне крепко запомнились впечатляющие моменты, когда ведьмы демонстрировали свои возможности. Я впервые ощутила неоспоримую силу огненной ведьмы. Благочестивая Олсоп была права, говоря, что я должна увидеть и прочувствовать все сама. Я увидела и прочувствовала обжигающую силу взгляда и прикосновения одной рыжеволосой огненной ведьмы. Вблизи ее огонь в моей крови сразу же пробудился и заплясал, но я отчетливо поняла, что сама огненной ведьмой не являюсь. Вскоре это подтвердилось, когда я встретилась еще с двумя огненными ведьмами в задней комнате таверны «Митра» на Бишопсгейт.

— С ней надо держать ухо востро, — заявила одна из них, закончив чтение по моей коже.

— Прядильщица, способная путешествовать во времени, и при этом столько воды и огня в крови, — поддакнула вторая. — Я думала, такое сочетание вообще не встречается.

Воздушные ведьмы собрались в скромном, но достаточно просторном доме Благочестивой Олсоп. По комнатам бродили два призрака, которые вместе с двойником старухи встречали гостей у двери и молчаливо помогали ведьмам устроиться поудобнее.

В отличие от огненных, воздушные ведьмы отнеслись ко мне с меньшим страхом. Их прикосновения были легкими и сухими. Затем они спокойно, по-деловому, оценили мои сильные стороны и недостатки.

— Неистовая, — сказала обо мне седовласая ведьма лет пятидесяти.

Она была совсем миниатюрной и двигалась с такой скоростью, что казалось, законы гравитации действуют на нее совсем по-иному.

— Слишком много устремленности, — хмурясь, произнесла другая гостья. — Ей нужно научиться не особо вмешиваться в события, позволяя им идти своим чередом. Иначе каждый ее ветерок превратится в настоящую бурю.

Благочестивая Олсоп поблагодарила их за участие, но, когда они ушли, явно почувствовала облегчение.

— Пойду-ка я прилягу, дитя мое, — сказала она, вставая со стула и идя в свою спальню.

Двойник, словно тень, двинулся следом.

— А скажите, Благочестивая Олсоп, мужчины в Совете есть? — спросила я, поддерживая старую ведьму под локоть.

— Горстка. Все молодые колдуны отправились в университет изучать натурфилософию, — вздохнула она. — Странные нынче времена, Диана. Все гоняются за чем-то новым. Ведьмаки думают, будто книги научат их лучше собственного опыта... Ты ступай домой. Отдохнуть мне надо. В ушах звенит от всей этой болтовни.

В четверг к нам с утра пришла водяная ведьма. Я еще не вставала, утомленная вчерашними походами по городу. Высокая и гибкая, ведьма не вошла, а вплыла в дом и тут же натолкнулась на стену вампиров, встретивших ее в гостиной.

— Пропусти ее ко мне, — сказала я Мэтью, жестом приглашая ведьму в спальню.

Когда дверь спальни закрылась, водяная ведьма осмотрела меня с головы до ног. Ее взгляд вызывал у меня странное ощущение, словно в летний день я погружалась в прохладную соленую морскую воду.

— Благочестивая Олсоп была права, — низким мелодичным голосом проговорила ведьма. — В вашей крови слишком много воды. Нам нельзя прийти сюда всем вместе, иначе вы можете

устроить настоящий потоп. Вам придется принимать нас по одной. Боюсь, это займет у вас целый день.

Вместо моего похода к водяным ведьмам они весь четверг втекали и вытекали из нашего дома, сводя с ума Мэтью и Франсуазу. Но никто из них не отрицал моей причастности к их миру. И в их присутствии я не ощущала никаких «подводных течений».

— Вода не солгала, — заявила одна из водяных ведьм, проведя пальцами по моему лбу и плечам.

Затем она повернула мои руки ладонями вверх и стала вглядываться в рисунок ладоней. Она была немногим старше меня: белокожая, черноволосая, с глазами уроженки островов Карибского моря.

— Какая вода? — спросила я.

Ведьма внимательно разглядывала ручейки, струящиеся по «линиям жизни» моих ладоней.

— Каждая лондонская водяная ведьма собирала дождевую воду начиная с середины лета и до Мейбона. Затем всю воду они вылили в гадательную чашу Совета. И чаша показала, что у долгожданной прядильщицы в жилах будет вода. — Водяная ведьма облегченно вздохнула и отпустила мои ладони. — Нам понадобятся новые заклинания, чтобы повернуть испанский флот от английских берегов. Благочестивая Олсон взяла на себя заботу о воздухе. Раньше мы бы обратились к шотландской прядильщице, одаренной земляной ведьме. Но сейчас она нам не поможет, даже если бы и хотела. Хотя вы истинная дочь луны, ваша помощь нам очень пригодится.

В пятницу утром явился посыльный с адресом дома на Бредстрит, где мне надлежало быть к одиннадцати часам. Меня ожидала завершающая встреча с членами Совета — двумя земляными ведьмами. Вообще-то, земляной магией в той или иной степени владели многие ведьмы. Она считалась основой ведьмовства, и в современных шабашах земляные ведьмы не выделялись в особую категорию. Мне было любопытно узнать, отличаются ли чем-нибудь земляные ведьмы Елизаветинской эпохи.

Меня сопровождали Мэтью и Энни. Пьера муж отправил с каким-то поручением, а Франсуаза пошла по магазинам. Мы уже шли через церковный двор собора Святого Павла, как вдруг Мэтью схватил за руку чумазого и невероятного тонконогого улич-

ного мальчишку. Лезвие кинжала застыло в пугающей близости от уха сорванца.

— Только шевельни своим поганым пальчиком — и я оттяпаю тебе ухо, — тихо пригрозил Мэтью.

Я удивленно наклонила голову и поняла, в чем дело. Грязные мальчишечьи пальцы застыли на моей поясной сумке.

Даже в своем времени я всегда улавливала в Мэтью потенциальную склонность к проявлению жестокости, а в елизаветинском Лондоне она проявлялась намного отчетливее. И все равно я не понимала, откуда в нем столько злобы на несчастного малыша.

— Мэтью, прекрати! — потребовала я, видя испуг, застывший на грязном мальчишечьем лице.

— Другой на моем месте попросту отсек бы тебе ухо или потащил к судье, — угрюмо произнес Мэтью, щуря глаза.

Неудачливый воришка побледнел еще сильнее.

— Довольно! — сказала я мужу, касаясь мальчишечьего плеча.

От моего прикосновения он вздрогнул. Ведьминым глазом я увидела отвратительную сцену: тяжелый мужской кулак, с силой бьющий по худенькому плечу, затем удар о стену. Под грубой рубашкой — единственной одеждой в холодный зимний день — прощупывалась ссадина, еще не прекратившая кровоточить.

— Как тебя зовут? — спросила я.

— Джек, миледи, — прошептал мальчишка.

Кинжал Мэтью по-прежнему был приставлен к его уху. На нас уже обращали внимание.

— Убери кинжал, Мэтью. Нам нечего опасаться этого ребенка.

Мэтью убрал кинжал. Он все еще был взбешен случившимся.

— Где твои родители?

— У меня их нет, миледи, — пожал плечами Джек.

— Энни, отведи мальчика домой. Пусть Франсуаза приготовит ему поесть и найдет какую-нибудь одежду. Неплохо было бы вымыть его в горячей воде, а затем уложить в кровать Пьера. Вид у него усталый.

— Диана, ты не можешь подбирать с улицы каждого лондонского сироту, — сказал Мэтью и для подкрепления своих слов звякнул кинжалом.

— Франсуазе он пригодится для разных мелких поручений, — заявила я, убирая Джеку волосы со лба. — Джек, ты согласен мне помогать?

— Угу, госпожа, — ответил он.

В испуганных глазах мальчишки появился проблеск надежды. Следом согласие выразил и его голодный желудок. Громкое урчание снова заставило мой ведьмин глаз открыться. Желудок был совершенно пуст, а тоненькие ножки Джека тряслись не столько от страха, сколько от слабости. Я вынула из сумки, которую он пытался украсть, несколько монет и протянула Энни:

— По дороге домой зайди к Прайору и купи Джеку кусок пирога. Он вот-вот упадет в обморок от голода. Пирога ему хватит, пока Франсуаза готовит более существенную еду.

— Да, госпожа, — сказала Энни.

Будто старшая сестра, она схватила Джека за руку и повела в направлении Блэкфрайерса.

Мэтью хмуро глядел им вслед, затем повернулся ко мне. Выражение его лица не поменялось.

— Ты ничем ему не поможешь. Этот Джек, если его действительно так зовут, в чем я искренне сомневаюсь, не проживет и года, если не прекратит воровать.

— Он не проживет и недели, если кто-нибудь из взрослых о нем не позаботится. Помнишь, о чем ты говорил? Детям нужна любовь, взрослые, способные о них позаботиться, и место, где они будут чувствовать себя в безопасности.

— Не надо обращать против меня мои же слова. Как ты помнишь, Диана, речь шла о нашем ребенке, а не о каком-то бездомном оборвыше.

Наверное, на Мэтью подействовало общение с ведьмами, пусть и косвенное. За несколько дней он перевидал их больше, чем многие вампиры встречают за всю жизнь. Ему требовалась драка, хотя бы словесная.

— Когда-то мое положение было очень похоже на положение Джека. — (Мой муж отшатнулся, словно я дала ему пощечину.) — Ты понимаешь, что мы не можем просто взять и снова выгнать Джека на улицу? — спросила я и, не дожидаясь ответа Мэтью, продолжила: — Если Джек не приживется у нас, то мы можем отвести его к Эндрю Хаббарду. А там — как повезет. Но в любом случае это будет хоть какая-то забота о нем. Не то что на улицах.

— У нас достаточно слуг, — холодно произнес Мэтью.

— А у тебя достаточно денег. Если не хочешь тратиться на мальчишку, я буду платить ему за работу из своих.

— Нет. Пока мы здесь, лучше рассказывай ему сказки на ночь. — Мэтью взял меня за локоть. — Думаешь, он не поймет, что живет рядом с тремя *варгами* и двумя ведьмами? Дети людей видят таких, как мы, гораздо яснее, чем взрослые.

— А ты думаешь, Джека будет очень волновать, кто мы такие, если у него есть крыша над головой, вдосталь еды и возможность спокойно спать по ночам?

Я поймала взгляд женщины, недоуменно глазевшей на нас. Вампир и ведьма не должны были вести запальчивые разговоры на улице. Я поглубже натянула капюшон плаща.

— Чем больше существ нечеловеческой породы вторгаются в нашу жизнь, тем сложнее и опаснее она становится, — сказал Мэтью; он тоже заметил глазеющую женщину и отпустил мой локоть. — А людям от этого вдвойне тяжелее.

Посетив дом на Бред-стрит и встретившись с двумя коренастыми, неулыбчивыми ведьмами, мы с Мэтью вернулись домой и разошлись по разным концам жилища, давая нам остыть. Мэтью сражался с поступивший почтой, орал на Пьера и исторгал бурный поток проклятий в адрес правительства ее величества, прихотей своего отца и глупости шотландского короля Якова. Я разговаривала с Джеком, рассказывая ему о его новых обязанностях и выясняя способности и умения мальчишки. Мальчишка обладал несомненными дарованиями по части залезания в чужие карманы. Он умел открывать замки и знал шулерские приемы, позволявшие обобрать до нитки какого-нибудь деревенского простофилю, севшего с ним играть. Но Джек был совершенно неграмотен. Готовить и шить он тоже не умел, так что его помощь Франсуазе и Энни оставалась под вопросом. Однако Пьер всерьез заинтересовался мальчишкой, особенно когда вытащил у него из внутреннего кармана ветхой одежонки свой талисман.

— Идем со мной, Джек, — сказал Пьер, держа дверь открытой и подталкивая мальчишку к ступеням.

Пьер шел собирать свежие донесения от осведомителей Мэтью и наверняка рассчитывал воспользоваться тем, что наш новый подопечный хорошо знает лондонское дно.

— Да, сэр, — с готовностью ответил Джек.

Всего один обед — и он заметно повеселел и набрался сил.

— Ничего опасного, — предостерегла я Пьера.

— Разумеется, мадам, — простодушно ответил вампир.

— Я серьезно. И приведите его обратно еще до наступления темноты.

Я разбирала бумаги на своем столе, когда из кабинета вышел Мэтью. Франсуаза с Энни отправились в Смитфилд купить у мясников мяса и крови. В доме мы были одни.

— Прости меня, mon coeur. — Мэтью встал сзади, обнял меня за талию и поцеловал в затылок. — Тяжелая нынче была неделя. У тебя Совет, у меня — королева.

— И ты меня прости. Мэтью, я же понимаю, почему ты не хочешь, чтобы Джек жил у нас, но я не могла бросить его на улице. Голодный, ослабевший ребенок, да еще с израненным плечом.

— Знаю. — Мэтью так крепко обнял меня, что моя спина буквально впечаталась в его грудь.

— А если бы этот мальчишка встретился нам в современном Оксфорде, твоя реакция была бы иной? — спросила я.

Я смотрела на огонь, избегая глядеть мужу в глаза. После уличной истории с Джеком мне не давал покоя вопрос: чем обусловлено поведение Мэтью — генетикой вампиров или моральными принципами Елизаветинской эпохи.

— Думаю, нет, — ответил он. — Пойми, Диана: вампирам нелегко жить среди теплокровных. Без эмоциональных связей теплокровные для нас не более чем источник питания. Даже у цивилизованного и воспитанного вампира рядом с теплокровным всегда возникает настойчивое побуждение испить его крови.

Дыхание Мэтью холодом обдувало мне шею. В одном месте моя кожа чувствовала покалывание. Я знала в каком. В том, где Мириам своей кровью исцелила рану, нанесенную мне Мэтью.

— Но тебе же не хочется выпить моей крови.

Ничто не указывало на то, что Мэтью усиленно борется с собой, подавляя такое желание. Помнится, когда отец предложил ему пополнить силы моей кровью, он напрочь отказался.

— Сейчас я гораздо лучше справляюсь со своими побуждениями, чем когда мы только-только встретились. Сейчас мое желание выпить твоей крови обусловлено не столько питанием, сколько... контролем. В первую очередь это было бы знаком моего доминирования в нашей супружеской паре.

— Для этого у нас есть секс, — сухо сказала я.

Мэтью был щедрым и изобретательным любовником, но спальню он считал исключительно своей вотчиной.

— Я что-то не понял смысла твоей фразы,– нахмурился он.

— Секс и доминирование. На этом, по мнению современных людей, и строятся отношения у вампиров, — сказала я. — Их романы и фильмы полны вампирских альфа-самцов, закидывающих женщин себе на плечо, перед тем как потащить их на обед и свидание.

— Обед и свидание? — поморщился Мэтью. — Ты хочешь сказать...

— Ты угадал. Ты бы посмотрел, какую чушь читают мэдисонские подруги Сары. Некий вампир встречает девицу, кусает ее, и та с ужасом обнаруживает, что вампиры не страшная сказка, а страшная реальность. Секс, кровь и поведение собственника — все это начинается очень быстро. Некоторые сцены описаны с умопомрачительными подробностями... Вампиры не тратят времени на ухаживание. Не припомню, чтобы вампиры в романах любили поэзию или танцевали со своими избранницами.

Мэтью выругался:

— Теперь понятно, почему твоя тетка допытывалась, не голоден ли я.

— Тебе стоило бы почитать эту писанину. Хотя бы поймешь, что́ думают о вампирах люди. Это сущий кошмар массового сознания. Стереотип, и гораздо худший, чем приходится преодолевать ведьмам. — Я повернулась к нему лицом. — Но ты бы удивился, как много женщин, зная обо всех этих ужасах, хотят, чтобы у них был бойфренд-вампир.

— А если бы их бойфренды-вампиры повели себя как отъявленные мерзавцы и стали бы угрожать жизни голодных сирот?

— У большинства вымышленных вампиров золотое сердце. Бывают, конечно, случаи ревности, когда их захлестывает гнев и они расчленяют свою подругу.

— Даже не верится, что у нас происходит такой разговор, — признался Мэтью.

— Почему? Вампиры же читают книги о ведьмах. «Доктор Фауст» Кита — чистый вымысел, но это не мешает тебе наслаждаться хорошим повествованием о сверхъестественном.

— Да, однако все это грубое обращение, а затем любовное слияние... — покачал головой Мэтью.

— Ты тоже применял ко мне, как ты изволил выразиться, «грубое обращение». Помнится, в Сет-Туре я неоднократно оказывалась в твоих руках.

— Только когда тебе был причинен вред! — энергично возразил Мэтью. — Или когда ты уставала.

— Или когда тебе хотелось, чтобы я находилась в одном месте, а была в другом. Или когда лошадь оказывалась чересчур рослой, кровать — слишком высокой или море — излишне бурным. Честное слово, Мэтью, порою у тебя бывает очень избирательная память. Так тебя устраивает. Что касается любовных слияний, они не всегда бывают нежными, как это описываешь ты. И не в книгах, которые я читала. Иногда это настоящий, напористый...

Раньше чем я успела договорить, высокий обаятельный вампир закинул меня к себе на плечо:

— Этот разговор мы продолжим в приватной обстановке.

— Помогите! Мне кажется, что мой муж — вампир! — засмеялась я, колошматя его по бедрам.

— Тише, ты! — рявкнул Мэтью. — Иначе тебе придется объясняться с госпожой Холи.

— Будь я не ведьмой, а обычной женщиной, то от твоего рычания лишилась бы чувств. Я бы целиком стала твоей, и ты мог бы делать со мной что угодно, — захихикала я.

— Ты и так уже целиком моя, — напомнил Мэтью, опуская меня на кровать. — Кстати, я решил изменить этот дурацкий сюжет. В интересах оригинальности, не говоря уже о достоверности, мы пропускаем обед и переходим прямо к свиданию.

— Читателям бы очень понравился вампир, который так говорит!

Мэтью, похоже, не волновали мои редакторские замечания. Он был поглощен задиранием моих многочисленных подолов. Мы собирались заняться сексом, не раздеваясь. Очень пикантно, в духе Елизаветинской эпохи.

— Погоди. Дай я хотя бы сниму валик на заднице.

От Энни я узнала, что именно так называется похожее на пончик сооружение, благодаря которому мои юбки имели благопристойную округлость и придавали ходьбе плавность.

Однако Мэтью не был настроен ждать.

— К чертям валик на заднице!

Он торопливо развязал тесемки на штанах, затем откинул мне руки за голову и прижал к кровати. Через мгновение он уже вошел в меня.

— Я и подумать не могла, что разговор о массовом чтиве способен так подействовать на тебя, — прошептала я, когда Мэтью начал двигаться во мне. — Напомни, чтобы я почаще говорила с тобой на такие темы.

Мы садились ужинать, когда явился посыльный и объявил, что меня ждут в доме Благочестивой Олсоп.

Совет вынес решение.

Мы с Энни отправились туда в сопровождении двух вампиров. Позади тащился Джек. Войдя, мы нашли старуху в гостиной вместе с Сюзанной и тремя незнакомыми ведьмами. Вампиров Благочестивая Олсоп отправила в «Золотого гусенка», а мне велела подойти ближе к собравшимся. Все они сидели у огня.

— Познакомься со своими учительницами, Диана.

Двойник Благочестивой Олсоп указал мне на пустой стул и ушел в тень хозяйки. Все пять ведьм изучающе глядели на меня. В темных платьях из плотной шерсти они были похожи на группку богатых горожанок. Ведьм в них выдавали только глаза, от взгляда которых у меня пощипывало кожу.

— Значит, Совет согласился с вашим первоначальным замыслом, — медленно произнесла я, стараясь смотреть каждой ведьме в глаза.

Мне никогда не удавалось изображать страх и трепет, который так нравится учителям.

— Согласились, — смиренно ответила Сюзанна. — Вы уж простите меня, госпожа Ройдон. Мне нужно двоих сыновей растить, а муж слишком болен, чтобы зарабатывать на семью. Я дорожу хорошими отношениями с соседями, и портить их мне никак нельзя.

— Позволь представить тебе остальных, — сказала Благочестивая Олсоп.

Она слегка повернулась к женщине, сидевшей справа. Той было около шестидесяти. Невысокая, круглолицая и, возможно, наделенная душевной щедростью. Мне понравилась искренняя улыбка этой ведьмы.

— Это Марджори Купер.

— Здравствуйте, Диана, — сказала Марджори, слегка кивая мне, отчего невысокий воротник ее платья зашуршал. — Добро пожаловать в наше собрание.

Ведьмы Елизаветинской эпохи называли свои сообщества собраниями, придавая этому слову тот же смысл, какой современные ведьмы вкладывали в слово «шабаш». Как и все остальное в Лондоне, территориально собрания ведьм совпадали с границами церковных приходов. Сосуществование шабашей ведьм и христианских церквей казалось странным, но было весьма разумным в организационном смысле и давало дополнительную защиту. Все разногласия ведьмам предписывалось решать в своем кругу.

Таких собраний в Лондоне было больше сотни и еще две дюжины в предместьях. По аналогии с приходами собрания входили в более крупные территориальные образования, называемые округами. Каждый округ отправлял одну из своих старейшин на Совет, занимавшийся делами и проблемами ведьм в масштабах города.

Охота на ведьм и возникшая паника обеспокоили членов Совета. Они боялись, что прежняя система управления начнет рушиться. Лондон и так кишел существами нечеловеческой природы, и их число возрастало с каждым днем. Из обрывков разговоров я знала о разросшемся олдгейтском собрании. Оно насчитывало более шестидесяти ведьм, тогда как обычно их было от тринадцати до двадцати. Крупные собрания имелись также в Криплгейте и Саутварке. Не желая привлекать к себе внимание людей, некоторые собрания начали «разлетаться» и разделяться на секты, или, другими словами, на кланы. Но предводительницы новых собраний не имели опыта, а это в нынешние трудные времена лишь усугубляло проблемы ведьм. Члены Совета, наделенные даром ясновидения, заранее знали, что так случится.

— Как и Сюзанна, Марджори владеет магией земли. Ее особенность — память, — пояснила Благочестивая Олсоп.

— Мне не нужны ни гримуары, ни эти новые альманахи, которыми торгуют сплошь и рядом, — с гордостью заявила Марджори.

— Марджори помнит каждое заклинание, которое хоть раз произносила. Она способна назвать точное расположение звезд за все годы своей жизни и на много лет назад, когда ее еще не было на свете.

— Благочестивая Олсон боялась, что вы не сумеете записать все, чему научитесь здесь, и взять с собой. Я не только помогу вам найти нужные слова, и тогда каждая ведьма сможет воспользоваться созданным вами заклинанием. Я научу вас, как крепко запирать слова внутри, чтобы никто и никогда не отобрал их у вас. — Глаза Марджори сверкнули, а в ее голосе зазвучали заговорщические интонации. — Мой муж — виноторговец. Он сможет снабжать вас куда более добротным вином, чем то, что вы пьете нынче. Я знаю, насколько важно вино для *вампиров*.

Последняя фраза заставила меня громко засмеяться. Другие ведьмы тоже засмеялись.

— Благодарю вас, госпожа Купер. Я обязательно передам мужу ваше предложение.

— Просто Марджори. Мы все здесь сестры.

Впервые я не съежилась, когда другая ведьма назвала меня сестрой.

— А меня зовут Элизабет Джексон, — представилась ведьма, сидящая слева от Благочестивой Олсон.

По возрасту она находилась где-то между Марджори и хозяйкой дома.

— Вы водяная ведьма, — догадалась я, по ее словам ощутив причастность к воде.

— Да.

Волосы и глаза Элизабет были одинакового цвета — серостальные. В отличие от коренастой, кругленькой Марджори, эта ведьма была высокой и очень худой. Многие водяные ведьмы, встреченные мной в дни проведения Совета, напоминали извилистые речки. Элизабет была похожа на холодный, прозрачный горный поток. Я почувствовала, что она всегда скажет мне правду, даже когда я и не захочу эту правду услышать.

— Элизабет сильна в ясновидении. Она научит тебя искусству гадания.

— Моя мать считалась сильной ясновидящей, — призналась я. — Я бы хотела следовать по ее стопам.

— Но у нее не было огня, — решительно заявила Элизабет, решив с первой же встречи говорить только правду. — Вы не сможете во всем следовать по стопам вашей матери. Поймите, Диана: огонь и вода — могущественная смесь, но при условии, что они не уничтожают друг друга.

— Мы проследим, чтобы такого не случилось, — пообещала третья ведьма, поворачиваясь ко мне.

До этого момента она упорно избегала смотреть мне в глаза. Теперь я поняла причину. Золотистые искорки в ее карих глазах сразу же пробудили мой третий глаз и встревожили его. Он помог мне увидеть светящийся нимб, окружавший эту ведьму. Должно быть, передо мной была Кэтрин Стритер.

— Вы даже... даже сильнее, чем огненные ведьмы из Совета, — запинаясь, призналась я.

— Кэтрин — особая ведьма, — подтвердила Благочестивая Олсоп. — Ее родители тоже были из огненных. Это случается редко. Кажется, природа сама понимает, что такой свет не спрячешь.

Когда мой третий глаз закрылся, не в силах выдерживать сияние трижды благословенной огненной ведьмы, начал тускнеть и облик самой Кэтрин. Ее каштановые волосы потеряли блеск, глаза потухли, но лицо осталось миловидным, но незапоминающимся. Однако стоило Кэтрин заговорить, и ее магия тут же снова засверкала во всем великолепии.

— А в вас больше огня, чем я ожидала, — задумчиво сказала Кэтрин.

— Жаль, что Дианы не было здесь, когда испанская Непобедимая армада подошла к нашим берегам, — сказала Элизабет.

— Так, значит, это правда? Знаменитый «английский ветер», который унес испанские корабли подальше от Англии, был сотворен ведьмами? — спросила я.

Эту часть ведьминого фольклора я всегда отметала как миф.

— Благочестивая Олсоп очень тогда помогла ее величеству, — с гордостью сообщила Элизабет. — Будь вы здесь, мы бы устроили испанцам дополнительное угощение. Пылающую воду или, по крайней мере, огненный дождь.

— Давайте не забегать вперед, — сказала Благочестивая Олсоп, поднимая костлявую руку. — Диана пока еще не создала свое предзаклинание прядильщицы.

— Предзаклинание? — переспросила я.

— Предзаклинание раскрывает особенности дарований прядильщицы. Вместе мы составим благословенный круг. В нем мы на время, так сказать, расплетем твои способности и поищем их суть, которая не отягощена словами и желаниями, — ответила Бла-

гочестивая Олсоп. — Нам это скажет многое о твоих способностях и о том, как нам нужно их упражнять. Заодно мы узнаем и про твоего духа-хранителя.

— У ведьм нет духов-хранителей.

Это было таким же человеческим предрассудком, как утверждение, будто ведьмы поклоняются дьяволу.

— У прядильщиц есть, — невозмутимо ответила Благочестивая Олсоп, кивнув на своего двойника. — Вот он, мой дух-хранитель. Как и все такие духи, он продолжение моих способностей.

— Сомневаюсь, что мне так уж нужен дух-хранитель, — сказала я, вспомнив сморщенную айву, туфельки Мэри и цыпленка. — У меня и так забот хватает.

— Потому ты и должна создать предзаклинание. Оно позволит тебе выйти навстречу твоим самым потаенным страхам и в дальнейшем свободно обращаться с магией. Не скрою, опыт этот может оказаться ужасающим. Бывало, прядильщицы входили в круг черноволосыми, а покидали его с волосами белее снега, — призналась Благочестивая Олсоп.

— Но для Дианы это не будет столь же ужасающим, как та ночь, когда *варг* покинул ее и в ней поднялись воды, — тихо произнесла Элизабет.

— И она не испытает чудовищного одиночества, как в другую ночь, когда ее заперли в подземелье, — сочувственно кивнула Марджори.

— Нынешние страхи — ничто по сравнению с мучениями, которые вы пережили, когда огненный ведьмак пытался вас открыть, — заверила меня Кэтрин, и от ярости ее пальцы сделались оранжевыми.

— К пятнице наступит новолуние. До Сретения еще несколько недель. Мы входим в отрезок времени, благоприятный для заклинаний, побуждающих детей учиться, — заметила Марджори.

Она сосредоточенно наморщила лоб, извлекая нужные сведения из своей фантастической памяти.

— Я думала, эта неделя благоприятна для заклинаний от укусов змей. Может, я ошиблась? — спросила Сюзанна, доставая из кармана небольшую книжицу.

Пока Марджори и Сюзанна обсуждали последовательность магических начинаний, Благочестивая Олсоп, Элизабет и Кэтрин пристально смотрели на меня.

— Я вот думаю... — Благочестивая Олсон глядела так, словно что-то прикидывала в уме, затем постучала пальцем по губам.

— Определенно нет, — прошептала Элизабет.

— Вы помните, что мы договорились не забегать вперед? — спросила Кэтрин. — Благодеяния богини, излившиеся на нас, и так достаточно щедры. — Эти слова сопровождались зелеными, золотистыми, красными и черными вспышками, мелькавшими в ее карих глазах. — Но быть может... — добавила она и почему-то умолкла.

— Альманах Сюзанны в корне неверен. Мы уже решили: лучше всего, если Диана соткет свое предзаклинание к следующему четвергу, на молодой, растущей луне, — заявила Марджори, хлопая в ладоши от удовольствия.

— Уфф! — вздохнула Благочестивая Олсон, затыкая ухо от сотрясений воздуха. — Помягче, Марджори, поспокойнее.

Итак, я снова ходила в школу, как я называла собрание ведьм прихода церкви Сент-Джеймс-Гарликхайт. Мой интерес к алхимическим опытам Мэри только возрастал. Теперь я проводила дома меньше времени. А наше жилище в «Олене и короне» продолжало оставаться центром Школы ночи и штаб-квартирой государственных и прочих дел Мэтью. Там без конца появлялись посланцы с донесениями и почтой. Туда частенько заходил Джордж, чтобы бесплатно перекусить и рассказать об очередных бесплодных усилиях по поиску «Ашмола-782». Хэнкок и Галлоглас приносили сюда свое белье на стирку и, пока оно стиралось, сидели в нашей гостиной полураздетыми. После историй с Джоном Чандлером и Хаббардом отношения между Мэтью и Китом оставались натянутыми. Затем мир был восстановлен, точнее, вынужденное перемирие. Не скажу, чтобы Мэтью жаждал видеть Кита у нас дома, однако драматург стал довольно часто заглядывать к нам. Он сидел, задумчиво глядя в пространство, потом вдруг хватал бумагу и принимался лихорадочно писать. Это существенно уменьшало запасы бумаги и служило дополнительным поводом для моего раздражения.

И конечно же, определенного внимания требовали Энни и Джек. Точнее, они требовали постоянного внимания. Джек, которому, по моим представлениям, было лет семь или восемь (сво-

его точного возраста он не знал), не уставал развлекаться, изводя девчонку. Он кривлялся, повторяя ее жесты, и подражал ее манере говорить. То, что Энни была вдвое его старше, не спасало. Она частенько убегала к себе наверх, бросалась на кровать и заливалась слезами. Несколько раз я отчитывала Джека за его дрянное поведение. Мальчишка лишь дулся и сопел, вряд ли испытывая угрызения совести. Мне отчаянно захотелось тишины, хотя бы нескольких спокойных часов в день. Я наняла для детей учителя, охотно взявшегося обучать их чтению, письму и началам арифметики. Но очень скоро оба довели недавнего выпускника Кембриджа чуть ли не до белого каления. Он больше не мог выдерживать их отсутствующих взглядов и умело разыгрываемой тупости. Последнее облекалось в форму младенческой невинности. Обоим было скучно читать по складам или решать простенькие арифметические примеры. То ли дело ходить с Франсуазой по магазинам или мотаться с Пьером по Лондону!

— Если наш ребенок будет вести себя подобным образом, я его просто утоплю, — заявила я Мэтью, придя передохнуть к нему в кабинет.

— Она непременно будет вести себя подобным образом, можешь не сомневаться. И ты ее не утопишь, — сказал Мэтью, откладывая перо.

Мы до сих пор расходились во мнениях относительно пола нашего ребенка.

— Я перепробовала все. Взывала к их рассудку, льстила, упрашивала. Черт, я опустилась даже до подкупа!

Увы, булочки мастера Прайора не пробуждали в Джеке совесть, а лишь подхлестывали его и без того кипучую энергию.

— Такие ошибки делает каждый родитель, — засмеялся Мэтью. — До сих пор ты пыталась быть им другом. Попробуй относиться к Джеку и Энни как к щенятам. Сильный щелчок по носу утвердит твою власть намного успешнее, чем мясной пирог.

— Твои родительские подсказки основаны на опыте животного царства? — спросила я, вспомнив его ранние исследовательские работы, посвященные волкам.

— По сути, да. И если эти милые детки не прекратят себя вести подобным образом, то придется вмешаться мне. Но щелкать по носу я не буду. Я буду кусаться.

Мэтью сердито посмотрел на дверь, за которой что-то с грохотом упало, затем голос Джека с фальшивым смирением произнес:

— Прошу прощения, госпожа.

— Спасибо за совет, но я еще не настолько впала в отчаяние, чтобы воспитывать их с помощью рукоприкладства, — сказала я мужу, покидая его кабинет.

За два дня мой «преподавательский» тон и суровый вид навели некое подобие порядка, но я прекрасно понимала: это ненадолго. Дети не смогут долго сидеть паиньками по углам. Активность, свойственная их возрасту, требовала выхода, и мне нужно было что-то придумать для управления ею. Оставив на время книги и бумаги, я устраивала Джеку и Энни длительные прогулки по Чипсайду и западным предместьям Лондона. Мы сопровождали Франсуазу в ее походах на рынки. Мы ходили к докам Винтри и смотрели на разгружающиеся корабли. Моим подопечным нравилось угадывать, откуда приплыли товары и где набирались команды кораблей.

В один из таких дней я перестала ощущать себя туристкой. Появилось новое ощущение, будто елизаветинский Лондон — мой дом.

Субботним утром мы отправились на Лиденхоллский рынок, славящийся своей отменной бакалеей и редкими пряностями. Заметив одноногого попрошайку, я полезла в кошелек, чтобы достать пенни. Не успела я и глазом моргнуть, как детки забежали в шляпный магазин. Их шалости в подобном месте могли обойтись мне в кругленькую сумму.

— Энни! Джек! — крикнула я вдогонку, бросив пенни одноногому. — Не вздумайте там ничего трогать!

— Далеко же вы зашли от своего дома, госпожа Ройдон, — послышался низкий голос.

Спиной я поймала чей-то ледяной взгляд, а обернувшись, увидела Эндрю Хаббарда.

— Здравствуйте, отец Хаббард, — сказала я.

Одноногий попрошайка торопливо заковылял прочь.

— А где ваша женщина? — спросил Хаббард, оглядываясь по сторонам.

— Если вы имеете в виду Франсуазу, то она здесь, что-то покупает, — сухо ответила я. — Энни тоже со мной. У меня не было случая поблагодарить вас за эту девочку. Она мне очень помогает.

— Я так понимаю, с Благочестивой Олсоп вы уже успели познакомиться.

На столь бесцеремонную попытку выудить из меня сведения я ответила молчанием.

— Со времен несостоявшегося вторжения испанцев она редко покидает свой дом. Только если случается что-то серьезное.

И эту фразу я встретила молчанием. Хаббард улыбнулся:

— Госпожа, я же вам не враг.

— Этого, отец Хаббард, я не говорила. Но с кем я встречаюсь и по каким причинам, вас не касается.

— Да. Ваш свекор... или вы предпочитаете называть его отцом? Он достаточно ясно написал об этом в своем письме. Разумеется, Филипп поблагодарил меня за помощь вам. От главы семейства де Клермон гораздо чаще услышишь угрозы, нежели благодарности. И вдруг — такая перемена. Поведение вашего мужа меняется в лучшую сторону. Весьма обнадеживающий знак.

— Чего именно вы хотите, отец Хаббард? — настороженно спросила я.

— Я вынужден терпеть присутствие де Клермонов. Но если возникнут осложнения или неприятности, мое терпение может закончиться. — Хаббард наклонился ко мне, обдавая ледяным дыханием. — А вы как раз и вызываете осложнения. Я носом это чую. И даже языком. С тех пор как вы появились, ведьмы стали... какими-то иными. Мои отношения с ними осложнились.

— Это всего лишь печальное совпадение, — ответила я вампиру. — Я здесь ни при чем. Я настолько несведуща в магическом искусстве, что даже не могу силой магии разбить яйцо.

Из дверей рынка вышла Франсуаза. Я сделала Хаббарду реверанс и пошла ей навстречу. Но вампир схватил меня за руку. Его пальцы были обжигающе холодными.

— Кстати, госпожа Ройдон, запах исходит не только от вашей или нашей породы. Вам известно, что тайны тоже имеют свой ясно различимый запах?

— Нет, — ответила я, стараясь высвободить руку.

— Ведьмы по запаху способны определить, когда кто-то лжет. *Варги* чуют тайну, как гончая — оленя. Как бы вы ни пытались спрятать вашу тайну, я все равно ее узнаю.

— Мадам, вы готовы? — спросила Франсуаза.

Увидев Хаббарда, она нахмурилась. К счастью, Франсуаза успела вовремя вытащить детей из шляпного магазина. На Джека Хаббард не произвел никакого впечатления, зато Энни при виде своего благодетеля побледнела.

— Да, Франсуаза. Можем идти, — ответила я, отворачиваясь от жутких полосчатых глаз вампира. — Благодарю вас, отец Хаббард, за совет и сведения.

— Кстати, если мальчишка вам в тягость, я охотно о нем позабочусь, — пробормотал Хаббард.

Эти слова заставили меня снова подойти к вампиру.

— Мое не трогать! — сказала я.

В этой дуэли глаз первым не выдержал Хаббард. Он отвел взгляд. Я вернулась к моей маленькой ораве, состоявшей из вампирши, ведьмы и человеческого детеныша. Беспечность Джека как ветром сдуло. Мальчишка переминался с ноги на ногу, словно намереваясь дать деру.

— Идем домой. Там тебя ждет имбирный пряник, — сказала я, беря Джека за руку.

— Кто этот человек? — шепотом спросил мальчишка.

— Отец Хаббард, — тоже шепотом ответила Энни.

— Это про него разные песенки поют? — задал новый вопрос Джек, оглядываясь назад.

Энни кивнула, добавив вслух:

— Да. И когда он...

— Хватит, Энни. Лучше расскажи, что́ вы видели в шляпном магазине, — спросила я, еще крепче сжимая руку Джека. Другую я протянула к тяжелой корзине Франсуазы.

— Давайте понесу корзину.

— Это не поможет, мадам, — ответила Франсуаза, но корзину отдала. — Милорд все равно узнает, что вы встречались с этим чудовищем. Даже запах капусты ничего не скроет.

Джек сразу навострил уши, и я предостерегающе посмотрела на служанку.

— Не будем волноваться раньше времени, — сказала я, решительно поворачивая к дому.

Вернувшись домой, я освободилась от корзины, плаща, перчаток и детей. Налив вина, я понесла его Мэтью. Муж сидел за столом, склонившись над бумагами. У меня полегчало на сердце.

— Весь в делах? — спросила я, ставя кубок и заглядывая через плечо.

Увиденное заставило меня нахмуриться. Лист бумаги был исчерчен какими-то схемами, где изобиловали «крестики» и «нолики». Все это скорее походило на современные формулы и вряд ли имело какое-то отношение к шпионажу или Конгрегации. Если, конечно, Мэтью не трудился над созданием нового шифра.

— Чем ты занимаешься? — спросила я.

— Пытаюсь кое-что выяснить, — ответил Мэтью, сдвигая лист в сторону.

— Нечто генетическое?

«Крестики» и «нолики» напомнили мне уроки биологии и классические опыты Грегора Менделя с горохом. Однако на листе были и другие знаки. Я узнала инициалы, относящиеся к членам семьи Мэтью: ИК, ФК, МК, МУ. Другие инициалы касались моей семьи: ДБ, РБ, СБ, СП. Между инициалами были прочерчены стрелки. Перекрестные линии соединяли разные поколения.

— Отчасти, но не совсем, — ответил Мэтью, прерывая мое разглядывание.

Я услышала его классический обтекаемый ответ, который и ответом-то не являлся.

— Думаю, для этого тебе понадобилось бы современное оборудование, какого здесь не сыщешь.

В самом низу листа стояли две жирные буквы «Б» и «К», обведенные кружком. Бишон и Клермон. Кружок обозначал нашего ребенка.

— Для обоснованных выводов — несомненно, — согласился Мэтью, поднося кубок к губам.

— И какова твоя гипотеза? — спросила я. — Если она касается нашего ребенка, я имею право знать.

Мэтью вдруг застыл и раздул ноздри. Отставив кубок подальше, он взял мою руку, поднес к губам, словно намереваясь поцеловать. Но глаза у него потемнели.

— Ты виделась с Хаббардом, — с упреком произнес Мэтью.

— Но не потому, что искала встречи с ним.

Я попыталась вырвать руку и вдруг поняла ошибочность своего поведения.

— Подожди, — хрипло прошептал Мэтью, еще крепче стискивая мое запястье, затем прерывисто вдохнул. — Хаббард касался твоего запястья. Только запястья. А знаешь почему?

— Потому что он пытался привлечь мое внимание, — ответила я.

— Нет. Он пытался завладеть моим вниманием. В этом месте хорошо прощупывается пульс. — Большим пальцем Мэтью провел мне по вене, и я вздрогнула. — Здесь кровь находится так близко к поверхности, что я не только обоняю ее, но и вижу. Ее тепло усиливает любые посторонние запахи, находящиеся в этом месте. — Пальцы Мэтью, как браслетом, окружали мое запястье. — Где в это время была Франсуаза?

— На Лиденхоллском рынке. Со мной были Джек и Энни. Рядом подвернулся нищий, и я...

Умолкнуть меня заставила короткая, острая боль. На моем запястье появились полукруглые неглубокие ранки, из которых сочилась кровь. Следы зубов.

— Хаббарду хватило бы мгновения, чтобы взять у тебя кровь и все о тебе узнать. — Мэтью большим пальцем зажал место укуса.

— Я даже не видела, как ты это сделал, — ошеломленно призналась я.

Его глаза, все еще темные, вспыхнули.

— Ты бы и Хаббарда не увидела, если бы он вознамерился это сделать. — (Возможно, заботливость Мэтью не была чрезмерной, как мне думалось раньше.) — Больше не позволяй ему подходить слишком близко. Ты это поняла?

Я кивнула, и Мэтью начал постепенно обуздывать свой гнев. Только взяв себя в руки, он смог вернуться к моим вопросам о генетике.

— Я пытаюсь определить, насколько вероятно, что мое бешенство крови передастся нашему ребенку, — с нескрываемой горечью произнес он. — Бенжамен страдал этим бешенством. Маркус — нет. Мне ненавистен сам факт, что невинное дитя может получить такое проклятие.

— А ты знаешь причины, почему Маркус и твой брат Луи оказались невосприимчивыми, тогда как ты, Бенжамен и Луиза — нет?

Я старательно избегала предположения, что невосприимчивость может касаться всех его детей. Когда сможет (и если сможет), Мэтью расскажет больше.

Его плечи немного расслабились.

— Луиза умерла гораздо раньше, чем появилась возможность проводить достоверные исследования. А для достоверных выводов мне не хватает данных.

— Зато у тебя есть теория, — сказала я, кивая на лист с диаграммами.

— Бешенство крови всегда казалось мне чем-то вроде инфекционного заболевания. Я предполагал, что Маркус и Луи просто обладают природным иммунитетом. Но когда Благочестивая Олсоп сказала, что только прядильщица способна зачать ребенка от *варга*, это перечеркнуло мои прежние размышления. Похоже, я все время смотрел не в том направлении. Возможно, дело не в иммунитете Маркуса. Во мне самом есть что-то восприимчивое. И точно так же из всех теплокровных женщин только прядильщица восприимчива к семени *варга*.

— Генетическая предрасположенность? — спросила я, стараясь следить за ходом его рассуждений.

— Возможно. Некий рецессивный ген, который редко проявляется в популяции, если только не присутствует у обоих родителей. Я постоянно думаю о твоей новой подруге Кэтрин Стритер. Ты называла ее трижды благословенной, как будто ее генетическое целое больше, нежели сумма составляющих частей. — Мэтью быстро погрузился в лабиринт своей интеллектуальной головоломки. — Затем я подумал о другом. Можно ли объяснить твою способность к зачатию лишь тем, что ты прядильщица? Что, если не только ты, но и я обладаю сочетанием рецессивных генетических особенностей?

Когда Мэтью запустил пальцы в волосы, я посчитала, что всплеск бешенства крови полностью погас, и облегченно вздохнула.

— После возвращения в двадцать первый век ты сможешь проверить свою теорию, — сказала я и, понизив голос, продолжила: — Стоит Саре и Эм узнать, что они станут бабушками, ты получишь столько образцов крови, сколько тебе нужно. А заодно и готовность в любое время сидеть с ребенком. Обе в высшей степени подвержены «бабкиной похоти» и для ее удовлетворения много лет подряд возятся с соседскими детьми.

Наконец-то Мэтью улыбнулся:

— «Бабкина похоть». Какое грубое выражение! — Он подошел ко мне. — Похоже, Изабо тоже страдает ею, и не одну сотню лет.

— Мне даже страшно подумать, — сказала я, изображая содрогание.

Почему-то, когда мы говорили о реакции других на нашу новость, а не анализировали, как относимся к этому сами, я чувствовала себя по-настоящему беременной. Пока мое тело едва замечало новую жизнь, которую носило. В повседневных делах легко забывалось, что скоро мы станем родителями. Целыми днями я даже не вспоминала об этом и спохватывалась лишь ночью, когда Мэтью осторожно касался моего живота и в молчаливом единении вслушивался в признаки новой жизни.

— Тебе страшно подумать, как долго Изабо мечтает о внуках. А мне страшно подумать, что тебе может быть причинен вред, — сказал Мэтью, обнимая меня. — Будь осторожна, ma lionne, — прошептал он, уткнувшись в мои волосы.

— Буду. Обещаю.

— Опасность умеет красиво наряжаться, а ты не всегда способна распознать, что́ скрывается под этими нарядами. — Он немного отодвинулся и, пристально глядя мне в глаза, продолжил: — Запомни одну простую вещь: вампиры не похожи на теплокровных. Мы бываем смертельно опасны, и недооценивать это тоже опасно.

Предупреждения Мэтью еще долго звучали в моих ушах. Я стала наблюдать за другими вампирами из нашего окружения, пытаясь по едва заметным признакам угадывать направление их мыслей и их состояние. Я хотела понять, что́ выдает вампира, когда он голоден или утомлен, беспокоен или скучает. Такие признаки было очень легко пропустить. Когда Энни прошла мимо Галлогласа, его веки опустились, прикрывая жадный блеск глаз. Но это произошло так быстро, что я вполне могла приписать случившееся игре собственного воображения. Наверное, и Хэнкок раздувал ноздри, заметив нескольких теплокровных, шедших мимо нашего дома.

Однако я видела одежду, которую они постоянно приносили, чтобы отстирать пятна крови, и это уже не было игрой воображения. Галлоглас и Хэнкок охотились прямо в городе, утоляя свою вампирскую жажду. Мэтью к ним не присоединялся. Он ограничивался кровью скота, которую Франсуаза приносила ему от мясников.

В понедельник мы с Энни, как всегда, отправились к Мэри. Я внимательно наблюдала за тем, что нас окружало. Если в первые дни нашего появления в Лондоне мной двигало любопытство, сейчас меня занимали не особенности жизни Елизаветинской эпохи. Нет ли за нами слежки? Не идет ли кто по пятам? Энни шла рядом со мной. Позади шел Пьер, крепко держа Джека за руку. На собственном печальном опыте мы убедились: только так можно удержать мальчишку от «сорочьей привычки», как называл ее Хэнкок. Но невзирая на все наши усилия, Джек продолжал воровать по мелочам. Стремясь отучить его от воровства, Мэтью придумал новый ритуал. Каждый вечер, перед сном, Джек был обязан вывернуть карманы и объяснить, откуда у него появилась та или иная блестящая вещица. Он послушно выворачивал карманы, а воровство продолжалось.

При таких шаловливых ручонках вести Джека в дом графини Пемброк, где столько соблазнов, было опасно. Я поручила его заботам Пьера, а мы с Энни отправились дальше. Девчонка даже просияла, предвкушая несколько часов задушевной болтовни с Джоан и передышки от каверз Джека.

— Диана! — обрадовалась Мэри, когда я переступила порог ее лаборатории.

Сколько бы раз я сюда ни приходила, меня снова и снова завораживали фрески, посвященные изготовлению философского камня.

— Входите. Я сейчас кое-что вам покажу.

— Наверное, ваш сюрприз?

Мэри неоднократно намекала, что вскоре порадует меня показом своих алхимических успехов.

— Да, — ответила графиня, беря записную книжку. — Сегодня восемнадцатое января. Эту работу я начала девятого декабря. Она заняла ровно сорок дней, как и обещали мудрецы.

Число 40 в алхимии считалось знаменательным. В течение этих дней Мэри могла производить любое количество экспериментов, но на сороковой день она должна была достичь определенного результата. Я заглянула в ее «лабораторный журнал», пытаясь понять, чем же она занималась в течение этих неполных шести недель. Я научилась разбирать почерк Мэри и знала символы, которыми она обозначала металлы и вещества. Если я не ошиблась в чтении, графиня начала процесс с растворения унции се-

ребра в aqua fortis — «сильной воде» алхимиков, которую в мое время называли азотной кислотой. К ней Мэри добавила дистиллированной воды.

— А этот знак обозначает у вас ртуть? — спросила я, указывала на незнакомый мне символ.

— Да, но только чистейшую ртуть, которую я получаю из Германии.

Лаборатория была любимым детищем Мэри, на которое она не жалела денег, заказывая лучшее оборудование и химикалии. Она показала мне еще один пример ее приверженности качеству за любую цену: большой стеклянный сосуд. Сосуд имел не только совершенную форму, но и хрустальную прозрачность. Следовательно, его привезли из Венеции. Английское стекло, изготавливаемое в Сассексе, изобиловало крошечными пузырьками и не везде было достаточно прозрачным. Графиня Пемброк предпочитала венецианскую лабораторную посуду, благо могла себе это позволить.

Когда я увидела то, что находилось внутри сосуда, невидимая рука коснулась моих плеч, словно призывая быть осторожной.

Из маленького семечка на дне сосуда вырастало серебристое деревце. От его ствола во все стороны расходились ветки, достигая верхней части сосуда, имевшего форму большой колбы. Крошечные бусинки на концах ветвей символизировали плоды, словно дерево это было плодоносным и сейчас настало время сбора его даров.

— Arbor Dianae[1], — с гордостью пояснила Мэри. — Кажется, сам Бог вдохновил меня сотворить это дерево, дабы порадовать вас. Я и раньше пыталась его вырастить, но оно никогда не давало корней. Всякий увидевший его уже не сможет сомневаться в силе алхимического искусства.

Дерево Дианы было впечатляющим зрелищем. Оно сверкало и росло прямо на глазах. Появлялись новые ветви, стремясь заполнить оставшееся пространство сосуда. Это чудо имело вполне научное название: древовидная амальгама кристаллического серебра. Но название не уменьшало моего восхищения перед самим процессом. Кусок металла проходил стадии роста, какие проходит настоящее дерево.

---

[1] Дерево Дианы *(лат.)*.

На фреске противоположной стены был изображен дракон, сидящий на сосуде, очень похожем на тот, что Мэри использовала для сотворения arbor Dianae. Дракон держал в пасти собственный хвост, и капли его крови падали в серебристую жидкость внизу. Я переместила взгляд на следующую роспись: птица Гермеса, улетевшая на алхимическую свадьбу. Птица напомнила мне картинку алхимической свадьбы из «Ашмола-782».

— Думаю, можно ускорить достижение результата, — сказала Мэри, возвращая мое внимание к ее шедевру.

Прямо из своей высокой прически Мэри вытащила гусиное перо, запачкав себе кожу над ухом.

— Как вы думаете, если растворять в aqua fortis не кусок серебра, а серебряные опилки, это подстегнет весь процесс?

Мы замечательно провели время, обсуждая новые способы создания дерева Дианы, и не заметили, как подошел момент прощания.

— Вы придете ко мне в четверг? — спросила Мэри.

— Увы, нет. На четверг у меня намечены другие дела.

После захода солнца я должна была появиться в доме Благочестивой Олсоп.

Лицо Мэри погрустнело.

— А в пятницу?

— В пятницу приду, — согласилась я.

— Диана... — замялась Мэри. — Вы хорошо себя чувствуете?

— Да, — ответила я, удивляясь ее вопросу. — Неужто я кажусь вам больной?

— Вы какая-то бледная, и вид у вас усталый, — сказала Мэри. — Как большинство матерей, я склонна... Ой! — Она умолкла и покраснела, ее глаза скользнули по моему животу, затем она снова внимательно посмотрела на меня. — Вы беременны.

— В ближайшие недели я замучаю вас вопросами, — сказала я, стискивая руку графини.

— Какой срок? — спросила она.

— Еще невелик, — ответила я, намеренно уклоняясь от прямого ответа.

— Но ваш ребенок не от Мэтью. *Варг* не в состоянии зачать ребенка, — сказала Мэри, удивленно почесывая щеку. — И Мэтью благосклонно принимает дитя, зная, что ребенок не его?

Мэтью меня предупреждал: окружающие будут считать, что ребенок от другого мужчины. Но мы как-то не обговаривали варианты ответа. Теперь придется их придумывать.

— Он считает ребенка своим кровным чадом, — твердо ответила я.

Мой ответ лишь усилил беспокойство графини.

— Вам повезло, что Мэтью слишком бескорыстен и готов защищать всех, кто в том нуждается. А вы — вы готовы любить ребенка, чье зачатие совершилось против вашей воли?

Мэри решила, что меня изнасиловали и Мэтью женился на мне лишь из желания оградить меня от позорного клейма женщины, забеременевшей без мужа.

— Ребенок ни в чем не виноват. Я не могу отказать ему в любви.

Я тщательно подбирала слова, чтобы не усугублять подозрений Мэри, но и не пытаться их рассеивать. К счастью, Мэри удовлетворилась таким ответом и, в силу своего жизненного опыта, воздержалась от дальнейших расспросов.

— Как вы понимаете, нам желательно возможно дольше сохранять эту новость в тайне, — добавила я.

— Разумеется, — согласилась Мэри. — Я велю Джоан приготовить вам нежный заварной крем. Он увеличивает силу крови и в то же время успокаивающе действует на желудок, если съесть его перед сном. Помню, в дни моей последней беременности он мне очень помогал и даже уменьшал приступы утренней тошноты.

— Пока что, слава Богу, меня не тошнило по утрам, — ответила я, надевая перчатки. — Хотя, по словам Мэтью, это может начаться со дня на день.

Мэри задумчиво наморщила лоб. Что еще взволновало графиню? Видя мое хмурое лицо, она широко улыбнулась:

— Вам не следует переутомляться. Когда придете в пятницу, я не позволю вам долго стоять на ногах. Работать можно и сидя. — Мэри помогла мне надеть плащ. — Остерегайтесь сквозняков. И пусть Франсуаза сделает припарку для ваших ног, если они начнут опухать. Рецепт припарки я пошлю вместе с кремом. Может, кликнуть моего лодочника, чтобы довез вас до пристани на Уотер-лейн?

— Да здесь идти всего пять минут! — со смехом возразила я.

Наконец Мэри согласилась отпустить меня пешком, но предварительно я заверила ее, что буду остерегаться не только сквозняков, но и холодной воды и шума.

Ночью мне приснилось, что я сплю под ветвями дерева, выросшего из моего чрева. Его крона закрывала меня от лунного света, но я все равно увидела дракона, летящего в ночном небе. Достигнув луны, дракон обвил ее своим хвостом, и серебристый шар сделался красным.

Я проснулась в пустой постели. Простыни были мокрыми от крови.

— Франсуаза! — завопила я, ощутив резкую судорогу во всем теле.

На мой крик прибежал Мэтью. Едва взглянув на него, я все поняла. Сокрушенное лицо мужа подтвердило мои страхи.

Глава 23

— Диана, мы все теряли детей, — с грустью сказала Благочестивая Олсоп. — Эта боль знакома едва ли не всем женщинам.

— Всем? — переспросила я, оглядывая гостиную старухи, где собрались ведьмы прихода Сент-Джеймс-Гарликхайт.

Они заговорили наперебой, рассказывая о мертворожденных младенцах, о малышах, умерших, не достигнув шести месяцев или шести лет. В XXI веке я не знала ни одной женщины, у которой случился выкидыш. А может, мне так лишь казалось? Вдруг кто-нибудь из моих подруг терял детей, но переживал свою трагедию в одиночку?

— Вы молодая и сильная, — сказала Сюзанна. — Нет причин, мешающих вам зачать другого ребенка.

Совсем никаких причин, если не считать того, что мой муж перестанет заниматься со мной сексом до тех пор, пока мы не вернемся в мир, где существует контроль над рождаемостью и мониторы для наблюдением за развитием плода.

— Возможно, — ответила я, неопределенно пожимая плечами.

— А где господин Ройдон? — тихо спросила Благочестивая Олсоп.

Ее двойник заскользил по гостиной, словно рассчитывая найти Мэтью на стуле возле окна или забравшимся на посудный шкаф.

— Отправился по своим делам, — ответила я, кутаясь в платок, одолженный у Сюзанны.

От платка, как и от самой ведьмы, пахло жженым сахаром.

— Я слышала, что минувшим вечером он был в Миддл-Темпл-холле с Кристофером Марло. Судя по всему, они смотрели какую-то пьесу, — сказала Кэтрин, передавая коробку с засахаренными фруктами, которую она принесла для Благочестивой Олсоп.

— Обычные мужчины и те тяжело переживают потерю ребенка. Неудивительно, что *варгу* это еще тяжелее. Они же привыкли все считать своей собственностью... Спасибо, Кэтрин, — сказала Благочестивая Олсоп, потянувшись за красным желеобразным ломтиком.

Ведьмы молчаливо ожидали, считая, что я поняла намек Благочестивой Олсоп и Кэтрин и теперь расскажу о наших отношениях с Мэтью после моего выкидыша.

— Он справится, — сдержанно ответила я.

— Вообще-то, ему надлежало бы быть здесь, — резко проговорила Элизабет. — Не вижу, почему его потеря должна переживаться тяжелее, чем ваша!

— Потому что Мэтью живет гораздо дольше меня и познал много горя. Мне всего тридцать три. — Мой тон по резкости не уступал тону водяной ведьмы. — И потом, Элизабет, он *варг*. Хочу ли я, чтобы сейчас он был рядом со мной, а не с Китом? Стану ли я просить его, чтобы ради меня он остался дома? Ни в коем случае!

Из меня выплескивались душевная боль и подавленность. Мой голос звучал все выше. Мэтью был безупречно нежен и мягок со мной. Он утешал меня как мог. А память посылала мне лавину недавних робких мечтаний о будущем, которое уничтожил выкидыш.

И все же меня тревожили долгие часы, проводимые Мэтью вне дома.

— Разум мне твердит: Мэтью имеет право горевать по-своему и я не должна вмешиваться, — сказала я ведьмам. — А сердце говорит, что он все так же любит меня, хотя сейчас и предпочитает проводить время с друзьями. Я лишь хочу, чтобы он касался меня, не испытывая сожаления.

А его сожаление я чувствовала всякий раз, когда он смотрел на меня, обнимал или просто брал за руку. И это сожаление было мне невыносимо.

— Я вам сочувствую, Диана, — сказала Элизабет.

Ее лицо подтверждало, что слова сочувствия вполне искренние.

— Со мной все в порядке, — заверила я водяную ведьму.

Но я соврала. Какой там порядок! Весь мир воспринимался раздражающе хаотичным. Излишне яркие краски, чересчур громкие звуки, заставлявшие меня подскакивать. А в теле ощуща-

лась пустота. Я пыталась читать, однако слова ускользали из внимания.

— Встретимся завтра, как и договаривались, — сказала Благочестивая Олсоп, когда ведьмы разошлись.

— Завтра? — хмуро переспросила я. — Простите, Благочестивая Олсоп, но я сейчас не в том состоянии, чтобы заниматься магией.

— И я не в том состоянии, чтобы сойти в могилу раньше, чем увижу, как ты соткешь свое первое заклинание. Жду тебя после шести.

Я вернулась домой. Я сидела, глядя на огонь. Колокола пробили шесть часов вечера, затем семь, восемь, девять и десять. Время перевалило за полночь. После трех часов ночи на лестнице послышались шаги. Думая, что вернулся Мэтью, я подошла к двери. На лестнице не было никого, но на верхней ступеньке я увидела странный набор предметов: крохотный носок, какие надевают младенцам, веточку остролиста и клочок бумаги с написанным на ней мужским именем. Я уселась на истертую ступеньку, поплотнее закуталась в платок. Странные находки я положила себе на колени и стала думать над их значением.

Мэтью поднялся наверх бесшумно, когда я продолжала раздумывать над странными приношениями. Увидев меня, он застыл.

— Диана? — удивился мой муж, прикрывая рот ладонью.

Глаза у него были зелеными и остекленевшими.

— Общение с Китом хотя бы побуждает тебя пить кровь, — сказала я, вставая на ноги. — Приятно узнать, что ваша дружба с ним простирается дальше поэзии и шахмат.

Сапог Мэтью застыл рядом с моими ногами. Коленом он прижал меня к стене, лишив возможности двигаться. Его дыхание было сладковатым, со слабым металлическим привкусом.

— Утром ты будешь сам себе противен, — спокойно сказала я, поворачивая голову в сторону.

Мне хотелось убежать, но сейчас, когда привкус крови еще не истаял на его губах, это было опасно.

— А Киту стоило бы не отпускать тебя, пока следы зелья не выйдут из твоего организма. Неужели вся кровь в Лондоне нашпигована опиатами?

Вот уже второй вечер подряд Мэтью куда-то отправлялся в обществе Кита и возвращался домой вдребезги пьяным.

— Не вся, — ответил Мэтью. — Но до этой мне было легче всего добраться.

— Что означают эти вещи? — спросила я, показывая ему носочек, ветку и клочок бумаги.

— Их приносят тебе. Постоянно, каждую ночь. Мы с Пьером успеваем собрать их раньше, чем ты проснешься.

— Когда это началось? — спросила я, чувствуя, что не смогу произнести дальнейших слов.

— За неделю до... В ту неделю, когда ты встречалась с ведьмами из Совета. Большинство — просьбы о помощи. А с тех пор, как ты... С понедельника тебе приносят еще и подарки. — Мэтью протянул руку. — Давай я их пристрою.

— Где остальные? — спросила я, не выпуская приношения из рук.

Мэтью недовольно сжал губы, однако показал мне место хранения. Этим местом оказался ящик на чердаке, запихнутый под скамейку. Содержимое ящика отчасти напоминало трофеи Джека, которые он ежевечерне извлекал из своих карманов: пуговицы, обрывки лент, черепки. Были там и маленькие прядки волос, а также десятки обрывков бумаги с именами. Мой ведьмин глаз увидел то, чего не видели обычные глаза: сгустки нитей, свисавшие с каждого «сокровища». Все они ждали, когда их развяжут, соединят оборванные концы или каким-то иным образом приведут в порядок.

— Это же просьбы о магической помощи. — Я подняла глаза на Мэтью. — Ты не должен был утаивать их от меня.

— Не хочу, чтобы ты составляла заклинания для всего Лондона, — сказал он, и его глаза потемнели.

— А я, скажем, не хочу, чтобы ты пил неведомо чью кровь и потом шел бы пьянствовать с друзьями! Но раз ты вампир, то иногда тебе это совершенно необходимо, — ответила я. — Я существо иной природы. Я ведьма. Ты не забыл, Мэтью? К таким просьбам нельзя относиться пренебрежительно. Моя безопасность зависит от хороших отношений с нашими соседями. Я не могу красть лодки, как Галлоглас, или рычать на людей.

— Милорд! — послышался голос Пьера.

Слуга появился в дальнем конце чердака, где, скрытый громадными чанами прачек, имелся потайной выход.

— Что тебе? — нетерпеливо спросил Мэтью.

— Агнес Сэмпсон мертва. — Вид у Пьера был испуганный. — В субботу ее привезли на Каслхилл, где удавили, а тело сожгли.

Побледневший Мэтью пробормотал ругательство.

— Хэнкок утверждает, что она умерла раньше, чем загорелись дрова. Это избавило несчастную от дополнительных страданий, — продолжал Пьер.

Такую крупицу милосердия получала далеко не каждая схваченная ведьма.

— Ваше письмо, милорд, они не стали даже читать. Хэнкоку было велено оставить шотландскую политику заботам короля Якова, иначе в следующий раз, когда он появится в Эдинбурге, сам окажется за решеткой.

— Ну почему я ничего не могу исправить?! — взорвался Мэтью.

— Значит, не только потеря ребенка толкнула тебя в темные объятия Кита. Ты пытался отгородиться и от шотландских событий.

— Сколько бы я ни пытался изменить ход событий, мне никак не сломать проклятую закономерность, которой они подчиняются, — вздохнул Мэтью. — Прежде, в своей роли шпиона королевы, я радовался беспорядкам в Шотландии. Как член Конгрегации, я считал смерть Сэмпсон приемлемой платой за сохранение статус-кво. Но теперь...

— Теперь ты женился на ведьме, — сказала я. — И все выглядит по-другому.

— Я зажат между тем, во что верил когда-то, и тем, чем дорожу сейчас. Истины, которые я раньше почитал святой правдой и с гордостью защищал... И громада того, что я вообще перестал понимать или понимаю совсем по-иному.

— Я снова отправлюсь в город, — сказал Пьер, поворачиваясь к двери. — Возможно, разузнаю еще кое-что.

Я смотрела на усталое лицо мужа:

— Мэтью, нельзя рассчитывать на полное понимание всех жизненных трагедий. Я бы тоже очень хотела, чтобы наш ребенок уцелел. Я знаю, каким безнадежным все это видится сейчас. Но нынешнее тяжелое время не отнимает у нас будущего. Такого будущего, где наши дети благополучно растут и им ничто не угрожает.

— Выкидыш на раннем сроке беременности почти всегда указывает на генетическую аномалию, сделавшую плод нежизнеспособным. Если такое случилось один раз... — Он умолк.

— Есть генетические аномалии, не вредящие жизни и здоровью ребенка. Пример перед тобой, — сказала я, указывая на себя.

Для генетиков я была химерой с набором несовместимых генов.

— Диана, я не выдержу потери еще одного ребенка. Просто... не выдержу.

— Знаю, — тихо сказала я.

Я едва стояла на ногах. Усталое тело требовало хотя бы нескольких часов забытья, называемого сном. Да и Мэтью требовалось отдохнуть. Я ведь даже не видела своего ребенка, не сжилась с ним, как Мэтью с Люка, и все равно душевная боль была невыносимой.

— В шесть вечера меня ждут у Благочестивой Олсоп. А ты снова пойдешь с Китом?

— Нет, — ответил Мэтью. Он поцеловал меня. Хорошо, что поцелуй был недолгим, иначе я бы захлебнулась в его сожалении. — Я пойду с тобой, — добавил он.

Мэтью сдержал слово. Они с Пьером довели меня до дома Благочестивой Олсоп, а сами удалились в «Золотого гусенка». Самым вежливым образом ведьмы им объяснили, что *варгам* здесь делать нечего. Чтобы благополучно провести прядильщицу через все стадии ее предзаклинания, требовалось изрядное сосредоточение сверхъестественной и магической энергии. Присутствие *варгов* могло все испортить.

Моя тетка Сара наверняка обратила бы пристальное внимание на то, как Сюзанна и Марджори готовят священный круг. Часть веществ и предметов, используемых ведьмами, была мне знакома, например соль, которую сыпали на пол для очистки пространства, другие я видела впервые. Ведьмин набор Сары состоял из двух ножей с белой и черной рукояткой, гримуара семейства Бишоп, а также различных трав и растений. Ведьмам Елизаветинской эпохи требовалось большее число магических атрибутов, включая метлы. Ведьму с метлой я видела лишь в день Хеллоуина, где метла была такой же обязательной принадлежностью праздника, как остроконечные шляпы.

Каждая ведьма принесла в дом Благочестивой Олсоп свою метлу, отличавшуюся от других. У Марджори метла была из ветки вишневого дерева. В верхней части ручки кто-то вырезал символы и знаки. Вместо тонких прутиков, служащих для подметания, Марджори привязала пучки сухих трав. Эти травы играли важную роль в ее магии. Репейник помогал разрушать чужие заклятия. Пиретрум девичий с его бело-желтыми цветками давал защиту, а жесткие стебли розмарина с их неяркими листьями требовались для очищения и ясности. Метла Сюзанны была из вяза. Это дерево символизировало фазы жизни от рождения до смерти и имело отношение к ее ремеслу повитухи. К ее метле тоже были привязаны растения: мясистые зеленые листья ужовника способствовали исцелению, белые головки цветов посконника (они казались сгустками белой пены) давали защиту, а колючие листья крестовника — хорошее здоровье.

Марджори и Сюзанна, двигаясь по часовой стрелке, методично покрывали солью пол, не пропуская ни одного дюйма пространства. Соль требовалась не только для очистки места ритуала. По словам Марджори, соль служила защитным барьером, чтобы моя сила, получив полную свободу, не выплеснулась в окружающий мир.

Благочестивая Олсоп запечатала окна, двери и даже трубу. Домашним призракам велели не путаться под ногами: или обосноваться между потолочными балками под самой крышей, или искать временное пристанище у семейства, жившего внизу. Призраки, конечно же, не желали пропускать захватывающее зрелище. Слегка завидуя двойнику старухи, постоянно находящемуся подле хозяйки, призраки обосновались под крышей и завели совершенно непонятный мне разговор. Они выясняли, получат ли теперь жители Ньюгейт-стрит кратковременную передышку, поскольку призраки средневековой королевы Изабеллы и леди Агнес Хангерфорд — жестокой убийцы — возобновили свою перепалку.

Элизабет и Кэтрин решили успокоить мои взбудораженные нервы. Заглушая болтовню призраков (те как раз обсуждали жуткие деяния и не менее жуткую смерть леди Агнес), они стали рассказывать о своих ранних магических приключениях. Потом начали расспрашивать меня. Элизабет впечатлил мой рассказ о том, как я вывела всю воду из сада Сары, до капельки втянув ее в свои

ладони. Кэтрин порадовал мой рассказ о луке и стреле, которые за мгновение до выплеска ведьминого огня вдруг ощутимо потяжелели.

— Луна взошла, — объявила Марджори.

Ее круглое лицо порозовело в ожидании ритуала. Ставни были закрыты, однако никто из ведьм не усомнился в ее словах.

— Тогда начнем, — коротко, по-деловому, предложила Элизабет.

Каждая ведьма обошла все углы комнаты. Переход из угла в угол сопровождался отламыванием прутика от метлы. Прутики не просто бросались на пол, а перекрывали друг друга. В результате получился пентакль — пятиконечная звезда ведьм.

Мы с Благочестивой Олсоп встали в центре круга. Когда остальные ведьмы заняли свои места, границы круга сразу сделались видимыми. После этого Кэтрин произнесла заклинание, и огненная дуга протянулась от ведьмы к ведьме, соединяя круг.

Центр круга наполнился магической силой. Благочестивая Олсоп предупредила меня: наш сегодняшний ритуал пробудит древнюю магию. Так оно и случилось. Вскоре неистовая волна магической энергии сменилась другой. Тело ощущало покалывание. Слышалось негромкое потрескивание. Казалось, на меня смотрят тысячи любопытных ведьминых глаз.

— Оглянись вокруг. Смотри не обычными глазами, а своим ведьминым зрением и рассказывай, что́ видишь, — велела Благочестивая Олсоп.

Когда открылся мой третий глаз, я думала, что увижу оживший воздух, каждая частица которого таит возможности. Но вместо этого комната наполнилась нитями магии.

— Я вижу нити. Окружающий мир похож на шпалеру, — сказала я.

Старуха кивнула:

— Быть прядильщицей означает быть связанной с окружающем миром и видеть его сотканным из разноцветных нитей. Одни из них сковывают твою магию, другие направляют магическую силу в твою кровь, поставляя ее четырем стихиям и великим тайнам, что лежат за стихиями. Прядильщицы учатся ослаблять связующие нити и использовать остальные.

— Но я даже не знаю, как их различать.

Сотни нитей терлись о мой корсаж и юбки.

— Вскоре ты проверишь их, как птица проверяет свои крылья, и узнаешь тайны, хранимые ими для тебя. Пока же мы просто обрежем их все, чтобы затем они вернулись к тебе неспутанными. Я буду резать нити, а ты в это время должна противиться искушению ухватить силу вокруг тебя. Поскольку ты прядильщица, тебе захочется соединить все разрывы. Отпусти свои мысли и опустоши разум. Позволь силе действовать так, как она желает.

Благочестивая Олсоп выпустила мою руку, начав произносить заклинания. Они не напоминали обычную речь, но почему-то казались мне знакомыми. Я видела, как нити отрываются от меня, сворачиваются и причудливо изгибаются. Уши наполнились гулом. Мои руки послушались этого звука, словно он был командой. Они поднялись и вытянулись в стороны, пока я не оказалась в Т-образном положении. В таком же положении Мэтью поставил меня в теткином доме, когда я вычерпала всю воду из старого сада Сары.

Нити магии — все эти нити силы, которую я могла заимствовать, но не удерживать, — поползли назад ко мне, словно были железными опилками, а я — магнитом. Они достигли моих ладоней. Мне отчаянно захотелось зажать их в кулаках, но я сопротивлялась желанию. Как и предсказывала Благочестивая Олсоп, желание было невероятно сильным, но я позволила нитям соскальзывать вниз. Это напомнило мне атласные ленточки из историй, которые мама рассказывала в детстве.

До сих пор происходящее вполне соответствовало словам Благочестивой Олсоп. Однако никто не мог предсказать, что́ произойдет, когда мои силы обретут форму. Ведьмы, составляющие круг, заранее приготовились к неожиданностям. Старуха предупредила меня, что не все прядильщицы своими предзаклинаниями создавали духа-хранителя. Иными словами, я не должна была ожидать его обязательного появления. Но жизнь за последние месяцы наглядно показала мне: неожиданное случается гораздо чаще, чем ожидаемое.

Гул усилился. Воздух пришел в движение. Над моей головой повис шарообразный энергетический сгусток. Он втягивал в себя всю магическую силу, какая была в комнате. Казалось, такое обилие силы должно его уничтожить, однако шар напоминал черную дыру. Сила втягивалась в его центр и исчезала. От шара исходил такой нестерпимо яркий свет, что я зажмурила ведьмин глаз.

В гуще энергетической бури что-то пульсировало. Потом оно вырвалось наружу и обрело неясные очертания. Едва это случилось, Благочестивая Олсоп умолкла. Внимательно поглядев на меня в последний раз, она вышла из центра круга. Я осталась там одна.

Послышалось хлопанье крыльев. Воздух сотрясли удары хвоста, покрытого шипами. Жаркое, влажное дыхание обожгло мне щеку. Надо мной парило прозрачное существо с головой дракона. Его сверкающие крылья ударяли по потолочным балкам, вынуждая призраков искать укрытия. У дракона было всего две ноги с изогнутыми когтями. Когти выглядели не менее грозно, чем шипы на длинном хвосте.

— Сколько у него ног? — спросила Марджори. Она стояла так, что не могла разглядеть появившееся существо. — Это просто дракон?

Просто дракон?

— Это огнедышащий дракон, — восхищенно произнесла Кэтрин.

Она подняла руки, готовая произнести ограждающее заклинание, если дракон вздумает атаковать. Руки Элизабет Джексон тоже пришли в движение.

— Погодите! — крикнула Благочестивая Олсоп, прерывая их магические действия. — Диана еще не закончила ткать. Возможно, она сумеет усмирить драконихи.

Усмирить драконихи? Я недоверчиво посмотрела на старуху. Почему она с такой уверенностью назвала пол этого существа? Я продолжала сомневаться в телесности драконихи, больше похожей на призрак. Она казалась вполне реальной и в то же время совершенно прозрачной, как стеклянная фигура.

— Я не знаю, как мне действовать, — призналась я, начиная паниковать.

Каждый взмах крыльев драконихи исторгал снопы искр и огненные капли.

— Одни заклинания начинаются с идеи, другие — с вопроса. Есть много способов подумать о том, что будет дальше. Ты можешь представить, как завязываешь узел, скручиваешь веревку и даже выковываешь цепь вроде той, что соединила тебя с твоим *варгом*, — негромко, стараясь меня успокоить, произнесла Благочестивая Олсоп. — Позволь силе свободно течь сквозь тебя.

Огнедышащая драконихa нетерпеливо зарычала. Ее ноги протянулись ко мне. Чего ей хотелось? Подхватить меня и унести прочь из дома? Или ей, как усталой птице, просто хотелось присесть и дать отдохнуть крыльям?

Подо мной затрещали половицы.

— Отойдите в сторону! — крикнула мне Марджори.

Предостережение было своевременным. Через мгновение там, где я только что стояла, появилось дерево. Оно пробило пол и потянулось вверх. Его толстый ствол разделился надвое, и каждая половина стала стремительно покрываться ветвями. Вскоре на ветвях появились зеленые листья, а затем и белые цветы. Всего через несколько мгновений дерево покрылось красными ягодами. Я стояла под раскидистым деревом, одновременно цветущим и плодоносящим.

Драконихa опустилась на одну из верхних ветвей дерева. Похоже, она нашла себе место отдыха. Однако ветка хрустнула и обломилась. Драконихa снова поднялась в воздух, унося в когтях изуродованный кусок ветки. Потом она разинула пасть, выбросив оттуда язык, похожий на огненную плеть. Дерево запылало. В комнате почти все было горючим: полы и мебель, ставни, занавески, одежда ведьм. Я понимала, что каким-то образом должна остановить огонь, не дав ему перекинуться на комнату. Мне требовалась вода. Очень много воды.

Моя правая рука неожиданно потяжелела. Я глянула вниз, ожидая увидеть ведро с водой. Но вместо ведра я держала стрелу. Ведьмин огонь. Но кто же гасит огонь огнем?

— Нет, Диана! Не пытайся ткать это заклинание! — крикнула мне Благочестивая Олсоп.

Я вытряхнула из головы мысли о дожде и реках. Мои дальнейшие действия были чисто инстинктивными. Сначала я загородилась руками, затем отвела правую руку назад и разжала пальцы. Вылетевшая стрела угодила в самую середину дерева. Вверх взметнулись языки ослепительного пламени. Перед глазами замелькали разноцветные пятна. Затем жар утих. Круги исчезли. Я стояла на вершине горы, под звездным небом. Неподалеку, совсем низко, висел широкий серп растущей луны.

— Я ожидала тебя.

Голос богини был чуть громче дуновения ветерка. На ней была туника из мягкой ткани, длинные волосы струились по спине, но у нее не было привычного оружия. Рядом с богиней стояла

большая собака. Черный пес был настолько крупным, что вполне мог оказаться волком.

— Это ты. — Мое сердце сжалось от ужаса. С тех пор как случился выкидыш, я подспудно ожидала увидеть богиню. — Ты забрала моего ребенка в качестве платы за спасение жизни Мэтью? — В моем вопросе смешались ярость и отчаяние.

— Нет. Тот долг оплачен. Мертвый ребенок для меня бесполезен. Я взяла другую жизнь.

Глаза богини-охотницы были зелеными, как весенние побеги ивы.

У меня похолодела кровь.

— Чью жизнь ты взяла?

— Твою.

— Мою? — оцепенело повторила я. — Я... мертва?

— Разумеется, нет. Мертвые принадлежат другому богу. Я ищу живых. — Голос богини сделался пронзительно-громким и ярким, как луч лунного света. — Ты предлагала все, что угодно, в обмен на спасение того, кого любишь. Я выбрала тебя. И наши с тобой дела еще не закончились. — Богиня отступила на шаг. — Диана Бишоп, ты отдала мне свою жизнь. Настало время воспользоваться ею.

У меня над головой раздался крик. Похоже, огнедышащая драконихa переместилась в этот мир. Я подняла голову и моргнула, пытаясь разглядеть ее силуэт на фоне луны, но увидела потолок гостиной в доме Благочестивой Олсоп. Я вернулась в жилище ведьмы, покинув богиню и каменистую вершину холма. Вместо дерева я увидела гору пепла и снова моргнула.

Драконихa ответила мне морганием. Ее глаза были печальными и знакомыми: черными, с серебристой, а не белой радужной оболочкой. Издав новый пронзительный крик, драконихa разжала когти. Мне в руки упала ветка дерева. По ощущениям она напоминала древко стрелы, но была гораздо тяжелее. Драконихa качнула головой. Из ноздрей потянулись струйки дыма. Мне отчаянно захотелось протянуть руку и потрогать ее кожу. Кожа такого существа представлялась мне теплой и мягкой, наподобие змеиной. Но интуиция подсказала, что драконихе это не понравится, а злить ее я совсем не хотела. Вдруг она пробьет крышу? После сгоревшего дерева я и так беспокоилась о состоянии дома Благочестивой Олсоп.

— Спасибо, — прошептала я.

Огнедышащая драконихa ответила мне тихим стоном, в котором смешались огонь и песня. Ее серебристо-черные глаза, древние и мудрые, внимательно глядели на меня, а хвост задумчиво покачивался взад-вперед. Драконихa широко распростерла крылья, затем плотно прижала их к телу и исчезла.

От странной гостьи осталось лишь покалывание между ребрами. Что-то подсказывало мне: драконихa неведомым образом переместилась внутрь меня и будет ждать, когда мне понадобится ее помощь. Я вдруг ощутила ее давящий вес и, не устояв, рухнула на колени. Ветка выпала из рук. Ведьмы бросились ко мне.

Первой возле меня оказалась Благочестивая Олсоп.

— Ты действовала правильно, дитя мое. Ты все сделала как надо, — шептала она, обнимая меня своими костлявыми руками.

Элизабет согнула пальцы и несколькими словами превратила руку в неглубокий серебряный ковш с водой. Я выпила всю воду, и на месте ковша снова появилась рука водяной ведьмы.

— Сегодня у нас великий день, Благочестивая Олсоп, — лучезарно улыбаясь, сказала Кэтрин.

— Да, но нелегкий для столь молодой ведьмы, — ответила хозяйка дома. — Диана Ройдон, ты ничего не делаешь наполовину. Прежде всего ты не просто ведьма, а прядильщица. Чтобы всего лишь приручить огнедышащую драконихy, ты сотворила рябину. Знай я об этом заранее, ни за что бы не поверила.

— Я видела богиню, — сообщила я ведьмам, вставая с их помощью на ноги. — И дракона.

— Не дракона, а огнедышащую драконихy, — поправила меня Элизабет.

— У нее было всего две ноги, — пояснила Марджори. — А значит, она создание не только огненное, но и водное. Она способна перемещаться между стихиями. Огнедышащая драконихa — это союз противоположностей.

— Слова о драконихе относятся и к рябине, — горделиво улыбаясь, добавила Благочестивая Олсоп. — Не каждый день рябина простирает свои ветви в один мир, оставляя корни в другом.

Ведьмы весело болтали, обсуждая мои достижения, а я поймала себя на том, что думаю о Мэтью. Он сидел в «Золотом гусенке», ожидая вестей. Мой третий глаз открылся, следя за извилистой черно-красной нитью. Нить исходила из моего сердца, пересекала комнату и через замочную скважину уходила во внешнюю

темноту. Я потянула за нить, и цепь внутри меня ответно звякнула.

— Если я не слишком ошибаюсь, вскоре здесь появится господин Ройдон с намерением увести свою жену домой, — сухо сообщила Благочестивая Олсоп. — Убедись, что ты твердо стоишь на ногах, иначе он подумает, что тебя нельзя оставлять в нашем обществе.

— Мэтью бывает назойливо заботлив, — сказала я, извиняясь за наклонности мужа. — Особенно после...

— Я еще не видела *варга*, который не был бы заботлив. Такова их природа, — сказала Элизабет. — Мы позаботимся о том, чтобы вы, подобно драконихе, нашли обратную дорогу из тьмы.

— Из какой тьмы? — (Ведьмы замолчали.) — Из какой тьмы? — снова спросила я, борясь с усталостью.

Благочестивая Олсоп вздохнула:

— Есть ведьмы... Их очень мало... Они способны перемещаться между этим миром и другим.

— Прядильщики времен, — кивнула я. — Да, я одна из них.

— Диана, речь не о перемещении во времени внутри этого мира. Благочестивая Олсоп говорила о перемещении между мирами. — Марджори указала на рябиновую ветку. — Между мирами жизни и смерти. Вы способны находиться в обоих мирах. Потому-то вас выбрала рябина, а не ольха или береза.

— Похоже, мы сотворили чудо. Ведь смогла же ты зачать ребенка от *варга*, — сказала Благочестивая Олсоп, пристально глядя на меня. — (Я почувствовала, как бледнею.) — Что с тобой, Диана?

— Айва. И цветы. — У меня снова начали подгибаться колени, но я удержалась на ногах. — Туфелька Мэри Сидни. И дуб в Мэдисоне.

— И еще *варг*, — тихо добавила Благочестивая Олсоп, все понимая без слов. — Столько знаков, указывающих на истину.

Снаружи послышались приглушенные шаги.

— Он не должен знать, — решительно произнесла я, хватаясь за руку старухи. — Не сейчас. После ребенка... Пока еще слишком рано. Мэтью не захочет, чтобы я вмешивалась в дела жизни и смерти.

— Ты немного опоздала, — печально возразила Благочестивая Олсоп.

— Диана! — Кулак Мэтью звучно ударил по двери.

— *Варг* разнесет твою дверь в щепки, — заметила хозяйке Марджори. — Господин Ройдон не сможет разрушить охранительное заклинание и войти, а вот сокрушить дверь — сможет, и еще как. Шуму он наделает изрядно. Подумай о своих соседях, Благочестивая Олсоп.

Благочестивая Олсоп взмахнула рукой. Воздух сгустился, затем вернулся в прежнее состояние.

Через мгновение Мэтью уже стоял рядом со мной. Его серые глаза буравили меня, требуя объяснений.

— Что здесь происходило? — спросил он у ведьм.

— Если Диана захочет, чтобы вы знали, сама расскажет, — ответила Благочестивая Олсоп. — Но после сегодняшних событий, думаю, завтра тебе нужно будет встретиться с Кэтрин и Элизабет.

— Благодарю вас, Благочестивая Олсоп, — пробормотала я.

Как хорошо, что она не выдала моих тайн.

— Подождите. — Кэтрин подняла рябиновую ветку и оторвала тонкий прутик. — Вот, возьмите. Этот прутик — ваш талисман и должен постоянно находиться при вас. — Она положила прутик мне на ладонь.

Снаружи меня дожидался не только Пьер, но и Галлоглас с Хэнкоком. Меня повели вниз, к реке, где на волнах покачивалась лодка. Прибыв на Уотер-лейн, Мэтью отослал всех из дому. Мы остались вдвоем в благословенной тишине нашей спальни.

— Мне не обязательно знать, что́ у вас там происходило, — резко произнес Мэтью, закрывая дверь спальни. — Но я хочу убедиться, что с тобой действительно все в порядке.

— В полном порядке, — уверила я мужа и повернулась спиной, предоставляя ему развязывать тесемки моего лифа.

— По запаху чую: ты чего-то боишься, — сказал Мэтью, снова поворачивая меня к себе лицом.

— Я боюсь того, что узнаю о себе, — ответила я, глядя ему в глаза.

— Ты найдешь свою правду.

Голос Мэтью звучал так уверенно, так спокойно. Но ведь он ничего не знал о драконихе и рябине, а также об их значении для прядильщицы. Наконец, он не знал, что моя жизнь принадлежит древней богине и причиной тому была сделка, которую я заключила с ней ради его спасения.

— А вдруг я стану совсем другой и эта другая тебе не понравится?

— Такого не может быть, — все тем же уверенным тоном ответил он, привлекая меня к себе.

— Даже если обнаружится, что в моей крови есть силы жизни и смерти? — (Мэтью отстранился.) — Пойми, Мэтью: твое спасение в Мэдисоне не было просто везением. И пчела со змеей на туфлях Мэри ожили, потому что это я вдохнула в них жизнь. Но я могу и отнимать жизнь, как отняла ее у дуба в саду Сары и здесь, от плодов айвы.

— Жизнь и смерть сопряжены с громадной ответственностью. — Серо-зеленые глаза Мэтью помрачнели. — Но я буду любить тебя, что бы ни случилось. Не забывай, у меня ведь тоже есть сила над жизнью и смертью. Помнишь, что́ ты говорила мне в Оксфорде в ту ночь, когда я отправился на охоту? Ты говорила, что между нами нет различий.

Иногда я ем куропатку. Иногда ты питаешься олениной.

— Между нами больше сходства, чем мы оба думали, — продолжал Мэтью. — Но если ты, зная мои прошлые деяния, способна верить в хорошее во мне, ты не должна отказывать в таком же праве и мне.

Я вдруг захотела рассказать ему тайны этого вечера.

— Представляешь, там была огнедышащая драконiха и дерево...

— Для меня важнее всего, что ты благополучно вернулась домой, — прервал меня Мэтью, закрывая рот поцелуем.

Он обнимал меня так долго и так крепко, что на какое-то время (благословенные мгновения!) я поверила ему. Почти поверила.

На следующий день, выполняя обещание, я отправилась к Благочестивой Олсоп для встречи с Элизабет Джексон и Кэтрин Стритер. Со мной пошла Энни, но девочке велели обождать в доме Сюзанны, пока не закончится мой урок.

Из угла торчала вчерашняя ветка рябины. В остальном комната имела вполне обычный вид и ничем не напоминала место, где ведьмы чертят священные круги и вызывают огнедышащих драконов. И все же я ожидала увидеть более явные признаки готовящегося магического ритуала. Например, котел или разноцветные свечи, символизирующие природные стихии.

Благочестивая Олсоп кивком указала на стол, возле которого стояло четыре стула:

— Садись, Диана. Мы подумали, что стоит, пожалуй, начать с самого начала. Расскажи нам о своей семье. По родословной ведьмы можно многое узнать.

— Я думала, вы будете учить меня ткать заклинания с силами огня и воды.

— А что такое кровь, как не огонь с водой? — спросила Элизабет.

Через три часа я выложила им все и устала, вытаскивая воспоминания. Я начала с детства, с возникшего еще тогда ощущения, что за мной наблюдают. Я рассказала о визите Питера Нокса и смерти родителей. Но этого трем ведьмам было мало. Я стала рассказывать о годах учебы в старших классах и колледже: о демонах, преследовавших меня, о нескольких заклинаниях, которые я могла сотворить без особых хлопот и последствий. А затем пошел рассказ о странных событиях, начавшихся после знакомства с Мэтью. Что вынесли ведьмы из моих повествований о далеком для них будущем, я не знаю. Благочестивая Олсоп отправила меня домой и заверила, что вскоре они решат, как дальше строить мое обучение.

Но я отправилась не домой, а потащилась в замок Байнард. Мэри усадила меня на стул и отказалась от моей помощи. Она велела мне отдыхать, пока она выясняет, что же могло случиться с очередным нашим экспериментом. Вся prima materia почернела и покрылась осадком, напоминающим талый снег. Сверху осадок покрылся тонкой липкой пленкой зеленоватого оттенка.

Мэри работала, а мои мысли блуждали. День выдался солнечный. Один лучик, пробившись сквозь дымный воздух лаборатории, упал на фреску, изображавшую алхимического дракона. Я подалась вперед.

— Нет, — пробормотала я. — Быть того не может.

Оказывается, могло. Дракон не подходил под классическое представление о драконах, поскольку у него было только две ноги. Фреска изображала огнедышащего дракона, державшего в пасти свой унизанный шипами хвост. Совсем как уроборос на знамени де Клермонов. Голова огнедышащего дракона была запрокинута к небу, а между зубами, помимо хвоста, он держал полумесяц. Над головой светила звезда со множеством лучей. Это был герб Мэтью. Как же я раньше не заметила?

— Что вас так взволновало, Диана? — спросила Мэри.

— Мэри, вы готовы выполнить мою просьбу, даже если она покажется вам странной?

Ожидая ее ответа, я начала развязывать серебристые тесемки на рукавах.

— Конечно готова. Что от меня требуется?

Под крыльями дракона находился алхимический сосуд, куда капали продолговатые и изогнутые капли его крови. Достигнув поверхности сосуда, они плавали в море из ртути и серебра.

— Я хочу, чтобы вы взяли мою кровь и поместили ее в раствор aqua fortis, серебра и ртути, — сказала я.

Мэри мельком взглянула на изображение дракона, затем повернулась ко мне.

— Ведь что такое кровь, как не соединение огня с водой, соединение противоположностей и алхимическая свадьба?

— Хорошо, Диана, — согласилась заинтригованная Мэри, но никаких вопросов задавать не стала.

Я уверенно щелкнула пальцами над шрамом на внутренней поверхности руки. Сейчас мне не требовался нож. Кожа разошлась (я знала, что так и будет), и оттуда полилась кровь, поскольку мне это было нужно. Подбежала Джоан с чашкой, куда и собрали красную жидкость. Серебристо-черные глаза огнедышащего дракона на стене внимательно следили за каждой каплей.

— «В начале всего — отсутствие и желание, в начале всего — кровь и страх», — прошептала я.

— «В начале всего — открытие ведьм», — ответило время, и первозданное эхо воспламенило голубые и янтарные нити, которые замерцали на каменных стенах лаборатории.

Глава 24

— Он и дальше будет продолжать в том же духе? — спросила я.

Разговор происходил в доме Сюзанны. Я стояла посреди комнаты, задрав голову к потолку.

— Это она. Твой огнедышащий дракон, Диана, оказался женского пола, — напомнила мне Кэтрин, которая тоже с изумлением и тревогой смотрела наверх.

— Он. Она. Оно. Словом, это существо.

Я пыталась соткать заклинание, когда драконiха каким-то образом выпорхнула из моей груди. Это было не впервые. Теперь она приклеилась к потолку, исторгая струи дыма и возбужденно клацая зубами.

— Я не могу позволить ему... ей летать по комнате всякий раз, когда она пожелает крылышки размять.

Я представила, как драконiха выпархивает из меня где-нибудь на лекции в Йельском университете. Последствия были бы столь непредсказуемы, что я тут же подавила эту мысль.

— То, что твоя драконiха вырывается на свободу, — всего лишь признак куда более серьезной беды, — сказала Благочестивая Олсоп.

Она протянула мне пучок разноцветных ниток, связанных в верхней части. Нижние концы болтались свободно, словно ленточки на майском дереве. Всего их было девять: красная, белая, черная, серебряная, золотая, зеленая, коричневая, голубая и желтая.

— Ты прядильщица и должна учиться управлять своей силой.

— Поверь, Благочестивая Олсоп, это я и сама понимаю. Вот только не знаю, как такой набор ниток для вышивания мне поможет, — упрямо заявила я.

Драконiха что-то пискнула в знак согласия, сделавшись более осязаемой. Это длилось недолго. Вскоре она опять превратилась в туманный силуэт.

— А что вообще ты знаешь о состоянии прядильщицы? — резко спросила старуха.

— Очень немного, — ответила я.

— Сначала пусть Диана выпьет вот это. — Сюзанна поднесла мне дымящуюся чашку, и в воздухе запахло ромашкой и мятой; драконiха с интересом вытаращила глаза. — Это успокоительный сбор. Возможно, и Дианину зверюгу успокоит.

— Драконiха меня не особо заботит, — сказала Кэтрин, видимо желая меня успокоить. — Такую тварь заставить повиноваться всегда трудно. Это все равно что пытаться обуздать демона, когда он собрался учинить пакость.

«Легко тебе говорить», — подумала я. Не Кэтрин, а мне придется уговаривать драконiху вернуться внутрь меня.

— Какие растения вошли в этот отвар? — спросила я, отхлебывая чай Сюзанны.

После чая Марты я с некоторым подозрением относилась к травяным сборам. Но стоило мне задать вопрос, как от стенок чашки потянулись стебли мяты. Появились цветки ромашки, пахнущие соломой. Вслед за ними я увидела волнистые цветочки дягиля и еще какие-то жесткие, глянцевитые листья неизвестного мне растения.

— Видите? — обрадовалась Кэтрин, указывая на чашку. — Как я и говорила. Когда Диана задает вопрос, богиня тут же ей отвечает.

Сюзанна с тревогой поглядывала на свою чашку. Еще бы: от стеблей и листьев та начала скрипеть.

— Думаю, ты права, Кэтрин. Но если Диана намерена ткать, а не ломать вещи, ей придется научиться задавать более уместные вопросы.

Благочестивая Олсоп и Кэтрин сумели узнать тайную особенность моей магической силы: она весьма некстати была связана с моим любопытством. Теперь некоторые, прежде необъяснимые события обрели смысл. Скажем, мой белый стол с разноцветными кусочками пазла, приходящими мне на помощь, когда я сталкивалась с какой-то проблемой. Мне вспомнилось масло, вылетевшее из холодильника Сары, когда я захотела узнать, не закончи-

лось ли в доме масло. Даже странное появление «Ашмола-782» в Бодлианской библиотеке получило объяснение. Заполняя бланк заявки, я испытывала любопытство: что может оказаться в старинном манускрипте? Не далее как сегодня мои заурядные мысли, кто написал одно из заклинаний в гримуаре Сюзанны, привели к тому, что чернила на странице ожили, вылились струйкой на стол и образовали подобие фотографии, показав лицо ее умершей бабушки.

Я пообещала Сюзанне вернуть заклинание на место, как только научусь это делать.

Как оказалось, практикум по магии не так уж сильно отличался от семинарских занятий по истории. В обоих случаях главным было не отыскание правильных ответов, а умение наиболее правильно и точно сформулировать вопрос.

— Расскажи нам о том, как ты вызываешь воду, и про лук со стрелой, которые появляются всякий раз, когда кому-нибудь из твоих близких грозит беда, — предложила Сюзанна. — Возможно, это даст нам наметку, чтобы двигаться дальше.

Я пересказала события ночи, когда Мэтью уехал, оставив меня в Сет-Туре, и я устроила потоп в башне замка. Затем я вспомнила утро, теткин сад и водяные жилы под землей. Далее я перечислила все случаи появления лука, включая и те, где он появлялся без стрелы, а также когда я не вкладывала стрелу и не натягивала тетиву. Выслушав мой обстоятельный рассказ, Кэтрин удовлетворенно вздохнула:

— Теперь я вижу, в чем ее сложность. Диана полностью вовлекается в свою магию, только когда кого-нибудь защищает или когда оказывается лицом к лицу со своими страхами. Она постоянно ломает голову над загадками прошлого или витает в будущем. А ведьме для успешного магического действа нужно мыслями целиком находиться в том месте и времени, где она находится телом.

Огнедышащая драконихa опять согласно захлопала крыльями, наполняя комнату струями теплого воздуха.

— Мэтью всегда думал, что между моими эмоциями, потребностями и магией существует взаимосвязь, — призналась я ведьмам.

— Порой мне сдается: уж не ведьмак ли наполовину этот *варг*? — с серьезным лицом произнесла Кэтрин.

Остальные засмеялись. Трудно было представить себе что-то более смехотворное, чем капелька ведьминой крови, доставшейся Мэтью от Изабо де Клермон.

— Давайте-ка на время забудем про драконихи и вернемся к маскирующим заклинаниям Дианы, — предложила Благочестивая Олсон.

Моя магия сопровождалась выбросом большого количества энергии. Маскировать ее избыток я пока не умела. По мнению ведьм, этому я должна была обязательно научиться.

— Как твои успехи? — спросила старуха.

— Я ощущала вокруг себя струйки дыма, — сказала я, понимая, что хвастаться особо нечем.

— Тебе нужно сосредоточиться на своих узлах.

Благочестивая Олсон выразительно посмотрела на пучок ниток, отдыхавший у меня на коленях. Каждый цвет можно было отыскать в нитях, связывающих миры. Управляя нитями, сплетая их в пучки, связывая в узлы, ведьма управляла мирами. Это называлось симпатической магией или магией подобия. Но вначале мне требовалось знать, какими нитями пользоваться. Я взяла пучок за общий верхний узел. Благочестивая Олсон научила меня слегка дуть на нити, одновременно сосредоточиваясь на намерениях. Такая практика должна была отделить нити, наиболее подходящие для заклинания, которое я собиралась соткать.

Я дунула на пучок. Нити засверкали, затрепетали и закачались. Желтая и коричневая нити выпутались из пучка и упали мне на колени. Вскоре туда же добавились красная, голубая, серебряная и белая. Шесть нитей означали шесть различных узлов, где каждый последующий был сложнее предыдущего.

Мое умение вязать магические узлы по-прежнему оставляло желать лучшего, но эта сторона ткачества непонятным образом успокаивала меня. Когда я упражнялась на обычных нитках, сплетая из них хитроумные узоры, результат отдаленно напоминал древние кельтские узоры, составленные из узлов. Узлы подчинялись иерархическому порядку. Первый и второй были одинарным и двойным скользящими узлами. Сара иногда их применяла, когда делала любовное или иное соединяющее заклинание. Но более сложные узлы были по силам только прядильщицам. Такие узлы насчитывали целых девять отдельных пересечений и заканчивались двумя свободными концами пучка. В каждом ни-

ти магическим образом сплавлялись, придавая прочность всей фигуре.

Я набрала побольше воздуха в легкие и заново сосредоточилась на своих намерениях. Маскировка была разновидностью защиты. Ей соответствовал пурпурный цвет. Но в пучке старухи не было пурпурной нити.

И сейчас же голубая и красная нити приподнялись над моими коленями и сплелись так тесно, что стали похожими на пятнистые пурпурные свечи. Такие свечи моя мама всегда ставила на подоконники в ночи новолуния.

— Первый узел завязала — заклинания начало, — произнесла я, завязывая пурпурную нить в простой скользящий узел.

Драконiха тихо заверещала, пытаясь повторить мои слова.

Я взглянула на нее и снова поразилась ее потрясающей способности менять облик. Выдыхая, она почти скрывалась за дымовой завесой. Вдох придавал резкости ее очертаниям. Сейчас драконiха являла собой полное равновесие между материей и духом, не будучи ни тем ни другим. Достигну ли я когда-нибудь такого же равновесия?

— Вот уж и второй сплетаю — заклинание правдой наделяю.

На той же пурпурной нити я завязала двойной узел. Мне хотелось научиться по своему желанию становиться если не невидимой, то окружать себя, подобно драконихе, серой завесой. Прятаться в тень. Между пальцами заструилась желтая нить. Третий узел фактически был первым узлом прядильщицы, который я должна завязать. Он имел всего три перекрестья, но мне дался не без труда.

— Начинаю третий с ходу, чтобы заклинанию дать свободу.

Я свернула нить, придав ей форму трилистника, затем соединила ее концы. Они магическим образом сплавились, образовав неразрываемый узел прядильщицы.

Облегченно вздохнув, я положила трилистник на колени. Изо рта вырвался серый туман, и был он тоньше дыма. Туман окутал меня серым покрывалом. Я снова вздохнула — теперь уже от удивления, — выпустив из себя еще одно облако странного прозрачного тумана. Взглянув наверх, я не увидела драконiху. Куда она подевалась? А в моих пальцах появилась коричневая нить.

— Четвертым узлом умножаю силу в нем.

Четвертый узел по форме напоминал крендель. Мне нравились его плавные изгибы и переплетения.

— Замечательно, Диана! — похвалила меня Благочестивая Олсоп.

Я достигла критической точки. Здесь все мои прежние заклинания начинали идти наперекосяк.

— Не позволяй мыслям уводить тебя прочь. Сосредоточься на том, что делаешь. Теперь прикажи драконихе остаться с тобой. Если она не станет возражать, то будет скрывать тебя от любопытных глаз.

Надежда на помощь моей огнедышащей подруги казалась мне чрезмерной, и все же из белой нити я сделала ведьмину пятиконечную звезду.

— Узел пятый — что колос спелый. Заклинание созрело.

Драконихa опустилась вниз и крыльями прижалась к моей груди.

«Ты останешься со мной?» — мысленно спросила я.

Драконихa окутала меня тонким серым коконом. Черное платье несколько потускнело, приобретя цвет древесного угля. Потускнело и кольцо Изабо. Огонь внутри бриллианта напоминал нить неяркой лампочки. Даже серебряная нить у меня на коленях казалось серой. Я улыбнулась молчаливому ответу драконихи.

— Узлом шестым заклинание завершим, — сказала я.

Мой шестой узел получился не настолько симметричным, как надлежало бы, но и его концы прочно соединились.

— Ты настоящая прядильщица, дитя мое, — удовлетворенно выдохнула Благочестивая Олсоп.

Драконихa окружила меня покровом неприметности, и я великолепно добралась домой, вряд ли обратив на себя чье-либо внимание. Переступив порог «Оленя и короны», я сбросила этот покров. В гостиной меня ожидал пакет. Там же сидел Кит. Мэтью все так же проводил слишком много времени с этим вздорным и непостоянным демоном. Мы холодно поздоровались. Я принялась развязывать бечевку, которой был тщательно опоясан пакет, как вдруг услышала могучий рев Мэтью:

— Боже милосердный!

Муж появился словно из воздуха и теперь стоял рядом, недоуменно глядя на листок бумаги.

— Чего на этот раз желает Старый Лис? — раздраженно спросил Кит, втыкая перо в чернильницу.

— Речь не о нем. Я только что получил счет от Николя Валлена, ювелира, живущего неподалеку, — хмурясь, ответил Мэтью; я изобразила на лице младенческую невинность. — Он просит уплатить ему пятнадцать фунтов за мышеловку.

Сейчас я стала уже лучше разбираться в покупательной силе фунта. Например, Джоан, горничная Мэри, получала всего пять фунтов в год. Неудивительно, что Мэтью был шокирован такой суммой.

— Ах да, — пробормотала я, снова склоняясь над пакетом. — Я попросила Николя сделать мышеловку.

— Вы попросили одного из лучших златокузнецов в Лондоне сделать мышеловку по вашему заказу? — Кит не верил своим ушам. — Уж если, госпожа Ройдон, вам некуда девать монеты, я охотно готов принять их и пустить на алхимические опыты. И можете не сомневаться: в «Шапке кардинала» я мигом трансмутирую все серебро и злато в прекрасное вино!

— Это не мышеловка, а крысоловка, — смущенно пробормотала я.

— Ты позволишь взглянуть на этот шедевр крысоловства? — угрожающе-спокойным тоном спросил Мэтью.

Я развернула последний слой бумаги и протянула мужу злосчастную крысоловку.

— Так. Позолоченное серебро. И украшенное гравировкой, — сказал Мэтью, вертя ее в руках. После нескольких секунд тщательного разглядывания он выругался. — «Ars longa, vita brevis». — «Искусство долговечно, но жизнь коротка». И в самом деле.

— Я читала, что такие крысоловки очень эффективны.

Месье Валлен изготовил не просто функциональный предмет, а настоящее произведение искусства. Это была... серебряная кошка, замершая в охотничьем ожидании. Ее ушки могли поворачиваться на миниатюрных петлях. Большие глаза, помещенные на перемычку, слегка подрагивали. Края ловушки напоминали кошачью пасть, усеянную острыми зубами. Мне сразу вспомнилась Сарина кошка Табита. Ювелир решил немного пошутить, посадив на кошачий нос крошечного серебряного мышонка. Мышонок был милым и безобидным, совсем не похожим на длиннозубых чудовищ, которые шастали у нас по чердаку. От одной мысли, что они каждую ночь, пока мы спим, изгрызают бумаги Мэтью, меня бросало в дрожь.

— Глядите-ка, он и дно украсил изречением, — сказал Кит, разглядывая крысоловку, которую опоясывали фигурки резвящихся мышек. — Тут окончание афоризма Гиппократа, и тоже на латыни. «Occacio praeceps, experimentum periculosum, iudicium difficile».

— Излишне сентиментальное изречение, если учесть назначение сего предмета, — призналась я.

— Сентиментальное? — удивленно сдвинул брови Мэтью. — С точки зрения крысы, оно звучит вполне реалистично: «Возможность мимолетна, эксперимент опасен, и трудно выносить суждение». — У него скривился рот.

— Валлен решил нажиться на госпоже Ройдон, — заявил Кит. — Ты, Мэтт, не вздумай ему платить и отошли назад эту крысоловку.

— Нет! — возразила я. — Ювелир ни в чем не виноват. Мы говорили о часах. Месье Валлен показал мне несколько замечательных экземпляров. Я, в свою очередь, показала ему памфлет, купленный у Джона Чандлера в Криппльгейте. Там рассказывается, как ловить докучливых насекомых, мышей и крыс. Я пожаловалась месье Валлену, что крысы у нас совсем обнаглели. Вот так, слово за слово...

Я посмотрела на крысоловку. Не знаю, годилась ли она для ловли крыс. Но передо мной было необычное устройство, сочетавшее в себе ювелирное изящество с изяществом механики. Сколько сил Валлен потратил, изготавливая все эти колесики и пружинки!

— Весь Лондон жалуется на крыс, — сказал Мэтью, стараясь не поддаваться раздражению. — Только я не слышал, чтобы кому-то для борьбы с ними требовались игрушки из позолоченного серебра. Вполне хватает нескольких кошек, которые обходятся гораздо дешевле.

— Не волнуйся, Мэтью, я сама расплачусь с ювелиром.

Возможно, мне придется отдать все содержимое своего кошелька и потом обращаться к Уолтеру за пополнением, но возвращать крысоловку я не собиралась. Опыт всегда ценен. Иногда за него приходится дорого платить.

— А игрушка де Валлена, случайно, не отбивает время? Если он и это предусмотрел, тогда перед нами единственный в мире гибрид часов и крысоловки, который, наверное, стоит своих денег.

Мэтью пытался хмуриться, но лицо расплывалось в улыбке. Не отдавая мне крысоловку, он взял мою руку и поцеловал:

— Я заплачу де Валлену, mon couer. Как-никак это позволит мне поддразнивать тебя в течение ближайших шестидесяти лет.

Едва Мэтью успел произнести эти слова, как в гостиную ворвался Джордж. Вслед за ним влетел порыв холодного ветра.

— У меня важная новость! — заявил он, сбрасывая плащ и становясь в горделивую позу.

— Уж лучше помолчи! — застонал Кит, сжимая голову руками. — Непроходимый идиот, чье имя Понсонби, одобрил твой перевод Гомера и хочет напечатать без малейших исправлений.

— Даже ты, Кит, не в состоянии омрачить мне радость моего достижения, — заявил Джордж и выжидающе оглядел собравшихся. — Неужели ни у кого из вас не возникло даже тени любопытства?

— И что это за новость, Джордж? — рассеянно спросил Мэтью.

Муж забавлялся крысоловкой, подбрасывая ее в воздух и ловя.

— Я нашел манускрипт, о котором говорила госпожа Ройдон.

Пальцы Мэтью сдавили крысоловку. Сработали пружинки, и серебряная кошачья пасть открылась. Мэтью разжал пальцы. Крысоловка упала на стол, и пасть с клацаньем закрылась.

— Где?

Джордж инстинктивно попятился. Я не раз испытывала на себе силу вопросов мужа и понимала, насколько раздражающим бывает пристальное вампирское внимание.

— Я так и знала, что вы найдете манускрипт, — учтиво сказала я Джорджу и дернула мужа за рукав, чтобы не пугал беднягу.

Как я и ожидала, мои слова успокоили Джорджа. Он вернулся к столу, выдвинул стул и сел.

— Для меня очень важно ваше доверие, госпожа Ройдон, — сказал Джордж, снимая перчатки. — Не каждый разделяет ваше мнение, — добавил он, шмыгая носом.

— Где манускрипт? — не разжимая губ, спросил Мэтью.

— В самом очевидном месте, какое только можно представить. Лежит у всех на виду. Я весьма удивлен, почему нам это сразу не пришло в голову.

Джордж сделал еще одну паузу, убедившись, что завладел нашим безраздельным вниманием. Мэтью тихо зарычал.

— Позволь тебе напомнить, Джордж: наш Мэтью умеет и кусаться, — предупредил Кит.

— Манускрипт у доктора Ди! — выпалил Джордж, видя угрожающее нетерпение Мэтью.

— У астролога королевы, — сказала я.

Джордж был прав. И почему мы сразу не подумали об этом человеке? Помимо астрологии, Ди увлекался алхимией и владел самой крупной в Англии библиотекой.

— Но ведь Ди сейчас в Европе.

— Нет, госпожа Ройдон. Доктор Ди вернулся из Европы более года назад и сейчас живет близ Лондона.

— Умоляю, скажите, что он не ведьмак, не демон и не вампир.

— Всего лишь человек, зато мошенник знатный, — сказал Кит. — На месте Мэтта я бы не торопился верить его словам. Несчастный Эдвард был у него как в рабстве. Ди днем и ночью велел ему глядеть в хрустальные шары и с ангелами вести беседы на алхимические темы. А после все это Ди приписывал себе!

— Несчастный Эдвард? — угрюмо переспросил вошедший Уолтер.

Он явился вместе с Генри Перси. Если кто-то из членов Школы ночи оказывался на расстоянии мили от «Оленя и короны», их неотвратимо тянуло к нашему очагу.

— Твой дружок-демон годами водил его за нос. По-моему, доктор Ди рад, что избавился от него... А это еще что такое? — спросил Уолтер, беря со стола крысоловку.

— Богиня охоты решила поразвлечься добычей помельче, — язвительно пояснил Кит.

— Так это же мышеловка. Не представляю, кому могло взбрести в голову делать мышеловку из позолоченного серебра, — сказал Генри, заглядывая Уолтеру через плечо. — Похоже, эту штучку сработал Николя Валлен. Кстати, он сделал графу Эссекскому поразительные часы, когда тот стал рыцарем ордена Подвязки. Сомневаюсь, что эта серебряная киска поймает хоть одну мышь. Наверное, детская забава?

Кулак моего мужа с грохотом ударил по столу, расщепив поверхность.

— Джордж, выкладывай, что узнал про доктора Ди! — потребовал Мэтью.

— Да, конечно. Буду краток, поскольку говорить особо не о чем. Я сделал, о ч-чем вы с Дианой меня п-просили, — начал за-

пинаться Джордж. — Прошелся по магазинам и лоткам книготорговцев, но ничего там не узнал. Зато услышал о сборнике греческой поэзии, вполне достойном моего перевода... Прошу прощения, отвлекся. — Джордж глотнул воздуха. — Вдова Джагг надоумила меня поговорить с аптекарем Джоном Хестером, а Хестер посоветовал обратиться к Хью Плату. Знаете, наверное. Виноторговец, что живет близ церкви Сент-Джеймс-Гарликхайт.

Я внимательно слушала запутанный отчет о странствиях Джорджа, надеясь, что в следующий раз, идя к Сюзанне, повторю его маршрут. Возможно, Плат живет с ними по соседству.

— Плат ничем не лучше Уилла, — процедил сквозь зубы Уолтер. — Вечно записывает то, что его никак не касается. Однажды стал расспрашивать меня, каким способом моя мать делает пирожные.

— Так вот, мастер Плат сообщил, что у доктора Ди есть некая книга из императорской библиотеки. Ее никто не в состоянии прочесть. В книге есть странные рисунки, — продолжал Джордж. — Плат видел эту книгу у доктора Ди, когда был у него, ища совета в каком-то алхимическом опыте.

Мы с Мэтью переглянулись.

— Мэтью, такое вполне возможно, — тихо сказала я мужу. — Элиас Ашмол охотился за всем, что осталось от библиотеки Ди после смерти владельца, в особенности за книгами по алхимии.

— После смерти Ди? — переспросил Кит. — И как же добрый доктор встретил свой конец?

Вопрос тоже был задан вполголоса. Карие глаза демона возбужденно сверкали, требуя ответа. Генри, не слышавший вопроса Кита, заговорил раньше, избавив меня от необходимости придумывать ответ.

— Я попрошу у Ди разрешения взглянуть на эту книгу, — твердо заявил он. — Это будет легко устроить по пути в Ричмонд, к королеве.

— Хэл, ты можешь не узнать книгу, — сказал Мэтью, который слышал вопрос Кита, но тоже предпочел его игнорировать. — Я отправлюсь с тобой.

— Ты ведь тоже этой книги не видел. — Я тряхнула головой, словно это могло отвести испытующий взгляд Марло. — И если вы собрались нанести визит доктору Ди, я тоже поеду.

— Ma lionne, не надо так свирепо на меня смотреть. Я же прекрасно знаю: тебя ничто не убедит предоставить это моим забо-

там. Особенно когда дело касается книг и какого-нибудь алхимика. Но... — Мэтью предостерегающе поднял палец. — Никаких вопросов. Понятно?

Он представлял, какой магический хаос могли бы сотворить мои вопросы.

Я кивнула и скрестила пальцы, спрятав их в складках подола. Это был древний оберег, помогающий отводить злые последствия. А они, когда стремишься докопаться до правды, были очень даже вероятны.

— Чтобы госпожа Ройдон удержалась от вопросов? — недоверчиво пробормотал Уолтер. — Мэтт, пусть удача сопутствует тебе в этом.

Мортлейк, небольшое поместье на Темзе, располагалось на полпути между Лондоном и королевским дворцом в Ричмонде. Мы отправились туда на барке графа Нортумберленда — прекрасном судне с восемью гребцами, мягкими сиденьями и шторами, уберегающими от порывов ветра. Плавание было не только более комфортным, но и более спокойным по сравнению с теми, к которым я успела привыкнуть. Но тогда на веслах сидел Галлоглас.

Мы отправили Ди письмо, сообщив о своем намерении его посетить. Генри с чрезвычайной деликатностью пояснил, что миссис Ди не любит, когда гости сваливаются как снег на голову. Я вполне ее понимала, хотя взгляды жены доктора Ди шли вразрез с традициями эпохи, где было принято ходить в гости без предварительного уведомления.

— В доме наблюдается... некоторый беспорядок. Отчасти это вызвано широтой интересов доктора Ди и его равнодушием ко всякого рода формальностям. — Говоря об этом, Генри слегка покраснел. — И потом, у них много детей. Это часто... вызывает хаос.

— Причем такой сильный, что некоторые слуги не выдерживали и бросались в колодец, — иронично заметил Мэтью.

— Да. Был такой печальный случай. Но сомневаюсь, что наш визит омрачится чем-то подобным, — тихо сказал Генри.

Меня совершенно не волновал интерьер дома Ди и царивший там беспорядок. Возможно, мы уже сегодня получим ответы на великое множество вопросов. Например, почему за этим манускриптом шла такая охота. Мы узнаем, действительно ли там рассказывается о происхождении ведьм, демонов и вампиров. Мэтью

рассчитывал найти ответ на главный вопрос, не дававший ему покоя: почему к началу XXI века все мы оказались на грани вымирания?

Доктора Ди мы заметили еще с реки. Возможно, ему понадобилось отлучиться из дому, а может, просто решил прогуляться и отдохнуть от домашнего хаоса. Он шел так, словно сейчас был не конец января, а самый разгар лета. На плечах — черный плащ, похожий на мантию ученых. Узкий капюшон защищал голову от ветра. Дополнительной защитой служила плоская шляпа, надетая поверх капюшона. У Ди была длинная седая борода. Заложив руки за спину, он шел вдоль кирпичной стены, огораживающей уснувший сад.

— Доктор Ди! — окликнул его Генри, когда мы выбрались из барки и подошли к стене.

— Лорд Нортумберленд! Приветствую вас! Надеюсь, вы пребываете в добром здравии?

У Ди был тихий, хрипловатый голос, хотя он и старался говорить громче (так делали все, разговаривая с Генри). Ди снял шляпу и поклонился.

— Здоровье вполне позволило мне выбраться в ваши края, доктор Ди. Однако меня привело не стремление подышать свежим воздухом. В письме я сообщал, что приеду вместе с друзьями. Позвольте, я их вам представлю.

— Мы с доктором Ди уже знакомы.

Мэтью наградил алхимика волчьей улыбкой и слегка поклонился. Он знал всех выдающихся и странных личностей своего времени. Естественно, он был знаком и с Ди.

— Здравствуйте, господин Ройдон, — настороженно произнес Ди.

— А это моя жена Диана. — Мэтью кивком указал на меня. — Она дружна с графиней Пемброк и помогает ее сиятельству в алхимических изысканиях.

— Мы с графиней Пемброк переписываемся на алхимические темы. — Забыв обо мне, Ди снова повернулся к Генри, знакомством с которым явно дорожил. — Милорд, вы изъявили желание взглянуть на одну из моих книг. Вы приехали по просьбе леди Пемброк?

Генри не успел ответить, поскольку из дому вышла остролицая и широкобедрая женщина в темно-коричневом платье, оторочен-

ном мехом и явно знававшем лучшие времена. Вид у женщины был раздраженный, но стоило ей заметить графа Нортумберленда, как на лице появилась слащавая улыбка.

— А вот и моя дорогая жена, — с заметным напряжением произнес Ди. — Джейн, к нам гости: граф Нортумберленд и господин Ройдон.

— Так чего же ты не зовешь их в дом? — проворчала Джейн, всплескивая руками. — Гости могут подумать, что мы не готовы к их приему. А это не так. Наш дом открыт. Вы же знаете, милорд, многие ищут совета у моего мужа.

— Да. Вот и мы приехали к нему за тем же. Вижу, вы находитесь в добром здравии, госпожа Ди. Я слышал от господина Ройдона, королева облагодетельствовала вас визитом.

Эти слова польстили Джейн.

— Сущая правда. Начиная с ноября Джон трижды видел ее величество. Последние два раза королева удостаивала его краткой беседой у дальних ворот нашей усадьбы, когда проезжала по Ричмондской дороге.

— На Рождество ее величество явила нам свою щедрость, — сказал Ди, теребя в руках шляпу, и Джейн недовольно посмотрела на мужа. — Мы думали... Впрочем, это не имеет значения.

— Приятно, приятно слышать, — быстро сказал Генри, избавив Ди от потенциально щекотливой темы. — Но не будем тратить время на разговоры. Нам очень хотелось бы взглянуть на одну книгу из вашей библиотеки...

— Библиотека моего мужа ценится выше, чем он сам! — угрюмо воскликнула Джейн. — Знали бы вы, как сильно мы поиздержались, пока находились у императора. А у нас столько вечно голодных ртов. Королева говорила, что поможет нам. Она прислала нам скромное вознаграждение, но пообещала больше.

— Уверен, королева выполнила бы свое обещание раньше, если бы не насущные дела, которыми она вынуждена заниматься. Однако ее величество помнит о вас. — Мэтью достал из кармана плаща увесистый мешочек, туго набитый монетами. — Я привез обещанное. И поверьте мне, госпожа Ди, я ценю вашего мужа, а не только его книги. И к тому, что передала королева, я добавил кое-что от себя. Пусть это будет скромной компенсацией за время, которое он потратит на нас.

— Я... благодарю вас, господин Ройдон, — запинаясь, произнес Ди и посмотрел на жену. — С вашей стороны очень любезно, что вы выполнили поручение королевы. Вы ведь тоже человек занятой, а государственные дела всегда должны стоять выше наших тягот.

— Ее величество не забывает о тех, кто ей верно служит, — сказал Мэтью.

Это было явным враньем, о чем знали все, кто сейчас стоял на заснеженной садовой дорожке. Но никто и бровью не повел.

— Вам нужно поскорее пройти в дом и согреться у огня. — Интерес Джейн к нам и степень гостеприимства резко возросли. — Я подам вина и позабочусь, чтобы вас не беспокоили. — Она сделала реверанс Генри, второй, поглубже, предназначался Мэтью, и заспешила в дом, бросив мужу: — Не морозь гостей, иначе они превратятся в ледышки.

Двадцать минут, проведенные в доме Ди, показали, что его хозяева принадлежат к странной породе супружеских пар, которые постоянно переругиваются, упрекают и обвиняют друг друга во всем, однако сохраняют верность друг другу. Под их обмен колкостями мы с восхищением разглядывали новые шпалеры (подарок леди Уолсингем), новый графин для вина (подарок сэра Кристофера Хаттона) и новую серебряную солонку (ее подарила маркиза Нортгемптон). Когда подарки были осмотрены и оценены по достоинству, а супруги выпустили очередную порцию ядовитого пара, нас (наконец-то!) провели в библиотеку.

— Чую, мне придется выцарапывать тебя отсюда, — прошептал Мэтью, улыбаясь при виде моей восхищенной физиономии.

Библиотека Джона Ди превзошла все мои ожидания. Я представляла, что увижу обширную частную библиотеку вроде тех, что в XIX веке были у состоятельных английских джентльменов. Сейчас я сама не понимала, откуда у меня могли появиться столь странные, ничем не подкрепленные ожидания. Я не увидела никакого камина, возле которого можно было усесться в уютное кресло и читать, покуривая трубку. Библиотека Ди освещалась только свечами, и в зимний день в ней было на удивление сумрачно. Для чтения предназначался длинный стол возле эркерного окна на южной стене и несколько стульев. Стены библиотеки были увешаны картами земных территорий и картами звездного неба, а также анатомическими схемами. С ними соседствовали листы из

дешевых альманахов, которые можно было купить в каждой аптеке и книжной лавке Лондона. На столе и на полу громоздились кучи бумаг. Вероятно, они служили Ди справочным материалом, когда он составлял гороскоп или занимался астрономическими расчетами.

Ди владел бóльшим числом книг, чем любой из колледжей Оксфорда и Кембриджа. Библиотека требовалась ему для работы, а не ради хвастовства. Неудивительно, что основное ее пространство было отдано не столам и стульям, а полкам. Стремясь максимально использовать площадь библиотеки, Ди расставил стеллажи перпендикулярно стенам, разделив их узкими проходами. Таким образом, к простым дубовым полкам можно было подойти с двух сторон. Полки имели разную высоту — сообразно высоте книг, выпускавшихся в Елизаветинскую эпоху. По обеим концам каждой полки стояли конторки. Это позволяло взять книгу для прочтения, а затем быстро и аккуратно вернуть ее на место.

— Боже мой! — пробормотала я.

Мой тихий возглас вызвал испуг на лице Ди.

— Моя жена потрясена, мастер Ди, — поспешил объяснить Мэтью. — Она еще не бывала в столь богатой библиотеке.

— Есть немало библиотек, которые куда обширнее и богаче моей, госпожа Ройдон. И редких книг в них куда больше.

Джейн Ди словно знала, когда ей появиться. Подойдя к нам, она сразу же перевела разговор на их бедность и жизненные тяготы.

— У императора Рудольфа великолепная библиотека, — сказала Джейн, принесшая нам вино и засахаренные фрукты. — Однако императору все мало. Он позарился на одну из лучших книг Джона. Воспользовался щедростью моего мужа, но я мало надеюсь, что он компенсирует нам утрату.

— Не возводи напраслину, Джейн, — отчитал жену Ди. — Его величество взамен отдал мне другую книгу.

— И какую же? — осторожно спросил Мэтью.

— Весьма редкий манускрипт, — без энтузиазма ответил Ди, провожая глазами жену, которая держала путь к единственному столу.

— Полнейшая чушь — вот как это называется! — не поворачиваясь, бросила Джейн.

Это называлось по-другому: «Ашмол-782». Я почти не сомневалась.

— Господин Плат рассказал нам, что видел у вас некую редкую книгу. Потому мы и решились нарушить ваш покой. Но может, мы вначале воздадим должное гостеприимству вашей жены, а затем посмотрим книгу императора Рудольфа? — предложил Мэтью.

Его тон был по-кошачьи вкрадчивым. Мэтью коснулся моей руки. Я сжала его пальцы. Похоже, наши мысли совпадали.

Пока Джейн расставляла угощение, разливала вино, жаловалась на подскочившие в цене орехи и на то, что бакалейщик почти ее разорил, Ди отправился искать «Ашмол-782». Оглядев один из стеллажей, он вытащил книгу.

— Это не она, — шепнула я Мэтью.

Раритет, извлеченный Ди, был намного меньше.

Ди положил книгу перед Мэтью. Она была обернута в тонкий пергамент, успевший потрескаться.

— Можете полюбоваться, господин Ройдон! — язвительно бросила Джейн. — Ничего, кроме закорючек и непристойных картинок с купающимися женщинами.

С этими словами госпожа Ди удалилась, негодующе фыркая и качая головой.

Перед нами лежал вовсе не манускрипт «Ашмол-782», но и эту книгу я видела не впервые. Это был так называемый манускрипт Войнича, или «Манускрипт-408». Под таким номером он значился в Библиотеке Бейнеке Йельского университета. Содержание манускрипта представляло собой неразрешимую загадку, над которой до сих пор бились криптографы и лингвисты. Ни один ботаник не мог даже приблизительно назвать растения, изображенные на рисунках. Существовало множество теорий о происхождении этого манускрипта. Одна из них предполагала, что манускрипт попал от инопланетян. Я не смогла сдержать возглас разочарования.

— Не этот? — спросил Мэтью.

Я покачала головой и досадливо закусила губу. Ди истолковал это как мое недовольство Джейн и пустился в объяснения:

— Прошу вас великодушно простить мою жену. У Джейн особые счеты с этой книгой, поскольку она первой обнаружила манускрипт среди ящиков, когда мы вернулись домой от двора им-

ператора. Я взял в путешествие другую книгу — весьма ценный алхимический трактат. Когда-то он принадлежал великому английскому магу Роджеру Бэкону. Он был крупнее этого манускрипта и заключал в себе множество тайн. — (Я подскочила на стуле.) — Мой помощник Эдвард был способен с Божьей помощью понимать написанное, чего мне самому не удавалось, — продолжал Ди. — Перед самым отъездом из Праги император Рудольф вдруг заинтересовался моей книгой. Эдвард рассказал ему о некоторых тайнах, почерпнутых оттуда: в частности, о сотворении металлов и о тайном способе достижения бессмертия.

Значит, Джон Ди когда-то владел «Ашмолом-782». Его помощник, демон Эдвард Келли, мог читать написанное там. У меня от волнения затряслись руки, и я спрятала их в складках платья.

— Когда нам приказали вернуться, Эдвард помогал Джейн укладывать мои книги. Джейн убеждена, что он выкрал алхимический трактат, который подменил вот этой книгой из библиотеки его величества. — Ди болезненно поморщился, решая, продолжать ли дальше. — Я не хочу плохо думать об Эдварде. Он был *моим надежным спутником. Мы много лет работали рука об руку.* С Джейн они всегда не ладили, и поначалу я отказывался верить ее догадке.

— Но теперь вы думаете, что у вашей жены есть основания подозревать его в воровстве, — сделал вывод Мэтью.

— Знаете, господин Ройдон, я постоянно возвращаюсь к событиям наших последних дней в Праге, пытаясь вспомнить хоть какую-нибудь деталь, оправдывающую моего друга. Но все мои воспоминания лишь решительно указывают на него как на виновника, — вздохнул Ди. — Возможно, и в этом манускрипте содержатся удивительные тайны. Просто еще не нашлось умеющего его прочитать.

Мэтью пролистал страницы.

— *Взять хотя бы эти растения. Они не более чем химеры.* — Мэтью ткнул пальцем в одну из картинок. — Листья, стебли и цветы не совпадают, поскольку взяты от разных растений.

После растений пошли астрологические круги. В центре одного из них было что-то написано, причем латинскими буквами. Но я все равно не могла прочесть ни слова.

— А что ты скажешь вот об этом? — спросила я Мэтью.

Я ведь много раз видела манускрипт Войнича и никогда не обращала внимания на странную запись.

— Надписи сделаны на старинном диалекте окситанского языка, — тихо ответил Мэтью. — В свое время я был знаком с одним... чей почерк очень напоминал этот. Доктор Ди, а при дворе императора вам, случайно, не встретился некий господин из Орильяка?

Неужели Мэтью подразумевал Герберта? Мое возбуждение сменилось тревогой. Мог ли Герберт по ошибке принять манускрипт Войнича за таинственную книгу начал? В ответ на мой молчаливый вопрос строки в центре гороскопа начали дрожать. Я торопливо захлопнула книгу, чтобы написанное не перетекло на стол.

— Нет, господин Ройдон, — хмуро ответил Ди. — Если бы встретил, то обязательно расспросил бы о знаменитом маге из тех краев, который стал римским папой. В старых легендах, что рассказывают у очага, кроется много правдивого.

— Да, но только если нам хватает мудрости распознать эту правду.

— Потому-то я и сожалею об утрате моей книги. Как я уже говорил, в свое время она принадлежала Роджеру Бэкону. Старуха, продавшая ее мне, говорила, что Бэкон очень дорожил книгой, поскольку там содержались Божественные истины. Бэкон называл ее «Verum Secretum Secretorum»[1]. — Ди с тоской поглядел на манускрипт Войнича. — Я до сих пор страстно желаю вернуть тот трактат.

— Возможно, *я* смогу вам помочь, — сказал Мэтью.

— Вы? Каким образом, господин Ройдон?

— Если вы позволите мне взять этот манускрипт, я постараюсь вернуть его на место, а вашу книгу — вам, — предложил Мэтью, пододвигая манускрипт Войнича к себе.

— Сэр, я бы сделался вашим вечным должником, — сказал Ди, без малейших возражений уцепившись за предложение моего мужа.

Едва только мы отчалили от пристани Мортлейка, я забросала Мэтью вопросами:

— Мэтью, о чем ты думал? Ты ведь не можешь отослать манускрипт Войнича Рудольфу с запиской, объясняющей махинации

[1] «Истинные тайны тайн» *(лат.)*.

Келли. Тебе придется найти какого-нибудь сорвиголову, готового с риском для жизни проникнуть в библиотеку императора и выкрасть «Ашмол-782».

— Если у Рудольфа действительно «Ашмол-782», искать манускрипт надо не в библиотеке, а в его кунсткамере, — ответил Мэтью, рассеянно глядя на воду.

— Так, значит, вы искали совсем не... манускрипт Войнича? — спросил Генри, с вежливым интересом наблюдавший за нашей перепалкой. — Джордж будет очень раздосадован. Он-то думал, что разгадал вашу загадку.

— Видишь ли, Хэл, загадку Джордж не разгадал, зато в достаточной мере пролит свет на ситуацию, — ответил Мэтью. — С помощью агентов отца и моих собственных мы разыщем книгу Ди.

По пути домой мы поймали прилив, и это ускорило наше возвращение. На пристани Уотер-лейн горели факелы. Нас уже ждали. Среди ожидавших мы заметили двух слуг в ливреях графини Пемброк. Они стали делать нам знаки не сходить на берег.

— Господин Ройдон, срочно плывите в замок Байнард! — крикнул один из слуг.

— Должно быть, что-то у них случилось, — сказал стоящий на носу Мэтью.

Генри приказал гребцам развернуть барку. Вскоре мы были уже на причале замка, где нас тоже встречали с факелами и фонарями.

— Никак кто-то из ваших сыновей заболел? — спросила я Мэри, когда мы оказались в передней замка и она стремительно выбежала нам навстречу.

— Нет. Мальчики здоровы. Идемте в лабораторию. Скорее! — крикнула она через плечо, направившись в башню.

Увиденное вызвало возглас удивления не только у меня, но и у Мэтью.

— Теперь вы понимаете, что́ испытала я, увидев это дерево Дианы, — сказала Мэри.

Она склонилась над ретортой у основания перегонного куба, где находились корни этого черного дерева. Новое дерево разительно отличалось от прежнего — целиком серебряного и более хрупкого в своем строении. Это имело крепкий ствол. На его многочисленных ветвях не было ни одного листочка. Мне вспомнился дуб в Мэдисоне, прикрывший нас после нападения Жюль-

ет. Тогда, чтобы спасти Мэтью, я высосала из дуба все жизненные силы.

— Но почему оно не серебряное? — спросил Мэтью, обвивая руками тонкие стенки реторты.

— Я использовала кровь Дианы, — ответила Мэри.

Муж выпрямился и вопросительно посмотрел на меня.

— Лучше взгляни на стену, — предложила я, указывая на фреску с кровоточащим драконом.

— Так это же зеленый дракон — символ не то царской водки, не то азотной кислоты, — сказал он, едва взглянув на стену.

— Нет, Мэтью. Приглядись. Забудь о символике и постарайся смотреть на изображение так, словно видишь его впервые.

— Dieu! — растерянно пробормотал Мэтью. — Это ведь мой герб?

— Да. А ты заметил, что дракон держит в пасти собственный хвост? И обычный ли это дракон? У тех четыре лапы. Это дракон огнедышащий.

— Огнедышащий дракон. Как... — Мэтью снова выругался.

— Существуют десятки различных теорий о том, какая именно первичная субстанция необходима для изготовления философского камня. Роджер Бэкон — прежний владелец исчезнувшего манускрипта доктора Ди — считал, что это кровь.

Я не сомневалась: мои слова Мэтью не пропустит мимо ушей. Я опустилась на корточки, разглядывая дерево Дианы.

— Ты увидела фреску и последовала своей интуиции.

Мэтью призадумался и вдруг большим пальцем сломал восковую печать, закрывавшую реторту. Мэри испуганно вскрикнула. Странный поступок Мэтью угрожал погубить результат ее эксперимента.

— Что ты делаешь? — спросила я, испугавшись не меньше графини.

— Следую голосу своей интуиции и хочу кое-что добавить в реторту.

Мэтью прокусил себе руку и поднес рану к узкому горлышку. На дно реторты закапала его густая темная кровь. Мы вглядывались, ожидая, что́ будет дальше.

Прошло несколько минут. В реторте все оставалось по-прежнему. Вначале я испортила графине туфли, теперь Мэтью своим порывом — столь важный для нее эксперимент. И вдруг на чер-

ном стволе дерева появились тонкие красные прожилки. Оттуда они переместились на ветви. Дерево стало покрываться золотыми листьями.

— Ты только посмотри! — восхищенно прошептала я.

Мэтью улыбнулся мне. В его улыбке и сейчас ощущалось сожаление, однако я уловила в ней лучики надежды.

Среди листьев, словно крошечные рубины, краснели плоды. Мэри во все глаза смотрела на ожившее дерево и шептала молитву.

— Моя кровь создала структуру дерева, а твоя заставила его плодоносить, — сказала я, инстинктивно дотронувшись до своего пустого живота.

— Но как такое могло случиться? — спросил ошеломленный Мэтью.

Соединение крови ведьмы и *варга* привело к таинственной трансформации. Если где и искать ответы, то лишь на картинках «Ашмола-782» и в загадочных пояснениях к ним.

— Сколько времени тебе понадобится, чтобы вернуть манускрипт Ди? — спросила я у Мэтью.

— Думаю, не так уж много, — ответил муж. — Особенно когда вознамерился это сделать.

— Чем раньше, тем лучше, — сказала я, переплетая наши пальцы.

А перед нами продолжало разворачиваться чудо, сотворенное слиянием нашей крови.

Глава 25

Прошел день. Затем еще один. Странное дерево продолжало расти, демонстрируя все признаки развития. Его плоды созревали и падали вниз, к корням, погруженным в ртуть и prima materia. Бутоны, появлявшиеся среди листьев, превращались в цветы и новые плоды. Раз в день листья меняли цвет, становясь из золотых зелеными, потом снова золотыми. Иногда на дереве вырастали новые ветки или оно вытягивало новый корень, ищущий пропитания.

— Мне еще предстоит найти всему этому вразумительное объяснение, — сказала Мэри, указывая на груды книг, которые Джоан неутомимо снимала с полок. — Похоже, мы сотворили нечто совершенно новое.

Как ни захватывал меня ее эксперимент, я не забывала про обучение ведьмовству. Снова и снова я ткала свой невидимый серый плащ и с каждым разом управлялась с ним быстрее. Результаты моего ткачества становились совершеннее и действеннее. Марджори пообещала, что вскоре я смогу описать весь процесс словами, чтобы и другие ведьмы извлекли пользу из моего заклинания.

Прошло еще несколько дней. Я вернулась от Благочестивой Олсоп. На ступенях нашей лестницы я, как всегда, сняла маскирующее заклинание. Энни находилась во дворе, забирая у прачек чистое белье. Джек отправился вместе с Пьером и Мэтью. Я жутко проголодалась и раздумывала о том, что́ Франсуаза приготовила на обед.

— Если в течение ближайших пяти минут меня не накормят, я начну вопить на весь дом.

С этими словами я переступила порог, попутно вытаскивая и бросая на пол булавки, которыми крепился жесткий вышитый

нагрудник моего платья. Я швырнула его на стол и взялась за шнуровку корсажа.

Со стороны камина послышалось негромкое покашливание.

Я стремительно повернулась, вцепившись в ткань, прикрывающую грудь.

— Боюсь, эти вопли не принесут вам желаемого результата.

Голос был хриплым, похожим на звук песка, скребущего по стеклу. Говоривший сидел в кресле возле камина.

— Вашу служанку я отправил за вином, а мои старые руки и ноги не настолько проворны, чтобы удовлетворить вашу потребность в пище.

Я медленно обогнула кресло. Сидящий в нем изогнул седую бровь, мельком окидывая мой непристойный по меркам Елизаветинской эпохи вид. Его откровенный взгляд заставил меня поежиться.

— Кто вы такой?

Он не был ни демоном, ни ведьмаком, ни вампиром. Всего-навсего морщинистый старик.

— Насколько мне известно, ваш муж и его друзья зовут меня Старым Лисом. А еще я, при всех своих грехах, занимаю пост лорда-казначея.

До меня начало доходить. Неведомая причина привела к нам одного из умнейших людей Англии и, несомненно, одного из самых безжалостных. Благодушное выражение лица ничуть не смягчало его пронизывающего взгляда.

«У нас в гостиной сидит не кто иной, как Уильям Сесил», — подумала я. Этикет требовал сделать глубокий реверанс, однако я была слишком ошарашена неожиданным визитом и лишь глазела на высокого гостя.

— Судя по выражению вашего лица, вы что-то слышали обо мне. Удивительно, как далеко простирается моя репутация, поскольку мне и многим другим известно, что в Лондоне вы недавно. — Я приготовилась ответить, но Сесил поднял руку. — Мудрость советует не быть со мной излишне откровенной, мадам.

— Чем могу быть вам полезна, сэр Уильям?

Я вдруг почувствовала себя школьницей, вызванной в кабинет директора.

— Репутация бежит впереди меня, но не мой титул. «Vanitatis vanitatum, omnis vanitas»[1], — сухо произнес Сесил. — Нынче, гос-

[1] «Суета сует, всё — суета» *(лат.)*. Начальный стих из Книги Екклесиаста.

пожа Ройдон, меня именуют лордом Берли. Королева — щедрая хозяйка.

Я мысленно выругалась. Меня никогда не занимали даты получения аристократией титулов и привилегий. Если требовалось, я заглядывала в Национальный биографический словарь. Получалось, что я оскорбила непосредственного начальника Мэтью. Попробую польстить старику, ответив ему на латыни.

— «Honor virtutis praemium»[1], — пробормотала я, пытаясь не потерять самообладания.

В Оксфорде моим соседом был выпускник Арнольдовской школы. Он играл в регби за Новый колледж и, когда команда побеждала, зычно выкрикивал эту фразу, радуя товарищей по команде и болельщиков.

— Девиз семейства Ширли. Вы происходите оттуда? — Лорд Берли сцепил пальцы шалашиком и посмотрел на меня с возросшим интересом. — Они известны своей склонностью к странствиям.

— Нет. Я из Бишопов... но не епископ[2].

Лорд Берли наклонил голову, молча принимая мое банальное пояснение. Я вдруг почувствовала абсурдное желание излить этому человеку душу. Следом появилось другое, не менее абсурдное: бежать от него без оглядки.

— Ее величество не возбраняет священникам жениться, но женщины-епископы, слава Богу, находятся за пределами ее воображения.

— Да... Нет... Милорд, я могу что-нибудь для вас сделать? — снова спросила я.

В моем голосе улавливалось отчаяние. От этого я скрипнула зубами.

— Сомневаюсь, госпожа Ройдон. Но возможно, я могу кое-что сделать для вас. Дать совет. Советую вам безотлагательно вернуться в Вудсток.

— Почему, милорд?

К отчаянию прибавился страх.

— Потому что сейчас зима и у королевы больше свободного времени, чем в другие сезоны года. — Берли посмотрел на мою

---

[1] «Почет — награда за добродетель» *(лат.)*.

[2] Английское слово «bishop», которое в переводе означает «епископ», распространено в качестве фамилии.

левую руку. — А вы замужем за господином Ройдоном. Ее величество щедра, но ей не нравится, когда кто-то из ее фаворитов женится, не спросив у ней позволения.

— Мэтью не является фаворитом королевы. Он ее шпион. — Я зажала рот, но слова уже вылетели.

— Можно одновременно быть и фаворитом, и шпионом. Исключением служил лишь Уолсингем. Его строгие моральные принципы бесили королеву, а вечно кислая физиономия лишь усугубляла ее неприязнь. Но Мэтью Ройдона ее величество обожает. Кто-то сказал бы — до опасной степени. А у вашего мужа много секретов.

Сесил встал, опираясь на трость, и негромко застонал.

— Возвращайтесь в Вудсток, госпожа, — сказал он. — Так будет лучше для всех.

— Я не покину своего мужа.

Пусть Елизавета и «ест придворных на завтрак», о чем предупреждал меня Мэтью, она не выгонит меня из Лондона. Особенно сейчас, когда я наконец-то освоилась, обзавелась друзьями и стала учиться магии. Я видела, в каком состоянии находится Мэтью. Каждый день он возвращался изможденным, словно его протаскивали сквозь игольное ушко, а вместо отдыха всю ночь отвечал на письма, присылаемые ему осведомителями королевы, отцом и Конгрегацией.

— Передайте Мэтью, что я заходил.

Лорд Берли медленно двинулся к двери. В это время вернулась Франсуаза, неся большой кувшин вина. Вид у служанки был недовольный. Увидев меня, она едва не разинула рот. Еще бы: застать меня с расшнурованным корсажем!

— Благодарю вас за беседу, госпожа Ройдон. Мне она очень многое прояснила.

Кряхтя, лорд-казначей стал спускаться по лестнице. Он и впрямь был слишком стар, чтобы в сумраке короткого январского дня одному путешествовать по Лондону. Я вышла на площадку, искренне опасаясь за него.

— Франсуаза, проводите лорда Берли и удостоверьтесь, что он нашел своих слуг.

Слуги Сесила вполне могли сидеть сейчас в «Шапке кардинала», пьянствуя с Китом и Уиллом, или глазеть на столкнувшиеся кареты в конце Уотер-лейн. Мне совсем не хотелось быть последней, кто видел главного советника королевы Елизаветы живым.

— Это совершенно излишне, — обернувшись, возразил Берли. — Пусть я стар, но со мной трость. Грабители не обратят на меня внимания, поскольку их больше привлекают золотые сережки и модные дублеты. От попрошаек я, если понадобится, отобьюсь. А мои слуги находятся неподалеку. Помните мой совет, госпожа.

Лорд Берли скрылся в сумерках.

— Dieu! — пробормотала Франсуаза.

Она перекрестилась и не менее минуты держала пальцы растопыренными, предохраняясь от дурного глаза.

— Он из старых душ. Мне не понравилось, как он на вас смотрел. Хорошо еще, что милорда дома не было. Ему бы такое тоже не понравилось.

— Франсуаза, Уильям Сесил мне в дедушки годится, — ответила я, возвращаясь в тепло гостиной.

Наконец-то я полностью расстегнула ненавистный корсаж. Высвобождение из него всегда сопровождалось болью.

— Лорд Берли смотрел на вас не так, будто желал уложить в постель, — сказала Франсуаза, косясь на мой корсаж.

— Да? А как тогда он смотрел?

Я налила себе вина и плюхнулась на стул. День, так прекрасно начавшийся, явно менялся в худшую сторону.

— Как смотрел? Как на ягненка, предназначенного на убой. И еще прикидывал, сколько сможет за вас получить.

— Кто это угрожал съесть Диану на обед?

Я никак не могла привыкнуть, что он появляется неслышно. Мэтью усмехался, снимая перчатки.

— Твой гость. Ты с ним ненамного разминулся.

Я сделала глоток вина. И снова Мэтью непостижимым образом оказался рядом, взяв у меня кубок. В другое время меня бы это позабавило, но только не сейчас.

— Ты можешь хотя бы рукой махнуть или подать иной знак? Мне бывает не по себе, когда ты перемещаешься подобным образом.

— Помнится, ты определила, что выглядывание в окно — один из моих «теллсов». Могу тебя обрадовать: я тоже изучил некоторые из твоих. Перемена темы разговора — один из наиболее ярких... О каком госте речь? — спросил Мэтью, устало потирая лицо.

— Когда я вернулась домой, в нашей гостиной у камина сидел Уильям Сесил. — (Мэтью застыл.) — Самый страшный из всех стариков, какие мне встречались, — продолжила я, снова протягивая руку к кубку. — Если седые волосы и борода делают Берли похожим на Санта-Клауса, менее опасным он от этого не становится. Я бы ни за что не повернулась к нему спиной.

— И это очень разумно, — тихо похвалил меня Мэтью. — Что понадобилось незваному гостю? — спросил он Франсуазу.

— Сама не понимаю, — пожала она плечами. — Я ходила за мясным пирогом для мадам. Пришла, а он сидит. Спросил вина. Ваш демон вылакал все. Пришлось идти в лавку.

Мэтью исчез, а когда вернулся, вид у него был более спокойный. Я вскочила на ноги, поняв, куда он ходил. На чердак, где хранились все секреты.

— Неужели он...

— Нет, — перебил меня Мэтью. — Все в том же виде, в каком я оставлял. А Уильям объяснил цель своего визита?

— Лорд Берли просил передать тебе, что он заходил... — Я помялась. — И еще он настоятельно советовал мне уехать из Лондона.

В гостиную вошла Энни, неся груду белья. Следом шли болтающий Джек и улыбающийся Пьер. Увидев лицо хозяина, Пьер сразу перестал улыбаться. Я взяла у Энни белье и сказала:

— Франсуаза, почему бы вам не сводить детей в «Шапку кардинала»? Пьер тоже с вами пойдет.

— Ура! — завопил Джек, предвкушая вечернее развлечение. — Мастер Шекспир учит меня жонглировать.

— Пока он не пытается выправлять твой почерк, я не возражаю, — сказала я, ловя подброшенную Джеком шляпу.

Разумеется, я бы не возражала, если бы Шекспир взялся учить мальчишку красиво писать. Но я совсем не хотела, чтобы список «художеств» Джека пополнился умением подделывать чужой почерк и составлять подложные бумаги.

— Приятного ужина. И постарайся не забыть, для чего существуют носовые платки, — сказала я Джеку.

— Не забуду, — пообещал Джек, вытирая нос рукавом.

Через несколько минут дом опустел.

— Не понимаю, зачем лорд Берли потащился в Блэкфрайерс для встречи с тобой?

— Затем что я получил секретное донесение из Шотландии.

— Что на сей раз? — спросила я.

У меня сдавило горло. Процессы над ведьмами в Берике не впервые обсуждались в моем присутствии, но после визита Берли я вдруг почувствовала, как зло вползает к нам на порог.

— Король Яков продолжает допрашивать ведьм. Уильям хотел обсудить... если такое возможно... какие ответные меры должна предпринять королева. — Мэтью нахмурился, почуяв перемену в моем запахе. Да, от меня сейчас пахло страхом. — Тебе не стоит тревожиться из-за шотландских событий.

— Если я не буду знать, это не предотвратит развития событий.

— Конечно, — сказал Мэтью, гладя меня по затылку и пытаясь снять напряжение. — И если будешь знать — тоже.

На следующий день я вернулась от Благочестивой Олсоп с маленькой деревянной шкатулкой для заклинаний. Туда надлежало складывать написанные заклинания. Шкатулка служила местом, где они будут вылеживаться, набирая силу, пока не созреют и ими не воспользуются другие ведьмы. Умение записать заклинание было следующим шагом в моей эволюции прядильщицы. Пока там лежали только мои разноцветные нити. По мнению Марджори, мое маскировочное заклинание еще не слишком годилось для использования другими ведьмами.

Эту шкатулку сделал колдун с Темз-стрит. Материалом послужил кусок рябинового дерева, дарованного драконихой в день моего предзаклинания. Колдун вырезал изображение рябины на крышке. Ветви и корни сплетались в настоящий лабиринт, и было невозможно определить, где что. Мастер гордился своей работой. Мне не терпелось показать шкатулку Мэтью.

«Олень и корона» встретил меня странной тишиной. В гостиной не пылал камин, не горели свечи. Мэтью я нашла в кабинете. На столе стояло три кувшина с вином. Два были пусты. Обычно Мэтью не пил так много.

— Что случилось?

Он взял со стола лист бумаги, скрепленной толстой печатью из красного воска. Посередине печать была сломана.

— Нас вызывают ко двору.

— Когда? — спросила я, садясь напротив мужа.

— Ее величество великодушно позволила нас обождать до завтра, — сердито фыркнул Мэтью. — Ее отец был куда бесцеремоннее. Генрих мог послать за теми, кого хотел видеть, в любое время. Его не заботило, что люди уже легли спать или на дворе хлещет дождь и завывает ветер.

Помнится, еще в Мэдисоне я испытывала сильное желание встретиться с королевой Елизаветой I. Но после встречи с самым проницательным мужчиной королевства я утратила всякое желание встречаться с самой проницательной женщиной.

— Мы обязаны там быть? — спросила я, питая некоторую надежду, что Мэтью игнорирует королевское распоряжение.

— В письме королева соизволила напомнить мне о своем законе, запрещающем всякое чародейство, колдовство и магию. — Мэтью сердито швырнул бумагу на стол. — Мистер Дэнфорт однажды уже писал своему епископу. Берли сжег кляузу, но она, похоже, восстала из пепла, — сказал Мэтью и выругался.

— Тогда зачем нам отправляться ко двору?

Я сжала в руках шкатулку для заклинаний. Нити внутри шуршали от нетерпения помочь мне найти ответ.

— Если завтра к двум часам дня мы не появимся в аудиенц-зале Ричмондского дворца, Елизавета велит арестовать нас обоих. — Глаза Мэтью были похожи на осколки стекла, отшлифованные морем. — И тогда Конгрегация очень скоро узнает правду о нас, — добавил он.

Новость произвела переполох не только среди наших слуг. Каким-то образом о ней стало известно графине Пемброк. Наутро Мэри явилась к нам ни свет ни заря, притащив с собой столько одежды, что хватило бы на целый приход. От нас до ее замка были считаные сотни футов, но графиня отправилась по реке. Появление ее барки у причала Уотер-лейн превратилось в массовое зрелище исключительной важности. Шумная улица на некоторое время замерла.

Сама Мэри была образцом спокойствия и невозмутимости, когда переступила порог нашей гостиной в сопровождении Джоан и других служанок.

— Генри сообщил мне, что сегодня вас ожидают ко двору, а Диане совершенно нечего надеть. — Величественно взмахнув рукой, Мэри направила процессию служанок в нашу спальню.

— Я собиралась надеть платье, в котором выходила замуж, — попыталась возразить я.

— Но оно же французское! — воскликнула Мэри и поморщилась. — Вам нельзя его надевать!

Мне продемонстрировали вышитый атлас, бархат сочных цветов, переливающиеся шелка, украшенные настоящими золотыми и серебряными нитями и еще кучу каких-то полупрозрачных одежд непонятного назначения.

— Мэри, здесь хватило бы на две дюжины женщин. О чем вы думали? — спросила я, уворачиваясь от столкновения с очередной служанкой графини.

— Нельзя идти в бой без надежных доспехов, — заявила Мэри. В ее тоне, как всегда, смешивались очаровательное легкомыслие и язвительность. — А ее величество королева, да хранит ее Господь, — серьезная противница. Вам понадобится вся защита, какую может дать мой гардероб.

Мы занялись придирчивым выбором. Фигуры у нас с Мэри различались. Чтобы ее одежда хорошо сидела на мне, требовалось вмешательство портнихи. Но кто и каким образом будет это делать, я предпочитала не спрашивать. Я была Золушкой, и, если понадобится, графиня Пемброк призовет на помощь лесных птиц и фей.

В конце концов мы остановились на черном платье, щедро расшитом серебряными лилиями и розами. По словам Мэри, такие платья были модны в прошлом году и потому не имели пышных круглых подолов, отвечающих требованиям сегодняшней моды. Елизавете понравится, что в быту я бережлива и не стремлюсь гнаться за модой.

— Черный и серебряный — цвета королевы. Потому Уолтер всегда носит одежду таких цветов, — объясняла мне Мэри, разглаживая пышные рукава.

Но гораздо больше, чем это платье, мне понравилась белая атласная нижняя юбка. Учитывая, что все прочие юбки, которые я надену, имели спереди разрез, она будет мелькать при ходьбе. Эту юбку тоже украшала обильная вышивка: флора, фауна, фрагменты классической архитектуры, инструменты для научных занятий, а также женские фигуры, олицетворяющие науки и искусства. Похоже, рисунок юбки создавал тот же гений, что сотворил туфельки Мэри. На сей раз я остерегалась прикасаться к вышив-

ке, чтобы госпожа Алхимия не сбежала с юбки раньше, чем я надену ее.

Четырем женщинам потребовалось два часа, чтобы одеть меня. Началось это со слоев одежды, где каждый предмет имел подкладку, придававшую ему пышность. Пришлось надеть широкий кринолин, который, как я и предполагала, оказался нелепой конструкцией, затруднявшей движения. Великолепный гофрированный воротник был большим, однако, по словам Мэри, не таким большим, как у королевы. К талии Мэри прикрепила мне веер из страусиных перьев. Когда я шла, он раскачивался, словно маятник. Перья страуса стоили дорого, а учитывая рубины и бриллианты, которыми была усыпана ручка веера, общая стоимость аксессуара раз в десять превышала стоимость моей серебряной мышеловки. Хорошо, что веер был надежно прикреплен на талии.

Затем настал черед украшений. Слуги Мэри притащили большую шкатулку, откуда она извлекала настоящие шедевры ювелирного искусства. Она предложила надеть изысканные бриллиантовые серьги-капельки, но я заявила, что надену серьги Изабо. Они удивительно хорошо сочетались с ниткой жемчуга, переброшенной Джоан через мое плечо. А затем я едва не вскрикнула от ужаса. Мэри расчленила цепочку с цветками дрока, подаренную Филиппом на свадьбу, и одно звено прикрепила к середине корсажа. Она перехватила жемчужины красным бантом и привязала к булавке. После долгой дискуссии Мэри и Франсуаза сошлись на простом жемчужном ожерелье вокруг шеи. Еще одной драгоценной булавкой Энни приколола к моему воротнику золотую стрелу. Волосы, убранные Франсуазой, подчеркивали мое лицо сердечком. В качестве завершающего мазка Мэри нацепила мне на затылок расшитую жемчугами шапочку, под которую спрятала все узлы волос, завязанные Франсуазой.

Чем меньше времени оставалось до отъезда во дворец, тем сильнее портилось настроение Мэтью. Но даже он не остался равнодушным к моему наряду и заставил себя улыбнуться.

— Меня словно нарядили для спектакля, — вздохнув, призналась я.

— Ты выглядишь великолепно. Изящество в сочетании с достоинством.

Нет, это он выглядел великолепно, целиком облаченный в черный бархат с небольшими полосками белого на манжетах и воротнике. На шею он повесил миниатюру с моим портретом. Длинная цепочка была обмотана вокруг пуговицы, и потому видно было изображение луны, а мой портрет находился возле его сердца.

Ричмондский дворец начался для меня с башни кремового цвета, над которой реял королевский штандарт. Вскоре появились и другие башни. Теперь дворец стал похож на замок из сказки. Наконец перед нами раскинулась панорама всего дворцового комплекса. С юго-восточной стороны виднелась странная сводчатая галерея в форме прямоугольника. Собственно дворец, имевший три этажа, находился к юго-западу. Дворец был обнесен широким рвом. Позади располагался огороженный сад. Еще дальше виднелось несколько башен и башенок, а также пара зданий, напомнивших мне Итонский колледж. За садом высилось подобие грузового крана, вокруг которого суетились толпы слуг, разгружавших ящики и тюки для дворцовой кухни и кладовых. Замок Байнард когда-то тоже был королевской резиденцией. Вплоть до сегодняшнего дня он казался мне внушительным, но сейчас я понимала: с Ричмондом ему не тягаться.

Гребцы направили нашу барку к причалу. Мэтью игнорировал любопытные взгляды и вопросы, предоставляя отвечать на них Пьеру или Галлогласу. Сторонний наблюдатель увидел бы в облике Мэтью аристократа, испытывающего легкую скуку. Но я сидела с ним рядом и чувствовала, как он напряжен. Глаза мужа обшаривали берег, словно нам могла угрожать опасность.

Я стала разглядывать двухэтажную галерею. Первый этаж составляли сквозные арки. По второму этажу тянулись застекленные окна. За окнами виднелись любопытные лица. Придворные тянули шеи, стремясь рассмотреть, кто приехал, и получить новую порцию пищи для сплетен. Мэтью встал между баркой и галереей, загородив меня от праздных взглядов.

Слуги в ливреях, вооруженные кто мечом, кто пикой, провели нас через скромного вида караульное помещение, а оттуда — в главную часть дворца. В помещениях первого этажа было шумно и людно, словно в современном деловом центре. Придворные, слуги, гвардейцы — все они куда-то спешили, выполняя чьи-то приказы и распоряжения. Мэтью повернул направо, однако наши сопровождающие вежливо преградили ему путь.

— Она сначала помурыжит вас на публике и только затем допустит до себя, — шепотом произнес Галлоглас.

Мэтью тоже шепотом выругался.

Мы послушно стали подниматься по широкой лестнице. Здесь было столь же людно. Пахло цветами и пряностями. Иные, куда менее приятные запахи придворные старались перебить крепкими духами. По-моему, это лишь усиливало зловоние. Заметив Мэтью, придворные начинали шептаться и расступались. Ростом он превосходил почти всех здешних мужчин и распространял вокруг себя атмосферу брутальности. Так вели себя многие знатные мужчины Елизаветинской эпохи, однако Мэтью действительно был смертельно опасен, и теплокровные это чуяли.

Мы прошли через три гостиные, кишевшие расфуфыренными, надушенными и сверкающими драгоценностями придворными обоего пола и разного возраста. Наконец мы остановились возле закрытой двери. Потянулось томительное ожидание. Шепот вокруг нас перерос в разговоры вполголоса. Какой-то придворный отпустил шутку. Его спутники захихикали. Мэтью стиснул зубы.

— Почему мы ждем? — спросила я, стараясь говорить так, чтобы меня слышали только Мэтью и Галлоглас.

— Чтобы позабавить королеву и показать двору, что я не более чем ее слуга, — ответил Мэтью.

Когда дверь распахнулась и нам разрешили войти туда, где находилась королева, меня поразило, что и там полно придворных. Видимо, при дворе Елизаветы это и называлось частной аудиенцией. Но где же сама королева? Я вертела головой по сторонам, но Елизаветы не видела. Неужели нас ждет еще один этап ожидания? Подумав об этом, я упала духом.

— Почему я каждый год старею, а Мэтью Ройдон кажется на пару лет моложе?

Голос, раздавшийся со стороны камина, был удивительно живым и веселым.

Почти все находившиеся в помещении, такие же разодетые, нарумяненные и отвратительно надушенные, слегка повернулись в нашу сторону. Наконец я увидела Елизавету. Словно пчелиная матка, она сидела в середине своего улья. У меня заплясло сердце. Передо мной была живая легенда.

— Ваше величество, я не замечаю в вас особых перемен, — сказал Мэтью, слегка поклонившись. — Вы соответствуете вашему девизу: «Semper eadem».

Эти же слова были начертаны на знамени под королевским гербом, украшавшим камин. *Всегда та же.*

— Даже мой лорд-казначей кланяется ниже, чем ты, Ройдон, а он страдает ревматизмом.

Лицо королевы под толстым слоем пудры и румян выглядело как маска, и оттуда смотрели черные глаза. У Елизаветы был крупный крючковатый нос и тонкие поджатые губы.

— Нынче я предпочитаю другой девиз: «Video et taceo».

Вижу и молчу. Похоже, мы попали в беду.

Мэтью, очевидно, этого не заметил. Он выпрямился во весь рост, словно сам был королем, а не шпионом Елизаветы. Мэтью держался свободно, не обращая внимания на окружение королевы. Он был самым рослым из присутствующих мужчин. Соперничать с ним, да и то отчасти, могли лишь двое: Генри Перси, грустно стоявший у стены, и длинноногий мужчина примерно одного возраста с графом. У него была грива вьющихся волос и дерзкий взгляд. Этот придворный стоял рядом с королевой.

— Осторожно, — пробормотал Берли, проходя мимо Мэтью и заглушая предостережение равномерными ударами трости. — Вы меня звали, ваше величество?

— Дух и Тень в одном месте. Скажите, Рэли, разве это не нарушает некие темные принципы философии? — растягивая слова, спросил курчавый придворный.

Его друзья с хихиканьем указывали на лорда Берли и Мэтью.

— Если бы вы, Эссекс, учились в Оксфорде, а не в Кембридже, то ответ был бы очевиден для вас и вы бы не позорили себя, задавая подобный вопрос, — невозмутимо ответил Рэли.

Он слегка сменил позу, и рука словно невзначай оказалась ближе к эфесу меча.

— Довольно, Робин, — сказала королева, потрепав дерзкого остряка по локтю. — Ты же знаешь, я не люблю, когда другие повторяют прозвища, данные мной. На сей раз лорд Берли и господин Ройдон простят тебе эту выходку.

— А эта леди рядом с вами, Ройдон, надо полагать, ваша жена. — Карие глаза графа Эссекса повернулись ко мне. — Мы и не знали, что вы женились.

— Кто «мы»? — рассердилась королева и теперь уже ударила его по руке. — Тебя, лорд Эссекс, это вообще не касается.

— По крайней мере, Мэтт не боится, что в городе его увидят вместе с женой, — сказал Уолтер, пощипывая бороду. — Вы, милорд, тоже недавно женились. Где же ваша жена в этот прекрасный зимний день?

«И здесь политика», — подумала я. Уолтер и граф Эссекс не стеснялись в средствах для достижения своих честолюбивых целей.

— Леди Эссекс находится в доме своей матери на Харт-стрит вместе с новорожденным наследником, — ответил за графа Мэтью. — Поздравляю, милорд. Когда я заходил к графине, она сообщила, что сына назвали в вашу честь.

— Да. Роберта вчера крестили, — сквозь зубы произнес граф Эссекс.

Чувствовалось, его немного встревожило известие о том, что Мэтью навещал его жену и видел ребенка.

— Совершенно верно, милорд, — подтвердил Мэтью, награждая графа жуткой улыбкой. — Странно только, что я не видел вас на церемонии.

— Довольно препирательств! — крикнула Елизавета.

Королеву рассердило, что разговор вышел из-под ее контроля. Длинные пальцы Елизаветы барабанили по мягкому подлокотнику кресла.

— Я никому из вас не давала позволения жениться. Вы оба гнусные, неблагодарные твари... Мэтью, пусть твоя девчонка подойдет ближе.

Я нервно расправила складки платья и взяла Мэтью за руку. Дюжина шагов до королевы показалась мне бесконечной. Когда я оказалась рядом с ее креслом, Уолтер выразительно устремил глаза в пол. Я присела в глубоком реверансе и замерла.

— У нее хотя бы есть манеры, — ворчливо заметила Елизавета. — Пусть встанет.

Встретившись глазами с королевой, я поняла, что она страдает сильной близорукостью. Нас разделяло не более трех футов, однако Елизавета прищурилась, пытаясь разглядеть черты моего лица.

— Хм... — произнесла Елизавета, закончив осмотр. — А лицо-то у нее грубое.

— Если вы так думаете, вам повезло, что вы на ней не женились, — вырвалось у Мэтью.

Елизавета еще раз пригляделась ко мне:

— И пальцы в чернилах.

Я спрятала свои нечестивые пальцы за веером Мэри. Чернила в эту эпоху делали из чернильных орешков. Пятна от таких чернил практически не отмывались.

— Представляешь, Тень, какое громадное жалованье я тебе плачу, если твоя жена может щеголять с таким веером? — Голос Елизаветы обрел новые интонации, но оставался раздраженным.

— Раз наш разговор переходит на финансы королевства, быть может, вы позволите остальным удалиться? — предложил лорд Берли.

— Да, пусть идут, — угрюмо согласилась Елизавета. — Ты, Уильям, останься. И ты, Уолтер, тоже.

— И я, — сказал граф Эссекс.

— А у тебя, Робин, есть другие дела. Ты должен заниматься празднеством. Нынче вечером я хочу хорошенько развлечься. Устала я от проповедей и уроков истории. Можно подумать, что я какая-то школьница. Надоели мне все эти сказания о короле Иоанне и приключения влюбленной пастушки, вздыхающей по своему пастуху. Лучше погляжу на кувыркания Саймонса. А если будут давать представление, пусть играют то, где некромант и медная голова, предсказывающая будущее. — Костяшки пальцев Елизаветы ударили по столу. — «Время есть, время было, его прошлое поглотило». Обожаю эту строчку.

Мы с Мэтью переглянулись.

— Ваше величество, смею предположить, что пьеса называется «Монах Бэкон и монах Бонгэй»[1], — шепнула королеве на ухо молодая женщина.

— Она самая, Бесс. Позаботься, Робин, чтобы ее сегодня играли, и ты будешь сидеть рядом со мной.

Елизавета сама была достаточно талантливой актрисой, мгновенно перевоплощаясь из сердитой и раздраженной фурии в томную и льстивую светскую даму.

Задобренный королевой, граф Эссекс удалился, но успел бросить на Уолтера испепеляющий взгляд. Придворные гурьбой устремились за ним. В настоящий момент граф Эссекс был наиболее влиятельной персоной при дворе, и остальные тянулись к нему, рассчитывая на отблески благосклонности королевы. Генри явно

[1] Пьеса английского драматурга Роберта Грина (1558–1592).

не хотел уходить, но выбора у него не было. Когда все ушли, двери гостиной плотно закрылись.

— Госпожа Ройдон, тебе понравился визит к доктору Ди? — резким тоном спросила королева.

Льстивые нотки напрочь исчезли. Елизавета была настроена по-деловому.

— Да, ваше величество, нам там понравилось, — ответил Мэтью.

— Господин Ройдон, я прекрасно знаю, что твоя жена умеет говорить самостоятельно. Вот и пусть отвечает.

Глаза Мэтью сердито вспыхнули, но вслух он не сказал ничего.

— Ваше величество, я получила истинное удовольствие. — Подумать только: я говорю с королевой Елизаветой I! Поборов остатки смущения, я продолжила: — Я изучаю алхимию и очень интересуюсь книгами и знаниями.

— Мне известно, кто ты.

Опасность! Вокруг вспыхивали тревожные огоньки. Трещали черные нити. Я впервые видела черное пламя.

— Как и мой муж, я служанка вашего величества.

Мои глаза приклеились к туфлям королевы. К счастью, там не было ничего интересного, что могло бы ожить.

— У меня, госпожа Ройдон, достаточно придворных и шутов. Не думай, что такими словами ты заработаешь себе место среди них. — Глаза Елизаветы угрожающе вспыхнули. — Не все мои осведомители доносят твоему мужу. Скажи, Тень, какое дело было у тебя к доктору Ди?

— Дело частного характера, — ответил Мэтью, с трудом сдерживаясь.

— Такого понятия не существует. Во всяком случае, в моем королевстве. — Елизавета пристально посмотрела на Мэтью. — Ты советовал мне не доверять мои тайны тем, кого ты предварительно не проверил на верность мне, — уже тише продолжала королева. — Моя верность, надо думать, сомнений не вызывает.

— Ваше величество, это дело частного характера между доктором Ди и мной, — сказал Мэтью, держась за свою легенду.

— Отлично, господин Ройдон. Раз ты намерен хранить свой секрет, я расскажу тебе о том, какое у меня дело к доктору Ди. Возможно, это развяжет тебе язык. Я хочу вернуть Эдварда Келли в Англию.

— Ваше величество, полагаю, он теперь сэр Эдвард, — поправил ее Берли.

— Где ты это слышал? — встрепенулась Елизавета.

— От меня, — спокойно ответил Мэтью. — Как-никак узнавать о подобных вещах — это моя работа. Зачем вам понадобился Келли?

— Он умеет изготавливать философский камень. Я не хочу, чтобы рецепт изготовления попал к Габсбургу.

— Так вы этого боитесь? — спросил Мэтью, явно почувствовав облегчение.

— Я боюсь умереть и оставить мое королевство в положении куска мяса, из-за которого будут грызться псы Испании, Франции и Шотландии, — сказала Елизавета, вставая с кресла и подходя к Мэтью.

Чем ближе она подходила, тем яснее становилась разница не только в росте, но и в силе. Я увидела маленькую женщину, вынужденную столько лет выдерживать превратности судьбы. И как только у нее хватает сил?

— Мне страшно подумать о том, что будет с моим народом, когда я покину этот мир. Каждый день я молю Бога о том, чтобы уберег Англию, а число бед не уменьшается.

— Аминь, — заключил Берли.

— Эдвард Келли — отнюдь не Божий ответ. Это я вам обещаю.

— Любой правитель, обладающий философским камнем, получает неисчерпаемый источник богатств. — Глаза Елизаветы вспыхнули. — Будь у меня побольше золота, я бы уничтожила испанцев.

— Если бы, да кабы, да во рту росли грибы, — ответил Мэтью.

— Ройдон, вы с королевой говорите, а не с вашими дружками, — предостерег Берли.

— Милорд, ее величество предлагает пуститься в плавание по опасным водам. Предостережения такого рода тоже входят в число моих обязанностей. — Чувствовалось, Мэтью обдумывает каждое слово. — Эдвард Келли — демон. Его алхимические занятия находятся в опасной близости от магии. Уолтер может это подтвердить. Конгрегация делает все, чтобы увлечение Рудольфа Второго оккультизмом не приняло опасный характер, как это произошло с королем Яковом.

— Яков имел полное право арестовать тех ведьм! — запальчиво произнесла Елизавета. — И если кто-то из моих подданных изготовит философский камень, я тоже имею полное право воспользоваться результатами его трудов.

— Когда Уолтер отправлялся в Новый Свет, вы с ним тоже торговались, выговаривая себе побольше выгоды? — спросил Мэтью. — Если бы он нашел в Виргинии золото, вы бы потребовали отдать все найденное вам?

— Я думаю, это было особым пунктом нашего соглашения, — сухо сказал Уолтер, но тут же поспешил добавить: — Но я, разумеется, с превеликой радостью передал найденное золото ее величеству.

— Я знала, что тебе, Тень, доверять нельзя. Ты находишься в Англии, чтобы служить мне. Однако ты работаешь и на свою Конгрегацию, как будто их желания важнее.

— У меня, ваше величество, как и у вас, одно желание: спасти Англию от беды. Если вы пойдете по пути короля Якова и начнете преследовать демонов, ведьм и *варгов* из числа ваших подданных, это принесет вам страдания. И Англии тоже.

— И что ты предлагаешь мне вместо этого? — спросила Елизавета.

— Я предлагаю заключить соглашение, весьма похожее на то, что вы заключили с Рэли. Я сделаю так, чтобы Эдвард Келли вернулся в Англию, где вы сможете отправить его в Тауэр и заставить сделать для вас философский камень. Если он в состоянии это сделать.

— А взамен?

Как-никак Елизавета была дочерью своего отца и знала: в жизни ничего не достается бесплатно.

— А взамен вы приютите на английской земле всех ведьм Берика, которых я сумею вызволить из Эдинбурга. Не насовсем. До тех пор, пока король Яков не излечится от своего безумия.

— Ни в коем случае! — заявил Берли. — Ваше величество, подумайте, как это повлияет на ваши отношения с Шотландией. Представляете, что́ будет, если вы откроете границу для полчищ шотландских ведьм?

— Нынче в Шотландии осталось не так уж много ведьм, — мрачно возразил Мэтью. — Я просил, я умолял вас, но вы тогда и слушать не захотели.

— Я искренне думала, Тень, что, пока ты в Англии, в число твоих обязанностей входит следить, чтобы твои люди не вмешивались в нашу политику. А если эти частные махинации выйдут наружу? Как ты объяснишь свои действия? — Королева буравила Мэтью своими черными близорукими глазами.

— Я, ваше величество, скажу так: «Каких странных сопостельников дает человеку нужда»[1].

С губ Елизаветы сорвался тихий возглас удивления.

— Для женщин это справедливо вдвойне, — сухо сказала она. — Что ж, мы договорились. Ты отправишься в Прагу и привезешь Келли. Госпожа Ройдон останется при дворе, будет прислуживать мне. Это ускорит твое возвращение.

— Моя жена не является частью нашего соглашения. И незачем отправлять меня в Богемию сейчас, в январе. Вы намерены вернуть Келли. Я позабочусь о том, чтобы ваше намерение исполнилось.

— Ты здесь не король! — Елизавета ткнула Мэтью пальцем в грудь. — Ты, господин Ройдон, отправишься туда, куда я тебя пошлю. А если откажешься, я брошу тебя и твою жену-ведьму в Тауэр за государственную измену. И за дела похуже. — Теперь глаза королевы сверкали жаждой мщения.

Кто-то скребся в дверь.

— Входи! — рявкнула Елизавета.

— Ваше величество, графиня Пемброк просит ее принять, — виноватым тоном доложил гвардеец.

— Божьи зубки! — выругалась королева. — Меня когда-нибудь оставят в покое? Пусть войдет.

В гостиную вплыла Мэри Сидни. В передней было холодно, в гостиной — душно. Разница температур создала ветер, развевающий подол платья графини. Остановившись посередине, Мэри сделала изящный реверанс, прошла еще немного и сделала второй, такой же безупречный.

— Здравствуйте, ваше величество, — произнесла Мэри, склонив голову.

— Что привело тебя ко двору, леди Пемброк?

— Ваше величество, когда-то вы великодушно разрешили обратиться к вам, если у меня возникнет настоятельная потребность.

---

[1] *Шекспир У.* Буря. Действие 2, сцена 2. Пер. Мих. Донского.

— Да, было такое, — сказала Елизавета, в голосе которой снова появилось раздражение. — Твой муж опять что-то натворил?

— Слава Богу, ничего. — Мэри поднялась. — Я пришла просить разрешения отправить госпожу Ройдон с важным поручением.

— Нашла кого отправлять, — поморщилась Елизавета. — От нее ни толку, ни пользы.

— Для моих экспериментов требуется особо прочное стекло. Такое делают только в мастерских императора Рудольфа. Жена моего брата... После смерти Филипа она вновь вышла замуж и теперь является графиней Эссекс. От нее я узнала, что господина Ройдона посылают в Прагу. С вашего разрешения, госпожа Ройдон поедет с ним и привезет то, что мне требуется.

— Напыщенный, глупый мальчишка! Совершенно не умеет хранить тайны. Обязательно нужно растрезвонить на весь свет. — Елизавета стремительно повернулась, блеснув обилием золотых и серебряных украшений. — Голову этому болтливому хлыщу отрубить мало!

— Когда мой брат умер, защищая ваше королевство, ваше величество обещали, что однажды окажете мне услугу. — Мэри безмятежно улыбнулась нам с Мэтью.

— И ты хочешь растратить столь драгоценный дар на эту парочку? — недоверчиво спросила Елизавета.

— Однажды Мэтью спас Филипу жизнь. Он мне как брат, — сказала Мэри, глядя на королеву с очаровательной улыбкой наивного ребенка.

— Умеешь ты, леди Пемброк, говорить гладко. Жаль, что мы редко видим тебя при дворе. — Елизавета взмахнула руками. — Хорошо. Я сдержу свое слово. Но я хочу, чтобы к середине лета Эдвард Келли был в Англии. И это должно быть сделано не кое-как, а в глубокой тайне. Никто в Европе не должен знать о моих замыслах. Ройдон, ты меня понял?

— Да, ваше величество, — сквозь зубы ответил Мэтью.

— Отправляйся в Прагу, и побыстрее. И возьми с собой жену, чтобы исполнила просьбу леди Пемброк.

— Благодарю вас, ваше величество.

На лице Мэтью я не видела даже наигранной радости. Вид у него был такой, будто он намеревался оторвать Елизавете Тюдор голову вместе с париком, под которым она прятала поредевшие волосы.

— И прочь с моих глаз, пока я не передумала! — Елизавета тяжело плюхнулась в кресло.

Лорд Берли легким кивком дал понять, что не стоит испытывать терпение королевы. Но Мэтью не мог уйти, не взяв хотя бы маленький реванш.

— Ваше величество, позвольте вас предостеречь. Вам не стоит доверять графу Эссексу.

— Знаю, господин Ройдон, тебе он не нравится. Уильяму и Уолтеру тоже. Но с ним я снова чувствую себя молодой. — Черные глаза Елизаветы вперились в Мэтью. — Когда-то этим занимался ты. Ты умел напомнить мне о счастливых временах. Теперь ты нашел себе другую, а я осталась одна.

— «Как тень моя, всегда любовь со мной. / Играет в прятки, в руки не идет, / Не отпускает, манит за собой...»[1] — тихо продекламировал Мэтью. — Ваше величество, я ваша Тень, и у меня нет иного выбора, как следовать за вашим повелением.

— Я устала, и мне не до поэзии, — демонстративно отвернулась Елизавета. — Оставьте меня!

— Ни в какую Прагу мы не поедем, — сказал Мэтью, едва мы вновь очутились на барке Генри и поплыли в Лондон. — Надо возвращаться домой.

— Если вы сбежите в Вудсток, королева все равно не оставит вас в покое, — справедливо заметила Мэри, кутаясь в меховое покрывало.

— Мэри, речь не о Вудстоке, — объяснила я. — Мэтью имеет в виду... дальше.

— А-а, — наморщила лоб графиня.

Затем ее лицо приняло непроницаемое выражение.

— Но мы подошли так близко к цели наших поисков, — сказала я. — Мы знаем, где находится манускрипт. Возможно, в нем мы найдем ответы на все наши вопросы.

— А возможно, обнаружим такую же чепуху, как в манускрипте, который видели в доме доктора Ди, — с раздражением бросил Мэтью. — Мы изберем другое направление действий.

---

[1] Стихи, написанные самой Елизаветой по случаю отъезда Франциска, герцога Анжуйского, за которого она в свое время собиралась замуж. Перевод Александры Петровой.

Однако позже Уолтер убедил Мэтью внимательно отнестись к словам королевы. Если мы ослушаемся ее приказа, она действительно бросит нас в Тауэр. Когда я рассказала Благочестивой Олсоп о поездке в Прагу, старуха отнеслась к этому так же, как и Мэтью.

— Вам нужно возвращаться в свое время, а не ехать в далекую Прагу. Даже если бы ты осталась здесь, понадобилось бы несколько недель, чтобы подготовить заклинание для отправки тебя в будущее. Пойми, Диана: магия имеет свои руководящие принципы и правила, о которых ты еще ничего не знаешь. Пока все твои достижения — это норовистая драконiха, свечение, выдающее тебя с головой, и склонность задавать вопросы, ответы на которые приносят больше вреда, чем пользы. Тебе недостает знаний на исполнение твоих замыслов.

— Обещаю: в Праге я продолжу обучение, — сказала я, беря сморщенные руки старухи в свои. — Мэтью заключил с королевой соглашение, которое может спасти жизнь десяткам ведьм. Мы с ним не можем разлучаться. Это очень опасно. Я не позволю ему в одиночку отправиться ко двору императора.

— Конечно, — печально улыбнулась Благочестивая Олсоп. — Пока твое тело дышит, ты не покинешь своего *варга*. Что ж, поезжай с ним. Но знай, Диана Ройдон: ты вступаешь на новую дорогу. Я не могу предсказать, куда она тебя приведет.

— Призрак Бриджит Бишоп сказал мне однажды: «Но будущего без него у тебя нет; он стоит на твоем пути, куда бы ты ни пошла». И когда я чувствую, как наши жизни сплетаются в неведомом, эти слова дают мне утешение, — попыталась я утешить старую ведьму. — Пока мы с Мэтью вместе, направление наших странствий значения не имеет.

Через три дня, в праздник святой Бригиты, мы отправились в долгий путь, чтобы встретиться с императором Священной Римской империи, найти вероломного английского демона и наконец-то хотя бы мельком взглянуть на «Ашмол-782».

Глава 26

Верен де Клермон сидела в своем берлинском доме и в недоумении смотрела на небольшую заметку в газете.

«ИНДЕПЕНДЕНТ»

1 февраля 2010 г.

Жительница графства Суррей неожиданно обнаружила у себя дома манускрипт, принадлежавший Мэри Сидни, талантливой поэтессе Елизаветинской эпохи и сестре сэра Филипа Сидни.

«Я нашла это возле нашего чердака, в старом сушильном шкафу, оставшемся от моей матери», — рассказала корреспонденту газеты шестидесятидвухлетняя Генриетта Барбер. По словам миссис Барбер, она решила убрать из шкафа материнские вещи и навести там порядок. Хозяйка дома сочла находку просто старой, потрепанной записной книжкой, в каких ведут дневники.

По мнению экспертов, на самом деле миссис Барбер нашла... алхимический лабораторный журнал, который графиня Пемброк вела на протяжении зимы 1590/91 г. Считалось, что научные записи графини погибли во время пожара, вспыхнувшего в Уилтон-Хаусе в XVII веке. Пока неясно, каким образом этот журнал попал в семью Барбер.

«Мы вспоминаем Мэри Сидни прежде всего как поэтессу, — заявил представитель аукционного дома „Сотбис", где в мае манускрипт будет выставлен на продажу. — Однако современники хорошо знали о ее страстном увлечении алхимией».

Манускрипт особо интересен тем, что в нем графиня вкратце упоминает о своем помощнике или помощнице. Описывая эксперимент, названный ею созданием дерева Дианы, Мэри Сидни упоминает, что ей ассистировал некто ДР. «Возможно, мы никогда не установим личность того, кто помогал графине Пемброк, — полагает историк Найджел Уорминстер из Кембриджского университета, —

однако сам манускрипт способен рассказать нам очень много о становлении экспериментальной базы в начинавшуюся эпоху научной революции».

— Что-то случилось, Schatz?[1] — спросил Эрнст Нейман, ставя перед женой бокал вина.

Для вечера понедельника она выглядела чересчур серьезной. Такой Верен бывала по пятницам.

— Ничего особенного, — торопливо ответила она, не поднимая глаз от газетных строчек. — Маленькое незавершенное семейное дельце.

— И в нем опять замешан Болдуин? Никак он сегодня потерял миллион евро?

Шурин отличался азартностью, и Эрнст никогда полностью ему не доверял. Болдуин учил Эрнста хитросплетениям международной торговли, когда тот был еще молодым парнем. Сейчас герру Нейману было около шестидесяти. Друзья завидовали, что у него такая молодая жена. Свадебные фотографии, где Верен выглядела как сейчас, а самому Эрнсту было двадцать пять, супруги надежно спрятали от посторонних глаз.

— Болдуин ни разу в жизни не терял миллион чего бы то ни было.

Получив столь уклончивый ответ, Эрнст поморщился. Он пододвинул к себе английскую газету и прочитал статью, почему-то заинтересовавшую жену.

— Неужели тебя интересует какая-то старая алхимическая дребедень?

— Дай я сначала позвоню, — все в той же уклончивой манере ответила Верен.

Руки Верен спокойно держали мобильный телефон, однако Эрнст поймал выражение ее глаз, имевших необычный серебристый цвет. Жена была рассержена, напугана и думала о прошлом. Эрнст вспомнил, где и когда он видел такое же выражение ее глаз. Это было за несколько мгновений до того, как Верен спасла ему жизнь, отшвырнув от своей мачехи.

— Ты звонишь Мелисандре?

— Изабо, — привычно поправила мужа Верен, нажимая кнопки.

---

[1] Сокровище мое *(нем.)*.

— Да, Изабо, — повторил Эрнст.

Неудивительно, что ему было трудно называть мачеху Верен именем, отличным от того, каким она сама назвалась, когда после Второй мировой войны убила отца Эрнста.

Соединение устанавливалось необычайно долго. В динамике слышались странные щелчки. Казалось, вызов Верен несколько раз переадресовывали. Наконец раздались длинные гудки.

— Кто звонит? — спросил молодой мужской голос.

Спросивший показался Эрнсту американцем. Возможно, и англичанином, но почти утратившим английскую манеру произношения.

Верен мгновенно оборвала соединение. Она бросила мобильник на стол и закрыла лицо руками:

— Боже мой! Это происходит на самом деле. Все так, как предсказывал отец.

— Ты меня пугаешь, Schatz, — признался Эрнст.

В жизни он повидал достаточно ужасов, но все они меркли по сравнению с теми, что терзали Верен в редкие моменты, когда она по-настоящему засыпала. Ее кошмарные видения, связанные с Филиппом... Этого было достаточно, чтобы всколыхнуть упорядоченную жизнь Эрнста.

— Кто тебе ответил по телефону?

— Совсем не тот, кого я рассчитывала услышать, — сказала Верен, поднимая глаза на мужа. — Мне должен был ответить Мэтью, а он не ответил. И я знаю причину: его здесь нет. Он там. — Верен покосилась на газету.

— Верен, ты говоришь какую-то бессмыслицу.

Эрнст начинал терять терпение. За все годы он так ни разу и не встретился со сводным братом жены — вечным нарушителем спокойствия, интеллектуалом и... паршивой овцой семейства де Клермон.

Верен уже набирала другой номер. На этот раз соединение произошло почти сразу.

— Итак, тетушка Верен прочитала сегодняшние газеты. А я уже несколько часов подряд жду, что ты позвонишь.

— Галлоглас, где ты сейчас находишься?

Ее племянник был вечным скитальцем. В прошлом он присылал открытки, где не было ничего, кроме телефонного номера. Номера принадлежали заправочным станциям или мотелям на

отрезках дорог, по которым он путешествовал: немецкий автобан, Шоссе 66 в Штатах, Тролльстиген в Норвегии, туннель Гуолян в Китае. Потом наступила эра мобильных телефонов, упростившая международные звонки. При наличии GPS и Интернета Верен могла установить местонахождение Галлогласа где угодно, хотя она и тосковала по открыткам.

— А нахожусь я где-то близ Уорнамбула, — уклончиво ответил Галлоглас.

— Тогда объясни, *где находится* этот чертов Уорнамбул? — потребовала Верен.

— В Австралии, — почти хором ответили ей Эрнст и Галлоглас.

— Никак я слышу мужской голос с немецким акцентом? Ты что, завела себе нового бойфренда? — решил подразнить тетку Галлоглас.

— Думай что говоришь, щенок! — огрызнулась Верен. — Ты хоть и числишься родственником, мне еще по силам разорвать тебе глотку. Это мой муж Эрнст.

Эрнст подался вперед и предостерегающе покачал головой. Он *не любил, когда его жена* устраивала поединки с вампирами-мужчинами. Правда, силой она превосходила многих из них. Заметив встревоженное лицо мужа, Верен отмахнулась, показывая, что беспокоиться не о чем.

Галлоглас засмеялся. Это несколько успокоило Эрнста.

— Значит, напуганная тетушка Верен удостоила меня звонком. Давно не слышал твоего голосочка. И не делай вид, будто удивлена статьей сильнее, чем я — твоим звонком.

— Я тогда отчасти надеялась, что он бредит, — призналась Верен.

Ей вспомнилась ночь, когда они с Галлогласом сидели у постели Филиппа и слушали его бессвязные фразы.

— И ты думала, что бред заразен, поэтому я тоже бредил? — усмехнулся Галлоглас.

Верен заметила, что по манере говорить племянник сейчас очень напоминал Филиппа.

— Да, я так думала, если хочешь знать правду.

Уж лучше поверить, что и племянник впал в бредовое состояние, чем допустить правдивость отцовских разговоров о возможности путешествовать во времени.

— Но ты в любом случае будешь придерживаться данных обещаний? — тихо спросил Галлоглас.

Верен колебалась. Ее замешательство длилось всего мгновение, но Эрнст это увидел. Верен всегда выполняла свои обещания. Давным-давно, когда Эрнст был испуганным мальчишкой, настолько испуганным, что весь сжимался от страха, Верен пообещала ему, что он обязательно вырастет во взрослого мужчину. С шести лет он крепко держался за это обещание, как и за все остальные, которые Верен делала потом.

— Ты еще не видела Мэтью с ней. Когда увидишь...

— Что тогда? Сочту Мэтью бóльшим источником бед, чем мне думалось ранее? Не сочту.

— Верен, дай ей шанс. Она ведь тоже дочь Филиппа. А у него по части женщин был превосходный вкус.

— Эта ведьма не настоящая его дочь, — быстро возразила Верен.

На дороге близ Уорнамбула Галлоглас плотно сжал губы, отказываясь отвечать на последнюю фразу Верен. Он допускал, что Верен знала о Диане и Мэтью больше, чем кто-либо в семье, однако сам он все же знал еще больше. Едва только пара вернется из прошлого, жди нескончаемых дебатов о вампирах и детях. Так зачем начинать спор раньше времени.

— И потом, Мэтью здесь нет, — сказала Верен, глядя на газету. — Я позвонила по номеру. Мне ответили, но не Болдуин.

«Так вот почему она так быстро прервала соединение», — подумал Эрнст. Если Мэтью по какой-либо причине не мог руководить братством, то номер передавался Болдуину, единственному из живущих ныне чистокровному сыну Филиппа. Номер появился давно, еще во времена первых телефонов. Филипп сам его выбрал: 917 — месяц и день рождения Изабо. Телефоны становились совершеннее, менялись сами принципы устройства телефонной связи на национальном и международном уровне, но сколько бы цифр ни добавлялось впереди, последние три оставались неизменными.

— Тебе ответил Маркус, — сказал Галлоглас, поскольку тоже звонил на фамильный номер.

— Маркус? — переспросила ошеломленная Верен. — Будущее де Клермонов зависит от Маркуса?

Второй раз имя сына Мэтью прозвучало в ее устах почти как ругательство.

— Тетушка Верен, дай и ему шанс. Он славный парень... Что же касается будущего семьи, оно зависит от всех нас. Филипп это знал, иначе не взял бы с нас обещания вернуться в Сет-Тур.

Филипп де Клермон оставил весьма четкие указания дочери и внуку. Он велел им ждать внешних признаков, подтверждающих его «бредовые» слова: историй о молодой американской ведьме, наделенной громадной силой, упоминания фамилии Бишоп, материалов об алхимии и, наконец, потока аномальных исторических открытий.

Тогда, но никак не раньше Галлогласу и Верен предписывалось вернуться в семейное гнездо де Клермонов. Филипп не пожелал сообщить, почему так важно, чтобы вся семья собралась вместе, но Галлоглас и так знал.

Галлоглас ждал несколько десятилетий. Затем он услышал истории о ведьме из Массачусетса по имени Ребекка. Она принадлежала к старинному роду ведьм, который вел свое начало от салемской ведьмы Бриджит Бишоп. Повсюду только и было разговоров о ее силе. Затем так же бурно обсуждалась весть о ее трагической гибели. У Ребекки осталась малолетняя дочь. Галлоглас разыскал девочку в северной части штата Нью-Йорк и начал издали наблюдать, как Диана Бишоп растет, лазает по лесенкам на детской площадке, ходит к подружкам на дни рождения, посещает школу. Потом школу сменил колледж. Незаметно подошла пора выпускных экзаменов. Галлоглас присутствовал на ее сдаче устного экзамена, испытывая чисто отцовскую гордость. Потом он часто стоял под колоколами Харкнесс-Тауэр в Йельском университете. Перезвон колоколов пронизывал его тело, а он смотрел, как молодой профессор Диана Бишоп идет по кампусу. Ее одежда была другой, но решительная походка и горделивый разворот плеч оставались неизменными что в платье с кринолином и гофрированным воротником, что в джинсах и неприметной мужской куртке.

Галлоглас старался держаться на расстоянии, но порой приходилось вмешиваться. Например, в тот день, когда ее энергия притянула демона и тот двинулся за ней по пятам. Галлоглас гордился, что ему хватает выдержки, чтобы не помчаться по ступеням

Харкнесс-Тауэр, не заключить профессора Бишоп в объятия и не сказать, как же он рад ее видеть после стольких лет.

Когда Галлоглас узнал, что Изабо срочно вызвала Болдуина в Сет-Тур по делу, касающемуся Мэтью, он понял: еще немного — и исторические аномалии посыплются как из рога изобилия. Он читал сообщение о находке двух портретных миниатюр Елизаветинской эпохи, неизвестных ученым и искусствоведам. Когда Галлогласу удалось добраться до «Сотбиса», миниатюры уже были проданы. Он не на шутку испугался, что они могут попасть не в те руки. Но он недооценил Изабо. Утром, во время разговора с Маркусом, сын Мэтью подтвердил, что миниатюры благополучно нашли пристанище на письменном столе Изабо. Прошло более четырехсот лет с тех пор, как Галлоглас спрятал портреты в одном шропширском доме. Как славно будет снова взглянуть на них, а потом и на тех, с кого они писались!

А пока Галлоглас готовился к надвигающемуся шторму испытанным способом: путешествиями, перемещаясь на дальние расстояния с максимально возможной скоростью. Прежде это были путешествия по морю и железным дорогам. Нынче Галлоглас предпочитал мотоцикл, серпантины горных дорог и каменистые склоны. Ветер шумел в его всклокоченных волосах. Воротник кожаной куртки был поднят, закрывая шею, которая никогда не покрывалась даже легким загаром. Так Галлоглас готовился явиться по зову долга и исполнить обещание, данное еще в седой древности: защищать де Клермонов, чего бы это ни стоило.

— Галлоглас? Ты еще на линии? — послышался из динамика голос Верен, выбивая ее племянника из раздумий.

— Да, тетушка.

— Когда ты отправишься?

Верен вздохнула, подперев рукой голову. Она не решалась взглянуть на Эрнста. Бедняга Эрнст! Он сознательно женился на вампирше, поскольку Верен затмила ему всех остальных женщин. И все же как опрометчиво он впутался в многовековое повествование, где немыслимым образом переплетались кровь и желание. У Верен даже мелькнула мысль не поехать. Но когда-то она пообещала отцу, и хотя Филипп был мертв, ей впервые не захотелось его огорчать.

— Я сказал Маркусу, чтобы ждал меня послезавтра.

Галлоглас не собирался говорить, что обрадован теткиным решением. Верен тоже не горела желанием признаваться, что у нее остаются сомнения по части обещания, данного отцу.

— Тогда до встречи.

Верен прикинула, сколько времени у нее остается. Достаточно, чтобы подготовить Эрнста. Вряд ли он обрадуется, когда узнает, что его ждет пребывание под одной крышей с Изабо.

— Благополучного тебе путешествия, тетушка Верен, — успел сказать Галлоглас.

Верен отключилась. Галлоглас убрал мобильник в карман и стал глядеть на море. Когда-то он потерпел кораблекрушение, и его выбросило на берег в этой части Австралии. Волна унеслась обратно в море, а он стоял, любуясь здешними красотами. Тогда он чувствовал себя водяным, нашедшим на суше спасение от бури и обнаружившим, что способен жить на твердой земле. Галлоглас потянулся за сигаретами. Как и езда на мотоцикле без шлема, курение было выражением его презрительного отношения к вселенной, которая одной рукой подарила ему бессмертие, а другой безжалостно отбирала всех, кого он любил.

— Ты ведь и сигареты у меня отберешь? — спросил у ветра Галлоглас.

В ответ ветер вздохнул. Мэтью и Маркус были очень решительно настроены против пассивного курения. По их мнению, если курение не причиняло вреда вампирам, это еще не означало, что можно потворствовать его губительному воздействию на людей.

— Если мы их убьем, чем будем питаться? — с несокрушимой логикой спрашивал Маркус.

В устах вампира это звучало весьма странно, но Маркус отличался подобными странностями, и Мэтью был немногим лучше. Галлоглас объяснял это избыточным образованием, полученным обоими.

Докурив сигарету, он снова полез в карман за кожаным мешочком. Там лежали двадцать четыре кругляша шириной в один дюйм и толщиной в четверть дюйма. Галлоглас нарезал их из ветки ясеня, что рос возле дома его предков. На каждом был выжжен символ — буква алфавита древнего языка, на котором давно уже никто не говорил.

Еще до встречи с Дианой Бишоп Галлоглас уважительно относился к магии. На земле и в водной стихии существовали силы, природу которых не понимал никто. Когда они появлялись, Галлоглас старался смотреть в другую сторону. Но он не мог отучиться от привычки вопрошать руны. Руны помогали ему плыть по коварным водам судьбы.

Галлоглас запустил руку в мешочек. Некоторое время его пальцы просто перебирали руны. Ему хотелось знать, совпадет на этот раз путь де Клермонов с течением судьбы или им придется двигаться против течения?

Когда пальцы успокоились, Галлоглас вытащил первую руну, показывающую нынешнее положение дел. *Наутиз* — руна отсутствия и желания. Галлоглас снова запустил руку в мешочек. Вторая руна должна была показать ему желаемое направление будущего. Он вытащил *Отилию* — символ дома, семьи и наследия. Галлоглас полез за последней руной. Она отвечала на вопрос, как ему исполнить снедавшее его желание воссоединиться с семьей.

Райдо. Противоречивая руна, обозначавшая как прибытие, так и отправление, начало путешествия и его конец, первую встречу и долгожданное воссоединение. Галлоглас зажал руну в кулаке. На этот раз ее смысл был ему ясен.

— И тебе, тетушка Диана, благополучного пути. И приведи обратно моего дядю, — сказал Галлоглас, обращаясь к морю и небу.

Потом он сел на мотоцикл, завел мотор и помчался в будущее, которое уже не мог ни представить, ни отодвинуть.

ЧАСТЬ IV

ИМПЕРИЯ. ПРАГА

Глава 27

— Где мои красные чулки?

Мэтью стремительно сбежал по лестнице и теперь хмурился на сундуки, расставленные по всему первому этажу. Путь из Лондона в Прагу занял у нас четыре недели. Где-то на середине этого срока настроение Мэтью начало ухудшаться. Достигнув Гамбурга, мы временно расстались с Пьером, детьми и багажом. Вдобавок мы потеряли десять дней, переместившись из Англии в католическую страну, где действовал новый календарь. В Праге сегодня было одиннадцатое марта, и когда сюда доберется Пьер с нашими подопечными, мы не знали.

— В этом хаосе я никогда не найду их! — проворчал Мэтью, срывая досаду на одной из моих нижних юбок.

Несколько недель нам пришлось довольствоваться содержимым одного дорожного сундука и седельных сумок. Остальные наши пожитки прибыли лишь через три дня после того, как мы поселились в высоком узком доме. Он стоял на улице, круто поднимавшейся вверх, к самому Пражскому Граду. Улица называлась Шпаренгассе. Немцы, жившие в Праге, не напрасно дали ей такое название — Шпорная улица. Единственный способ заставить лошадь двигаться по этой улице вверх — это хорошенько ее пришпорить.

— Не знала, что у тебя есть красные чулки, — сказала я, поднимая голову от сундука.

— Представь себе, есть, — буркнул Мэтью, роясь в сундуке с моим бельем.

— Здесь ты их точно не найдешь, — изрекла я очевидную истину.

— Я уже везде смотрел, — оскалил зубы мой любимый вампир.

— Подожди. Я их найду, — пообещала я, глядя на его куда более пристойные черные узкие штаны. — Но зачем тебе понадобились красные чулки?

— Ими я собираюсь привлечь внимание императора Священной Римской империи! — Мэтью остервенело запустил руки в очередную кипу моей одежды.

Чулки кроваво-красного цвета способны были привлечь внимание не только скучающих придворных, если учесть, что эти чулки собирался надеть вампир ростом шесть футов и три дюйма и что больше половины роста приходилось на его ноги. Однако Мэтью всерьез решил осуществить свой более чем странный замысел. Я сосредоточилась, попросив, чтобы чулки показались. Затем я посмотрела, как поведут себя красные нити в моей ведьминой шкатулке. Возможность находить людей и предметы была дополнительным преимуществом прядильщиц. За время нашего путешествия я несколько раз им воспользовалась.

— Кстати, посланец моего отца уже прибыл? — спросил Мэтью.

Белоснежная гора между нами стала выше на одну юбку. Поиски продолжались.

— Да. Оставил для тебя пакет.

Я открыла сундук, почему-то ускользнувший от внимания мужа. Там лежали кольчужные рукавицы, щит с двуглавым орлом и какая-то изящная инкрустированная вещица в виде палочки с чашечкой на конце. Торжествуя, я извлекла из сундука длинные красные чулки.

— Нашла! — крикнула я, размахивая находкой.

Но Мэтью напрочь позабыл про свои лихорадочные поиски чулок. Все его внимание сосредоточилось на содержимом отцовского пакета. Мне стало любопытно, и я заглянула через плечо.

— Это что... Босх?

Творчество Иеронима Босха было мне знакомо, поскольку его картины причудливым образом наполняли алхимические предметы и символы. На его полотнах запросто летали рыбы, насекомые достигали гигантских размеров, как и обычные предметы. Такими же были и предметы домашнего обихода, а фрукты приобретали откровенно эротические очертания. Задолго до появления психоделического направления в искусстве Босх видел мир в ярких красках и немыслимых сочетаниях.

Однако вещь, присланная Филиппом, как и полотна Гольбейна, которые я видела у Мэтью в Олд-Лодже, была мне незнакома. Отец прислал ему триптих, написанный на досках, соединенных петлями. Предназначенный для алтаря, триптих открывался лишь на время особых религиозных церемоний. В остальное время он находился в закрытом состоянии. Подобные триптихи были интересны не только своей внутренней, но и внешней стороной, но в современных музеях ее редко удавалось увидеть. Представляю, какие шедевры были скрыты от глаз зрителей.

Художник покрыл внешние стороны досок триптиха бархатистой черной краской. В свете луны сверкало высохшее дерево. Возле его корней сидел на задних лапах маленький волк, а на вершине устроилась сова. Птица и зверь смотрели на зрителя, будто все знали о нем. В сумраке, окружавшем дерево, светилось не менее дюжины пар других глаз — призрачных, но не менее внимательных. Позади мертвого дуба виднелись обманчиво живые деревья с бледными стволами и переливчатыми зелеными листьями на ветвях. Они добавляли света всей картине. Присмотревшись, я увидела на этих деревьях уши, будто они вслушивались в звуки ночи.

— Что означает эта аллегория? — спросила я, изумленно глядя на триптих Босха.

Мэтью теребил завязки своего дублета.

— Это живописное воплощение старой фламандской поговорки: «У леса есть глаза, а у деревьев уши, и потому смотри, молчи и слушай».

Слова поговорки точно описывали тайную жизнь, которую вел Мэтью. Они напомнили мне нынешний девиз королевы Елизаветы.

Внутренняя часть триптиха состояла из трех взаимосвязанных сцен. На левой доске Босх изобразил падших ангелов, выбрав тот же бархатисто-черный фон. При беглом взгляде они скорее походили на стрекоз с двойными мерцающими крыльями. Но у ангелов были человеческие тела, а их странно вывернутые ноги показывали, что ангелы упали из небесных высей. На правой доске мертвые восставали для Страшного суда. Здесь они выглядели куда более удручающими, чем на фресках в Сет-Туре. Разинутые пасти рыб и волков олицетворяли входы в ад. Они втягивали грешников, обреченных на вечные муки и страдания.

Центральная часть триптиха показывала совсем другую реальность. На ней воскресший Лазарь спокойно выходил из гроба. У него были длинные ноги, темные волосы и серьезное лицо, весьма похожее на лицо Мэтью. Центральную доску окаймляли иссохшие ветви виноградных лоз, дающих странные плоды, перемежающиеся не менее странными цветами. С некоторых капала кровь. Из других выходили люди и животные. Иисуса ни рядом с Лазарем, ни в отдалении не было.

— Лазарь лицом похож на тебя. Теперь понятно, почему ты не хочешь отдавать триптих Рудольфу, — сказала я, подавая мужу красные чулки. — Должно быть, Босх знал и о твоей вампирской натуре.

— Иероним — латинизированное имя. Его настоящее имя было Ерун. Так вот, Ерун увидел то, чего не должен был увидеть, — угрюмо произнес Мэтью. — Я и не подозревал об этом, пока он не показал мне свои эскизы. Там он изобразил меня пьющим кровь у своей жертвы. С того дня Босх поверил, что все люди обладают двойственной природой, сочетающей человеческое и животное начала.

— И отчасти растительное, — сказала я, глядя на странную женщину с триптиха.

Головой ей служила большая ягода земляники, а руками — две вишни. Женщина убегала от дьявола с вилами, на голове которого вместо шляпы художник изобразил аиста.

— Босх знал, что ты вампир. Елизавета тоже это знает. А Рудольф?

Скольким же людям известна тайна Мэтью? От этих мыслей мне становилось все тревожнее.

— Да. Император знает, кто я, а также о моем членстве в Конгрегации. — Мэтью связал чулки в узел. — Спасибо, что нашла.

— Еще я хочу знать, нет ли у тебя обыкновения терять ключи от машины. Я просто не выдержу ежедневной паники по утрам, когда тебе нужно ехать на работу, а ключи опять куда-то запропастились.

Я обняла Мэтью за талию и прижалась щекой к сердцу. Медленное, ритмичное биение его сердца всегда успокаивало меня.

— И что тогда? Разведешься со мной?

Мэтью тоже обнял меня и упер подбородок в мой затылок. Сейчас мы олицетворяли собой идеальную влюбленную пару.

— Ты говорил, что вампиры не разводятся. — Я сжала его талию. — Кстати, в этих красных чулках ты будешь похож на персонаж комикса. На твоем месте я бы целиком облачилась в черное. Не волнуйся, тебя обязательно заметят.

— Ну ты и ведьма! — выдохнул Мэтью, поцеловав меня в затылок.

На аудиенцию к императору он все-таки отправился в черных чулках. Мэтью сочинил длинное витиеватое послание (частично в стихах), предлагая Рудольфу замечательную книгу для императорской коллекции... Спустя четыре часа Мэтью вернулся с пустыми руками. Послание принял у него какой-то приближенный императора. Вместо немедленной аудиенции Мэтью заставили ждать вместе с другими иностранными послами.

— Меня давно не окружало столько теплокровных. Создалось ощущение, что я нахожусь в вагоне для перевозки скота. Я пробовал выбраться на воздух, но все соседние помещения были полны ведьм.

— Ведьм? — удивленно переспросила я, спрыгивая со стола.

Стол мне понадобился, чтобы встать вровень с верхом платяного шкафа и благополучно спрятать там меч Мэтью. Необходимая мера предосторожности, памятуя о скором появлении Джека.

— Их там были десятки, — продолжал Мэтью. — Сетовали на происходящее в Германии... А кстати, где носит Галлогласа?

— Отправился купить яиц, а заодно найти нам повара и домоправительницу.

Франсуаза наотрез отказалась ехать с нами в Центральную Европу, заявив, что ей нечего делать в стране лютеранских безбожников. Она вернулась в Олд-Лодж, где никто и ничто не мешало ей ублажать Шарля. Пока не приехали остальные, Галлоглас исполнял обязанности моего пажа и мальчика на побегушках. Он прекрасно говорил по-немецки и по-испански, что делало его просто незаменимым во всех вопросах обустройства нашего пражского быта.

— Расскажи еще о ведьмах, — попросила я.

— Прага — тихая гавань для всех нечеловеческих существ Центральной Европы, опасающихся за свою безопасность. Здесь спокойно относятся к демонам, вампирам и ведьмам. Ведьмы имеют при дворе Рудольфа режим наибольшего благоприятство-

вания, поскольку император завидует их знаниям и магической силе.

— Интересно, — пробормотала я. Стоило мне задуматься о ведьмах, как мой третий глаз увидел вереницу лиц. — Кто этот рыжебородый колдун? И ведьма, у которой один глаз голубой, а другой зеленый?

— Мы не собираемся задерживаться здесь надолго, и потому не так уж важно, кто они, — угрюмо отмахнулся Мэтью, снова направляясь к двери.

Сочтя сегодняшнюю часть поручения Елизаветы выполненной, мой муж отправился по делам Конгрегации на противоположный берег Влтавы, в Старе Место.

— Я вернусь еще засветло. Никуда не уходи до возвращения Галлогласа. Не хватало еще, чтобы ты заблудилась.

Я сразу уловила подтекст: Мэтью не хотелось, чтобы я наткнулась на ведьм.

Галлоглас вернулся на Шпаренгассе со сдобным кренделем в руках, приведя с собой двух вампиров. Крендель он отдал мне, кратко представив моих новых служанок.

Каролина (повариха) и Тереза (домоправительница) принадлежали к обширному клану богемских вампиров, служащих местной аристократии и важным иностранным гостям. Подобно домашним слугам де Клермонов, свою репутацию и необычайно высокое жалованье они заработали благодаря десяткам лет службы и собачьей преданности. За соответствующую плату мы купили у главы клана обещание хранить в тайне наше пребывание и все, что происходит внутри нашего дома. Обеих женщин глава клана переместил к нам из дома папского посла. Тот любезно согласился из уважения к семейству де Клермон. Как-никак это семейство существенно повлияло на исход недавних выборов нового папы, и посол знал, кто исполнил роль десницы Божьей. Меня интересовало лишь умение Каролины готовить омлет.

Наш пражский быт более или менее наладился. Каждое утро Мэтью отправлялся по крутой улице в замок. Я продолжала разбирать привезенные вещи и знакомилась с соседями. Квартал, примыкавший к замку, назывался Мала Страна. Мне недоставало жизнерадостности Энни и ее искренней готовности снова и снова удивляться миру. Скучала я и по Джеку, умевшему виртуозно вля-

паться в какую-нибудь историю. На нашей крутой, извилистой улице было полным-полно детей всех возрастов и национальностей, поскольку здесь жили почти все иностранные послы. Оказалось, Мэтью не единственный иностранец в Праге, проживающий под носом у императора. Практически все, кого я, сопровождаемая Галлогласом, встречала на улице, рассказывали об особенностях императора. Император нередко заставлял важных персон томиться в ожидании, чтобы провести несколько часов в обществе немногословного итальянского антиквара или скромного саксонского рудокопа.

Первый день весны близился к вечеру. В доме вкусно пахло свининой и клецками, когда я услышала знакомый вопль:

— Госпожа Ройдон! — Джек крепко обнял меня, уткнувшись лицом в мой корсаж. — А вы знаете, что Прага состоит из четырех городов? Лондон — всего из одного. Но здесь тоже есть и замок, и река. Завтра Пьер покажет мне водяную мельницу.

— Здравствуй, Джек, — сказала я, ероша волосы мальчишки.

Даже во время нашего нелегкого путешествия в Прагу, когда мы часто страдали от холода, Джек ухитрился подрасти. Должно быть, Пьер его безостановочно кормил. Я подняла голову. Рядом стояли Энни и Пьер.

— Мэтью обрадуется вашему приезду. — Я улыбнулась. — Он скучал без вас.

— И мы по нему тоже скучали, — сказал Джек.

Он запрокинул голову. Только сейчас я заметила под его глазами темные круги. Роста в нем прибавилось, но выглядел он вялым.

— Ты никак заболел? — спросила я, дотрагиваясь до его лба.

Здешний климат не отличался мягкостью, и простуды могли вызвать серьезные осложнения. Говорили, что в Старе Месте свирепствует эпидемия. Мэтью предположил грипп.

— Джек плохо спит по ночам, — тихо пояснил Пьер.

Сказано это было серьезным тоном и намекало на некую причину, вызывающую бессонницу у восьмилетнего мальчика, но все расспросы я оставила на потом.

— Зато сегодня ты отлично выспишься. В твоей комнате стоит большая кровать с периной. Тереза проводит тебя туда, покажет, где лежат твои вещи, и умоет перед ужином.

Чтобы не будоражить вампиров, мы разместили Энни и Джека на третьем этаже, где находились и наши комнаты. Поскольку дом не отличался просторностью, на первом этаже размещались только кухня и кладовая. Комнаты второго этажа предназначались для официальных приемов. На третьем, как я уже сказала, обитали мы и дети. Вотчиной вампиров был четвертый, мансардный этаж с великолепным видом на Прагу и открывающимися окнами, которые давали доступ природным стихиям.

— Господин Ройдон! — закричал Джек.

Раньше чем Тереза успела поймать его за руку, он бросился к двери. Я не представляла, как он сумел разглядеть возвращающегося Мэтью. За окном спустились сумерки, отчего темно-серая одежда моего мужа вообще становилась незаметной.

— Осторожнее! — воскликнул Мэтью.

Он успел поймать Джека, иначе мальчишка ударился бы о твердые как камень вампирские ноги. Галлоглас, вернувшийся вместе с Мэтью, успел сорвать с головы Джека шапку и взъерошить давно не мытые волосы.

— Мы чуть не замерзли на реке. Однажды сани перевернулись, но собака не пострадала. Я ел жареного кабана. Когда ехали в повозке, у Энни юбка попала в спицы колеса, и она едва не вывалилась. — Джек торопился сообщить все обстоятельства их путешествия. — А еще я видел пылающую звезду. Она была не очень большая, но Пьер сказал, что, когда вернемся домой, нужно обязательно рассказать об этом мастеру Хэрриоту. Я для него рисунок сделал.

Джек сунул руку в замызганный дублет и достал оттуда не менее замызганный клочок бумаги. Бумагу он передал Мэтью с необычайной торжественностью, словно это была священная реликвия.

— Хороший рисунок, — сказал Мэтью, внимательно разглядывая произведение Джека. — Мне нравится, как ты изобразил хвост звезды. Смотрю, ты нарисовал вокруг и другие звезды. Умница, Джек. Мастер Хэрриот будет доволен твоей наблюдательностью.

Джек покраснел:

— Это был мой последний лист бумаги. В Праге можно купить бумагу?

В Лондоне Мэтью каждое утро снабжал Джека клочками и обрывками бумаги. Я и представить себе не могла, на что он их расходует.

— Бумаги здесь предостаточно, — успокоил Джека Мэтью. — Завтра Пьер сводит вас в лавку в Мала Стране.

После столь волнующего обещания загнать детей на третий этаж казалось непосильной задачей. И все же Тереза, точно дозируя ласку с понуканием, добилась желаемого. Теперь четверо взрослых могли свободно разговаривать.

— Джек что, заболел? — спросил у Пьера Мэтью.

— Нет, милорд. С тех пор как мы с вами простились, у него нарушился сон. — Пьер замялся. — Думаю, его донимают злые силы из прошлого.

Мэтью перестал хмуриться, но тревога не покинула его лицо.

— В остальном ваше путешествие было вполне ожидаемым?

Мэтью был в своем репертуаре, пытаясь осторожно выведать, не нарывались ли наши путешественники на разбойников или существ иной природы.

— Оно было долгим и холодным, — обыденным тоном ответил Пьер. — А дети постоянно просили есть.

— Чего и следовало ожидать, — покатился со смеху Галлоглас.

— А вы, милорд? — Пьер украдкой поглядел на хозяина. — Прага такая, какой вы ожидали ее увидеть?

— Рудольф до сих пор не удостоил меня аудиенцией. Если верить слухам, Келли обитает где-то на верхних этажах Пороховой башни, окруженный перегонными кубами и неведомо чем еще.

— А Старе Место? — осторожно спросил Пьер.

— Почти не изменилось. — Легкомысленность и небрежность, звучавшие в тоне Мэтью, подсказывали, что он чем-то встревожен.

— Почти не изменилось, пока ты не обращаешь внимания на слухи из Еврейского города. Один из тамошних колдунов создал глиняного человека, который ночами разгуливает по улицам, — сказал Галлоглас, с детской невинностью глядя на дядю. — А в остальном ничуть не изменился с тех пор, как мы были здесь в тысяча пятьсот сорок седьмом году, помогая императору Фердинанду наводить порядок.

Чтобы слепить глиняного человека и заставить его двигаться, требовалось нечто большее, чем обычные заклинания. Я истолко-

вала слухи по-своему: где-то в Праге есть такой же прядильщик, как я, способный перемещаться между мирами живых и мертвых. Мне даже не понадобилось выведывать у Мэтью этот секрет. Его племянник услужливо все выдал сам.

— Неужели ты думал, что сможешь утаить от тетушки сведения о глиняном человеке? — Галлоглас недоверчиво покачал головой. — Ты мало бываешь на рынке. Женщины Мала Страны знают обо всем, включая меню императорского завтрака и то, что он отказал тебе в аудиенции.

Мэтью провел рукой по черной поверхности сложенного триптиха и вздохнул:

— Пьер, придется тебе отнести в замок еще один мой подарок.

— Но это же запрестольный образ из Сет-Тура, — возразил Пьер. — Император известен своей осторожностью. Он обязательно вас примет. Нужно лишь немного обождать.

— Нас поджимает время. А запрестольных образов у де Клермонов полным-полно, — с нескрываемой грустью произнес Мэтью. — Я сейчас напишу императору сопроводительную записку, и ты пойдешь в замок.

Вскоре после этого Пьер послушно отправился с триптихом в замок, откуда, как и хозяин, вернулся с пустыми руками. Никаких уверений об аудиенции ему не дали.

Меж тем нити, соединявшие миры, меняли свое положение и сплетались в крупный узор, превосходящий мое понимание. Но в Праге что-то происходило, и я это чувствовала.

Ночью я проснулась от негромких голосов. Они доносились из комнаты, примыкавшей к спальне. Когда я засыпала, Мэтью обычно лежал рядом и читал. Сейчас его не было. Я тихо подошла к двери, желая узнать, с кем же он разговаривает.

— Скажи, что́ происходит, когда я затеняю эту сторону лица монстра?

Рука Мэтью быстро двигалась над большим листом бумаги.

— Кажется, что он отдаляется, — прошептал Джек, завороженный разительной переменой.

— А теперь попробуй ты.

Мэтью подал Джеку перо. Джек сосредоточенно сжал перо, высунув от усердия язык. Мэтью растирал ему спину, расслабляя мышцы тощего мальчишеского тела. Джек стоял на коленях, крепко прислонившись к могучему телу вампира.

— Надо же, сколько монстров, — пробормотал Мэтью, взглянув на меня.

— Может, вы своих нарисуете? — Джек пододвинул бумагу к Мэтью. — Тогда и вы спать будете.

— Твои чудовища распугали всех моих, — сказал Мэтью, поворачиваясь к Джеку.

Лицо мужа было мрачным. У меня сжалось сердце: сколько же тягот выпало на долю Джека, которому не исполнилось и десяти!

Мэтью снова посмотрел на меня и легким движением головы показал, что полностью контролирует ситуацию. Я послала ему воздушный поцелуй и вернулась в теплую, мягкую постель.

На следующий день мы получили ответ императора. Послание было запечатано толстой восковой печатью, из-под которой торчали ленточки.

— Ваше подношение возымело действие, милорд, — сказал Пьер, словно извиняясь за свое недоверие.

— Похоже. Я любил этот триптих. Теперь придется потратить уйму времени, чтобы вернуть его назад.

Мэтью откинулся на спинку стула, и тот жалобно заскрипел. Мэтью сломал печать и развернул послание императора. Ровные аккуратные строчки изобиловали завитушками-росчерками, но я так и не смогла прочесть ни слова.

— А почему почерк такой цветистый? — поинтересовалась я.

— Семейство Хуфнагель прибыло из Вены и не знает, чем заполнить время. Чем диковиннее почерк, тем лучше для его величества, — ответил Пьер.

Его ответ был таким же непонятным, как и строчки письма.

— Сегодня Рудольф соизволит меня принять, — удовлетворенно улыбаясь, пояснил Мэтью, складывая письмо. — Отец будет доволен. Он прислал деньги и драгоценные камни, но, похоже, на этот раз де Клермоны отделаются малой кровью.

Пьер подал Мэтью второе письмо, вдвое меньше первого. Имя адресата было написано более простым и понятным почерком.

— Это император добавил собственноручно.

Я снова заглянула через плечо Мэтью.

«Bringen das Buch. Und die Hexe». Внизу стояла императорская подпись: тщательно вырисованное R, петли в буквах d и l и двойное f в конце.

Даже с моим зачаточным знанием немецкого я поняла содержание записки: «Захватите книгу. И ведьму».

— Я поторопился, — пробормотал Мэтью.

— Говорил тебе, чтобы предложил Рудольфу другую наживку — большое полотно с Венерой Тициана. Дед забрал картину у короля Филипа, когда королева сочла картину слишком откровенной, — сказал Галлоглас. — А Рудольф, как и его дядюшка, всегда питал слабость к рыжим. И к пикантным картинам.

— А еще к ведьмам, — почти шепотом добавил мой муж, швыряя письмо на стол. — Он не на триптих попался. На Диану. Пожалуй, я отклоню приглашение.

— Дядя, тебе приказывают явиться, — сказал Галлоглас.

— Рудольф владеет «Ашмолом-782», — напомнила я. — Манускрипт не появится перед «Тремя во́ронами» на Шпаренгассе. Мы должны его найти.

— Уж не нас ли вы называете во́ронами? — спросил Галлоглас, делая вид, будто обижен.

— Я говорю о знаке на доме, тупица.

Подобно всем домам на этой улице, наш имел не только номер, но и символ над входной дверью. После пожара, случившегося в середине XVI века, дед императора повелел найти другой способ различать дома, помимо украшений в стиле сграффито[1].

— Я прекрасно понимаю, о чем вы говорите, — улыбнулся Галлоглас. — Но я обожаю смотреть, как от вас исходит яркое магическое свечение.

Я тут же прошептала маскирующее заклинание, сделав свечение незаметным для человеческих глаз.

— И потом, — продолжал Галлоглас, — для моего народа сравнение с вороном звучит как комплимент. Я стану Мунином, Мэтью мы назовем Хугином. А вам, тетушка, дадим имя Гёндуль. Из вас получится потрясающая валькирия.

— О чем он говорит? — спросила я Мэтью.

— О во́ронах Одина. И о его дочерях.

— Спасибо, Галлоглас, — пробормотала я.

Не так уж плохо, когда тебя уподобляют дочери бога.

---

[1] *Сграффито* — вид отделки, выполняемый нанесением на грунт двух и более различных по цвету слоев с последующим частичным процарапыванием по заданному рисунку.

— Даже если у Рудольфа действительно находится «Ашмол-782», мы не знаем, действительно ли в манускрипте содержатся ответы на наши вопросы.

Мэтью до сих пор помнил печальный опыт расшифровки манускрипта Войнича.

— Историки никогда не обольщаются насчет ответов в том или ином манускрипте, — ответила я. — Если мы их там не найдем, наши вопросы станут точнее и осмысленнее.

— Намек понят. — Мэтью скривил губы. — Поскольку без тебя я не смогу увидеть ни императора, ни его библиотеки, а ты не уедешь из Праги без книги, придется исполнить повеление Рудольфа. Мы отправимся к нему в гости.

— Дядя попался в собственную ловушку, — радостно произнес Галлоглас и подмигнул мне.

По сравнению с путешествием в Ричмонд путь до замка занимал считаные минуты, словно мы отправлялись к соседям одолжить миску сахара. Однако наша цель была более серьезной целью, да и одежда требовалась приличествующая событию. К счастью, мы с любовницей папского посла имели почти одинаковые фигуры. В ее гардеробе нашлось достаточно роскошной одежды, достойной жены высокопоставленного английского сановника или представительнице семьи де Клермон. Мне понравилось, как одеваются состоятельные пражские женщины. Они носили простые платья с высокими воротниками и юбками-колокол. Платья дополнялись вышитыми плащами с длинными рукавами, отороченными мехом. Плащи имели небольшие воротники, дополнительно защищавшие шею от холода и ветра. Мне это особенно нравилось.

Мэтью благополучно оставил в покое красные чулки. Он надел черное и серое, добавив темно-зеленый цвет, который ему очень шел. Сегодня зеленые сполохи мелькали в разрезах его раздутых по моде штанов. Из открытого ворота виднелась рубашка.

— Ты выглядишь восхитительно, — сказала я, оглядев мужа с головы до ног.

— А у тебя вид настоящей богемской аристократки, — ответил он, целуя меня в щеку.

— Теперь можно выходить? — спросил Джек, извертевшийся от нетерпения.

Ему раздобыли серебристо-черную ливрею, а на рукав прикрепили эмблему с крестом и полумесяцем.

— Значит, мы отправляемся к императору как де Клермоны, а не как Ройдоны, — сказала я.

— Нет. Мы Мэтью и Диана Ройдон. Мы всего лишь путешествуем со слугами семейства де Клермон.

— Это же всех собьет с толку, — сказала я, выходя из дому.

— Непременно, — подмигнул мне Мэтью.

Будь мы просто обывателями, поднялись бы по новым ступенькам, которые вели к парапетам, обеспечивая удобный проход для пешеходов. Но посланцам английской королевы надлежало передвигаться верхом, что мы и сделали, заставив лошадей тащиться вверх по Шпаренгассе. Эта нелепая поездка имела и свои преимущества: высота лошадиной спины позволяла лучше рассмотреть здешние дома с их скошенными фундаментами, разноцветными сграффито и нарисованными знаками. Мы проехали мимо домов «Красный лев», «Золотая звезда», «Лебедь» и «Два солнца». Достигнув вершины холма, мы сделали резкий поворот, очутившись в квартале Градчаны. Он был застроен особняками местной знати и придворных.

Еще при въезде в Прагу меня поразили размеры императорского замка. Он словно нависал над городом. Из наших окон были видны его парапеты. Но вблизи Пражский Град я видела впервые. Он оказался еще крупнее и обширнее. По сути, это был отдельный город со своей торговлей и промышленностью. Впереди высились готические шпили собора Святого Вита. Вдоль стен замка на равном расстоянии высились круглые башни. Когда-то их строили с оборонительной целью. Сейчас в башнях располагались мастерские сотен ремесленников, живущих при дворе Рудольфа.

Замковая стража впустила нас через западные ворота. Мы въехали во внутренний двор и оставили лошадей на попечение Пьера и Джека. Стражники повели нас по подобию улицы, которая состояла из домов, примыкавших к стенам замка. Дома эти были построены сравнительно недавно, и камень их стен не успел потускнеть и сгладиться. Вероятно, здесь помещались императорские конторы и канцелярии. Кладка стен замка была намного старше, и это сразу бросалось в глаза.

— Почему нас не ведут прямо во дворец? — шепотом спросила я у Мэтью.

— Потому что там сейчас полное запустение, — ответил Галлоглас.

Он нес манускрипт Войнича, завернутый в кожу и перевязанный кожаными тесемками, чтобы страницы не пострадали от сырой погоды.

— Старый королевский дворец показался Рудольфу мрачным и продуваемым ветрами, — объяснил Мэтью, помогая мне идти по скользким булыжникам. — Окна его нового дворца выходят на юг — в сторону императорского сада. Там он дальше от собора и священников.

Переступив порог императорской резиденции, мы оказались в шумном и суетливом мире, где сновали люди, слышалась разноязыкая речь. На землях Священной Римской империи говорили на немецком, чешском, испанском и латыни. Чем ближе мы подходили к покоям императора, тем лихорадочнее сновали люди. Казалось, здесь все чем-то заняты. Нас провели через просторную комнату, где на столах лежали архитектурные чертежи. Вокруг столов стояли ожесточенно спорящие люди. Спор происходил и в соседнем помещении, где обсуждали достоинства изысканной золотой чаши в форме морской раковины, усыпанной драгоценными камнями. Наконец мы очутились в уютной гостиной с тяжелыми стульями и изразцовой печью, от которой шел жар. Двое придворных о чем-то оживленно беседовали. Услышав шаги, они прекратили разговор и повернулись к нам.

— Привет вам, старый друг, — сказал по-английски добродушный мужчина лет шестидесяти и искренне улыбнулся Мэтью.

— Здравствуйте, Тадеаш. — Мэтью тепло пожал ему руку. — Вы замечательно выглядите.

— А вы все молодеете, — подмигнул ему Тадеаш и перевел взгляд на меня. Моя кожа не ощутила ничего. — А вот и женщина, о которой столько разговоров. Разрешите представиться: Тадеаш Гаек.

Он поклонился. Я сделала реверанс. Давний друг Мэтью был обычным человеком.

К нам подошел второй придворный. Лицо у него было оливкового цвета, а волосы — почти такими же темными, как у Мэтью.

— Здравствуйте, мастер Страда, — сказал Мэтью, слегка поклонившись.

Похоже, этому человеку мой муж симпатизировал намного меньше, чем первому.

— Она и в самом деле ведьма? — Страда с нескрываемым любопытством разглядывал меня. — Если слухи не врут, моя сестра Катарина была бы рада встретиться с ней. Катарина беременна, и беременность протекает с некоторыми осложнениями.

— Но Тадеаш — императорский врач. Ему как-то сподручнее наблюдать за ходом беременности, а потом и за рождением ребенка императора, — сказал Мэтью. — Или император охладел к вашей сестре?

— Император по-прежнему благоволит к Катарине, — ледяным тоном ответил Страда. — Только поэтому ее каприз должен быть исполнен.

— Вы уже встретились с Йорисом Хуфнагелем? С тех пор как его величество открыл подаренный вами запрестольный образ, Йорис только и говорит об этом триптихе, — сказал Тадеаш, меняя тему.

— Нет, нам он не попадался, — ответил Мэтью. — Император у себя?

— Да. Сейчас он рассматривает новое полотно мастера Спрангера. Очень большое и... с изрядным количеством подробностей.

— Очередное изображение Венеры, — насмешливо фыркнул Страда.

— Но эта Венера очень похожа на вашу сестру, — улыбнулся Гаек.

— Ist das Matthäus höre ich?[1] — *спросил гнусавый голос в дальнем конце гостиной.*

Все повернулись и отвесили глубокие поклоны. Я автоматически присела в реверансе. Как же мне разговаривать с императором? Я ожидала, что Рудольф заговорит на латыни, но никак не на немецком.

— Und Sie das Buch und die Hexe gebracht, ich verstehe. Und die norwegische Wolf[2].

---

[1] Никак я слышу Маттеуса? *(нем.)*

[2] Насколько я понимаю, ты принес книгу и привел ведьму. И норвежского волка *(нем.)*.

Рудольф был невысокого роста, с непропорционально длинным подбородком и заметно выступающей челюстью. Полные мясистые губы, как у всех Габсбургов, еще сильнее выпячивали нижнюю часть его лица, хотя это отчасти уравновешивалось бледно-голубыми глазами навыкате и толстым приплюснутым носом. Многолетняя привычка вкусно есть и пить изысканные вина сделала тело императора грузным, однако никак не сказалась на его ногах, оставив их тощими. Рудольф заковылял к нам в красных с золотыми гербами туфлях на высоком каблуке.

— Ваше величество, я привел свою жену, как вы приказывали, — сказал Мэтью, делая легкий упор на слове «жена».

Галлоглас переводил слова Мэтью с английского на безупречный немецкий, как будто мой муж не мог сам говорить по-немецки.

Наше путешествие из Гамбурга в Виттенберг, а оттуда в Прагу показало мне, что Мэтью прекрасно говорит по-немецки.

— Y su talento para los juegos también[1], — с легкостью продолжил Рудольф по-испански, словно хотел заставить Мэтью говорить с ним без переводчика.

Император медленно разглядывал меня, так долго задерживаясь на всех округлостях моего тела, что мне ужасно захотелось в душ.

— Es una lástima que se casó en absolute, pero aún más lamentable que ella está casada con usted[2].

— Весьма печально, ваше величество, — резко ответил Мэтью, упорно продолжая говорить по-английски. — Но уверяю вас, мы обвенчались по всем правилам. На этом настоял мой отец. И моя избранница — тоже.

Это дополнение лишь заставило Рудольфа пялиться на меня с еще большим интересом.

Галлоглас пришел мне на выручку.

— Das Buch, — сказал он, шумно выкладывая на стол принесенный манускрипт Войнича.

Книга отвлекла внимание императора. Страда неторопливо развязывал тесемки, а Гаек с Рудольфом гадали, насколько ценным может оказаться этот подарок для императорской библио-

[1] И свой талант к играм тоже *(исп.)*.

[2] Жаль, что она уже состоит в браке, но еще более жаль, что она замужем за тобой *(исп.)*.

теки. Когда же книгу окончательно развернули, в гостиной густо запахло разочарованием.

— Это что, шутка? — сердито спросил Рудольф, вновь перейдя на немецкий.

— Я не совсем понимаю смысл слов его величества, — сказал Мэтью, ожидая, пока Галлоглас переведет.

— Эта книга мне уже знакома! — раздраженно бросил Рудольф.

— Ничего удивительного, ваше величество. Мне говорили, что вы по ошибке отдали ее Джону Ди, — сказал Мэтью, сопровождая свои слова учтивым поклоном.

— Император не делает ошибок! — заявил Страда, раздраженно отпихивая книгу.

— Мы все делаем ошибки, синьор Страда, — мягко заметил ему Гаек. — Однако я уверен, что существует иное объяснение причины того, почему эта книга вернулась к императору. Возможно, доктору Ди удалось раскрыть ее тайны.

— В ней нет ничего, кроме детских рисунков, — парировал Страда.

— Разве в этом кроется причина, почему странная и богато иллюстрированная книга попала в багаж доктора Ди? Или вы надеялись, что он сможет понять то, чего не удалось вам? — (Слова Мэтью возымели противоположное действие: Страда побагровел.) — Возможно, синьор Страда, вы позаимствовали книгу Ди. Я говорю о книге с алхимическими рисунками, перекочевавшей к Ди из библиотеки Роджера Бэкона. Допускаю, вы надеялись с ее помощью расшифровать эту книгу. Такое объяснение выглядит куда пристойнее, чем предположение, что вы обманным путем завладели сокровищем несчастного доктора Ди. Разумеется, его величество не мог знать о подобных злодеяниях.

— И эту книгу, которую ты называешь единственным моим сокровищем, ты намереваешься забрать в Англию? — сердито спросил Рудольф. — Только ее? Или твоя жадность простирается и на мои лаборатории?

— Если вы подразумеваете Эдварда Келли, то королева лишь нуждается в заверении, что он находится здесь добровольно. Всего-навсего, — солгал Мэтью и поспешно перевел разговор в другое русло. — Ваше величество, как вам нравится ваш новый триптих?

Мэтью оставил императору достаточно пространства для маневра и выхода из щекотливой ситуации, не потеряв лица.

— Исключительный триптих! В нем Босх превзошел самого себя. Мой дядюшка сильно опечалится, узнав, что триптих теперь у меня. — Рудольф обвел взглядом гостиную. — Увы, это помещение не годится для показа твоего подарка. Я хотел показать триптих испанскому послу, но здесь невозможно отойти достаточно далеко, чтобы должным образом созерцать шедевр Босха. В его триптих нужно вглядываться медленно, ожидая, пока детали не проявятся сами собой. Идемте. Я покажу, где его поместил.

Мэтью и Галлоглас встали так, чтобы Рудольф не смог слишком близко подойти ко мне. Император привел нас в помещение, напоминавшее запасники музея, где слишком много экспонатов и не хватает персонала. Казалось, стеллажи и шкафы вот-вот рухнут от обилия книг, морских раковин и окаменелостей. Здесь же стояли бронзовые статуи и висели картины, включая и новое полотно, изображающее Венеру. Картина не просто изобиловала подробностями, а была открыто эротической. Похоже, мы попали в знаменитую кунсткамеру Рудольфа — собрание его чудес и диковин.

— Вашему величеству необходимо больше пространства... или меньше экспонатов, — заметил Мэтью, едва не уронив фарфоровую вазу.

— Я всегда найду место для новых сокровищ. — Взгляд императора снова остановился на мне. — Я строю четыре новых помещения, куда войдет все. Можете взглянуть, как продвигается работа.

Подойдя к окну, император указал на две башни и длинное здание. Судя по всему, оно должно было соединить их с покоями императора. Напротив тоже что-то строилось.

— А пока Оттавио и Тадеаш составляют каталог моей коллекции и передают архитекторам мои требования. Не хочу перемещать все в новую Kunstkammer лишь для того, чтобы через какое-то время сокровищам и там стало тесно.

Рудольф провел нас еще через несколько комнат. Оттуда мы вышли в длинную галерею с окнами по обеим сторонам. Она купалась в свете. После пыльных и сумрачных комнат это было все равно что наполнить легкие свежим воздухом.

Дойдя до середины, я остановилась как вкопанная. Триптих Мэтью расположили на длинном столе, покрытом толстым зеленым фетром. Император был прав: стоя вблизи триптиха, невозможно по-настоящему оценить его краски.

— Он прекрасен, донья Диана. — Воспользовавшись случаем, Рудольф взял меня за руку. — Смотри, как с каждым шагом ты замечаешь перемены. Только грубые предметы можно увидеть сразу, поскольку в них нет тайн и им нечего открывать.

Страда глядел на меня с нескрываемой враждебностью, Гаек — с жалостью. Мэтью смотрел не на меня, а на императора.

— Раз уж разговор пошел о тонких предметах, могу я взглянуть на книгу Ди?

Лицо Мэтью не выражало ничего, кроме искреннего простодушия, однако Рудольф и его придворные были не из тех, кого можно одурачить хотя бы на мгновение. Волк Ройдон подкрадывался к добыче.

— Откуда мне знать, где она сейчас?

Рудольфу пришлось выпустить мою руку, чтобы вяло махнуть в сторону своих «запасников».

— В таком случае синьор Страда небрежно относится к своим обязанностям, раз столь ценный манускрипт не может быть найден по первому требованию императора, — тихо произнес Мэтью.

— Оттавио нынче очень занят весьма важными делами! — Рудольф раздраженно сверкнул глазами на Мэтью. — Я не доверяю доктору Ди. Твоей королеве нужно бы остерегаться его ложных обещаний.

— Но зато вы доверяете Келли. Возможно, он знает о местонахождении манускрипта?

Этот вопрос застал императора врасплох.

— Я не хочу тревожить Эдварда. Его алхимический труд нынче находится на особо важной стадии.

— В Праге есть на что посмотреть. Диана приехала сюда по поручению графини Пемброк, которой понадобилась стеклянная посуда для алхимических опытов. Мы посмотрим город и займемся выполнением поручения графини. К этому времени сэр Эдвард, надеюсь, закончит свою работу и сможет принимать посетителей. Возможно, и синьор Страда успеет отыскать вашу затерявшуюся книгу.

— Графиня Пемброк? Сестра кумира королевы, сэра Филипа Сидни? — с явно возросшим интересом спросил Рудольф; Мэтью приготовился ответить, но император поднял руку. — Поручение было дано донье Диане. Пусть она и ответит.

— Да, ваше величество, — ответила я по-испански.

Произношение у меня было отвратительное. Я надеялась, это уменьшит интерес Рудольфа.

— Чудесно, — пробормотал император. («Черт бы тебя побрал!» — подумала я.) — В таком случае донья Диана должна посетить мои мастерские. Я с радостью выполню пожелание леди.

Непонятно, какую леди он имел в виду.

— А что касается Келли и книги, мы посмотрим. Там будет видно. — Рудольф повернулся к триптиху. — «И потому молчи, смотри и слушай». Кажется, так звучит эта поговорка.

Глава 28

— Фрау Ройдон, а вы оборотня видели? Он у императора в егерях служит. Фрау Габермель, моя соседка, слышала, как он ночью выл. Говорят, он питается сырым мясом. Ест императорских оленей, которые живут в Оленьем рву.

Не снимая перчаток, фрау Губер взяла с прилавка кочан капусты и недоверчиво принюхалась. Герр Губер был купцом на лондонском «Стальном дворе»[1], и его жена, не любившая английскую столицу, тем не менее бегло говорила по-английски.

— Будет вам. Нет никаких оборотней, — возразила синьорина Росси, поворачивая голову на длинной шее и выражая неодобрение ценой на лук. — Но мой Стефано говорит, в замке полным-полно демонов. Епископы из собора давно хотят их изгнать, а император не позволяет.

Как и фрау Губер, синьорина Росси некоторое время жила в Лондоне. Она была любовницей итальянского художника, желавшего познакомить англичан с направлением живописи, именуемым маньеризмом. Сейчас она тоже находилась в статусе любовницы, уже другого итальянского художника, собиравшегося привить жителям Праги вкус к граненому стеклу.

— Я не видела там ни оборотней, ни демонов, — сказала я, и лица обеих женщин разочарованно вытянулись. — Зато я видела одну из новых картин, приобретенных императором... На ней изображена Венера, выходящая из купели, — шепотом добавила я и многозначительно посмотрела на собеседниц.

В отсутствие других тем для сплетен сгодились и извращенные вкусы императора. Фрау Губер выпрямилась во весь рост и изрекла:

---

[1] Торговая контора ганзейских купцов в XV–XVI вв.

— Императору Рудольфу нужна жена. Добропорядочная австрийская женщина, которая будет стряпать ему достойную еду. — Она снизошла до покупки кочана капусты у зеленщика, который едва ли не полчаса был вынужден слушать, как она хает его овощи. — Расскажите-ка нам снова про рог единорога. Говорят, он обладает чудесными лечебными свойствами.

Вот уже в четвертый раз за последние два дня меня просили рассказать о чудесах, увиденных в императорской кунсткамере. Весть о том, что нам было позволено осмотреть сокровищницу Рудольфа, прилетела из замка раньше, чем мы вернулись в дом Трех Воронов. На следующее утро женщины Мала Страны буквально подстерегали меня, сгорая от нетерпения услышать мои рассказы об аудиенции у императора.

Появление в нашем доме посыльных от императора, а также ливрейных лакеев богемских аристократов и иностранных сановников еще больше подогревало любопытство соседок. После аудиенции у императора звезда Мэтью прочно заняла свое место на имперском небосклоне, и теперь его старые друзья старались засвидетельствовать ему свое почтение. Иные просили о помощи. Пьер достал привезенные расходные книги, и вскоре Пражское отделение банка де Клермонов, говоря современным языком, открылось для совершения операций. Правда, поступление денег было очень скромным, зато достаточное их количество уходило для запоздалых расчетов с торговцами Старе Места.

— Император прислал тебе пакет, — сообщил Мэтью, когда я вернулась с рынка. Кончиком писчего пера он указал на довольно большой мешок. — Если вскроешь пакет, Рудольф сочтет, что ты приняла его подарок, и будет ждать, когда ты лично его поблагодаришь.

— Что может быть внутри?

Я ощупала контуры предмета, находящегося в мешке. Они и отдаленно не напоминали книгу.

— Потом мы будем сами не рады, что получили императорский подарок. Это я тебе гарантирую. — Мэтью воткнул перо в чернильницу, усеяв поверхность стола черными капельками. — Пойми, Диана: Рудольф — коллекционер. Его интересуют не только бивни нарвала и безоаровы камни. Помимо предметов, он коллекционирует людей, а заполучив их в свою коллекцию, крайне неохотно с ними расстается.

— Как и Келли, — сказала я, развязывая веревки. — Но я не предназначена для продажи.

— Мы все предназначены для продажи... Боже милосердный! — прошептал Мэтью, увидев то, что я вынула из мешка.

Это была изготовленная из золота и серебра статуя богини Дианы высотой не менее двух футов. Богиня боком восседала на спине оленя, застенчиво скрестив лодыжки. Вся ее одежда состояла из... колчана со стрелами. Возле ног оленя застыли две охотничьи собаки.

— Я бы сказал, император весьма красноречиво заявил о своих желаниях, — присвистнул Галлоглас.

Но мое внимание было целиком поглощено статуей. На стенке постамента я заметила небольшой ключ. Стоило мне его повернуть, как олень мигом спрыгнул на пол.

— Гляди, Мэтью! Ты видел что-нибудь подобное?

— Не волнуйтесь, дядя внимательно наблюдает за императорской игрушкой, — сказал Галлоглас.

Он был прав: Мэтью сердито смотрел на статую.

Как назло, в комнату влетел Джек.

— Постой, малыш!

Галлоглас схватил мальчишку за воротник. Но Джек был профессиональным воришкой, и подобная тактика сдерживания оказывалась бесполезной, когда он чуял нечто ценное. Джек повалился на пол, оставив в руках Галлогласа свою куртку, а сам бросился догонять оленя.

— Это игрушка? Это вы мне купили? А почему тетка совсем голая? Так и замерзнуть недолго.

Вопросы хлестали из Джека, как вода из прорвавшейся плотины. Тереза, жадная до зрелищ, как и любая другая жительница Мала Страны, выбежала на шум. Увидев в кабинете хозяина голую богиню, она вскрикнула и ладонью прикрыла Джеку лицо.

Галлоглас беззастенчиво пялился на груди статуи.

— Ты прав, Джек. Ей холодно.

За это он схлопотал по голове от Терезы, которая непостижимым образом ухитрялась держать извивающегося Джека.

— Джек, это всего лишь заводная игрушка, — сказал Мэтью, поднимая оленя.

Голова зверя раскрылась, обнажив полость внутри.

— Олень предназначался для забавы гостей. Император пускал его бегать вокруг обеденного стола. Тот, возле кого олень останавливался, должен был выпить из его головы. Почему бы тебе не показать Энни, как действует эта штучка? — Мэтью защелкнул оленью голову и передал драгоценную игрушку Галлоглассу. — Нам надо поговорить, — перестав улыбаться, сказал он мне.

Галлоглас выпроводил Терезу и Джека из комнаты, пообещав мальчишке сахарных кренделей и катание на коньках.

— Любовь моя, ты вступила на опасную территорию. — Он запустил руки в волосы. Не знаю почему, но этот жест всегда добавлял ему обаяния. — Я сообщил Конгрегации, что твой статус моей жены — всего лишь обыкновенная уловка, чтобы защитить тебя от обвинений в колдовстве и удержать охоту на ведьм в пределах шотландского Берика.

— Но наши друзья и твои соплеменники-вампиры знают, что это не так, — возразила я. Вампирское чутье не лжет, а я была густо пропитана неповторимым запахом Мэтью. — И ведьмы знают: наши с тобой отношения имеют нюансы, невидимые их третьему глазу.

— Возможно. Но Рудольф не вампир и не ведьмак. У императора есть свои осведомители в Конгрегации. Ему сообщат, что между нами нет отношений. А значит, путь для ухлестывания за тобой для него открыт. — Мэтью погладил мою щеку. — Диана, я не привык делиться тем, что мое. Если Рудольф зайдет слишком далеко...

— Пока он никуда не зашел, а тебе нужно сдерживать свой темперамент. Я не позволю быть соблазненной ни императором Священной Римской империи, ни кем-либо еще. Нам нужен «Ашмол-782». И какое мне дело, если Рудольф пялится на мою грудь?

— Это я выдержу. — Мэтью меня поцеловал. — Но есть и другие вещи, о которых ты должна знать, прежде чем отправишься благодарить императора. Конгрегация заинтересована в хороших отношениях с Рудольфом. Ради этого она на протяжении ряда лет удовлетворяла его аппетиты по части женщин и диковинных штучек. Если император пожелает заполучить тебя и сообщит об этом восьми другим членам Конгрегации, их суждение будет не в нашу пользу. Конгрегация отдаст тебя Рудольфу, поскольку они

не могут допустить, чтобы Прага оказалась в руках таких людей, как архиепископ Трирский и его друзья-иезуиты. Они не хотят, чтобы Рудольф превращался во второго короля Якова, жаждущего крови ведьм, демонов и вампиров. Прага может казаться оазисом для таких, как мы. Но оазисам свойственно исчезать. Был — и нету. Остался лишь мираж над пустыней.

— Понимаю, — прошептала я.

Ну почему все связанное с Мэтью должно быть спутанным клубком? Жизни нас обоих напоминали мне нити из моей шкатулки для заклинаний, сплошь покрытые узлами. И сколько бы я ни распутывала узлы, они появлялись снова.

— Когда пойдешь в замок, возьми с собой Галлогласа, — сказал Мэтью, разжимая руки.

— А разве ты не пойдешь?

Неужели Мэтью готов выпустить меня из поля зрения? Это при его-то тревогах?

— Нет. Чем чаще Рудольф видит нас вместе, тем сильнее разыгрывается его воображение и жажда тебя заполучить. А Галлоглас, возможно, сумеет пробраться в лаборатории Келли. Мой племянник намного обворожительнее, чем я. — Мэтью улыбнулся, но глаза его оставались мрачными.

Галлоглас объявил, что у него есть план, который убережет меня от общения с Рудольфом наедине, то есть я поблагодарю императора, но публично. В подробности Галлоглас не вдавался. Когда колокола пробили три часа пополудни, я начала догадываться, каким будет его план. Толпа людей, старавшихся попасть в собор Святого Вита через остроконечные арки бокового входа, подтвердила мои догадки.

— Вот идет Сигизмунд, — сказал Галлоглас, наклоняясь к моему уху.

Из-за оглушающего звона колоколов я едва его слышала. Увидев мой недоуменный взгляд, Галлоглас указал на золоченую решетку примыкающей башни:

— Сигизмунд. Большой колокол. Его звон помогает понять, что ты в Праге.

Собор Святого Вита с его парящими контрфорсами и игловидными шпилями был наглядным пособием по готической архитектуре. В хмурый день ранней весны это особенно чувствова-

лось. В зале собора горели свечи, но обширное пространство все равно оставалось сумрачным. Крошечные желтые огоньки казались светящимися булавочными головками. Прекрасные витражи в окнах и наружные фрески тоже страдали от недостатка света, приобретая серый оттенок. Все это создавало довольно гнетущую обстановку. Галлоглас предусмотрительно остановился под пылающими факелами.

— Да снимите вы свое маскировочное заклинание, — предложил он. — Тут такая темень, что Рудольф может вас не заметить.

— Мне что же, сиять, как рождественская елка?

Вспомнив школу, я наградила Галлогласа самым строгим «учительским» взглядом, на какой была способна. Он улыбнулся во весь рот.

Мы ждали начала мессы. Я с интересом рассматривала пеструю толпу прихожан, состоящую из неприметной императорской обслуги, придворных и аристократов. Кое у кого из ремесленников одежда и руки были запачканы или обожжены, что намекало на характер их ремесла. Почти все они выглядели уставшими и изможденными. Насмотревшись на толпу, я подняла голову вверх, оценивая размеры собора и стиль его постройки.

— Надо же, сколько в нем сводов, — пробормотала я.

Такого количества ребристых сводов я почти не видела в готических соборах Англии.

— Вот что случается, когда некий замысел застревает у Мэтью в голове, — прокомментировал мои слова Галлоглас.

— При чем тут Мэтью?

— Давняя это история. Мэтью тогда просжал через Прагу, а Петер Парлерж — новый архитектор — был еще слишком молод и не знал, с чего начинать строительство собора. Тогда же случилась первая эпидемия чумы, унесшей жизнь многих опытных архитекторов и строителей. Руководить строительством поручили Парлержу. Мэтью взял его под свое крыло, а потом они оба немного свихнулись. Не знаю, пойму ли я когда-нибудь совместный замысел Мэтью и молодого Парлержа, но зрелище получилось захватывающим. Вы еще не видели, как они преобразили Большой зал. Скоро увидите.

Я приготовилась задать новый вопрос, как вдруг установилась мертвая тишина. В соборе появился Рудольф. Я вытянула шею, пытаясь увидеть императора.

— Да вот он, — кивнул Галлоглас вправо и вверх.

Рудольф поднялся на третий этаж собора, пройдя по огороженному проходу. Сам проход тянулся по двору, соединявшему замок и собор. Император стоял на балконе, украшенном разноцветными геральдическими щитами сообразно его многочисленным титулам и званиям. Императорский балкон тоже имел сводчатый потолок, но при всем обилии украшений ребра сводов напоминали скрюченные ветви дерева. Балкон явно выбивался из общей строгой и гармоничной архитектуры сводов и колонн. Вряд ли это была работа Мэтью.

Император уселся на скамью, откуда открывался вид на центральный неф. Меж тем прихожане кланялись и приседали в реверансах, пожирая глазами императорскую ложу. Чувствовалось, Рудольфу не по себе от такого внимания. Если в своих покоях, окруженный придворными, он держался легко и уверенно, то здесь испытывал сдержанность и даже застенчивость. Придворный, находившийся рядом, что-то прошептал ему на ухо. Рудольф повернулся и заметил меня. Он изящно наклонил голову и улыбнулся. Толпа сразу же завертела головами, желая увидеть, кого император одарил своей благосклонностью.

— Сделайте реверанс, — шикнул на меня Галлоглас.

Я послушно присела.

Месса прошла без каких-либо неожиданностей. К моей радости, никто не причащался, даже император, а потому служба закончилась достаточно быстро. В какой-то момент Рудольф тихо исчез, вернувшись к себе и своим сокровищам.

После ухода императора и священников неф превратился в оживленное место встреч, где друзья обменивались последними новостями и сплетничали. Я заметила Оттавио Страду. Меня он не видел, поскольку стоял ко мне спиной и разговаривал с каким-то напыщенным господином в дорогом шерстяном плаще. Здесь был и доктор Гаек, беседующий с молодой влюбленной парой. Все трое весело смеялись. Я улыбнулась Гаеку. Он ответил легким поклоном. Со Страдой я предпочла бы больше не встречаться, но императорский врач мне понравился.

— Никак Галлоглас? Разве вы не в спячке, как остальные медведи?

К нам подошел худощавый человек с глубоко посаженными глазами. Его губы кривились в ехидной улыбке, а одежда просто-

го покроя, но из дорогих тканей и золотые кольца на пальцах свидетельствовали о богатстве.

— В такую погоду нам всем не грех залечь в спячку. Рад видеть вас в добром здравии, Йорис. — Галлоглас пожал ему руку и похлопал по спине так, что бедняга Йорис выпучил глаза.

— Я бы сказал то же самое о вас, но, поскольку вы всегда находитесь в добром здравии, избавлю нас обоих от пустых любезностей... А вот и La Diosa, — сказал он, поворачиваясь ко мне.

— Диана, — представилась я, слегка поклонившись.

— Здесь у вас другое имя. Рудольф называет вас La Diosa de la Caza. В переводе с испанского это означает «богиня погони». Император приказал несчастному мастеру Спрангеру отложить эскизы с Венерой в купели и заняться новым сюжетом, который он назвал «Прерванный туалет Дианы». Мы с нетерпением ждем результатов. Уж не знаю, как Спрангер сумеет вывернуться. Императору нужна большая картина, причем как можно быстрее. — Вспомнив, что не представился, Йорис с поклоном произнес: — Йорис Хуфнагель.

— Каллиграф, — вырвалось у меня.

Мне вспомнились слова Пьера о витиеватом почерке, каким было написано официальное приглашение Рудольфа, адресованное Мэтью. Но имя было знакомым...

— Художник, — деликатно поправил меня Галлоглас.

— Здравствуйте, La Diosa, — произнес сухопарый человек и снял шляпу. Его руки были покрыты шрамами. — Меня зовут Эразм Габермель. Не соблаговолите ли посетить мою мастерскую в любое удобное для вас время? Его величество пожелал, чтобы у вас был астрономический компендиум, позволяющий отмечать фазы переменчивой Луны. Но вам это должно очень понравиться.

Фамилия Габермель тоже была знакомой...

— Завтра она нанесет визит мне.

Сквозь густеющую толпу к нам проталкивался грузный мужчина. На вид ему было где-то за тридцать. Судя по акценту — итальянец.

— La Diosa будет позировать мне для портрета. Его величество пожелал, чтобы я запечатлел ее в камне как символ его постоянного пристрастия. — С верхней губы художника капал пот.

— Синьор Мизерони! — воскликнул другой итальянец, мелодраматично прижимая руки к своей вздымающейся груди. — Я думал, мы поняли друг друга. На следующей неделе состоится празднество. Император желает, чтобы La Diosa приняла в нем участие. Следовательно, ей нужно упражняться в танцах. — Он поклонился мне и представился: — Альфонсо Пасетти, балетмейстер его величества. К вашим услугам, La Diosa.

— Но моя жена не любит танцевать, — холодно произнес голос за моей спиной. Длинная рука протянулась к моей, теребившей край корсажа. — Правда, mon cœur? — Мэтью поцеловал мне пальцы, слегка укусив их в знак предостережения.

— Мэтью, как всегда, вовремя, — покатился со смеху Йорис. — Как поживаете?

— Я был раздосадован, не найдя Диану дома, — сказал Мэтью, демонстрируя легкое огорчение. — Но даже верный муж не смеет ревновать жену к Богу.

Хуфнагель пристально наблюдал за Мэтью, отслеживая каждое изменение в выражении лица моего мужа. Я вдруг поняла: передо мной великий художник, умеющий так тонко наблюдать природу, что его рисунки флоры и фауны выглядели совершенно живыми. Казалось, они вот-вот покинут бумажные листы, как пчела и змейка покинули туфельки Мэри.

— Господь завершил сегодняшнее общение с вашей женой, и вы вполне можете вести ее домой, — уступчиво произнес Хуфнагель. — Вы, La Diosa, способны оживить собой весьма скучную весну. И за это мы все вам благодарны.

Наши собеседники удалились, предварительно заручившись обещанием Галлогласа, что он составит список мест, где надлежит мне быть, и не перепутает время. Хуфнагель уходил последним.

— Я буду приглядывать за вашей женой, Schaduw. Возможно, и вам это стоит делать.

— Мое внимание всегда обращено на мою жену, где ему и место. Иначе как бы я узнал, что она здесь?

— Конечно. Простите мое вмешательство. «У леса есть глаза, а у деревьев уши». До встречи при дворе, La Diosa, — поклонился мне художник.

— Ее зовут Диана, — с заметным раздражением напомнил Мэтью. — Можно называть ее и мадам де Клермон.

— А я почему-то думал, что Ройдон. Знать, ошибся. — Хуфнагель попятился, затем повернулся, чтобы уйти. — Приятного вечера, Мэтью.

Эхо каменных плит вторило его шагам, потом стихло.

— Что это за странное слово такое — Schaduw? — спросила я.

— «Тень» по-голландски. Елизавета не единственная, кто так меня называет. — Мэтью повернулся к Галлогласу. — О каком празднестве говорил синьор Пасетти?

— Ничего выдающегося. Сюжет наверняка будет мифологическим, с ужасной музыкой и еще более ужасными танцами. Под конец придворные изрядно напьются и перепутают двери своих комнат с чужими. А через девять месяцев появится выводок благородных детишек, у которых по одной матери, но по нескольку отцов. Все как обычно.

— «Sic transit gloria mundi»[1], — пробормотал Мэтью. — Не пора ли нам домой, La Diosa? — (Это прозвище коробило меня и в чужих устах, но, когда его произносил собственный муж, делалось почти невыносимым.) — Джек говорил, что Каролина приготовила сегодня потрясающее жаркое.

Весь вечер Мэтью держался отстраненно, наблюдая за мной. Взгляд у него был тяжелым. Дети наперебой рассказывали, куда их сегодня водил Пьер и что они успели посмотреть. Названия, вылетавшие из их ртов, мне ничего не говорили. К тому же Джек и Энни спорили, отстаивая свою версию рассказа. Я перестала вслушиваться и вскоре, сославшись на усталость, легла спать.

Меня разбудили громкие крики Джека. Я бросилась в его комнату, но Мэтью уже был там. Джек трясся всем телом и звал на помощь.

— У меня кости разлетаются! — неистово твердил мальчишка. — Мне больно! Больно!

Мэтью крепко прижал его к груди, не давая шевельнуться.

— Тише. Я уже здесь.

Он держал Джека, пока худенькие руки и ноги мальчишки не перестали сотрясаться в конвульсиях.

— Сегодня, господин Ройдон, все чудовища были похожи на обычных людей, — сказал Джек, стремясь поудобнее устроиться на руках моего мужа.

---

[1] Так проходит мирская слава *(лат.)*.

Голос у Джека был вялым и измученным, а темные круги под глазами делали его намного старше своих лет.

В течение нескольких недель я постоянно куда-то ходила: к императорскому ювелиру, к императорского мастеру математических инструментов, к императорскому балетмейстеру. Каждый поход добавлял мне знаний об императорском дворце и окружающих зданиях, где помещались мастерские и где жили обласканные императором художники и мыслители. Галлоглас тоже водил меня по примечательным местам императорской резиденции, куда без него я бы ни за что не попала. Мы побывали в зверинце, где Рудольф держал львов и леопардов. Мне сразу вспомнились его музыканты и портретисты, которых он поселил на узких улочках близ собора. Такой же зверинец, только просторнее. Галлоглас сводил меня к естественному ущелью, называемому Оленьим рвом. Это место перестроили, приспособив под личные охотничьи угодья императора. Мы посетили игровой зал, где стены были отделаны сграффито, — подобие современного спортзала для придворных. Но мне больше понравилась новая оранжерея, выстроенная, чтобы уберечь драгоценные императорские фиговые деревья от суровых богемских зим.

И только в одно место доступ нам был закрыт. Не помогали никакие знакомства Галлогласа при дворе. Я говорю о Пороховой башне, где Эдвард Келли колдовал над своими перегонными кубами и тиглями, пытаясь изготовить философский камень. Мы несколько раз подходили к башне и пытались незаметно прошмыгнуть мимо караульных у входа. Галлоглас даже попробовал зычным голосом звать Келли. Кончилось тем, что жители соседних домов начали выбегать на улицу — не пожар ли где. Но бывший сподвижник доктора Ди ничем себя не обнаружил.

— Такое ощущение, что его там держат как узника, — сказала я Мэтью в один из вечеров.

После ужина в доме наступила тишина. Каролина перестала греметь на кухне посудой. Джек и Энни отправились спать, уставшие после очередного дня развлечений и лакомств. Мы перестали делать вид, будто они наши слуги. Я надеялась, что свобода от поручений позволит Джеку вести жизнь нормального восьмилетнего мальчика и избавит его от ночных кошмаров. Джека тянуло в замок, и он все время подбивал Энни отправиться вместе с ним.

Я содрогалась от мысли, что дети могут заблудиться и исчезнуть навсегда. Не зная ни одного из здешних языков, они не смогут объяснить, где их дом.

— Келли и есть узник, — ответил Мэтью, играя ножкой тяжелого серебряного кубка и любуясь отсветами каминного пламени на его стенках.

— Говорят, иногда он ходит домой. Обычно это бывает поздно ночью, чтобы его не видели. Получает хотя бы временную передышку от постоянных подстегиваний императора.

— Ты так думаешь? Просто ты еще не встречалась с госпожой Келли, — сухо произнес муж.

А ведь я и в самом деле ни разу не видела эту женщину. Мысль о жене Келли засела у меня в голове. Стремясь познакомиться с алхимиком, я, скорее всего, пошла не тем путем. Я позволила вовлечь себя в придворную жизнь в надежде, что сумею постучаться в дверь лаборатории Келли и без обиняков потребовать отдать «Ашмол-782». Но теперь, когда я в достаточной мере была знакома с жизнью императорского окружения, столь прямой путь казался мне безуспешным.

На следующее утро я вместе с Терезой отправилась за покупками. Погода была почти зимняя, дул пронзительный ветер, но мы упорно двигались в сторону рынка.

— Вам знакома моя соотечественница госпожа Келли? — спросила я фрау Губер, пока пекарь заворачивал наши покупки.

Домохозяйки Мала Страны обожали слухи обо всем странном и диковинном и в этом не отличались от императора Рудольфа.

— Ее муж служит у императора, — добавила я.

— Вы имеете в виду алхимика, посаженного в клетку? — пренебрежительно фыркнула фрау Губер. — В их семействе творится что-то странное. Было еще хуже, когда здесь жило семейство Ди. Герр Келли всегда смотрел на фрау Ди с плотским желанием.

— А госпожа Келли? — спросила я, направляя разговор в нужное русло.

— Она почти не выходит из дому. За провизией ходит ее кухарка.

Фрау Губер не одобряла такого спихивания главной обязанности домохозяйки. По ее мнению, это открывало дверь всяческим беспорядкам в доме, включая анабаптизм (предмет ее постоянной

борьбы) и черный рынок, процветающий за счет ворованных продуктов. Свою точку зрения она высказала при первой же нашей встрече, и я, чтобы не давать поводов для сплетен, в любую погоду сама ходила покупать капусту.

Мимо, лавируя по скользким булыжникам, шла синьорина Росси. Увидев нас, она повернула голову и едва не налетела на тачку, нагруженную углем.

— Не о жене ли алхимика разговор? — спросила синьорина Росси. — Странная она англичанка, очень странная. И ее счета за вино намного больше, чем полагалось бы.

— И откуда вы обе знаете такие подробности? — спросила я, не удержавшись от смеха.

— У нас одна прачка, — ответила несколько смущенная фрау Губер.

— Да, от прачек секретов не бывает, — согласилась синьорина Росси. — Эта женщина стирала и на семью Ди, пока синьора Ди не отказалась от ее услуг. Прачка, видите ли, слишком много запросила за стирку салфеток.

— Тяжелый характер был у этой Джейн Ди, но бережливость — это не порок, — вздохнув, заключила фрау Губер.

— А зачем вам понадобилась госпожа Келли? — полюбопытствовала синьорина Росси, укладывая в корзинку теплую плетенку.

— Хочу познакомиться с ее мужем. Я интересуюсь алхимией, и у меня накопились вопросы.

— И вы согласны заплатить? — спросила фрау Губер, потерев указательный палец о большой.

Этот универсальный жест пришел из глубокой древности и был понятен без перевода.

— За что? — смутилась я.

— За его ответы, разумеется.

— Да, — ответила я, не представляя, что́ она замышляет.

— Оставьте это мне, — сказала фрау Губер. — Я давно не ела настоящего шницеля. Неподалеку от вашего дома, фрау Ройдон, есть таверна. Ее держит австриец, который понимает толк в шницелях.

Оказалось, что двенадцатилетняя дочка хозяина таверны, владеющего секретом приготовления шницелей, занимается с тем же

учителем, что и десятилетняя падчерица Келли Элизабет. Повар хозяина был женат на тетке прачки, чья золовка служила в доме семейства Келли.

Благодаря женской солидарности, превосходящей возможности придворных связей Галлогласа, в полночь мы с Мэтью оказались в доме Келли, в гостиной на втором этаже, но, как я уже говорила, великий алхимик появлялся у себя дома лишь по ночам.

— Он должен прийти с минуты на минуту, — уверяла нас Джоанна Келли.

Глаза у нее были воспаленными и затуманенными. Трудно сказать, от злоупотребления вином или от холода, царящего в доме.

— Можете не волноваться на наш счет, госпожа Келли. Мы поздние пташки. — Мэтью ослепительно улыбнулся ей. — Лучше расскажите, как вам нравится ваш новый дом.

В результате шпионажа и расспросов среди австрийской и итальянской общин мы узнали, что семейство Келли недавно купило дом неподалеку от «Трех во́ронов». По современным понятиям это был жилой комплекс из нескольких домов, известный своим диковинным знаком. Некто взял деревянные фигурки из рождественского набора, распилил пополам и приделал на доску. Затем фигурку младенца Иисуса вытащили из яслей, заменив головой осла Марии. Назывался дом «Осел и Ясли».

— Пока, господин Ройдон, нас здесь все устраивает. — Госпожа Келли шумно чихнула и глотнула вина. — Учитывая важность работы Эдварда, мы думали, что император отведет нам жилье во дворце, но и это нам подходит.

На винтовой лестнице послышались ровные шаги.

— Вот и Эдвард.

Первой мы увидели трость, затем перепачканную руку и такой же перепачканный рукав. Все остальное, что называлось Эдвардом Келли, выглядело столь же непрезентабельно. Из-под темной плотной шапочки, закрывавшей уши, торчала длинная нечесаная борода. Возможно, когда-то он носил шляпу, но сейчас ее не было. Судя по грузному телу, Эдвард Келли любил много и вкусно поесть. Он вошел, прихрамывая и насвистывая песенку. Увидев Мэтью, Келли перестал свистеть и замер.

— Здравствуйте, Эдвард. — Мэтью наградил его такой же ослепительной улыбкой, но если госпожу Келли она обворожила,

то ее муж был далеко не в восторге. — Наверное, вы не думали, что мы встретимся снова, да еще вдали от родины.

— Как вы?.. — хрипло спросил Эдвард, оглядывая гостиную.

Его взгляд был неприятным, отталкивающим, как у всех демонов. Но с Келли все обстояло сложнее: нити, окружавшие его, были так же всклокочены, как и борода. Нарушения в узоре говорили не только о демонической природе, но и о расшатанных нервах.

— Ведьма, — прошептал он, кривя губы.

— Берите выше. Император поднял ее статус, равно как и ваш. Теперь она La Diosa — богиня, — пояснил Мэтью. — Да вы садитесь и дайте отдых ноге. Помню, она у вас болит от холода.

— Какое у вас ко мне дело, Ройдон? — спросил Эдвард Келли, крепче сжимая трость.

— Господин Ройдон приехал от имени королевы, — ответила мужу Джоанна. — Я лежала в постели. Я так мало отдыхаю. А из-за этих ужасных болей я до сих пор не познакомилась с нашими соседями. Ты не сказал мне, что совсем рядом живут англичане. Мне ведь дом госпожи Ройдон виден из окна башни. Ты в замке, я одна. Не с кем словом перекинуться на родном языке, а тут...

— Дорогая, возвращайся в постель, — сказал Келли, выпроваживая Джоанну. — Возьми с собой вино. Оно поможет тебе уснуть.

Госпожа Келли послушно поплелась в спальню. Мне стало ее жаль. Англичанке и так тяжело жить в Праге без родных и друзей. Но когда твоего мужа охотно принимают в домах, куда тебе вход закрыт, это тяжелее вдвойне.

Когда за Джоанной закрылась дверь, Келли доковылял до стола и уселся на ее стул. На второй он, кряхтя, положил хромую ногу. Черные злые глазки повернулись в сторону Мэтью.

— Говорите, что́ я должен сделать, чтобы избавиться от вас? — напрямую спросил Эдвард.

Возможно, по уму он не уступал Киту, но был лишен присущего драматургу обаяния.

— Королева требует вашего возвращения, — ответил Мэтью. — А мы требуем книгу Ди.

— Какую книгу? — с подозрительной поспешностью спросил Эдвард.

— Для такого шарлатана, как вы, Келли, лжете вы отвратительно. И как вам только удается водить их всех за нос?

Мэтью закинул ноги на стол. Каблуки шумно ударили по поверхности стола. Келли поморщился.

— Если доктор Ди обвиняет меня в краже, я настаиваю на обсуждении его обвинения в присутствии императора! — вспылил Келли. — Он бы не позволил, чтобы со мной обращались подобным образом, да еще унижали в собственном доме.

— Где книга, Келли? В вашей лаборатории? В спальне Рудольфа? Я все равно ее найду, с вашей помощью или самостоятельно. Но если вы расскажете мне свою тайну, я, быть может, постараюсь закрыть глаза на все остальное. — Мэтью поддел ногтем пятнышко уличной грязи, прилипшее к его штанам. — Конгрегация недовольна вашим нынешним поведением.

Трость Келли упала на пол. Мэтью заботливо поднял ее, приставив грязный, обтрепанный нижний конец к шее Келли.

— Не этой ли тростью вы угрожали подавальщику в таверне? Это было безрассудством с вашей стороны, Эдвард. Возомнили себя важной персоной, которой все дозволено.

Трость переместилась на внушительный живот Келли, где и застыла.

— Я не в силах вам помочь, — заявил Келли. Мэтью посильнее нажал на трость, и алхимик поморщился. — Это правда! Император отобрал у меня книгу, когда... — Келли замолчал, водя рукой по лицу, будто пытаясь стереть вампира, сидящего рядом.

— Когда что? — спросила я, подаваясь вперед.

Если бы сейчас я оказалась в Бодлианской библиотеке и прикоснулась к «Ашмолу-782», манускрипт бы поведал мне правду.

— Вы должны знать об этой книге больше, чем я, — бросил мне Келли, сердито сверкая глазами. — Ведьм не удивило ее существование, хотя распознал ее демон!

— Эдвард, я теряю терпение! — Трость хрустнула в руках Мэтью. — Моя жена задала вам вопрос. Извольте ответить.

Келли торжествующе взглянул на Мэтью и оттолкнул конец трости с живота:

— Вы же ненавидите ведьм. Все так считают. А теперь, как вижу, вы питаете к ним слабость. Герберт тоже. Предположение, которым я поделился с Рудольфом, оправдалось: между вами любовь.

— Значит, здесь появлялся Герберт, — заключил Мэтью.

Келли кивнул:

— Он появился, когда Ди еще был в Праге. Расспрашивал про книгу и вынюхивал, чем я занимаюсь. Рудольф дал ему поразвлечься с ведьмой из Старого города. Девчонке было всего семнадцать лет. Хорошенькая, рыжеволосая, синеглазая. Совсем как ваша жена. С тех пор ее не видели. Но в ту Вальпургиеву ночь полыхал громадный костер. Герберту предоставили почетное право его зажечь. — Взгляд Келли переместился на меня. — Интересно, порадует ли нас и нынешний год таким же костром?

Келли упомянул о варварской древней традиции: праздновать наступление весны сожжением ведьмы. Это было последней каплей, переполнившей чашу терпения Мэтью. Когда я сообразила, что происходит, окно гостиной было распахнуто. Схватив Келли, Мэтью наполовину высунул его наружу.

— Гляньте вниз, Эдвард. Здесь не так высоко. Боюсь, насмерть вы не разобьетесь. Возможно, сломаете пару костей. Потом я бы подобрал вас и отнес в вашу спальню. Там наверняка тоже есть окно. Мало-помалу я найду достаточно высокое место. Упав оттуда, ваш труп переломится пополам. Но к тому времени в вашем теле не останется ни одной целой косточки, а вы расскажете мне все, что я захочу узнать.

Я встала. Мэтью повернулся ко мне. Глаза у него были почти черными.

— Сядь! — сказал он, шумно втягивая воздух. — Прошу тебя.

Я села.

— Книга Ди так и мерцала силой. Я это почувствовал еще в Морлейке, когда Ди снял ее с полки. Он не понимал ее значимости, но я понял. — В такой позе Келли было трудно быстро говорить. Он начал задыхаться, и Мэтью встряхнул его, требуя продолжать. — Прежде книгой владел колдун Роджер Бэкон, который дорожил ею как великим сокровищем. Его имя стоит на титульном листе вместе с надписью «Verum Secretum Secretorum».

— Речь о другой книге, — сказала я, вспомнив средневековый трактат с таким названием. — Это иллюстрированная алхимическая энциклопедия.

— Картинки — лишь завеса, скрывающая правду, — с сопением произнес Келли. — Потому-то Бэкон и назвал ее «Истинная тайна тайн».

— О чем в ней говорится? — взволнованно спросила я, поднимаясь со стула.

На этот раз Мэтью не потребовал, чтобы я села. Он втащил Келли обратно в гостиную и закрыл окно.

— Вам удалось прочитать написанное там?

— Возможно, — уклончиво ответил Келли, расправляя свою замызганную одежду.

— Опять врет. — Мэтью оттолкнул алхимика и презрительно поморщился. — Сквозь его страх я ощущаю двойственность.

— Она написана на чужом языке. Даже рабби Лёв не смог ее прочесть.

— Махараль[1] видел эту книгу? — спросил Мэтью.

— Значит, вы не удосужились спросить рабби Лёва, когда были в Еврейском городе и искали колдуна. Того самого, что создал глиняного истукана. Его здесь зовут Големом. Вы даже не искали виновного и его чудовище. — (Келли с нескрываемым презрением смотрел на Мэтью.) — Вот и верь после этого в вашу знаменитую силу и влияние. Вы даже не смогли напугать евреев.

— Сомневаюсь, что книга написана на еврейском, — сказала я, вспомнив буквы, мелькающие поверх написанного текста.

— Она точно не на еврейском. Император приказал рабби Лёву явиться в замок и подтвердить.

Келли понял, что сболтнул лишнее. Он перевел глаза на трость. Нити вокруг Келли изгибались во все стороны. Мелькнула картинка: Келли поднимает трость, намереваясь кого-то ударить. Что задумал этот лживый алхимик?

Потом я поняла: он собирался ударить меня. Из моего рта вырвался нечленораздельный звук. Я вытянула руку. Трость Келли влетела прямо в нее. На мгновение моя рука превратилась в ветку, затем вернулась в привычное состояние. Я молила Бога, чтобы Келли не успел этого заметить. Увы, заметил.

— Не показывайте таких фокусов императору, — язвительно произнес Келли. — Иначе он запрет вас и сделает диковиной, на которую будет любоваться... Ройдон, я сказал вам все, о чем вы хотели знать. Пусть ваши псы из Конгрегации оставят меня в покое.

---

[1] *Махараль* — акроним, составленный из еврейских слов «наш учитель рабби Лёв».

— Сомневаюсь, что я смогу это сделать. — Мэтью забрал у меня трость. — Что бы ни думал Герберт, вы отнюдь не безобидный демон. Но в покое я вас оставлю... до поры до времени. Избегайте действий, способных привлечь мое внимание, и тогда, наверное, вы доживете до лета. — Мэтью зашвырнул трость в угол.

— Спокойной ночи, мастер Келли, — сказала я, беря плащ.

Мне захотелось поскорее оказаться подальше от демона.

— Наслаждайтесь, ведьма, пока солнышко светит вам. Солнечные дни в Праге быстро заканчиваются.

Келли не двигался с места. Мы с Мэтью торопливо спускались вниз.

Даже на улице я ощущала подталкивающие взгляды демона. Не выдержав, я оглянулась на дом «Осел и Ясли». Спутанные, узловатые нити, связывающие Келли с миром, злобно мерцали.

Глава 29

Употребив всю свою дипломатию и потратив несколько дней на переговоры, Мэтью сумел устроить нам встречу с рабби Иегудой Лёвом. Все мои придворные встречи, назначенные на тот день, пришлось отменить. Это взял на себя Галлоглас, объявив, что я заболела.

Как назло, моя «болезнь» сразу привлекла внимание императора, и в наш дом хлынул поток лекарств. Мне присылали глину terra sigillata, обладающую удивительными целебными свойствами, затем принесли безоарские камни, извлеченные из мочевого пузыря коз, — средневековое противоядие. Император прислал чашу из рога единорога вместе с семейным рецептом лечебной каши. Для изготовления последней требовалось испечь яйцо вместе с шафраном, затем истолочь в порошок вместе с горчичными зернами, дягилем, ягодами можжевельника, камфорой и другими совершенно неизвестными мне веществами. К полученному порошку нужно было добавить патоки и лимонного сиропа, придав смеси пастообразное состояние. Не доверяя нашим служанкам приготовление снадобья, Рудольф прислал доктора Гаека, чтобы тот собственноручно приготовил кашу. Я не испытывала ни малейшего желания глотать несъедобную смесь, о чем и сказала императорскому врачу.

— Я сообщу императору, что вы идете на поправку, — лаконично ответил Гаек. — К счастью для вас, его величество сейчас весьма обеспокоен собственным здоровьем и не рискнет отправиться на Шпаренгассе, чтобы проверить мои слова.

Мы искренне поблагодарили врача за понимание и отправили домой, вручив одну из жареных кур, которых тоже прислали с королевской кухни для возбуждения моего аппетита. Вместе с курами принесли краткую записку от императора: «Ich verspreche

Sie werden nicht hungern. Ich halte euch zufrieden. Rudolf»[1]. Записку я бросила в огонь после того, как Мэтью объяснил мне двусмысленность слов императора. Непонятно, как именно он собирался утолять мой голод: жареной курятиной или... собой.

Наш путь лежал на другой берег Влтавы, в Старе Место. Наконец-то я собственными глазами увидела кипучую жизнь центра Праги. Извилистые улицы были застроены трех- и четырехэтажными домами, первые этажи которых целиком занимали лавки торговцев. Торговля шла бойко. Затем мы свернули на север и попали совсем в другой город. Дома здесь были пониже, жители одевались беднее, а торговля велась не с таким размахом. Перейдя широкую улицу, мы оказались перед воротами, за которыми начинался Еврейский город. Свыше пяти тысяч евреев жили на сравнительно небольшой территории, зажатой между берегом реки (там была вотчина ремесленников), главной площадью Старого города и каким-то монастырем. Квартал был ужасно перенаселен даже по меркам Лондона. Дома здесь не столько строились на новых местах, сколько возводились поверх уже существующих зданий, гармонично вырастая из их стен, как завитки раковины улитки.

К жилищу рабби Лёва мы добирались по змеящимся улочкам. Идя сюда, было бы нелишне захватить мешок с хлебными крошками, чтобы по ним выбираться потом из этого лабиринта. Прохожие опасливо глядели в нашу сторону, и лишь немногие решались поздороваться с Мэтью, которого называли Габриелем. То было одним из множества его имен. Для меня оно послужило сигналом, что я попала в очередную «кроличью нору» Мэтью и вскоре встречусь с какой-то из его прежних личностей.

Оказавшись перед добродушным стариком, которого почтительно называли Махараль, я поняла, почему Мэтью говорил о нем вполголоса. От рабби Лёва исходило то же спокойное ощущение силы, какое я ощутила у Филиппа. По сравнению с его чувством собственного достоинства имперские замашки Рудольфа и сварливость Елизаветы выглядели смехотворными. В конце XVI века это особенно впечатляло, поскольку тогда людям, имеющим власть и влияние, было свойственно навязывать свою во-

[1] «Обещаю, что ты не будешь голодать. Я утолю твой голод. Рудольф» *(нем.)*.

лю другим. Однако репутация Махараля строилась не на физической силе, а на его учености и громадных знаниях.

— Махараль — один из самых замечательных людей, какие когда-либо жили, — так ответил Мэтью на мою просьбу рассказать об Иегуде Лёве.

Учитывая, что сам Мэтью прожил не одну сотню лет, это была значительная похвала в адрес еврейского мудреца.

— А я-то думал, Габриель, что дела между нами завершены, — суровым тоном произнес по-латыни рабби Лёв. Видом своим и манерой говорить он сейчас был очень похож на директора школы. — Я уже отказывался назвать имя колдуна, сотворившего Голем. Могу повторить свой отказ. — Отчитав Мэтью, рабби Лёв повернулся ко мне. — Прошу прощения, фрау Ройдон. В разговорах с вашим мужем терпение всегда меня подводит. Я даже забываю о манерах. Рад познакомиться с вами.

— Я пришел не ради расспросов о Големе, — ответил Мэтью. — Сегодня меня к вам привело дело частного характера. Оно касается одной книги.

— Что это за книга?

Внешне Махараль не выказал удивления. Он даже не моргнул, но едва уловимое колебание воздуха подсказало: что-то его слегка насторожило. После встречи с Келли я стала ощущать характерное покалывание во всем теле, будто мою магию затягивало в какой-то иной поток. Моя драконiха тоже пробудилась. Нити вокруг меня вспыхнули и замерцали, словно пытались мне что-то сказать. Перед мысленным взором быстро промелькнул какой-то предмет, затем чье-то лицо и путь по улочкам Еврейского города.

— Эту книгу моя жена обнаружила в университете, находящемся очень далеко отсюда.

Меня поразила искренность Мэтью. Искренней была и реакция рабби Лёва.

— Вижу, сегодня мы честны по отношению друг к другу. Нам лучше продолжить разговор в спокойном месте, чтобы я смог насладиться неожиданным ощущением. Прошу в мой кабинет.

Первый этаж весьма населенного дома, где жил рабби Лёв, был разделен на комнатки, одна из которых служила ему кабинетом. Увидев щербатый стол со стопками книг, я сразу почувствовала себя в знакомой обстановке и успокоилась. Пахло чернилами

и еще чем-то, напомнившим мне о детстве, танцевальной студии и ящике с канифолью. В железном котелке возле двери варилось что-то похожее на коричневые райские яблоки. Они слегка выпрыгивали и снова погружались в такую же коричневую жидкость. Мне сразу вспомнились ведьмины котлы. Думать о том, что́ может находиться на дне этого сосуда, как-то не хотелось.

— Этот рецепт чернил вас больше устраивает? — спросил Мэтью, указывая пальцем на подпрыгивающие «яблочки».

— Да. Вы оказали мне добрую услугу, порекомендовав добавлять эти орешки. Теперь для получения черного цвета требуется меньше сажи. И потом, чернила получаются гуще... Прошу садиться. — Рабби Лёв указал мне на единственное кресло.

Когда я села, хозяин кабинета уселся на трехногий стул. Больше сидеть было не на чем.

— Габриель постоит. Пусть он и немолод, но ноги у него сильные.

— Махараль, я достаточно молод, чтобы сидеть у ваших ног вместе с вашими учениками, — улыбнулся Мэтью и грациозно уселся на пол, скрестив ноги.

— Мои ученики не настолько глупы, чтобы в такую погоду сидеть на полу... Теперь о деле, — сказал рабби Лёв, внимательно разглядывая меня. — Почему жена Габриеля бен Ариеля вздумала искать свою книгу так далеко от ее дома?

Меня кольнуло: он ведь говорил не о нашем путешествии через Влтаву и даже не о поездке в Европу. Как он мог узнать, что я не из этого времени?

Едва мой мозг сформулировал вопрос, в воздухе, над плечом рабби Лёва, появилось мужское лицо: еще молодое, но изрезанное морщинами вокруг глубоко посаженных серых глаз. Темно-каштановая борода тоже начала седеть.

— Кто-то из ведьм или колдунов рассказал вам обо мне, — тихо произнесла я.

Рабби Лёв кивнул.

— Прага — удивительный город по части распространения новостей. Жаль только, что половина из них оказывается досужим вымыслом... И чем же знаменательна эта книга? — спросил он, возвращая меня к теме разговора.

— Мы думаем, там рассказывается о появлении существ вроде Мэтью и меня.

— В этом нет никакой загадки. Вас сотворил Бог, как сотворил меня и императора Рудольфа, — ответил Махараль, приваливаясь к спинке стула.

Это была типичная поза учителя, сложившаяся за годы общения с учениками. Чувствовалось, Махараль давал им вдоволь наиграться с новыми идеями, наспориться до хрипоты, а потом начинал задавать вопросы. Я вдруг почувствовала себя в роли ученицы, готовящейся к ответу. Естественно, мне не хотелось разочаровать рабби Лёва.

— Возможно, — начала я, — но некоторым из нас Бог дал дополнительные таланты. Вот вы, рабби Лёв, не можете воскрешать мертвых. — Я поймала себя на том, что говорю с ним, как с оксфордским преподавателем. — И незнакомые лица не появляются перед вами, когда вы задаете какой-нибудь простой вопрос.

— Верно. Но вы не правите Богемией, а ваш муж говорит по-немецки лучше меня, хотя я с детства разговариваю на этом языке. Каждый из нас, фрау Ройдон, наделен своими неповторимыми способностями. При явной хаотичности мира в нем все же ощущается присутствие Божьего замысла.

— Вы с такой уверенностью говорите о Божьем замысле, поскольку знаете, что ваше происхождение описано в Торе, — ответила я. — «Берейшит» — так вы называете книгу, известную христианам как Бытие. Вы согласны, рабби Лёв?

— Жаль, я не знал, с кем из семьи Ариеля нужно обсуждать богословские вопросы, — сухо сказал рабби Лёв, но его глаза озорно блеснули.

— Кто такой Ариель?

— Среди народа рабби Лёва мой отец известен под именем Ариель, — пояснил Мэтью.

— Ангел гнева? — нахмурилась я.

Филипп, которого я видела собственными глазами, совсем не подходил под это описание.

— Правитель, повелевающий землей. Некоторые зовут его Иерусалимским Львом. В недавнее время у моего народа был повод благодарить Ариеля, хотя евреи не забыли и никогда не забудут его многочисленные прошлые прегрешения. Однако Ариель старается искупить свою вину. Но судить об этом Богу, а не нам. — Рабби Лёв о чем-то задумался. Мне показалось, он решал, стоит ли откровенничать с нами. — Император действительно показы-

вал мне такую книгу. К сожалению, его величество не дал мне достаточно времени на ее изучение.

— Все, что вы сможете рассказать, будет нам полезно, — сказал Мэтью, не пытаясь скрыть волнение.

Он наклонился, прижав колени к груди, и сейчас был похож на Джека, завороженно слушающего рассказ Пьера. На мгновение я увидела своего мужа мальчишкой, когда он учился плотницкому ремеслу.

— Император Рудольф позвал меня во дворец, надеясь, что я сумею прочитать написанное в той книге. Алхимик, которого у нас зовут *мешугенер* Эдвард, заполучил ее из библиотеки своего хозяина, англичанина Джона Ди. — Рабби Лёв вздохнул и покачал головой. — Трудно понять, почему Бог решил сделать Ди образованным, но беспечным, а Эдварда — невежественным, но сообразительным. Так вот, *мешугенер* Эдвард сказал императору, что эта древняя книга содержит тайны бессмертия. Каждый человек, наделенный властью и могуществом, мечтает жить вечно. Однако строчки в этой книге были написаны на языке, который не понимал никто, за исключением упомянутого алхимика.

— И Рудольф позвал вас, думая, что книга написана на каком-нибудь древнем диалекте еврейского языка, — кивая, сказала я.

— Возможно, язык этот действительно древний, но не еврейский. В книге было полно картинок. Я не понял их смысла, однако Эдвард утверждал, что они имеют алхимическую природу. Возможно, слова являются пояснениями к картинкам.

— Рабби Лёв, а когда вы смотрели на страницы книги, слова двигались? — спросила я, вспоминая строки, мелькавшие под алхимическими картинками.

— Как они могли двигаться? — Рабби Лёв даже нахмурился. — Это всего лишь буквы, написанные чернилами на пергаменте.

— Значит, книга еще не повреждена, — испытывая облегчение, сказала я. — Когда я видела эту книгу в Оксфорде, оттуда было вырвано несколько страниц. Понять смысл написанного не представлялось возможным. Слова бегали взад-вперед, разыскивая своих исчезнувших братьев и сестер.

— Вы говорите так, будто эта книга живая, — усмехнулся рабби Лёв.

— Думаю, да, — призналась я, и Мэтью удивленно посмотрел на меня. — Конечно, мои слова звучат неправдоподобно, но, когда

я вспоминаю тот вечер и события, начавшие происходить, едва я дотронулась до книги, мне она невольно кажется живой. Книга меня узнала. Я почувствовала... ее боль, словно она потеряла что-то очень важное.

— У моего народа есть повествования о книгах, написанных живым пламенем. Слова там движутся, переплетаются и изгибаются. Прочесть их могут лишь избранные Богом.

Рабби Лёв вновь испытующе посмотрел на меня. Мне встречались преподаватели, любящие ошеломить студентов каким-нибудь неожиданным вопросом.

— Я слышала эти истории. Слышала и о потерянных книгах, и о скрижалях, разбитых Моисеем. Я знаю об Адамовой книге, куда он записывал истинные имена всего сотворенного.

— Если ваша книга столь же значима, как те, возможно, Бог желает, чтобы она оставалась скрытой. — Рабби Лёв снова откинулся на спинку стула и стал ждать моего ответа.

— Но книга не остается скрытой, — сказала я. — Рудольф знает, где она, хотя и не может прочесть в ней ни слова. Скажите, кому бы вы вручили на хранение столь могущественный манускрипт: Мэтью или императору?

— Я знаю многих мудрецов, которые сказали бы: выбирать между Габриелем *бен* Ариелем *и его величеством* означает лишь выбор меньшего из двух зол. — Взгляд рабби Лёва переместился на Мэтью. — К счастью, я не из их числа. Однако больше я ничем помочь вам не могу. Книгу я видел, но ее нынешнее местонахождение мне неизвестно.

— Книга находится у Рудольфа. По крайней мере, находилась. Пока вы этого не подтвердили, мы располагали лишь подозрениями доктора Ди и заверениями того, кого вы справедливо назвали безумным Эдвардом, — мрачно произнес Мэтью.

— Безумцы бывают опасны, — заметил рабби Лёв. — Вам, Габриель, нужно проявлять больше осмотрительности по части того, кого вы наполовину выпихиваете из окна.

— Вы слышали и об этом? — разинул рот Мэтью.

— Город бурлит рассказами о том, как *мешугенер* Эдвард вместе с дьяволом летал над Мала Страной. Естественно, я предположил, что без вас не обошлось. — Теперь в тоне рабби Лёва звучал мягкий упрек. — Эх, Габриель, Габриель. Что скажет ваш отец?

— Он скажет, что я должен был вытолкнуть этого мерзавца из окна. Мой отец не цацкается с существами вроде Эдварда Келли.

— То есть с сумасшедшими.

— Махараль, я сказал так, как думаю.

— Человек, которого вы готовы убить не задумываясь, к сожалению, единственный, кто может помочь вам найти эту книгу, столь значимую для вашей жены. — Рабби Лёв вдруг замолчал, раздумывая о дальнейших словах. — Но действительно ли вы хотите узнать тайны этой книги? Жизнь и смерть сопряжены с громадной ответственностью.

— Учитывая то, кто я, вас не удивит, что я знаком с особенностями обеих.

— Допустим. Но сможет ли и ваша жена нести такой груз? Вы ведь, Габриель, не всегда будете с ней рядом. Те, кто готов поделиться своими знаниями с ведьмой, ничего не скажут вам.

— Значит, в Еврейском городе все-таки есть создатель заклинаний, — сказала я. — Это мне сразу пришло на ум, когда я услышала о Големе.

— Он ждал, когда вы его разыщете. Но, увы, встречаться он будет только с вами, поскольку вы ведьма. Мой друг боится Конгрегации Габриеля, и на то есть основания, — пояснил рабби Лёв.

— Рабби Лёв, я бы хотела встретиться с ним.

Прядильщиков во всем мире можно было перечесть по пальцам. Я не могла упустить возможность познакомиться еще с одним.

Мэтью шевельнулся, готовый возразить.

— Мэтью, это важно, — сказала я, касаясь его руки. — Я обещала Благочестивой Олсоп: пока мы здесь, не забывать об этой стороне моей природы.

— Габриель, в браке каждый из двоих должен обретать цельность. Брак не должен ни для кого становиться тюрьмой, — сказал рабби Лёв.

— Речь не о нашем браке и не о том, что ты ведьма. — Мэтью встал, заполняя собой половину комнаты. — Нельзя, чтобы христианку видели рядом с еврейским мужчиной. — Я приготовилась возразить, но Мэтью замотал головой. — Это опасно не для тебя. Для него. Ты должна поступить так, как велит рабби Лёв. Я не хочу, чтобы он или кто-либо в Еврейском городе пострадали из-за нас.

— Я не сделаю ничего, чтобы привлечь внимание к себе или к рабби Лёву, — пообещала я.

— Тогда отправляйся на встречу с этим прядильщиком. Я буду ждать тебя в Унгельте[1].

Мэтью коснулся губами моей щеки и сразу же ушел, чтобы не было искушения передумать. Рабби Лёв изумленно смотрел ему вслед.

— Габриель восхитительно быстр для своего роста и фигуры, — сказал рабби, вставая со стула. — Он напоминает мне императорского тигра.

— Коты признают Мэтью за своего, — сказала я, вспомнив поведение Сариной Табиты.

— Смотрю, вас ничуть не угнетает сознание того, что вы вышли замуж за животное. Габриелю очень повезло с женой.

Рабби Лёв надел черную мантию и крикнул слуге, что мы уходим.

Он повел меня в другом направлении, а может, и нет. Я старательно глядела себе под ноги, удивляясь аккуратно вымощенным улицам. Такое я видела впервые с тех пор, как попала в прошлое. Я поинтересовалась у рабби Лёва, кто же создал столь необычное удобство для жителей Еврейского города.

— Это герр Майзель. Он оплатил мощение улиц и построил женскую баню. Он помогает императору финансами в таких делах, как священная война Рудольфа против турок.

Рабби Лёв обошел лужу. Только сейчас я заметила золотой круг, пришитый к его плащу в области сердца.

— Что это за знак?

— Он сообщает невнимательным христианам, что я еврей, — криво усмехнувшись, пояснил рабби Лёв. — Я всегда думал, что даже самые непроходимые тупицы рано или поздно это поймут без всякого знака. Но власти настаивают, чтобы все евреи носили опознавательные знаки. — Он понизил голос. — Это куда более приемлемо, нежели шляпы, которые прежде должны были носить евреи. Ярко-желтого цвета, похожие на шахматную фигуру. Попробуйте не заметить такую шляпу на рынке!

— Если бы люди знали, что среди них живут существа вроде нас с Мэтью, они бы и нас обязали носить опознавательные зна-

[1] *Унгельт*, или Тынский двор, — старинная купеческая крепость в Праге.

ки. — Я вздрогнула от собственных слов. — Иногда лучше прятаться.

— Вроде Конгрегация Габриеля этим и занимается? Помогает вам прятаться?

— В таком случае они плохо исполняют свою работу, — засмеялась я. — Фрау Губер рассказывала мне про оборотня, который ночами рыщет по Оленьему рву. Жители Мала Страны верят, что Эдвард Келли способен летать. В Германии и Шотландии идет охота на ведьм. О нас знают и английская королева Елизавета, и император Рудольф. По-моему, мы должны быть благодарны таким правителям за их терпимость.

— Порой одной лишь терпимости недостаточно. Допустим, сейчас в Праге к евреям относятся терпимо, но все может измениться буквально за ночь. И тогда нас выгонят из города, обрекая на голод и холод.

Рабби Лёв свернул в узкий переулок и вошел в дом, не отличавшийся от множества других домов на других таких же узких улочках. Внутри двое мужчин сидели за столом, заваленным книгами, бумагами и математическими инструментами. Сумрак помещения разгоняли две зажженные свечи.

— Астрономия обеспечит нам взаимопонимание с христианами! — воскликнул один из них по-немецки, пододвигая собеседнику лист бумаги с какими-то чертежами.

Ему было под пятьдесят. Густая седая борода. Тяжелые надбровные дуги, прикрывающие глаза. Как и большинство ученых, он страдал сутулостью.

— Довольно, Давид! — взорвался его собеседник. — Ты хочешь сказать, что мы окажемся с ними на одной земле. Но вряд ли она будет Землей обетованной, столько лет питающей наши надежды.

— Авраам, эта госпожа хочет с тобой поговорить, — прервал их спор рабби Лёв.

— Все женщины Праги стремятся повидать Авраама, — сказал Давид и встал. — Чьей дочери на сей раз понадобилось любовное заклинание?

— Ты бы лучше спросил не о ее отце, а о ее муже. Это фрау Ройдон, жена англичанина.

— Та, кого император называет La Diosa? — Давид засмеялся и похлопал Авраама по плечу. — Удача повернулась к тебе спиной, друг мой. Ты оказался между императором, богиней и nachzehrer.

Я не настолько знала немецкий и чисто интуитивно догадалось, что незнакомое слово означает «пожиратель мертвых».

Авраам сказал по-еврейски какую-то грубость. Так мне показалось, поскольку рабби Лёв на мгновение изменился в лице. Потом, впервые за все это время, Авраам повернулся ко мне. Мы посмотрели друг на друга — ведьма и колдун. Он не выдержал моего взгляда, а я — его. Я шумно вздохнула и отвернулась. Авраам поморщился и пальцами прикрыл веки. У меня по всему телу началось покалывание. Воздух между нами запестрел яркими красками.

— Она и есть та, кого ты ждал, Авраам бен Илия? — спросил рабби Лёв.

— Да, это она. — Авраам отвернулся от меня и упер кулаки в стол. — Но сны не говорили мне, что она окажется женой *алюка*.

— *Алюка?* — повторила я, поворачиваясь к рабби Лёву за объяснением.

Если и это слово было немецким, здесь моя интуиция молчала.

— Кровопийца. Так евреи называют существ вроде вашего мужа, — сказал рабби Лёв. — Должен тебе сказать, Авраам, что Габриель согласился на эту встречу.

— Вы думаете, я поверю слову монстра, который судит мой народ, заседая в Кагале, однако закрывает глаза на тех, кто нас убивает?! — воскликнул Авраам.

Я хотела возразить, хотела объяснить ему, что это совсем не тот Габриель... не тот Мэтью, но осеклась. Любое мое слово могло повлечь гибель всех, кто находился в этой комнате, когда в свое время вернется тот, «настоящий» Мэтью.

— Я здесь не по делам своего мужа и не по делам Конгрегации, — сказала я, выходя вперед. — Я пришла по своему делу.

— Зачем? — раздраженно спросил Авраам.

— Затем, что я тоже создательница заклинаний. И нас осталось немного.

— Было больше, пока Кагал, или Конгрегация, как вы называете это сборище, не установил свои правила, — вызывающе произнес Авраам. — Если Богу будет угодно, мы доживем до прекрасных времен и увидим детей, рождающихся с этими способностями.

— Раз уж мы заговорили о детях, где ваше детище — Голем? — спросила я.

Давид грубо захохотал:

— Матерь Авраама! Что сказали бы твои родные в Хелме?

— Они бы сказали, Давид Ганс, что я подружился с ослом, в чьей голове нет ничего, кроме звезд и пустых фантазий! — ответил, багровея, Авраам.

Моя огнедышащая драконiха, все эти дни пребывавшая в спячке, вдруг пробудилась, почуяв развлечение. Удержать ее я не успела. Драконiха выпорхнула из меня. Рабби Лёв и его друзья во все глаза смотрели на нее.

— У нее это бывает. Вы не волнуйтесь, — извинилась я и прикрикнула на свою подопечную: — А ну, возвращайся назад!

Драконiха уцепилась за стену и огрызнулась, всем видом показывая, что подчиняться не собирается. Старая штукатурка не могла выдержать вес диковинного существа с размахом крыльев в три фута. От стены отвалился большой кусок. Драконiха испуганно заверещала и уперлась хвостом в противоположную стену. Почувствовав себя в безопасности, мой дух-хранитель торжествующе заурчал.

— Если ты сейчас же не прекратишь, я велю Галлогласу придумать тебе самое отвратительное имя, — пригрозила я. — Никто не видел ее поводка? Это такая прозрачная цепочка.

Я осмотрела доски плинтуса и нашла поводок за корзинкой для растопки. К счастью, он не оборвался.

— Можете подержать его минутку, пока я загоняю это чудо обратно? — спросила я, перебирая прозрачные звенья цепочки, но в комнате никого не было. — Знакомая картина, — пробормотала я. — Трое взрослых мужчин и одна женщина. Угадайте, кому достанется обуздывать дракона?

Половицы заскрипели под чьими-то тяжелыми шагами. Я повернула шею. У меня за спиной стоял... невысокий глиняный человек. Темная одежда прикрывала его красно-коричневое тело. На лысую голову была нахлобучена черная шапочка. Глиняный человек во все глаза смотрела на мою драконiху.

— Йозеф, не смей!

Вновь появившийся Авраам встал между мной и глиняным Йозефом и поднял руки, словно пытаясь урезонить того. Но Голем... Да, передо мной был не кто иной, как легендарный человек, вылепленный из речной глины и оживленный с помощью заклинания... Голем упрямо приближался к драконихе.

— Йозеф зачарован драконихой этой ведьмы, — сказал вновь появившийся Давид.

— Думаю, Голем унаследовал пристрастие создателя к хорошеньким женщинам, — сказал рабби Лёв. — Судя по моим изысканиям, дух-хранитель колдуна часто перенимает некоторые черты характера своего создателя.

— Так Голем — это дух-хранитель Авраама? — спросила я, испытав настоящий шок.

— Да. Обычно духи-хранители появляются после первого же заклинания. У меня так не случилось. Я уже начинал думать, что он вообще не появится.

Авраам махнул Голему, но тот продолжал пялиться на драконихи, распластавшуюся между стенами. Почувствовав, что у нее есть восторженный зритель, дракониха принялась покачивать крыльями, ловя отблески свечей.

— А он что, появился без цепи? — спросила я, дергая за свою цепь.

— Ваша, как погляжу, не больно-то вам помогает, — усмехнулся Авраам.

— Потому что я еще многого не знаю! — сердито ответила я. — Дракониха появилась при первом же моем заклинании. А как вы создали Йозефа?

Авраам вытащил из кармана перепутанную связку веревок:

— С помощью обычных веревок.

— У меня вместо них нити, — сказала я и полезла в карман платья, где они лежали в сумочке.

— Цвета помогают вам выделять нити мира и успешнее ими пользоваться? — Авраам подошел ближе, явно заинтересованный таким вариантом прядения заклинаний.

— Да. У каждого цвета есть какое-то значение. Когда мне нужно создать новое заклинание, я сосредоточиваюсь и сразу вижу, какие нити для него взять. — Я оглянулась на Голема, который безотрывно смотрел на драконихи. — Но как вы из веревок создали глиняного человека?

— Ко мне пришла женщина и попросила о новом заклинании, которое помогло бы ей забеременеть. Думая о ее просьбе, я начал вязать узлы на веревке и не заметил, как у меня получилось подобие человеческого скелета.

Авраам взял со стола лист с чертежами Давида, перевернул и, глухой к протестам друга, набросал рисунок на чистой стороне.

— Похоже на куклу-марионетку, — сказала я, рассматривая рисунок.

Куски веревки соединяли девять узлов. Верхний обозначал голову, затем шел узел, обозначающий сердце. Еще два узла обозначали руки. Пятый узел находился на месте таза, шестой и седьмой — на месте коленей. Два нижних узла обозначали ноги.

— Я смешал глину со своей кровью и наложил на веревку, будто плоть. На следующее утро Йозеф уже сидел у огня.

— Вы вдохнули жизнь в мертвую глину, — произнесла я, глядя на Голема.

Авраам кивнул:

— У него во рту находится заклинание с тайным именем Бога. Пока оно там, Йозеф движется и подчиняется моим приказам... по большей части.

— Йозеф не может принимать самостоятельные решения, — пояснил рабби Лёв. — Мало вдохнуть в глину жизнь и добавить туда свою кровь. Этим душу Йозефу не создашь. Потому Авраам и старается не выпускать Голема из поля зрения, опасаясь, как бы Йозеф чего не натворил.

— Как-то в пятницу, когда настало время молитв, я забыл вынуть заклинание у него изо рта, — виновато признался Авраам. — Поскольку некому было отдать Йозефу распоряжение, он пошел бродить по Еврейскому городу, затем выбрался в Старый город и напугал наших христианских соседей. Теперь евреи думают, будто назначение Йозефа — защищать их.

— Всех дел все равно не переделаешь, — усмехнулась я. — Раз уж мы заговорили...

Тут я заметила, что моя драконiха, насытившись вниманием, уснула и тихо храпела, прислонясь одной щекой к штукатурке. Осторожно, чтобы ее не разбудить, я потянула за цепь. Драконiха рассталась со стеной. Потом она сонно сложила крылья, сделалась прозрачной, как струйка дыма, и медленно исчезла, погрузившись в мое тело.

— Жаль, Йозеф так не умеет, — позавидовал мне Авраам.

— А мне жаль, что я не могу ее утихомирить, просто вынув изо рта клочок бумаги! — ответила я.

Через несколько секунд у меня вдруг окоченела спина.

— Кто это здесь? — спросил низкий голос.

Вошедший не отличался высоким ростом. В его облике не было ничего пугающего. Но он был вампиром с синими глазами на бледном вытянутом лице под шапкой темных волос. В его взгляде я уловила повелительные оттенки и инстинктивно попятилась.

— Вам, герр Фукс, здесь нечего делать, — заявил вошедшему Авраам.

— А тебе, Авраам, незачем показывать дурные манеры, — сказал рабби Лёв, поворачиваясь к вампиру. — Герр Фукс, позвольте представить вам фрау Ройдон. Она живет на Мала Стране. Ей захотелось посмотреть на Еврейский город.

Вампир приклеился глазами ко мне. Его ноздри раздулись. Жест был мне знаком: Мэтью тоже раздувал ноздри, настраиваясь на новый запах.

— И все-таки, герр Фукс, зачем вы здесь? Я говорил, что встречусь с вами возле синагоги, — сказал Авраам.

Чувствовалось, появление вампира не только рассердило, но и взбудоражило его.

— Вы опоздали. — Синие глаза герра Фукса широко раскрылись. Он улыбнулся мне, а Аврааму сказал: — Но теперь, когда я узнал причину вашего опоздания, то готов вам его простить.

— Герр Фукс приехал сюда с визитом из Польши, где они с Авраамом и познакомились, — пояснил рабби Лёв, закончив церемонию представления.

С улицы донеслось чье-то приветствие.

— Вот и герр Майзель, — с явным облегчением произнес Авраам.

Я тоже почувствовала облегчение.

Герр Майзель, заботящийся не только о мостовых в Еврейском городе, но и о пополнении императорской казны, одевался сообразно своему статусу. Его шерстяной костюм был сшит точно по фигуре. На плаще с меховым подбоем ярко пламенел желтый круг, говорящий о его принадлежности к евреям. Круг был пришит к плащу золотой нитью, что делало опознавательный знак больше похожим на аристократический герб.

— И вы здесь, герр Фукс, — сказал герр Майзель, протягивая вампиру мешочек. — Вот ваш камень.

Затем он поклонился рабби Лёву и мне.

Вампир вытащил из мешочка медальон на тяжелой цепочке. Разглядеть изображение я не смогла, но ясно различила полосы красной и зеленой эмали. Вампир оскалил зубы.

— Благодарю вас, герр Майзель. — Вампир поднял медальон, и тот поймал отблески свечей. — Цепь означает мою клятву убивать драконов везде, где они мне попадутся. Без нее мне было как-то не по себе. Город просто кишит опасными существами.

— Не больше, чем обычно, — усмехнулся герр Майзель. — И не надо вам вмешиваться в дела чужого города, герр Фукс. Если вы последуете моему совету, это будет лучше для всех нас. А вы, фрау Ройдон, готовы вернуться туда, где вас ожидает муж? Он у вас не из самых терпеливых.

— Герр Майзель проводит вас до Унгельта, — пообещал мне рабби Лёв, выразительно посмотрев на вампира. — А ты, Авраам, проводи Диану до улицы. Вы, герр Фукс, останетесь со мной и расскажете мне о Польше.

Я сделала рабби Лёву прощальный реверанс.

— Был рад познакомиться с вами, фрау Ройдон. — Рабби Лёв помолчал. — Подумайте на досуге о том, что я говорил вам по дороге сюда. Никто из нас не может постоянно прятаться.

— Никто, — согласилась я.

В отличие от рабби Лёва, я знала об ужасах, ожидавших пражских евреев в грядущие века, и потому мне искренне хотелось, чтобы его слова не подтвердились.

Кивнув герру Фуксу, я вышла на улицу вместе с герром Майзелем и Авраамом.

— Герр Майзель, обождите минутку, — попросил Авраам, когда мы очутились на улице.

— Только недолго, Авраам, — сказал герр Майзель, отойдя на несколько футов.

— Я так понимаю, фрау Ройдон, в Праге вы ищете некую книгу.

— Откуда вы знаете? — спросила я, почувствовав легкую тревогу.

— Многие городские ведьмы об этом знают, но я вижу, каким образом вы с ней связаны. Книга тщательно охраняется, и силой вы ее не получите. — Лицо Авраама сделалось серьезным. — Книга должна прийти к вам, иначе вы потеряете ее навсегда.

— Но это всего лишь книга. Если у нее чудесным образом не вырастут ноги, нам придется самим идти во дворец Рудольфа и искать ее.

— Я доверяю своим видениям, — упрямо заявил Авраам. — Книга попадет к вам, только если вы о ней спросите. Не забывайте.

— Хорошо, не забуду. — (Герр Майзель выразительно смотрел на нас.) — Мне пора. Спасибо, что встретились со мной и показали мне Йозефа.

— Да хранит вас Господь, Диана Ройдон! — с мрачной торжественностью произнес Авраам.

Вскоре мы с герром Майзелем покинули Еврейский город и вышли в Старе Место. Просторная площадь была запружена народом. Слева к нему поднимались две башни Тынского храма, справа тянулось приземистое здание городской ратуши.

— Если бы мы не спешили к герру Ройдону, то обязательно дождались бы боя часов, — извиняющимся тоном сказал герр Майзель. — Обязательно попросите мужа, чтобы показал вам часы по пути к мосту. Это должен видеть каждый, кто приезжает в Прагу.

В Унгельте, где иностранные купцы торговали под бдительным взором таможенных чиновников, на Майзеля смотрели с нескрываемой враждебностью.

— Вот и ваша жена, герр Ройдон. Уверен, пока мы шли сюда, она обратила внимание на все лучшие здешние магазины. Она без труда найдет в Праге лучших ремесленников, способных выполнить ее пожелания и пожелания ваших домашних, — сказал герр Майзель, лучезарно улыбаясь Мэтью.

— Благодарю вас, герр Майзель. Я признателен вам за оказанную помощь и непременно расскажу его величеству о вашей доброте и заботливости.

— Заботиться о процветании подданных его величества — моя работа, герр Ройдон, — ответил еврейский купец. — И разумеется, удовольствие. Я взял на себя смелость нанять лошадей для вашего возвращения домой. Они ожидают вас возле часовой башни. — Майзель дотронулся до своего носа и заговорщически подмигнул.

— Вы невероятно предусмотрительны, герр Майзель, — пробормотал Мэтью.

— Кто-то должен быть предусмотрительным, герр Ройдон.

Мы вернулись в «Три во́рона». Я снимала плащ, когда вбежавший Джек чуть не сбил меня с ног. Вместе с ним была какая-то странная швабра. Швабра имела розовый язык и холодный черный нос.

— Это еще что? — завопил Мэтью, удержав меня от падения.

Я пыталась понять, где же у швабры ручка.

— Его зовут Лоберо. Галлоглас говорит, что он вырастет в большого зверя и на нем можно будет ездить, как на коне. Энни он тоже очень нравится. Она хочет, чтобы он спал в ее кровати, но я думаю, мы будем брать его по очереди. Как вы считаете? — тараторил Джек, пританцовывая от волнения.

— К щенку прилагалась записка, — сообщил Галлоглас.

Он перестал подпирать собой дверь и подошел к Мэтью, подавая записку.

— Мне надо узнавать, кто прислал это сокровище? — спросил Мэтью, забирая листок с запиской.

— Думаю, ты и так догадался. — Галлоглас окинул меня взглядом и прищурился. — Тетушка, у вас в гостях что-то произошло? Вид у вас какой-то измученный.

— Просто устала, — ответила я, отмахиваясь от дальнейших расспросов.

Швабра имела не только язык, но и зубы, и, когда мой палец оказался в щенячьей досягаемости, я узнала, что подарок умеет кусаться.

— Ой! — вскрикнула я.

— Это надо прекращать!

Мэтью скомкал записку и швырнул на пол. Щенок радостно затявкал и бросился к новой игрушке.

— Что было в записке? — спросила я.

Как и Мэтью, я сразу догадалась, чей это подарок.

— «Ich bin Lobero. Ich will euch aus den Schatten der Nacht zu schützen», — равнодушно произнес немецкие фразы Мэтью.

— Ну почему он упорно продолжает писать по-немецки? — фыркнула я. — Ведь знает же Рудольф, что я с трудом понимаю немецкий.

— Его величеству доставляет удовольствие сознавать, что я вынужден переводить его признания в любви.

Я поморщилась:

— И как это звучит в переводе?

— «Меня зовут Лоберо. Я защищу тебя от тени ночи».

— А это имя что-нибудь значит?

Мне вспомнились слова Изабо о важности имен. Боже, как давно это было!

— В переводе с испанского, тетушка, оно означает «охотник на волков». — Галлоглас взял щенка на руки. — Этот пушистый комок — щенок венгерской овчарки. Они действительно вырастают в больших собак, способных завалить медведя. Отличаются невероятной преданностью хозяевам. Службу свою несут по ночам.

— Медведя? Вот это здорово! Когда мы привезем его в Лондон, я раздобуду поводок и поведу Лоберо на травлю медведя. Пусть учится, — строил восторженные планы Джек. — А правда, Лоберо — красивое имя? Мастер Шекспир наверняка захочет вставить это имя в свою новую пьесу. — Джек потянулся к щенку, и Галлоглас охотно отдал ему извивающийся белый комок. — Энни! Теперь моя очередь кормить Лоберо! — Джек устремился вверх по лестнице, крепко прижимая к себе щенка.

— Увести их на несколько часов? — спросил Галлоглас, увидев лицо Мэтью, предвещавшее бурю.

— Дом Болдуина пустует?

— Если ты спрашиваешь о жильцах, то да.

— Уводи всех, — распорядился Мэтью, снимая с меня плащ, который я забыла снять.

— Даже Лоберо?

— В особенности Лоберо.

За ужином Джек трещал как сорока, успевая пихать локтями Энни и кормить щенка, изобретая для этого поистине оккультные методы. Детская возня и щенячьи восторги отвлекали мое внимание. Меж тем я чувствовала: Мэтью решил поменять планы на вечер. С одной стороны, он был стайным животным, и какая-то часть его личности наслаждалась заботой о безопасности стаи. А с другой — он оставался хищником, и я чувствовала, что окажусь его сегодняшней добычей. Чувство было не из приятных. Хищник в Мэтью перевесил. Он выпроводил из дому всех, включая Терезу и Каролину.

— Зачем ты их всех выгнал? — спросила я.

Мы сидели у камина в гостиной второго этажа. В воздухе до сих пор вкусно пахло недавним ужином.

— Что произошло днем? — поинтересовался Мэтью.

— Вначале ответь на мой вопрос.

— Не дави на меня. Особенно сегодня, — предостерег меня Мэтью.

— Думаешь, мой день был легким?

Между нами потрескивали туго натянутые черные и голубые нити. К этой зловещей картине примешивались тягостные ощущения.

— Не думаю. — Упершись ногами, Мэтью шумно отодвинулся вместе со стулом. — Но ты что-то от меня скрываешь. Диана, что у тебя произошло во время встречи с тем колдуном? — (Я молча смотрела на мужа.) — Диана, я жду.

— Ты можешь ждать, пока ад не остынет. Мэтью, я тебе не служанка. Я первой задала вопрос.

Нити приобрели пурпурный цвет. Они перекручивались, а их узор делался все искаженнее.

— Я отослал всех, чтобы поговорить с тобой наедине. Теперь ответь, что́ там было?

Запах гвоздики, исходивший от него, стал удушающим.

— Я видела Голема. Познакомилась с его создателем, еврейским прядильщиком Авраамом. Он, как и я, владеет силой оживления.

— Я тебе уже говорил: мне не нравится, когда ты играешь с жизнью и смертью.

Мэтью налил себе еще вина.

— Ты сам играешь с ними постоянно, и я это принимаю как часть твоей природы. Тебе придется принять это и во мне.

— А этот Авраам? Кто он такой? — сердито спросил Мэтью.

— Мэтью, никак ты вздумал ревновать меня к другому прядильщику?

— Ревновать? Это чувство свойственно теплокровным. Я давно его утратил. — Он глотнул вина.

— Мы не впервые проводим время порознь. Ты занимаешься делами Конгрегации и своего отца. Я — своими. Почему этот день должен отличаться от всех прочих?

— Он отличается, потому что я чую на тебе запахи всех, с кем ты сегодня общалась. Довольно того, что ты повсюду носишь за-

пахи Джека и Энни. Это уже скверно. Галлоглас и Пьер стараются не прикасаться к тебе, но и их запахи есть на тебе, поскольку они много времени проводят в твоем присутствии. Сегодня к этой гамме нужно добавить запахи Махараля, герра Майзеля и еще по меньшей мере двоих. Единственный запах, смешение которого с твоим я допускаю, — это мой. Но я не могу посадить тебя в клетку и потому вынужден, насколько возможно, терпеть. — Мэтью опустил кубок на стол и встал, намереваясь отойти от меня.

— Я твои слова воспринимаю как ревность.

— Ошибаешься. Я уже сказал, ревность меня не задевает! — разгневанно напомнил мне Мэтью. — А то, что я испытываю сейчас, — это жуткое грызущее чувство утраты и гнева, поскольку в хаосе нашей жизни мое четкое представление о тебе размывается. Я теряю контроль над происходящим. — Его зрачки становились все шире.

— Такова твоя вампирская природа. Обостренное чувство собственности, — спокойно ответила я, делая шаг в его сторону. Сегодня меня не пугал гнев Мэтью. — У меня другая природа. Я ведьма. Ты обещал принимать меня такой, какая я есть: светлое и темное, женщину и ведьму, независимую личность и твою жену.

А вдруг он передумал? Вдруг ему расхотелось, чтобы подобная непредсказуемость и дальше присутствовала в его жизни?

— Я принимаю тебя целиком, такой, какая ты есть. — Мэтью потянулся к моей щеке.

— Нет, Мэтью. Ты меня терпишь, поскольку думаешь, что однажды я подчиню свою магию твоим интересам. У нас с рабби Лёвом был разговор о терпимости. Он не обольщается на этот счет. Терпимость имеет свойство кончаться внезапно и без каких-либо причин, и тогда тот, кого терпели, лишается всего. Моя магия не черта характера, которую ты можешь обуздать или настроить под себя. А я не собираюсь скрывать от тебя свою истинную суть. Тогда это уже будет не любовь.

— Ты права. Не надо ничего скрывать.

— Приятно слышать, — облегченно вздохнула я.

Облегчение было недолгим. В следующее мгновение Мэтью сдернул меня со стула, прижал к стене и своими бедрами уперся в мои. Откинув мне волосы, он наклонил голову и припал к вырезу в моем корсаже. Я вздрогнула. Мэтью давно уже не целовал меня в этом месте, а наши интимные отношения прекратились

сразу же после выкидыша. Губы Мэтью скользнули по моему подбородку и застыли над жилами шеи.

— Не надо. — Я схватила его за волосы, отведя голову. — Не делай этого, если не собираешься заканчивать то, что начал. Твоих сочувственных и покаянных поцелуев мне хватит на всю оставшуюся жизнь.

Несколькими молниеносными движениями, на какие способны только вампиры, Мэтью распустил все завязки на своих штанах, задрал подолы всех моих юбок и вошел в меня. Меня не впервые прижимали к стене, чтобы на несколько драгоценных мгновений забыть о своих невзгодах. Иногда я сама становилась агрессором.

— Сейчас есть только ты и я. Больше никого. Никаких детей, ссорящихся из-за щенка. Никакой чертовой книги. Никакого императора с его подарками. Сегодня все запахи в этом доме будут нашими.

Руки Мэтью обхватили мои ягодицы. Его пальцы уберегали меня от ударов о стену, вызываемых его толчками во мне. Я вцепилась в воротник рубашки Мэтью, притянув его лицо поближе. Я стосковалась по вкусу его поцелуев. Но Мэтью и здесь стремился главенствовать: его губы были плотно сжаты, а мои попытки его поцеловать он пресек, слегка укусив меня за нижнюю губу.

— О боже! — выдохнула я, чувствуя, как его ритмичные толчки подхлестывают мои нервы, требующие оргазма.

— Сегодня я не хочу делить тебя даже с Богом.

Поцелуй Мэтью заглушил все мои восклицания. Теперь он придерживал мне ягодицы одной рукой. Вторая очутилась у меня между ног.

— Кому принадлежит твое сердце, Диана? — спросил Мэтью, надавливая большим пальцем. Эти движения угрожали свести меня с ума. Он повторял их, ожидая моего ответа, но я молчала. — Скажи вслух! — рявкнул Мэтью.

— Ты давно знаешь ответ. Мое сердце принадлежит тебе.

— Только мне, — сказал он, делая еще несколько движений.

Напряжение, владевшее нами, наконец-то получило разрядку.

— Только... навсегда... ты, — выдохнула я.

У меня дрожали ноги.

Мэтью тяжело дышал, плотно прижавшись лбом к моему лбу. В его глазах снова промелькнуло сожаление. Он опустил мой по-

дол и нежно меня поцеловал. Поцелуй получился почти целомудренным.

Наше любовное слияние, каким бы бурным оно ни было, не погасило побуждения Мэтью контролировать меня. Я принадлежала ему. Какие еще подтверждения он хотел получить? Похоже, это побуждение никогда не исчезнет.

Моя досада выплеснулась наружу, приняв вид плотной воздушной волны. Она оторвала Мэтью от меня, швырнув к противоположной стене. Его глаза потемнели.

— Как тебе такое ощущение, сердце мое? — тихо спросила я.

Мэтью удивленно смотрел на меня. Я щелкнула пальцами, выпуская его из воздушного плена. Мэтью задвигал руками и ногами и открыл рот.

— Не надо извиняться! — сердито бросила я. — Если бы мне это не понравилось, я бы не стала терпеть и сразу сказала «нет». — (Мэтью плотно сжал губы.) — Я постоянно вспоминаю твоего друга Джордано Бруно: «Желание толкаст меня вперед, но страх осаживает». Я не боюсь ни твоей телесной, ни магической силы. Я вообще ничего не боюсь в тебе. Чего же ты, Мэтью, боишься во мне?

Его кающиеся губы коснулись моих. Ветер, качнувший платье, подсказал: вместо ответа Мэтью предпочел исчезнуть.

Глава 30

— Заходил мастер Габермель. Твой компендиум на столе, — не поднимая головы, сообщил Мэтью.

Он сосредоточенно изучал планы Пражского Града, которые непостижимым образом сумел раздобыть у императорских архитекторов. Последние несколько дней Мэтью, что называется, обходил меня стороной, направляя свою энергию на изучение императорской стражи и возможных брешей в ней. Я пересказала мужу совет Авраама, но Мэтью предпочитал стратегию упреждающего удара. Ему хотелось, чтобы мы как можно скорее покинули Прагу.

Я подошла к столу. Мэтью смотрел на меня беспокойными, голодными глазами.

— Это всего лишь подарок. — Я сняла перчатки и крепко поцеловала мужа. — Ты не забыл, что мое сердце принадлежит тебе?

— Это не просто подарок. К нему прилагалось приглашение на завтрашнюю охоту. — Мэтью обнял меня за талию. — Галлоглас уведомил, что мы примем приглашение. Он разведал путь в императорские покои. Спросишь как? Заболтал одну служанку, наговорив ей комплиментов и сказав, что сгорает от желания увидеть эротическую коллекцию Рудольфа. Дворцовая стража будет либо охотиться, либо дремать. Галлоглас считает, что это отличный шанс заняться поисками книги.

На столе лежал еще один небольшой пакет.

— Ты знаешь содержимое и этого подарка?

Мэтью кивнул и потянулся к пакету:

— Ты постоянно получаешь подарки от других мужчин. Этот от меня. Протяни руку.

Я послушно протянула руку. Мэтью положил мне на ладонь что-то круглое и гладкое величиной с небольшое яйцо.

Оно было металлическим и довольно тяжелым. Однако то, что я приняло за яйцо, оказалось целой стаей маленьких саламандр, сделанных из золота и серебра. На их спинах поблескивали крошечные бриллианты. Я подняла одну саламандру и увидела цепь, составленную из парных саламандр. Их головы смыкались, а хвосты переплетались. К цепи был прикреплен крупный ярко-красный рубин.

— Какая красота! — восхищенно сказала я, глядя на Мэтью. — И когда ты нашел время, чтобы заказать эту цепь?

Она явно не принадлежала к числу вещиц, которые ювелиры делают в расчете, что кто-нибудь зайдет и купит.

— Я ее не заказывал, — признался Мэтью. — Отец прислал эту цепь вместе с триптихом. Но у меня были сомнения, понравится ли она тебе.

— Она мне уже понравилась. Ты же знаешь, саламандры — алхимический символ, — сказала я, награждая Мэтью новым поцелуем. — И потом, какая женщина станет возражать против двух футов серебра, золота, бриллиантовых саламандр и рубина, способного заполнить собой подставку для яйца?

— Саламандры были подарком тогдашнего короля, когда в тысяча пятьсот сорок первом году я вернулся во Францию. Король Франциск Первый избрал своей эмблемой саламандр, окруженных пламенем. Его девизом, в переводе с латыни, было: «Питаю и уничтожаю». — Мэтью вдруг засмеялся. — Киту настолько понравились эти слова, что он перекроил их на свой лад: «Питающее меня меня же уничтожает».

— Кит — неисправимый пессимист, у которого стакан всегда наполовину пуст, — сказала я и тоже засмеялась.

Я качнула одну из бриллиантовых саламандр. Свет свечей заставил ее заиграть множеством крошечных огоньков. Я приготовилась сказать об этом, но вдруг закрыла рот.

— Что-то не так? — насторожился Мэтью.

— Ты уже дарил эту цепь кому-нибудь... раньше?

После того вечера я вдруг остро почувствовала свою незащищенность.

— Нет, — коротко ответил Мэтью, обвивая руками мою руку вместе с цепью.

— Понимаю, это звучит смехотворно. Особенно если вспомнить поведение Рудольфа. Нет, меня бы такое не удивило. Просто если ты даришь мне вещь, которую прежде дарил кому-то из любовниц, честно скажи об этом.

— Мне, mon coeur, такое несвойственно. Я бы никогда не подарил тебе то, что уже дарил другой. — Мэтью ждал, когда я взгляну на него. — Твоя огнедышащая драконихa напомнила мне подарок Франциска. Вот я и попросил отца разыскать цепь в наших закромах. Я надевал ее сам, причем всего один раз. С тех пор она лежала в какой-то шкатулке.

— Такую цепь не будешь носить каждый день, — сказала я, попытавшись засмеяться. Попытка не удалась. — Сама не знаю, что́ со мной.

Мэтью притянул меня к себе, поцеловал:

— Мое сердце принадлежит тебе ничуть не меньше, чем твое — мне. Никогда не сомневайся в этом.

— Обещаю, что не буду.

— Вот и прекрасно. Рудольф делает все, только бы поссорить нас. Нам необходимо уцелеть, а затем благополучно убраться из Праги.

Слова Мэтью преследовали меня на следующий день. После полудня нас ожидали охотничьи развлечения в обществе императора и его ближайших придворных. Поначалу Рудольф хотел отправиться в свой охотничий домик на Белой горе и там устроить охоту на оленей. Но густая свинцовая облачность заставила его изменить планы. Была вторая неделя апреля, однако весна не торопилась в Прагу, и низкие облака вполне могли предвещать обильный снегопад.

Мэтью император позвал к себе, оставив меня на милость придворных дам. Те открыто пялились на меня и совершенно не знали, как себя со мной держать.

Слуги подали вино. Император и его спутники не ограничивали себя в количестве выпитого. И как после этого садиться в седло и мчаться на бешеной скорости за добычей? Жаль, что у Рудольфа не существовало правил на этот счет. За Мэтью я особо не беспокоилась. В чужих местах он был весьма умерен в выпивке. И даже если его лошадь вдруг врежется в дерево, для организма вампира такая травма не будет смертельной.

Подошли двое ловчих, неся на плечах длинный шест. Он служил насестом для великолепной стаи охотничьих соколов. Им предстояло сбивать для нас пернатую дичь. Затем подошли еще двое. На их шесте сидела всего одна птица, чью голову закрывал колпак. Оттуда высовывался грозного вида изогнутый клюв. Коричневые перья на лапах создавали ощущение сапог. Птица была заметно крупнее соколов.

— Ага! — воскликнул Рудольф, радостно потирая руки. — Вот и мою охотничью орлицу Августу принесли. Мне хотелось, чтобы La Diosa взглянула на нее. Увы, мы сегодня не сможем насладиться зрелищем ее охоты. Олений ров слишком узок для птицы такого полета.

Августа. Что ж, вполне подходящее имя для столь гордого создания. Ростом орлица была почти три фута. Даже колпак не мешал ей сидеть с запрокинутой головой.

— Она чувствует, что мы на нее смотрим, — негромко произнесла я.

Кто-то перевел мои слова императору.

— Охотница охотницу всегда поймет, — одобрительно улыбнулся Рудольф. — Снимите с Августы колпак. Пусть они с La Diosa познакомятся.

К орлице подошел кривоногий сухопарый старик. Судя по выражению его лица, он знал норов этой птицы и потому действовал осторожно. Развязав кожаные ремешки, удерживающие колпак на шее Августы, старик плавным движением его снял. Ветер взъерошил золотистые перья вокруг шеи и на голове, показывая их красоту и гибкость. Одновременно чуя свободу и опасность, орлица расправила крылья. Могло показаться, что она сразу же вспорхнет, но расправленные крылья можно было истолковать и как знак предостережения.

Император ошибся: ко мне Августа интереса не проявила. Безошибочный инстинкт заставил ее голову повернуться к единственному хищнику, который был опаснее ее. Мэтью ответил ей пристальным взглядом. В его глазах я увидела печаль. Августа закричала, показывая, что ценит его сочувствие.

— Я велел принести сюда Августу не для развлечения герра Ройдона, а для ее знакомства с La Diosa, — проворчал Рудольф.

— Я благодарю ваше величество за показ вашей красавицы, — сказала я, привлекая внимание раздраженного правителя.

— Да будет вам известно: Августа завалила двух волков, — сообщил Рудольф, колко поглядывая на Мэтью.

Перья императора были взъерошены куда сильнее, нежели перья его любимицы.

— И с каждым ей пришлось хорошенько побороться.

— На месте волка я бы просто уступил даме и не стал бы с ней пререкаться, — ленивым тоном ответил Мэтью.

Сегодня он был придворным до мозга костей в своей одежде зеленых и серых тонов. Его черные волосы прикрывала щегольская шапочка. Она плохо защищала от ветра и других природных стихий, зато ее верх занимал серебристый уроборос — отличительный знак семьи де Клермон. Пусть Рудольф не забывает, с кем имеет дело.

Нагловатый ответ Мэтью позабавил придворных, вызвав у них смех. Убедившись, что смех направлен не на него, Рудольф тоже засмеялся.

— Это еще одна наша общая черта, герр Ройдон, — сказал он, хлопая моего мужа по плечу. — Мы оба не боимся сильных женщин.

Произнося эту фразу, император выразительно глядел на меня.

Тягостная обстановка разрядилась. Сокольничий не без облегчения вернул Августу на насест и спросил императора, кого из соколов он желает выбрать для сегодняшней охоты на королевских куропаток. Рудольф торопливо осмотрел птиц и выбрал себе крупного кречета. Австрийские эрцгерцоги и немецкие принцы спешили выбрать оставшихся птиц, относясь к выбору очень азартно. Остался всего один сокол: небольшой и дрожавший от холода. Мэтью потянулся к нему.

— Это птица не для охотников, а для охотниц, — ехидно усмехнулся Рудольф, поудобнее усаживаясь в седле. — Я собирался предложить ее La Diosa.

— Невзирая на свое имя, Диана не любит охотиться. Но это не имеет значения. Я беру вашу мышатницу.

Мэтью пропустил путы через пальцы, вытянул руку, и птица переместилась на его ладонь, обтянутую перчаткой.

— Здравствуй, красавица, — тихо произнес он, пока птица осваивалась на его ладони.

Шажки ее были мелкими и сопровождались позвякиванием колокольчиков.

— Ее зовут Шарка, — улыбаясь, шепнул егерь.

— Она такая же смышленая, как та, чье имя получила?[1] — спросил Мэтью.

— Еще смышленее, — ответил старик и улыбнулся во весь рот.

Мэтью наклонился к птице и зубами потянул один из ремешков ее колпака. Его рот находился рядом с птичьей головой, и столь интимный жест мог быть ошибочно принят за поцелуй. После этого Мэтью легко снял колпак, а затем и кожаные шоры, расписанные красивыми узорами. Шоры он убрал себе в карман.

Шарка моргнула, оглядывая окружающий мир. Затем моргнула снова, взирая на меня и того, кто ее держал.

— Можно ее погладить? — спросила я.

Меня неодолимо тянуло потрогать нежные коричнево-белые перья мышатницы.

— Не советую. Она голодная. Сомневаюсь, что ей часто дают охотиться.

Его глаза снова сделались печальными. В них даже появилась тоска. Шарка тихо и сдавленно верещала, не спуская глаз с Мэтью.

— Ты ей нравишься, — сказала я.

Меня не удивляла мгновенно возникшая симпатия. Прирожденные охотники, чей инстинкт, если его не сдерживать, мог бы обернуться цепью погонь и убийств.

Все участники охоты верхом отправились вниз по извилистой дорожке, которая вела в ущелье. Когда-то по дну ущелья протекала речка, служа естественным охранным рвом. Затем ее заключили в трубу, а территорию ущелья огородили, чтобы императорское зверье не разбежалось по городским улицам. В охотничьих угодьях обитали косули и благородные олени. Когда Рудольфу надоедала соколиная охота, он охотился со львами и с другими крупными кошками, которых выпускали из зверинца.

Я ожидала увидеть полный хаос, но императорская охота была срежиссирована с точностью балетного спектакля. Едва Рудольф выпустил в воздух своего кречета, с окрестных деревьев взлетело целое облако птиц, торопящихся убраться подальше. Кречет спи-

[1] *Шарка* — героиня известной чешской легенды «Девичья война», посвященной восстанию женщин против мужского засилья.

зился и поплыл над кустами. Ветер звенел колокольчиками на его лапах. Куропатки, которых вспугнул кречет, лихорадочно разбегались во все стороны и только потом взлетали. Крылатый охотник императора сделал вираж, выбрал цель, погнал ее в удобное место, где и атаковал куропатку клювом и когтями. Куропатка стремительно падала вниз. Кречет неотступно преследовал ее до самой земли, где окончательно убил свою перепуганную, израненную добычу. Егеря спустили собак и вместе с ними побежали по заснеженной земле. Следом пустились лошади. Торжествующие крики всадников тонули в заливистом лае гончих.

Подъехав к месту, мы увидели кречета стоящим возле добычи. Изогнув крылья, он защищал убитую куропатку от возможных соперников. Поза кречета напомнила мне Мэтью. Такая же поза была у него в Бодлианской библиотеке. Я чувствовала его глаза на себе, поскольку ему требовалось удостовериться, что я где-то поблизости.

После того как император удовлетворил свою охотничью страсть, в охоту включились остальные. Общими усилиями было добыто более сотни куропаток, что могло накормить немалое число придворных. За все время охоты произошла всего одна стычка между охотничьими птицами. Неудивительно, что соперниками оказались великолепный серебристый кречет Рудольфа и коричнево-белая мышатница Мэтью.

Мэтью держался в стороне от остальных мужчин. Шарку он выпустил едва ли не самой последней, когда другие птицы вдоволь наохотились. Он не торопил мышатницу, чтобы та поскорее заставила куропатку опуститься на землю. Другие охотники не покидали седла, однако Мэтью спешился и стал увещевать Шарку, отгоняя ее от добычи. «Пряником» служил кусок мяса чьей-то куропатки, подобранный им.

Но едва Шарка выпустила добычу из поля зрения, куропатка, не желавшая умирать, проворно вспорхнула и оказалась на пути императорского кречета. И тем не менее уступать мышатница не собиралась. Кречет был крупнее и сильнее, зато Шарка превосходила его подвижностью и задиристостью. Гонясь за добычей, мышатница пронеслась над самой моей головой, обдав меня волной холодного воздуха. Какая же она маленькая! Даже куропатка была больше ее, не говоря уже об императорском кречете. Добыча Шарки взлетела выше, но и это не спасло куропатку. Шарка

быстро изменила направление и впилась изогнутыми когтями в спину добычи. Не выдержав тяжести, куропатка стала падать. Кречет громким клекотом выразил свое негодование. Рудольф сделал то же самое, заявив Мэтью:

— Твоя птица посмела мешать моей.

Мэтью направил лошадь к мышатнице, чтобы забрать ее и добычу.

— Она не моя птица, ваше величество.

Шарка приосанилась и распростерла крылья, стараясь выглядеть как можно крупнее и опаснее. Увидев Мэтью, она хрипло запищала. Мэтью пробормотал что-то отдаленно знакомое и очень похожее на любовный комплимент. Шарка перестала надуваться.

— Шарка принадлежит вам, император. И сегодня она доказала, что достойна носить имя великой богемской воительницы, которым ее нарекли.

Мэтью посадил мышатницу себе на руку. Другой приподнял куропатку, показывая придворным. Путы на лапах Шарки раскачивались на ветру, вызывая позвякивание колокольчиков. Мэтью повернулся по кругу, давая всем полюбоваться маленькой охотницей. Придворные не решались высказываться раньше императора и ждали его ответа.

— Значит, та Шарка была воительницей? — спросила я, нарушая этикет.

— Да, моя дорогая жена. Только воевала она не мечом. Настоящая Шарка была невысокого роста и с таким же вспыльчивым характером, как у этой птички. Но она знала: самое могущественное оружие воина находится не в руках, а между ушами.

Мэтью постучал по голове, стараясь, чтобы смысл его слов дошел до каждого. Рудольф смысл понял и явно был удивлен.

— Судя по твоим словам, Шарка очень напоминала женщин Мала Страны, — сухо заметила я. — И как же она воевала своим умом?

Мне ответил не Мэтью. Его опередила незнакомая молодая женщина:

— Шарка помогла уничтожить отряд вражеских солдат.

Женщина бегло говорила на латыни, но с сильным чешским акцентом. Седобородый мужчина — скорее всего, ее отец, — одобрительно посмотрел на нее. Женщина покраснела.

— А как это случилось? — спросила я, заинтересовавшись историей Шарки-воительницы.

— Она притворилась попавшей в беду. Солдаты ее выручили, и тогда Шарка пригласила их отпраздновать свое освобождение обильным возлиянием.

Другая женщина, значительно старше первой, презрительно фыркнула:

— Мужчины постоянно попадаются в эту ловушку.

Ее горбатый нос вполне мог соперничать с клювом Августы.

Я громко рассмеялась. Престарелая аристократка — тоже, удивляясь своей непосредственности.

— Полагаю, ваше величество, женщины не станут обвинять их героиню в коварстве, — сказал Мэтью.

Он осторожно надел колпак на гордую голову Шарки. Потом зубами затянул ремешок и передал птицу егерю. Придворные одобрительно аплодировали.

Мы переместились в домик, стоящий на самом краю замковых владений. Здание было построено в итальянском стиле. Там участников охоты уже ждали вино и закуски. Я бы предпочла прогуляться по императорскому саду, где начинали распускаться нарциссы и тюльпаны. В домик подошли придворные, не участвовавшие в охоте, включая Страду с его вечно кислым лицом, художника Хуфнагеля и мастера математических инструментов Эразма Габермеля. Я поблагодарила его за компендиум.

— Великий пост близится к концу. Самое время устроить весенний праздник и разогнать скуку, — громко произнес какой-то молодой придворный. — Как вы считаете, ваше величество?

— Предлагаешь театр масок? — Рудольф глотнул вина и выразительно посмотрел на меня. — В таком случае там обязательно должны быть Диана и Актеон.

— Эта тема, ваше величество, слишком банальна и весьма английского свойства, — все с той же печалью в голосе заметил Мэтью, и Рудольф вспыхнул. — Пожалуй, стоило бы взять сюжет с Деметрой и Персефоной. Он больше соответствует времени года.

— Или историю Одиссея, — предложил Страда, злобно поглядев на меня. — Фрау Ройдон могла бы сыграть Цирцею и превратить нас в поросят.

— *Интересная мысль, Оттавио,* — *сказал* Рудольф, теребя указательным пальцем свою пухлую нижнюю губу. — Пожалуй, я бы не прочь сыграть Одиссея.

«И не мечтай», — мысленно возразила я. Не хватало еще только сцены в спальне, где Одиссей требовал с Цирцеи не лишать его насильно человеческого облика.

— Можно и мне кое-что предложить? — спросила я, стремясь предотвратить беду.

— Конечно-конечно, — великодушно разрешил Рудольф и ободряюще похлопал меня по руке.

— В истории, которую я хотела бы предложить, кому-то нужно будет сыграть роль Зевса — *владыки богов,* — *сказала я,* осторожно убирая руку.

— Из меня получился бы вполне правдоподобный Зевс, — с юношеским рвением заявил Рудольф. — А ты сыграешь Каллисто?

Ни в коем случае. Рудольф, силой овладевающий мной и оплодотворяющий меня... такое может присниться лишь в кошмарном сне.

— Нет, ваше величество, — ответила я императору. — Если вы *настаиваете на моем участии* в представлении, я сыграю богиню луны. — Я замолчала, взяв Мэтью под руку. — А Мэтью, чтобы искупить свое недавнее замечание, *сыграет Эндимиона.*

— Эндимиона? — переспросил Рудольф, сразу перестав улыбаться.

— Бедняга Рудольф! Его опять обвели вокруг пальца, — шепнул мне Мэтью, затем, нарочито повысив голос, обратился к императору: — Эндимион, ваше величество, — это прекрасный юноша, которого околдовали и погрузили в сон, чтобы сохранить его бессмертие и целомудрие Дианы.

— Мне известна эта легенда, герр Ройдон! — рявкнул Рудольф.

— Прошу прощения, ваше величество. — Мэтью отвесил императору изящный, но неглубокий поклон. — Диана в представлении будет выглядеть просто обворожительно. Она явится на колеснице, чтобы с тоской взглянуть на любимого человека.

К этому моменту лицо Рудольфа сделалось пунцовым. Нам дали понять, что более нас не задерживают, и мы быстро спустились с холма, переступив порог «Трех воронов».

— У меня всего одна просьба, — сказал Мэтью, когда мы очутились дома. — Хоть я и вампир, апрель в Праге — месяц холодный. С учетом температуры воздуха костюмы для Дианы и Эндимиона должны быть более основательными. Полумесяц для тебя и тряпка вокруг моих чресл не годятся.

— Я едва успела предложить тебя на роль, а ты уже начинаешь выдвигать художественные требования... Актеры, что с них взять! — добавила я, подражая какому-нибудь разгневанному режиссеру.

— Когда набираешь труппу из любителей, еще и не такое услышишь, — улыбнулся Мэтью. — Пока я знаю лишь, как празднество должно начинаться.

Глядите! Вот облаков края разверзлись,
И выплыла на небо редкой красоты луна,
Что вечно серебрит Нептуна кубок...

— Китс здесь будет неуместен! — засмеялась я. — Во-первых, он поэт романтической школы, а во-вторых, до его появления на свет осталось двести лет.

Выше поднялась,
Сияя ослепительно и страстно... Моя ошеломленная душа
Взлетела к ней, слилася с шаром серебристым
И странствовала вместе, в облака ныряя.
Так продолжалось, пока луна не скрылась в шатре туманном,
темном.

Закончив декламировать Китса, Мэтью заключил меня в объятия.

— А искать шатер, скорее всего, придется мне, — встрял Галлоглас, топая вниз по лестнице.

— И еще овец. Или астролябию. Эндимион мог быть как пастухом, так и астрономом, — сказал Мэтью, взвешивая оба варианта.

— Егерь Рудольфа ни за что не расстанется со своими диковинными овцами, — поморщился Галлоглас.

— Вместо астролябии Мэтью вполне сгодится мой компендиум... Кстати, где он?

Чтобы Джек не превратил эту вещицу в свою игрушку, я держала компендиум на каминной доске, задвинув к самой стене. Сейчас там было пусто.

— Энни и Джек показывают компендиум Швабре. Они думают, что эта штучка заколдована.

Только сейчас я заметила три нити: серебряную, золотую и серую. Они тянулись от камина вверх по лестнице. Торопясь поскорее добраться до детей и узнать, в каком состоянии компендиум, я наступила себе на подол. Когда же я наконец добралась до Энни и Джека, нижняя кромка моего подола обзавелась несколькими «фестонами».

Габермель изготовил свой маленький шедевр из серебра и меди. Детишки раскрыли компендиум на манер книги. Его внутренние крылья были полностью распластаны. Рудольф желал, чтобы у меня был прибор, позволяющий следить за движением небесных тел. Однако Габермель превзошел себя. Это механическое чудо состояло из солнечных часов, компаса и устройства, позволяющего вычислять время в разные сезоны года. Более того, в компендиуме имелась хитроумная лунная *вольвелла* — набор подвижных концентрических кругов. С ее помощью можно было узнать дату, время, знак зодиака, управляющий в данный момент, и фазу лЛуны. Это дополнялось широтной картой, где по моей просьбе были обозначены Роанок, Лондон, Лион, Прага и Иерусалим. На одно крыло я могла прикрепить последнее достижение технологий конца XVI века — дощечку для записей, которые затем можно было аккуратно стереть и писать заново. Записи делались на бумаге, прошедшей особую обработку.

— Гляди, Джек, опять крутится, — сказала Энни, глядя на компендиум.

Швабра — кроме Джека, все в доме называли щенка только так — затявкал, возбужденно виляя хвостом. Затявкаешь тут, когда лунная вольвелла начала вращаться сама по себе.

— Спорю на пенни, что эта штука будет крутиться до самого полнолуния, — сказал Джек, плюнул себе на ладонь и протянул руку Энни.

— Никаких споров! — инстинктивно вырвалось у меня.

Я опустилась на корточки рядом с мальчишкой.

— Джек, когда это началось? — спросил Мэтью, отпихивая Швабру.

Джек пожал плечами.

— Это началось, когда вашу игрушку принесли от герра Габермеля, — сообщила Энни.

— А она так крутится весь день или только в определенное время? — спросила я.

— Один или два раза. И компас поворачивается один раз. — Вид у Эйни был опечаленный. — Зря я вам сразу не сказала. Эта вещь... магическая. По ощущениям чую.

— Ничего страшного, — улыбнулась я. — Бед этот подарок нам не принес.

Я дотронулась до центра вольвеллы и приказала ей остановиться. Устройство подчинилось. Когда вращение прекратилось, серебряные и золотые нити вокруг компендиума стали медленно растворяться в воздухе. Серая осталась и почти сразу затерялась среди множества других разноцветных нитей, наполнявших наш дом.

— Что все это значит? — спросил Мэтью.

Утихомирив детей, я отняла у них неподобающую игрушку. Я нашла ей новое место — на плоском балдахине нашей кровати.

— Кстати, у многих есть привычка что-то прятать наверху балдахина. Джек перво-наперво сунется туда.

— Нас кто-то разыскивает, — сказала я.

Последовав совету Мэтью, я сняла компендиум с балдахина и теперь искала подарку Габермеля новое место, где бы он не бросался в глаза.

— Разыскивает? В Праге?

Мэтью потянулся за компендиумом и, получив его из моих рук, спрятал под дублет.

— Нет. Во времени, — ответила я мужу.

Мэтью шумно сел на кровать и выругался.

— Это моя вина, — смущенно призналась я. — Я хотела соткать предупреждающее заклинание на случай, если кто-нибудь вздумает украсть компендиум. Словом, хотела, чтобы Джек не вляпался в беду, забавляясь этой игрушкой. Надо все начать сначала и придумать новое заклинание.

— Почему ты думаешь, что нас разыскивают из другого времени? — спросил Мэтью.

— Лунная вольвелла — вечный календарь. Колесики вращались так, словно пытались донести сведения, не предусмотренные их техническими возможностями. Я сразу вспомнила, как в «Ашмоле-782» кружились слова.

— Возможно, дерганье стрелки компаса — указание на то, что ищущий нас сам находится в другом месте. Как и лунная вольвелла, стрелка компаса не может найти истинный север, поскольку стремится сделать это для двух направлений сразу: для нас в Праге и еще где-то, — сказал Мэтью.

— Думаешь, это Изабо или Сара, поскольку кому-то из них понадобилась наша помощь?

Не кто иная, как Изабо, прислала Мэтью старинный экземпляр «Доктора Фауста», чтобы помочь нам переместиться в 1590 год.

— Нет, — убежденно возразил Мэтью. — Они бы нас не выдали. Это кто-то другой.

Серо-зеленые глаза мужа остановились на мне. В них я снова увидела знакомое беспокойство и не менее знакомое сожаление.

— Ты так смотришь на меня, словно я тебя предала, — сказала я, садясь рядом с ним на кровать. — Если не хочешь, чтобы я участвовала в императорском театре масок, я откажусь.

— Дело не в затее Рудольфа. — Мэтью встал, отойдя на несколько шагов. — Ты по-прежнему от меня что-то утаиваешь.

— Мэтью, а мы все что-то утаиваем. Иногда это пустяки, не заслуживающие внимания. Иногда вещи значительные, как, например, членство в Конгрегации.

Его обвинения больно меня задели. Я ведь до сих пор слишком мало знала о нем.

Мэтью стремительно подошел ко мне, взял за плечи и поднял на ноги:

— Ты никогда мне этого не простишь.

Его глаза почернели. Пальцы больно давили мне на предплечья.

— Ты обещал терпимо относиться к моим секретам, — сказала я. — Прав, значит, рабби Лёв. Одной терпимости недостаточно.

Мэтью отпустил мои плечи и снова выругался. На лестнице послышались тяжелые шаги Галлогласа и сонные бормотания Джека.

— Я отведу Джека и Энни в дом Болдуина, — сообщил Галлоглас, подойдя к нашей двери. — Тереза с Каролиной уже ушли. Пьер отправится со мной. Пес — тоже... Мальчишка пугается, когда вы ссоритесь, — добавил Галлоглас, понизив голос. — А он за свою недолгую жизнь навидался достаточно страха. Решите свои

недоразумения, иначе я увезу детей в Лондон, а вы живите тут одни.

Синие глаза Галлогласа свирепо блестели.

Мэтью с кубком вина сел у огня, мрачно глядя на игру пламени. Едва только дом опустел, он проворно вскочил и направился к двери.

Я инстинктивно выпустила свою драконихи, скомандовав ей: «Задержи его». Драконихи окутала Мэтью серым туманом, летая у него по бокам и над головой. Возле двери она обрела плоть, упершись шипастыми краями крыльев в косяк. Когда Мэтью подошел слишком близко, из пасти драконихи вырвался предостерегающий язык пламени.

— Ты никуда не пойдешь! — объявила я, изо всех сил стараясь не сорваться на крик.

Мэтью вполне мог справиться со мной, но вряд ли вышел бы победителем из схватки с моим духом-хранителем.

— Моя драконихи немного напоминает Шарку: ростом невелика, но вспыльчивая. Я бы не стала ее злить. — (Мэтью повернулся ко мне и поглядел холодными глазами.) — Если ты сердишься на меня, скажи за что. Если я сделала нечто такое, что тебе не нравится, тоже скажи. Если хочешь разорвать наш брак, имей мужество сделать это четко и однозначно, чтобы я... смогла оправиться. Но если ты и дальше будешь смотреть на меня так, словно сожалеешь о нашем браке, ты меня попросту разрушишь.

— У меня нет желания разрывать наш брак, — сдавленно произнес Мэтью.

— Тогда будь моим мужем. — Я шагнула к нему. — Знаешь, о чем я думала на охоте, наблюдая за полетом этих прекрасных птиц? «Вот так выглядел бы и Мэтью, получи он свободу быть самим собой». А когда ты надевал на голову Шарки колпак, подавляя ее охотничьи инстинкты, я увидела в ее глазах очень знакомое выражение. Чувство сожаления, которое я постоянно вижу в твоих глазах с того самого дня, когда у меня случился выкидыш.

— Причина не в ребенке. — Во взгляде Мэтью снова появилось предостережение.

— Да. Не в ребенке. Она во мне. И в тебе. И еще в чем-то настолько пугающем, чего ты не в состоянии признать. Вопреки

твоей власти над жизнью и смертью твой контроль не всеохватен. Ты не можешь уберечь от беды ни меня, ни тех, кого любишь.

— По-твоему, потеря ребенка обнажила этот факт?

— А что еще могло бы его обнажить? Чувство вины, снедавшее тебя после смерти Люка и Бланки, едва не стало причиной твоей гибели.

— Ошибаешься.

Мэтью запустил руки в мои волосы, развязывая собранные в узел косы. Запахло ромашкой и мятой. Так пахло мыло, которым я мыла голову. Зрачки Мэтью расширились, сделавшись совсем черными. Он жадно вдыхал мой запах, и постепенно в глазах снова появился зеленый оттенок.

— Тогда скажи что.

— Вот это.

Мэтью впился в кромку моего корсажа, порвав ткань надвое. Затем порвал шнурок, удерживающий широкий вырез моего платья. Оно сползло на плечи, обнажив верхнюю часть груди. Мэтью провел пальцем по голубой вене, что виднелась под кожей и уходила вниз.

— Каждый день моей жизни — это битва за контроль над собой. Я сражаюсь с гневом и отвратительным, тошнотворным состоянием, которое наступает потом. Я сражаюсь с голодом и жаждой, поскольку считаю, что не вправе отбирать кровь у других существ. Даже у животных, хотя уж лучше у них, чем у тех, кого потом снова увижу на улице. — Он посмотрел мне в глаза. — Я постоянно воюю со своим невыразимым желанием обладать твоими телом и душой, причем обладать так, как понимают только вампиры. Теплокровным этого не понять.

— Ты хочешь моей крови, — прошептала я, удивляясь внезапному пониманию. — Значит, ты лгал мне.

— Я лгал себе.

— А ведь я не раз говорила, что готова тебя напоить. — Схватившись за воротник платья, я разорвала его еще больше, потом наклонила голову, обнажив яремную вену. — Пей мою кровь. Мне не жалко. Я лишь хочу тебя вернуть, — сказала я, борясь с подступающими слезами.

— Ты моя истинная пара. Я бы никогда не согласился добровольно пить твою кровь. — Холодные пальцы Мэтью вернули во-

ротник на место. — Я решился на это в Мэдисоне, но тогда я был слишком слаб и не смог удержаться.

— Чем тебя не устраивает моя шея? — смутилась я.

— В шею вампиры кусают только чужих и тех, кто им подвластен. Но только не любимых и уж не свою пару.

Мне вспомнились наши прежние разговоры о вампирах, крови и сексе.

— Доминирование и насыщение. Получается, большинство покусанных вампирами — обычные люди. Стало быть, в легендах о вампирах есть зерно истины.

— Свою пару вампиры кусают вблизи сердца, — сказал он.

Мэтью раздвинул края разорванного платья и губами прильнул к моей коже чуть выше сердца. Сюда он целовал меня в нашу брачную ночь, переполненный чувствами и страстями.

— Я-то думала, ты хотел меня поцеловать, а это была заурядная жажда крови, — невесело усмехнулась я.

— В желании вампира испить крови из этой вены нет ничего заурядного. — Губы Мэтью сдвинулись на сантиметр ниже и вновь прижались к голубой жилке.

— Но если подобное желание не связано с доминированием и насыщением, с чем тогда оно связано?

— С честностью. — Глаза Мэтью снова почернели. — Вампиры не могут быть полностью честными. Каждый хранит слишком много секретов. Есть такие, о которых мы никогда не говорим вслух. Большинство наших секретов слишком запутанны, и другому их не понять, сколько бы ни пытался. И потом, в моем мире существуют запреты на разглашение тайн.

— Ну да. «Это не моя тайна, и я не вправе о ней говорить». Такое я уже слышала, и не раз.

— Пить кровь того, кого любишь, означает понимать, что от любимого ничего не утаишь. — Мэтью опустил голову и снова коснулся моей вены. — Мы называем эту вену сердечной. Кровь здесь слаще. Здесь ощущаешь свое полное обладание другим и свою принадлежность другому. Но чтобы пить отсюда кровь, нужен полный контроль, дабы не поддаться вихрю сильных чувств. А они непременно появляются.

В его голосе я уловила знакомую печаль.

— Ты себе не доверяешь, боясь, что это перейдет в бешенство крови, — догадалась я.

— Ты меня видела во время приступа. Мной двигало стремление уберечь тебя. А кто представляет для тебя бóльшую опасность, чем я?

Дернув плечами, я сбросила платье, после чего сняла рукава, оставшись голой по пояс. Затем освободилась от нескольких своих юбок.

— Нет! — Глаза Мэтью почернели еще сильнее. — Рядом нет никого на случай, если...

— Если ты не сможешь остановиться и выпьешь всю мою кровь? — Я сбросила последнюю юбку. — Уж если ты себе не доверял, находясь рядом с Филиппом, сомневаюсь, что присутствие Галлогласа и Пьера за дверью повысило бы степень твоего доверия.

— Это не тема для шуток.

— Согласна, — сказала я, беря его за руки. — Это тема для мужей и жен. Это вопрос честности и доверия. Мне нечего от тебя скрывать. Если после порции моей крови у тебя исчезнет навязчивая потребность выискивать мои секреты, которые существуют только в твоем воображении, тогда сделай это поскорее.

— Учти, вампиры не ограничиваются одним разом, — предостерег меня Мэтью, пытаясь отстраниться.

— Я это знаю, — не смутилась я, запуская пальцы в его волосы на затылке. — Бери мою кровь. Бери мои тайны и секреты. Делай то, что тебе настойчиво велят твои инстинкты. Здесь нет никаких колпаков и пут. В моих объятиях ты можешь чувствовать себя совершенно свободным, даже если это единственный уголок твоей свободы.

Я притянула голову Мэтью. Его губы коснулись моей кожи. Первая его реакция была осторожной. Мэтью обхватил мои запястья, словно надеясь отпрянуть при первой же возможности. Но вампирские инстинкты были сильны, а потребность в питье крови ясно ощутима. Связующие нити мира изменили свой рисунок и распределились вокруг меня, создавая пространство для столь сильных чувств. Я осторожно высвободила руки. Мои груди подрагивали от каждого вдоха.

Вид у Мэтью был настолько испуганным, что у меня защемило сердце. Но страх не подавил желания. Страх и желание. Неудивительно, что они фигурировали в сочинении Мэтью, обеспечившем ему поступление в колледж Всех Душ. Кто лучше вампира способен понять войну между этими чувствами?

— Я люблю тебя, — прошептала я, намеренно опуская руки.

Остальное Мэтью должен был проделать сам. Моя роль в этом процессе начисто исключалась.

Ожидание было настоящей пыткой. Наконец он опустил голову. Мое сердце заколотилось. Потом я услышала протяжный вдох Мэтью.

— Мед. От тебя всегда пахнет медом, — изумленно пробормотал он.

Через мгновение его острые зубы прокусили мне кожу.

В прошлый раз, когда в Сет-Туре я почти заставила обессиленного Мэтью пить мою кровь, он действовал осторожно. Место укуса он смазал несколькими каплями своей крови, чтобы я не ощущала боли. Сейчас все было по-иному. Вскоре кожа онемела от прикосновения губ Мэтью. Он выгнул мне спину, держа меня обеими руками. Я оказалась в воздухе, ожидая, пока он насытится и между нами не останется ничего, кроме любви.

Где-то через полминуты Мэтью остановился и удивленно посмотрел на меня, словно обнаружил нечто неожиданное. Его глаза сделались совсем черными. На короткий миг мне показалось, что бешенство крови вот-вот вырвется на поверхность.

— Все хорошо, любовь моя, — прошептала я.

Мэтью снова приник ко мне и продолжил пить кровь, пока не почувствовал, что ему достаточно. Это длилось чуть больше минуты. Как и в Сет-Туре, он с нежным почтением поцеловал место укуса и застенчиво посмотрел на меня.

— И что ты обнаружил? — спросила я.

— Тебя. Только тебя.

Его застенчивость быстро сменилась любовным голодом. Мэтью принялся меня целовать, и очень скоро наши тела сплелись. Если не считать нашего короткого слияния у стены, у нас почти два месяца не было интимных отношений. Поначалу это вызывало скованность. Мы вспоминали, как двигаться в общем ритме. Мое тело сжималось все плотнее и плотнее. Достаточно было его легкого скольжения внутри меня, крепкого поцелуя, и я бы «улетела».

Но вместо этого Мэтью остановился. Наши глаза встретились. Мы безотрывно смотрели друг на друга. Таким я видела мужа впервые: беззащитным, исполненным надежд, прекрасным и свободным. Сейчас между нами не было никаких тайн, никаких эмо-

ций, сдерживаемых из опасения, что некая сила зашвырнет нас в темные углы, где надежда жить не способна.

— Ты меня чувствуешь? — спросил Мэтью.

Сейчас он был центром спокойствия наших переплетенных тел. Я кивнула. Мэтью улыбнулся и с величайшей осторожностью возобновил движения:

— Диана, я внутри тебя. Я даю тебе жизнь.

Те же слова говорила ему я, когда он пил мою кровь, возвращаясь из пропасти смерти в наш мир. Вряд ли Мэтью тогда их слышал.

Сейчас он двигался во мне, повторяя эти слова как заклинание. То была самая простая и чистая форма магии из всех, что существуют в мире. Мэтью уже был вплетен в мою душу, а теперь мы вплелись друг в друга телами. Мое сердце, постоянно разбивавшееся от каждого печального прикосновения и сострадательного взгляда, впервые за эти месяцы вновь становилось цельным.

Когда наступило утро и солнце неторопливо выплыло из-за горизонта, я дотронулась до переносицы Мэтью:

— Интересно, смогу ли и я когда-нибудь читать твои мысли.

— Ты их уже читаешь, — ответил он, целуя мне кончики пальцев. — Это началось в Оксфорде, когда ты получила фотографию родителей. Тогда ты не осознавала своих действий. Но ты продолжала отвечать на вопросы, которые я не мог задать вслух.

— А можно мне снова попробовать? — спросила я и не слишком удивилась бы, услышав «нет».

— Конечно. Будь ты вампиршой, я бы уже предложил тебе свою кровь, — ответил Мэтью, опуская голову на подушку.

Я сосредоточилась, успокоила мысли и сформулировала простой вопрос: «Как мне узнать сердце Мэтью?»

Между моим сердцем и местом, где у Мэтью, будь он ведьмаком, находился бы третий глаз, замерцала серебристая нить. Она укорачивалась, притягивая меня к этому месту, пока мои губы не прижались к холодной коже Мэтью.

В мою голову хлынула лавина образов и звуков. Они расцветали и гасли, как гроздья фейерверков. Я увидела Джека и Энни, Филиппа и Изабо. Потом появился Галлоглас и целая галерея совершенно незнакомых лиц. В жизни Мэтью эти люди занимали важное место. Потом я увидела Элеонору и Люка. Меня охватила радость победы — это Мэтью сумел разгадать какую-то научную

загадку. Я слышала его радостные крики, когда он верхом несся в лес — охотиться и убивать. Увидела я и себя. Я улыбалась Мэтью.

И вдруг я увидела лицо герра Фукса — вампира, встретившегося мне в Еврейском городе. Сердце отчетливо уловило слова: «Мой сын Бенжамен».

Я даже присела на корточки. У меня тряслись губы.

— Что случилось? — насторожился Мэтью.

— Герр Фукс! — Я смотрела на мужа, боясь, что он подумал о худшем. — Я и не подозревала, что это Бенжамен, твой сын.

В Бенжамене не было и намека на бешенство крови.

— Это не твоя вина. Ты ведь не вампирша, а Бенжамен показывает лишь те стороны своей личности, какие хочет показать. — Мэтью пытался меня успокоить. — Я ведь должен был почувствовать его присутствие рядом с тобой. Хотя бы легкий запах. Какой-нибудь намек на то, что он поблизости. Вот откуда у меня появилась мысль, будто ты что-то утаиваешь от меня. Я ошибался. Посмел усомниться в тебе, mon coeur. Прости меня.

— В таком случае Бенжамен должен был сразу понять, кто я. Я же несла на себе твой запах.

— Он и понял, — бесстрастно произнес Мэтью. — Завтра я поищу его. Но если Бенжамен не хочет, чтобы его нашли, мне остается лишь предупредить Галлогласа и Филиппа. Они сообщат остальным членам семьи о появлении Бенжамена.

— Предупредить? — спросила я, чувствуя, как у меня по всему телу побежали мурашки.

— Бенжамен, охваченный бешенством крови, весьма опасен. Но куда опаснее Бенжамен, находящийся в здравом рассудке, а именно таким он был в Еврейском городе. Поневоле вспомнишь слова Джека: «Самые жуткие чудовища всегда похожи на обыкновенных людей».

Глава 31

С той ночи наш брак начался по-настоящему. Мэтью стал намного уравновешеннее. Исчезли его резкие ответы, внезапные перемены настроения и импульсивные решения, которыми до сих пор сопровождалась наша семейная жизнь. Мэтью сделался целеустремленным, сдержанным, однако не утратил своей прежней опасности. Теперь он пил кровь более или менее постоянно, охотясь в городе и окрестных деревнях. У него налились мышцы и прибавилось телесной силы. Я поняла разницу, которую давно заметил Филипп: без регулярного питья крови его сын начинал уничтожать себя изнутри.

В память о той ночи у меня под левой грудью остался шрам в виде серебристого полумесяца. В отличие от всех прочих шрамов, он не покрылся слоем защитной ткани. Оказывается, слюна Мэтью обладала особым свойством. Она запечатывала место укуса, не позволяя ране полностью затянуться.

У нас появилось два новых ритуала: вкушение Мэтью моей крови из упомянутого места вблизи сердца и мой ведьмин поцелуй, дававший мне доступ к его мыслям. Наши отношения стали еще глубже. Это был совсем другой уровень интимности, какого мы не испытывали прежде. Наши любовные слияния происходили не каждую ночь, но им всегда предшествовали два упомянутых ритуала — два обжигающих мгновения абсолютной честности. Так мы побеждали величайшее опасение, владевшее нами. Прежде мы боялись, что наши тайны могут нас разрушить изнутри. Наши разговоры стали более открытыми. Мы смелее делились друг с другом своими замыслами и сомнениями.

Мэтью незамедлительно рассказал Галлогласу и Пьеру о Бенжамене. Ярость Галлогласа была бурной, но недолгой, чего не скажешь о страхе Пьера. Его теперь настораживал каждый стук

в дверь. В любом мужчине, заговорившем со мной на рынке, Пьер был склонен видеть Бенжамена. И он, и Галлоглас вели постоянные поиски этого вампира. Мэтью координировал их действия.

Однако Бенжамен словно сквозь землю провалился. Он исчез.

Прага встретила и проводила Пасху. Дата весеннего празднества, задуманного Рудольфом, неумолимо приближалась. До следующей субботы оставались считаные дни. Подготовка входила в завершающую стадию. Вместе с мастером Хуфнагелем мы превратили Большой зал императорского дворца в цветущий сад. В вазах пестрели тюльпаны. Зал вызывал у меня искреннее восхищение. Его своды, изгибы которых по своему изяществу могли соперничать с ветвями ивы, поддерживали арочную крышу.

— В дополнение к цветам мы перенесем сюда императорские апельсиновые деревья, — пообещал Хуфнагель, весь сияющий радостью творчества. — И павлинов из зверинца.

В день представления слуги снесли в Большой зал все подсвечники и канделябры, какие могли позаимствовать во дворце и в соборе. Это должно было создать иллюзию звездного неба на всем обширном пространстве зала. Сценой мы избрали нижние ступени лестницы, ведущей в императорскую часовню. Идею предложил Хуфнагель. Я, словно взошедшая луна, появлялась наверху лестницы, откуда начинала медленно спускаться, а Мэтью отмечал изменение моих «фаз» с помощью одной из астролябий мастера Габермеля.

— А вам не кажется, что это будет выглядеть чересчур философским? — спросила я, теребя нижнюю губу.

— Здесь двор Рудольфа Второго, — сухо напомнил мне Хуфнагель. — Ничто не является чересчур философским при дворе его величества.

Придворные, собравшиеся на пир, предварявший наш спектакль, восхищенно разглядывали преображенный зал. Отовсюду слышались восторженные возгласы.

— Им нравится, — шепнула я Мэтью.

Мы находились по другую сторону занавеса.

Наш выход должен был совпасть с подачей десерта. До этого мы прятались на Рыцарской лестнице. Мэтью развлекал меня рассказами о былых временах. Однажды здесь устроили рыцарский турнир, и участники состязались, кто быстрее поднимется

на коне по широким ступеням лестницы. Когда я усомнилась в пригодности зала и лестницы для подобных состязаний, он озорно мне подмигнул:

— А ты не думала, почему в замках делали такие громадные залы и высоченные потолки? Пражские зимы длятся чертовски долго. Молодые парни начинают скучать. Но если учесть, что у всех есть оружие, их скука принимает опасные формы. Уж пусть лучше сшибают друг друга на ступенях лестницы и носятся по залу, чем затевают войны с соседними королевствами.

Как всегда, вино на императорском пире лилось рекой, а количество блюд казалось бесконечным. Разговоры становились все громче, превращаясь в сплошной гул. Когда же наконец подали десерт, мы с Мэтью заняли свои места. Для Мэтью Хуфнагель нарисовал пасторальные декорации и неохотно, но все же позволил расположиться под апельсиновым деревом. Табурет, покрытый фетром, изображал камень. Я дождалась сигнала и вышла из часовни, встав за старой дверью, расписанной под колеснцу.

Мэтью поцеловал меня в щеку и пожелал удачи.

— Только не вздумай меня смешить, — предупредила я.

— Обожаю бросать вызов, — ответил он.

Заиграла музыка. Постепенно болтовня и смех придворных смолкли. Когда установилась полная тишина, Мэтью поднял астролябию к небесам, и представление началось.

Я решила, что нам с Мэтью лучше всего обойтись минимумом диалогов, сделав основной упор на танцы. Ну кому захочется после длинного пиршества сидеть и слушать длинные речи? Я успела побывать на многих университетских торжествах и знала, какую скуку вызывает подобная говорильня. Синьор Пасетти с радостью взялся обучать придворных дам «танцу странствующих звезд». Танец позволял Мэтью вести наблюдение за «небесными телами», ожидая, пока к нему не спустится его любимая луна. Разумеется, все придворные красавицы стремились получить роль в представлении. Они нарядились в сверкающие костюмы, обвесились драгоценностями. Словом, театр масок превратился в подобие школьного спектакля, который смотрела толпа восторженных родителей. Мэтью морщился и корчился, будто сомневался, что ему хватит терпения доиграть свою роль до конца.

Танец закончился. Ударили барабаны, оглушительно запели трубы. Это был мой сигнал к выходу. Хуфнагель завесил двери

часовни холстом с изображением колесницы. Мне лишь требовалось выбраться из-за холста с величием и изяществом, присущими богине, а не так, как на репетиции, когда я своим полумесяцем на голове проткнула ткань. Затем, остановившись, с тоской посмотреть на Мэтью. Он, в свою очередь, должен устремить на меня восхищенный взгляд и ни в коем случае не скашивать глаза и не пялиться на мою полуобнаженную грудь.

Я сосредоточилась, входя в роль, сделала глубокий вдох и уверенно отвела занавес, стараясь двигаться плавно, как и подобает луне.

Из зала донеслись восторженные восклицания.

Довольная столь удачным выходом, я посмотрела на Мэтью. Глаза мужа были круглыми как блюдца.

Нет, только не это! Я попыталась нащупать пол, однако случилось худшее, что только могло случиться. Я парила в нескольких дюймах над площадкой у дверей часовни. Меня неумолимо поднимало вверх. Тогда я схватилась за край «колесницы». Здесь меня ждал еще один сюрприз: от моей кожи исходило жемчужное свечение. Мэтью кивком указал на мою тиару с маленьким серебряным полумесяцем. Без зеркала я не видела, какова ее роль в этом парении. Я боялась, что сейчас меня утянет под потолок.

— La Diosa! — Рудольф встал, громко аплодируя мне. — Чудесно! Какая удивительная иллюзия!

Придворные без особого энтузиазма тоже принялись аплодировать. Некоторые вначале перекрестились.

Все внимание зала сосредоточилось на мне. Я прижала руки к груди и как ни в чем не бывало посмотрела на Мэтью, изображая восхищение. Он улыбался, но весьма сумрачно. Я мысленно приказала себе опуститься на ступени, чтобы без дальнейших приключений проследовать к трону Рудольфа—Зевса. Он восседал в самом вычурном кресле, какое только удалось разыскать на дворцовых чердаках. Своей громоздкостью и даже уродливостью оно вполне отвечало личности исполнителя роли громовержца.

К счастью, моя левитация была недолгой. Свечение тоже погасло. Когда я оказалась возле трона, придворные уже не глазели на мою голову, словно на «римскую свечу»[1]. Я сделала реверанс.

— Приветствую тебя, La Diosa! — загремел на весь зал Рудольф.

[1] Род фейерверка.

Вероятно, он искренне считал, что говорит громоподобным голосом, как и полагается Зевсу. На самом деле это был классический пример переигрывания.

— Я люблю прекрасного Эндимиона, — сказала я, выпрямляясь во весь рост и указывая туда, где на постели из птичьих перьев, делая вид, что спит, лежал Мэтью.

Эти слова я написала сама. Мэтью предлагал другие: «Если ты не оставишь меня в покое, Эндимион разорвет тебе глотку». На них, как и на строки из поэмы Китса, я наложила вето.

— Сколь безмятежен он во сне, — продолжала я. — Я богиня, неподвластная старению, но прекрасный Эндимион вскоре состарится и умрет. Прошу тебя: даруй ему бессмертие, чтобы он остался со мной навсегда.

— При одном условии! — рявкнул Рудольф, забывая о всяком благозвучии, приличествующем Зевсу. — Он должен спать до скончания времен, никогда не просыпаясь. Только тогда он останется молодым.

— Благодарю тебя, могущественный Зевс! — воскликнула я, стараясь, чтобы мой голос не походил на голос актрисы из какой-нибудь английской комедийной труппы. — Теперь я целую вечность могу взирать на своего возлюбленного.

Рудольф нахмурился. Хорошо, что он предварительно не затребовал текст спектакля для высочайшего одобрения.

Я стала медленно подниматься по лестнице и, достигнув нарисованной колесницы, скрылась за занавесом. Тем временем придворные дамы исполняли завершающий танец. Когда музыка смолкла, Рудольф заставил всех устроить шумные овации. Рукоплескания дополнялись оглушительным топотом, способным обрушить крышу. Но и это не пробудило Эндимиона от его сна.

Этикет требовал поблагодарить императора за предоставленную возможность развлечь его величество.

— Вставай! — прошипела я, проходя мимо Мэтью.

Он ответил вполне театральным храпом.

Пришлось мне одной делать реверанс перед Рудольфом и произносить благодарственные речи, воздавая должное астролябии Габермеля, декорациям Хуфнагеля, спецэффектам и музыке.

— Поверь, La Diosa, я получил огромное наслаждение. Куда большее, чем ожидал. Проси у Зевса награды, — сказал Рудольф. Его взгляд скользнул по моим плечам и задержался на выпукло-

стях грудей. — Все, что пожелаешь. Только назови, и это станет твоим.

Придворные прекратили пустую болтовню и замерли в любопытстве. У себя в голове я услышала слова Авраама: «Книга попадет к вам, только если вы о ней спросите». Неужели и впрямь все так просто?

Эндимион зашевелился на своей постели из перьев. Я отвела руку за спину, подав ему знак не вмешиваться. Императорский двор затаил дыхание, ожидая, что я сейчас назову знатный титул либо изъявлю желание получить земли или золото.

— Ваше величество, я бы хотела взглянуть на алхимический манускрипт Роджера Бэкона, — сказала я.

— Ну, тетушка, у тебя прямо железные яйца, — восхищенно признался на обратном пути Галлоглас. — Я уже не говорю о том, как ты это ему преподнесла.

— Спасибо, — ответила я, польщенная словами племянничка. — Кстати, а что происходило с моей головой во время представления? Придворные глаз оторвать не могли.

— От луны во все стороны полетели маленькие звездочки. Они быстро погасли. Я бы не волновался. Придворные явно сочли это театральной иллюзией. Ведь большинство аристократов Рудольфа — обычные люди.

Ответ Мэтью был куда сдержаннее.

— Не спеши обольщаться, mon coeur. Разумеется, Рудольфу не оставалось ничего иного, как согласиться, но просто так он манускрипт тебе не покажет. Ты затеяла с императором весьма хитроумную игру. И будь готова к тому, что за возможность взглянуть на его сокровище Рудольф потребует от тебя еще чего-нибудь.

— А к тому времени, когда он начнет что-то требовать, нас уже не будет в Праге, — сказала я.

Но вскоре опасения Мэтью подтвердились. Я думала, нас обоих чуть ли не на следующий день пригласят во дворец и в конфиденциальной обстановке покажут манускрипт. Однако никакого приглашения не последовало. Потянулись дни. Наконец мы получили официальное приглашение на обед, где соберутся многообещающие католические богословы. Затем, как явствовало из записки, избранных гостей проводят в личные покои Рудольфа, чтобы взглянуть на сокровища его коллекций, представляющих

особый мистический и религиозный интерес. В числе приглашенных значился и Иоганн Писториус, который вырос в лютеранской семье, затем перешел в кальвинизм, а теперь намеревался стать католическим священником.

— Вот и дополнительные сложности, — сказал Мэтью, впиваясь себе в волосы. — Писториус — опасный и безжалостный противник. Вдобавок он колдун. Лет через десять он вернется в Прагу и станет исповедником Рудольфа.

— А правда, что его готовят для нужд Конгрегации? — тихо спросил Галлоглас.

— Да. Головорез-интеллектуал. Именно тот, кого ведьмы хотят видеть своим представителем... Диана, я вовсе не хотел тебя обидеть. У ведьм сейчас тяжелые времена.

— Я и не думала обижаться. Но пока Писториус не входит в Конгрегацию. А ты входишь. Учитывая его честолюбивые замыслы, не воспротивится ли он твоей слежке за ним и не осложнит ли это ситуацию?

— Шансы на такое развитие событий очень высоки, иначе Рудольф не пригласил бы его вместе с нами. Император готовит поле сражения и собирает своих солдат.

— За что именно он собирается биться?

— За манускрипт и за тебя. Он не желает уступать ни то ни другое.

— Я уже говорила, что не продаюсь. И военным трофеем тоже не являюсь.

— Конечно. Но Рудольф, как ни странно, продолжает считать тебя ничейной территорией. Захватывать новые земли — в его стиле. Он австрийский эрцгерцог, король Венгрии, Хорватии и Богемии, маркграф Моравии и император Священной Римской империи. Вдобавок он племянник испанского короля Филиппа. Габсбурги — алчное семейство, склонное к стяжательству и соперничеству. Чтобы получить желаемое, они не привыкли останавливаться ни перед чем.

— Знаешь, тетушка, Мэтью и так послушно исполняет твои желания, — мрачно произнес Галлоглас, когда я начала возражать. — Будь ты моей женой, я бы после первого же императорского подарка поспешил увезти тебя из Праги.

Учитывая щекотливость ситуации, мы отправились во дворец в сопровождении Пьера и Галлогласа. Три вампира и ведьма,

естественно, привлекали к себе внимание. Я это чувствовала, пока мы шли к Большому залу, который Мэтью когда-то помогал проектировать.

Рудольф усадил меня рядом с собой. Галлоглас, как и подобает вышколенному слуге, встал за моим стулом. Мэтью и бдительного Пьера отправили на противоположный конец пиршественного стола. Случайному наблюдателю показалось бы, что Мэтью весело проводит время, окруженный шумными придворными дамами и молодыми людьми, которые стремились найти себе новый образец для подражания, поскольку император был, по их мнению, недостаточно отважен и безрассуден. Время от времени с той части стола доносились взрывы смеха, однако его величество даже не улыбался. Настроение императора оставалось мрачным.

— Но скажи, отец Иоганн, почему должно проливаться столько крови? — посетовал Рудольф, обращаясь к грузному мужчине средних лет, сидящему слева.

До рукоположения Писториуса оставалось еще несколько месяцев, но он, проявляя характерное для неофитов рвение, даже не пытался возражать против «отца Иоганна». Раз император обращается к нему как к священнику, так тому и быть.

— Потому что, ваше величество, ересь и безбожие до́лжно вырывать с корнем. Иначе они найдут себе новую почву и прорастут.

Глаза Писториуса под тяжелыми веками обратились на меня. Взгляд был испытующим. Мой ведьмин третий глаз мгновенно открылся, возмущенный грубыми попытками неофита завладеть моим вниманием. Это очень напоминало действия Шампье, пытавшегося выведать мои тайны. Я проникалась все большей неприязнью к колдунам с университетским образованием. Положив нож, я наградила Писториуса таким же испытующим взглядом. Некоторое время мы смотрели друг на друга. Первым не выдержал он.

— А вот мой отец считал терпимое отношение более мудрой политикой, — ответил Рудольф. — Ты же изучал еврейскую мудрость, их Каббалу. Иные священники и ее назвали бы ересью.

Острый слух Мэтью позволял ему слышать каждое слово, произносимое на нашем конце стола. Сосредоточенность мужа напомнила мне сосредоточенность Шарки, преследующей куропатку. Улыбка на лице Мэтью исчезла.

— Муж говорил мне, что вы, герр Писториус, врач.

Мой маневр не отличался изящностью, но сработал.

— Да, фрау Ройдон. Я врач. Точнее, был им, пока не перешел от спасения бренных тел к спасению душ.

— Отец Иоганн снискал себе славу искусного врача, когда в Европе свирепствовала чума, — сообщил Рудольф.

— Я был лишь исполнителем Божьей воли. Господь — единственный настоящий врачеватель, — скромно возразил Писториус. — Из любви к нам Бог сотворил много природных средств, чудесным образом воздействующих на наши несовершенные тела.

— Да, конечно. Помню, как ты советовал безоары в качестве средства от многих болезней. Когда La Diosa недавно хворала, я послал ей один из своих камней. — Рудольф одобрительно улыбнулся бывшему врачу.

— Камень вашего величества наверняка помог, — заявил Писториус и пристально посмотрел на меня.

— Да. La Diosa полностью выздоровела и прекрасно выглядит.

Рудольф откровенно разглядывал меня, даже не замечая, как его нижняя губа оттопыривается все сильнее. На обед я пришла в простом черном платье, отделанном белой вышивкой. Этот наряд дополняла черная бархатная накидка. Лицо скрывала полупрозрачная вуаль. Единственным цветовым пятном был красный рубин в ожерелье с саламандрами, подаренном Мэтью. Внимание императора приклеилось к драгоценному камню. Рудольф нахмурился и жестом подозвал слугу.

— Трудно сказать, помог мне безоар или лечебная кашка императора Максимилиана, — сказала я, взглянув на доктора Гаека.

Меж тем Рудольф продолжал перешептываться со слугой. Доктор Гаек, налегавший на мясо, в это время слегка подавился куском оленины. Прокашлявшись, он поспешил мне на помощь.

— Доктор Писториус, я думаю, фрау Ройдон помогла именно кашка, — сказал Гаек. — Я готовил снадобье в чашке, сделанной из рога единорога. Император счел, что это усилит лечебные свойства кашки.

— Для большей надежности лечения, причем эту кашку La Diosa ела ложкой, изготовленной из рога, — сообщил Рудольф, поедая глазами мои губы.

— Ваше величество, чашку и ложку мы тоже сегодня увидим среди диковин вашей кунсткамеры? — спросил Писториус.

Воздух между мною и колдуном вдруг сделался живым и буквально затрещал. Нити, окружающие врача-священника, взорвались ярко-красными и ярко-оранжевыми вспышками, предупреждая меня об опасности. Потом колдун улыбнулся. «Я тебе не доверяю, ведьма, — прозвучал в мозгу его голос. — И императору Рудольфу, твоему будущему любовнику, тоже».

Я доедала порцию жареного кабана. Приправленное розмарином и посыпанное черным перцем, мясо было удивительно вкусным. Император считал, что перец согревает кровь. После беззвучного послания колдуна, недожеванный кусок мяса превратился в пыль, а кровь, вопреки заверениям Рудольфа, похолодела.

— Что-то не так? — тихо спросил Галлоглас, наклоняясь к моему плечу и подавая мне шаль, которую без моего ведома прихватил с собой.

— Писториуса пригласили наверх взглянуть на книгу, — затараторила я по-английски, чтобы уменьшить риск подслушивания.

От Галлогласа пахло морской солью и мятой. Странное сочетание запахов подействовало на меня успокаивающе. Натянутые нервы ослабли.

— Оставь это мне, — ответил Галлоглас, касаясь моего плеча. — Кстати, тетушка, ты немного светишься. Лучше, если сегодня никто не увидит звезд.

Подав мне предупреждающий сигнал, Писториус перевел разговор в другое русло и вовлек доктора Гаека в оживленный спор о благотворных свойствах отваров, применяемых в качестве противоядия. Рудольф коротал время, меланхолично поглядывая на меня и бросая сердитые взгляды в сторону Мэтью. Чем ближе я подвигалась к встрече с «Ашмолом-782», тем меньше мне хотелось есть. Рядом сидела какая-то знатная дама. Я заговорила с ней о разных пустяках. Но пиршество продолжалось. К столу подали еще пять блюд, в том числе позолоченных жареных павлинов, груды жареной свинины и нежных молочных поросят. Только после этого императорский обед завершился.

— Ты совсем бледная, — сказал Мэтью, отведя меня от стола.

— Писториус меня подозревает.

Я уловила в нем ощутимое сходство с Питером Ноксом и Шампье. «Громила-интеллектуал» — эта характеристика годилась для обоих.

— Но Галлоглас обещал об этом позаботиться, — добавила я.

— Теперь понятно, почему Пьер ходил за ним по пятам.

— Что Пьер намерен сделать?

— Сохранить Писториусу жизнь, — весело ответил Мэтью. — Если Галлогласа не осадить, он попросту задушит колдуна и бросит в Олений ров — львам на ужин. По готовности тебя оберегать мой племянник почти равен мне.

Рудольф позвал гостей в свое святилище — личную галерею, где мы с Мэтью были в прошлый раз, когда император учил меня правильно воспринимать триптих Босха. Там нас встретил Оттавио Страда, готовый показывать императорские коллекции и отвечать на вопросы.

Подарок Мэтью по-прежнему находился в центре галереи, на столе, покрытом зеленым фетром. Вокруг триптиха Рудольф расставил и разложил множество других предметов, предлагая гостям полюбоваться на них. Пока гости охали и ахали, взирая на шедевр Босха, я внимательно оглядывала помещение. Посмотреть было на что. Чаши из полудрагоценных камней, покрытая эмалью цепь, какие носили государственные сановники, длинный рог, якобы принадлежавший единорогу, статуи и украшенный резьбой орех сейшельской пальмы. Это была причудливая смесь дорогих безделушек, предметов медицинского назначения и разных экзотических вещиц. Но алхимического манускрипта среди них я не увидела.

— Где же манускрипт? — шепотом спросила я у Мэтью.

Раньше чем он успел ответить, я почувствовала теплую руку, сжавшую мои пальцы. Мэтью окаменел.

— У меня есть для тебя подарок, querida diosa[1].

От Рудольфа пахло луком и красным вином. Мой желудок протестующе заурчал. Я повернулась, ожидая увидеть «Ашмол-782», но в руках императора был не манускрипт, а покрытая эмалью цепь. Еще через мгновение Рудольф надел ее на меня. Цепь легла мне на плечи. Глянув вниз, я увидела зеленого уробороса, окруженного красными крестиками. Крестики покрывала инкрустация из изумрудов, рубинов, бриллиантов и жемчуга. Палитра напоминала драгоценный камень, который герр Майзель вручил Бенжамену.

[1] Очаровательная богиня *(исп.)*.

— Ваше величество, странный подарок вы делаете моей жене, — тихо сказал Мэтью.

Он стоял за спиной императора, издали глядя на цепь. Я получала в подарок уже третью цепь и знала, что в ней скрыт символический смысл. Поднеся уробороса поближе к глазам, я стала вглядываться в эмалевое тело змея. Но это был совсем не змей, поскольку у существа имелись лапы. Скорее, ящерица или саламандра. Казалось, спину ей исхлестали плеткой, всунув туда кроваво-красный крест. Меня поразила и другая странность. Ящерица не держала кончик хвоста в пасти. Хвост удушающим кольцом обвивался вокруг ее горла.

— Это, герр Ройдон, знак уважения, — ответил Рудольф, слегка сделав упор на фамилии Мэтью. — Некогда цепь принадлежала королю Владиславу, а ко мне перешла от бабушки. Знак относится к сообществу храбрых венгерских рыцарей, именуемому орденом Сокрушенного Дракона.

— Дракона? — тихо повторила я, глядя на Мэтью.

При таких грубых лапах это существо могло быть и драконом. В остальном оно разительно напоминало фамильный герб де Клермонов. Мне вспомнилась клятва герра Фукса... клятва Бенжамена: убивать драконов везде, где они ему попадутся.

— Дракон символизирует наших врагов. В особенности тех, кто может иметь дерзость вмешаться в наши королевские прерогативы.

Слова Рудольфа, произнесенные вполне учтиво, по сути означали объявление войны всему клану де Клермон.

— Мне было бы приятно видеть эту цепь на плечах Дианы, когда она снова появится при дворе. — Палец Рудольфа слегка коснулся дракона, застывшего на моей груди, и тоже застыл. — А этих маленьких французских саламандр она оставит дома.

Мэтью безотрывно смотрел на эмалевого дракона и императорский палец. К тому моменту, когда Рудольф произнес оскорбительные слова о французских саламандрах, глаза моего мужа были почти черными. Я постаралась думать, как Мэри Сидни, и найти наиболее подходящий ответ, способный успокоить моего любимого вампира. Со своим уязвленным феминизмом я разберусь потом.

— Ваше величество, решение о том, какие украшения надевать ко двору, принимает мой муж, — холодно произнесла я, принуждая себя не отодвигаться от пальца Рудольфа.

Вокруг послышались приглушенные возгласы. Но меня сейчас волновала только реакция Мэтью.

— Не вижу причин, mon coeur, почему бы этому подарку не оставаться на твоих плечах до конца вечера, — сказал он, проявляя редкую покладистость.

Сейчас Мэтью был больше похож на французского аристократа, чем на посланника английской королевы.

— Как-никак между саламандрами и драконами существует родство. Те и другие не страшатся огня, чтобы защищать всех, кто им дорог. И потом, император любезно согласился показать тебе свою книгу. — Мэтью оглянулся по сторонам. — Хотя нерадивость синьора Страды достигла и этих прекрасных покоев. Никакой книги я здесь не вижу.

Мы сожгли за собой еще один мост.

— Не спеши с выводами, — раздраженно бросил ему Рудольф. — Вначале я хочу подарить La Diosa еще кое-что. Пока же извольте взглянуть на мой резной орех с Мальдивских островов. Он единственный в своем роде.

Все, кроме Мэтью, послушно отправились туда, куда указывал палец Страды.

— Ты тоже, герр Ройдон.

— Разумеется, — пробормотал Мэтью, виртуозно подражая тону матери, и медленно двинулся вслед за толпой гостей.

— А вот это доставили по моему заказу, — сообщил Рудольф. — Отец Иоганн помогал мне обрести сие сокровище. — Император обвел глазами галерею, но Писториуса среди гостей не было. — Синьор Страда, куда он подевался? — хмуро спросил Рудольф.

— Ваше величество, я не видел его с тех самых пор, как мы покинули Большой зал, — ответил Страда.

— Иди сюда! — крикнул Рудольф одному из слуг. — Иди и разыщи отца Иоганна!

Слуга побежал выполнять приказание. Император справился с раздражением, вновь повернувшись к странному предмету, что лежал перед нами. Внешне предмет был похож на грубо вырезанную нагую фигурку человека.

— А это, La Diosa, знаменитый корень из Эппендорфа. Сто лет назад одна женщина выкрала из церкви освященную облатку и в полнолуние закопала у себя в огороде. Она всего лишь жела-

пахла плесенью. Это я тоже помнила по Бодлианской библиотеке.

Я перевернула страницу и увидела картинку, отправленную мне родителями. Ту, что старый дом семьи Бишоп хранил долгие годы. Феникс, несущий на своих крылах алхимическую свадьбу. Свидетелями союза Солнца и Луны были мифические и алхимические животные.

Вид у Мэтью был потрясенный. Он пристально смотрел на страницу. Даже с его прекрасным зрением он находился достаточно далеко от стола, чтобы видеть мелкие детали. Что же так удивило его?

Я быстро перевернула лист с алхимической свадьбой. На третьем утраченном листе были изображены два алхимических дракона с переплетенными хвостами. Происходившее между ними могло восприниматься и как поединок, и как объятие. Из драконьих ран хлестала кровь, наполняя пруд, откуда выпрыгивали десятки бледных обнаженных фигур. Такие алхимические рисунки мне еще не встречались.

Мэтью встал за стулом императора. Я ожидала, что его потрясение сменится радостным волнением. Ведь эти картинки приближали нас к разгадке тайн манускрипта. Но у моего мужа был такой вид, словно он увидел призрака. Бледная ладонь Мэтью прикрывала его нос и рот. Поймав мой встревоженный взгляд, он лишь кивнул, предлагая не тратить понапрасну время.

Я набрала побольше воздуха и открыла страницу, которую видела в Оксфорде. Так и есть: совсем маленькая девочка с двумя розами. Неожиданным было то, что каждый квадратный дюйм пространства вокруг малышки был густо покрыт текстом. Текст представлял собой причудливую смесь символов и нескольких разрозненных букв. В Бодлианской библиотеке он был скрыт заклинанием, превратившим манускрипт в магический палимпсест. Сейчас я видела манускрипт в его первозданном виде, когда тайный текст еще оставался явным. Радость тут же сменилась досадой: прочесть написанное я все равно не могла.

Я стала водить пальцами по строчкам. Мое прикосновение превращало слова в лицо, силуэт, имя. Казалось, написанное пытается что-то рассказать мне, используя нечто вроде истории в картинках. Одна загадка переходила в другую: передо мной мелькали тысячи существ.

— Я бы отдал тебе все, чего бы ты ни попросила, — сказал Рудольф, обдавая мне щеку жарким дыханием.

Опять этот запах лука и вина. Как же он был не похож на чистый терпкий запах Мэтью! Я настолько привыкла к холодному дыханию вампира, что дыхание теплокровного человека только раздражало.

— Почему ты выбрала этот манускрипт? Его невозможно понять, хотя Эдвард и считает, что там заключена великая тайна.

В узкое пространство между мною и императором просунулась длинная рука и осторожно коснулась страницы.

— Что ж, этот манускрипт столь же лишен смысла, как и другой, который вы подсунули несчастному доктору Ди.

Однако лицо Мэтью противоречило его словам. Скорее всего, Рудольф не заметил ни дергающейся жилки на подбородке моего мужа, ни морщинок вокруг его глаз. Они стали глубже — верный признак крайней сосредоточенности Мэтью.

— Я не согласна! — выпалила я. — Алхимические трактаты требуют пристального изучения и размышления. Только тогда можно в полной мере постичь их смысл. Если бы у меня появилась возможность изучить этот манускрипт...

— Даже в таком случае одного твоего рвения мало. Нужно иметь особое Божье благоволение, — возразил Рудольф, хмуро косясь на Мэтью. — Бог благоволит к Эдварду так, как тебе и не снилось, герр Ройдон.

— Согласен, благоволит, — ответил Мэтью, поворачиваясь к Келли.

Выпустив манускрипт из рук, английский алхимик вел себя довольно странно. Я не сомневалась в существовании нитей, связывающих его и книгу. Но что привязывало Келли к «Ашмолу-782»?

Едва этот вопрос мелькнул у меня в мозгу, тонкие желтые и белые нити, соединяющие Келли и манускрипт, изменили свой узор. Вместо обычного переплетения и полотна, где нити одного цвета занимали горизонтальное положение, а нити другого — вертикальное, они свободно вращались вокруг невидимого центра. Это чем-то напоминало ленты, какими перевязывают упакованные подарки. Концы лент всегда свободно болтаются, закручиваясь спиральками. Короткие горизонтальные нити удерживали завитки от соприкосновения. Вся картина была похожа на...

Двойную спираль!

Боясь, что могу выдать свое изумление, я поднесла ладонь ко рту. Я всматривалась в манускрипт. После скольжения по странице у меня на пальцах остался запах плесени. Сильный, будоражащий, похожий на...

Запах плоти и крови. Я посмотрела на Мэтью, зная, что выражение лиц у нас сейчас одинаковое. Мы оба *были потрясены.*

— Что-то ты совсем побледнела, mon coeur. Наверное, утомилась, — заботливо произнес он, помогая мне встать. — Пойдем-ка домой.

В этот момент Эдвард Келли дал волю своему неистовству.

— Я слышу их голоса. Они говорят на непонятных мне языках. А вы их слышите? — Алхимик застонал, зажимая себе уши.

— Что ты там болтаешь? — нахмурился Рудольф. — Доктор Гаек, с Эдвардом что-то творится.

— Вы найдете там и свое имя, — продолжал Келли, обращаясь ко мне. Его голос становился все громче. — Я понял это сразу, едва увидел вас.

Я глянула вниз. Закрученные спиралевидные нити связывали с манускриптом и меня. Белые и сиреневые, а не желтые, как у Келли. Мэтью тоже оказался связанным с книгой. Его спиралевидные нити были красными и белыми.

В галерею вошел Галлоглас. Его никто не приглашал. Никто не сообщил о его приходе. Следом ковылял плечистый гвардеец, поддерживая покалеченную руку.

— Лошади готовы, — сказал Галлоглас, кивая в сторону двери.

— Тебе никто не давал позволения являться сюда! — заорал Рудольф. Император был в ярости: сценарий вечера рассыпáлся у него на глазах. — И тебе, La Diosa, я не позволяю уходить.

Мэтью полностью игнорировал повеления Рудольфа. Он взял меня за руку и повел к двери. Нити манускрипта тянулись за мной, требуя вернуться.

— Мы не можем оставить книгу здесь. Это...

— Я знаю, что это, — угрюмо ответил Мэтью.

— Задержать их! — потребовал Рудольф.

Но гвардейцу со сломанной рукой хватило столкновения с одним рассерженным вампиром. Искушать судьбу, пытаясь задержать Мэтью, он не собирался. Более того, гвардеец вдруг выпучил глаза и грохнулся на пол, потеряв сознание.

Галлоглас набросил мне на плечи плащ. Мы торопливо сбежали по лестнице. Внизу валялись еще двое гвардейцев. Оба были без сознания.

— Вернись и забери книгу! — приказала я Галлогласу.

Проклятый корсет мешал мне дышать и уж никак не предназначался для спринтерского бега по двору.

— Теперь, когда мы знаем, что это за книга, ее тем более нельзя оставлять у Рудольфа.

Мэтью остановился. Его пальцы впились мне в руку.

— Мы не уедем из Праги без манускрипта. Обещаю, я вернусь и заберу его. Но сейчас мы поспешим домой. К моменту моего возвращения дети должны быть собраны и готовы к отъезду.

— Мы, тетушка, сожгли все мосты, — хмуро изрек Галлоглас. — Писториус заперт в Белой башне. Я убил одного караульного и ранил троих. Рудольф позволил себе не то что прикасаться к тебе... он откровенно лапал тебя. У меня есть сильное желание оборвать и его жизнь.

— Галлоглас, ты не понял моих слов. В этой книге содержатся ответы на *все* вопросы! — выпалила я, прежде чем Мэтью дернул меня за руку, заставляя бежать дальше.

— Я понимаю больше, чем ты думаешь, — возразил Галлоглас, бежавший рядом. — Запах этой книги я учуял еще внизу, когда расправлялся с гвардейцами. В книге есть имена мертвых *варгов*. Имена ведьм и демонов тоже там есть, можешь не сомневаться. Кто бы подумал, что зловоние Книги Жизни достигнет вышины небес смерти?

Глава 32

Через двадцать минут я уже сидела в нашей гостиной у огня, сжимая в руках чашку с травяным чаем. Жарко пылающий камин и горячий чай не помогали. Меня трясло.

— Кому такое могло прийти в голову? Жуть какая!

Подобно большинству манускриптов, «Ашмол-782» был написан на пергаменте особого изготовления — веленевом. Прежде чем стать пергаментом, кожа вымачивалась в извести, удаляющей шерсть и волосы. Затем ее выскабливали, убирая подкожные слои плоти и жира. После этого будущий пергамент снова погружали в известь, чтобы затем натянуть на раму и повторить выскабливание.

Разница заключалась лишь в том, что пергамент для манускрипта был изготовлен не из овечьей, телячьей или козьей кожи, а из кожи демонов, вампиров и ведьм.

— Должно быть, манускрипт служил чем-то вроде летописи, — предположил Мэтью.

Как и я, он пытался совладать с собой после этого страшного открытия.

— Но ведь здесь сотни страниц, — сказала я, отказываясь верить.

Со скольких же демонов, вампиров и ведьм сдирали кожу, чтобы превратить ее в велень для манускрипта? Это была какая-то запредельная жестокость, не укладывающаяся в голове. Я думала, что у меня начисто пропадет сон.

— Следовательно, книга содержит сотни индивидуальных образцов ДНК.

Мэтью так часто запускал пальцы в волосы, что его голова начинала походить на спину дикобраза.

— Нити, соединявшие нас с «Ашмолом-782», были похожи на двойные спирали, — сказала я.

Галлоглас прислушивался к нашим словам и, естественно, ничего не понимал. Нам пришлось бы растолковывать ему азы современной генетики. Между тем, о чем мы говорили, и представлениями Галлогласа лежали четыре с половиной века развития биологии и химии.

— Насколько понимаю, Д-Н-К похоже на генеалогическое древо, но его ветви охватывают больше одного семейства?

Привычное нам слово «ДНК» Галлоглас произносил медленно, с расстановкой.

— Ты правильно понимаешь, — сказал ему Мэтью.

— Мэтью, ты видел дерево на первой странице? Его ствол состоял из тел, однако оно не было мертвым. Оно зеленело, цвело и плодоносило. Совсем как arbor Dianae в лаборатории Мэри.

— Этого дерева я не видел, зато видел существо, держащее в пасти собственный хвост, — ответил Мэтью.

Я лихорадочно пыталась вспомнить увиденное, но моя фотографическая память подвела меня, и именно сейчас, когда я особенно в ней нуждалась. Я догадывалась о причине: на меня обрушилось слишком много новой информации, которую требовалось усвоить.

— У меня из головы не идет еще одна картинка, — призналась я. — Там были изображены два существа. Они не то сражались, не то обнимались. Сказать с уверенностью не могу. Сосчитать их ноги мне не удалось. Оба были ранены, и их кровь порождала сотни других существ. Хотя если один был не четвероногим драконом, а змеем...

— А другой — двуногим огнедышащим драконом, тогда эти алхимические драконы вполне могли символизировать нас с тобой. — Мэтью коротко, но с чувством выругался.

Галлоглас терпеливо дождался паузы, а затем вернулся к своему изначальному вопросу:

— Этот Д-Н-К... он живет в нашей коже?

— Не только в твоей коже, но и в крови, костях, волосах, ногтях. Словом, во всем твоем теле, — объяснил Мэтью.

— М-да... — Галлоглас задумчиво поскреб подбородок. — Вы оба говорите, что в книге содержатся ответы на все вопросы. Какой занимал вас сильнее всего?

— Их было несколько. Например, почему мы отличаемся от людей? — сказал Мэтью. — И почему ведьма вроде Дианы способна зачать ребенка от *варга*?

Эту фразу Галлоглас встретил лучезарной улыбкой.

— Ты говоришь о своем ребенке, Мэтью. Я еще в Лондоне понял, что тетушка на это способна. У нее был особый запах. Потом ваши запахи соединились. Филипп знал?

— Некоторые знали, — уклончиво ответила я.

— Хэнкок знал. Франсуаза с Пьером — тоже. Думаю, Филиппу быстренько обо всем сообщили. — Галлоглас встал. — Пойду за тетушкиной книгой. Если там есть что-то, что связано с рождением детей у де Клермонов, мы должны забрать этот манускрипт себе.

— Рудольф уже наверняка спрятал книгу под надежный замок или положил себе под подушку, — предположил Мэтью. — Будет не так-то просто забрать манускрипт из дворца, особенно если Писториуса уже нашли и он успел натворить разных заклинаний и прочих гадостей.

— Раз уж ты помянул императора, не снять ли нам эту цепь с плеч тетушки? Терпеть не могу паршивые цепи вроде этой.

— С удовольствием сниму. — Я сорвала с себя императорский подарок и швырнула на стол. — А вообще, какое отношение имеет этот орден Сокрушенного Дракона к де Клермонам? Учитывая, что с бедняги-уробороса наполовину содрана шкура и он себя душит, вряд ли их орден находится в приятельских отношениях с Рыцарями Лазаря.

— Они нас люто ненавидят и желают нашей смерти, — подтвердил мою догадку Мэтью. — Династия Дракулешти всегда противилась широким воззрениям Филиппа на ислам и Оттоманскую империю. Они поклялись извести нас под корень, считая, что тогда исчезнет сдерживающая сила и они беспрепятственно добьются своих политических целей.

— А еще они хотят заполучить деньги де Клермонов, — добавил Галлоглас.

— Дракулешти... — У меня почему-то ослабел голос. — Но Дракула — это один из человеческих мифов, созданный с определенной целью: посеять страх перед вампирами.

Миф, показывающий, *как* люди воспринимают вампиров.

— Патриарх клана — Влад Дракон — очень бы этому удивился, — заметил Галлоглас. — Но ему было бы приятно узнать, что его имя продолжает пугать людей.

— Дракула, которого так боялись люди и которого прозвали Колосажателем, — лишь один из сыновей Влада Дракона, — объяснил мне Мэтью.

— Колосажатель был мерзким типом. К счастью, нынче он мертв. Нам надо тревожиться не о нем, а о его отце, братьях и их союзниках из династии Батори, — добавил Галлоглас, находившийся в приподнятом настроении.

— Однако люди считают, что Дракула прожил не одну сотню лет. Возможно, он до сих пор жив. Вы уверены в его смерти? — не унималась я.

— Я собственными глазами видел, как Болдуин оторвал ему голову и закопал ее милях в тридцати от тела. Он уже тогда был мертв, а сейчас и подавно. А тебе, тетушка, совсем не пристало верить человеческим домыслам. Правды в них — жалкие крохи, — сказал Галлоглас, с упреком поглядев на меня.

— По-моему, у Бенжамена была похожая эмблема с драконами. Подарок или заказ, переданный ему герром Майзелем. Когда император показал мне свой подарок, я сразу отметила сходство цветов.

— Ты уверял меня, что Бенжамен уехал из Венгрии, — упрекнул Галлогласа Мэтью.

— Он и уехал. Болдуин приказал ему покинуть Венгрию или разделить участь Колосажателя. Ты бы видел лицо Болдуина! Сам черт не посмел бы ослушаться твоего брата.

— Я хочу, чтобы мы все убрались из Праги еще до восхода солнца, — мрачно объявил Мэтью. — События приняли очень скверный оборот. Я это чую.

— Ты выбрал не самое лучшее время для отъезда. Кстати, ты знаешь, какая сегодня ночь? — спросил Галлоглас, и Мэтью покачал головой. — Walpurgisnacht. Вальпургиева ночь. По всему городу полыхают костры. На них сжигают чучела ведьм... если не удается схватить настоящих.

Мэтью выругался, в который раз запустил пальцы в волосы и тряхнул головой:

— Может, костры будут нам на руку. На нас обратят меньше внимания. Нужно лишь сообразить, как обойти охрану Рудоль-

фа, проникнуть в его покои и найти книгу. А из Праги нужно убираться немедленно, невзирая ни на какие празднества.

— Мэтью, мы же *варги*. Уж если кто и может украсть манускрипт, так только мы, — убежденно заявил Галлоглас.

— Это будет не так просто, как ты думаешь. Войти-то мы войдем, но как потом выйдем?

— Я вам помогу, господин Ройдон.

По сравнению с раскатистым басом Галлогласа и баритоном Мэтью голос Джека напоминал флейту.

— Нет, Джек, — хмуро глядя на мальчика, возразил Мэтью. — Помнишь, ты обещал мне больше не воровать? И потом, во дворце ты не был дальше конюшен. Ты даже не знаешь, куда идти и где искать.

— Э-э-э... Это не совсем так, — смущенно возразил Галлоглас. — Я водил Джека в собор. И в Большой зал. Показывал ему рисунки, которыми ты в свое время осчастливил Рыцарскую лестницу. На императорской кухне он тоже побывал... Постой. Я не упомянул про зверинец. Было бы жестоко не показать ему зверей.

— Джек ходил в замок и со мной, — признался появившийся в дверях Пьер. — Не хотелось, чтобы он сбежал туда один и потерялся.

— И куда же ты его водил, Пьер? — ледяным тоном спросил Мэтью. — В тронный зал, чтобы он вдоволь попрыгал на императорском троне?

— Нет, милорд. Я водил его в кузницу, а потом познакомил с мастером Хуфнагелем. — Пьер вытянулся во весь свой не слишком высокий рост, выдерживая хмурый взгляд хозяина. — Я подумал, что нужно показать рисунки мальчишки тому, кто в этом по-настоящему смыслит. Мастеру Хуфнагелю рисунки очень понравились, и в качестве награды он быстро нарисовал пером портрет Джека.

— Пьер водил меня и в караулку, — неохотно признался Джек. — Там я... раздобыл вот это. — Он достал из кармана связку ключей. — Мне хотелось взглянуть на единорога. Не представляю, как такие звери взбирались по лестнице. Наверное, у них были крылья. А потом мастер Галлоглас повел меня смотреть Рыцарскую лестницу. Здорово вы там бегущих оленей на стене нарисовали, господин Ройдон.

— Какая связь между единорогом и ключами, которые ты украл в караульном помещении? — все тем же ледяным тоном спросил Мэтью.

— Солдаты говорили между собой. Я ничего не понимал, но одно слово показалось знакомым: einhorn. Я догадался, что так они называют единорога. Раз солдаты про него говорят, должны знать, где его держат. Вот я и...

Мэтью обхватил плечи Джека и присел на корточки, чтобы смотреть мальчику в глаза:

— Ты хоть представляешь, что́ они с тобой сделали бы, если бы поймали? — Лицо мужа было не менее испуганным, чем у Джека. — Тебя избили бы до полусмерти. Неужели единорог того стоит?

— Меня часто били. Мне не привыкать. А вот магического зверя я никогда не видел. Разве что льва в императорском зверинце. И еще... дракона госпожи Ройдон.

Джек понял, что сболтнул лишнее, и зажал себе рот. Вид у него стал еще испуганнее.

— Значит, и ты видел? Похоже, Прага стала для нас местом шокирующих открытий. — Мэтью выпрямился. — Давай ключи! — велел он, протягивая руку.

Джек неохотно отдал ключи, а сам съежился, думая, что его сейчас наградят подзатыльником, но Мэтью поклонился ему:

— Я перед тобой в долгу, Джек.

— Но я плохо себя вел, — прошептал Джек, потирая ягодицы, словно ему уже всыпали.

— Я постоянно плохо себя веду, — признался скупой на похвалы Мэтью. — Иногда из этого получается что-то хорошее.

— Только вас никто за это не бьет, — сказал Джек.

Он изо всех сил пытался понять странный мир, где взрослые говорят, что они в долгу перед мальчишками, и где его герой признаётся в собственном несовершенстве.

— Однажды отец Мэтью победил его в сражении на мечах. Сама видела. — (Драконiха внутри меня негромко зашелестела крыльями, молчаливо одобряя мои слова.) — А потом отец сбил Мэтью с ног и наступил ему на грудь.

— Должно быть, отец у господина Ройдона такой же могучий, как императорский медведь Сикст, — протянул Джек, завороженный вестью о том, что кто-то мог одолеть Мэтью.

— Сущая правда, — не хуже медведя прорычал Мэтью. — А теперь — немедленно спать.

— Я же маленького роста и верткий, — пытался возражать Джек. — Я добуду книгу госпожи Ройдон, и меня даже никто не заметит.

— Меня тоже, Джек, — пообещал Мэтью.

Из дворца Мэтью с Галлогласом вернулись, покрытые кровью, грязью и сажей, но с «Ашмолом-782».

— Вы его принесли! — обрадовалась я.

Мы с Энни ждали их на втором этаже. Вещи в дорогу были уже собраны. Разумеется, мы взяли только самое необходимое.

— Три первых листа исчезли, — сказал Мэтью, откидывая доску переплета.

Несколько часов назад книга была целехонька. Три вырванных листа изменили ее до неузнаваемости. Строчки метались по страницам. Я думала, что буду неспешно водить пальцами по листам манускрипта и находить значение появляющихся символов. Теперь это было невозможно. От моего прикосновения слова разбегались в разные стороны, будто стайки испуганных зверьков.

— Книгу мы обнаружили у Келли. Склонившись над ней, он бормотал, словно умалишенный, — сообщил Мэтью, а потом добавил: — И книга отвечала ему.

— Это правда, тетушка. Я слышал слова, хотя и не понял ни одного.

— Выходит, книга действительно живая, — растерянно произнесла я.

— И такая же мертвая. — Галлоглас дотронулся до переплета. — Зло и могущество, собранные воедино.

— Едва увидев нас, Келли заорал во все горло и начал выдирать листы из книги. Я не успел добраться до него, как вбежали гвардейцы. Я был вынужден выбирать между Келли и манускриптом. — Мэтью замялся. — Я правильно поступил?

— Думаю, да. Когда я обнаружила книгу в Бодлианской библиотеке, то сразу почувствовала, что в ней недостает страниц. Найти их в нашем времени будет проще, чем здесь.

Современные библиотечные каталоги и поисковые системы мне существенно помогут. Трудно искать наугад. А когда знаешь, что ищешь...

— Проще, но только если они дожили до нашего времени, — возразил Мэтью. — Если же нет...

— Тогда нам уже не узнать всех тайн манускрипта. Зато твоя прекрасная лаборатория сможет раскрыть такие секреты, о которых мы и не подозревали, когда начинали поиски.

— Значит, ты готова вернуться?

В глазах Мэтью что-то блеснуло и сразу же погасло. Волнение? Или страх за нашу дальнейшую судьбу?

— Да, пора возвращаться, — сказала я.

Прагу мы покидали спешно и налегке. Костры Вальпургиевой ночи служили нам прощальной иллюминацией. Демоны, вампиры и ведьмы в эту ночь старались не высовывать носа, чтобы не разделить участь сжигаемых чучел.

Холодные воды Северного моря были вполне судоходны. Весенняя оттепель освободила гавани от ледяных панцирей. Больших и малых кораблей, отправлявшихся в Англию, было предостаточно, и мы легко нашли судно. Однако погода нам не благоприятствовала. Когда мы покидали континент, море штормило.

Я спустилась в нашу каюту. Мэтью сосредоточенно изучал книгу. Он успел узнать, что листы пергамента прошиты не нитками, а волосами.

— Dieu! Представляешь, сколько дополнительной генетической информации окажется в нашем распоряжении?

Он вдруг послюнил мизинец и коснулся рисунка на первой уцелевшей странице. Там был изображен младенец, с волос которого капала кровь. Это произошло раньше, чем я успела хоть както помешать странному эксперименту.

— Мэтью! — в ужасе воскликнула я.

— Так я и думал. В краску была добавлена кровь. Если это общая тенденция, тогда золотые и серебряные листочки на иллюстрациях приклеены клеем, сваренным из костей демонов, вампиров и ведьм.

Порыв ветра накренил корабль. Мой желудок не выдержал, и меня вывернуло. Когда я исторгла все, что успела съесть, Мэтью обнял меня. Приоткрытый манускрипт лежал между нами. Строчки двигались, пытаясь найти свое место в общем порядке вещей.

— Что же мы нашли? — шепотом спросила я.

— Древо Жизни и Книгу Жизни, соединенные вместе, — ответил Мэтью, целуя меня в щеку.

— Помню, Питер Нокс говорил, что книга содержит все изначальные заклинания ведьм. Тогда я назвала его сумасшедшим. Мне трудно было представить отъявленного глупца, решившего напихать столько знаний в один манускрипт. — Я провела рукой по деревянному переплету. — А оказалось, она содержит намного больше. Насколько больше, мы и представить пока не можем. Нам до сих пор неизвестно, что́ написано на ее страницах. Если в двадцать первом веке манускрипт попадет в чьи-то злые руки...

— Этот злодей получит безотказное оружие для уничтожения таких, как мы, — договорил за меня Мэтью.

— Что же нам делать? — спросила я, глядя на мужа. — Забрать манускрипт с собой в будущее или оставить в шестнадцатом веке?

— Сам не знаю, mon coeur.

Мэтью крепче обнял меня, заглушая своим телом завывания шторма за бортом.

— Но ведь в этом манускрипте может быть ключ ко всем твоим вопросам, — сказала я.

Неужели Мэтью готов расстаться с книгой теперь, зная, какой сундук с сокровищами попал нам в руки?

— Не ко всем. Есть вопрос, на который можешь ответить только ты.

— Это еще какой? — спросила я, предполагая шутку, не слишком уместную сейчас.

— Тебя тошнило от качки или из-за беременности?

Глаза Мэтью были тяжелыми и сумрачными, как небо над кораблем. Я даже увидела блеск молний.

— Тебе это лучше знать, — ответила я.

Наша последняя близость была несколько дней назад, а вскоре я обнаружила задержку месячных.

— Я не видел ребенка в твоей крови и не слышал биения его сердца. Пока еще рано. Но я почувствовал перемену в твоем запахе. Я помню, как ты пахла тогда... В таком случае срок твоей беременности — меньше месяца.

— В таком случае у тебя должно было бы возникнуть еще больше стремления забрать манускрипт с собой.

— Может, мои вопросы не такие уж и важные, чтобы любой ценой добиваться ответов. Это мне раньше так казалось. — В подтверждение своих слов Мэтью положил манускрипт на пол. — Я думал, манускрипт Бэкона поведает мне, кто я и зачем я здесь. Похоже, это я уже и сам знаю. — (Я молча ждала объяснений.) — После всех изысканий я убеждаюсь, что я тот, кем был всегда: Мэтью де Клермон. Муж. Отец. Вампир. А здесь я с единственной целью — изменить существующий порядок вещей.

Глава 33

Огибая лужи, Питер Нокс шел по внутреннему двору пражского Страговского монастыря. Здешняя библиотека была одним из мест его ежегодного весеннего вояжа по библиотекам Центральной и Восточной Европы. До наплыва туристов оставалось еще несколько месяцев, да и ученые не слишком любили путешествовать в это время. Нокс методично посещал старые библиотеки. Цель у него была все та же: удостовериться, что в течение последних двенадцати месяцев не произошло никаких экстраординарных событий, способных насторожить Конгрегацию и его самого. В каждой библиотеке у него имелся надежный осведомитель из числа высокопоставленных сотрудников, имеющих свободный доступ к фондам книг и манускриптов. Но и слишком высокого положения эти люди не занимали, иначе им пришлось бы отвечать за... странные исчезновения библиотечных сокровищ.

Эти регулярные поездки Нокс совершал с тех самых пор, как защитил докторскую и стал работать на Конгрегацию. После Второй мировой войны многое изменилось, и административная структура Конгрегации гибко приспособилась к новым временам. Толчок переменам дал XIX век, когда Европа покрылась сетью железных дорог и улучшилось состояние шоссейных. Это позволило ввести новый стиль руководства. Теперь демоны, вампиры и ведьмы следили не за странами и провинциями, а за своей породой. Число поездок значительно возросло. Возрос и объем переписки. «Эпоха пара» сделала возможным то и другое. Филипп де Клермон был весьма изобретателен, модернизируя действия Конгрегации. Впрочем, Нокс давно подозревал, что делалось это не столько во имя прогресса, сколько ради защиты вампирских тайн.

Две мировые войны показали оборотную сторону всех этих новшеств, разрушив транспортную сеть и повредив системы связи. Учтя печальный опыт, Конгрегация вернулась к прежним методам руководства. Куда разумнее было поделить земной шар на сектора, чем мотаться по странам и континентам, охотясь за очередным нарушителем статус-кво. Пока был жив Филипп, никто бы не осмелился заявить о столь радикальном повороте к старому. К счастью, глава семейства де Клермон покинул этот мир. Больше противящихся не нашлось... Новым этапом перемен стало появление Интернета и электронной почты, что угрожало сделать подобные поездки ненужными. Однако Нокс любил традиции.

«Кротом» Нокса в библиотеке Страговского монастыря был человек средних лет по имени Павел Сковайса, предпочитавший в одежде коричневые тона, отчего сам был похож на бумагу, покрытую желто-коричневыми пятнами. Он носил старые очки, купленные еще во времена правления коммунистов, и расставаться с ними не собирался. Было ли это вызвано причинами исторического или сентиментального характера, Нокс не знал. Обычно они встречались в монастырской пивной с ее сверкающими медными цистернами. Там подавали превосходное янтарное пиво, названное в честь святого Норберта, чьи земные останки покоились неподалеку.

Но в этом году Сковайсе удалось найти что-то заслуживающее внимания.

— Я обнаружил письмо. Оно на еврейском, — шептал в телефонную трубку Сковайса.

Он с подозрением относился к новым технологиям. Мобильного телефона у него не было, а электронную почту он терпеть не мог. Неудивительно, что Сковайса работал в отделе хранения, где его идиосинкразия ко всему новому не мешала медленному продвижению монастырской библиотеки по пути освоения технических новшеств.

— Павел, почему вы говорите шепотом? — раздраженно спросил Нокс.

Общение со Сковайсой осложняла всего одна проблема. Этому чешскому консерватору нравилось считать себя шпионом, высеченным изо льда холодной войны. Результатом была легкая паранойя.

— Потому что ради этого письма я был вынужден повредить книгу. Кто-то спрятал его под форзацем трактата Иоганна Рейхлина «De Arte Cabalistica»[1], — с нарастающим волнением произнес Сковайса.

Нокс посмотрел на часы. Сковайса позвонил настолько рано, что колдун еще не успел сварить себе утренний кофе.

— Вы должны немедленно приехать. В письме упоминается алхимия и англичанин, работавший у Рудольфа Второго. Мне думается, это очень важный документ.

Нокс вылетел из Берлина ближайшим рейсом. Он представлял, что Сковайса поведет его в одно из помещений, где находились фонды библиотеки. Вместо этого чех потащил его вниз, в библиотечный подвал. Грязная комнатка, куда они пришли, освещалась единственной лампочкой без абажура.

— Неужели у вас не нашлось более уютного помещения, где мы спокойно могли бы поговорить? — Нокс подозрительно покосился на металлический стол (тоже реликт коммунистической эпохи). — А это что, следы гуляша? — спросил он, ткнув пальцем в сторону липкого пятна на поверхности стола.

— У стен есть уши, а у полов — глаза. — Сковайса невозмутимо вытер пятно краем коричневого свитера. — Здесь куда безопаснее. Садитесь. Сейчас я принесу письмо.

— И книгу! — резко произнес Нокс.

Удивленный тоном Нокса, Сковайса даже обернулся:

— Да, конечно. И книгу тоже.

Сковайса вернулся довольно скоро. Нокс бегло взглянул на книгу, и его раздражение возросло еще сильнее.

— Но это же вовсе не трактат «Об искусстве каббалистики».

Он видел экземпляры книги Рейхлина — тонкой и достаточно изящно изданной. Монстр, принесенный Сковайсой, насчитывал почти восемьсот страниц. Когда Павел грохнул ее на стол, тот содрогнулся всем своим металлическим существом.

— Разумеется. Это книга Галатино «De Arcanis Catholicae Veritatis»[2]. Рейхлин находится внутри.

Небрежное отношение к библиографическим деталям было одним из bêtes noires[3] Нокса.

---

[1] «Об искусстве каббалистики» *(лат.)*.

[2] «О тайнах католической истины» *(лат.)*.

[3] Нечто, вызывающее особое отвращение *(фр.)*.

— Титульный лист имеет надписи на еврейском, латыни и французском, — сказал Сковайса, бесцеремонно открывая книгу.

Такие книги полагалось открывать осторожно, что-нибудь подложив под обложку. Сковайса этим пренебрег. Неудивительно, что переплет старинной книги угрожающе затрещал. Нокс не без тревоги взглянул на Сковайсу.

— Не волнуйтесь, — успокоил его сотрудник отдела хранения. — Книга не внесена в каталог. Я и обнаружил ее только потому, что она стояла рядом с другой, намеченной к реставрации переплета. Вероятно, она попала сюда по ошибке, когда в тысяча девятьсот восемьдемят девятом году нам возвращали наши *книги*.

Нокс внимательно осмотрел титульный лист и надписи.

ללש קלחי ברעלו דע לכאי רקבב חרדי באז זימינב Genesis 49:27

Beniamin lupus rapax mane comedet praedam et vespere dividet spolia.

Benjamin est un loup qui déchire; au matin il dévore la proie, et sur le soir il partage le butin.

— Вы согласны, что писал человек, привыкший держать перо в руках? И владелец книги был хорошо образованным, — сказал Сковайса.

— «Вениамин, хищный волк, утром будет есть ловитву и вечером будет делить добычу»[1], — процитировал Нокс.

Он не мог понять, какое отношение могли иметь библейские строки к трактату Галатино. Это сочинение явилось одиночным выстрелом Католической церкви в ее войне против еврейского мистицизма. Той самой войне, что в XVI веке привела к сожжению книг, судам инквизиции и охоте на ведьм. Позиция Галатино была обозначена уже в заглавии его книги — «О тайнах католической истины». Он выступил этаким интеллектуальным акробатом, утверждая, что евреи приближали торжество христианского учения и что постижение Каббалы поможет усилиям католиков по обращению евреев в истинную веру.

— Быть может, владельца трактата звали Вениамином или вариантом этого имени, существующим в других языках? — высказал предположение Сковайса.

[1] Бытие, 49: 27.

Он подал Ноксу папку. Питер обрадовался, не увидев на ней красного штампа «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО».

— А вот и письмо. Я еврейского не знаю. Но имя англичанина — Эдвард Келли — и слова «алхимия» написаны по-латыни.

Нокс открыл папку и подумал, что это ему снится. Такое и впрямь граничило со сном. Письмо было датировано вторым днем элуля 5369 года. По христианскому календарю — это первое сентября 1609 года. Автором письма, как явствовало из подписи, был Иегуда бен Бецалель — человек, больше известный под именем рабби Иегуда Лёв.

— Вы ведь знаете еврейский? — спросил Сковайса.

— Да. — Теперь шепотом говорил сам Нокс. — Да, — уже громче повторил он, вглядываясь в строки письма.

Где-то через минуту терпение Сковайсы кончилось.

— О чем там написано? — спросил он.

— Какой-то пражский еврей повстречал Эдварда Келли и решил написать об этой встрече своему другу.

Так оно и было... в общих чертах.

«Долгой жизни и мира тебе, Вениамин, сын Габриеля, драгоценный друг», — писал рабби Лёв.

С большой радостью получил твое письмо, отправленное из моего родного города. Познань для тебя — более благодатное место, нежели Венгрия, где тебя не ждет ничего, кроме нищеты. Хотя я уже совсем стар, твое письмо живо напомнило мне о странных событиях, случившихся весной 5351 года, когда ко мне пришел Эдвард Келли — алхимик и любимчик императора. Он бессвязно бормотал, говоря, что убил человека, и теперь гвардейцы императора непременно арестуют его за убийство и измену. Предвидя свою смерть, он выкрикнул: «Я паду в ад, как падали ангелы!» Еще он говорил о книге, которую ты ищешь. Как тебе известно, она была украдена у императора Рудольфа. Келли называл ее то Книгой Творения, то Книгой Жизни. Он плакал, утверждая, что грядет конец света, и постоянно повторял признаки конца света: «В начале всего — отсутствие и желание», «В начале всего — кровь и страх», «В начале всего — открытие ведьм».

Прежде чем Книгу Жизни похитили у императора, Келли в безумии своем вырвал оттуда три листа. Один лист он принес мне. Келли не желал говорить напрямую, кому он отдал остальные два. Он бормотал какие-то слова об ангеле смерти и ангеле жизни. Этого листа сейчас у меня нет. Я отдал его на хранение Аврааму бен Илие. Впоследствии тот умер от чумы. Возможно, сей лист утрачен навсегда. Единственным, кто смог бы пролить свет на эту тайну, является твой создатель. Да распространится твой интерес к врачеванию упомянутой поврежденной книги на врачевание твоей поврежденной родословной и да обрящешь ты мир с Отцом, давшим тебе жизнь и дыхание. Да хранит Господь дух твой. Написано рукою твоего любящего друга Иегуды, сына Бецалеля, в святом граде Праге второго числа месяца элуля 5369 года.

— И это все? — спросил Сковайса, выдержав еще одну долгую паузу. — Письмо, рассказывающее о встрече?

— По сути, да.

Достав ручку, Нокс сделал торопливые подсчеты, выписывая цифры на обратной стороне папки. Рабби Лёв умер в 1609-м. Келли приходил к нему восемнадцатью годами раньше. Значит, они встречались весной 1591 года. Нокс полез в карман за мобильным телефоном, взглянул на дисплей и поморщился:

— Неужели у вас тут сигнал не проходит?

— Мы сейчас под землей, — пожал плечами Сковайса, указывая на толстые стены. — Значит, я не напрасно позвонил вам в такую рань?

Он облизал губы, предвкушая слова благодарности.

— Вы сработали очень оперативно, Павел. Письмо я заберу с собой. И книгу тоже.

Это были единственные трофеи Нокса, которые он когда-либо увозил из Страговского монастыря.

— Я рад, что ваш приезд оказался плодотворным. Вас же интересует алхимия.

Событие, произошедшее затем, было печальным и достойным сожаления. После многих лет безуспешных поисков Сковайса нашел для Нокса нечто драгоценное. Нокс предупредил Сковай-

су, что тот никогда и никому не должен рассказывать о своей находке, и даже сделал выразительный жест, подкрепляя сказанное. Однако виделись они в последний раз. По этическим и сентиментальным соображениям Нокс не убил Павла. Так поступают вампиры. Нокс убедился в этом, обнаружив минувшей осенью тело Джиллиан Чемберлен, прислоненное к двери его номера в отеле «Рэндольф». Будучи колдуном, он силой заклинания сдвинул тромб, притаившийся в бедре Сковайсы. Кровеносная артерия понесла этот тромб прямо в мозг Павла. Дальше чешского библиотекаря ожидала закупорка сосудов, обширный инфаркт и быстрая смерть. Пройдет не один час, прежде чем кто-нибудь обнаружит его тело, но к тому времени уже никакая медицина не воскресит Сковайсу.

Нокс вернулся к машине, взятой напрокат, неся увесистую книгу, похожую на старинную Библию. Папка с письмом была надежно зажата у него под мышкой. Отъехав подальше от Страговского монастыря, Нокс свернул на обочину, заглушил мотор и вытащил письмо. У него тряслись руки.

В Конгрегации все знали о загадочной книге начал. «Ашмол-782» состоял из таких вот листов пергамента. Новое открытие существенно повышало уровень знаний. Самое ценное, что письмо давало не только краткое описание книги и туманные намеки на ее значимость. В нем содержались имена и даты, а также ошеломляющее подтверждение, что из книги, которую Диана Бишоп видела в Оксфорде, было вырвано три листа.

Нокс еще раз перечитал письмо. Ему хотелось выжать оттуда максимум сведений. Внимание Нокса зацепилось за слова и фразы, написанные в конце: «поврежденная родословная», «Отец, давший тебе жизнь и дыхание», «твой создатель». При первом чтении Питер предположил, что Лёв писал о Боге, тем более что слово «отец» было написано с большой буквы. Читая письмо вторично, колдун пришел к прямо противоположному выводу.

Нокс вынул мобильник и нажал клавишу быстрого набора.

— Oui.

— Кто такой Вениамин бен Габриель? — спросил Нокс, даже не поздоровавшись.

— Привет, Питер, — сказал Герберт из Орильяка.

Левая рука Нокса сжалась в кулак. Как же это было похоже на вампиров, входящих в Конгрегацию! Они говорили о честности

и сотрудничестве, однако сами жили слишком долго и знали чересчур много. К тому же, как все хищники, вампиры очень не любили делиться добычей.

— «Вениамин хищный волк». Я уверен: этот Вениамин бен Габриель — вампир. Кто он?

— Не имеет значения.

— А вам известно, что произошло в Праге в тысяча пятьсот девяносто первом году? — едва сдерживаясь, спросил Нокс.

— Великое множество разных событий. Только не ждите, что я уподоблюсь школьному учителю истории и начну подробно рассказывать вам о каждом.

Однако Нокс уловил в голосе Герберта легкую дрожь. Это был способен услышать лишь тот, кто хорошо знал уроженца Орильяка. Знаменитый вампир Герберт, который никогда не лез за словом в карман, почему-то нервничал.

— В то время в Праге находился Эдвард Келли, помощник доктора Ди.

— Мы это уже обсуждали. Да, одно время Конгрегация считала, что «Ашмол-782» мог находиться в библиотеке Ди. Но я лично встречался с Эдвардом Келли в Праге, причем пятью годами раньше. Весной тысяча пятьсот восемьдесят шестого, когда подозрения только-только начали появляться. У доктора Ди имелась богато иллюстрированная книга, но не наша. Для полной уверенности мы перешерстили все книги в библиотеке Ди. Манускрипт попал к Элиасу Ашмолу не от Ди и не от Келли.

— Ошибаетесь. В мае тысяча пятьсóт девяносто первого года эта книга побывала в руках Келли... — Нокс выдержал паузу. — А потом он повредил манускрипт. В книге, которую Диана Бишоп видела к Оксфорде, недоставало трех страниц.

— Что вам известно, Питер? — резко спросил Герберт.

— А что *вам* известно, Герберт?

Нокс не питал симпатий к этому вампиру, что не мешало ему быть давним союзником Герберта. Оба понимали: на их мир надвигаются события, способные вызвать катаклизм. Потом, как на любой войне, будут победители и побежденные. Оба намеревались оказаться в числе победителей.

— Вениамин бен Габриель — это... Бенжамен, сын Мэтью де Клермона, — нехотя сообщил Герберт.

— Его сын? — тупо переспросил Нокс.

Конгрегация тщательно прослеживала запутанную генеалогию вампиров, однако Бенжамен де Клермон нигде не значился.

— Да. Однако Бенжамен отказался от своей родни. У вампиров к этому относятся очень серьезно. Остальные члены семейства вполне могут выследить его и убить. Фамильные тайны им важнее. Правда, Мэтью запретил кому-либо из де Клермонов обрывать жизнь его сына. Бенжамена никто не видел с девятнадцатого века, когда он отправился в Иерусалим и там пропал.

Мир Нокса вдруг лишился основания. Чтобы «Ашмол-782» оказался в руках Мэтью де Клермона... этого ни в коем случае нельзя допустить. Особенно если манускрипт содержал самые могущественные заклинания ведьм.

— Мы намерены разыскать Бенжамена, — мрачно заявил Нокс. — Согласно письму, Эдвард Келли роздал три вырванных листа. Один он принес рабби Лёву, а тот отдал лист на хранение некоему Аврааму бен Илие Хелмскому.

— Известная личность. Когда-то Авраама бен Илию считали весьма могущественным колдуном. Вы хоть знаете историю своей породы?

— Мы знаем, что вампирам нельзя доверять. Я всегда отметал сведения об Аврааме как досужие вымыслы, не имеющие исторической достоверности. Но теперь я уже не столь категоричен. — Нокс умолк. — Рабби Лёв посоветовал Бенжамену обратиться за помощью к отцу. Я знал, что де Клермон что-то утаивает. Мы должны разыскать Бенжамена де Клермона и заставить рассказать, что́ он и его отец знают об «Ашмоле-782».

— Бенжамен де Клермон — юноша вспыльчивый, с непредсказуемым характером. Он страдает тем же недугом, что погубил Луизу, сестру Мэтью.

У вампиров эта болезнь называлась бешенством крови. Конгрегация задавалась вопросом, не имеет ли бешенство крови какой-либо связи с новой болезнью, поражающей вампиров. Новая болезнь уже привела к многочисленным смертям теплокровных, которых безуспешно пытались сделать вампирами.

— Если три листа, вырванных из «Ашмола-782», действительно существуют, мы найдем их и без помощи Бенжамена. Так будет даже лучше.

— Нет. Для вампиров настало время открыть свои тайны.

Нокс знал: успех или провал их замыслов вполне мог зависеть от Бенжамена — этой своевольной ветки, оторвавшейся от семейного древа де Клермонов. Он еще раз пробежал глазами письмо. Лёв недвусмысленно желал Бенжамену не только восстановить цельность манускрипта, но и помириться с семьей. И Мэтью де Клермон почти наверняка знает об этом больше, чем они подозревали.

— Полагаю, теперь вам захочется отправиться в прошлое, в Прагу времен императора Рудольфа, и собственными глазами взглянуть на Келли, — проворчал Герберт, стараясь подавить вздох нетерпения.

Что ведьмы, что колдуны бывают слишком импульсивными.

— Не угадали. Я собираюсь поехать в Сет-Тур.

Герберт фыркнул. Мчаться в родовое гнездо де Клермонов было еще нелепее, чем отправляться в прошлое.

— Какой бы соблазнительной ни казалась вам эта идея, мудрой ее не назовешь. Болдуин закрывает глаза лишь из-за разногласий между ним и Мэтью.

На памяти Герберта это была единственная стратегическая ошибка Филиппа. Зря он передал орден Рыцарей Лазаря Мэтью, а не Болдуину — своему старшему сыну, который всегда считал себя более достойным руководить орденом.

— И потом, не забывайте, что Бенжамен более не считает себя одним из де Клермонов, — добавил Герберт. — Да и они наверняка вычеркнули его из числа своей родни. Уж где и искать его, но только не в Сет-Туре.

— Насколько нам известно, Мэтью де Клермон несколько сот лет хранил у себя одну из вырванных страниц. Неполноценный манускрипт для нас бесполезен. Мы считаем, что этому вампиру пора ответить и за собственные грехи, и за грехи своих родителей.

Все трое были повинны в гибели тысяч ведьм и колдунов. Пусть вампиры умиротворяют Болдуина. Правосудие было на стороне Нокса.

— Не забудьте еще про грехи его любовницы, — ядовитым тоном произнес Герберт. — Я тоскую по своей Жюльет. Диана Бишоп передо мной в долгу за отнятую жизнь.

— Значит, я могу рассчитывать на вашу поддержку? — спросил Нокс.

На самом деле его это не слишком волновало. Будет помогать Герберт или нет, Нокс намеревался еще до наступления выходных бросить на твердыню де Клермонов ударный отряд ведьм и колдунов.

— Можете, — все так же неохотно ответил Герберт. — Вы же знаете, там собирается теплая компания. Ведьмы. Вампиры. Есть даже несколько демонов. У них это называется... тайным собранием. Маркус отправил вампирам, входящим в Конгрегацию, послание с требованием отменить завет.

— Но ведь это означало бы...

— Конец света, — докончил фразу Герберт.

ЧАСТЬ V

ЛОНДОН. БЛЭКФРАЙЕРС

Глава 34

— Ты не выполнил моего приказа!

Изящная туфля из красной, расшитой золотом ткани взмыла в воздух и стремительно понеслась в сторону Мэтью. Он успел пригнуться раньше, и потому туфля не соприкоснулась с его головой, а пролетела мимо уха, ударилась о небесный глобус возле стола и упала на пол. Планеты и звезды, сделанные из драгоценных камней, закружились по своим орбитам, выражая молчаливый, бессильный протест.

— Если забыл, дурень, я приказывала тебе вернуть Келли в Англию. Вместо этого ко мне явился императорский посол и рассказал о твоих многочисленных неблаговидных деяниях. Он потребовал аудиенции рано утром. Часы еще не пробили восемь. Солнце едва успело взойти.

Гнев Елизаветы Тюдор усугублялся приступом зубной боли. Королева втянула щеку, стараясь хоть как-то успокоить воспалившийся коренной зуб, но это не помогло.

— И вообще, где тебя до сих пор носило? — морщась, спросила Елизавета. — Появился как ни в чем не бывало, стал расточать любезности. И плевать тебе на мои страдания.

Синеглазая красавица подала ее величеству салфетку, обильно смоченную гвоздичным маслом. Мэтью, стоящий рядом со мной, едва сдерживал гнев. Воздух комнаты был густо пропитан терпкими и пряными запахами. Елизавета осторожно засунула салфетку в рот, поместив между щекой и деснами. Фрейлина отошла, тихо шелестя зеленым платьем. Его цвет явно не соответствовал хмурому майскому дню. Возможно, женщина надеялась таким образом ускорить наступление лета. Из окон комнаты на пятом этаже башни Гринвичского дворца открывался впечатляющий вид на серую реку, мокрую, раскисшую землю и темные, предве-

щающие бурю английские небеса. Окон было много, но серебристый утренний свет, льющийся из них, почти не разгонял сумрак помещения. Вся его обстановка была подчеркнуто мужской и относилась к раннему периоду владычества Тюдоров. Потолок украшали изображения переплетенных букв «Г» и «А» — начальных букв имен Генриха VIII и Анны Болейн. Убранство комнаты не менялось лет шестьдесят — со времени, предшествовавшего рождению Елизаветы. По всему чувствовалось: двери башни открывались очень редко.

— Ваше величество, прежде чем вы запустите в господина Ройдона чернильницей, предлагаю выслушать его, — осторожно произнес Уильям Сесил.

Рука Елизаветы с тяжелой металлической чернильницей замерла.

— Нам есть что рассказать о Келли, — сказала я, надеясь помочь мужу.

— Твоего мнения, госпожа Ройдон, мы не спрашивали, — сердито ответила королева. — Подобно многим женщинам моего двора, ты начисто лишена манер и умения себя вести. Если хочешь и дальше оставаться в Гринвиче с мужем, а не быть отправленной в Вудсток, где тебе самое место, рекомендую взять за образец для подражания госпожу Трокмортон. Пока ей не велят говорить, она молчит.

Госпожа Трокмортон посмотрела на стоявшего рядом с Мэтью Уолтера. Мы встретили его на лестнице, ведущей в покои королевы. Как Мэтью ни отнекивался, Уолтер настоял, что обязательно пойдет с нами в логово львицы.

Бесс Трокмортон сжала губы, чтобы оттуда случайно не вырвался возглас удивления, но в ее глазах так и плясали чертики. О близких отношениях молодой хорошенькой фрейлины и отчаянного авантюриста было известно всем, кроме Елизаветы. Как и предсказывал Мэтью, Купидон все-таки поймал в свои силки сэра Уолтера Рэли. Он был по уши влюблен в Бесс.

Уолтер слегка улыбнулся и наградил Бесс Трокмортон ответным взглядом. Судя по всему, он намеревался в более подходящей обстановке расспросить фрейлину о ее манерах и умении себя вести.

— Раз присутствия Дианы здесь не требуется, позвольте моей жене отправиться домой и отдохнуть. — Мэтью говорил ровным,

учтивым тоном, однако его глаза были такими же темными и сердитыми, как и у королевы. — Наше утомительное путешествие длилось несколько недель, — добавил он.

Мы даже не успели заглянуть домой. Королевская барка перехватила нас на пристани Блэкфрайерс.

— Отдохнуть! — взвизгнула Елизавета. — Я ночами глаз не смыкаю с тех пор, как услышала о твоих похождения в Праге. Отдыхать она будет не раньше, чем я разберусь с тобой!

Швырнув в нас эти слова, ее величество дополнила их чернильницей. Та повторила путь королевской туфли. Чернильница летела по дуге, словно бейсбольный мяч, брошенный отчаявшимся игроком. Мне показалось, что на сей раз Елизавета метила в меня. Раньше чем я успела ойкнуть, Мэтью поймал чернильницу и молча передал ее Рэли. Тот перекинул ее слуге, в руках которого уже находилась королевская туфля.

— Ваше величество, заменить господина Ройдона было бы гораздо труднее, чем астрономическую игрушку, — сказал Сесил. — Если вам нужны предметы для метания, быть может, этот подойдет лучше. — Сесил вертел в руках вышитую подушечку.

— Не вздумай мне указывать, лорд Берли! — вспыхнула королева, но ее ярость излилась не на Сесила, а на Мэтью. — Себастьян Сент-Клер не позволял себе обращаться к моему отцу подобным образом. Он бы не осмелился злить Тюдоровского Льва.

Услышав незнакомое имя, Бесс Трокмортон заморгала. Ее золотистая головка повернулась от Уолтера к королеве, словно весенний нарцисс, ищущий солнца. Видя замешательство фрейлины, Сесил деликатно кашлянул.

— Давайте оставим воспоминания о вашем благословенном отце для другого времени, когда мы сможем надлежащим образом почтить его память. Разве у вас нет вопросов к господину Ройдону?

Вид у секретаря королевы был сконфуженный. «Какое из зол ты бы предпочел?» — спрашивали его глаза.

— Ты прав, Уильям. Львам не пристало возиться с мышами и прочим мелким зверьем.

Теперь королева, продолжая упражняться в презрении, низвела Мэтью на уровень провинившегося мальчишки. Внешне мой муж оставался сдержанным, но я видела дергающуюся жилку на подбородке. Елизавета своего добилась: ее слова все-таки задели

Мэтью. Впрочем, это могло быть и умелой игрой с его стороны. Тем временем королева пыталась успокоиться. Ее пальцы, сжимавшие подлокотники кресла, побелели.

— Я желаю знать, почему на сей раз моя Тень действовал из рук вон плохо. — Гневные нотки в голосе Елизаветы сменились горестными. — У императора полным-полно алхимиков. Он бы прекрасно обошелся без Келли.

Уолтер чуть опустил плечи. Сесил облегченно вздохнул. Если королева произнесла прозвище, данное ею Мэтью, ее гнев уже смягчился.

— Сколько бы роз ни росло в алхимическом саду императора, Эдварда Келли невозможно вырвать оттуда, как сорняк, — сказал Мэтью. — Рудольф слишком высоко его ценит.

— Значит, Келли все-таки своего добился и теперь владеет философским камнем.

Елизавета шумно вдохнула. Воздух разбередил притихший зуб. Королева снова схватилась за щеку.

— Келли ничего не добился. В этом-то вся и штука. Пока Келли обещает больше, чем способен сделать, Рудольф ни за что не расстанется с ним. В том, что связано с алхимией, император ведет себя не как зрелый правитель, а как неопытный юнец, мечтающий о том, чего у него нет. Или как охотник. Его величество обожает охотиться... в широком смысле этого слова. Охота занимает его мысли и заполняет его дни, — бесстрастно произнес Мэтью.

Мокрые поля и вздыбившиеся европейские реки делали нас недосягаемыми для Рудольфа II, но бывали моменты, когда я живо ощущала его бесцеремонное прикосновение и оценивающие взгляды. И хотя день обещал быть теплым, а по комнате распространялся жар от горящего камина, меня вдруг затрясло.

— Новый французский посол написал мне, что Келли превратил медь в золото, — сказала королева.

— Филипп де Морне заслуживает не больше доверия, чем их прежний посол. Насколько помню, тот пытался вас убить.

В тоне Мэтью подобострастие виртуозно сочеталось с раздражением. Елизавета не сразу это поняла.

— Господин Ройдон, ты что, дразнишь меня?

— Я бы никогда не стал дразнить льва и даже львенка, — ответил Мэтью, и Уолтер закрыл глаза, словно не желая быть свидетелем неминуемой бури, вызванной словами Мэтью. — Однаж-

ды такая попытка стоила мне уродливых шрамов. У меня нет желания и дальше портить свою красоту, иначе вам станет противно на меня смотреть, а этого я боюсь.

В комнате установилась шокирующая тишина, внезапно нарушенная взрывом не по-женски грубого смеха.

— Ты подкрался к юной деве, когда она шила, и получил по заслугам, — сказала Елизавета.

Сказано это было с оттенком благосклонности и даже одобрения. Я чуть качнула головой, уверенная, что ослышалась.

— Ваше величество, я непременно это запомню. Мало ли судьба столкнет меня с другой молодой львицей, вооруженной острыми ножницами.

Я, Уолтер и Бесс были одинаково ошеломлены. Зато Мэтью, Елизавета и Сесил поняли сказанное и то, что осталось непроизнесенным.

— Даже тогда ты был моей Тенью.

Взгляд, брошенный Елизаветой на Мэтью, преобразил королеву. Из женщины, которой под шестьдесят, она снова превратилась в юную проказливую девушку. Потом я моргнула, и видение исчезло. Передо мной опять была усталая, стареющая правительница.

— Оставьте нас! — вдруг приказала королева.

— Но ваше... в-величество! — пролепетала Бесс.

— Я желаю поговорить с господином Ройдоном наедине. Поскольку он вряд ли отпустит от себя свою болтливую жену, она тоже может остаться. Ты, Уолтер, дожидайся меня в моих покоях. Бесс возьми с собой. Наш разговор долго не продлится.

— Но... — снова попыталась возразить Бесс, нервно озираясь по сторонам.

Ее работой было находиться подле королевы. Вне протокола она чувствовала себя в полной растерянности.

— Вы мне кое в чем поможете, госпожа Трокмортон. — Опираясь на тяжелую палку, Сесил двинулся к двери; проходя мимо Мэтью, он сурово посмотрел на моего мужа. — Не будем мешать господину Ройдону заботиться о благосостоянии ее величества.

Следом королева выгнала из комнаты слуг. Мы остались втроем.

— Боже! — простонала Елизавета. — Моя голова — как гнилое яблоко, которое вот-вот лопнет. Неужели ты не мог выбрать другое время для дипломатического скандала?

— Позвольте взглянуть на ваш зуб, — попросил Мэтью.

— Никак, господин Ройдон, ты способен сделать то, чего не сумел мой врач? — спросила королева, но за насмешливыми словами я уловила слабую надежду.

— Если Господу будет угодно, я избавлю вас от боли.

— Даже на смертном одре мой отец с тоской вспоминал о тебе. — Пальцы Елизаветы впились в складки платья. — Он сравнивал тебя с горьким лекарством, благотворные свойства которого он не успел вовремя оценить.

— Это как? — с нескрываемым любопытством спросил Мэтью.

Похоже, такие слова он слышал от королевы впервые.

— Отец говорил, что ты умел выгнать дурные жидкости из его тела быстрее, чем все врачи, какие ему встречались. Но тебя было еще тяжелее выносить, чем их.

Мэтью громко расхохотался. Елизавета улыбнулась, однако ее улыбка быстро погасла.

— Отец был великим и ужасным человеком. И вдобавок глупцом.

— Ваше величество, все мужчины — глупцы, — поспешил заверить ее Мэтью.

— Нет. Давай поговорим откровенно, как бывало. Представим, что я не королева Англии, а ты не *варг*.

— Только если вы позволите мне взглянуть на ваш зуб, — сказал Мэтью, скрещивая руки на груди.

— В свое время тебе хватило бы приглашения поговорить по душам и ты бы не стал ставить мне дополнительные условия, — вздохнула Елизавета. — Я теряю не только зубы. Что ж, пусть будет по-твоему, господин Ройдон.

Королева послушно открыла рот. Я находилась от нее в нескольких футах и все равно почувствовала гнилостный запах. Мэтью зажал ее голову в ладонях. Наверное, так ему было легче рассматривать королевский рот.

— Чудо, что у вас вообще сохранились зубы, — суровым тоном произнес Мэтью.

Елизавета побагровела, но говорить в таком положении ей было трудно.

— Когда я закончу, можете орать на меня сколько угодно. К тому времени у вас появится достаточно причин для этого. Мне придется отобрать у вас сладкое вино и лакомства вроде за-

сахаренных фиалок. Единственное, что вы сейчас можете пить без вреда, — это мятная вода. А вместо еды вам лучше сосать тряпку, смоченную в гвоздичном масле. Вашим деснам такая пища остро необходима. Они у вас жутко воспалены.

Мэтью провел пальцем вдоль зубов королевы. Некоторые из них опасливо зашатались. Елизавета выпучила глаза. Мэтью недовольно хмыкнул:

— Лиззи, хотя вы и королева Англии, но само по себе это не наделяет вас медицинскими познаниями. Напрасно вы не послушались советов вашего врача. А теперь сидите тихо.

На этот раз я не ослышалась. Мэтью действительно назвал королеву Англии... Лиззи! Пока я боролась с внутренним потрясением, он надкусил свой указательный палец, выдавил капельку крови и снова наклонился над ртом королевы. Его движения были осторожными, однако Елизавета все же дернулась.

— Паибо, — произнесла она сквозь его пальцы.

— Не торопитесь меня благодарить. Я не шучу: вокруг вас на расстоянии пяти миль не должно быть никаких сластей. К сожалению, боль может вернуться.

Мэтью вытащил пальцы из королевского рта. Елизавета осторожно ощупала языком место его врачевания.

— Но сейчас она напрочь исчезла, — с благодарностью произнесла Елизавета и указала на соседние стулья. — Теперь осталось лишь подытожить результаты твоей поездки. Садись и расскажи мне о Праге.

Недели, проведенные при дворе императора, не прошли для меня даром. Приглашение сидеть в присутствии любого правителя считалось исключительной привилегией. Сейчас я была благодарна вдвойне. Путешествие усугубило телесную слабость, свойственную первым неделям беременности. Мэтью пододвинул мне стул, и я буквально плюхнулась на него. Резные выступы на спинке послужили массажером для моей ноющей спины. Рука Мэтью инстинктивно потянулась ко мне. Разумеется, его массаж был лучше. В глазах королевы мелькнула зависть.

— Ты тоже страдаешь от боли, госпожа Ройдон? — заботливо спросила королева.

Она становилась слишком уж заботливой. Когда Рудольф проявлял такую же заботу о ком-нибудь из придворных, это было предвестником беды.

— Да, ваше величество, — ответила я. — Увы, моя боль не лечится мятной водой.

— Ею не пригладишь и взъерошенные императорские перья, — усмехнулась королева. — Посол Рудольфа рассказал мне, что вы украли одну из его книг.

— Какую книгу? — спросил Мэтью. — У Рудольфа их великое множество.

В эту эпоху вампиры еще учились вести себя с детской непосредственностью, и его попытка выглядела неуклюже.

— Себастьян, мы здесь не в игры играем, — тихо напомнила ему королева.

Ее слова подтвердили мою догадку. Значит, при дворе Генриха Мэтью был известен под именем Себастьяна Сент-Клера.

— Вы постоянно играете в игры, — возразил Мэтью. — В этом вы ничем не отличаетесь от Рудольфа или Генриха Французского.

— Госпожа Трокмортон говорила мне, что вы с Уолтером обмениваетесь стишками о непостоянстве власти. Но я не отношусь к числу тех напыщенных и тщеславных правителей, умеющих лишь хмуриться и насмехаться. Я прошла суровую школу, и мои учителя никаких поблажек мне не делали, — ответила ему королева. — Все, кто меня окружал: мать, тетки, мачехи, дядья, двоюродные братья и сестры, — уже мертвы. Я сумела выжить. Так что нечего потчевать меня ложью и думать, будто я проглочу и не замечу. Еще раз спрашиваю: что это за книга?

— У нас ее нет, — сказала я, хотя мне полагалось молчать.

Мэтью с ужасом посмотрел на меня:

— Точнее, ее сейчас у нас нет.

Я была уверена, что манускрипт благополучно достиг «Оленя и короны» и занял свое незаметное место в чердачном архиве Мэтью. Когда мы на Темзе заметили приближающуюся королевскую барку, я передала книгу Галлогласу. Хотелось думать, что манускрипт благополучно перенес нелегкую дорогу. Мы надежно завернули его в несколько слоев кожи, причем верхний был водонепроницаемым.

— Так-так... — Елизавета медленно открыла рот, показывая черные гнилые зубы. — Ты меня удивляешь. И своего мужа тоже, как я погляжу.

— Ваше величество, я целиком состою из сюрпризов. Во всяком случае, мне так говорили.

Это Мэтью мог называть королеву Лиззи, а она его — Себастьяном. Но для меня не существовало иного обращения к ней, кроме «ваше величество».

— Значит, император находится в плену иллюзий. Как ты это объяснишь? — спросила у Мэтью королева.

— Здесь нет ничего необычного, — усмехнулся Мэтью. — Их род подвержен безумию. Теперь оно добралось и до Рудольфа. Его брат Матиас предвидит время, когда император больше не сможет править, и строит замыслы по захвату власти.

— Тогда неудивительно, что император вцепился в Келли. Философский камень излечит его от всех недугов, и вопрос престолонаследия отпадет сам собой. — Лицо королевы помрачнело. — Он будет жить вечно, не страшась проносящихся лет.

— Да оставьте вы эту чепуху, Лиззи. Вы же умная женщина. Келли только обещает изготовить камень. Как я уже говорил, этот проныра держится лишь за счет своих обещаний. Келли не может спасти ни вас, ни кого бы то ни было. Даже королевы и императоры однажды умирают.

— Мы с тобой друзья, Себастьян, но не забывайся! — Глаза Елизаветы угрожающе сверкнули.

— Вам было семь, когда вы захотели узнать, не собирается ли ваш отец убить свою новую жену. Я сказал вам правду. Я был честен с вами тогда и буду честен сейчас, как бы вас это ни злило. Никакая сила не вернет вам молодость, Лиззи, и не воскресит тех, кого вы потеряли, — без обиняков сказал Мэтью.

— Никакая? — переспросила Елизавета, вглядываясь в черты его лица. — Но у тебя я почему-то не вижу ни морщин, ни седины. Ты выглядишь точно так же, как пятьдесят лет назад в Хэмптон-Корте, когда я замахнулась на тебя ножницами.

— Если вы просите, чтобы я сделал вас *варгом*, мой ответ — категорическое «нет». Завет запрещает нам вмешиваться в человеческую политику. Запрет распространяется и на вмешательство в наследование английского престола. *Варги* не могут быть королями и королевами.

Мэтью даже не пытался облекать слова в более учтивую форму. Я старалась не смотреть на мужа.

— А если об этом тебя попросил бы Рудольф, ты бы и ему отказал? — допытывалась Елизавета.

— Да. Это привело бы к хаосу или к еще худшим последствиям.

Я поежилась. Перспектива и впрямь была пугающая.

— Англии сейчас ничего не угрожает, — уверил королеву Мэтью. — Император ведет себя как избалованный ребенок, которому не дали вожделенную игрушку. Только и всего.

— Пока мы тут говорим, его дядя — Филипп Испанский — строит корабли. Испания замышляет новое вторжение в Англию!

— Которое закончится поражением испанцев, — пообещал Мэтью.

— Ты слишком уверенно заявляешь об этом.

— Да.

Львица и волк долго смотрели друг на друга, разделенные столом. Наверное, глаза Мэтью были убедительнее слов, поскольку Елизавета отвела взгляд и вздохнула.

— Итак, книги императора у тебя нет. А у меня нет ни Келли, ни камня. Мы все должны научиться жить, мирясь с разочарованиями. И тем не менее я должна что-то вручить императорскому послу, чтобы развеять его мрачное настроение.

— Ваше величество, думаю, я смогу вам помочь.

Я сняла с пояса платья сумочку. Там лежали мои главные сокровища: шелковые нити Благочестивой Олсоп, которые старуха дала мне для плетения заклинаний, стеклянный окатыш, найденный Джеком на берегу Эльбы, кусочек безоара, предназначавшейся Сюзанне для ее лекарственных снадобий. Там же лежали саламандры Мэтью и вычурное ожерелье с умирающим драконом, подаренное мне императором Священной Римской империи. Я выложила ожерелье на стол.

— Это вещица для королевы, а не для жены придворного. — Елизавета потянулась к сверкающему дракону. — Любопытно, чем ты так ублажила Рудольфа, если он подарил тебе столь редкое ожерелье?

— Ваше величество, поступок императора лишь подтверждает слова Мэтью. Рудольф жаждет заполучить то, чего у него нет и вряд ли будет. Он решил, что таким подарком завоюет мою благосклонность. Но он ошибся и в этом, — сказала я, качая головой.

— Возможно, Рудольфа особенно злит, что о его потерях известно другим. Позволить такой ценности ускользнуть у него из-под носа, — предположил Мэтью.

— Ты о жене или об ожерелье?

— Разумеется, о жене.

— Ожерелье может пригодиться. Возможно, император собирался преподнести ожерелье мне, — рассуждала вслух Елизавета. — Ты, по соображениям безопасности, надела ожерелье на себя.

— Вполне допускаю, — лукаво улыбнулся Мэтью. — Диана недостаточно хорошо знает немецкий. Когда Рудольф надевал ей ожерелье, возможно, он всего лишь хотел представить, как оно будет выглядеть на вас.

— Я в этом сомневаюсь, — сухо ответила Елизавета.

— Если император намеревался преподнести это ожерелье королеве Англии, он бы позаботился о надлежащей церемонии вручения. Если мы деликатно намекнем об этом послу... — предложила я.

— Остроумное решение. Естественно, оно никого не удовлетворит, зато бросит моим придворным кость, которую они будут обгладывать, пока мне не подарят еще какую-нибудь диковину. — Елизавета задумалась, барабаня пальцами по столу. — Но вопрос с книгой повисает в воздухе.

— Если я вам скажу, что в книге нет ничего значимого, вы мне поверите? — спросил Мэтью.

— Нет! — отрезала Елизавета.

— Правильно. А если наоборот, если я скажу, что от этой книги может зависеть будущее всего мира?

— Такое утверждение звучит еще сомнительнее. Но поскольку я не хочу, чтобы Рудольф или кто-нибудь из его династии повелевал будущим, возвращение книги я возлагаю на тебя. Если, конечно, она снова к тебе попадет.

— Благодарю вас, ваше величество, — сказала я, обрадовавшись, что сравнительно небольшое количество вранья разрешило и эту проблему.

— Я так решила не ради тебя, — сердито напомнила мне Елизавета. — А теперь, Себастьян, надень на меня это ожерелье. Затем ты снова превратишься в господина Ройдона, мы сойдем в приемную и устроим небольшой спектакль с излиянием благодарности. То-то все изумятся.

Мэтью сделал, как ему велели. Его пальцы задержались на плечах королевы дольше необходимого. Елизавета потрепала его по руке.

— Мой парик сидит прямо? — спросила она меня, вставая с кресла.

— Да, ваше величество.

Вообще-то, после стоматологических манипуляций Мэтью парик немного сполз набок.

Елизавета протянула руку, ощупью поправив парик.

— А ты, господин Ройдон, поучи свою жену убедительно лгать. Ей нужно овладеть искусством обмана, иначе она недолго проживет при дворе.

— Честность миру нужнее, чем еще одна придворная дама, — ответил Мэтью, беря Елизавету под локоть. — Диана останется такой, какая есть.

— Муж, ценящий честность своей жены. — Елизавета покачала головой. — Это самое наглядное подтверждение пророчеств доктора Ди о скором конце света.

Когда Мэтью и королева появились в дверях, толпа в приемной затихла. Там, как говорится, яблоку было негде упасть. Взгляды собравшихся метались между королевой, Уильямом Сесилом и молодым мужчиной лет двадцати с небольшим. Это и был посол императора Рудольфа. Мэтью отпустил руку Елизаветы. Внутри меня тревожно захлопали крылья драконихи.

Я приложила руку к груди, успокаивая некстати пробудившееся существо. «Здесь водятся настоящие драконы», — мысленно предостерегла я ее.

— Господин посол, я благодарю императора за его подарок, — сказала Елизавета, направляясь к юному послу и заранее протягивая руку для поцелуя; тот тупо смотрел на королеву. — Gratias tibi ago[1], — добавила она.

— Они становятся все моложе, — пробормотал Мэтью, подойдя ко мне.

— То же самое я говорю о своих студентах, — шепнула я в ответ. — Кто он такой?

— Вилем Славата. В Праге ты наверняка видела его отца.

Я вгляделась в молодого Вилема, пытаясь представить, как он будет выглядеть лет через двадцать.

— Его отец — это такой круглый, с ямочкой на подбородке?

— Один из них. Это собирательный портрет большинства сановников Рудольфа, — сказал Мэтью.

— Нечего там перешептываться, господин Ройдон!

---

[1] И тебе спасибо *(лат.)*.

Елизавета сердито зыркнула глазами на моего мужа. Мэтью смущенно поклонился. Ее величество продолжала, выстреливая латинские слова:

— «Decet eum qui dat, non meminisse beneficii: eum vero, qui accipit, intueri non tam munus quam dantis animum».

Английская королева решила устроить послу императора экзамен на знание языков. Вероятно, это должно было определить, достоин ли он общаться с ее величеством.

Славата побледнел. Бедняга был близок к обмороку.

«Тому, кто дарит, не подобает помнить о своем подарке; но той, кто подарок получает, подобает не судить строго ни подарок, ни личность дарителя», — мысленно перевела я и чуть не поперхнулась от смеха.

— О чем вы говорили, ваше величество? — спросил Вилем по-английски с сильным акцентом.

— О подарке. От императора.

Величественным жестом Елизавета указала на ожерелье из покрытых эмалью крестиков, ныне лежащее на ее худощавых плечах. С ее шеи дракон свешивался еще ниже, чем с моей. Елизавета театрально вздохнула, демонстрируя свое отчаяние.

— Господин Ройдон, переведи на его родной язык то, что я говорила. Мне не хватает терпения давать уроки латыни. Неужто император не следит за образованием своих слуг?

— Ваше величество, его превосходительство знает латынь. Если мне не изменяет память, посол Славата учился в Виттенбергском университете и затем изучал право в Базеле. Его привели в замешательство не латинские слова, а смысл послания.

— Тогда сделаем так, чтобы смысл дошел и до него, и до его правителя. И сделаешь ты это не ради меня, — мрачно произнесла Елизавета. — Давай переводи!

Пожав плечами, Мэтью повторил послание ее величества на родном языке Славаты.

— Я понял слова вашей королевы, — сказал ошеломленный посол. — Но в чем их смысл?

— Вы испытали некоторое замешательство, — сочувственно продолжал по-чешски Мэтью. — Обычное состояние для новоназначенных послов. Вы только не волнуйтесь. Скажите королеве, что Рудольф был счастлив преподнести ей эту драгоценность. А потом мы отправимся обедать.

— Может, лучше вы передадите ей это... от моего имени? — едва слышно прошептал Славата.

— Я очень надеюсь, господин Ройдон, что твой разговор не вызовет новых недоразумений между императором Рудольфом и мною. — Елизавета не скрывала своего раздражения: чешский не входил в число семи языков, которыми она владела.

— Его превосходительство сообщил, что император желает вашему величеству здоровья и счастья. Посол Славата рад, что ожерелье находится там, где и должно, а не пропало в пути, чего очень боялся император.

Мэтью благодушно взирал на свою королеву. Она попыталась что-то сказать, но тут же закрыла рот и ответила ему отнюдь не благодушным взглядом. Славата, искренне желающий научиться английским премудростям, конечно же, хотел узнать, каким образом Мэтью удалось утихомирить королеву Англии. Он решил безотлагательно спросить об этом у господина Ройдона и махнул рукой, обращая на себя внимание. Но к нему подошел Сесил.

— Замечательная новость, ваше превосходительство, — сказал Сесил, беря посла за руку. — Думаю, не стоит перегружать день уроками. Идемте, составите мне компанию за обедом.

Он повел Славату к ближайшему столу. Королева, которой мастерски подыграли ее шпион и главный советник, торжествующе поднялась на подиум, где стоял стол для нее. Одолеть три невысокие ступеньки ей помогали Бесс Трокмортон и Рэли.

— Что теперь? — шепотом спросила я у Мэтью.

Спектакль закончился, а придворные начинали выказывать признаки беспокойства.

— Господин Ройдон, мы с тобой потом еще поговорим! — крикнула Елизавета, пока Бесс укладывала подушечки на ее кресле. — Так что далеко не уходи.

— Пьер будет ждать тебя рядом с приемной и проводит в мою комнату. Там есть кровать и сравнительно тихо. Пока я разговариваю с ее величеством, ты отдохнешь. Я долго не задержусь. Королеве всего лишь нужны подробные сведения о Келли.

Мэтью церемонно, как требовал придворный этикет, поцеловал мне руку.

Насчет «недолго» я сомневалась. Придворных мужского пола Елизавета могла держать возле себя часами.

Выбраться из шумной приемной оказалось не так-то просто. Вместе с королевой обедали лишь придворные высокого ранга

и именитые гости. Остальные торопились поскорее пройти в свою столовую. Похоже, учтивость отступала перед голодными желудками. Меня толкали со всех сторон. В ноздри ударил запах жареной оленины. Меня замутило. Наверное, я так и не привыкну к этому мясу. Ребенку его запах тоже не нравился.

Пьер с Энни стояли у стены, где ждали своих хозяев и другие слуги. Увидев меня, оба обрадовались.

— А где же милорд? — спросил Пьер, вытаскивая меня из толпы.

— Остался ждать королеву. Я так устала, что едва держусь на ногах. Есть не хочется. Провóдите меня в комнату Мэтью?

Пьер обеспокоенно взглянул на дверь, из которой я только что выбралась.

— Конечно, — пробормотал он.

— Госпожа Ройдон, я тоже могу вас проводить, — сказала Энни.

Побывав в Праге и вторично оказавшись при дворе Елизаветы, Энни, подражая придворным, старательно разыгрывала безразличие.

— Энни не заблудится. Пока вы находились с ее величеством, я показал Энни покои милорда, — заверил меня Пьер. — Нужно спуститься вниз. Покои милорда находятся под апартаментами, которые занимала жена короля.

— А теперь, надо полагать, там обитают фавориты королевы, — пробормотала я. Наверняка там спал Уолтер. Или не спал, если королеве требовался ночной собеседник. — Пьер, вы лучше останьтесь здесь и дождитесь Мэтью. Мы с Энни и сами доберемся.

— Благодарю вас, мадам. — Пьер благодарно посмотрел на меня. — Я не люблю надолго оставлять его с королевой.

Основная масса придворных заполнила бывший оружейный зал, служивший им столовой. По убранству он значительно уступал королевской приемной. К сожалению, наш путь лежал через этот улей. Мы ловили на себе взгляды, исполненные праздного любопытства.

— Должен же здесь существовать более прямой и короткий путь, — сказала я, досадливо кусая губы.

— Прошу прощения, госпожа, но другого пути нет, — вздохнула Энни.

— В таком случае поглядим на толпу.

Большой зал гудел от обилия просителей обоего пола и всех возрастов. Все жаждали внимания ее величества. Поскольку мы появились со стороны покоев королевы, нас встретили с волнением и надеждой, что вслед за нами выйдет и она. Убедившись, что мы одни, просители громко и разочарованно вздыхали. Часто бывая при дворе императора, я привыкла находиться в центре внимания и уже не робела, как прежде. Однако мне и сейчас было неуютно под тяжелыми взглядами людей. Я ловила «толчки» от нескольких демонов. Потом мне защипало кожу от взгляда единственной ведьмы. А холодный взгляд вампира заставил меня тревожно озираться по сторонам.

— Госпожа, что-то случилось? — допытывалась Энни.

Я обшаривала глазами толпу, но так и не могла понять, где же стоит этот вампир.

— Ничего особенного, Энни, — успокоила я девочку, хотя ощущения говорили обратное. — Просто у меня от усталости разыгралось воображение.

— Вам надо хорошенько отдохнуть, — заявила Энни, и в ее голосе я уловила интонации Сюзанны.

Мы спустились на первый этаж. Мэтью занимал здесь несколько просторных комнат, выходящих окнами в личный сад королевы. Вместо долгожданного отдыха я оказалась в обществе главного английского драматурга. Помня о виртуозном умении Джека попадать в передряги, я отправила Энни на его поиски, а сама внутренне собралась и приготовилась к общению с Кристофером Марло.

— Привет, Кит.

Демон поднял голову. Он сидел за столом Мэтью. Вокруг громоздились листы, исписанные стихами.

— Наслаждаетесь одиночеством?

— Уолтер с Генри обедают у королевы. А вы что ж не остались там?

Кит похудел. Выглядел он бледным и отрешенным. Едва я вошла, он вскочил на ноги и стал собирать свои бумаги, то и дело оглядываясь на дверь. Но кого еще он мог ожидать, кроме Мэтью?

— Усталость отбила аппетит, — зевнула я. — Вам незачем уходить. Дождитесь Мэтью. Он будет рад вас видеть. Что пишете нынче?

— Поэму, — коротко ответил Кит и снова сел.

Сидел он как на иголках. Демона явно что-то будоражило. За его спиной висела шпалера, изображавшая золотоволосую деву. С фонарем в руке она стояла на башне, вглядываясь в морскую даль. Шпалера подсказала мне сюжет его поэмы.

— Вы пишете про Геро и Леандра.

Вероятно, Кит тосковал по Мэтью и, чтобы отвлечься, писал эпическую любовную поэму, которую начал еще в январе, когда мы взошли на борт корабля в Грейвзенде. Не дождавшись его ответа, я процитировала на память строки из его поэмы, вполне отвечающие моменту.

Казался девой он мужам иным:
В нем было все, что страсть внушает им,
Ланит румянец, красноречье взгляда,
Густых бровей победная аркада.
А тот, кто знал, что был мужчиной он,
Твердил: «Леандр, ты для любви рожден.
Что ж не полюбишь ты, любимый всеми?»[1]

Кит вскочил словно ужаленный:

— Это что, ведьмины проделки? Откуда вам знать строки, что написал я полчаса назад?

— Успокойтесь, Кит. Никакие это не проделки. Кто лучше меня смог бы понять ваши чувства?

Кит пытался успокоиться, но у него дрожали руки.

— Идти мне нужно. Меня ждет встреча на ристалище. Говорят, прежде чем летним странствиям предаться, решила королева внушительное празднество устроить. Всего лишь месяц на приготовления. Меня помочь просили.

Я много читала о ежегодных летних путешествиях Елизаветы. Окруженная многочисленными придворными и еще более многочисленными слугами, ее величество перемещалась со всей этой оравой между дворцами и замками английской знати, обдирая хозяев как липку. Огромные долги, опустевшие кладовые и погреба — таковы были оборотные стороны августейших визитов.

— Я обязательно передам Мэтью, что вы приходили. Думаю, он огорчится, не застав вас.

Глаза Марло вдруг ярко вспыхнули.

---

[1] Марло К. Геро и Леандр, сестиада первая. Перевод Ю. Корнеева.

— А почему бы, госпожа Ройдон, вам не пойти со мной? Сегодня чудный день. И Гринвичский дворец вы еще не видели.

— Спасибо за приглашение, Кит.

Меня изумила быстрая перемена его настроения. Но чего еще ждать от демона? Он всерьез тосковал по Мэтью. Я бы с бóльшим удовольствием плюхнулась в кровать. Высокопарная манера, в которой изъяснялся Кит, меня тоже раздражала. И все же ради гармонии в отношениях с друзьями Мэтью я решила превозмочь усталость.

— Это далеко? Путешествие меня утомило.

— Отсюда в нескольких шагах, — с поклоном ответил Кит. — Я после вас, — добавил он, учтиво распахивая дверь.

Ристалище Гринвичского дворца отчасти напоминало легкоатлетический стадион с огороженными участками для состязаний в разных видах спорта, местами для зрителей и разбросанным повсюду оружием и экипировкой. Центральная часть была утоптана. К ней тянулись два ряда препятствий.

— Именно здесь и происходят турниры?

Я представила рыцарей, мчащихся навстречу друг другу. Копыта их коней тяжело ударяли по земле. Рыцари держали копья наперевес, норовя ударить по щиту противника и выбить его из седла.

— Да, госпожа Ройдон. Желаете взглянуть поближе? — спросил Кит.

На ристалище было пусто. Повсюду торчали воткнутые в землю копья. В одном месте я увидела нечто, жутко напоминающее виселицу. Столб, длинная перекладина. Но вместо казненного на веревке болтался мешок с песком. Мешок был проткнут во многих местах. Из него и сейчас тонкой струйкой сыпался песок.

— Обыкновенный столб с мишенью, — пояснил Марло. — Всяк скачущий стремится его копьем проткнуть.

Кит приподнялся на цыпочках и толкнул перекладину. Она со скрипом повернулась. Всего-навсего движущаяся мишень, на которой рыцари оттачивали свое мастерство. Меж тем мой спутник пристально оглядывал ристалище.

— Где же тот, кто назначил вам встречу? — спросила я и тоже оглянулась.

Никого, кроме высокой темноволосой женщины в роскошном красном платье. Она стояла далеко от нас. Вероятно, придворная дама, пришедшая на романтическое свидание.

— Здесь и другая есть мишень. Вон там. — Кит махнул рукой в противоположном направлении.

На том столбе висел манекен, сделанный из соломы и рогожи. Я снова отметила пугающее сходство с виселицей. Разум отказывался принимать увиденное за чучело для тренировки.

Я почувствовала чей-то холодный сосредоточенный взгляд. Мне не дали повернуться. Меня схватили такие же холодные руки, больше похожие на стальные клещи. Так иногда хватал меня Мэтью. Но эти руки принадлежали не ему.

— А знаешь, она даже вкуснее, чем я думала, — сказала женщина в красном платье, обдавая меня холодным дыханием.

От нее пахло розами и мускусом. Поймав запахи, я попыталась вспомнить, где уже встречала такое сочетание запахов.

Сет-Тур. Комната Луизы де Клермон.

— В ее крови есть нечто, магнитом тянущее *варгов*, — сказал Кит. Его голос стал грубым и хриплым. — Что именно — я понять не могу, но даже отец Хаббард поддался ее чарам.

Острые зубы чиркнули по моей шее, однако кожу не прорвали.

— Забавно будет поразвлечься с ней, — сказала вампирша.

— Мы собирались убить ее, — возразил Кит.

В присутствии Луизы он сделался еще беспокойнее и дерганее. Я молчала, лихорадочно пытаясь понять, какую игру затеяли демон и вампирша.

— Тогда все станет как прежде, — добавил автор «Геро и Леандра».

— Потерпи. — Луиза упивалась моим запахом. — Чуешь ее страх? Это всегда обостряет мой аппетит.

Кит подошел ближе. Возражать Луизе он не смел.

— А ты, Кристофер, совсем бледный. Дать тебе еще лекарства?

Луиза переменила позу, чтобы запустить руку в сумочку на поясе и достать оттуда липкий коричневый леденец. Кит с жадностью схватил лакомство и метнул себе в рот.

— Они просто бесподобны, — усмехнулась Луиза. — В Германии теплокровные называют их камнями бессмертия. В этих леденцах содержится нечто такое, отчего даже жалкие людишки чувствуют себя богами. И тебя мои конфетки снова сделали сильным.

— Эта ведьма — причина слабости моей. И брата твоего ослабила она.

У Кита остекленели глаза. Его дыхание сделалось тошнотворно сладким. *Опиаты.* Теперь понятно, почему Кит так странно себя вел.

— Отвечай, ведьма: это правда? Кит утверждает, что ты насильно привязала к себе моего брата.

Луиза повернула меня лицом к себе. Ее красивое лицо было воплощением всех человеческих кошмаров, связанных с вампирами. Кожа фарфоровой белизны, черные волосы с матовым отливом и темные глаза, подернутые такой же пеленой дурмана, как и глаза Кита. Злоба струилась из всех ее пор. Безупречные алые губы Луизы были не только чувственными, но и жестокими. Такая способна охотиться и убивать, не испытывая и намека на сожаление.

— Луиза, я не привязывала твоего брата к себе. Я выбрала его, а он выбрал меня.

— Ты знаешь, кто я? — удивленно вскинула темные брови вампирша.

— У Мэтью нет от меня тайн. Мы истинная пара. Вдобавок мы муж и жена. Твой отец был главным на нашей свадьбе.

Спасибо тебе, Филипп!

— Врунья! — закричала Луиза.

Зрачки вампирши расширились, заслонив радужную оболочку. Луиза потеряла самообладание. Меня ожидало сражение не только с одурманившим ее наркотиком, но и с приступом бешенства крови.

— Не верь ее словам! — предупредил Кит.

Достав кинжал, он схватил меня за волосы и повернул голову, рискуя сломать мне шею. Я закричала от боли. Острие кинжала вращалось вокруг моего правого глаза.

— Я вырву ей глаза, чтобы не колдовала больше и чтобы не видела мою судьбу. Уверен: ей ведом день и час моей кончины. Лишившись зрения, она не сможет помыкать ни нами, ни Мэтью.

— Ведьма не заслуживает столь быстрой смерти, — с горечью возразила Луиза.

Острие процарапало мне кожу под правой бровью. По щеке покатилась капелька крови.

— Наш уговор, Луиза, был иным. Я должен глаз ее лишить, иначе ее заклятие не разрушить нам. А потом убить и сделать так, чтобы труп исчез бесследно. Пока она жива, жива и власть ее над Мэтью.

— Успокойся, Кристофер. Разве я тебя не люблю? Разве мы не союзники?

Луиза потянулась и крепко поцеловала Кита. Ее губы соскользнули с его подбородка и опустились ниже, где по голубым жилам неслась кровь. За губами тянулся кровавый след. Кит судорожно вздохнул и закрыл глаза.

Луиза жадно пила кровь из шеи демона. Пока она насыщалась, ни Киту, ни мне было не вырваться из ее сильных рук. Я все же попыталась это сделать, но вампирша лишь схватила меня еще крепче, продолжая высасывать кровь из Кита.

— Сладостный Кристофер, — бормотала она, насытившись и облизывая рану.

Отметина на шее Кита была серебристой и мягкой. Такую же оставил Мэтью на моей груди. Скорее всего, Луиза и раньше угощалась кровью драматурга.

— Я улавливаю вкус бессмертия в твоей крови и вижу прекрасные слова, несущиеся сквозь твои мысли. Мэтью просто глупец, если не хочет разделить их с тобой.

— Он хочет одного: быть рядом с этой ведьмой. — Кит потрогал шею, воображая, что сейчас насытил своей кровью Мэтью, а не Луизу. — А я хочу увидеть ее мертвой.

— Я тоже, — сказала Луиза, глядя на меня черными бездонными глазами. — Но поскольку нас двое, мы устроим состязание. Победитель или победительница сделает с нею все, что пожелает. Она жестоко расплатится за вред, причиненный моему брату. Ты согласен, мой дорогой мальчик?

Одурманенные — один наркотиком, другая — кровью, в которой этот наркотик успел раствориться, — Кит и Луиза находились в невменяемом состоянии. Мне стало по-настоящему страшно, но затем я вспомнила наставления Филиппа.

Думать. Оставаться в живых.

Мысль о ребенке вновь повергла меня в паническое состояние. Я не могла рисковать жизнью нашего ребенка.

— Готов я сделать что угодно, лишь бы благосклонность Мэтью опять ко мне вернулась, — заявил Кит.

— Я так и думала, — улыбнулась Луиза, награждая его еще одним крепким поцелуем. — Ну что, выбираем цвета?

Глава 35

— Луиза, ты совершаешь чудовищную ошибку.

Я извивалась всем телом, пытаясь сбросить с себя веревки. Вампирша и Кит привязали меня к столбу, убрав оттуда бесформенный манекен из соломы и рогожи. Потом Кит сорвал с древка одного копья лоскут темно-синего шелка и завязал мне глаза, чтобы я не могла околдовать его и Луизу взглядом. Оба стояли поблизости, споря, кому достанется серебристо-черное копье, а кому — золотисто-зеленое.

— Мэтью сейчас беседует с королевой. Пойди туда. Он тебе все объяснит. — Я старалась говорить спокойно, но у меня дрожал голос.

О Луизе я впервые услышала от Мэтью в нашем времени, когда мы пили чай у камина в Олд-Лодже. Красивая, но одновременно очень коварная и злобная.

— Замолчи, ведьма! Иначе я все-таки уступлю желанию Кристофера отрезать тебе язык.

Голос Луизы так и сочился ядом. Опийный мак в сочетании с бешенством крови давали крайне опасную смесь. Мне не требовалось видеть ее глаза, чтобы понимать, в каком она состоянии. Что-то слегка царапнуло мою щеку. Я почувствовала кровь. «Кромка бриллианта в кольце Изабо», — догадалась я. Заметив у меня кольцо матери, Луиза принялась варварски его стаскивать и сломала мне палец. Теперь кольцо перекочевало к ней.

— Я жена Мэтью, его истинная пара. Можешь представить его поведение, когда он узнает про ваш самосуд?

— Ты чудовище. Зверь. Если я выиграю состязание, то сорву с тебя этот ложный покров гуманности и выставлю напоказ находящееся под ним. — (Мне казалось, что вместе со словами Луизы мне в уши капает яд.) — А когда *я* это сделаю, Мэтью увидит

тебя такой, какая ты есть на самом деле, и вместе с нами насладится твоей смертью.

Голос Луизы звучал все тише. Они с Китом куда-то направлялись. Куда и зачем — я не знала. С какой стороны вернутся — тоже. Я осталась одна.

Думать. Оставаться в живых.

Что-то зашелестело в моей груди. Нет, не крылья паники. Моя огнедышащая драконiха. Я была не одна. И даже с завязанными глазами я оставалась ведьмой. Видеть окружающий мир я могла и так.

«Что вы видите?» — спросила я землю и воздух.

Мне ответила драконiха. Она заверещала на непонятном языке. Ее крылья еще сильнее заметались между животом и легкими. Моя помощница оценивала обстановку.

«Где они?» — спросила я.

И тогда широко открылся мой третий глаз, показывая сверкающие краски поздней весны во всем ее зелено-голубом великолепии. Темно-зеленая нить переплеталась с белой, обвиваясь вокруг чего-то черного. Эти нити привели меня к Луизе, садящейся на спину возбужденной лошади. Присутствие вампирши пугало животное. Лошадь пыталась сбросить всадницу. Тогда Луиза впилась зубами в лошадиную шею. Лошадь застыла на месте, но ее страх не исчез.

Я последовала туда, куда вели ярко-красная и белая нити, думая, что они приведут меня к Мэтью. Но перед третьим глазом бешено замелькали образы и краски. Я падала, падала, падала, пока не опустилась на холодную подушку. Снег. Легкие наполнились холодным зимним воздухом. Я уже не была привязанной к столбу на ристалище Гринвичского дворца в хмурый майский день. Из конца мая, из конца XVI века я перенеслась в конец двадцатого. Мне четыре года или пять. Я лежу на спине на заднем дворике нашего дома в Кембридже.

И я вспомнила.

После обильного снегопада мы с отцом вышли поиграть. У меня на руках были темно-красные рукавицы с белой эмблемой Гарварда. Мы лепили снежных ангелов. Наши руки мелькали, не останавливаясь ни на секунду. Я заметила: если быстро двигать руками, белые крылья ангелов приобретают красноватый оттенок.

— Этот ангел похож на дракона с огненными крыльями, — шепнула я отцу, и его руки замерли.

— Диана, когда ты видела дракона?

У отца изменился голос. Я знала разницу между его обычным голосом с шутливыми интонациями и этим, совершенно серьезным. Отец хотел знать мой ответ. Правдивый, а не придуманный на ходу.

— Много раз. Больше по ночам.

Мои руки порхали все быстрее. Снег под ними менял цвет, становясь то зеленым и золотистым, то черным и красным, а то серебристым и голубым.

— Где это было? — спросил отец.

Он смотрел на вихрь снежинок, поднятых моими руками. Как живые, они кружились и подпрыгивали вокруг меня. Одна взлетела повыше и превратилась в изящную голову дракона. Снежинки растянулись, образовав крылья. Потом дракон стряхнул снежинки с белых чешуек. Он повернулся и посмотрел на отца. Отец что-то пробормотал и даже погладил дракона по носу, как будто они уже встречались. Из ноздрей дракона шел пар.

— Но чаще всего это бывает здесь. Внутри. — Я села на снег и показала, чтобы отцу были понятнее мои слова. Руки в рукавицах коснулись места, где находились ребра. Я чувствовала тепло ребер даже через толстые вязаные рукавицы и ткань куртки. — Когда ей нужно полетать, мне приходится ее выпускать. Внутри меня ей не расправить крылья. Там тесно.

Позади меня сверкала пара крыльев.

— Ты оставила после себя крылья, — все тем же серьезным тоном произнес отец.

Снова повалил снег. Дракониха поднялась в воздух. Моргнув серебристо-черными глазами, она поднялась выше яблони и стала таять. Каждый взмах крыльев делал ее все более призрачной. Мои крылья на снегу тоже тускнели.

— Дракониха не хочет брать меня с собой. И всегда быстро улетает, — вздохнула я. — Почему она так себя ведет?

— Может, ей нужно в другое место.

— Как вам с мамой, когда вы ходите в школу?

Мне было странно думать о родителях, ходящих в школу. Не мне одной — всем детям в нашем квартале, хотя большинство их родителей, как и мои, целые дни проводили в школе.

— Что-то вроде этого. — Отец сидел на снегу, обхватив колени. — Я люблю в тебе ведьму, Диана, — улыбнулся он.

— Она пугает маму.

— Ничего подобного, — замотал головой отец. — Мама просто боится перемен.

— Я старалась, чтобы про драконихy никто не знал, но, думаю, мама все равно знает, — мрачно сказала я.

— Мамы это умеют — узнавать то, о чем молчат дочери. — Отец посмотрел на снег. Мои крылья были едва видны. — А еще мама знает, когда тебе хочется горячего шоколада. Если мы сейчас пойдем домой, шоколад наверняка уже будет готов.

Отец встал и протянул мне руку. Я протянула свою, не сняв темно-красной рукавицы. Но даже через нее я чувствовала тепло отцовской ладони.

Короткий зимний день уступал место сумеркам, и я вдруг испугалась сгущающихся теней. Темнота наполнялась чудовищами и странными существами, наблюдавшими за моими играми.

— А ты всегда будешь держать меня за руку, когда на улице темнеет? — спросила я.

— Нет, — ответил он, покачав головой.

У меня задрожала губа. Я хотела услышать совсем другой ответ.

— Но ты не переживай, — сказал отец и шепотом добавил: — С тобой всегда будет твоя драконихa.

Из ранки над глазом упала капелька крови. Повязка не мешала видеть, как она медленно катится по щеке и мягко падает на землю. Из земли появился черный побег.

Послышался топот копыт. Кто-то пронзительно закричал. Мне сразу вспомнились картины, изображавшие старинные битвы. Крик еще сильнее взбудоражил драконихy. Мне нужно было поскорее выпутаться из веревок.

Забыв о нитях, ведущих к Киту и Луизе, я сосредоточилась на веревках, которыми были стянуты мои руки и ноги. Узлы начали слабеть, как вдруг что-то тяжелое и острое ударило меня под ребра. Мне стало трудно дышать.

— Удар! — торжествующе завопил Кит. — Я ведьму получу в награду!

— Удар-то удар, но скользящий, — охладила его пыл Луиза. — Чтобы претендовать на победу, ты должен был вонзить копье в ее тело.

Как ни прискорбно, но я не знала правил: ни правил состязания, ни правил своей магии. Благочестивая Олсоп так мне и сказала перед нашим отъездом в Прагу: «Пока все твои достижения — это норовистая драконiха, свечение, выдающее тебя с головой, и склонность задавать вопросы, ответы на которые приносят больше вреда, чем пользы». Я тратила время на придворные интриги, забывая упражняться в своем искусстве прядильщицы. Все, чему я хотела научиться в прошлом, было отодвинуто ради охоты за «Ашмолом-782». Останься я в Лондоне, наверное, знала бы, как выпутаться из этой дурацкой истории. А вместо этого я оказалась привязанной к столбу. Совсем как ведьма, приговоренная к сожжению.

Думать. Оставаться в живых.

— Повторяем попытку, — объявила Луиза.

Я снова услышала топот копыт. Кит не торопился скакать следом.

— Одумайся, Кит, — сказала я демону. — Ты ненавидишь меня, но тебе небезразличен Мэтью. Подумай, как все это скажется на нем. Если хочешь, чтобы я исчезла, я исчезну. Обещаю.

— Кто верит обещаниям ведьмы? Потом скрестишь пальцы и ловко вывернешься из всего, что обещала. Я и сейчас свечение вижу над тобой. И связанная, ты силишься меня околдовать.

Свечение, выдающее меня с головой. Вопросы, ответы на которые мне же и вредят. И норовистая, неуправляемая драконiха.

Окружающий мир замер.

«Что нам делать?» — спросила я драконiху.

В ответ она хлопнула крыльями, полностью расправив их. Крылья прошли у меня через ребра и плоть, появившись на спине. Драконiха осталась на прежнем месте. Ее хвост защитным кольцом обвил мне лоно. Она высунула голову из-за грудины, блеснув серебристо-черными глазами, и снова хлопнула крыльями.

«Оставаться в живых», — прошептала она, и ее слова окутали меня серым туманом.

Сила ее крыльев сломала толстый столб, а шипы на их краях полоснули по веревке, связывавшей мои руки. Что-то острое, похожее на когти, перерезало веревки на ногах. Я поднялась вверх

на двадцать футов. Кит и Луиза на полном скаку влетели в облако. Скорость, с какой они двигались, не позволяла остановиться или изменить направление. Их копья скрестились, удар передался древкам, всадников вышибло из седел на жесткую землю.

Здоровой рукой я сорвала повязку с глаз.

— Госпожа! — услышала я крик Энни.

Она бежала сюда и была уже на краю ристалища. Меньше всего я хотела, чтобы юная ведьма оказалась вблизи Луизы де Клермон.

— Уходи! — громко прошипела я, изрыгая огонь и дым.

Я кружила над Китом и Луизой. Из покалеченных веревками запястий и лодыжек капала кровь. Везде, где она соприкасалась с землей, появлялся черный побег. Вскоре демон и вампирша были окружены целой рощицей странных черных деревьев. Луиза пыталась выдрать их с корнем, но моя магия держала их крепко.

— Рассказать, какое будущее ждет вас? — резко спросила я.

Оба с жадностью и страхом смотрели на меня.

— Ты, Кит, никогда не осуществишь желаний твоего сердца, поскольку то, чего мы больше всего хотим, нам не дается. А ты, Луиза, никогда не сможешь заполнить внутреннюю пустоту. Ни кровью, ни гневом. И оба вы умрете, поскольку рано или поздно смерть приходит ко всем. Но ваши смерти не будет милосердными. Это я вам обещаю.

К нам приблизился вихрь, остановился и обрел черты Хэнкока.

— Дэви! — Длинные, безупречно красивые пальцы Луизы впились в черные стебли. — Помоги нам! Ведьма своей магией пленила нас. Вырви ей глаза, и тогда она лишится силы.

— Мэтью уже на пути сюда, — ответил Хэнкок. — За этим забором и под защитой Дианы ты в большей безопасности, чем если бы вздумала скрыться от гнева брата.

— Никто из нас не в безопасности. Ведьма исполнит древнее пророчество, о котором Герберт рассказывал *маман*. Семейству де Клермон грозит уничтожение от ведьминых рук!

— Брехня, в которой ни капли правды, — усмехнулся Хэнкок, с брезгливой жалостью глядя на Луизу.

— Эти слова — правда! — утверждала Луиза. — «Берегитесь ведьмы с кровью льва и волка, ибо она уничтожит детей ночи». Вот она, ведьма из пророчества. Разве не видишь?

— Ты не в себе, Луиза. Это я вижу очень ясно.

Возмущенная Луиза встала:

— Да будет тебе известно, Хэнкок, я *манжасан* и потому всегда нахожусь в превосходном состоянии.

Подбежали запыхавшиеся Генри и Джек. Генри озирался по сторонам, не понимая, где же я.

— Где она? — крикнул он Хэнкоку, вертясь волчком.

— В небесах, — ответил Хэнкок, подняв вверх большой палец. — Как Энни и говорила.

— Диана, — облегченно вздохнул Генри.

Мэтью ворвался на ристалище черно-серым циклоном и замер возле сломанного столба. Его глаза без всяких подсказок безошибочно нашли меня.

Последними явились Уолтер и Пьер. Пьер тащил на спине Энни. Худенькие ручки девчонки обвивали его шею. Едва он остановился, Энни соскользнула на землю.

— Уолтер! — крикнул Кит, вставая рядом с Луизой. — Ей надо помешать. Помоги нам выбраться отсюда. Я знаю, что надо делать. Я говорил с одной ведьмой в Ньюгейте, и она...

Рука Мэтью просунулась сквозь черный частокол. Длинные белые пальцы схватили Кита за горло. Там что-то булькнуло. Марло замолчал.

— Ни слова больше! — отчеканил Мэтью, поворачиваясь к Луизе.

— Матье... — Выпитая кровь и опиум придали ее французскому произношению карикатурный оттенок. — Слава Богу, что ты здесь! Я рада тебя видеть.

— На твоем месте я бы не радовался, — процедил Мэтью, отпихивая Кита.

Я опустилась за спиной мужа. Новообретенные крылья втянулись внутрь ребер. Моя драконица, однако, сохраняла бдительность. Ее хвост был сжат в тугую пружину. Мэтью почувствовал, что я вернулась на землю, и взял меня под руку, но ощупью. Его глаза были устремлены на моих пленников. Так же ощупью он коснулся места, где копье пробило мне лиф, корсет и кожу, упершись в ребра. Оттуда сочилась кровь.

Забыв про Кита и Луизу, Мэтью развернул меня, опустился на колени и торопливо разорвал ткань вокруг раны. Он выругался, потом коснулся моего живота и вопросительно посмотрел на меня.

— Я в полном порядке. Мы... — заверила я его.

Мэтью встал. Его глаза были черными. Жилка на виске подрагивала.

— Господин Ройдон! — Джек подошел к Мэтью. У мальчишки дрожал подбородок. Мэтью схватил Джека за воротник, не дав ему слишком близко подойти ко мне. Джек даже не вздрогнул. — У вас сейчас кошмар, господин Ройдон?

— Да, Джек, — ответил Мэтью, разжимая пальцы. — Ужасный кошмар.

Джек вложил свою руку в руку Мэтью:

— Я постою рядом и подожду, когда кошмар пройдет.

У меня глаза защипало от слез. Те же слова Мэтью говорил Джеку в ту ночь, когда страхи мальчика угрожали поглотить его.

Мэтью с молчаливой признательностью сжал его руку. Так они и стояли: один высокий, широкоплечий, наделенный сверхъестественным здоровьем; второй — маленький, щуплый и только недавно начавший понимать, что его жизнь может быть кому-то небезразлична. Гнев Мэтью постепенно стихал.

— Когда Энни сказала мне, что на тебя напал *варг,* я и представить не мог... — Он не докончил фразу.

— Это все Кристофер! — крикнула Луиза, демонстративно отодвигаясь от неистового демона. — Он говорил, что ты заколдован. Но я чувствую на тебе ее кровь. Ты не заколдован ею. Ты пьешь ее кровь.

— Она моя истинная пара, — с холодной яростью сообщил Мэтью сестре. — И она беременна.

Марло зашипел. Его глаза толкнули меня в живот. Покалеченной рукой я закрыла живот от взгляда демона.

— Быть того не может... Мэтью не способен... — Замешательство Кита сменилось гневом. — Он ею околдован и сейчас! Он верит твоему вранью. Как ты решилась так коварно его предать? Ответь нам, госпожа Ройдон!

Мэри Сидни полагала, будто меня изнасиловали. Галлоглас поначалу считал отцом ребенка моего умершего мужа или любовника. У Мэтью сработали инстинкты защиты, что и привело к столь быстрым отношениям между нами. Ну а Кит не мог представить себе иного, как только рога, наставленные мной человеку, которого он любил.

— Хэнкок, хотя бы прояви здравомыслие и задержи ее! — взмолилась Луиза. — Мы не можем позволить ведьме впихнуть своего бастарда в семью де Клермон.

Хэнкок молча покачал головой и скрестил руки, показывая, что делать ничего не собирается.

— Ты пыталась убить мою пару. Ты пролила ее кровь, — сказал Мэтью сестре. — Но ребенок не бастард. Он мой.

— Это невозможно, — возразила Луиза, но в ее голосе уже не было прежней уверенности.

— Ребенок мой! — свирепым тоном повторил Мэтью. — Моя плоть. Моя кровь.

— Она несет кровь волка, — прошептала Луиза. — Она та ведьма, о которой говорилось в пророчестве. Если ее ребенок выживет, он уничтожит всех нас!

— Уберите их с глаз долой! — В голосе Мэтью не было ничего, кроме ярости. — Не то я разорву их в клочья и скормлю псам.

Разрушив мое место плена, он вытащил оттуда друга и сестру.

— Я никуда не пойду... — начала Луиза и осеклась.

Хэнкок крепко держал ее за руку.

— Пойдешь, — тихо сказал он. — Пойдешь туда, куда поведу. — Он бросил Мэтью кольцо Изабо, снятое с пальца Луизы. — Насколько помню, это кольцо твоей жены.

— А Кит? — спросил Уолтер, настороженно глядя на Марло.

— Если они так обожают друг друга, запри его вместе с Луизой, — распорядился Мэтью, толкнув демона к Рэли.

— Но она... — начал Уолтер.

— Будет пить его кровь? — Мэтью поморщился. — Она уже пила. Иначе не была бы одурманена вином и зельем. Вампиру это передается только через кровь.

Оценив настроение, в каком находился Мэтью, Уолтер кивнул:

— Хорошо, Мэтью. Мы исполним твои пожелания. Отвези Диану и детей в Блэкфрайерс. Остальным займемся мы с Хэнкоком.

— Я же ему говорила: беспокоиться не о чем. Ребенок не пострадал, — сказала я, опуская подол платья.

Из Гринвича мы отправились домой. Моих слов Мэтью было недостаточно, и он послал Пьера за Сюзанной и Благочестивой

Олсон. Теперь наш дом, полный рассерженных вампиров и ведьм, гудел от их голосов.

— Может, ты сможешь его убедить? — спросила я Сюзанну.

Сюзанна вымыла руки в тазу с горячей мыльной водой.

— Если твой муж не верит собственным глазам, никакие мои слова и действия его не убедят.

Она позвала Мэтью. Вместе с ним пришел и Галлоглас. Оба встали в проеме двери.

— Ты действительно хорошо себя чувствуешь? — спросил Галлоглас.

Я еще не видела его таким бледным.

— У меня был сломан палец и треснуло ребро. Такое могло бы случиться и дома, упади я на лестнице. Благодаря Сюзанне палец уже сросся.

Я вытянула руку. Палец сросся, но еще оставался опухшим. Кольцо Изабо пришлось надеть на другую руку, однако я могла шевелить всеми пальцами, не ощущая боли. Рана в боку потребовала больше внимания. Мэтью отказался исцелить ее своей кровью, поэтому Сюзанна наложила несколько магических швов и приготовила снадобье.

— У нас достаточно веских оснований ненавидеть Луизу, — мрачно произнес Мэтью. — Но кое за что можно быть ей благодарными: убить тебя она не хотела. Оружием Луиза владеет превосходно. Вознамерься она ударить тебя копьем в сердце, ты была бы уже мертва.

— Луиза одержима пророчеством, о котором Герберт рассказал Изабо.

Галлоглас и Мэтью переглянулись.

— Ничего особенного, — отмахнулся Мэтью. — Выдумал какую-то чушь, чтобы взбудоражить маман.

— Но это пророчество Меридианы?

Едва Луиза о нем упомянула, я нутром почуяла: оно. Слова вампирши всколыхнули память. Я перенеслась в развалины Ла-Пьера, где произошла моя встреча с Гербертом. От этих слов воздух вокруг Луизы сделался наэлектризованным, словно она была Пандорой, поднимавшей крышку ящика, наполненного древней, давно забытой магией.

— Меридиана хотела напугать Герберта будущим. Ей это удалось. К тебе ее пророчество не имеет никакого отношения.

— Твой отец — лев. Ты — волк.

У меня похолодело под ложечкой, словно туда положили кусок льда. Со мной творилось что-то неладное, и творилось глубоко внутри, куда не мог добраться свет. Я посмотрела на мужа — одного из детей ночи, упомянутых в пророчестве. Наш первый ребенок уже погиб. Я подавила тревожные мысли, не желая, чтобы они задержались в сердце и разуме. Не надо мне кошмарных видений... Бесполезно. Наши отношения стали слишком честными. Я не имела права скрывать что-либо от Мэтью и от себя самой.

— Тебе нечего бояться, — сказал Мэтью, целуя меня в губы. — Ты слишком полна жизни, чтобы сделаться вестницей разрушения.

Он продолжал меня убеждать. Я не возражала, но мое шестое чувство игнорировало его слова. Откуда-то непонятным мне образом на свободу вырвалась беспощадная и смертельно опасная сила. Даже сейчас я чувствовала, как натягиваются ее нити, стараясь утащить меня во тьму.

Глава 36

Энни зашла в «Золотого гусенка» купить жаркого на ужин. Я ждала ее под вывеской таверны. День был теплым. И вдруг я поймала на себе взгляд вампира. Летнего тепла в воздухе как не бывало.

— Здравствуйте, отец Хаббард, — сказала я, поворачиваясь к источнику холода.

Глаза вампира скользнули по мне, обдав холодом ребра.

— Удивляюсь, что муж позволяет вам ходить по городу одной. Странно, если вспомнить события в Гринвиче. К тому же вы носите его ребенка.

После истории на ристалище моя драконихa превратилась в настоящую наседку. Ее хвост тут же обвился вокруг моих бедер.

— Всем известно, что теплокровная женщина не может зачать от *варга*, — сказала я, стараясь погасить дальнейшие расспросы.

— Похоже, на такую ведьму, как вы, общие законы почти не действуют. — Угрюмое лицо Хаббарда стало еще угрюмее. — Например, большинство нечеловеческих существ считают, что отвращение к ведьмам у Мэтью давнее и неизменное. Очень немногие допускают, что это он уберег шотландку Барбару Напье от сожжения на костре.

Мэтью по-прежнему уделял много времени событиям в Шотландии. Разумеется, он был в курсе и всех лондонских новостей, касавшихся мира людей и мира вампиров, демонов и ведьм.

— Все эти месяцы Мэтью находился далеко от Шотландии.

— А вашему мужу и не требовалось туда ездить. В Эдинбург отправился Хэнкок, выдал себя за одного из «друзей» Напье и объявил суду о ее беременности.

Холодное дыхание Хаббарда пахло лесом.

— Ведьма не совершала того, в чем ее обвиняли, — сухо сказала я, кутаясь в шаль. — Суд ее оправдал.

— Только по одному пункту, — возразил Хаббард, выдерживая мой взгляд. — Но по многим другим ее признали виновной. Вы ведь вернулись недавно и, возможно, еще не знаете, что король Яков нашел способ изменить решение суда по делу Напье.

— Изменить? Каким образом?

— Нынче шотландский король не питает нежных чувств к Конгрегации, за что стóит поблагодарить вашего мужа. Мэтью весьма гибко... я бы даже сказал, скользко подходит к пониманию завета и часто вмешивается в шотландскую политику. Это побудило его величество искать лазейки в собственном законодательстве. И он их нашел. Присяжных, оправдавших ведьму, Яков велел отдать под суд. Их обвинили в судебных ошибках и небрежном совершении королевского правосудия. Король нагнал страху на присяжных, и это гарантирует желательный исход будущих процессов.

— Такое не могло входить в замыслы Мэтью, — возразила я, чувствуя, как лихорадочно понеслись мысли.

— Почему же? Не заблуждайтесь насчет искренности Мэтью де Клермона. Возможно, король не прикажет пересмотреть результаты суда над Напье. Ведьма и ее ребенок останутся жить, зато будут казнены десятки других, чья вина намного меньше. — Лицо Хаббарда сделалось каменным. — Разве не этого добиваются де Клермоны?

— Да как вы смеете?!

— Я купила... — Увидев Хаббарда, Энни едва не выронила кастрюльку.

Я поспешила к ней, взяв девчонку под локоть:

— Спасибо, Энни.

— А вы знаете, госпожа Ройдон, где в этот прекрасный майский день находится ваш муж?

— Ушел по своим делам.

Убедившись, что я позавтракала, Мэтью поцеловал меня и ушел вместе с Пьером. Джек едва сдерживал слезы, когда Мэтью велел ему остаться с Хэрриотом. Меня это тоже насторожило. Обычно Мэтью всегда брал мальчика с собой в город.

— Нет, — тихо возразил Хаббард. — Он сейчас в Бедламе со своей сестрой и Кристофером Марло.

Бедлам отличался от тюрьмы лишь названием. Ужаснее всего, что в этой тюрьме содержали умалишенных и просто психически неуравновешенных людей. Зачастую близкие под каким-либо

надуманным предлогом попросту избавлялись от них. Постелью узникам служили охапки соломы, кормили их от случая к случаю. Тюремщики не проявляли к ним ни капли сострадания. Многие узники Бедлама действительно нуждались в лечении, однако лечить их никто не собирался. Редко кому удавалось сбежать оттуда, но если побег удавался, тех, кто сумел оправиться от потрясений, можно было пересчитать по пальцам.

— Мэтью не удовлетворился вмешательством в шотландское правосудие и теперь решил самолично вершить суд в Лондоне, — продолжал Хаббард. — Утром ваш муж отправился туда на допрос. Насколько понимаю, он все еще там.

Время перевалило за полдень.

— Я видел Мэтью де Клермона в гневе. Тогда он убивал быстро. Зрелище, поверьте мне, было жуткое. Но видеть, как он убивает медленно и мучительно... Тут даже самый отъявленный безбожник поверит в дьявола.

Кит. Луиза была вампиршей. В ней проявлялась кровь Изабо. Луиза могла за себя постоять. Но демон...

— Энни, иди к Благочестивой Олсоп. Скажи ей, что я отправилась в Бедлам, где находятся мастер Марло и сестра господина Ройдона.

Я развернула девочку в нужном направлении и встала между Энни и вампиром.

Глаза Энни испуганно округлились.

— Я должна оставаться при вас. Господин Ройдон взял с меня обещание!

— Пойми, Энни: кто-то должен знать, куда я пошла. Перескажи Благочестивой Олсоп все, что слышала. Я сама найду дорогу до Бедлама.

На самом деле я весьма туманно представляла себе местонахождение знаменитой «психушки». Но у меня имелись другие способы узнать, где находится Мэтью. Я обвила воображаемые пальцы вокруг цепи внутри меня и приготовилась дернуть за нее.

— Подождите. — Хаббард взял меня за руку, и я отпрыгнула.

Вампир окликнул кого-то скрывавшегося в тени. Это был уже знакомый мне угловатый подросток по прозвищу Эймен Уголок.

— Мой сын вас проводит.

— Мэтью сразу поймет, что я виделась с вами. — (Хаббард не отпускал мою руку. Теплая кожа впитывала его запах.) — И не только поймет, а еще и сорвет злость на вашем... сыне.

Хаббард еще крепче сжал мне запястье. И вдруг до меня дошло.

— Отец Хаббард, если вам хотелось проводить меня до Бедлама, достаточно было просто сказать об этом.

Хаббард вел меня самым коротким путем, какой существовал между церковью Сент-Джеймс-Гарликхайт и Бишопсгейт. Мы шли по переулкам, а иногда и через чужие дворы. Миновав городскую черту, мы вскоре очутились в грязном лондонском пригороде. Как и в Криплгейте, улочки вокруг Бедлама были населены беднотой. И здесь царила жуткая скученность. Но настоящий ужас ожидал впереди.

Мастер Слефорд, хранитель заведения, встретил нас у ворот и провел к зданию, которое было известно как госпиталь Святой Марии Вифлеемской. Они с отцом Хаббардом были знакомы давно и потому обходились без излишних церемоний и упражнений в вежливости. Мы прошли по двору, изрытому ямами, и остановились возле одной из массивных дверей. Ни двери, ни толстые, монастырской постройки, стены не могли заглушить криков и воплей узников Бедлама. Да и вряд ли такое было возможно, поскольку в зарешеченных окнах практически отсутствовали стекла. Оттуда тянуло зловонием, грязью и... запахом времени.

Мы вошли в мрачное, сырое помещение. Хаббард протянул мне руку, но я наотрез отказалась, считая неприличным принимать его помощь, когда я была свободна, а здешние узники вообще не получали никакой помощи.

Меня обступили призраки прежних узников, окончивших здесь свои дни. Нынешние несчастные обитатели были окружены нитями, собранными в невообразимые узлы. Чтобы не поддаться ужасу, я занялась мрачной арифметикой: разделяла попадавшихся мужчин и женщин на группки, а потом снова смешивала, но уже по-другому.

Пока мы шли по коридору, я насчитала двадцать узников: четырнадцать демонов, две ведьмы, один вампир и три человеческих существа. Шестеро из двадцати были голыми, а еще десять — в лохмотьях. Какая-то женщина в грязном, но дорогом мужском наряде глядела на нас с откровенной враждебностью. Пятнадцать несчастных были прикованы кандалами к стене или к полу, а некоторые и к стене, и к полу. Четверо из пяти неприкованных сидели на корточках возле стен, что-то бормоча и царапая

ногтями камень. И только один узник, совершенно голый, выплясывал по коридору впереди нас.

Мы подошли к камере, которая имела дверь. Что-то подсказывало мне: именно там держат Луизу и Кита.

Хранитель отпер дверь и резко постучал. Не получив немедленного ответа, он стал дубасить по двери кулаками.

— Мастер Слефорд, я услышал вас с первого раза, — сказал Галлоглас.

Вид у него был потрепанный: расцарапанная щека, кровь на дублете. Увидев за спиною Слефорда меня, племянничек оторопел.

— Тетушка, — пробормотал он.

— Дай мне войти.

— Это не самая удачная... — Встретившись со мной глазами, Галлоглас отступил в сторону. — Луиза потеряла много крови. Сейчас она голодна. Держись от нее подальше, если не хочешь быть укушенной или изодранной ногтями. Впрочем, ногти я ей подрезал, а вот зубы подрезать не мог.

Теперь никто не преграждал мне путь, однако я все так же стояла у порога. Жестокую красавицу Луизу приковали к железному кольцу в каменном полу. Платье на ней было изодрано. Шею покрывала кровь из глубоких ран. Кто-то утверждал свою власть над Луизой; кто-то сильнее и злее ее.

Я всматривалась в сумрак, пока не заметила темную фигуру, склонившуюся над каким-то мешком. Мэтью вскинул голову. Его лицо было бледнее обычного, а глаза черны, словно ночь. И ни пятнышка крови. Его чистота и безупречность показались мне такими же неприличными в здешних условиях, как протянутая рука Хаббарда.

— Тебе, Диана, следовало находиться дома, — сказал Мэтью, поднимаясь на ноги.

— *Спасибо за напоминание, но я сейчас там, где должна быть.* — Я шагнула к мужу. — Ты ведь знаешь, Мэтью: бешенство крови и опиаты не смешиваются. Сколько их крови ты успел выпить?

Мешок на полу шевельнулся.

— Кристофер, я здесь! — крикнул отец Хаббард. — Больше никто не причинит тебе вреда.

Марло облегченно заплакал. Его тело сотрясалось от рыданий.

— Позвольте вам напомнить, Хаббард: Бедлам находится за пределами Лондона, — холодно сказал Мэтью. — Здесь не ваша юрисдикция, и Кит лишен вашей опеки.

— Господи, опять мы об одном и том же! — буркнул Галлоглас, захлопывая дверь перед носом Слефорда. — Заприте снаружи! — потребовал он и хватил кулаком по двери, дублируя приказ.

Услышав лязг замка, Луиза вскочила, загремев цепями, которыми были скованы ее руки и ноги. Одна цепь порвалась. Железные звенья с лязгом упали на пол. Я даже подпрыгнула. Снаружи послышался такой же лязг. Тюремная солидарность.

— Немоюкровьнемоюкровьнемоюкровь, — нараспев повторяла Луиза.

Она буквально распласталась по дальней стене. Наши глаза встретились. Вампирша взвизгнула и отвернулась:

— Изыди, призрак! Я уже однажды умирала и таких, как ты, не боюсь.

— Замолчи! — потребовал Мэтью.

Сказано было тихо, но с такой силой, что мы все вздрогнули.

— Жажда одолела, — хрипло заныла Луиза. — Мэтью, ну пожалуйста.

С потолка что-то капало, падая на пол, и каждый всплеск заставлял вампиршу дергаться всем телом. Взглянув вверх, я увидела оленью голову, подвешенную за рога. Пустые, безжизненные глаза зверя словно рассматривали нас. Кровь капала из его шеи через равные промежутки времени. Капли падали чуть дальше, чем могла дотянуться скованная Луиза.

— Перестань ее мучить!

Я двинулась к Мэтью, но Галлоглас схватил меня за руку.

— Тетушка, я не позволю тебе вмешаться, — твердо заявил он. — Мэтью прав: ты не имеешь к этому никакого отношения.

— Галлоглас! — прорычал Мэтью.

Тот отпустил мою руку, настороженно поглядывая на дядю:

— Ладно, тетушка. Я отвечу на твой вопрос. Мэтью выпил достаточно крови Кита, отчего бешенство его собственной крови просто пылает. Если желаешь с ним говорить, эта штучка лишней не будет.

Галлоглас бросил мне кинжал, но я даже не пыталась его поймать, и кинжал запрыгал по камням.

— Мэтью, ты нечто большее, чем жертва этой болезни. — Переступив через кинжал, я подошла к мужу и встала рядом. Мы

стояли так близко, что подол моего платья терся о его сапоги. — Позволь отцу Хаббарду позаботиться о Ките.

— Нет! — упрямо ответил Мэтью.

Лицо его было каменным, непреклонным.

— Что подумал бы Джек, окажись он здесь? — спросила я, решив надавить на чувство вины и вернуть Мэтью во вменяемое состояние. — Ты ведь его герой, а герои не мучают друзей и близких.

— Они пытались тебя убить!

От его рева сотрясались стены тесной камеры.

— Они перебрали вина, добавив макового дурмана и полностью утратили власть над собой. Никто из них не ведал, что творит, — ответила я. — И ты сейчас находишься не в лучшем состоянии.

— Не занимайся самообманом. Они прекрасно ведали, что́ творят. Кит стремился устранить препятствие к былому счастью, а на всех остальных ему было наплевать. Луиза поддалась зову своих жестоких побуждений, которым поддавалась всегда, с тех самых пор, как заново родилась. И я тоже ведаю, что творю, — добавил Мэтью, запуская пальцы в спутанные волосы.

— Да. Ты себя наказываешь. Ты убежден, что биология — это судьба. Если не во всем, то применительно к твоему бешенству крови. И потому считаешь себя таким же безумцем, как Луиза и Кит. Но я просила тебя: перестань отрицать свои инстинкты, не становись их рабом. — Я сделала шаг в сторону Луизы, и она вскочила на ноги, рыча и плюясь. — Мэтью, я знаю, чего ты больше всего боишься в будущем. Ты боишься превратиться в животное, закованное в цепи и ожидающее очередного наказания, которое ты сочтешь заслуженным. — Я снова подошла к Мэтью и обняла его за плечи. — Тебе нечего бояться, Мэтью. Ты никогда не был таким и никогда не будешь.

— Помнится, я предупреждал тебя: не надо меня романтизировать, — бросил он в ответ и отвел глаза, но я успела заметить отчаяние, наполнявшее их.

— Ты хочешь сказать, что стараешься для моего же блага? Не оставляешь попыток доказать мне, что недостоин любви?

Руки Мэтью были опущены, пальцы сжаты в кулаки. Я потянулась к ним, насильно разжала ему пальцы и приложила ладони к своему животу:

— Держи руки там, где наш ребенок, смотри мне в глаза. Ты и сейчас скажешь, что у нас нет никаких надежд на иное окончание этой истории?

В ту ночь, когда я уговаривала Мэтью вкусить мою кровь, а он боролся с собой, время тянулось бесконечно. Вот и сейчас я ничем не могла это ускорить или помочь мужу сделать выбор в пользу жизни, отринув смерть. Схватиться за тонкую нить надежды он должен был сам, без моей помощи.

— Даже не знаю, — наконец сказал Мэтью. — Раньше у меня были четкие представления. Любовь между вампиром и ведьмой я считал недопустимой. Я не сомневался в коренных различиях, существующих между четырьмя видами разумных существ, населяющих планету. Я соглашался на гибель ведьм, если это означало, что вампиры и демоны выживут. — Зрачки глаз Мэтью по-прежнему оставались черными, но вокруг них появились тонкие зеленые ободки. — Я говорил себе, что безумие, присущее демонам, и слабости вампиров — явления сравнительно недавние. Но сейчас, когда я вижу Луизу и Кита...

— Ты не знаешь. И никто из нас не знает. Пугающая перспектива. Но мы должны надеяться на лучшее будущее. Должны, Мэтью. Не хочу, чтобы наши дети рождались под той же тенью, страшась и ненавидя свою природу. — Я ждала дальнейших его возражений, однако Мэтью молчал. — Пусть Галлоглас займется твоей сестрой, а отец Хаббард позаботится о Ките. И постарайся их простить.

— *Варги* прощают не так легко, как теплокровные, — угрюмо произнес Галлоглас. — Ты не можешь просить Мэтью об этом.

— Помнится, Мэтью о том же просил тебя, — заметила я.

— Ага, просил. И я ему ответил: самое большее, на что он может надеяться, — это моя готовность со временем все забыть. Не требуй от Мэтью больше, чем он способен дать. Он себя терзает так, что ни один палач с ним не сравнится. Твоя помощь в этом ему не нужна. — В голосе Галлогласа улавливалось предупреждение.

— Знаешь, ведьма, я бы хотела все забыть, — вдруг сказала Луиза, причем таким тоном, словно выбирала ткань на новое платье. — Все это, — добавила она, махнув рукой. — Обратись к своей магии, и пусть она прогонит кошмарные видения.

Такое было мне по силам. Я видела нити, связывающие Луизу с Бедламом, Мэтью и мною. И хотя я была против пыток и издевательств, избавлять ее от воспоминаний я не собиралась. Столь далеко моя готовность прощать не простиралась.

— Нет, Луиза. Ты до конца своих дней будешь помнить Гринвич, меня и даже то, как ты причинила зло Мэтью. Пусть воспоминания, а не стены Бедлама станут твоей тюрьмой. — Я повернулась к Галлогласу. — Прежде чем ее освобождать, убедись, что она не представляет опасности для себя самой и для других.

— Настоящей свободы она все равно не увидит, — пообещал Галлоглас. — Отсюда она отправится туда, куда пошлет ее Филипп. А после ее деяний дед больше не позволит ей болтаться по странам и городам.

— Мэтью, скажи им! — взмолилась Луиза. — Ты же понимаешь, каково бывает, когда... эти существа копошатся у тебя в голове. Мне их не вынести! — Звякнув цепью, Луиза схватила себя за волосы.

— А Кит? — спросил Галлоглас. — Мэтью, ты готов отдать его под опеку Хаббарда? Тебе действительно этого хочется? Хэнкок с радостью оборвал бы его жизнь.

— Он подопечный Хаббарда, а не мой. — Мэтью говорил тоном, не допускающим возражений. — Его дальнейшая судьба меня не волнует.

— Я делал это по любви... — начал было Кит.

— Ты делал это по злобе, — возразил Мэтью, поворачиваясь спиной к лучшему другу.

Хаббард бросился к своему подопечному.

— Отец Хаббард, я готова забыть обо всем, что Кит натворил в Гринвиче, но при одном условии: то, что происходило здесь, должно остаться внутри этих стен.

— Вы это обещаете от имени всех де Клермонов? — спросил Хаббард, вскидывая белесые брови. — Заверения должен давать ваш муж, а не вы.

— Вам хватит и моего слова, — ответила я, не собираясь уступать.

— Прекрасно, мадам де Клермон. — Хаббард впервые назвал меня так. — Вы настоящая дочь Филиппа. Я принимаю условия вашей семьи.

Мы покинули Бедлам, но его тьма не собиралась нас покидать. Я это чувствовала, Мэтью — тоже. По каким бы частям Лондона мы ни ходили, она сопровождала нас. Она вместе с нами обедала и навещала друзей. Избавиться от этой тьмы можно было только единственным способом.

Мы должны были вернуться в свое время.

Не обсуждая и не строя планы, мы оба начали приводить наши дела в порядок. Мы обрывали нити, связывающие нас с прошлым, которое пока оставалось нашим настоящим. Франсуаза хотела приехать в Лондон, но мы убедили ее остаться в Олд-Лодже. Мэтью подолгу разговаривал с Галлогласом, выстраивая хитроумные нагромождения лжи, которые племянник затем будет рассказывать, чтобы Мэтью из XVI века не узнал о временной замене себя его версией из будущего. Тому Мэтью ни в коем случае нельзя позволять встречаться с Китом и Луизой, поскольку оба не заслуживали никакого доверия. Уолтеру и Генри поручалось сочинить историю, объяснявшую любую непоследовательность в поведении. Мэтью отправил Хэнкока в Шотландию — готовиться к новой жизни там. Я усердно занималась с Благочестивой Олсоп, совершенствуя узлы для заклинания, которое перенесет нас в будущее.

После одного из таких занятий Мэтью встретил меня у церкви Сент-Джеймс-Гарликхайт и предложил по пути домой пройти через церковный двор собора Святого Павла. До середины лета оставалось еще две недели. Дни стояли теплые и солнечные. Даже гнетущая пелена Бедлама, не отпускавшая нас, ощущалась не так сильно.

Мэтью и сейчас еще выглядел изможденным. История с Китом и Луизой все-таки выпотрошила его. Но в тот день все было как в добрые старые времена: мы бродили среди лотков книготорговцев, читали названия недавно вышедших книг, пролистывали памфлеты. Меня увлек новый этап словесной войны между двумя выпускниками Кембриджа. Читая, боковым зрением я заметила, как Мэтью напрягся и замер.

— Ромашка. Дубовые листья. И кофе. — Его голова повернулась в сторону незнакомого запаха.

— Кофе? — переспросила я.

Откуда здесь могло пахнуть кофе, если в Англии этот напиток еще не был известен? Я повернулась, чтобы переадресовать вопрос Мэтью, но его рядом не было. Выхватив меч, он проталкивался сквозь толпу.

Я вздохнула. Мэтью никак не мог отвыкнуть от ловли воришек на рынках и в прочих людных местах. Порой его необычайно острое зрение и непоколебимые моральные принципы осложняли мне жизнь.

Однако на сей раз мой муж гнался за мужчиной дюймов на пять его ниже. У преследуемого были густые каштановые волосы, тронутые сединой. Худощавый, слегка сутулый. Похоже, он слишком много времени сидел над книгами. Сочетания всех этих особенностей привели в движение шестеренки моей памяти.

Почувствовав опасность, преследуемый остановился и повернулся. В руках у него появился кинжальчик. Не кинжал, а именно кинжальчик не больше перочинного ножа. Противостоять Мэтью с такой игрушкой? Я не знала, почему Мэтью погнался за этим человеком, но была твердо уверена, что не хочу кровопролития, и потому бросилась к мужу.

Мэтью словно клещами сжал руку своей жертвы. Кинжальчик упал на землю. Мэтью коленом прижал человека к книжному лотку и плашмя приставил меч к его шее... И здесь я разинула рот, поскольку случившееся было самым настоящим колдовством.

— Отец? — прошептала я, не веря своим глазам.

Такого просто не могло быть. Я смотрела на него, качая головой. Сердце гулко колотилось от волнения. Я переживала шок, но иного рода.

— Привет, мисс Бишоп, — ответил отец, отрывая взгляд от острой кромки меча Мэтью. — Какая неожиданная встреча!

Глава 37

Отец вполне спокойно смотрел на незнакомого вооруженного вампира и свою взрослую дочь. Лишь легкая дрожь в голосе и побелевшая рука, уцепившаяся за лоток, выдавали его истинное состояние.

— Надо полагать, вы мистер Проктор.

Мэтью отошел и убрал меч в ножны. Отец расправил длинный, до колен, коричневый пиджак с воротником-стойкой. Одежда совершенно не годилась для эпохи, в которую он попал. Кто-то, вероятно мама, попытался превратить отцовский пиджак а-ля Джавахарлал Неру в какое-то подобие сутаны англиканского священника. Короткие узкие штаны отца были длиннее, чем положено по моде. Такие штаны носили во времена Бенджамина Франклина, но никак не Уолтера Рэли. Но знакомый голос, которого я не слышала двадцать шесть лет, был настоящим и не зависел от времени.

— Как же ты выросла за эти... три дня, — смущенно произнес отец.

— А ты такой, каким я тебя помню, — оцепенело произнесла я.

Я до сих пор не могла привыкнуть к тому, что передо мной стоит мой отец. Но какая-то часть мозга сохраняла бдительность. Даже в таком людном, суетливом месте, как церковный двор собора, ведьма, колдун и *варг* очень скоро станут заметны. У ситуации, в которую я попала, не было аналогов. И тогда я представила свое поведение, если бы мы встретили не отца, а кого-нибудь из друзей.

— Пойдем к нам, — предложила я. — Ты наверняка не откажешься чего-нибудь выпить.

— Конечно, дорогая. Это было бы замечательно, — ответил отец, осторожно кивнув.

Нам с отцом было не оторвать глаз друг от друга: ни по пути к «Оленю и короне», ни дома. О чудо: в нашем жилище не было никого. Едва мы поднялись в гостиную, отец крепко обнял меня:

— Это действительно ты. У тебя и голос похож на мамин. — Он отстранился, вглядываясь в мое лицо. — Ты и похожа на нее.

— Мне говорили, что я унаследовала твои глаза, — сказала я, вглядываясь в отцовские черты.

В семь лет на подобные особенности внимания не обращаешь. А когда хочешь узнать, так ли это, уже слишком поздно.

— Тебе говорили правду, — засмеялся Стивен.

— И форма ушей Диане досталась от вас. Да и запах схожий. По нему-то я и узнал вас у собора. — Мэтью нервозно запустил пальцы в волосы, затем протянул руку моему отцу: — Мэтью.

— Просто Мэтью? — удивился отец, глядя на протянутую руку. — И фамилии нет? Как у знаменитостей вроде Хелстон или Шер?

Я вдруг отчетливо представила, как много потеряла, когда отца не было рядом в мои подростковые годы. Он бы ревностно присматривался к мальчишкам, с которыми я тогда встречалась, и попадал бы в глупое положение, не понимая их жаргонных словечек и шуточек. Мои глаза наполнились слезами.

— У Мэтью множество фамилий. Все это... несколько сложно, — сказала я, не позволяя слезам пролиться.

Отец почувствовал мое состояние и встревожился.

— Мэтью Ройдон. Это вполне подойдет для нашего знакомства, — произнес Мэтью, переключая внимание отца на себя.

Они пожали друг другу руки.

— Значит, вы вампир, — произнес отец. — Ребекка очень волнуется относительно... практических сторон отношений с моей дочерью. А ведь *та* Диана еще даже не умеет кататься на велосипеде.

— Ну, папа! — *вырвалось у меня.*

Я покраснела, чувствуя себя двенадцатилетней девчонкой. Мэтью улыбнулся и пригласил отца за стол.

— Дочь ведь обещала вам вино. — Он подавал отцу кубок и одновременно выдвинул стул для меня. — Увидеть совсем взрослую дочь... Должно быть, вы испытали шок.

— Конечно шок. А от вина не откажусь. — Отец сел, пригубил вина и одобрительно кивнул. Затем, почувствовав, что от него ждут чего-то вроде речи, сделал над собой усилие и заговорил: — Ну что ж, мы поздоровались, вы пригласили меня к себе, угостили вином. Все необходимые ритуалы западного гостеприимства соблюдены. Теперь можно задать насущные вопросы. Диана, что ты делаешь здесь?

— Я? А что здесь делаешь ты? И где мама?

Мэтью налил вина и мне, но я отодвинула бокал.

— Мама осталась дома приглядывать за тобой. — Отец снова покачал головой. — Уму непостижимо. До сих пор поверить не могу. Ты сейчас всего на каких-то десять лет моложе меня.

— Я всегда забываю, что ты намного старше мамы.

— Значит, ты избрала себе парой вампира, но тебе не нравится большая разница в возрасте между мной и мамой? — Отец комично поморщился, заставив меня рассмеяться.

— Значит, ты прибыл сюда года так из тысяча девятьсот восьмидесятого, — сказала я, быстро проделав в уме необходимые вычисления.

— Да. Я наконец-то получил степень и смог заняться исследованиями. — Стивен умолк, всматриваясь в наши лица. — А вы познакомились в этом веке?

— Нет. Мы встретились в сентябре две тысячи девятого года, в Оксфорде. В Бодлианской библиотеке, — добавила я и взглянула на Мэтью, и он ободряюще кивнул. — Как и ты, я могу перемещаться во времени. Я и Мэтью перенесла сюда.

— Мне известно об этой твоей способности, крошка. В августе прошлого года, когда тебе исполнилось три и мы праздновали твой день рождения, ты исчезла и до смерти напугала маму. Малыш, путешествующий во времени, — худшего кошмара для матери не придумаешь. — Отец замолчал, продолжая меня рассматривать. — Итак, ты унаследовала мои глаза, форму ушей, запах и способность перемещаться во времени. Может, еще что-нибудь?

— Я умею составлять заклинания.

— Ого! Мы надеялись, что тебя, как и маму, потянет к огню. Но наши надежды не оправдались. — Отец наморщил лоб и почему-то заговорил тише: — Тебе вряд ли стоило рассказывать о своих талантах в обществе других ведьм. Если они снова попыта-

ются учить тебя их заклинаниям, пропускай эти поучения мимо ушей. Даже не думай им подражать.

— Жаль, ты не сказал мне этого раньше. Твой совет очень бы пригодился в общении с Сарой.

— С нашей старой доброй Сарой, — засмеялся отец.

Его смех был теплым и заразительным.

На лестнице послышался топот. Дверь распахнулась настежь, ударившись о стену. Иного появления от мальчишки и его четвероногой Швабры было трудно ожидать.

— Мастер Хэрриот сказал, что я снова могу пойти с ним смотреть на звезды. Он обещал больше меня не терять. А мастер Шекспир дал мне вот это. — Джек помахал в воздухе сложенной бумажкой. — Он сказал, это такое письмо, по которому можно деньги получить. Мы были в «Шапке кардинала». Энни ела пирог и все время глазела на какого-то парня... Ой, а это кто? — Грязный палец Джека указывал на моего отца.

— Это господин Проктор, — ответил Мэтью, поймав Джека за руку. — Кстати, по пути домой ты не забыл накормить Швабру?

О том, чтобы оставить пса в Праге, не могло быть и речи. Такую душевную травму Джек не перенес бы. И потому пес приехал в Лондон, быстро сделавшись местной достопримечательностью. Таких собак здесь не было.

— Конечно не забыл. Попробуй забудь! Он начнет грызть мои башмаки. Пьер говорил, что одну пару он, так и быть, мне купит и ничего вам не скажет. А вот вторую — ни за что. — Джек сообразил, что проболтался, и смущенно зажал рот. — Вы уж простите, госпожа Ройдон. Он припустил по улице. Мне было его не догнать!

В гостиную вбежала рассерженная Энни. Увидев моего отца, она застыла на месте, мгновенно побледнев. После Гринвича она очень боялась незнакомцев. Особенно нечеловеческой породы.

— Не волнуйся, Энни, — успокоила я девчонку. — Это господин Проктор, наш друг. Зашел к нам в гости.

— А у меня есть мраморные шарики, — сообщил Джек. — Вы в «вышибалу» играть умеете?

Джек с нескрываемым любопытством рассматривал моего отца, пытаясь сообразить, полезно ли завести с ним знакомство.

— Видишь ли, Джек, господин Проктор пришел к нам по делу. Ему нужно поговорить с госпожой Ройдон, — сказал Мэтью, раз-

ворачивая мальчишку лицом к двери. — Нам нужен хлеб и вино. В доме нет воды. Вы с Энни решите, кто чем займется, а когда вернется Пьер, он возьмет вас в Мурфилдс.

Бурча себе под нос, Джек последовал за Энни. Все это время отец молча наблюдал за мной и Мэтью, но я чувствовала, как копятся его вопросы.

— И все-таки, дорогая, почему ты здесь? — снова спросил он, когда дети и собака ушли.

— Мы думали, что найдем здесь того, кто сможет помочь мне с магией и алхимией. — Не знаю почему, но я не хотела рассказывать отцу все причины нашего путешествия в XVI век. — Я нашла учительницу. Ее зовут Благочестивая Олсоп. Она и ее шабаш приняли меня к себе.

— Достойная попытка. Но не забывай, Диана: я тоже ведьмак и чувствую, когда ты темнишь. — Отец привалился к спинке стула. — Рано или поздно ты все равно мне расскажешь. Я просто надеялся, что откровенный рассказ сэкономит время.

— Стивен, а что вас привело сюда? — спросил Мэтью.

— Любопытство. Интересно поболтаться в прошлом. Ведь я же антрополог. Этим и занимаюсь. А вы кто по роду занятий?

— Ученый-биохимик. Работаю в Оксфорде.

— Нет, папа. Ты не просто болтаешься по елизаветинскому Лондону. У тебя есть страница из «Ашмола-782». — Я вдруг догадалась о причине его визита в прошлое. — Ты ищешь сам манускрипт.

Я потянула за веревку, опустив вниз нашу свечную люстру. Там, между свечами, стоял астрономический компендиум мастера Габермеля. Мы были вынуждены ежедневно перепрятывать эту вещицу, поскольку Джек постоянно находил ее.

— Какая еще страница? — с нарочитым простодушием спросил отец.

— Страница с изображением алхимической свадьбы. Сам манускрипт находился в Бодлианской библиотеке. — Я открыла компендиум. Как я и ожидала, его диски не вращались. — Ты посмотри, Мэтью.

— Классная штучка! — присвистнул отец.

— Вы еще не видели ее мышеловки, — едва слышно добавил Мэтью.

— А какое назначение у этого чуда механики? — Взяв компендиум, отец стал его вертеть, разглядывая со всех сторон.

— Это математический инструмент для исчисления времени и наблюдения за небесными явлениями вроде фаз Луны. Когда мы были в Праге, компендиум начал вращаться сам по себе. Я подумала, что кто-то разыскивает нас с Мэтью. А теперь мне кажется, не тебя ли он искал в связи с манускриптом.

Компендиум и в Лондоне вдруг оживал и начинал вращаться. У нас все его называли ведьминими часами.

— Может, принести манускрипт? — спросил Мэтью и встал.

— Успеется, — остановил его отец. — Не стоит торопиться. Ребекка знает, что я проведу здесь несколько дней.

— Так, значит, ты побудешь в Лондоне?

Отец, улыбаясь, кивнул.

— Где вы остановились? — спросил Мэтью.

— Здесь! — выкрикнула я, не дав отцу ответить. — Мой отец остановится у нас.

Отпустить его после стольких лет разлуки — такое казалось мне немыслимым.

— Ваша дочь очень не любит, когда кто-нибудь из близких останавливается в отелях, — усмехнулся Мэтью.

Наверняка вспомнил, как я взбеленилась, когда он пытался поселить Маркуса и Мириам в мотеле Казеновии.

— Конечно же вы остановитесь у нас.

— Но я нанял жильс на другом конце города, — замялся отец.

— Останься. — Я плотно сжала губы и заморгала, удерживая слезы. — Пожалуйста, останься!

Мне хотелось расспросить его об очень и очень многом. Были вопросы, на которые мог ответить только он.

— Остаюсь, — наконец решил отец. — Когда еще у меня будет возможность пообщаться со взрослой дочерью!

Я хотела отдать отцу нашу спальню. Мэтью все равно не сомкнет глаз, пока отец гостит у нас, а я бы прекрасно устроилась на диване у окна. Увы, такой жертвы отец не принял. Тогда Пьер предложил ему свою постель. Я стояла на площадке и слушала, как отец с Джеком весело болтают, словно давние друзья.

— Думаю, теперь у Стивена есть все, что нужно, — сказал Мэтью, обнимая меня.

— А вдруг я его разочаровала?

Этот вопрос подспудно вертелся у меня в мозгу.

— Разочаровала? Твоего отца? — удивился Мэтью. — Конечно же нет.

— Но я же чувствую, что он испытывает некоторый дискомфорт.

— Что ж тут удивительного? Несколько дней назад он поцеловал на прощание свою четырехлетнюю дочку. Он просто ошеломлен, только и всего.

— Как думаешь, он знает, что́ через несколько лет произойдет с ним и мамой?

— Mon coeur, я могу лишь предполагать. Мне кажется, да. — Мэтью повел меня в спальню. — Ложись и поспи. Утром все предстанет в ином свете.

Муж оказался прав: на следующее утро отец выглядел спокойнее, хотя я не сказала бы, что он выспался. Да и Джек откровенно зевал.

— У этого мальчика всегда бывают такие жуткие кошмары? — спросил отец.

— Прости, если он мешал тебе спать. Перемены всегда возбуждают Джека. В такие моменты с ним обычно возится Мэтью.

— Знаю. Я видел его, — сказал отец, прихлебывая травяной чай, приготовленный Энни.

Ох эта особенность моего отца! Он все видел, все подмечал. Своей наблюдательностью он превосходил вампиров. В моей голове по-прежнему роились сотни вопросов: о маме и ее магии, о вырванной странице из «Ашмола-782», однако все они куда-то исчезали, стоило мне заглянуть в спокойные отцовские глаза. Его вопросы касались вполне тривиальных вещей. Умею ли я играть в бейсбол и подавать мяч? Считаю ли я Боба Дилана гением? Научили ли меня, как правильно ставить палатку? При этом отец не спрашивал ни о моей жизни, ни о нашей жизни с Мэтью. Его как будто не интересовало, где я училась и даже то, чем зарабатывала на жизнь. Я кое-что рассказала сама, но, не видя его интереса, чувствовала себя весьма по-дурацки. Под конец нашего первого дня, проведенного вместе, я была готова разреветься.

— Ну почему отец не хочет со мной говорить? — спросила я Мэтью, когда он помогал мне расшнуровывать корсет.

— Потому что он сосредоточенно слушает. Твой отец — антрополог, профессиональный наблюдатель. Ты историк. Вопросы по твоей части, а не по его.

— В его присутствии я становлюсь косноязычной и не знаю, с чего начать. А сам он говорит на какие-то странные темы. Например, если в какой-то момент игры заменить питчера хиттером, не погубит ли это матч.

— Такие разговоры отец ведет, когда его дочь подрастает и он начинает водить ее на бейсбольные матчи. Получается, Стивен знает, что не увидит, как ты взрослеешь. Он лишь не знает, сколько времени еще проведет рядом с тобой.

Я присела на край кровати:

— Он был страстным поклонником команды «Ред сокс». Помню, мама говорила, что осенний семестр тысяча девятьсот семьдесят пятого года отец называл лучшей порой своей жизни. Он успел зачать меня и насладиться результативным ударом Карлтона Фиска в шестой игре чемпионата Штатов по бейсболу. Правда, удар не спас его любимую команду, и Цинциннати в конце все-таки разбили Бостон.

— Уверен, осенний семестр тысяча девятьсот семьдесят шестого года был еще лучше, — тихо засмеялся Мэтью.

— «Ред сокс» в тот год выиграли чемпионат?

— Нет. Зато твой отец выиграл, — ответил Мэтью, после чего поцеловал меня и задул свечу.

На следующий день мне нужно было отлучиться по делам. Вернувшись, я застала отца в гостиной. Он сидел один. Перед ним лежал раскрытый «Ашмол-782».

— Где ты это нашел? — удивилась я, машинально вываливая на стол принесенные покупки. — Мэтью обещал понадежнее спрятать манускрипт.

Как и шедевр мастера Габермеля, манускрипт постоянно манил к себе наших детишек.

— Джек принес. Он сказал, что у госпожи Ройдон есть книга про чудовищ. Я захотел взглянуть. — Отец перевернул страницу. Его пальцы были короче, чем у Мэтью, и не отличались ни элегантностью, ни проворством. — Так это отсюда была вырвана страница с изображением алхимической свадьбы?

— Да. В ней были еще две картинки. Одна изображала дерево, другая — двух драконов, проливающих кровь. — Я замолчала. — Папа, я не знаю, вправе ли рассказывать тебе еще что-то. Мне известно о твоей связи с этим манускриптом и о событиях, о которых ты не знаешь, поскольку они еще не произошли.

— Тогда расскажи о том, что происходило с тобой после обнаружения этого манускрипта в Оксфорде. И я хочу услышать правду. Диана, я вижу поврежденные нити, соединяющие тебя с книгой. Они все жутким образом скручены и перепутаны. К тому же кто-то покалечил твое тело.

В гостиной установилась гнетущая тишина. Мне было не спрятаться от отцовской проницательности. Он ждал. Наконец я не выдержала и повернулась к нему. Наши глаза встретились.

— Это сделали ведьмы. Мэтью заснул, а я вышла подышать свежим воздухом. Я считала, что нахожусь в безопасности. И вдруг... меня похитила ведьма. — Я заерзала на стуле. — В общем, конец истории. Давай поговорим о чем-нибудь другом. Неужели тебе неинтересно, где я училась? Я стала историком. Меня взяли в штат. Я преподаю в Йельском университете.

Я была рада говорить с отцом о чем угодно, только не о цепи событий, начавшихся со старой фотографии, подброшенной мне в Новом колледже, и закончившихся смертью Жюльет.

— Хорошо. Отложим подробности на потом, — согласился отец. — Сейчас меня интересует, почему какой-то ведьме так сильно захотелось заполучить манускрипт, что она была готова тебя убить... Да, конечно, — сказал отец, поймав мой недоуменный взгляд. — Я догадался сам. Ведьма применила открывающее заклинание, от которого у тебя на спине остался уродливый шрам. Я ощущаю рану. Мэтью не сводит с нее глаз. А сейчас твоя драконiха... да, дочка, я знаю и о ней... прикрывает рану своими крыльями.

— Ведьму, похитившую меня, зовут Сату. Она не единственная, кто охотится за книгой. Питер Нокс тоже. А он член Конгрегации.

— Питер Нокс, — негромко повторил отец. — Так-так-так...

— Ты с ним знаком?

— К сожалению, да. Он всегда бы неравнодушен к твоей матери. К счастью, Ребекка терпеть его не может. — Отец хмуро пере-

вернул еще одну страницу. — Я твердо уверен, что Питер ничего не знает о мертвых ведьмах, погибших от этой книги. С ней связана темная магия, а Нокса такие знания всегда притягивали. Я понимаю его интерес к манускрипту. Но с какой стати «Ашмол-782» понадобился вам с Мэтью?

— Три наши породы переживают тяжелые времена. Демоны становятся все более неуправляемыми. Кровь вампиров не всегда способна сделать человека одним из них. У ведьм упала рождаемость. Мы вымираем. Мэтью полагает, что эта книга может помочь узнать причину. Манускрипт содержит массу генетической информации. Кожа, волосы. Даже кровь и кости.

— Ты вышла замуж за вампирский эквивалент Чарльза Дарвина. А происхождение видов интересует Мэтью? Или только исчезновение?

— Конечно интересует. Мэтью уже давно пытается понять, каким образом демоны, ведьмы и вампиры связаны между собой и с людьми. Этот манускрипт... если мы отыщем вырванные страницы и сумеем понять его содержание... может дать нам важные ключи.

— А для твоего вампира все это вызывает лишь теоретический интерес? — спросил отец, устремив на меня светло-карие глаза.

— Уже нет. Папа, я беременна. — Я коснулась живота. Этот жест с недавних пор стал почти инстинктивным.

— Знаю, — улыбнулся отец. — Я догадался, но мне все равно приятно услышать об этом от тебя.

— Ты здесь всего двое суток. Как и ты, я не хотела устраивать гонку и выплескивать на тебя весь поток новостей. — Я была совсем взрослой, но сейчас испытывала смущение; отец встал и крепко обнял меня. — И потом, я не знала, как ты это воспримешь. Ведьмам несвойственно влюбляться в вампиров, и наоборот. А чтобы у них были общие дети...

— Твоя мать предупреждала меня об этом. Представляешь, она видела такое развитие событий. Я поражаюсь ее сверхъестественному зрению. — Отец засмеялся. — Знала бы ты, сколько мне пришлось выслушать. Самое интересное, она тревожится не из-за тебя. Из-за твоего вампира... Прими мои поздравления, дорогая. Ребенок — это удивительный дар.

— Надеюсь, мы справимся. Кто знает, каким окажется наш ребенок?

— Ты способна выдержать больше, чем думаешь. — Отец поцеловал меня в щеку. — Давай прогуляемся по Лондону. Ты покажешь мне свои любимые места. Я был бы рад увидеться с Шекспиром. Представляешь, один мой коллега, ну просто непрошибаемый идиот, считает, что «Гамлета» написала королева Елизавета... Раз уж мы заговорили о коллегах: мог ли я думать, что, покупая тебе слюнявчики и рукавицы с эмблемой Гарварда, однажды встречусь с дочерью, которая преподает в Йеле?

— Меня занимает один вопрос, — глотнув вина, сказал отец.

Мы с ним замечательно прогулялись и только что закончили наш неспешный ужин. Детей отправили спать. Швабра похрапывал у камина. Словом, день прошел идеально.

— И какой же это вопрос? — улыбнулся Мэтью, поднимая голову от своего кубка.

— Долго ли еще вам удастся управлять безумной жизнью, которую вы оба ведете?

Улыбка Мэтью погасла.

— Я не понял сути вашего вопроса, — сухо произнес он.

— Вы с Дианой слишком крепко за все держитесь. Чертовски крепко. — Отец отхлебнул вина и выразительно посмотрел на пальцы Мэтью, сжимавшие кубок. — При такой хватке, Мэтью, вы ненароком можете разрушить то, что вам всего дороже.

— Я запомню ваш совет, — едва сдерживаясь, ответил Мэтью.

Я открыла рот, намереваясь сгладить напряженность.

— Дорогая, оставь свои попытки исправлять ход событий, — сказал отец раньше, чем я успела произнести хотя бы слово.

— Я и не пытаюсь, — возразила я.

— Пытаешься, — упрямо повторил Стивен. — Твоя мать занимается этим постоянно, и я вижу знакомые признаки. Диана, мне выпал единственный шанс поговорить с тобой-взрослой, и потому, какими бы горькими ни показались мои слова тебе или Мэтью, подслащивать их я не собираюсь. — Отец достал из кармана свернутый в трубку памфлет. — А вот подтверждение, что и вы, Мэтью, тоже пытаетесь менять ход событий.

«Новости из Шотландии» — гласил заголовок, набранный мелким шрифтом, а под ним крупными буквами: «КОНЕЦ НЕЧЕСТИВОЙ ЖИЗНИ ДОКТОРА ФИАНА — ЗНАМЕНИТОГО КОЛДУНА, СОЖЖЕННОГО В ЭДИНБУРГЕ В ЯНВАРЕ СЕГО ГОДА».

— Весь город говорит о шотландских ведьмах, — продолжил отец, пододвигая памфлет Мэтью. — Но ведьмы, вампиры и демоны рассказывают иную историю. По их словам, великий и ужасный Мэтью Ройдон, враг ведьм, на сей раз пренебрег требованиями Конгрегации и спас виновного.

Мэтью прижал памфлет к столу, остановив его скольжение:

— Стивен, нельзя верить всему, что вы слышите. Лондонцы обожают пустые сплетни.

— Вы — двое упрямцев, одержимых желанием контролировать ход событий, — заварили слишком серьезную кашу. У нее вкус больших бед. И беды не закончатся здесь. Они последуют за вами в двадцать первый век.

— Из тысяча пятьсот девяносто первого года в наше время нас способен перенести только «Ашмол-782», — сказала я.

— Вы не можете взять книгу с собой! — Голос отца звучал все громче. — Она принадлежит этому веку. Своим затянувшимся пребыванием вы и так произвели сильное возмущение во времени.

— Папа, мы были очень осторожны, — возразила я, задетая его упреками.

— Осторожны? Вы находитесь здесь целых семь месяцев. Вы успели зачать ребенка. Я не рисковал оставаться в прошлом дольше нескольких дней. Две недели — предельный срок, и то всего лишь однажды. Вы уже и путешественниками во времени не являетесь. Вы нарушили один из основных законов полевой работы антропологов. Если угодно — совершили страшный грех: вы укоренились в этом времени. Стали его современниками.

— Стивен, хочу вам напомнить: я жил в этом времени, — спокойно произнес Мэтью, но его пальцы барабанили по бедру — знак, не предвещавший ничего хорошего.

— Мне это известно, Мэтью, — невозмутимо парировал отец. — Но вы создали слишком много вариаций. Вы изменили прошлое.

— Прошлое изменило нас, — сказала я, глядя в сердитое лицо отца. — Вполне понятно, что и мы его изменили.

— Думаешь, это нормально? Перемещение во времени — серьезное занятие, Диана. Даже собираясь ненадолго, тебе необ-

ходим план. И там первым пунктом должно стоять: оставить все таким, каким оно было при вашем появлении.

— Мы не предполагали задерживаться тут надолго, — призналась я, ерзая на стуле. — Одно обстоятельство привело к другому, а теперь...

— А теперь вы собираетесь убраться восвояси, оставив после себя полнейший хаос. Не получится! Хаос встретит вас и дома. — Отец хмуро смотрел на нас.

— Папа, я понимаю. Мы здесь изрядно напортачили.

— Да, — уже не столь сурово произнес отец. — Возможно, вам стоит поразмыслить об этом, пока я буду в «Шапке кардинала». Во дворе я познакомился с одним джентльменом. Он представился как Галлоглас. Сказал, что является родственником Мэтью. Пообещал познакомить меня с Шекспиром, раз собственная дочь отказалась. — Отец чмокнул меня в щеку. В этом поцелуе ощущалась досада, но в нем же было и прощение. — Ложитесь спать. Галлоглас проводит меня до дому.

Мы с Мэтью молча смотрели на закрывшуюся дверь. Когда стих звук отцовских шагов, я позволила себе вздохнуть.

Я мысленно перебирала события всех этих семи месяцев: встречу с Филиппом, разрушение барьеров, возведенных Мэтью внутри, знакомство с Благочестивой Олсоп и другими ведьмами. За эти месяцы я узнала, что являюсь прядильщицей, подружилась с Мэри и женщинами Мала Страны, взяла в дом (и в сердце) Энни и Джека, отыскала «Ашмол-782» и, конечно же, зачала ребенка. Рука невольно скользнула к животу. Если бы мне представился шанс, я бы не изменила ни одно из этих событий.

— Мэтью, неужели мы действительно напортачили?

— Пока не знаю, mon couer, — задумчиво ответил он. — Время покажет.

— Пожалуй, можно навестить Благочестивую Олсоп. Она помогает мне составлять заклинания для возвращения в будущее.

Я стояла перед отцом, сжимая в руках шкатулку для заклинаний. После лекции, которую он вчера вечером прочитал нам с Мэтью, я чувствовала себя неловко.

— Пожалуй, да, — ответил отец и потянулся за своим пиджаком.

Он продолжал носить одежду современного человека, но дома сразу же снимал пиджак и закатывал рукава рубашки.

— Не думал, что ты правильно поймешь мои неоднократные намеки. Мне не терпится поскорее встретиться с опытной прядильщицей. И быть может, ты наконец покажешь мне содержимое шкатулки?

— Если тебя оно так интересовало, почему не спросил?

— Ты так тщательно окутала шкатулку своим магическим туманом, что я счел за благо даже не упоминать о ней, — сказал отец, когда мы выходили из дому.

За разговорами мы незаметно дошли до знакомых окрестностей церкви Сент-Джеймс-Гарликхайт. Дверь нам открыл дух-хранитель Благочестивой Олсоп.

— Входите, входите, — сказала старая ведьма, подзывая нас к своему стулу возле огня. Ее глаза сияли от волнения и нетерпения. — Мы давно ждем вас.

В ее доме собрался весь шабаш.

— Познакомься, Благочестивая Олсоп. Это Стивен Проктор, мой отец.

— Прядильщик. — Благочестивая Олсоп засияла от радости. — Такой же водяный, как и твоя дочь.

Как всегда, отец отступил на задний план. Он наблюдал за всеми и говорил крайне мало. Я представляла ему местных ведьм. Женщины улыбались и кивали, хотя Кэтрин приходилось повторять Элизабет Джексон каждое слово отца, поскольку его американский акцент был ей совершенно непонятен.

— Ой, какие же мы невежливые! — всплеснула руками Благочестивая Олсоп. — Даже не спросили имя твоего духа-хранителя.

Старуха смотрела на отцовские плечи, где виднелись неясные очертания цапли. Эту птицу я видела впервые.

— Вы способны видеть Бенну? — удивился отец.

— Конечно. Это самец цапли. Он сидит у тебя на плечах, распустив крылья. А вот у моего духа-хранителя крыльев нет, хотя я и связана с воздухом. Думаю, не напрасно, иначе мне было бы не приручить мою красотку. Помню, когда была еще девчонкой, в Лондоне появилась прядильщица с гарпией. Даже имя запомнила — Элла. Такой своенравной твари никому не пожелала бы.

Дух-хранитель Благочестивой Олсоп обошла отца и встала за спиной, негромко переговариваясь с его Бенну. Очертания цапли становились ярче.

— Может, твой Бенну уговорит Дианину драконихи назвать свое имя. Тогда твоей дочери было бы гораздо легче вернуться в ее время. Драконихи должна исчезнуть отсюда бесследно, иначе она будет тянуть Диану обратно в Лондон.

— Вау! — воскликнул мой отец, забыв, в какой эпохе находится.

Слишком много новых впечатлений разом свалилось на него: собрание ведьм, дух-хранитель Благочестивой Олсоп и, конечно же, то, что здесь так быстро раскрыли его секреты.

— Кто? — вежливо спросила Элизабет Джексон, сделав вид, что она недопоняла.

Отец отошел на шаг, вглядываясь в лицо ведьмы.

— Мы разве встречались? — смущенно спросил он.

— Нет. Но ты узнал воду в моих жилах. Мы рады принять тебя в нашем шабаше, мастер Проктор. Давно в Лондоне не собирались три прядильщика. Это взбудоражит весь город.

— Да ты садись, — сказала отцу Благочестивая Олсоп, указав на стул возле нее.

Смущенный отец сел на почетное место:

— Дома никто не знает о моем ремесле прядильщика.

— Что, даже мама? — удивилась я. — Ей-то ты должен был сказать.

— Мама знает. Но я ей ничего не рассказывал. Просто взял и показал.

Отец сжал пальцы в кулак, затем распрямил их, словно отдавая приказ.

Окружающий мир вспыхнул оттенками голубого, серого, лавандового и зеленого цвета. Отец потянул за все водяные нити, что имелись в комнате, но до этого момента не были видны: ветки ивы, стоящие в кувшине у окна, серебряный подсвечник, который Благочестивая Олсоп использовала для заклинаний, и даже рыбу, ожидавшую участи быть изжаренной к ужину. Ведьмы и все предметы в комнате окрасились в те же акварельные тона. Бенну взлетел к потолку. Его крылья с серебристым окаймлением поднимали воздушные волны. Дух-хранитель Благочестивой Олсоп подпрыгивал в этих потоках, меняя очертания: сначала лилия на

длинном стебле, затем почти человеческая фигура с крыльями. Казалось, оба духа-хранителя затеяли игру. Разумеется, моя драконихa не могла оставаться в стороне. Она взмахнула хвостом и захлопала крыльями по моим ребрам.

— Успокойся! — потребовала я, схватившись за корсаж.

Нам только не хватало резвящейся драконихи. Пусть я уже не старалась контролировать прошлое, но выпускать драконихy в небо над елизаветинским Лондоном я не собиралась.

— Выпусти ее, Диана, — настаивал отец. — Бенну за ней последит.

Но я не могла решиться. Отец окликнул Бенну. Тот послушно сел ему на плечи и растворился. Водяная магия вокруг меня тоже начала тускнеть.

— Ну почему ты так боишься? — тихо спросил отец.

— Вот одна причина, — сказала я, потряся в воздухе своими нитями. — Вот другая! — Я ударила себя по ребрам, и драконихa звучно рыгнула, затем я опустила руку к животу, где рос наш ребенок. — И третья. Согласись, это слишком много. Мне незачем устраивать спектакль с магией стихий наподобие твоего. Мне вполне хватает того, какая я есть.

— Ты способна создавать заклинания, повелевать огнедышащей драконихой, менять правила, руководящие жизнью и смертью. Диана, ты такая же переменчивая, как само творение. Даже за часть твоих способностей любая уважающая себя ведьма пошла бы на что угодно. Вплоть до убийства.

Я в ужасе смотрела на отца. Он вслух произнес слова, которые я не решалась произносить даже мысленно. Ведьмы действительно убивали за такие способности. Не демоны и не вампиры, а ведьмы убили моих родителей.

— Если ты будешь распихивать свою магию по аккуратным шкатулочкам и держать ее отдельно от колдовства, этим ты не спасешь меня и маму от нашей участи, — с нескрываемой грустью продолжал отец.

— Я пытаюсь делать совсем не это.

— Да ну? — удивленно вскинул брови отец. — Тогда, может, попробуешь еще раз?

— Сара говорит, что магия стихий и колдовство существуют порознь. По ее словам...

— Забудь утверждения Сары! — Отец сжал мои плечи. — Ты не похожа на Сару. Ты отличаешься от всех ведьм, какие были и есть. Тебе не нужно выбирать между заклинаниями и силой, которая всегда тебе доступна. Ведь мы же прядильщики, правда? — (Я кивнула.) — В таком случае представь магию стихий в виде основы ткани — сильных вертикальных нитей, создающих мир. Заклинания — это горизонтальные волокна, утóк. Они сплетаются в общее полотно. Пойми, дорогая: это большая единая система. И ты сможешь управлять ею, если отбросишь страх.

Открывающиеся возможности напоминали красочную мозаику, где разноцветные пятна перемежались с участками тени. Однако страх оставался.

— Погоди, — сказала я отцу. — У меня, как и у мамы, есть связь с огнем. Но мы не знаем, как вода и огонь поведут себя, если их соединить. Я не успела этому научиться.

Из-за Праги. Из-за нашей охоты за манускриптом я совсем забыла о том, как учиться возвращению в будущее.

— В таком случае ты настоящий свитч-хиттер[1] — тайное оружие ведьм, — засмеялся отец.

Он еще мог смеяться!

— Папа, это серьезно.

— А это не должно быть серьезным.

Отец подождал, пока я не усвою сказанное, потом кончиком согнутого пальца зацепил серо-зеленую нить.

— Что ты делаешь? — насторожилась я.

— Смотри, — ответил он.

Голос отца был похож на тихий шепот волн, ударяющихся о берег. Он приблизил палец к себе и выпятил губы, словно держал в них невидимую трубочку для пускания мыльных пузырей. Отец дунул — и появился пузырь, только не мыльный, а водяной. Затем он махнул в сторону ведра с водой, стоявшего возле очага. Пузырь превратился в ледяной шарик, проплыл по воздуху и шлепнулся в воду.

— Точное попадание.

Элизабет захихикала и выпустила цепочку водяных пузырей. Они лопались в воздухе, проливаясь мелким дождичком.

---

[1] *Свитч-хиттер* — игрок-универсал в бейсболе, способный отбивать мяч обеими руками.

— Диана, ты не любишь неведомое, но иногда встречи с ним не избежать. Помнишь, как сильно ты перепугалась, когда я впервые посадил тебя на трехколесный велосипед? А когда кубики не желали укладываться в коробку, ты сердилась и бросала их в стену. Но те кризисы мы преодолели. Уверен, справимся и с этим. — Отец вытянул руку.

— Но это так...

— Хаотично? Такова жизнь. Оставь свои попытки быть совершенной. Попробуй быть реальной... хотя бы для разнообразия. — Отцовская рука прочертила дугу, сделав видимыми все нити, что обычно были скрыты от глаз. — В этой комнате — весь мир. Знакомься с ним. Тебе некуда торопиться.

Я всматривалась в узоры, в нити и клочья цвета, окружавшие ведьм. Цвет показывал, в чем сильна каждая из них. Пространство вокруг меня заполнилось нитями воды и огня. В их хитросплетении я почувствовала намек на противоборство. Исчезнувший было страх появился снова.

— Призови огонь, — сказал отец.

Можно подумать, это было не сложнее, чем заказать пиццу.

Помешкав, я согнула палец и мысленно приказала огню сойти ко мне. На кончике пальца замерцала оранжево-красная нить. Подражая отцу, я выпятила губы и выдохнула. Воздух наполнился светящимися шариками света, похожими на светлячков. Но их свет был теплым и даже жарким.

— Замечательно, Диана! — воскликнула Кэтрин и захлопала в ладоши.

Увидев шарики и услышав рукоплескания, драконихa потребовала выпустить ее на свободу. Бенну прокричал с отцовских плеч. Драконихa ему ответила.

— Нет, — скрипя зубами, сказала я.

— Диана, нельзя же портить ведьмам праздник. Тебе досталась драконихa, а не золотая рыбка. Ну почему ты всегда пытаешься делать вид, будто магия — это нечто обычное? Выпусти ее. Пусть полетает!

Стоило мне чуть-чуть ослабить хватку и приоткрыть пространство между ребрами, как драконихa тут же выпорхнула наружу. Она радостно хлопала крыльями. Из призрачно-серых они сделались сверкающими и переливчатыми. Драконихa ослабила тугую пружину своего хвоста и поднялась к потолку. Там она при-

нялась поедать шарики света, проглатывая их, как конфетки. Затем настал черед отцовских водяных пузырей. Ими она запивала лакомство, смакуя каждый пузырь, как изысканное шампанское. Насытившись, драконiха застыла передо мной, водя хвостом по полу. Задрав голову, она ждала.

— Кто ты? — спросила я, удивляясь, как она сумела переварить силу двух противоборствующих стихий — воды и огня.

— Ты, но не ты, — услышала я.

Драконiха моргнула и уставилась на меня своими блестящими глазами. На кончике ее плоского хвоста, напоминающего острую лопатку, покачивался шарик, наполненный энергией. Драконiха махнула хвостом, бросив шарик в мои подставленные руки. Он был похож на тот, что я сотворила для Мэтью в Мэдисоне.

— Как тебя зовут? — спросила я.

— Можешь звать меня Корра, — ответила драконiха на языке дыма и тумана.

Корра кивнула мне на прощание, превратилась в серую тень и исчезла во мне. Я сразу ощутила тяжесть ее тела. Драконiха заполнила собой центр моего туловища. Ее крылья обвились вокруг моей спины. Корра замерла, а я шумно втянула воздух.

— Дорогая, это было потрясающе! — воскликнул отец, обнимая меня. — Ты думала как огонь. — Эмпатия — тайный ключ ко многим явлениям жизни, включая магию. Посмотри, как ярко светятся нити!

И снова мир вокруг меня сверкал и переливался возможностями. А в углах комнаты я видела усилившееся мерцание знакомых нитей: янтарных и цвета индиго. Время предупреждало меня о том, что его терпение на исходе.

Глава 38

— Мои две недели истекают. Пора возвращаться.

Отцовские слова не были неожиданностью, но, услышав их, я ощутила удар. Веки прикрылись сами собой, чтобы не выдать навернувшихся слез.

— Если я не вернусь в самое ближайшее время, твоя мама подумает, будто я увлекся здесь какой-нибудь торговкой апельсинами.

— Торговки апельсинами появились в семнадцатом веке, — отрешенно сказала я, перебирая нити у себя на коленях.

Я постоянно совершенствовала свои магические способности, будь то простые заговоры против головной боли и более сложные узоры, способные поднять волны на Темзе. Сейчас я крутила между пальцами золотистые и голубые нити. *Сила и понимание.*

— Вау! Отличное восстановление формы, Диана, — сказал отец, поворачиваясь к Мэтью. — Она быстро приходит в норму.

— Я же вам говорил, — сухо ответил Мэтью.

Они пытались юмором сгладить острые углы общения друг с другом. Иногда оно делало обоих просто невыносимыми.

— Я рад, Мэтью, что сумел с вами познакомиться. Хотя вы и бросали на меня устрашающие взгляды, когда думали, будто я давлю на Диану отцовским авторитетом, — засмеялся отец.

Не обращая внимания на их перебранку, сдобренную юмором, я вплела между золотистой и голубой нитями еще и желтую. *Убеждение.*

— Ты можешь задержаться до завтра? Потом будешь жалеть, что пропустил празднество.

Лондон готовился отпраздновать середину лета и потому находился в приподнятом настроении. Опасаясь, что последний ве-

чер, проведенный в обществе дочери, — недостаточная приманка, я беззастенчиво воззвала к научным интересам отца.

— Ты увидишь множество народных обычаев.

— Народных обычаев? — со смехом переспросил отец. — Сильный аргумент. Разумеется, я останусь до завтра. Энни сплела мне потрясающий венок. Мы с Уиллом выкурим по трубке. Ублажим Уолтера. А затем я повидаю отца Хаббарда.

— Вы знаете Хаббарда? — хмуро спросил Мэтью.

— Конечно. Появившись в Лондоне, я представился ему. Пришлось, поскольку он здесь вроде начальства. Отец Хаббард очень быстро догадался, что я отец Дианы. У всех вас просто изумительное обоняние. — Отец добродушно посмотрел на Мэтью. — Интересный человек... то есть вампир. В его идеях что-то есть. Он хочет видеть все три наши породы живущими одной счастливой семьей.

— Это был бы полнейший хаос! — вырвалось у меня.

— Взять хотя бы минувшую ночь. Под одной крышей вполне мирно уживались три вампира, две ведьмы, демон, два человека и собака. Так что, Диана, не торопись отметать новые идеи. — Отец с упреком посмотрел на меня и продолжил: — А потом, думаю, нужно будет пообщаться с Кэтрин и Марджори. Нынешним вечером ведьмы повыползают из всех щелей. Эти двое наверняка знают самые веселые места.

Казалось, отец был на «ты» чуть ли не с половиной Лондона.

— И все же, папа, веди себя осторожно. Особенно с Уиллом. Никаких «вау» или «ну ты и замутил, Шекспир».

Мой отец обожал сленг. По его мнению, это было отличительной чертой антрополога.

— Жаль, нельзя забрать Уилла с собой. Он бы стал классным чуваком... прости, дорогая, замечательным коллегой. У него такое потрясающее чувство юмора. Для нашей кафедры это был бы клад. Добавил бы закваски в тесто, если ты понимаешь, о чем я. — Отец потер руки, предвкушая развлечения. — А у вас какие планы?

— Никаких, — ответила я и посмотрела на Мэтью.

Тот пожал плечами:

— Надо ответить на письма. Их столько скопилось за эти дни.

— Только не это! — испуганно замотал головой отец.

— Что? — насторожилась я.

Я сидела спиной к двери и потому невольно подумала о незваном госте.

— Не пытайтесь меня уверить, что вы оба замшелые ученые пни, не понимающие разницы между работой и жизнью. — Он взмахнул руками, словно отгоняя злые силы. — Я отказываюсь верить, что моя дочь превратилась в кабинетную крысу.

— Папа, твои слова немного отдают мелодрамой, — сказала я, ощущая какую-то неловкость. — Мы можем куда-нибудь пойти с тобой. В своем времени я никогда не курила. А так — историческое событие: первая трубка в обществе Уолтера Рэли, познакомившего Англию с табаком.

Эти слова еще больше испугали отца.

— В твоем положении только и курить. Ни в коем случае! Просто посидим в веселой компании. Лайонел Тайгер считает...

— Я не отношусь к числу поклонников Лайонела Тайгера, — перебил отца Мэтью. — Социальное плотоядное существо. Никогда не понимал таких.

— Давайте оставим плотоядную тему. Лучше скажи, почему ты не хочешь провести свой последний вечер со мной и Мэтью? — спросила я.

Странно, но я чувствовала себя обиженной.

— Дело не в этом, дорогая. Мэтью, помогите мне спокойно покинуть сию эпоху. Сводите Диану куда-нибудь. Должны же у вас быть на примете какие-нибудь интересные места.

— Вроде тех, где катаются на роликовых коньках? — спросил Мэтью, удивленно морща лоб. — В Лондоне конца шестнадцатого века скейтинг-рингов не было и в помине. Добавлю, что и к началу двадцать первого они почти исчезли.

— Вот черт! — воскликнул отец.

Эта игра называлась «мимолетности и тенденции». Отец с Мэтью играли в нее постоянно. Отцу было приятно узнать, что популярность диско и камней-питомцев пойдет на спад. Отец был потрясен, узнав, что некоторые вещи, например костюмы из полиэстера, превратились в предмет насмешек.

— А я люблю роликовые коньки. Мы с Ребеккой знаем одно местечко в Дорчестере. Мы ездим туда, когда хотим несколько часов отдохнуть от Дианы и...

— Мы отправимся на прогулку, — торопливо прервала его я.

Меня удивляла чрезмерная откровенность отца, когда он рассказывал, как они с мамой проводят свободное время. Возможно, он рассчитывал такими рассказами поколебать моральные принципы Мэтью. Когда эта затея провалилась, отец вдруг стал называть его сэром Ланселотом. Разумеется, Мэтью это раздражало.

— Прогулка. Вы пойдете на прогулку. — Отец помолчал. — В буквальном смысле, надо понимать? — Он встал. — Ничего удивительного, что три наши породы повторяют путь вымершей птицы дронт. Покиньте дом. Оба. Немедленно. Я приказываю вам хорошенько развлечься. — Отец даже подтолкнул нас к двери.

— Как? — спросила я, напрочь сбитая с толку отцовским поведением.

— Дочь не задает подобных вопросов своему отцу. Сегодня — канун середины лета. Выйдите и спросите первого встречного, как вам быть. А еще лучше — последуйте чьему-либо примеру. Повойте на луну. Займитесь магией. Если не появится никаких других фантазий, займитесь сексом. Этим даже сэр Ланселот умеет заниматься. — Отец сдвинул брови. — Намек понятен, мисс Бишоп?

— Думаю, да, — не слишком уверенно ответила я.

Что-то настораживало меня в отцовском стремлении погрузить нас в пучину развлечений.

— Прекрасно! Я не вернусь до восхода, поэтому меня не ждите. А еще лучше — гуляйте сами ночь напролет. Джек с Томми Хэрриотом. Энни у своей тетки. Пьер... Где он, я не знаю, но Пьер явно не нуждается в няньках. Встретимся за завтраком.

— Когда ты начал называть Томаса Хэрриота Томми? — спросила я.

Отец сделал вид, что не слышит:

— Обними меня перед уходом. И не забудь хорошенько поразвлечься. Слышишь? — Отец развел руки. — Увидимся на обратном пути, малышка.

Стивен вытолкал нас на лестницу и захлопнул дверь. Я потянулась к ручке. Холодные пальцы Мэтью перехватили мою руку.

— Мэтью, ему остались здесь считаные часы.

Я протянула другую руку. Муж перехватил и ее.

— Я знаю, — тихо сказал он. — И твой отец тоже это знает.

— Тогда он должен понять, что я хочу провести эти часы с ним.

Я смотрела на дверь, желая, чтобы отец открыл ее. От меня к двери протянулись нити. Они свободно прошли через волокна древесины и устремились к колдуну, находившемуся по другую сторону. Одна нить лопнула и ударила по тыльной стороне ладони, как резинка для волос.

— Папа! — вскрикнула я.

— Диана, марш развлекаться! — рявкнул он в ответ.

Мы с Мэтью бродили по городу. Магазины сегодня закрывались раньше обычного. Горожане спешили в пабы. Мясники складывали возле лавок аккуратные горки костей: белых, чистых, словно их предварительно прокипятили.

— Для чего эти кости? — спросила я, увидев третью по счету костяную горку.

— Для костяных костров?

— Каких костров? — переспросила я, думая, что ослышалась.

— Я же сказал: костяных. В канун середины лета принято зажигать костры: костяные, дровяные и смешанные. Каждый год мэр издает грозные предостережения, требуя отказаться от потакания замшелым суевериям, но люди все равно упрямо соблюдают древние традиции.

Мэтью повел меня обедать в знаменитую гостиницу «Бель соваж» на Ладгейт-Хилл, недалеко от Блэкфрайерса. Там можно было не просто поесть. «Бель соваж» представлял собой развлекательный комплекс, где перед посетителями разыгрывались пьесы и состязались фехтовальщики. Здесь же выступал знаменитый конь по кличке Марокко, умевший выделять среди зрительниц девственниц. Конечно, это не катание на роликах в Дорчестере, но нечто подобное.

Улицы были полны лондонских подростков. Они переходили из одной пивнушки в другую, переругиваясь и отпуская плоские шуточки. Днем большинство из них, будучи слугами и подмастерьями, выполняли тяжелую работу, а вечером хозяева заставляли их стеречь магазины и дома, нянчить детей, ходить за провизией, носить воду и делать еще сотню мелких дел, без которых не мог существовать тогдашний быт. Но в этот вечер Лондон принадлежал им, и подростки наслаждались каждой минутой свободы.

Мы проделали обратный путь и снова очутились возле входа в Блэкфрайерс, когда часы на башнях отбивали девять часов ве-

чера. С этого времени городская стража начинала обход улиц. Правила требовали, чтобы после девяти часов все сидели по домам, однако сегодня никто не собирался соблюдать правила и принуждать к их соблюдению. Хотя солнце зашло часом ранее, на улицах было светло от почти полной луны.

В елизаветинском Лондоне мы практически не бродили по городу просто так, без определенной цели. Мы шли то в замок Байнард в гости к Мэри, то к ведьмам в приход церкви Сент-Джеймс-Гарликхайт, то за книгами на церковный двор собора Святого Павла.

— Мы можем просто побродить? — спросила я.

— Почему бы нет? Нам же было приказано гулять по городу и развлекаться, — ответил Мэтью, сопровождая свои словам поцелуем.

Невзирая на поздний час, в соборе Святого Павла было полным-полно народу. На церковный двор мы вошли через западные ворота, а вышли через северные и направились к Чипсайду — самой широкой и богатой лондонской улице. Здесь размещались лавки ювелиров. Обогнув фонтан на Чипсайд-Кросс, в котором, как в бассейне, плескалась орущая молодежь, мы свернули на восток. Мэтью показывал, по каким улицам проходила процессия в день коронации Анны Болейн. Я увидела дом, где в детстве жил Джеффри Чосер. Торговцы, игравшие в шары, пригласили Мэтью сыграть с ними. Трех ударов подряд оказалось достаточно, чтобы они поняли: он переиграет их всех.

— Приятно чувствовать себя победителем? — спросила я, когда он обнял меня за талию и мы пошли дальше.

— Еще как! — ответил он и махнул в сторону развилки. — Смотри.

— Королевская биржа! — взволнованно прошептала я. — Вечером! Ты помнишь?

— Джентльмен никогда не забывает, — пробормотал он, низко кланяясь. — Не знаю, открыты ли еще лавки, но фонари явно будут гореть. Прогуляемся по двору?

Мы прошли под арку. Рядом высилась колокольня, увенчанная золотой фигуркой кузнечика. Мне хотелось получше рассмотреть четырехэтажное здание, вместившее в себя сотни лавок. Здесь торговали всем: от доспехов до конских подков. Статуи английских монархов взирали на торговцев и покупателей. Кузнечик

на колокольне был лишь началом целой стаи кузнечиков, оседлавших фронтоны мансардных окон.

— Кузнечик был на гербе у Грешема. Как видишь, строитель биржи не страдал избытком скромности и активно занимался самопродвижением, — засмеялся Мэтью, увидев, куда я смотрю.

Некоторые лавки еще были открыты. В аркадах, окаймлявших центральный двор, горели фонари. Мы были не единственными, кому сегодня захотелось сюда прийти.

— А откуда доносится музыка? — удивилась я, слыша ее звуки, но не видя самих музыкантов.

— С башни. — Мэтью махнул в сторону входа. — В теплое время года торговцы складываются и нанимают музыкантов. Они считают, что концерты помогают торговле.

Мэтью здесь хорошо знали. С ним постоянно здоровались, называя по имени. Он шутил с торговцами, расспрашивая их о женах и детях.

— Подожди, я сейчас, — сказал он, нырнув в ближайший магазин.

Я осталась слушать музыку. Какая-то молодая инициативная женщина устроила импровизированный бал. Люди встали кругами, взялись за руки и стали подпрыгивать. «Совсем как попкорн на горячей сковородке», — подумала я.

Мэтью вернулся с небольшой шкатулкой, которую церемонно преподнес мне.

— Мышеловка, — засмеялась я, глядя на откидную дверцу.

— Настоящая мышеловка, — пояснил Мэтью, беря меня за руку, и потащил в самую середину веселья. — Потанцуй со мной.

— Но я совсем не знаю этот танец.

Танцы в Сет-Туре и при дворе Рудольфа были плавными и размеренными.

— Ты не знаешь, зато я знаю, — сказал Мэтью, не обращая внимания на кружащиеся пары. — Это старинный танец. Называется «Черная лошадка». Движения совсем простые.

Мэтью подвел меня к концу цепочки, отдав мышеловку на хранение подвернувшемуся мальчишке. Он пообещал сорванцу пенни, если в конце танца тот вернет нам мышеловку.

Мы включились в танец. Движения и впрямь не отличались сложностью. Три шага, небольшой прыжок вперед, еще три шага и такой же прыжок назад. После нескольких повторений рисунок

танца усложнился. Двенадцать танцоров разделились на две равные цепочки и начали переходить по диагонали из одной в другую, двигаясь взад-вперед.

Танец закончился. Собравшимся захотелось продолжения. Они называли музыкантам свои любимые танцы, требуя более темпераментной музыки. Мэтью получил назад мышеловку, заплатил честному мальцу пенни, и мы покинули Королевскую биржу. Я думала, что теперь мы пойдем домой, но Мэтью свернул на юг, к реке. Мы шли по каким-то переулкам, пересекали церковные дворы, и я напрочь потеряла ориентацию. Наконец мы оказались у церкви Всех Святых с высокой квадратной колокольней и примыкавшим к ней клуатром, где когда-то гуляли монахи. Как и большинство лондонских церквей, эта неумолимо превращалась в руины. Ее средневековая каменная кладка крошилась и осыпалась.

— Хочешь подняться наверх? — спросил Мэтью, увлекая меня в клуатр и дальше — к низкой деревянной двери.

Я кивнула. Мэтью толкнул дверь, и мы двинулись по ступеням. К счастью, колокола в этот час молчали. Мы поднялись еще выше. Мэтью открыл люк и вылез на крышу, затем нагнулся и поднял меня.

Крышу окружал невысокий парапет. Отсюда был виден практически весь Лондон и ближайшие окрестности. Там на холмах ярко пылали костры. Перемигивались фонари барок и лодок, скользящих по Темзе. На фоне черной воды они выглядели желтыми светлячками. Сюда доносился смех, музыка и прочие звуки, к которым я успела привыкнуть за месяцы жизни в Лондоне.

— Ты встретилась с королевой, посмотрела Королевскую биржу в ее вечернем великолепии и сыграла в пьесе при дворе Рудольфа, — напомнил мне Мэтью, загибая пальцы.

— Это только часть событий. Мы нашли «Ашмол-782». Я узнала, что являюсь прядильщицей и что магия не настолько упорядоченна, как я надеялась.

Мне вспомнился день, когда я впервые увидела Лондон. Мэтью показывал все приметные места, боясь, как бы я не заблудилась. Теперь же я знала их сама.

— Вот там — Брайдуэлл, — сказала я, указывая в темноту. — А там — собор Святого Павла. И арены, где травят медведей. — Я повернулась к притихшему вампиру. — Спасибо тебе за этот

вечер, Мэтью. У нас с тобой не было свиданий. Мы не гуляли, как сегодня. Это была просто волшебная прогулка.

— Да, плохо я за тобой ухаживал. Нужно было бы почаще гулять допоздна, танцевать и смотреть на звезды. — Мэтью запрокинул голову, подставив лицо лунному свету.

— Ты сейчас по-настоящему светишься, — сказала я, дотягиваясь до его подбородка.

— И ты тоже. — Рука Мэтью опустилась на мою талию. Теперь он обнимал не только меня, но и нашего ребенка. — Твой отец дал нам целый список. Как думаешь, мы все выполнили?

— Мы развлекались. Ты, словно волшебник, показал мне биржу вечером, а потом устроил сюрприз, предложив подняться на колокольню, чтобы полюбоваться видом ночного Лондона.

— Осталось еще два пункта. Право выбора за тобой: я могу повыть на луну или мы можем заняться сексом.

Я улыбнулась и отвела глаза, почему-то смутившись. Мэтью вновь запрокинул голову, готовясь завыть.

— Не надо выть. Зачем пугать городскую стражу? — засмеялась я.

— Тогда будем целоваться, — сказал он.

Наутро все обитатели нашего дома дружно зевали за завтраком. Бессонная ночь не прошла даром. Том и Джек проснулись последними и сейчас жадно поглощали кашу. Появившийся Галлоглас наклонился к Мэтью и прошептал ему что-то на ухо. Я увидела погрустневшее лицо мужа и тут же ощутила противную сухость во рту.

— Где мой отец? — спросила я, вставая из-за стола.

— Вернулся домой, — угрюмо ответил Галлоглас.

— Почему ты не задержал его? — Я была готова разреветься. — Он же обещал, что побудет еще немного. У меня остались вопросы. Мне бы хватило нескольких часов.

— Нет, тетушка, — печально возразил Галлоглас. — Тебе бы не хватило всего времени, что есть в мире.

— Он даже не простился со мной, — ошеломленно прошептала я.

— Это было бы прощанием навсегда. Зачем отцу подвергать себя такой пытке? — тихо произнес Мэтью.

— Стивен просил меня передать тебе вот это. — Галлоглас протянул мне бумажный кораблик, сложенный в стиле оригами.

— Лебеди у отца никогда не получались, — всхлипнула я, вытирая глаза. — А вот кораблики он делал мастерски.

Я осторожно развернула отцовскую записку.

Диана!

Ты оказалась точно такой, какой мы мечтали тебя видеть, когда вырастешь.

Жизнь — крепкая основа времени. Смерть — всего лишь утóк.

Ведь благодаря твоим детям и детям твоих детей я буду жить вечно.

Отец

P. S. Всякий раз, читая строки из «Гамлета»: «Прогнило что-то в датском королевстве», думай обо мне.

— Ты мне говорила, что магия — это всего лишь осуществленное желание. Возможно, и заклинания не более чем слова, в которые веришь всем сердцем. — Мэтью подошел ко мне и обнял за плечи. — Он любит тебя. Вечно. И я тоже.

Слова Мэтью вплелись в нити, соединяющие нас — ведьму и вампира. В них было подтверждение его нежности, почтения, постоянства и надежды.

— И я тоже тебя люблю, — прошептала я, усиливая заклинание Мэтью своим.

Глава 39

Отец покинул елизаветинский Лондон, ни с кем толком не простившись. Я решила, что не последую его примеру и не стану исчезать украдкой. В результате оставшиеся дни превратились в хитросплетение слов и желаний, заклинаний и магии.

Настал день последней встречи с моей учительницей. Ее духхранитель ожидал меня в конце переулка. Вид у этого призрачного существа женского рода был печальным. Я прошла дальше, поднялась на крыльцо. Дух неслышно следовал за мной.

Благочестивая Олсоп сидела у огня, тепло одетая и с шалью на плечах.

— Значит, покидаете нас, — сказала старуха.

— Пора. — Я наклонилась и поцеловала ее пергаментную щеку. — Как ты сегодня?

— Получше. Спасибо припаркам Сюзанны.

Она зашлась кашлем, скрючившим ее хрупкую фигуру. Затем, отдышавшись, Благочестивая Олсоп оглядела меня светлыми, совсем не старческими глазами и кивнула:

— На этот раз ребенок укоренился в тебе.

— Да, — улыбнулась я. — Меня тошнит по утрам. Стоит рассказать об этом остальным?

Я не хотела взваливать на плечи Благочестивой Олсоп никаких дополнительных тягот, ни физических, ни эмоциональных. В последнее время она высохла еще сильнее, и это тревожило Сюзанну. Элизабет Джексон взяла на себя часть обязанностей, обычно выполняемых старейшиной шабаша.

— Не трудись. Мне об этом сообщила Кэтрин. Она сказала, что Корра летала над городом, хихикая и болтая. Твоя драконiха всегда так себя ведет, когда у нее появляется тайна.

Мы с драконихой договорились, что летать в небесах она будет не чаще одного раза в неделю, и то по ночам. Я неохотно согласилась отпустить ее и во вторую ночь, поскольку наступило новолуние и риск, что ее увидят и с перепугу примут за вестника конца света, был минимальным.

— Так вот куда она летала, — засмеялась я.

Общество ведьм пришлось Корре по вкусу. Кэтрин забавлялась с ней, устраивая «игры с огнем».

— Мы все обрадовались, когда Корра нашла себе более приятное занятие, чем цепляться за трубы и верещать на призраков. — Старуха указала на соседний стул. — Неужели даже не посидишь со мной? Знаю, у тебя дел полно. Но богиня может не дать нам другого шанса.

— Есть какие-нибудь новости из Шотландии? — спросила я, опускаясь на стул.

— Только те, что я узнала от тебя. Беременный живот не спас Юфимию Маклин от костра.

Пожалуй, это и подкосило Благочестивую Олсоп. Я помнила вечер, когда рассказала ей, что, вопреки заступничеству Мэтью, молодую ведьму из Берика сожгли. Именно тогда Благочестивая Олсоп начала терять силы.

— Мэтью наконец сумел убедить членов Конгрегации в необходимости остановить нарастающий вал обвинений и казней. Две арестованные ведьмы отказались от своих показаний, заявив, что давали их под пытками.

— Должно быть, в Конгрегации крепко задумались, с чего это *варг* вступился за ведьму. — Благочестивая Олсоп сурово поглядела на меня. — Останьтесь вы здесь, он бы себя выдал. Мэтью Ройдон живет в мире полуправды, но еще никому не удавалось постоянно избегать разоблачения. Вы оба должны быть осторожнее. Особенно теперь, когда ребенок пошел в рост.

— Не волнуйся. Мэтью беспечностью не страдает, — успокоила я старуху. — Но у меня нет полной уверенности, что восьмой узел достаточно крепок для перемещения во времени. Я же буду перемещаться с Мэтью и ребенком.

— Дай мне на него взглянуть, — велела Благочестивая Олсоп.

Я положила ей на ладонь нити. Я решила, что к моменту нашего перемещения возьму все девять нитей и сплету девять узлов. Это было предельное число, используемое в заклинаниях.

Умелые руки Благочестивой Олсоп сделали восемь перекрестий на красной нити и связали концы, уберегая узел от повреждения.

— Я это делаю так, — сказала она.

Ее узел был изящным и простым, с открытыми петлями и завитками, напоминающими каменные узоры на окне собора.

— Мой был совсем не похож на этот, — невесело рассмеялась я. — Он весь шел волнами.

— Каждое прядение неповторимо, как и прядильщица, которая его создает. Богиня хочет, чтобы мы не подражали идеалам, а выражали нашу истинную суть.

— *Должно* быть, тогда *я и есть* вся *волнистая*. — Я протянула руку за узлом, желая лучше рассмотреть его рисунок.

— Я покажу тебе еще один узел, — вдруг сказала Благочестивая Олсоп.

— Еще один? — насторожилась я.

— Десятый. Мне его никак не сделать, хотя он должен быть самым простым. — Старуха улыбалась, но у нее дрожал подбородок. — Моя учительница тоже не умела завязывать этот узел, но все равно рассказала нам про него в надежде, что однажды появится такая прядильщица, как ты.

Легким движением скрюченного пальца Благочестивая Олсоп распустила прежний узел. Я подала ей красную нить. Старуха сделала простую петлю. На мгновение нить соединилась в неразрываемое кольцо, но стоило ведьме убрать пальцы — и петля разошлась.

— В чем дело? — удивилась я. — Ты только что прочно соединяла концы куда более сложного узла.

— Пока нить имеет перекрестья, мне удается связать концы и завершить заклинание. Но завязать десятый узел под силу лишь прядильщице, которая стоит между мирами, — ответила старуха. — Попробуй сама. Возьми серебряную нить.

Заинтригованная, я соединила концы нити. Они с треском соединились, образовав петлю, у которой не было ни начала, ни конца. Я отняла палец. Круг остался.

— Замечательное прядение! — похвалила меня довольная старуха. — Десятый узел стягивает силу вечности. Это прядение жизни и смерти. Он чем-то похож на змея у твоего мужа. Бывает, Корра таким же манером запихивает хвост себе в пасть.

Старуха взяла у меня десятый узел. Нить образовала подобие уробороса. Комната наполнилась ощущением чего-то сверхъестественного. Волоски у меня на руке встали дыбом.

— Сотворение и разрушение — самые простые и в то же время самые могущественные виды магии. Они подобны этому узлу. С виду — совсем простой, а попробуй сплести!

— Не хочу, чтобы моя магия действовала разрушающе, — сказала я.

Ведьмы семейства Бишоп беспрекословно соблюдали давнюю традицию: не причинять зла. Моя тетка Сара верила: к любой ведьме, нарушившей этот фундаментальный принцип, сотворенное ею зло обязательно вернется.

— Никто не хочет использовать дары богини в качестве оружия, но иногда это бывает необходимо. Твой *варг* об этом знает. А *после* того, что случилось в Шотландии и здесь, знаешь и ты.

— Возможно. Но мир, куда я возвращаюсь, не похож на этот. Там куда меньше потребности в магическом оружии.

— Миры меняются, Диана... — Благочестивая Олсоп умолкла, погрузившись в воспоминания. — Матушка Урсула — моя учительница — была великой прядильщицей. Когда начались все эти ужасы в Шотландии и когда появилась ты, чтобы изменить наш мир, я вспомнила одно из ее пророчеств. Урсула сделала его в канун Дня Всех Святых. — Благочестивая Олсоп выпрямилась и нараспев произнесла:

> Морские волны забурлят и небеса взорвет грозою,
> Когда восстанет Гавриил меж сушей и водою.
> И вострубит труба его златая,
> Мир старый хороня и новый мир рождая.

Я поразилась странной тишине, установившейся в комнате: ни треска поленьев в очаге, ни ветерка.

— Как видишь, все едино, — продолжила Благочестивая Олсоп, жадно втягивая в себя воздух. — Десятый узел, у которого нет ни начала, ни конца, и змей *варга*. Полная луна, что светила еще недавно, и тень, отбрасываемая Коррой на воды Темзы. Чем не знак твоего скорого исчезновения? Старый мир и новый. — Благочестивая Олсоп перестала улыбаться. — Я радовалась, когда ты пришла ко мне, Диана Ройдон. А когда уйдешь, ибо время обязывает, мне станет тяжело на сердце.

Бледные руки Эндрю Хаббарда покоились на резных подлокотниках кресла в церковной крипте. Где-то над нами слышались приглушенные голоса готовящихся к очередной службе.

— *Обычно Мэтью сам извещает меня о своем отъезде.* Почему же в этот раз он прислал вас, госпожа Ройдон?

— Он меня не присылал. Я пришла сама, поскольку хочу поговорить об Энни и Джеке.

Хаббард бесстрастно наблюдал, как я достаю кожаный мешочек с монетами. Это было пятилетнее жалованье наших подопечных.

— Я покидаю Лондон и прошу вас принять эти деньги на содержание детей.

Я бросила мешочек к креслу Хаббарда. Вампир не шевельнулся, и мешочек приземлился возле его ног.

— В этом нет необходимости, госпожа.

— Есть, — возразила я. — Будь у меня возможность, я бы забрала детей с собой. Но такой возможности у меня нет, и я хочу, чтобы кто-нибудь присматривал за ними.

— А что вы дадите мне взамен?

— Как — что? Разумеется, деньги. — Я подняла мешочек и снова протянула Хаббарду.

— Госпожа Ройдон, я не хочу ваших денег и не нуждаюсь в них.

Хаббард привалился к спинке кресла. Веки наполовину прикрыли его странные глаза.

— Что вам... — начала я и тут же умолкла. — Нет.

— Господь ничего не делает вотще. В Его замыслах нет случайностей. Он пожелал, чтобы сегодня вы пришли сюда, ибо желает удостовериться, что ни у кого из вашей породы нет оснований бояться меня и моей породы.

— У меня достаточно защитников, — возразила я.

— Можно ли то же самое сказать про вашего мужа? — Хаббард мельком взглянул на мою грудь. — Сейчас ваша кровь в его жилах ощущается сильнее, чем когда вы появились в Лондоне. И еще ребенок, о котором тоже необходимо заботиться.

У меня зашлось сердце. Когда я верну моего Мэтью в наше время, Эндрю Хаббард окажется одним из немногих, кому известно будущее моего мужа и то, что там присутствует ведьма.

— Вы же не станете использовать знание обо мне против Мэтью. Особенно после всего, что он сделал. Он сильно изменился.

— Не стану? — Натянутая улыбка Хаббарда подсказывала, что он пойдет на все во имя защиты своей паствы. — Между нами скопилось слишком много дурной крови.

— Хорошо, я найду иной способ позаботиться о детях, — сказала я, собираясь уйти.

— Энни так или иначе моя дочь. Она ведьма и входит в мою семью. Я позабочусь о ее благополучии. Другое дело — Джек Блэкфрайерс. Он из породы людей. Пусть сам о себе заботится.

— Но ведь он еще ребенок!

— Только он не мой ребенок. И не ваш. У меня нет никаких обязательств ни перед ним, ни перед вами. Счастливого пути, госпожа Ройдон! — Хаббард демонстративно отвернулся.

— А если бы я принадлежала к вашей семье, как бы вы себя повели тогда? Уважили бы мою просьбу относительно Джека? Признали бы Мэтью одной крови со мной и, следовательно, находящимся под вашей защитой?

Сейчас я думала о Мэтью из XVI века. Когда мы вернемся в свое время, тот Мэтью продолжит жить в прошлом.

— Если вы предложите мне свою кровь, ни Мэтью, ни Джеку, ни вашему еще не родившемуся ребенку не придется опасаться ни меня, ни таких, как я.

Голос Хаббарда звучал бесстрастно, но в его взгляде я уловила ту же алчность, что и в глазах императора Рудольфа.

— И сколько крови вам понадобится?

Думать. Оставаться в живых.

— Совсем немного. Не более капли.

Все внимание Хаббарда сосредоточилось на мне.

— Я не могу позволить вам взять кровь непосредственно из моего тела. Мэтью сразу узнает об этом. Мы с ним истинная пара.

Глаза Хаббарда вновь сверкнули и уперлись в мою грудь.

— Я всегда принимаю приношение из шеи моих чад.

— Не сомневаюсь, отец Хаббард, что с другими так и происходит. Однако в данном случае такое невозможно и даже нежелательно. Надеюсь, вам это понятно.

Я замолчала, надеясь, что аппетиты Хаббарда, его тяга к власти, к сведениям обо мне и Мэтью... ко всему, что в случае необходимости даст ему власть над де Клермонами, перевесит его традиции.

— Я могу выдавить кровь в чашку.

— Нет, — возразил Хаббард, замотав головой. — Это загрязнит вашу кровь. Она должна быть чистой.

— Я говорю о серебряной чашке, — пояснила я, вспомнив рассказы Шефа в Сет-Туре.

— Вы вскроете вену на руке, руку будете держать над моим ртом, и кровь попадет мне прямо в рот. Телесно мы не соприкоснемся. Иначе я позволю себе усомниться в искренности вашего предложения, — хмуро добавил вампир.

— Договорились, отец Хаббард. Я принимаю ваше предложение. — Я ослабила правую манжету и закатала рукав. Одновременно я мысленно обратилась с просьбой к Корре. — Где вы желаете провести этот ритуал? Насколько я помню, ваши дети становились перед вами на колени. Но в таком положении я никак не смогу держать руку над вашим ртом.

— Это таинство. Богу все равно, кто встает на колени. — К моему удивлению, Хаббард сам опустился передо мной на колени и подал мне нож. — Я могу и так.

Я чиркнула пальцем по голубому узору вен на запястье и прошептала простое открывающее заклинание. Кожа разошлась, и на ней появилась ярко-красная полоса. Потекла кровь.

Хаббард открыл рот. Он не сводил глаз с моего лица. Должно быть, он ждал отказа или какого-то подвоха с моей стороны. Но я намеревалась соблюсти букву нашей договоренности, не затронув ее духа. «Спасибо, Благочестивая Олсон», — мысленно произнесла я, послав ей благословение за то, что она научила меня управлять такими, как Хаббард.

Держа руку над его ртом, я сжала пальцы в кулак. Капля крови скатилась по краю руки и стала падать. Хаббард мгновенно закрыл глаза, словно хотел узнать, какие сведения выдаст ему моя кровь.

— Что есть кровь, как не огонь и вода? — пробормотала я.

Я воззвала к ветру, дабы он замедлил падение капли. Сила воздуха возросла, он заморозил падающую каплю. На язык Хаббарду она попала в виде острого красного кристаллика. Ошеломленный вампир распахнул глаза.

— Всего одна капля, как вы и просили. — (Оставшуюся кровь высушил ветер, превратив ее в лабиринт красных нитей на коже руки.) — Отец Хаббард, вы служитель Бога, привыкший держать свое слово. Я не ошиблась?

Корра ослабила хвост, обвивавший мою талию. Этим она уберегла нашего ребенка. Незачем малышу знать об отвратительной договоренности, на которую была вынуждена пойти его мать. Драконихе обуревало желание отлупить Хаббарда до полусмерти.

Затем я медленно убрала руку. Хаббарда подмывало схватить ее и снова прижать ко рту. Его замысел я видела столь же отчетливо, как и намерение Эдварда Келли ударить меня тростью. Но вампир был рассудительнее алхимика. Я произнесла другое заклинание, закрыла рану и приготовилась уйти.

— Когда вы снова появитесь в Лондоне, Бог шепнет мне об этом, — тихо произнес Хаббард. — И если Ему будет угодно, мы встретимся снова. Но запомните: куда бы вы ни ушли от меня, даже в объятия смерти, частица вас останется жить во мне.

Я остановилась и обернулась к нему. Слова Хаббарда звучали угрожающе, однако лицо вампира было задумчивым и даже печальным. Я ускорила шаг, желая как можно скорее покинуть подземелье и уйти подальше от Эндрю Хаббарда.

— Прощайте, Диана Бишоп! — крикнул он вслед.

Я прошла, наверное, половину пути до дому и только тогда сообразила: отец Хаббард узнал мою фамилию. Ему хватило капельки моей крови.

Вернувшись в «Оленя и корону», я застала словесную перепалку между Уолтером и Мэтью. Они орали друг на друга. Их слова слышала не только я, но и конюх Рэли. Тот стоял во дворе, держа поводья громадного черного коня, на котором приехал Уолтер. Они даже не сочли нужным закрыть окна, и их крики слышали все во дворе.

— Это будет означать мою смерть и ее тоже! Никто не должен знать о ее беременности!

Довольно странно, что эти слова вылетали из уст Уолтера.

— Уолтер, ради верности королеве ты не можешь бросить любимую женщину и своего ребенка. Елизавета, когда узнает, сочтет твои действия предательством. Бесс это просто сломает жизнь.

— А что прикажешь делать? Жениться на Бесс? Если я это сделаю без разрешения королевы, меня арестуют.

— Что бы ни случилось, ты выживешь, — сухо заметил ему Мэтью. — А вот Бесс без твоей защиты погибнет.

— Как ты можешь разыгрывать заботу о супружеской честности после всей лжи, распространяемой тобой о Диане? Помнится, ты утверждал, что женат, а какую клятву взял с нас? Забыл? В случае если чужие ведьмы или *варги* начнут вынюхивать, что к чему, и задавать вопросы, мы должны были отрицать вашу женитьбу и рассказывать разные небылицы. — Уолтер заговорил тише, но с прежней свирепостью: — Думаешь, я поверю, что, когда ты вернешься в свое время, ты и там объявишь Диану своей женой?

Оба не заметили, как я вошла.

Мэтью молчал.

— Сомневаюсь, — угрюмо бросил ему Уолтер, надевая перчатки.

— Это у вас называется церемонией прощания? — спросила я.

— Здравствуй, Диана, — настороженно произнес Уолтер.

— Привет, Уолтер. Конюх с лошадью дожидаются тебя во дворе.

Уолтер шагнул к двери, но остановился, снова повернувшись к другу:

— Прояви благоразумие, Мэтью. Я не могу себе позволить полностью лишиться доверия при дворе. Бесс понимает опасные последствия гнева королевы лучше, чем кто-либо из нас. Удача при дворе Елизаветы мимолетна, зато позор длится вечно.

Мэтью смотрел вслед другу, шумно спускавшемуся по лестнице.

— Боже, прости меня! Когда я впервые услышал о его замыслах, то даже похвалил Уолтера за мудрость. Бедняжка Бесс!

— Что случится с ней после нашего исчезновения?

— К осени беременность Бесс станет заметной. Они тайно поженятся. Королева будет неоднократно спрашивать Уолтера о его отношениях с Бесс. Он будет неоднократно врать, что между ними нет никаких отношений. Репутация Бесс окажется подмоченной. Правда все равно откроется, их обоих арестуют.

— А ребенок? — шепотом спросила я.

— Родится в марте и к осени того же года умрет. — Мэтью сел за стол, обхватив голову. — Я напишу отцу, попрошу взять Бесс

под его покровительство. Возможно, Сюзанна Норман будет наблюдать за ее беременностью.

— Ни твой отец, ни Сюзанна не защитят Бесс от удара, который своим отрицанием нанесет ей Рэли. — Я подошла к Мэтью, коснулась рукава его рубашки. — А когда мы вернемся в наше время, ты тоже будешь отрицать, что мы женаты?

— Все не так просто, — ответил Мэтью. Его глаза были полны тревоги.

— Вот об этом тебе и говорил Уолтер. Ты утверждал, что он ошибается. — «Мир старый хороня и новый мир рождая», — вспомнила я строчку из пророчества неведомой мне Урсулы. — Пойми, Мэтью, наступает время, когда тебе придется выбирать между безопасностью прошлого и обещаниями будущего.

— И прошлое невозможно исправить, сколько бы усилий я ни прикладывал, — сказал он. — Это я не устаю повторять королеве, когда она начинает устраивать истерики по поводу какого-нибудь опрометчивого решения. Галлоглас не преминул бы сейчас сказать, что я опять попадаюсь в собственную ловушку.

— И не премину, дядюшка, — заявил появившийся в гостиной Галлоглас и принялся разворачивать принесенные пакеты. — Вот твоя бумага. Перья. И снадобье для охрипшей глотки Джека.

— Ничего удивительного. Торчит с Томом на ветру и без умолку болтает о звездах. — Мэтью устало провел рукой по лицу. — Галлоглас, нужно позаботиться о средствах для Тома. Вскоре его служба у Уолтера закончится. Генри Перси снова придется перекладывать заботу на свои плечи, но я непременно выделю кое-что и для Генри.

— Раз уж мы заговорили про Тома, он тебе рассказывал про свои замыслы создать некую штуку, позволяющую одним глазом смотреть на небо? Они с Джеком называют это звездным стеклом.

Нити вокруг меня затрещали от энергии. Голову заколодо. Время, притаившееся в углах, тихо, но протестующе заурчало.

— Звездное стекло, — повторила я, стараясь не выдавать своего волнения. — А как оно выглядит?

— Спроси у них сама, — предложил Галлоглас, кивая в сторону двери.

Пошатываясь от усталости, в гостиную вошел Джек. За ним появился неутомимый Швабра и, наконец, Том. Он рассеянно брел, вертя в руках сломанные очки.

— Диана, если ты сейчас вмешаешься, это непременно аукнется в будущем, — предостерег меня Мэтью.

Даже усталый, Джек не терял энтузиазма.

— Смотрите! Да смотрите же! — крикнул он, размахивая обломком толстой круглой палки.

Швабра внимательно следил за движениями хозяина, норовя вцепиться в палку зубами.

— Мастер Хэрриот сказал: если выдолбить из палки сердцевину, а с концов вставить по стеклу от очков, то можно будет смотреть на далекие предметы и они приблизятся. Господин Ройдон, вы умеете выдалбливать сердцевину? Если нет, может, пойти к столяру из церкви Святого Дунстана и поучиться у него? А булочки у нас еще остались? У мастера Хэрриота весь день живот урчит от голода.

— Позволь взглянуть на твою палку, — сказала я, протягивая руку. — Булочки там, где они всегда лежат. Возьми себе и мастеру Хэрриоту. — Джек разинул рот, но я уже знала, о чем он заговорит, и потому решительно замотала головой. — Нет. Булочкой ты Швабру не накормишь. И не вздумай делиться своей.

— Здравствуйте, госпожа Ройдон, — все так же рассеянно произнес Том. — Если столь простое приспособление, как очки, помогает человеку явно видеть Божьи слова в Библии, то им можно поручить задачу посложнее — помочь нам увидеть Божьи деяния в Книге природы... Спасибо, Джек.

Том откусил от протянутой булочки и начал жевать.

— Что значит «поручить задачу посложнее»? — спросила я и тут же затаила дыхание.

— В прошлом году мне довелось читать книгу синьора делла Порта из Неаполя. Он предлагал соединять выпуклые стекла с вогнутыми. Я пробовал держать те и другие в руках, но расстояние оказалось недостаточным. И потом, руки все равно немного дрожат. И потому мы решили попытаться вставить стекла в эту палку.

Своими словами Томас Хэрриот изменил историю науки. Мне не требовалось вмешиваться в прошлое. Я лишь хотела позаботиться о том, чтобы прошлое не потонуло в забвении.

— Конечно, все это лишь праздные фантазии. Я на всякий случай запишу их и потом, если будет время, обдумаю, — вздохнул Том.

Основоположники современной науки страдали общим недостатком: они не понимали важности публикаций и распространения своих идей. Что касается Томаса Хэрриота, его идеи наверняка бесследно исчезли, поскольку он не нашел издателя.

— Думаю, вы правы, Том, — осторожно сказала я. — Но палка, которую вы решили выдолбить, недостаточно длинная. — Я ослепительно улыбнулась изобретателю. — Вам незачем идти к столяру из церкви Святого Дунстана. Если вам нужна длинная полая трубка, вы скорее найдете ее у месье Валлена. Не отправиться ли нам к нему прямо сейчас?

— Да! — завопил Джек, подпрыгивая чуть ли не к потолку. — Мастер Хэрриот, пойдемте. У месье Валлена полным-полно разных пружинок и колесиков. Он и мне одно колесико подарил. В моей шкатулке лежит. Конечно, моя шкатулка поменьше будет, чем у госпожи Ройдон, но я уже много чего собрал. Ну что, идем?

— Что тетушка задумала? — с настороженным любопытством поинтересовался у Мэтью Галлоглас.

— По-моему, она собирается устроить нашему Уолтеру взбучку за недостаточное внимание к будущему, — дипломатично ответил Мэтью.

— Ну, тогда я не волнуюсь. А то мне показалось, что бедой пахнет.

— Бедой всегда пахнет. Когда больше, когда меньше, — сказал Мэтью и повернулся ко мне. — Ты уверена, что правильно понимаешь свои действия, ma lionne?

За эти месяцы случилось много такого, чего уже не изменишь никакой магией. Я не могла вернуть своего первого ребенка или спасти шотландских ведьм. С риском для жизни мы привезли из Праги «Ашмол-782» и убедились, что никоим образом не сможем забрать манускрипт в будущее. Мы уже простились со своими отцами и готовились покинуть друзей. Постепенно наше пребывание забудется, не оставив никаких исторических свидетельств. Но я четко знала, как уберечь телескоп Тома от забвения.

— Прошлое изменило нас, — ответила я мужу. — Так почему бы и нам его не изменить?

— Тогда отправляйся к месье Валлену, — сказал Мэтью, целуя мне руку. — Пусть пришлет мне счет за работу.

— Спасибо. — Я наклонилась к уху Мэтью и прошептала: — Не волнуйся. Я возьму с собой Энни. Она умеет торговаться и заставит его снизить цену. И потом, кто знает, сколько нужно спрашивать за телескоп в тысяча пятьсот девяносто первом году?

Через несколько минут ведьма, демон, двое детей и пес отправились к месье Валлену. Вечером я послала нашим друзьям приглашения прийти завтра вечером на прощальную встречу. Манускрипт Роджера Бэкона Мэтью отправил в Мортлейк. Мне не хотелось собственными глазами увидеть, как «Ашмол-782» вернется к доктору Ди. Я лишь знала, что книга должна занять прежнее место в обширной библиотеке алхимика, чтобы в XVII веке Элиас Ашмол смог приобрести манускрипт. По правде говоря, мне было жаль расставаться с этой странной книгой. Такие же ощущения я испытывала, когда в самом начале нашего появления Мэтью проиграл Киту статуэтку богини Дианы. Практические вопросы, связанные с нашим отбытием, мы вручили заботам Галлогласа и Пьера. Они опустошали шкафы, набивая сундуки, перераспределяли деньги. Личные вещи Мэтью отправлялись в Олд-Лодж. Сноровистость, с какой работали оба вампира, подсказывала: им уже не раз приходилось заниматься такими делами.

До нашего отъезда из Лондона оставались считаные часы. Я возвращалась от месье Валлена с громоздким пакетом, завернутым в мягкую кожу. Возле местной лавки, торгующей пирогами, мое внимание привлекла девочка лет десяти. Она с восторгом смотрела в окно заведения на выставленную там выпечку. Чем-то девочка напоминала меня в этом возрасте. Такие же непокорные волосы соломенного цвета, такие же несоразмерно длинные руки. Девочка сжалась, словно почувствовала, что за ней наблюдают. Когда наши глаза встретились, я поняла причину настороженности: передо мной была маленькая ведьма.

— Ребекка! — окликнула ее женщина, выходящая из лавки.

У меня замерло сердце: женщина была одновременно похожа на мою маму и на Сару.

Ребекка не отозвалась, а продолжала смотреть на меня так, словно увидела призрака. Мать решила узнать, чем поглощено внимание дочери. Взглянув на меня, она чуть не вскрикнула. От ее взгляда у меня защипало все тело. Мать Ребекки тоже была ведьмой.

Я заставила себя подойти к лавке с пирогами. Каждый шаг приближал меня к ведьмам. Мать инстинктивно прижала Ребекку к подолу платья, что не понравилось дочери, и она попыталась вырваться из материнских рук.

— Она выглядит совсем как гранд-дама, — прошептала Ребекка, стараясь получше меня разглядеть.

— Тише, ты! — шикнула на нее мать и виновато посмотрела на меня, словно извиняясь за поведение дочери. — Ребекка, ты же знаешь, что твоя гранд-дама умерла.

— Меня зовут Диана Ройдон. — Я кивнула в сторону вывески. — Я живу здесь, в «Олене и короне».

— В таком случае вы... — Глаза женщины округлились, и она снова прижала дочь к себе.

— А я Реббека Уайт, — представилась маленькая ведьма, не испытывавшая того же страха, что и мать.

Потом Реббека сделала неуклюжий реверанс. Движения тоже были невероятно знакомыми.

— Рада познакомиться с вами. Вы недавно живете в Блэкфрайерсе?

Я старалась растянуть этот обыденный разговор, просто чтобы подольше смотреть на такие знакомые лица двух незнакомок.

— Нет. Мы живем при больнице недалеко от Смитфилдского рынка, — сообщила Ребекка.

— Когда палаты переполнены, я беру больных к себе, — сказала женщина и замялась. — Я Бриджит Уайт, а Ребекка — моя дочь.

Помимо таких знакомых имен — Бриджит и Ребекка, — теперь я отчетливо понимала, кто передо мной. Бриджит Бишоп родилась примерно в 1632 году. Первым именем, записанным в гримуаре Бишопов, было имя Ребекки Дэвис — ее бабушки. Вдруг эта десятилетняя девчонка выйдет потом замуж и станет Ребеккой Дэвис?

Но сейчас внимание Ребекки было приковано к моей шее. Нет, к голове. *Серьги Изабо*.

Переместиться в прошлое нам с Мэтью помогли три предмета: рукописный экземпляр «Доктора Фауста», серебряная шахматная фигура и сережка, спрятанная в кукле Бриджит Бишоп. Эта

серсжка. Я протянула руку и вынула сережку из уха. Опыт общения с Джеком научил меня: если хочешь, чтобы впечатление отложилось в детском мозгу, нужно обязательно смотреть ребенку в глаза. Я присела на корточки. Теперь наши с Ребеккой глаза были на одном уровне.

— Мне нужно, чтобы кто-нибудь сохранил для меня эту сережку. Однажды она мне понадобится. Ты согласна взять сережку на хранение?

Ребекка серьезно посмотрела на меня и кивнула. Я взяла ее руку, почувствовав, как между нами пробежал импульс понимания. Сережку я положила на ее ладонь. Детские пальцы плотно сомкнулись.

— Можно, мама? — запоздало спросила дочь у Бриджит.

— Думаю, да, — с опаской в голосе ответила мать. — А теперь идем, Ребека. Нам пора.

— Спасибо. — Я выпрямилась во весь рост, потрепала Ребекку по плечу и, глядя в глаза Бриджит, повторила: — Спасибо.

Спиной я поймала подталкивающий взгляд. Я догадывалась, кто это. Дождавшись, когда Ребекка и Бриджит уйдут, я повернулась. Передо мной стоял Кит Марло.

— Госпожа Ройдон, — голос Кита звучал хрипло, а сам он был похож на воплощенную смерть, — о вашем отъезде мне Уолтер сообщил.

— Я его попросила.

Усилием воли я заставила Кита взглянуть мне в глаза. Еще одна ситуация, которую я могла исправить. Мои усилия помогут Мэтью должным образом проститься с тем, кто некогда был его близким другом.

Кит быстро отвел взгляд и опустил голову.

— Нельзя мне было появляться здесь, — пробормотал он, уставившись на свои башмаки.

— Я прощаю тебя, Кит.

Марло пружинисто вскинул голову.

— Почему? — удивился он, сраженный моими словами.

— Потому что ты любишь его. Есть и другая причина: пока Мэтью винит тебя за случившееся со мной, часть его личности остается с тобой. Навсегда, — сказала я, не особо задумываясь над ответом. — Так что иди наверх и попрощайся с ним.

Мэтью ждал нас на площадке. Интуиция подсказала ему, что я вернусь не одна. Я чмокнула мужа в губы, собираясь пройти в спальню.

— Твой отец тебя простил, — тихо сказала я мужу. — Найди и ты в себе силы простить Кита.

Я оставила их латать свои отношения, насколько это возможно. Время нашего пребывания здесь стремительно подходило к концу.

Через несколько часов к нам пришел Томас Хэрриот, и я вручила ему стальную трубу.

— Я изготовил это из ружейного дула. Естественно, внеся изменения, — пояснил мне месье Валлен, знаменитый создатель мышеловок и часов. — И добавил гравировку, как вы и просили, госпожа Ройдон.

Валлен прикрепил к телескопу изящный серебряный флажок с гравировкой: N. VALLIN ME FECIT, T. HARRIOT ME INVENIT, 1591.

«Николя Валлен меня сделал, Томас Хэрриот меня изобрел в 1591 году». Я благодарно улыбнулась месье Валлену:

— Настоящий шедевр.

Этот разговор происходил в мастерской месье Валлена. Дома, едва увидев телескоп, Джек закричал во все горло:

— Давайте смотреть на луну! Она уже больше часов на колокольне церкви Святой Милдред!

С чердака во двор «Оленя и короны» принесли старый плетеный стул, на каких сидят в саду. Сегодня здесь творилась история науки. Томас Хэрриот, математик и лингвист, уселся на этот стул. Он навел телескоп, где линзами служили очковые стекла, на полную луну и удовлетворенно вздохнул:

— Гляди-ка, Джек. Это подтверждает то, что писал синьор делла Порта.

Усадив мальчишку на колени, Том поднес один конец трубы к глазу своего верного юного помощника.

— Нужны всего две линзы — выпуклая и вогнутая. Если их расположить на нужном расстоянии, это приблизит наблюдаемый предмет.

После Джека все по очереди смотрели в телескоп.

— Это совсем не то, чего я ожидал, — разочарованно протянул Джордж Чапмен. — Неужели ты не думал, что луна окажется драматичнее? Прости, Том, но таинственная луна поэтов мне предпочтительнее этой.

— А она отнюдь не совершенна, — посетовал Генри Перси, протер глаза, а затем снова поднес к ним трубу.

— Конечно несовершенна. Нет в мире совершенства, — заявил Кит. — Не стоит верить, Хэл, всему, о чем философы толкуют, ибо это — кратчайшая дорога к разрушению. Сам видишь, сколь ничтожно влияние философии на Тома.

Я посмотрела на Мэтью и улыбнулась. Давно мы не слышали словесных баталий тех, кто принадлежал к Школе ночи.

— По крайней мере, Том в состоянии себя прокормить, чего не скажешь ни об одном из моих знакомых драматургов.

Уолтер посмотрел в телескоп и присвистнул:

— Том, я очень жалею, что ты не додумался до этой штуки раньше. В Виргинии ей бы цены не было. Стоишь себе преспокойно на палубе корабля и разглядываешь берег. Взгляни сам, Галлоглас, и только попробуй сказать, что я ошибаюсь.

— Ты никогда не ошибаешься, Уолтер, — ответил Галлоглас и подмигнул Джеку. — Крепко запомни мои слова, юный Джек. Тот, кто платит тебе жалованье, прав всегда и во всем.

Я пригласила к нам Благочестивую Олсоп и Сюзанну. Обе тоже смотрели на луну через звездное стекло Тома. Не скажу, чтобы это изобретение вызвало у них особый восторг, хотя ведьмы добросовестно его изображали, вздыхая и охая.

— И чего мужчины носятся с такими пустяками? — шепотом спросила у меня Сюзанна. — Я бы им и без этой штуки сказала, что луна совсем не гладкая. Или глаз у них нет?

Астрономический сеанс завершился, а с ним закончилось и все радостное, что было в сегодняшней встрече. Наступило тягостное время прощания. Энни мы отправили вместе с Сюзанной и Благочестивой Олсоп, сказав, что ее тетке тяжело одной вести домой старуху. Внешне все выглядело так, словно Энни переночует у Сюзанны, а завтра вернется сюда. Однако интуиция юной ведьмы заподозрила иное. Энни настороженно посмотрела на меня и спросила:

— Госпожа, вы уверены, что вам не понадобится моя помощь? Может, я лучше останусь?

— Нет, Энни. Благочестивая Олсоп еле ноги переставляет. Помоги тетке.

Я моргала, не давая слезам пролиться. И как только Мэтью выдерживал эти повторяющиеся прощания?

Затем ушли Кит, Джордж и Уолтер, пожав Мэтью руку и пожелав удачи. Голоса у них звучали угрюмо.

— Собирайся, Джек. Вы с Томом пойдете ко мне, — объявил мальчишке Генри Перси. — Время не слишком позднее. Ты там еще успеешь посмотреть в трубу на звезды.

— Я не хочу уходить, — засопел Джек.

Он повернулся к Мэтью, глядя на своего героя широко распахнутыми глазами. Как и Энни, он чувствовал надвигающуюся перемену.

— Тебе нечего бояться, Джек, — успокоил мальчика Мэтью, опускаясь перед ним на корточки. — Ты хорошо знаешь и мастера Хэрриота, и лорда Нортумберленда. Они уберегут тебя от всех напастей.

— А вдруг у меня случится кошмар? — шепотом спросил Джек.

— Знаешь, твой страх перед кошмарами чем-то похож на звездное стекло мастера Хэрриота. Там стекла и свет заставляют далекие предметы казаться ближе и больше, чем они есть на самом деле. Вот и твой страх преувеличивает силу кошмаров.

— Вот оно что... — Джек задумался. — Значит, даже если я во сне увижу чудовище, оно не сможет до меня добраться?

Мэтью кивнул:

— Но я расскажу тебе еще один секрет. Сон — это кошмар наоборот. Если тебе приснится тот, кого ты любишь, этот человек окажется ближе, даже когда он далеко.

Мэтью встал и положил руку на голову Джека, молчаливо благословляя мальчика.

После ухода Джека и его попечителей в доме остался лишь Галлоглас. Я открыла свою шкатулку для заклинаний и взяла оттуда нити. Внутри остался гладкий камешек, белое перо, обломок рябиновой ветки, мои драгоценности и записка отца.

— Я позабочусь о твоей шкатулке, — пообещал Галлоглас.

В его могучей ладони шкатулка выглядела совсем игрушечной. Племянничек заключил меня в медвежьи объятия.

— Оберегай другого Мэтью, чтобы однажды он смог меня найти, — глотая слезы, шепнула я на ухо Галлогласу.

Потом я отошла. Двое де Клермонов простились в свойственной им манере: кратко, но эмоционально.

Возле «Шапки кардинала» нас ожидал Пьер, держа поводья наших лошадей. Мэтью усадил меня в седло, затем уселся сам.

— Прощайте, мадам, — сказал Пьер, отпуская поводья.

— Спасибо, друг, — ответила я, и глаза в который раз наполнились слезами.

Пьер подал Мэтью письмо. Я узнала печать Филиппа.

— Милорд, здесь распоряжения вашего отца.

— Если через два дня я не объявлюсь в Эдинбурге, начинай меня искать.

— Непременно, милорд.

Мэтью тронул поводья, я натянула свои, и мы поскакали в направлении Оксфорда.

Мы трижды меняли лошадей и достигли Олд-Лоджа перед восходом солнца. Франсуазу и Шарля заблаговременно отослали из дому. Мы были там одни.

Письмо Филиппа Мэтью положил на письменном столе, расположив так, чтобы оно обязательно попалось на глаза его двойнику из XVI века. Письмо заставит *того* Мэтью спешно отправиться в Шотландию. Там Мэтью Ройдон какое-то время пробудет при дворе короля Якова, после чего исчезнет, чтобы в Амстердаме начать новую жизнь.

— Шотландский король обрадуется, что мое «помутнение рассудка» закончилось и я вновь стал прежним, — сказал Мэтью, водя ногтем по отцовскому письму. — Он может больше не опасаться моих попыток спасения ведьм.

— Мэтью, ты уже изменил ход событий в прошлом, — сказала я, обнимая его за талию. — Теперь нам предстоит выяснить, как это сказалось на событиях в нашем времени.

Мы прошли в спальню, куда восемь месяцев назад перенеслись из XXI века.

— Я тебя уже предупреждала: у меня нет полной уверенности, что, когда мы перенесемся через несколько столетий, нас выбросит в нужном времени и месте.

— Да, mon coeur, ты это говорила. Но я в тебя верю. — Мэтью взял меня под руку. Давай же снова встретимся с нашим будущим.

— До свидания, дом.

Я огляделась по сторонам. Этот дом я увижу снова, но он будет выглядеть совсем не так, как сейчас, ранним июньским утром 1591 года.

Голубые и янтарные нити в углах спальни вспыхнули и нетерпеливо загудели, наполняя комнату светом и звуком. Набрав в легкие воздуха, я сделала узел на коричневой нити, оставив один конец свободным. Нити были единственными предметами, которые мы брали в будущее, не считая одежды на нас.

— Первый узел завязала — заклинания начало, — прошептала я.

С каждым новым узлом время становилось все громогласнее. Пронзительные крики нитей оглушали.

Когда сплавились концы девятого узла, мы подняли ноги, и окружающий мир стал медленно таять.

Глава 40

Заголовки всех английских газет были более или менее схожи, но заголовок в «Таймс» показался Изабо самым емким и остроумным.

АНГЛИЧАНЕ БЫЛИ ПЕРВЫМИ,
КТО ВЗГЛЯНУЛ НА ЗВЕЗДЫ В ТЕЛЕСКОП

30 июня 2010 года

Энтони Картер, сотрудник Музея истории науки при Оксфордском университете и ведущий мировой эксперт в области старинных научных приборов и инструментов, подтвердил сегодня подлинность недавно обнаруженного рефракционного телескопа. На серебряной пластинке, прикрепленной к корпусу телескопа, значатся имена его создателей, живших в эпоху королевы Елизаветы I. Это Томас Хэрриот, математик и астроном, и Николя Валлен, механик и часовых дел мастер, который, будучи гугенотом, покинул Францию по религиозным соображениям. Помимо имен, на табличке выгравирована и дата изготовления телескопа — 1591 год.

Открытие сильно взбудоражило как историков, так и ученых, работающих в области точных наук. В течение нескольких веков слава изобретения телескопа принадлежала итальянскому математику и астроному Галилео Галилею. Считалось, что он, заимствовав у голландцев достаточно примитивную технологию изготовления увеличительных стекол, создал в 1609 году свой первый телескоп для наблюдения за луной.

«Нам придется переписывать учебники истории, — сказал Картер. — Прочитав „Натуральную магию“ — труд Джамбаттисты делла Порта, — Томас Хэрриот был поистине заинтригован эффектом взаимодействия выпуклых и вогнутых линз, что позволяло „видеть предметы удаленные, равно как и находящиеся вблизи, крупнее и отчетливее“».

Астрономические разработки Томаса Хэрриота оставались неизвестными для науки еще и потому, что он их не публиковал, предпочитая рассказывать о своих открытиях в узком кругу друзей, который ряд исследователей называет Школой ночи. Благодаря покровительству Уолтера Рэли и Генри Перси, графа Нортумберленда, прозванного графом-колдуном, Хэрриот не имел финансовых тягот и мог свободно заниматься тем, что его интересовало.

Телескоп был обнаружен И. П. Ридделлом вместе со шкатулкой, содержащей математические сочинения, написанные рукой Томаса Хэрриота, и изящную серебряную мышеловку с подписью Валлена. Мистер Ридделл занимался ремонтом колоколов в церкви Святого Михаила, близ фамильного замка Перси в Алнике, когда ураганный порыв ветра сорвал выцветшую шпалеру с изображением святой Маргариты, убивающей дракона. Под шпалерой скрывалась ниша, где и находились обнаруженные предметы.

«Инструменты того периода редко имели такое количество идентификационных свидетельств, — пояснил корреспондентам доктор Картер, обращая их внимание на выгравированную дату, которая подтверждает, что телескоп был изготовлен в 1591–1592 годах. — Мы в громадном долгу перед Николя Валленом, сознававшим, что этот телескоп явится важной вехой в истории создания научных инструментов. Он пошел на беспрецедентный для своего времени шаг, запечатлев не только дату изготовления, но и имена создателей».

— Они отказываются продавать все это, — сказал Маркус, приваливаясь к дверному косяку и скрещивая не только руки, но и ноги. Своей позой он очень напоминал Мэтью. — Я говорил со всеми, начиная с церковных властей в Алнике. Обращался к герцогу Нортумберленду, к епископу Ньюкасла. Они отказываются продавать телескоп даже за щедрые деньги, которые ты предложила. Правда, думаю, я сумел их уговорить продать мышеловку.

— О находке знает весь мир, — сказала Изабо. — Даже «Монд» напечатала статью.

— Нам нужно было нажать посильнее и предотвратить расползание информации. Ведьмы и их союзники извлекут из нее жизненно важные сведения.

Обитатели замка Сет-Тур, число которых постоянно увеличивалось, вот уже несколько недель задавались тревожным вопросом: что предпримет Конгрегация, если будет точно установлено местонахождение Дианы и Мэтью?

— А что на этот счет думает Фиби? — спросила Изабо.

Ей сразу понравилась рассудительная молодая особа с изящными манерами и волевым подбородком.

Лицо Маркуса потеплело. Он стал похож на себя прежнего — веселого и беззаботного, каким был до перемещения Мэтью в прошлое.

— Она считает, что пока слишком рано оценивать степень ущерба, причиненного находкой телескопа.

— Умная девочка, — улыбнулась Изабо.

— Не знаю, что бы я делал... — начал Маркус и вдруг помрачнел. — Я люблю ее, Grand-mère.

— Конечно любишь. И она тебя любит.

После майских событий Маркусу захотелось познакомить Фиби со своей семьей, и он привез девушку в Сет-Тур. Они с Маркусом были неразлучны. Попав в пестрое сообщество демонов, ведьм и вампиров, оказавшихся под одной крышей, Фиби проявляла замечательную находчивость и тактичность. Если ее и удивляло, что в мире, помимо людей, есть существа нечеловеческой породы, она это умело скрывала.

За несколько месяцев число членов тайного собрания Маркуса изрядно увеличилось. Здесь теперь постоянно жила Мириам — помощница Мэтью. Здесь обосновались дочь Филиппа Верен и ее муж Эрнст. Галлоглас, неугомонный внук Изабо, удивил всех: он жил в замке полтора месяца и покидать стены Сет-Тура не собирался. Сюда перебрались Софи Норман и Натаниэль Уилсон с их малышкой Маргарет, которая приобрела в замке власть, уступавшую только власти самой Изабо. Узнав, что внучка живет в Сет-Туре, туда зачастила мать Натаниэля Агата. Она приезжала без предупреждения и точно так же исчезала. Схожим образом вел себя лучший друг Мэтью Хэмиш. Даже Болдуин иногда заглядывал в родовое гнездо де Клермонов.

За всю ее долгую жизнь Изабо и в голову не приходило, что она окажется хозяйкой столь шумного и разношерстного сообщества.

— А где Сара? — спросил Маркус, вертя головой по сторонам. — Что-то я не слышу ее голоса.

— В Круглой башне. — Острым ногтем Изабо вырезала статью из газетного листа. — Софи была там с Маргарет и сказала, что Сара несет дозор.

— Какой еще дозор? Что случилось? — спросил Маркус, хватая газету.

Он все утро читал газеты, выискивая малейшие намеки на изменения в финансовой сфере и сфере влияния. Натаниэль умел мастерски вычленять и анализировать такие данные, считая, что это помогает лучше подготовиться к следующему шагу Конгрегации. Если теперь мир без Фиби казался Маркусу немыслимым, Натаниэль в этом мире становился незаменимым.

— Этот чертов телескоп еще наделает бед, — поморщился Маркус. — Я сразу понял. Конгрегация, конечно же, знает о газетной шумихе. Теперь им достаточно найти ведьму, способную перемещаться во времени, и можно отправляться в прошлое за моим отцом.

— Твоему отцу недолго оставаться в прошлом, если он вообще еще там.

— Я не щучу, Grand-mère. — Маркус вперился в газетный текст, окружавший дыру, которая осталась после выдранной статьи из «Таймс». — Откуда ты можешь знать?

— Сначала миниатюры, затем лабораторный журнал и наконец этот телескоп. Я знаю свою невестку. Телескоп — шаг, на который Диана решилась, когда уже нечего терять. Диана и Мэтью возвращаются домой, — заявила Изабо, проходя мимо внука.

Лицо Маркуса оставалось непроницаемым.

— Я думала, возвращение отца вызовет у тебя больше радости, — тихо сказала Изабо, останавливаясь у двери.

— Эти месяцы дались нам нелегко, — хмуро заметил Маркус. — Конгрегация не скрывает, что им нужны книга и дочка Натаниэля. Как только Диана вернется...

— Они не остановятся ни перед чем. — Изабо перевела дыхание. — По крайней мере, нам уже не надо будет волноваться за судьбу Дианы и Мэтью в прошлом. Мы все соберемся в Сет-Туре, сражаясь бок о бок.

И умирая бок о бок.

— С ноября прошлого года многое изменилось. — Маркус уставился в сверкающую поверхность стола, словно был колдуном и надеялся увидеть там будущее.

— Подозреваю, что и в их жизни тоже. Но любовь отца к тебе осталась неизменной. Саре сейчас очень нужна Диана. И тебе нужен Мэтью.

Изабо взяла газетную вырезку и направилась в Круглую башню, оставив Маркуса наедине с его мыслями. Когда-то башня служила Филиппу тюрьмой для особо важных преступников. Теперь там находилось что-то вроде семейного архива. Дверь на четвертом этаже была приоткрыта, однако Изабо все равно постучалась.

— Стучаться незачем. Это твой дом.

Хрипота в голосе Сары подсказывала, сколько сигарет она успела выкурить и какое количество виски влить в себя.

— Если ты ведешь себя подобным образом, я рада, что мне не придется ехать к тебе в гости, — резко ответила Изабо.

— Ко мне в гости? — тихо рассмеялась Сара. — Да я бы тебя на порог не пустила.

— Вампирам обычно не требуется приглашения.

Изабо и Сара постоянно совершенствовали свое искусство язвительной перебранки. Маркус и Эм безуспешно пытались убедить их соблюдать правила вежливого общения. Однако две матроны знали: их резкие перепалки помогали поддерживать хрупкое равновесие сил.

— Сара, напрасно ты тут сидишь.

— А чего мне тут не сидеть? Боишься, что помру от простуды? — Душевная боль, вдруг охватившая Сару, сделала ее голос пронзительным. Она скрючилась, словно ее ударили в живот. — Богиня, помоги мне! Как же я тоскую по ней! Изабо, скажи мне, что все это было дурным сном и Эмили по-прежнему жива.

— Это не было сном, — возразила Изабо, стараясь говорить как можно мягче. — Нам всем недостает Эмили. Сара, знаю, насколько тебе сейчас больно. И твоя пустота внутри мне знакома.

— Еще скажи, что со временем это пройдет, — буркнула Сара.

— Нет. Такое не проходит. — (Сара *подняла голову*, удивляясь признанию Изабо.) — Я каждый день тоскую по Филиппу. Едва восходит солнце, мое сердце кричит, взывая к нему. Я вслушиваюсь, надеясь услышать его голос, но слышу лишь тишину. Я жажду его прикосновения, а ловлю пустоту. Потом день кончается, напоминая мне, что моя истинная пара ушла из этого мира и я больше никогда не увижу его лица.

— Если ты пытаешься меня утешить, твой прием не действует, — сказала Сара, по щекам которой текли слезы.

— Эмили умерла, чтобы ребенок Софи и Натаниэля остался жить. Те, кто причастен к убийству твоей любимой, дорого заплатят. Это я тебе обещаю. Поверь мне, Сара: де Клермоны очень хорошо умеют мстить.

— Думаешь, месть вновь наполнит мою жизнь смыслом? — спросила Сара, щурясь заплаканными глазами на вампиршу.

— Нет. А вот видеть, как растет и взрослеет Маргарет, — да. И это, думаю, поднимет тебе настроение. — Изабо бросила газетную вырезку ведьме на колени. — Диана и Мэтью возвращаются домой.

ЧАСТЬ VI

НОВЫЙ МИР, СТАРЫЙ МИР

Глава 41

Попытки перенестись в Олд-Лодж XXI века оказались безуспешными. Я сосредоточилась на облике и запахах дома и увидела нити, которые связывали меня и Мэтью с ним: коричневые, зеленые, золотистые. Но они постоянно выскальзывали у меня из рук.

Тогда я попробовала настроиться на Сет-Тур. Нити, связывающие нас с тем местом, были характерным для Мэтью сочетанием черных и красных, слегка разбавленных серебряными. Я представила замок, полный знакомых лиц: Сара и Эм, Изабо и Марта, Маркус и Мириам, Софи и Натаниэль. Однако и эта надежная гавань оказалась недосягаемой.

Внутри нарастала паника. Стараясь полностью игнорировать ее поползновения, я перебирала сотни вариантов, ища альтернативное место возвращения. Оксфорд? Станция метро «Блэкфрайерс» в современном Лондоне? Собор Святого Павла?

Пальцы постоянно возвращались к одной нити в ткани времен, не мягкой и шелковистой, а жесткой и грубой. Я просмотрела эту нить по всей длине и обнаружила, что это вовсе не нить. В мой узор вплелся корень, ведущий к невидимому дереву. Поняв это, я споткнулась, словно зацепившись за невидимый порог, и упала на пол кладовой старого дома Бишопов.

Дома! Я приземлилась на четвереньки. Узлы на нитях между моими ладонями и полом начали распрямляться. Широкие сосновые доски были отполированы ногами многих поколений моих предков. Доски вызывали знакомые ощущения в пальцах. Символ постоянства в изменчивом мире. Я подняла голову. Вдруг мои тетки сейчас сидят в гостиной, ожидая нашего возвращения? Может, это они помогали нам вернуться? Заманчивая мысль оказалась нелепой. Воздух внутри дома говорил об обратном: о том,

что дом давно пустует и ни одна живая душа не появлялась здесь с прошлогоднего Хеллоуина. Даже призраки куда-то исчезли.

Мэтью плюхнулся рядом со мной. Его рука по-прежнему сжимала мою. Мышцы дрожали от напряжения, вызванного путешествием во времени.

— Мы одни? — спросила я.

Мэтью принюхался:

— Да.

После его короткого ответа дом пробудился. Безжизненная обстановка мигом сменилась напряженной. Я ощутила дискомфорт.

— Твои волосы опять поменяли цвет, — улыбнулся Мэтью.

Я нагнула голову. Локонов рыжеватой блондинки как не бывало. Вместо них — прямые шелковистые пряди рыжевато-золотистого цвета. Такой же цвет волос был у моей мамы.

— Должно быть, это от путешествия во времени.

Дом заскрипел и застонал. Я чувствовала, как он собирает энергию для выброса.

— Это всего лишь мы с Мэтью, — сказала я.

Мои слова звучали успокаивающе, но голос был резким и со странным акцентом. Однако дом меня узнал и облегченно вздохнул. Из трубы потянуло ветерком. Он принес незнакомый запах ромашки, смешанный с запахом корицы. Я оглянулась через плечо. Все тот же камин, все те же потрескавшиеся деревянные панели вокруг него. Я поднялась на ноги и... чуть не завопила от неожиданности.

— А это что еще за чертовщина?

Из каминной решетки торчали ветви дерева. Черный ствол заполнил собой дымоход. Помимо решетки, ветви пробивались сквозь каменную кладку и обшивку стен.

— Похоже на дерево из перегонного куба Мэри.

Мэтью, прибывший в наше время в черных бархатных штанах и вышитой полотняной рубашке, склонился над камином. Его палец коснулся комочка серебра, вдавленного в кору. Голос мужа, как и мой, был совсем из другой эпохи и из другого места.

— Вроде знакомая вещица, — сказала я. — Напоминает твой знак паломника.

Я тоже опустилась на корточки. Колокол моего черного платья накрыл пол. Так и есть! Знак паломника. Я узнала рисунок гроба Лазаря.

— Думаю, это он, — согласился Мэтью. — Внутри находятся две позолоченные полости. Обычно туда наливали святую воду. Но я, прежде чем покинуть Оксфорд, налил в одну полость свою кровь, а в другую — твою. — Он пристально посмотрел на меня. — Кровь каждого из нас находилась почти рядом. Это вселяло в меня ощущение, что мы с тобой неразлучны.

— Смотри. Твой древний сосуд оплавился по краям. Либо он попал в огонь, либо его сильно нагревали. Если внутри он был позолочен, помимо следов крови, там должны быть и следы ртути.

— Тогда это дерево было сделано из тех же веществ, что и алхимическое arbor Dianae Мэри. — Мэтью поднял голову, разглядывая голые ветви.

Запах ромашки и корицы усилился. Дерево вдруг зацвело. Но мы не увидели ни цветков, ни плодов. С ветвей свешивались иные «плоды»: ключ и лист пергамента.

— Да это же страница из манускрипта, — сказал Мэтью, снимая его с ветки.

— Значит, в двадцать первом веке манускрипт остается поврежденным и неполным. И никакие наши действия в прошлом не смогли этого изменить, — сказала я, успокаивая себя глубоким дыханием.

— Велика вероятность, что «Ашмол-782» надежно спрятан в Бодлианской библиотеке, — тихо сказал Мэтью. — А это ключ от машины.

Мэтью потянулся за ключом. Я успела отвыкнуть от автомобилей. Все эти месяцы единственными видами транспорта для нас были лошади, корабли и лодки. Я подошла к окну, но у фасада не стояло ни одной машины. Взгляд Мэтью пропутешествовал в том же направлении.

— Мы с Маркусом и Хэмишем условились так: они сделают все необходимое, чтобы мы самостоятельно добрались до Сет-Тура. Не удивлюсь, если они на всякий случай договорились по всей Европе и Америке о прокате машин. Но оставлять машину на виду, да еще возле пустого дома... на такое они бы не пошли, — рассуждал вслух Мэтью.

— Гаража в доме нет.

— Но есть сарай для хмеля.

Рука Мэтью привычно опустилась вниз. Вот только кармана, куда он намеревался положить ключ, в его штанах не существовало.

— Надеюсь, они позаботились и о современной одежде для нас? — спросила я, указывая на свой наряд.

Вместе с одеждой в двадцать первый век перенеслась дорожная пыль. Из Лондона в Олд-Лодж мы ехали по обычным грунтовым дорогам.

— Идем проверим, — предложил Мэтью.

Ключ и лист пергамента он отнес в гостиную. Оттуда мы прошли в кухню.

— Все те же коричневые обои в клеточку, — сказала я, глядя на знакомый узор обоев и невероятно старый холодильник.

— И все тот же дом, — добавил Мэтью, беря меня под руку.

— Без Сары и Эм — не тот.

За эти месяцы я успела привыкнуть к обилию слуг и многолюдности быта. Наша современная семья показалась мне такой маленькой и хрупкой. Здесь не будет Мэри Сидни, к которой можно зайти ненастным вечером и откровенно поговорить о моих заботах. Сюзанна и Благочестивая Олсоп не заглянут, чтобы выпить вина и помочь мне отшлифовать новое заклинание. Не будет и Энни, всегда безропотно помогавшей мне снимать корсет и многочисленные юбки. А под ногами не будут путаться ни Джек, ни его четвероногая Швабра. Если нам понадобится помощь, Генри Перси не бросится нас выручать без колебаний и лишних вопросов.

Я обняла Мэтью за талию. Мне хотелось убедиться, что он такой же крепкий и надежный, каким был в прошлом.

— Ты всегда будешь по ним скучать, — тихо сказал он, догадываясь о моих мыслях. — Но эта боль со временем утихнет.

— Я начинаю чувствовать себя вампиршей, а не ведьмой, — с грустью призналась я. — Столько прощаний! Те, к кому успела привыкнуть и полюбить, исчезают, и ты понимаешь, что навсегда.

На стене я заметила календарь. Там был ноябрь прошлого года. Я показала Мэтью.

— А вдруг дом пустует с ноября прошлого года? — спросил он.

Моя тревога передалась и ему.

— Должно быть, случилось что-то непредвиденное, — сказала я и потянулась к старому телефонному аппарату. Мэтью перехватил мою руку:

— Нет. Возможно, Конгрегация отслеживает звонки и даже наблюдает за домом. Нас ждут в Сет-Туре. Возвращаясь сюда, мы могли промахнуться на час, а могли и на год. Но в любом случае нас там ждут.

Нашу современную одежду мы нашли на крышке сушильной машины. Наволочка, куда она была запихнута, предохраняла ее от пыли. Рядом стоял портфель Мэтью. Значит, после нашего исчезновения Эм побывала здесь хотя бы раз. Она всегда отличалась предусмотрительностью и практической сметкой. Одежду Елизаветинской эпохи — эти наглядные доказательства нашей жизни в прошлом — я аккуратно завернула в простыни и запихнула под мышки. Страницу из «Ашмола-782» Мэтью надежно убрал в портфель.

Прежде чем покинуть дом, Мэтью внимательно осмотрел сад и окрестные поля. Острое зрение и вампирское чутье заметили бы малейшую опасность. Я проделала то же самое, открыв ведьмин третий глаз. Но за нами никто не следил. Я видела воду, что текла под садом, слышала сов на деревьях, улавливала сладкий привкус утреннего летнего воздуха. И все. В Мэдисоне только начало светать.

— Пошли, — сказал Мэтью, забирая у меня один узел.

Но мы не пошли, а побежали, быстро одолев расстояние до сарая. Его дверь сдвигалась в сторону. Мэтью взялся за ручку, надавил, однако дверь не поддавалась.

— Сара запечатала дверь заклинанием, — сказала я. Нити теткиного заклинания были обмотаны вокруг ручки и уходили в волокна древесины. — Надежным, надо отдать ей должное.

— Настолько надежным, что тебе его не сломать? — насторожился Мэтью.

Его настороженность меня не удивляла: ведь когда мы покидали этот дом в канун Хеллоуина, я не могла зажечь свечки в тыквенных фонариках. Но сейчас я нашла концы нитей теткиного заклинания и улыбнулась.

— Никаких узлов. Сара — сильная ведьма, но она не прядильщица.

Когда я вытянула теткины нити наружу, две мои нити — зеленая и коричневая — достигли Сариного заклинания и сняли его с быстротой, которой позавидовал бы наш опытный воришка Джек.

В сарае стояла «хонда» Сары.

— Как нам затолкать тебя в салон? — задумалась я.

— Ничего, помещусь, — ответил Мэтью, забрасывая узлы с одеждой на заднее сиденье.

Он протянул мне портфель, втиснулся на переднее сиденье. Двигатель машины несколько раз чихнул и ожил.

— Куда теперь? — спросила я, пристегиваясь ремнем.

— В Сиракьюс. Оттуда полетим в Монреаль, дальше — в Амстердам, где у меня есть дом.

Мэтью свернул в проезд и неспешно вывел машину на местное шоссе, вьющееся между полями.

— Если нас выслеживают, то наверняка в Нью-Йорке, Лондоне и Париже.

— Но у нас нет паспортов, — спохватилась я.

— А ты загляни под коврик. Маркус не забыл предупредить Сару, чтобы оставили их там.

Я отогнула грязные коврики и нашла французский паспорт Мэтью и свой американский.

— А почему обложка твоего паспорта не бордового цвета? — удивилась я, доставая паспорта из пластикового мешочка с застежкой (тоже Эм позаботилась).

— Потому что это дипломатический паспорт. — Мэтью вывернул на скоростное шоссе и включил фары. — Кстати, там должен быть такой же на твое имя.

Внутри американского паспорта я нашла другой — французский дипломатический паспорт, выданный на имя Дианы де Клермон. В нем было зафиксировано, что я состою в браке с Мэтью. Оставалось только гадать, каким образом Маркус сумел скопировать мою фотографию, не повредив оригинала.

— Так ты и в этом веке шпион? — спросила я, ошеломленная новым документом.

— Нет. Это как и вертолеты, — улыбнулся Мэтью. — Одно из преимуществ, какие дает принадлежность к семейству де Клермон.

Аэропорт Сиракьюс я покидала, будучи Дианой Бишоп, а в Амстердам на следующий день прилетела уже Дианой де Клермон. Дом Мэтью оказался особняком XVII века, стоящим на самом живописном отрезке набережной канала Херенграхт. От Мэ-

тью я узнала, что этот особняк он купил в 1605 году, перебравшись сюда из Шотландии.

Здесь мы задержались ровно настолько, чтобы принять душ и переодеться. Я оставила легинсы, надетые еще в Мэдисоне, и лишь сменила рубашку, позаимствовав одну из рубашек Мэтью. Он облачился в привычную одежду серых и черных тонов, предпочитая кашемир и шерсть, хотя, если верить газетам, был конец июня. Брюки скрыли ноги Мэтью, к чему я никак не могла привыкнуть, ведь по моде XVI века он носил чулки и короткие штаны.

— Все вполне честно, — комментировал эту перемену Мэтью. — Я несколько месяцев не видел твоих ног, за исключением спальни.

Мы спустились в подземный гараж, и тут с Мэтью едва не случился сердечный приступ. Его любимого «рейнджровера» там не было. На том месте, где муж рассчитывал найти своего верного «коня», стояла темно-синяя спортивная машина с откидным верхом.

— Я убью его! — пообещал Мэтью, увидев приземистую машину.

Ключом от дома муж отпер металлический ящик, прикрученный к стене. Внутри лежал другой ключ и записка: «Добро пожаловать домой. Никому и в голову не придет, что ты поедешь на этой машине. Она безопасная. И быстрая. Привет, Диана. М.».

У приборной доски было сверкающее хромовое покрытие, а сами приборы напоминали авиационные.

— Как называется эта машина? — спросила я.

— «Спайкер спайдер». Маркус коллекционирует машины, названные в честь паукообразных.

Двери спортивного автомобиля открывались непривычным образом — вертикально, словно крылья реактивного истребителя.

— Тоже мне, нашел неброскую машину! — выругался Мэтью.

На машине Маркуса мы пересекли бельгийскую границу. Возле первого же автосалона Мэтью загнал ее на стоянку. После недолгих переговоров с менеджером к нему перекочевали ключи от темно-синего чуда, и мы пересели в более вместительную и менее навороченную машину. Пусть она напоминала ящик на колесах, но на ней мы благополучно въехали во Францию и через несколько часов начали медленно подниматься по горам Оверни, держа путь к Сет-Туру.

Наконец за деревьями замелькали очертания знакомого замка-крепости: розовато-серый камень стен, темное башенное окно. Я не удержалась от сравнений, вспоминая, как выглядел замок и прилегающая деревня в 1590 году. Сегодня над Сен-Люсьеном не вилась серая пелена дыма. Звяканье колокольчиков вдали заставило меня повернуть голову. Мне хотелось увидеть потомков тех коз, что когда-то вечерами спускались с пастбищ, предвкушая ужин. Я знала: Пьер не прискачет нам навстречу, освещая дорогу факелом, а на современной кухне я не увижу Шефа, который острейшим тесаком отсекал фазанам головы, чтобы затем быстро приготовить еду для теплокровных и вампиров.

И конечно же, в замке не будет Филиппа, не будет раскатов его смеха, едких замечаний о тленности человеческой натуры, цитат из Еврипида и мудрых рассуждений о проблемах, с которыми нам предстоит столкнуться, вернувшись в свое время. Когда я перестану с замиранием сердца ожидать его шагов и зычного голоса? При мысли о свекре у меня заныло сердце. В этом ярко освещенном современном мире с его громадными скоростями не было места для таких героев, как Филипп.

— Ты думаешь о моем отце, — пробормотал Мэтью.

Наши молчаливые ритуалы вампирского вкушения крови и ведьминого поцелуя обострили способность угадывать мысли друг друга.

— Ты тоже думаешь о нем, — сказала я.

Отец занимал мысли Мэтью с тех пор, как мы пересекли французскую границу.

— После его смерти замок стал для меня пустым. Стены давали пристанище, но прежнего уюта там уже не было.

Мэтью бросил мимолетный взгляд на замок и снова сосредоточился на дороге. Я ощущала груз ответственности, лежащей на нем, и сыновний долг быть достойным отцовского наследия.

— Быть может, на этот раз все окажется по-другому. Сейчас в замке Сара и Эм, Маркус. Я уже не говорю про Софи и Натаниэля. И Филипп по-прежнему с нами, если только мы научимся сосредоточиваться на этом, а не на его отсутствии.

Дух Филиппа будет ощущаться в тенях каждой комнаты, в каждом камне стен. Я внимательно смотрела на прекрасное, суровое лицо мужа и лучше, чем прежде, понимала, как жизненный опыт и боль лепили эти черты. Моя рука лежала на животе. Дру-

гую я протянула Мэтью, предлагая утешение, в котором он отчаянно нуждался.

Его пальцы сжали мои. Потом Мэтью отпустил мою руку. Некоторое время мы молчали. Вскоре мои пальцы начали нетерпеливо барабанить по бедру. Меня так и подмывало открыть прозрачный люк в передней части крыши, выпорхнуть из машины и полететь к крыльцу замка.

— И думать не смей! — прорычал Мэтью, смягчая запрет широкой улыбкой.

Я тоже улыбнулась, но тут он еще сбросил скорость, чтобы миновать опасный изгиб дороги.

— Тогда поторопись! — потребовала я.

Мне было не совладать с охватившим меня нетерпением. Я взывала к двигателю машины, но показания цифрового спидометра упорно держались на прежней отметке.

— Напрасно ты обменял машину Маркуса на эту колымагу, — застонала я.

— Терпение. Мы уже почти приехали.

«Дорога не дает мне шанса ехать быстрее», — поймала я мысль Мэтью.

Боже! Он еще сбросил скорость!

— Помнишь, что́ говорила Софи, когда муж вез ее к нам беременную? «Он ведет машину, как старуха».

— Представь, как Натаниэль вел бы машину, будь он на самом деле старухой. Да еще старухой, прожившей столько, сколько я. Теперь и я буду так ездить, если ты сидишь рядом. — Мэтью потянулся за моей рукой, поднес к губам и поцеловал.

— Изволь держать руль обеими руками, старуха, — пошутила я.

Мы проехали последний изгиб дороги. Дальше она выпрямлялась и тянулась прямо к крыльцу замка, окаймленная с обеих сторон ореховыми деревьями.

«Ну быстрее!» — мысленно просила я. Вдали мелькнула крыша башни Мэтью. Но когда машина не увеличила скорость, а чуть ли не поползла, я наградила мужа сердитым взглядом, требуя объяснения.

— Нас встречают, — пояснил Мэтью, качнув головой.

Посреди дороги, словно статуи, застыли Софи, Изабо и Сара.

Демоница, вампирша и ведьма. Нет, их было четверо. Софи держала на руках ребенка. Я увидела густую шапку каштановых

волос и длинные крепенькие ножки. Одной ручонкой малышка цеплялась за локоны Изабо, вторая была властно простерта в нашу сторону. Наши глаза встретились. Я ощутила легкое, но очень знакомое покалывание в теле. Значит, предсказание сбылось: у Софи и Натаниэля родилась ведьма.

Не дожидаясь, когда Мэтью остановит машину, я щелкнула пряжкой ремня безопасности, распахнула дверь и выбежала на дорогу. Слезы хлынули сами собой. Сара бросилась мне навстречу. На ней была все та же одежда из флиса и фланели. Тетка окружила меня знакомыми запахами белены и ванили.

«Дома», — подумала я.

— Как я рада вашему благополучному возвращению! — порывисто произнесла она.

А за спиной Сары Софи осторожно разжала детские пальчики, отведя их от волос Изабо. Лицо матери Мэтью, как всегда, было прекрасным и непроницаемым, но складки вокруг рта свидетельствовали, что ей вовсе не хотелось расставаться с ручонкой маленькой ведьмы. Эти складки, этот напряженный рот были одними из «теллсов» Мэтью. Зная, каким образом у вампиров появляются сыновья и дочери, такая схожесть была более чем странной.

Я осторожно высвободилась из объятий Сары и повернулась к Изабо.

— Я сомневалась, что вы вернетесь, — призналась она. — Такое долгое отсутствие. А тут Маргарет вдруг начала требовать, чтобы ее понесли на дорогу. И тогда я поверила в ваше благополучное возвращение. — Изабо вглядывалась в мое лицо, пытаясь что-то узнать.

— Мы вернулись. И останемся.

В долгой жизни вампирши было слишком много потерь. Я поцеловала ее в обе щеки.

— Bien, — удовлетворенно произнесла Изабо. — Нам всем очень недоставало вашего общества. Даже Маргарет.

Услышав свое имя, малышка затянула нараспев:

— Д-д-д-д...

Она сучила ножками и размахивала ручками, словно взбивала яйца сразу в четырех мисках. Маленькая ведьма пыталась добраться до меня.

— Умная девочка, — одобрительно сказала Изабо, погладив по голове Маргарет, а затем и Софи.

— Хочешь подержать свою крестницу? — спросила Софи, улыбаясь сквозь слезы.

«Как же она похожа на Сюзанну», — подумала я.

— Хочу, — сказала я, чмокая молодую мать в щеку.

Она протянула мне ребенка.

— Ну здравствуй, Маргарет, — прошептала я, вдыхая младенческий запах.

— Д-д-д-д... — заверещала Маргарет и тут же ухватила прядь моих волос.

— Да ты у нас возмутительница спокойствия! — засмеялась я.

Маргарет в знак протеста принялась колотить меня по ребрам.

— Представляешь, родилась под знаком Рыб, но упрямством — вся в отца, — защебетала Софи. — Сара была на церемонии вместо тебя. Агата тоже приезжала. Сейчас ее нет, но не удивлюсь, если скоро появится. Они с Мартой сделали изумительный торт. Снаружи — весь в сахарных нитях. Просто шедевр. А Маргарет мы нарядили в потрясающее платьице... Слушай, а у тебя речь изменилась, как будто ты долго жила в другой стране. И волосы у тебя изменились. Мне такие больше нравятся. Наверное, ты проголодалась в пути?

Софи перескакивала с темы на тему, не делая пауз. Так говорили Том и Джек. При воспоминании о них у меня защемило сердце. Я была в кругу семьи и все равно чувствовала боль от потери друзей.

Поцеловав Маргарет в лоб, я вернула маленькую ведьму матери. Дверь «рейнджровера» со стороны водительского сиденья была распахнута. Мэтью стоял в странной позе: левая нога упиралась в землю Оверни, а правая оставалась на полу машины, будто он сомневался, стоило ли нам сюда приезжать.

— А где Эм? — спросила я.

Сара и Изабо переглянулись.

— Остальные ждут вас в замке. Идемте все туда, — предложила Изабо. — Мэтью, машину можешь оставить здесь. Кто-нибудь пригонит ее во двор. После стольких часов за рулем тебе не помешает размять ноги.

Я обняла Сару за талию. Мы прошли несколько шагов. Меня удивило поведение Мэтью. Он по-прежнему стоял возле машины. Я обернулась. Наши глаза встретились. «Семья тебя ждет, — мысленно сказала я мужу. — *Идем к тем, кто тебя любит*».

Он улыбнулся, и у меня сразу отлегло от сердца.

Не знаю, слышали ли другие удивленный возглас Изабо. Его можно было принять за легкий шелест ветра.

— Что такое? Биение сразу нескольких сердец? Твоего... и еще двух?

Зеленые глаза вампирши скользнули к моему животу. В уголке одного глаза появилась красная капелька, готовая упасть. Изабо удивленно посмотрела на Мэтью. Он кивнул, и тогда кровавая слеза его матери поползла по щеке.

— *В моей семье появились близнецы*, — сказала я.

Мэтью уловил биение второго сердца еще в Амстердаме, перед тем как мы сели в машину Маркуса.

— В моей тоже, — прошептала Изабо. — Значит, сон Софи оказался вещим? Ты носишь ребенка Мэтью?

— Детей Мэтью, — поправила я, глядя, как красная слеза медленно ползет по ее щеке.

— Так это же новое начало, — сказала Сара, вытирая свои глаза.

Изабо как-то странно улыбнулась моей тетке.

— У Филиппа было любимое изречение насчет начал. Какое-то древнее. Мэтью, ты его помнишь? — спросила Изабо.

Мэтью окончательно выбрался из машины, словно истек срок действия заклинания, удерживавшего его. Он подошел ко мне, поцеловал мать в щеку и крепко взял меня за руку.

— «Omni fine initium novum», — произнес Мэтью, окидывая взглядом земли своего отца.

Казалось, он только сейчас по-настоящему ощутил, что вернулся домой.

«Каждый конец несет в себе новое начало», — мысленно перевела я.

Глава 42

30 мая 1593 г.

Обещание, которое взял с Энни мастер Марло, было выполнено. Фигурку богини Дианы молодая ведьма отнесла отцу Хаббарду. Длинные пальцы вампира обхватили фигурку. У Энни сжалось сердце. Серебряная Диана всегда напоминала ей о Диане Ройдон. Даже сейчас, когда прошло почти два года с момента внезапного исчезновения хозяйки, Энни скучала по ней.

— *И больше Кит ничего не сказал?* — спросил Хаббард.

Он вертел фигурку, наклоняя в разные стороны. Стрела охотницы, поймав отблеск свечи, ярко вспыхнула, словно готовясь полететь.

— Ничего, отец. Утром мастер Марло отправился в Дептфорд, а перед этим велел отнести вам это. Еще он сказал, что вы знаете, как надо действовать дальше.

В тонком колчане серебряной охотницы, между стрелами, был засунут клочок бумаги.

— Энни, дай-ка мне булавку, — велел Хаббард, заметив клочок.

Ошеломленная, Энни вытащила из корсажа первую попавшуюся булавку и подала вампиру. Хаббард проткнул острым концом бумагу и осторожно извлек записку. Прочитав ее, он нахмурился и покачал головой:

— Бедный Кристофер. Он всегда был потерянным чадом Божьим.

— Значит, мастер Марло не вернется назад? — спросила Энн, подавляя вздох облегчения.

Она всегда недолюбливала драматурга, а после ужасных событий на ристалище Гринвичского дворца его репутация в глазах Энни совсем упала и уже не смогла подняться. С тех пор как Рой-

доны уехали, ничего не сообщив о том, куда направляются, Марло пребывал в состоянии глубокой меланхолии. Часто его меланхолия сменялась отчаянием, а то и черной трясиной. Иногда Энни казалось, что тьма вот-вот поглотит его. Ведьму заботило только одно: только бы эта трясина не засосала и ее.

Вспомнив, что Энни ждет его ответа, Хаббард сказал:

— Нет, Энни. Господь сообщил мне, что мастер Марло покинул наш мир и вступил в мир иной. И да обретет он там долгожданный покой, которого не знал здесь.

Хаббард перевел взгляд на другое свое чадо — Энни. За это время она успела превратиться из нескладного подростка в привлекательную девушку. Быть может, она излечит Уилла Шекспира от его греховной любви к чужой жене.

— Но ты не горюй. Госпожа Ройдон просила меня заботиться о тебе, как о родной дочери. Как ты знаешь, я и без ее просьб всегда заботился о своих детях. У тебя будет новый хозяин.

— Скажите, отец, кто он?

Энни понимала: ей придется безропотно идти в услужение к тому, кого назовет Хаббард. Она мечтала стать портнихой, обосноваться в Ислингтоне, брать заказы и ни от кого не зависеть. Помнится, когда Энни поделилась своей мечтой с госпожой Ройдон, та объяснила, какая сумма понадобится на это. Чтобы скопить такие деньги, нужно соглашаться на любую работу и экономить каждый пенни.

— Я отправлю тебя к мастеру Шекспиру. Теперь, когда ты научилась читать и писать, твое положение повысилось. Возможно, ты сумеешь стать ему полезной и помогать в работе.

Хаббард вертел между пальцами записку Кита. Ему очень хотелось добавить ее к посылке, которую он недавно получил из Праги. Посылка пришла к нему благодаря разветвленной сети почтовых курьеров и торговцев, созданной голландскими вампирами.

Хаббард до сих пор не понимал, зачем Эдвард Келли послал ему странную картинку, изображавшую драконов. Эдвард был темной и скользкой личностью. Хаббард не одобрял его моральных принципов, которые правильнее было бы назвать беспринципностью. Этот демон не видел ничего предосудительного в откровенном воровстве и прелюбодеянии. Однако Эдвард тоже принадлежал к числу детей Хаббарда. Помнится, проводя с Келли ритуал

принятия в семью и добровольного приношения крови, он не испытал никакого удовольствия. Это походило на малоприятную обязанность. Взамен Хаббард сумел заглянуть в душу Келли и понял, что не хочет видеть его в Лондоне. Тогда он отослал Эдварда в Мортлейк. С тех пор Ди не докучал Хаббарду просьбами найти ему учителя магии.

Однако Марло писал, что фигурка Дианы должна перейти к Энни. Хаббард сознавал, что не смеет изменять последнюю волю того, кто писал записку за считаные часы до смерти. Поэтому он протянул Энни фигурку и клочок бумаги.

— Советую отнести это к твоей тетке Сюзанне. У нее то и другое сохранится надежнее. Записка — память о мастере Марло.

— Да, отец Хаббард, — сказала Энни.

Она тоже не посмела ослушаться повеления своего духовного отца, хотя с бóльшим удовольствием продала бы серебряную вещицу, а деньги спрятала в чулок, где хранились ее сбережения.

Покинув церковную крипту, где по-прежнему находился двор Эндрю Хаббарда, Энни побрела по лондонским улицам к жилищу Уилла Шекспира. Он был менее взбалмошным, чем Марло. Госпожа Ройдон всегда говорила о нем с уважением, хотя друзья Шекспира часто потешались над ним.

Энни быстро прижилась на новом месте. Ее настроение с каждым днем становилось все радостнее. Когда пришли известия о печальных обстоятельствах кончины Марло, Энни поблагодарила Бога, своевременно избавившего ее от многих напастей. Новость о смерти Марло сильно подействовала на мастера Шекспира. Он крепко напился и даже повздорил с распорядителем празднеств, но сумел дать убедительные объяснения, сказав, что не помнил себя от горя. Потом все вернулось в прежнюю размеренную колею.

Жилище мастера Шекспира требовало основательного наведения порядка. Постепенно Энни добралась и до окна, успевшего потемнеть от грязи. Ей пришлось не раз сменить воду. Энни погрузила тряпку в таз, наклонилась. И вдруг из кармана ее фартука выпал клочок бумаги. Ветер, дувший в открытое окно, подхватил его и швырнул на пол.

— Энни, что это? — насторожился Шекспир, указывая пером на выпавшую бумажку.

В голове мелькнула мысль: «Не ведет ли служанка двойную игру?» Прежде Энни служила у Кита Марло. Конечно, прежнему хозяину она уже ничего не могла сообщить о Шекспире. Но у него хватало соперников среди живых драматургов. Недопустимо, чтобы они узнали, как отчаянно он нуждается в покровителе. Когда из-за чумы позакрывались едва ли не все театры, трудно поддерживать в надлежащем состоянии тело и дух. Его поэма «Венера и Адонис» могла бы поправить финансовые дела... только бы никто не украл у него сюжет.

— Энни, ты слышала вопрос? Что это?

— Ничего, м-м-мастер Шекспир, — пробормотала, запинаясь, служанка и нагнулась за бумажкой.

— Раз ничего, подними и подай мне, — велел драматург.

Получив бумажку, Шекспир сразу узнал почерк. У него зашевелились волосы на затылке. Это было послание от мертвеца.

— Когда Марло дал тебе эту бумажку? — сурово спросил Уилл.

— Он не давал мне ее, мастер Шекспир. — Энни не могла заставить себя соврать. Ее способности ведьмы были невелики, зато судьба щедро наградила девушку честностью. — Записка была спрятана. Ее нашел отец Хаббард и отдал мне. Сказал, что на память о мастере Марло.

— А он нашел записку уже после смерти Марло?

Покалывание в затылке Шекспира утихло. Тревога сменилась любопытством.

— Да, — прошептала Энни.

— Тогда я оставлю записку себе. Так она надежнее сохранится.

— Конечно.

Шекспир сжал пальцы. Энни с тревогой смотрела, как последние слова Кристофера Марло исчезли в кулаке ее нового хозяина.

— И смени тряпку. Этой ты не столько моешь, сколько грязь растираешь. Давай иди. Мне работать надо.

Отправив Энни за чистыми тряпками, Шекспир разжал кулак и внимательно прочитал строчки:

> Черный — цвет утраты истинной любви.
> Цвет демонов,
> И тени ночи.

Шекспир вздохнул. Он никогда не понимал стихотворного размера, которым писал Кит. А меланхоличный юмор и болезненное обаяние были слишком мрачными для нынешних печальных времен. Такое лишь испугает зрителей, особенно сейчас, когда смерти в Лондоне стали повседневным явлением. Он вертел в руках перо и думал.

Утрата истинной любви. Да уж... Шекспир насмешливо фыркнул. В своих пьесах он только и делал, что воспевал истинную любовь, хотя те, кто ему платил, похоже, никогда не уставали от любовных охов и вздохов. Шекспир написал эти слова на листе, затем перечеркнул, поместив поверх них единственное односложное слово, которое точнее передавало его ощущения.

Демоны. Шекспира до сих пор терзал и раздражал успех «Фауста», написанного Китом. У него самого не было таланта писать о существах, обитающих за пределами видимого и осязаемого мира. Ему куда лучше удавались характеры простых смертных с их чисто человеческими недостатками. Иногда Шекспиру казалось, что и он мог бы написать превосходную пьесу с участием призраков. Возможно, там бы действовал злой, мстительный призрак отца, отравляющий жизнь сыну. Шекспир содрогнулся всем телом. Из его собственного отца получился бы жуткий призрак, если Господу вдруг наскучило бы общество Джона Шекспира и отцовский жизненный путь подошел бы к концу... Нет, не надо ему сейчас никаких демонов.

Тень ночи. Какое вялое, предсказуемое завершение стихов. Это вполне мог бы написать Джордж Чапмен, не приди ему в голову что-нибудь пооригинальнее. Шекспир написал и эти слова. «Тень» ему особенно не нравилось. На что бы ее заменить? Зачеркнув «тень», он написал «сень». «Сень ночи». Ничуть не лучше, поскольку затерто до дыр. Поверх зачеркнутой «сени» Шекспир написал «ткань». Опять никуда не годится.

Отложив перо, Шекспир стал думать о судьбе Марло и своих друзей. Все они были сейчас недосягаемыми и неосязаемыми, словно тени. Генри Перси купался в лучах столь редкой и переменчивой благосклонности королевы и неотступно находился при дворе. А вот придворная звезда Рэли, женившегося тайком, без позволения Елизаветы, закатилась. Ему было приказано удалиться в глушь Дорсета, где, как надеялась королева, о нем все

забудут. Хэрриот тихо сидел в какой-то норе и либо решал очередную математическую головоломку, либо пялился в небеса, подражая Робину Гудфеллоу[1]. До Шекспира доходили слухи, что Чампена Сесил отправил в Нидерланды с какой-то миссией и он торчал там, сочиняя поэмы о ведьмах. А Марло недавно убили в Дептфорде, хотя поговаривали, что он попросту свел счеты с жизнью. Возможно, тот странный валлиец мог бы рассказать больше, поскольку находился в таверне вместе с Марло. Ройдон — единственный по-настоящему сильный и влиятельный человек из всех, кто встречался Шекспиру, — бесследно исчез летом 1591 года вместе со своей таинственной женой. Куда они уехали и что с ними — не знал никто.

Единственным из круга Марло, о ком Шекспир слышал регулярно, был великан-шотландец Галлоглас. Он держался скорее как принц, нежели слуга, и рассказывал изумительные истории о феях и духах. У него для Шекспира постоянно находилась какая-то работа, благодаря чему драматург имел крышу над головой. Но Галлогласа интересовали не пьесы. Ему требовались иные способности Шекспира — умение подделывать чужой почерк. Платил Галлоглас хорошо и регулярно, особенно когда нужно было почерком Ройдона сделать пометки на полях какой-нибудь книги или написать письмо и поставить его подпись.

«Ну и сборище, — подумал Шекспир. — Все как один предатели, безбожники и мастера затей преступных». Он обмакнул перо, написал слово, зачеркнул жирной линией. Потом быстро набросал свой вариант стихов Марло.

Черный есть преисподни цвет,
Застенков цвет и школы ночи.

Теперь строки ничем не напоминали сочиненные Китом. Шекспир тоже владел алхимией — алхимией слов. Своим талантом он преобразил идеи умершего Марло, годные для таких опасных людей, как Ройдон, в нечто приемлемое для лондонских простолюдинов. И вся трансформация отняла у него лишь несколько минут.

Изменив прошлое, Шекспир тем самым внес перемены и в будущее, однако при этом не испытывал ни малейших угрызений

[1] Веселый, проказливый дух, персонаж английских народных сказок.

совести. Выступление Марло на сцене мира закончилось, а его собственное только начиналось. Память людская была коротка, да и ход истории добротой не отличался.

Удовлетворенный, Шекспир поместил бумажку с новыми строками на край стола, где лежали такие же бумажки, придавленные собачьим черепом. В один прекрасный день он найдет, куда вставить эти стихи. Но потом его стали одолевать мысли.

Пожалуй, он зря отбросил за ненадобностью слова «утрата истинной любви». В них что-то было. Шекспиру они казались запертой шкатулкой, ожидавшей, когда к ней подберут ключ. Он взял кусок бумаги, отрезанный от листа, где оставалось чистое пространство. Эту вялую и неискреннюю попытку экономить Шекспир предпринял, когда Энни показала ему счет, принесенный от мясника.

«Бесплодные усилия любви», — крупными буквами вывел он.

Да, эту фразу Шекспир однажды использовал.

Действующие лица

Знаком «» отмечены те, кого историки считают реально существовавшими*

Часть I. Вудсток. Олд-Лодж

Диана Бишоп, ведьма

Мэтью де Клермон, известный также как * Ройдон, вампир

*Кристофер Марло, демон и драматург

Франсуаза и Пьер, вампиры, слуги Мэтью

*Джордж Чапмен, писатель, обладающий некоторой репутацией, но не имеющий меценатов

*Томас Хэрриот, демон и астроном

*Генри Перси, граф Нортумберленд

*Сэр Уолтер Рэли, искатель приключений

Джозеф Бидуэлл, отец и сын, сапожники

Мастер Сомерс, перчаточник

Вдова Битон, знахарка

Мистер Дэнфорт, священнослужитель

Мастер Иффли, перчаточник

Галлоглас, вампир и «солдат удачи»

*Дэвид Гам, известный также как Хэнкок, вампир, валлийский спутник Галлогласа

Часть II. Сет-Тур и деревня Сен-Люсьен

*Кардинал Жуайез, посетивший Мон-Сен-Мишель.

Ален, вампир и слуга господина де Клермона

Филипп де Клермон, вампир и владелец замка Сет-Тур

Шеф, повар

Катрин, Жанна, Тома́ (м.) и Этьен, слуги
Мари, швея
Андре Шампье, лионский колдун

Часть III. Лондон. Блэкфрайерс

* Роберт Холи, сапожник
* Маргарет Холи, его жена
* Мэри Сидни, графиня Пемброк
Джоан, ее горничная
* Николас Хиллиард, портретист
Мастер Прайор, пекарь
* Ричард Филд, печатник
* Жаклин Вотроллье-Филд, его жена
* Джон Чандлер, владелец аптеки около Барбикан-Кросс
Эймен Уголок и Леонард Шордич, вампиры
Отец Хаббард, король лондонских вампиров
Энни Крипта, молодая ведьма, имеющая некоторые способности и мало силы
* Сюзанна Норман, повитуха и ведьма
* Джон и Джеффри Норманы, ее сыновья
Благочестивая Олсоп, воздушная ведьма, живущая близ церкви Сент-Джеймс-Гарликхайт
Кэтрин Стритер, огненная ведьма
Элизабет Джексон, водяная ведьма
Марджори Купер, земляная ведьма
Джек Блэкфрайерс, пронырливый сирота
* Доктор Джон Ди, ученый, владелец обширной библиотеки
* Джейн Ди, его вечно недовольная жена
* Уильям Сесил, лорд Берли, лорд-казначей Англии
* Роберт Деверо, граф Эссекс
* Елизавета I, королева Англии
* Элизабет (Бесс) Трокмортон, фрейлина королевы

Часть IV. Империя. Прага

Каролина и Тереза, вампирши и служанки
* Тадеаш Гаек, врач его величества

* Оттавио Страда, имперский библиотекарь и историк
* Рудольф II, император Священной Римской империи и король Богемии

Фрау Губер (австрийка) и синьорина Росси (итальянка), иностранки, живущие в Мала Стране

* Йорис Хуфнагель, художник
* Эразм Габермель, создатель математических инструментов
* Синьор Мизерони, резчик по драгоценным камням
* Синьор Пасетти, балетмейстер его величества
* Эдвард Келли, демон и алхимик
* Джоанна Келли, его жена, оказавшаяся далеко от родных мест
* Рабби Иегуда Лёв, ученый и мыслитель

Авраам бен Илия Хелмский, колдун, испытывающий трудности

* Давид Ганс, астроном

Герр Фукс, вампир

* Мордехай Майзель, богатый купец из Еврейского города

Лоберо, венгерская овчарка, которую иногда ошибочно принимают за швабру; вероятно, породы комондоров

* Иоганн Писториус, колдун и теолог

Часть V. Лондон. Блэкфрайерс

* Вилем Славата, совсем молодой посол

Луиза де Клермон, вампирша, сестра Мэтью де Клермона

* Мастер Слефорд, пастырь несчастных душ в Бедламе

Стивен Проктор, колдун

Ребекка Уайт, ведьма

Бриджит Уайт, ее дочь

Часть VI. Новый мир. Старый мир

Сара Бишоп, ведьма, тетка Дианы Бишоп

Изабо де Клермон, вампирша, мать Мэтью де Клермона

Софи Норман, демоница

Маргарет Уилсон, ее дочь, ведьма

Остальные персонажи из разных времен

Рима Хаэн, библиотекарь из Севильи
Эмили Метер, ведьма, интимная подруга Сары Бишоп
Марта, домоправительница в замке Изабо де Клермон
Фиби Тейлор, весьма правильная особа, кое-что смыслящая в искусстве
Маркус Уитмор, сын Мэтью де Клермона, вампир
Верен де Клермон, вампирша
Эрнст Нейман, ее муж
Питер Нокс, ведьмак, член Конгрегации
Павел Сковайса, работник библиотеки
* Герберт из Орильяка (департамент Канталь), вампир и союзник Питера Нокса
* Уильям Шекспир, писец и сочинитель разных небылиц, пишущий также и пьесы

Благодарности

Выходу этой книги в свет помогало великое множество людей.

Первые слова благодарности моим неизменно доброжелательным и искренним читательницам: Каре, Фрэн, Джил, Карен, Лизе и Олив. Отдельное спасибо Марджи, которая заявила, что томится от скуки, именно в тот момент, когда я мучилась с последней правкой, и предложила прочесть рукопись своим острым писательским глазом.

Я благодарю моего редактора Кэрол Де Санти. Пока эта книга рождалась, она была настоящей повивальной бабкой и знает (в буквальном смысле), где все собаки зарыты. Спасибо вам, Кэрол, за вашу неизменную готовность пройтись по рукописи остро отточенным карандашом и просто выслушать.

Я благодарю потрясающую команду издательства «Viking», которая владеет алхимическим искусством превращать авторские файлы в прекрасные книги и не перестает меня удивлять своим энтузиазмом и профессионализмом. Выражаю особую благодарность редактору Морин Сагден, чьи орлиные глаза не уступают глазам Августы. Я благодарю всех своих издателей в разных странах за то, что вы делали и делаете, знакомя новых читателей с Дианой и Мэтью.

Сэм Столофф, мой литературный агент из «Frances Goldin Agency», был и остается самым горячим приверженцем моего творчества. Спасибо вам, Сэм, за умение обозначить перспективы и за весь «закулисный» труд, дающий мне возможность писать. Я благодарю моего киноагента Рича Грина из «Creative Artists Agency», ставшего необходимым источником советов и кладезем доброго юмора в самых непростых обстоятельствах.

Я признательна своей помощнице Джилл Хью, которая весь минувший год оберегала мое время и рассудок с неистовством огнедышащего дракона. Без нее я бы не дописала эту книгу, честное слово.

Огромное спасибо Лизе Хальтунен, снова взявшей на себя подготовку книги к печати. И хотя я боюсь, что вряд ли усвою ее грам-

матические премудрости дальше нескольких правил, я вечно благодарна ей за причесывание моей прозы и исправление пунктуации.

Благодарю Патрика Уаймена за подсказки в том, что касается тонкостей средневековой и военной истории. Эти тонкости не раз уводили героев романа и сам сюжет в неожиданном направлении. Если Кэрол знает, где собаки зарыты, то Патрик понимает, как они там очутились. Спасибо вам, Патрик, за то, что позволили мне по-новому увидеть Галлогласса, Мэтью и, прежде всего, Филиппа. Большое спасибо Клеопатре Комненос, отвечавшей на мои вопросы о греческом языке.

Хочу также выразить признательность стрелковому клубу «Roving Archers» из Пасадены. С вашей помощью я поняла, до чего же трудно стрелять из лука в цель. Благодарю Скотта Тиммонса из «Aerial Solutions», познакомившего меня с Фоккером и остальными его красивыми хищниками на калифорнийском курорте. Большое спасибо Эндрю из компьютерного магазина «Apple Store» в Таузенд-Оукс, спасшего автора, ее компьютер и саму книгу от неминуемого краха, угрожавшего случиться в самый ответственный момент писательского процесса.

Эта книга посвящена памяти историка Лейси Болдуина Смита, у которого я училась в аспирантуре. Меня, как и тысячи других его студентов, вдохновляла страстная любовь Смита к истории Англии эпохи Тюдоров. Стоило Смиту заговорить о Генрихе VIII или о его дочери Елизавете I, это всегда воспринималось так, будто наш уважаемый преподаватель только что отобедал с ними. Однажды он дал мне краткий список фактов и попросил представить, как бы я обошлась с ними, если бы писала хронику, жизнеописание святого или средневековый роман. В конце одного из моих рассказов на заданную тему, оказавшегося на редкость кратким, Смит написал: «А дальше что? Вам стоит подумать о написании романа». Возможно, именно тогда были посеяны первые семена моей трилогии о Диане Бишоп.

И наконец (но не в последнюю очередь), я искренне благодарна моим многострадальным родным и друзьям (вы знаете, о ком речь!), которые почти не видели меня во время моего перемещения в 1590 год и радовались моему возвращению в нашу эпоху.

Содержание

Часть I. Вудсток. Олд-Лодж 7
Часть II. Сет-Тур и деревня Сен-Люсьен 121
Часть III. Лондон. Блэкфрайерс 257
Часть VI. Империя. Прага 481
Часть V. Лондон. Блэкфрайерс 607
Часть VI. Новый мир, старый мир 707

Действующие лица 728
Благодарности 732

Харкнесс Д.

Х 21 Тень ночи : роман / Дебора Харкнесс ; пер. с англ. И. Иванова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 736 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-13807-0

В поисках заколдованной алхимической рукописи Диана Бишоп, историк из Оксфорда и наследница ведьм, вместе с Мэтью Клермоном, вампиром, переносится из XXI века в Лондон 1590 года, где попадает в мир алхимии и магии и знакомится со старыми друзьями Мэтью из мистической Школы ночи. Именно в старом Лондоне предстоит найти ведьму, которая научит Диану управлять своими наследственными способностями, а Мэтью вынужден противостоять собственному прошлому, которое, как ему казалось, осталось позади. К тому же они оказываются втянутыми в битву сверхъестественных сил, развернувшуюся вокруг таинственного манускрипта «Ашмол-782».

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДЕБОРА ХАРКНЕСС

ТЕНЬ НОЧИ

Ответственный редактор Ольга Рейнгеверц
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Светлана Федорова, Лариса Ершова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 06.02.2019 Формат издания 60 × 90 $^{1}/_{16}$.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 46. Заказ № 1316/19.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.): 16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

thebigbook

Дебора Харкнесс — американский писатель, историк и знаток вина. Известность ей принесла трилогия о ведьмах, первая же книга которой стала бестселлером. Харкнесс — профессор истории в Университете Южной Калифорнии, ее научные интересы лежат в области истории науки и медицины от Античности до наших дней, она считается специалистом по периоду Средневековья XV–XVII веков. «Открытие ведьм» — первый роман трилогии, однако Дебора Харкнесс сначала написала конец третьего романа, чтобы, по ее словам, точно знать, к чему она хочет прийти в финале, и не отклоняться от этой идеи во время работы над первыми двумя книгами.
В сентябре 2018 года вышел сериал «Открытие ведьм», снятый британской телекомпанией «Bad Wolf Production». Главные роли исполняют Тереза Палмер («По соображениям совести») и Мэттью Гуд («Аббатство Даунтон», «Игра в имитацию», «Корона»).

Мы не можем просто похвалить роман Харкнесс. Это потрясающе! Факты и вымысел, история и настоящее, нежные ухаживания и бурные приступы гнева, понимание собственной личности и потеря своего я — все это проникает в ваше сердце и питает ваш разум...

The Truth About Books

Cover art: (front, top to bottom) © Bridgeman images/FOTODOM.RU;
© London Metropolitan Archives, City of London. Spine art: © Bridgeman images/FOTODOM.RU
Cover design by Tal Goretsky

ISBN 978-5-389-13807-0 02
9 785389 138070
www.azbooka.ru

thebigbook

ТЕНЬ НОЧИ

ДЕБОРА ХАРКНЕСС